ПЯТЬДЕСЯТЪ ПЕРВЫЙ ГОДЪ

РУССКІЙ АРХИВЪ

1913

7

стр.

5. Письмо архимандрита **Фотія** къ леди **Портеръ**.
7. Изъ архива **Н. О. Кутлубицкого.** (**Аракчеевъ**-влюбленный) Сообщ. **И. Бр-ій.**
17. О состояніи и измѣненіяхъ высшаго мѣстнаго управленія восточной Сибири съ 1822 по 1887 годъ. Историко-юридическій очеркъ **В. Крыжановскаго.**
26. Волынь и ея историческіе дѣятели отъ Владиміра Святого до Богдана Хмельницкаго. Очеркъ **Н. П. Шадурскаго.**
46. Письма **Н. Грекова** къ **Ѳ. А. Кони.** Сообщено **А. Ѳ. Кони.**
52. Воспоминанія **А. К. Лелонгъ.**
104. Синодальное воззваніе. Статья **П. Юдина.**
109. Переписка **Кристина** съ княжной **Туркестановой.**
123. Подготовка **Наполеона** къ войнѣ 1812 года, по мемуарамъ канцлера **Пакье.** Замѣтка **С. Фарфоровскаго.**
126. **И. Г. Наумовичъ.** Статья **Ѳ. Ѳ. Аристова.**
Внутри обложки. О книгахъ—Сочиненія М. Д. Чулкова; «Печатный Московскій дворъ въ первой половинѣ XVII вѣка». А. А. Покровскаго; «Ближній Востокъ и славянство» П. Р. Овсянаго; Отчетъ о дѣятельности Нижегородск. Уч. Арх. Комиссіи за 1912 годъ; Дѣйствія Нижегор. Уч. Арх. Комиссіи: Сборникъ XV, выпуски I и II.

МОСКВА
Синодальная Типографія
1913

Библиотека "Руниверс"

Сочиненія Михаила Дмитріевича ЧУЛКОВА. Томъ I. Собраніе разныхъ пѣсенъ. Части I, II и III съ Прибавленіемъ 1770—1773 годовъ. Изданіе Отдѣленія русскаго языка и словесности Имп. Академіи Наукъ Спб. 1913. Ц. 2 р. 50 к.

Наша Академія наукъ предприняла, подъ редакціею г. Симони, изданіе трудовъ давно забытаго дѣятеля XVIII в. М. Д. Чулкова. Передъ нами—три первыхъ части такъ называемаго Чулковскаго пѣсенника, экземпляры которыхъ, хотя и большая библіографическая рѣдкость, но все же дошли до насъ. Въ ближайшемъ томѣ, такъ какъ четвертая часть этого пѣсенника извѣстна лишь по библіографическимъ указаніямъ, вмѣсто нея будутъ перепечатаны четвертая, пятая и шестая части такъ наз. Новиковскаго пѣсенника. Слѣдующіе томы должны заключать въ себѣ „Русскія сказки", „Миѳологическій лексиконъ", „Словарь русскихъ суевѣрій" и др. сборники и произведенія Чулкова. Къ настоящему тому приложенъ снимокъ съ портрета Чулкова.

А.

А. А. ПОКРОВСКІЙ. Печатный Московскій дворъ въ первой половинѣ XVII вѣка. М. 1913.

Свѣдѣнія о московской типографіи до 1620 г. скудны и отрывочны. Зато съ этого года исторія ея становится ясной и точной. Причина—простая: архивъ типографіи съ 1620 г. до нашихъ дней сохранился въ достаточной полнотѣ и въ порядкѣ. Пользуясь документам и типографскаго архива г. Покровскій сообщаетъ разнообразныя свѣдѣнія о типографіи—объ управленіи печатнымъ дворомъ, о справщикахъ, наборщикахъ и другихъ работникахъ, о вознагражденіи, о шрифтахъ, бумагѣ, переплетахъ, цѣнахъ на книги и т. п.

С.

Н. Р. ОВСЯНЫЙ. Ближній Востокъ и Славянство. Сборникъ статей. Спб. 1913. Ц. 1 р. 25 к.

Недавно (3 мая) скончавшійся ген-лейт. Овсяной собралъ въ своемъ сборникѣ отчасти изданныя, отчасти еще не изданныя статьи свои по новѣйшей исторіи южнаго славянства. Между прочимъ, помѣщены статьи объ „устроителяхъ" Болгаріи 1877—1879 гг.—кн. В. А. Черкасскомъ, кн. А. М. Дондуковѣ-Корсаковѣ и А. Д. Столыпинѣ, объ М. Г. Черняевѣ и его дѣятельности съ сербско-турецкую войну 1876 г., о военныхъ дѣйствіяхъ русскихъ и черногорцевъ противъ французовъ на Адріатическомъ морѣ и побережьѣ въ 1806—1813 гг. Авторъ—искусный популяризаторъ накопившагося печатнаго матеріала. **С.**

Отчетъ о дѣятельности Нижегородской Ученой Архивной Комиссіи за двадцать пятый годъ ея существованія съ 22 октября 1911 г. по 22 октября 1912 года.—Личный составъ комиссіи.—Нижній-Новгородъ. 1913. Стр. 30. Цѣна не обозначена.

Въ отчетномъ году нижегородская ученая Архивная комиссія имѣла 12 засѣданій, которыя всѣ были пріурочены „историческимъ днямъ", какъ напримѣръ: „сдача приверженца Тушинскаго вора Вяземскаго Алябьеву", „75-лѣтіе со дня смерти Пушкина" и т. д. Доклады были читаны гг. Алелековымъ (2), Вишневскимъ, Гачинскимъ (3), Гастевымъ, Днѣпровскимъ, Драницынымъ (10), Звѣздинымъ (2), Іорданскимъ, Кабановымъ (3), Коневымъ, Лазаревскимъ, Левитскимъ, Малининымъ, Парійскимъ (10), Ржигой (4), Садовскимъ (2), Савельевымъ, Сташевскимъ, Чешихинымъ (4), Фурдуевымъ. Всего было сдѣлано пятьдесятъ два доклада, не считая таковыхъ же по текущимъ вопросамъ.

Подъ наблюденіемъ Комиссіи было записано 25000 архивныхъ дѣлъ.

Библиотека "Руниверс"

РУССКІЙ АРХИВЪ

ГОДЪ ПЯТЬДЕСЯТЪ ПЕРВЫЙ

1913

II

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

РУССКІЙ АРХИВЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

Петромъ Бартеневымъ (младшимъ)

„Да вѣдаютъ потомки православныхъ
„Земли родной минувшую судьбу".

Пушкинъ

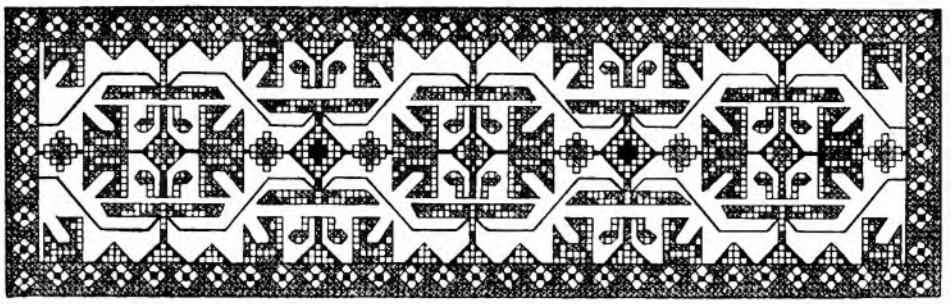
1913

КНИГА ВТОРАЯ

МОСКВА
Синодальная Типографія
1913

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"



ПИСЬМО АРХИМАНДРИТА ФОТІЯ КЪ ЛЕДИ ПОРТЕРЪ*)

Кроткая и благочестивая Марія! миръ тебѣ. Спасибо. Получилъ я твою дорогую грамотку, изъ коей вижу, что истинно ты боишься Господа Бога, и чтишь его рабовъ. Я въ твоей грамоткѣ, какъ въ чистомъ зеркалѣ вижу твою доброту, твое благочестіе, твою вѣру правую, твое усердіе къ ученію Евангельскому, и жажду зрю въ тебѣ какъ бы то ни было, но точію получить спасеніе и животъ вѣчный. Да поможетъ тебѣ Господь, Марія, во всѣхъ твоихъ желаніяхъ, намѣреніяхъ, и дѣлахъ благихъ. Изо всего я видѣлъ и вижду твое благочестіе. Господь съ тобой. Частое пріобщеніе Святыхъ Таинъ Христовыхъ есть знакъ горячей твоей любви къ Христу. Знаешь ли, какой чести сподоблялись всѣ тѣ, кто часто пріобщались Св. Таинъ тѣла и крови Христовой? Сказалъ Господь: ядый Мою плоть и піяй Мою кровь, во Мнѣ пребываетъ, и Азъ въ немъ: то есть, кто ѣстъ Святое Тѣло Христово, въ тѣлѣ того тѣломъ Святымъ живетъ Христосъ, и свято бываетъ тѣло того и свято бываетъ кровь, и Духа Святого благодати удостоятся, кому подается пріобщеніе! *Святая Святымъ!* О блаженны тѣ уста, кои прикасались Святымъ Тайнамъ. О блаженъ тотъ весь человѣкъ, который приступаетъ къ Святынѣ тѣла и крови Христовой: Вѣрно кто неосвящается, тотъ не пріобщается Святыхъ Таинъ.

Поминай, Марія наставленія твоего раба, глаголившаго тебѣ слово и дѣло Божіе. Господь тебя помянетъ въ царствіи Своемъ.

Я тебя поминаю передъ Господомъ, яко и дщерь мою въ Духѣ Святѣ. Я радуюсь, что ты на правый путь, на путь спасенія вступаешь. О! блаженны сосцы тебя млекомъ питавшіе: ублажаю (?) я всѣхъ тѣхъ, кои со млекомъ тѣлеснымъ и млеко Христова ученія

*) Рожденная кн. Мещерская П. Б. (младшій).

Библиотека "Руниверс"

подаютъ чадомъ своимъ. Чаю что и юная твоя дщерь Марія угодна будетъ Господеви. Я видѣлъ въ ней ангельскую невинность. О! Господи. Сохрани младенцевъ твоихъ и спаси и помилуй ихъ.

Спасибо. Спасибо, о всечестная Марія: Господь недалеко: ищи Царствія: работай и въ тайнѣ и явно Господу и въ чистотѣ и въ святынѣ творя все, что есть угодно Господу. Миръ тебѣ и благословеніе. Помни твоего мужа. Спаси его Христе Боже. Аминь.

Фотій.

P. S. Духовной дщери моей Аннѣ*) до земли поклонись, яко дѣвицѣ во всякой правдѣ, святости живущей. Свята она дѣвица Господу и душею и тѣломъ: Господь ее яко невѣсту свою, чисту и нескверну сохранилъ и сохранитъ Своею благодатію. Слава Богу, что есть еще такіе сосуды святыя и въ слабомъ женскомъ полѣ. Господь съ нею и со всѣми.

К. Ал. Ник. истинно Господа ищетъ и спасенія желаетъ. Я подобнаго ему и въ духовныхъ еще едва ли знаю: горячо Христа любитъ и примѣръ есть добродѣтели и мудрости и разума. Христосъ съ нимъ.

*) Графиня Орлова. П. Б. (младшій).

Библиотека "Руниверс"

ИЗЪ АРХИВА Н. О. КУТЛУБИЦКАГО

Аракчеевъ—влюбленный.

Въ біографической замѣткѣ о Кутлубицкомъ (Русск. Арх. 1913 г. №№ 3—5) нами было между прочимъ сообщено, что графъ Аракчеевъ имѣлъ виды на Авдотью Савельевну Ваксель, которая считалась уже невѣстой Николая Осиповича. Это словесное преданіе мы однако не могли подкрѣпить современными тѣмъ событіямъ письмами и считали таковыя утерянными.

Случай помогъ найти на одномъ изъ чердаковъ небольшой сундучекъ, окованный желѣзомъ, въ которомъ вмѣстѣ съ разными „сантиманами", сувенирами, прядями волосъ и другими дорогими воспоминаніями покойнаго сподвижника Павла оказались и письма Авдотьи Савельевны къ своему жениху. Судя по номераціи этихъ писемъ, вѣрнѣе записочекъ (числомъ до 60), сдѣланной самимъ Кутлубицкимъ, нѣкоторыя изъ нихъ, быть можетъ наиболѣе для насъ любопытныя, уже изъяты кѣмъ то изъ потомковъ, но и въ томъ, что уцѣлѣло, заключаются нѣкоторыя свѣдѣнія объ Аракчеевѣ—влюбленномъ, подтверждающія словесное преданіе.

Приводимъ здѣсь въ подлинникахъ тѣ изъ нихъ, въ которыхъ упоминается объ Аракчеевѣ. Всѣ эти записочки написаны въ 1798 году (Іюнь-Августъ) и адресованы „Милостивому Государю Николаю Осиповичу Кутлубицкому—*Коменданту въ Петергофѣ*", что между прочимъ указываетъ, что сообщеніе наше объ удаленіи Кутлубицкаго отъ Двора съ Октября 1798 г. *по Августъ 1800 г.* является ошибочнымъ, ибо въ дѣйствительности за этотъ періодъ времени Николай

Библиотека "Руниверс"

Осиповичъ снова бывалъ при Императорѣ Комендантомъ и въ Петергофѣ и въ Гатчинѣ.

„Я думала, милый Николушка, что ты опишешь мнѣ что нибудь, но пріѣхавши съ матушкой изъ гостиннаго двора узнала, что ты ничего не присылалъ и самъ не заѣзжалъ. Очень я боюсь,—что съ тобой случилось? А я право не виновата, что матушка моя съ тобой такъ нехорошо поступаетъ. Если бы ты зналъ, какъ это мнѣ больно самой, но ты не сердись, а пожалѣй лучше о своемъ другѣ, которую сегодня въ угодность Аракчееву тащутъ какъ жертву къ дядюшкѣ Алексѣю Ивановичу. [1])

„Проклятый графъ нарочно просилъ дядюшку, чтобъ меня непремѣнно бы севодни на показъ ему привезли. Если бы ты зналъ, досадно и больно, но велятъ ѣхать. . . а оттуда тотчасъ послѣ обѣда поѣдемъ къ дядѣ Ивану Ивановичу. У него Никитушка именинникъ, и будетъ балъ . . . Опять я тебя не увижу и потому *горюшекъ* твой очень печаленъ и горько плачетъ.

Твой вѣрный другъ Дунюшка".

---

3 Іюля 1799 г.

„Благодарю тебя, любезный мой Николушка, за фрукты и за письмо, что мнѣ Мих. Петр. передалъ. Не сердись, что въ субботу не отвѣчала, никакъ не можно было. Были мы у дядюшки Алексѣя Ивановича, и тамъ видѣла я наконецъ графа, который пребольшіе мнѣ дѣлалъ комплименты за время обѣда и говорилъ, что какъ ты ему всегда за друга считался, то онъ надѣется о милостивомъ моемъ и къ нему расположеніи. Какой онъ гадкій и гнусный! Какая мерзкая и подлая у него рожа! Онъ мнѣ очень не понравился. А ты лѣнивъ сталъ писать, какъ вамъ не стыдно на вершкѣ бумажки мнѣ писать? Хотѣла бы я знать, кто это васъ въ Петергофѣ такъ занимаетъ, что и времени больше писать ко мнѣ не имѣете. Прощай лѣнивецъ. Теперь уже не цѣлую Васъ, а больно, очень больно деру уши.

„P. S. Отпиши ради Бога, долго ли Государь пробудетъ въ проклятомъ Петергофѣ. Брату Николаю [2]) кланяйся.

Твоя Дунюшка".

---

[1]) Алексѣй Ивановичъ Корсаковъ, Генералъ отъ Артиллеріи, Сенаторъ, Членъ Военной Коллегіи—братъ матери Авдотьи Савельевны.

[2]) Николай Савельевичъ Ваксель.

Библиотека "Руниверс"

„Не сердись на меня, милый другъ, если я тебя вчерашней запиской огорчила. Если бы ты зналъ, какъ мнѣ самой досадно, что меня къ подлецу Аракчееву тащутъ на показъ, и что я не увижу тебя. Постарайся быть вечеромъ у дядюшки Ив. Ив. Очень скушно мнѣ тамъ безъ тебя будетъ".

„Я ни на что больше не сержусь, какъ только на то, что Вы съ Наумовымъ прислали мнѣ записку. Какъ можно быть столь неосторожнымъ! Не пеняйте теперь на меня—Вы сами принуждаете меня прервать съ Вами мою переписку. Вы доказываете своимъ поступкомъ, что репутація моя Вамъ ни мало не дорога. Почему вы удостовѣрены, что сей молодой человѣкъ молчать будетъ? Или Вы сами хотите, чтобы надо мной смѣялись. Прощайте, сударь. Я на Васъ не сердита, но писать Вамъ больше не буду. Никто однако больше Вамъ добра не желалъ, какъ покорная къ услугамъ Вашимъ Авд. Ваксель".

Къ этому строгому письмецу сдѣлана приписка другой рукой:

4-го Іюля 1799 года. Петербургъ.

„Я Васъ, Милостивый Государь Николай Осиповичъ, имѣю честь увѣдомить что Ваша Авдотья Савельевна вчера была на смотру у Графа Аракчеева и заразила его своей красотой до того, что онъ, не могши вытерпѣть, сказалъ, что не удивляется той страсти, которую Вы ощущаете къ Милостивой Государынѣ Авдотьѣ Савельевнѣ, а впрочемъ желаю Вамъ всѣхъ благъ и сладостей человѣческихъ и остаюсь покорная къ услугамъ

Наталія Пальмина".

Ниже приписано Авдотьей Савельевной:

„Не вѣрь ей, Государь мой женихъ, она все вретъ, я у ней и перо вырвала, а то она врала бы до завтрева".

„Твое письмо убѣдило меня, и я больше не сержусь. Надѣюсь, что больше ни съ кѣмъ писать не будешь, какъ только съ своимъ человѣкомъ.

Библиотека "Руниверс"

„Ты хочешь знать, что со мной вчера происходило. Будь спокоенъ; ничего не было, чего бы тебѣ бояться должно: Аракчеевъ въ 3-мъ часу прислалъ сказать, что не можетъ быть сегодня и черезъ письмо къ дядюшкѣ просилъ матушку, чтобы она его извинила, тоже и передо мной великія были извиненія, но быть ему никакъ не можно. Очень я рада, что мерзкой его хари не видала".

---

16 Іюля 1799 г.

„Милый Николушка, очень я рада, что можетъ быть въ скоромъ времени увижу тебя. Дай то Богъ поскорѣе, но я не совѣтую тебѣ пока докладывать Государю о нашей свадьбѣ, потому что у насъ многое важное и нужное не готово. Если ты при томъ въ Гатчинѣ будешь Комендантомъ, то подумай—гдѣ же я останусь? Тамъ такъ тѣсно и безъ этого, а у матушки, я надѣюсь, ты меня не оставишь. Будучи женой твоей, у нея оставаться мнѣ никакъ не возможно. Но я лучше буду думать, что ты не станешь Комендантомъ въ Гатчинѣ, а ежели это случится, то отпросись у Государя хоть на одну недѣлю сюда къ намъ приготовить домъ и упросить матушку къ Сентябрю все покончить".

---

24 Іюля 1799 г.

„Изъ письма твоего опять слышу, что Государь пробудетъ до 28 Іюля въ Петергофѣ. Еще 3 дня ждать мнѣ чтобы тебя увидѣть. Хоть и грустно, а терпѣть надо. Ты не сердись на меня, что я золотой шнурокъ тебѣ на палку сплела. Право я не знала, что тебѣ неможно золотого носить, я тебѣ вскорѣ другой сдѣлаю, а этотъ верните мнѣ назадъ. Я его *другому* подарить намѣрена! Ты меня смѣшишь, что все спрашиваешь, часто ли графъ у насъ безъ тебя бываетъ. Ни разу не былъ. Успокойся, я его только разъ и видѣла. Довольны ли Вы теперь, сударь? Какой Вы ревнивый. Меня ни графъ ни кто другой теперь прельстить не могутъ, я такъ счастлива, что ты меня любишь. А сами Вы какъ? Мнѣ многіе сказываютъ, что Вы въ Петергофѣ *во всѣхъ фрейлинокъ перелюбились*. Это вѣдь очень нехорошо! Право не знаю, вѣрить мнѣ этому или нѣтъ? А о свадьбѣ нашей теперь ничего не скажу больше, и я желаю, чтобъ Государь пробылъ въ Петергофѣ хоть до 1 Августа и прошу Васъ больше мнѣ о свадьбѣ не писать, потому что Вы—*свинья!*"

Библиотека "Руниверс"

(Приписка).

„Благодарю тебя, милый Николушка, что ты такъ *горячо вступился* за дядюшку Алексѣя Ивановича (Корсакова), когда стали у васъ говорить, что онъ дерется съ кадетами. Онъ очень, очень тебѣ благодаренъ и сегодня бывши у насъ очень лестно отзывался о тебѣ и не знаетъ, чѣмъ теперь ему заслужить передъ тобой. Благодарю также за Мих. Петр., который мнѣ все разсказалъ, что ты для него сдѣлалъ“.

„Письмо твое я получила и очень сожалѣю, что до 2 Августа тебя не увижу. Какъ тебѣ на стыдно говорить, что по моему желанію Государь остается въ Петергофѣ до того времени. Неужели же ты не понимаешь, что я пошутила! Хотѣлось бы мнѣ узнать, кто тебѣ сказалъ, что Аракчеевъ у насъ 5 разъ былъ. Ежели можно, то скажи; а вотъ что ты самъ во фрейлинъ влюбляешься, то меня дядюшка Алексѣй Ивановичъ вѣчно этимъ дразнить.....

„Что до свадьбы нашей, то все пустое. Ты говоришь: въ недѣлю никакъ не возможно все окончить. Отпросись у Государя на 3 недѣли, это дѣло другое, я тогда согласна ѣхать съ тобой въ Гатчино. Это мое послѣднее слово и я имѣю важныя причины такъ поступать. И такъ если хочешь, чтобъ я съ тобой была въ Гатчинѣ, то еще разъ говорю тебѣ, отпросись на 3 недѣли, Государь вѣрно тебѣ не откажетъ. Прости. Жду тебя въ воскресенье“.

„Благодарю тебя, милый мой Николушка, за все, что ты мнѣ прислалъ—ты меня такъ совсѣмъ избалуешь. Пряниковъ матушкѣ я не смѣла передать, оставила до твоего пріѣзда,—ты ихъ ей самъ отдашь. Пріѣзжай сегодня къ дядюшкѣ Алексѣю Ивановичу обѣдать, причешись и одѣнься ради Бога по всей формѣ и пріѣзжай, потѣшь меня! Аракчеева тамъ сегодня не будетъ, онъ проклятый уѣхалъ въ Павловскъ. Мнѣ надо съ тобой о многомъ переговорить“.

---

31 Іюля 1799 г.

„Получила письмо твое, милый другъ Николушка, и очень рада, что Мих. Петр. засталъ тебя въ добромъ здоровьѣ. Онъ мнѣ пересказывалъ, какъ ты скоро одѣвался и кричалъ на камердинера

Библиотека "Руниверс"

своего: „Ну, ну! Чтожъ до завтра! Ну!“ Очень хорошо, душа моя, что все еще старая у тебя привычка. О себѣ скажу, что ѣдемъ обѣдать на дачу къ Путятиной, гдѣ цѣлый день пробудемъ. Привези мнѣ въ понедѣльникъ вишенъ, персиковъ и арбузъ въ 3 охвата, вточь такой, какъ видѣлъ у тебя Мих. Петр. на столѣ въ Петергофѣ“.

„ . . . . . Если бы ты зналъ, что съ твоими фруктами матушка дѣлаетъ! Всякій разъ черезъ дядюшку Алексѣя Ивановича она ихъ къ графу посылаетъ, къ проклятому Аракчееву. Онъ ими по большей части одинъ и пользуется! Прости, милый, будь здоровъ. Цѣлую тебя въ мысляхъ. Когда то увижу я тебя, бѣднаго моего *горошка!*“

Приписка Наталіи Ив. Пальминой:

„При семъ и я Вамъ, Милостивый Государь Николай Осиповичъ, свидѣтельствую мое почтеніе и увѣдомляю, что мы Ваши прекрасные фрукты съ Авдотьей Савельевной *имѣли честь понюхать*, (а поѣлъ ихъ всѣ г. Аракчеевъ).....“

„Тебѣ сегодня обо мнѣ *слово дадутъ, но хотятъ непремѣнно, чтобы ты уѣхалъ на инспекцію!* Ради Бога отговорись. Если тебя выключатъ за это со службы, я къ тебѣ все та же останусь! Я все понимаю, что это значитъ: тебя отправляютъ на годъ, быть можетъ на 2, а меня бѣдную межъ тѣмъ выдадутъ за Аракчеева, который на дняхъ хочетъ опять быть къ намъ обѣдать.

„Сжалься надо мной, не составь моего несчастья. Не ѣзди!...

„Если бы ты зналъ, какъ я боюсь, что матушка моя тебя уговоритъ послушаться и ѣхать на инспекцію. Что же со мной тогда будетъ? Какъ это перенести? Я сегодня цѣлый день плачу. Ради Бога не ѣзди—хоть бы выключили тебя со службы, я та же къ тебѣ останусь. Не оставляй меня. Со слезами прошу—не ѣзди“!

„N.B. Бабушка пишетъ къ матушкѣ, чтобъ какъ можно скорѣе назначить нашу свадьбу. Если же матушка тебѣ откажетъ, то она на нее сильно разсердится“.

Библиотека "Руниверс"

„Пріѣзжай сегодня къ намъ обѣдать. Дядюшка тоже будетъ. Прошу тебя (для нашей пользы), *не давай ему знать, что ты знаешь о предложеніи Аракчеева*, ты только скажи ему, что ты боишься, чтобъ тебя далѣе Москвы не прослали и задержать тебя вмѣсто мѣсяца годъ, либо два. Ты можешь ему и то сказать, что тебѣ скушно со мной разставаться. Если ты меня любишь, то упроси дядюшку, чтобъ на твое мѣсто послали другого и чтобъ тебѣ за это худо не было.

„Если же тебя выключатъ, то я та же къ тебѣ останусь, а матушка моя вчера Аннѣ Петровнѣ сказала, что ежели съ тобой что будетъ, то она навѣрно тебѣ откажетъ. Проси же дядюшку, чтобъ онъ упросилъ Аракчеева".

„Благодарю тебя за записочку. Опять тебя сегодня не увижу. Очень мнѣ скушно, а еще досаднѣе, ежели Аракчеевъ тамъ будетъ. О какъ несносно мнѣ видѣть этого бездѣльника! Ежели дядюшка станетъ у меня спрашивать про тебя, я скажу ему, что ты боленъ, и сама переговорю о твоей поѣздкѣ. Буду просить со слезами, чтобъ онъ упросилъ мерзкаго Аракчеева послать другово. Ты не хотѣлъ меня въ этомъ слушать, то теперь мнѣ должно самой за тебя просить. Какъ мнѣ досадно, что ты такой упрямый...."

„Отпиши мнѣ, какой ты получилъ отвѣтъ отъ Аракчеева? Если бы ты зналъ, какъ я безпокоюсь".

„Очень сожалѣю, что и сегодня съ тобой не видалась. Хотѣли меня дома оставить, но вдругъ закапризничала матушка и въ минуту приказала одѣваться и ѣхать съ ней къ Шишковой. Пріѣзжай завтра, очень скушно, что тебя не вижу. Посылаю эту записочку черезъ секретаря графа (Ростопчина), почтоваго офицера Чулкова. Не знаю какъ тебѣ писать, ты человѣка своего изъ Петергофа не присылаешь. Увѣдомь меня, присылалъ ли тебѣ Булыгинъ[1]) князя (?). Вели ему твой портретъ поскорѣе дописать. Очень рада я, что паршивому Аракчееву пришлось такъ худо![2]) Однако не надобно радоваться несщастью дру-

---

[1]) Вр. Командующій Гвардейской Артиллеріей.

[2]) Что случилось съ Аракчеевымъ—изъ переписки не видно.

Библиотека "Руниверс"

гихъ, а больше сожалѣть—я увѣрена, что и ты со мной объ этомъ однихъ мыслей".

Окончанія этой переписки къ сожалѣнію въ ящикѣ не оказалось. Изъ другихъ же источниковъ видно, что Николай Осиповичъ ѣздилъ въ 1799 году на инспекцію артиллерійскихъ баталіоновъ въ Батуринъ, но въ какихъ мѣсяцахъ это было,—мы установить не имѣемъ данныхъ.

17 Августа того же года Кутлубицкій женился на Авдотьѣ Савельевнѣ, а Аракчееву съ тѣхъ поръ не повезло у Государя. 1 Октября онъ былъ уже совсѣмъ отставленъ отъ службы, и Павелъ *черезъ Кутлубицкаго* приказалъ ему удалиться изъ Дворца, куда Аракчеевъ явился, не зная еще объ участи, его ожидавшей.

Хотя и не имѣется прямыхъ, письменныхъ къ тому доказательствъ, но мы полагаемъ, что между началомъ опалы Аракчеева и сватовствомъ Кутлубицкаго имѣется нѣкоторая причинная связь, которая между прочимъ даетъ разъясненіе одному изъ разсказовъ Ханенки, помѣщенномъ въ Рус. Арх. 66 г. (стр. 1326, 1327), гдѣ было указано, что И. П. Кутайсовъ, оскорбленный однажды (въ 1799 г.) перемѣной къ нему отношеній Аракчеева, „задумалъ погубить его и *орудіемъ для этого избралъ Кут-го*, никогда искренно не расположеннаго къ Аракчееву..."

Однако изъ біографическихъ свѣдѣній о Кутлубицкомъ, равно какъ и изъ послѣдней записки легко усмотрѣть, что Николай Осиповичъ вообще не былъ способенъ на отомщеніе, почему и далъ Государю свѣдѣнія объ Аракчеевѣ, совершенно обратныя тѣмъ, что ожидалъ отъ него Кутайсовъ. (Относительно постройки дома въ Грузинѣ артиллерійскими солдатами).

Это еще болѣе подняло Кутлубицкаго въ глазахъ Императора, хорошо освѣдомленнаго объ ихъ распрѣ, при чемъ и самъ Аракчеевъ не могъ не оцѣнить дѣйствій Кутлубицкаго и считалъ себя всегда ему обязаннымъ съ этихъ поръ.

Матушка Авдотьи Савельевны, повидимому особа тонкая и практичная, считала болѣе выгоднымъ отдать дочь свою за графа Аракчеева, потому и не сочувствовала сватовству Николая Осиповича.

Библиотека "Руниверс"

Это видно между прочимъ и изъ слѣдующей записки Авд. Сав. къ своему жениху:

„Письмо къ тебѣ вчера твой Кузьма съ фельдьегеремъ отправилъ. Не безпокойся, милый мой, но я очень разсержена и прошу тебя никогда къ матушкѣ не писать, потому что послѣднее письмо твое она всюду возила и какъ надъ шутомъ какимъ нибудь надъ тобой смѣялась, что мнѣ очень больно и прискорбно, то и прошу тебя къ ней никогда не писать. Она въ письмахъ своихъ къ тебѣ лясы точитъ только затѣмъ, чтобъ ты ей повыгоднѣе домъ продалъ, да доктору ея ленту у Государя выпросилъ, а за глаза надъ тобой смѣется, письмо твое всѣмъ показываетъ и говоритъ: „Вотъ какой прекрасный выборъ моей дочери!“ Я давно терпѣла, а теперь изъ терпѣнія вышла и рѣшилась о томъ тебя увѣдомить“.....

Самое письмо Анны Ивановны Вакселевой къ Кутлубицкому заслуживаетъ быть также здѣсь помѣщеннымъ, такъ какъ и оно сохранено Ник. Осип. рядомъ съ запиской Авд. Сав. и живо рисуетъ взгляды своенравной маменьки того времени.

„Милостивый Государь

„Николай Осиповичъ.

„Благодарю Васъ за пріятное ко мнѣ письмо Ваше, извѣщающее о скоромъ пріѣздѣ сына моего, что меня несказанно утѣшаетъ, равно благодарю Васъ, что Вы стараетесь по сей части меня успокоить.

„Теперь буду говорить Вамъ объ Андреѣ Гавриловичѣ. Онъ много Васъ благодаритъ за принятый трудъ объясненія о немъ графу (Ростопчину), но вотъ что его и меня удивляетъ: это что Вы полагаете невозможнымъ его къ украшенію знаковъ! Это было при блаженной памяти Государынѣ—остановленіе возвышенія чиновъ медикамъ, а по восшествіи Государя на престолъ все это разрѣшилось. *Почему же можно возложить знаки украшенія на какого ни есть мастера судовъ:* какъ то напримѣръ недавно случилось съ небольшимъ чиномъ—майоромъ Сарачевымъ. Почему же Андрей Гавриловичъ, сей почтеннѣйшій мужъ, который *60 лѣтъ служитъ отечеству* съ важнѣйшими пользами и по чину своему и по заслугамъ, остался достоинъ украшенія не болѣе какъ на шею? Удивительно, если Вамъ было со стороны графа (Ростопчина) сдѣлано такое отношеніе; но я надѣюсь, что Вы, любя Андрея Гавриловича, постараетесь его утѣшить и вновь, не въ долгое

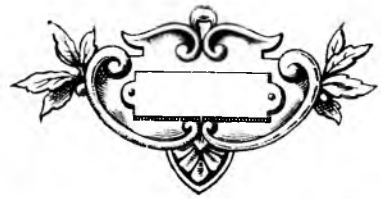
Библиотека "Руниверс"

время объясните графу вточности его труды къ отечеству и заслуги передъ Монархами".

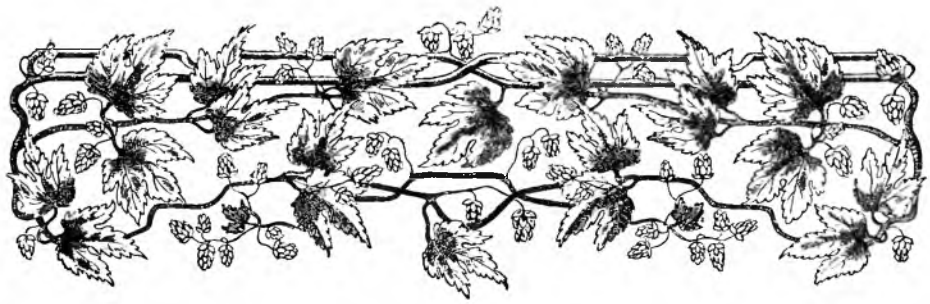
Получилъ ли 90-лѣтній медикъ Андрей Гавриловичъ послѣ новыхъ „разъясненій" ленту, того не извѣстно, тѣмъ болѣе, что до насъ не дошла и фамилія сего почтеннаго мужа, но Анна Ивановна Вакселева сообразовалась съ ясно выразившимися къ тому времени симпатіей и антипатіей Императора (Кутлубицкій—Аракчеевъ) и, отказавшись отъ затѣяннаго ею плана—видѣть свою дочь графиней Аракчеевой, выдала ее наконецъ за Николая Осиповича.

Благодаря этому стеченію обстоятельствъ скромное имя Авдотьи Савельевны, затерявшись въ семейныхъ архивахъ, осталось не записаннымъ на скрижали отечественной исторіи, и уступило мѣсто другому болѣе громкому: *Настасьи Минкиной*, которая не забудется со временъ послѣдующаго царствованія вмѣстѣ съ именемъ Графа Алексѣя Андреевича.

Сообщилъ **И. Бр-ій.**



Библиотека "Руниверс"



О состояніи и измѣненіяхъ высшаго мѣстнаго управленія восточной Сибири съ 1822 по 1887 годъ

(Историко—юридическій очеркъ).

I.

Именнымъ Высочайшимъ Указомъ, отъ 26-го января 1822 года*), даннымъ Сенату было положено начало раздѣленію Сибирскихъ губерній и образованію двухъ Главныхъ Управленій: западно-сибирскаго и восточно-сибирскаго,—съ тѣмъ чтобы Главное Управленіе въ каждой части Сибири было ввѣрено Генералъ-Губернатору. „Признавъ нужнымъ, читаемъ мы въ этомъ указѣ, управленіе Сибирскихъ губерній учредить на правилахъ, отдаленности сего края, пространству его и роду населенія свойственнымъ, поручили Мы Сибирскому Генералъ-Губернатору Тайному Совѣтнику Сперанскому, обозрѣвъ сіи губерніи, собрать на мѣстѣ подробныя о положеніи ихъ свѣдѣнія и основавъ на сихъ свѣдѣніяхъ мѣры къ лучшему ихъ устройству, представить оныя къ Нашему усмотрѣнію. Разсмотрѣвъ представленныя намъ вслѣдствіе сего предположенія, и сообразивъ оныя съ заключеніями Комитета, коему подробное ихъ разсмотрѣніе было ввѣрено, Мы находимъ, что предположенія сіи, бывъ основаны на точномъ познаніи мѣстныхъ обстоятельствъ, содержатъ въ себѣ порядокъ управленія, краю сему наиболѣе свойственный и намѣреніямъ Нашимъ ко благу его сообразный“. И вотъ, какъ дальнѣйшее осуществленіе Высочайшей воли и завершеніе предпринятой реформы, явившейся слѣдствіемъ обнаруженныхъ Генералъ-Губернаторомъ Графомъ Сперанскимъ въ 1819—20 гг. безпорядковъ и злоупотребленій во многихъ сибирскихъ установленіяхъ, появ-

*) Пол. соб. Зак. Рос. Имп. т. XXXVIII, № 28892, изд. 1830 г.

Библиотека "Руниверс"

ляется 22 іюня 1822 года самое „Учрежденіе для управленія Сибирскихъ губерній“ *), коему суждено было быть главнымъ мѣстнымъ кодексомъ въ теченіи многихъ десятковъ лѣтъ. Названнымъ „Учрежденіемъ“ было окончательно закрѣплено раздѣленіе Сибири и открыто высшее въ здѣшнемъ краѣ Главное Управленіе, состоящее изъ Генералъ-Губернатора и Совѣта. Совѣтники Главнаго Управленія, согласно параграфу 14-му „Учрежденія“, должны быть опредѣляемы Высочайшими Указами, причемъ три изъ нихъ „опредѣляются, яко производители дѣлъ, по представленію Генералъ-Губернатора“ и три по представленію Министерства. Въ Совѣтъ, по мѣрѣ надобности приглашались для участія въ совѣщаніяхъ: Бригадный Начальникъ Внутренней Стражи; Окружный Начальникъ Путей Сообщенія, Гражданскій Губернаторъ, Предсѣдатели Губернскаго Правленія, Казенной палаты и Губернскаго Суда, Почтъ-Директоръ и имъ подобные Начальники разныхъ особенныхъ частей, въ составъ Губернскаго Управленія не входящихъ. Предметы и объемъ власти Генералъ-Губернатора и Совѣта представляются въ слѣющемъ видѣ. Непосредственному дѣйствію Генералъ-Губернатора принадлежатъ: 1) побужденіе къ надлежащему производству дѣлъ въ подчиненныхъ генералъ-губернаторской власти правительственныхъ установленіяхъ; 2) общія и частныя ревизіи, производимыя или непосредственно, или черезъ чиновниковъ; 3) составленіе цѣлыхъ слѣдственныхъ коммиссій; 4) опредѣленіе и увольненіе чиновниковъ; 5) усиленіе, въ случаѣ необходимости, личнаго состава въ подвѣдомственныхъ учрежденіяхъ и 6) представленіе къ наградамъ (§ 19 Учр.) Предварительному же разсмотрѣнію въ Совѣтѣ Главнаго Управленія подвергались дѣла: 1) о ежегодныхъ отчетахъ по Губернскому Управленію; 2) разсмотрѣніе данныхъ, добытыхъ путемъ частныхъ обозрѣній, ревизій и слѣдствій, равно вытекающія отсюда тѣ или иныя мѣры взысканія; 3) разсмотрѣніе замѣчаній Губернскихъ Прокурора и Стряпчихъ, касающихся неправильнаго производства дѣлъ въ Губернскихъ установленіяхъ; 4) разсмотрѣніе, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, частныхъ жалобъ, приносимыхъ на медленность, неправильность или отказъ въ правосудіи; 5) разрѣшеніе споровъ о подсудности или принадлежности дѣлъ; 6) разсмотрѣніе случаевъ, въ коихъ признано будетъ нужнымъ остановить исполненіе судебныхъ приговоровъ и опредѣленій, и о незаконности ихъ представить Правительствующему Сенату; 7) просмотръ уголовныхъ дѣлъ въ случаѣ несогласія Гражданскаго Губернатора съ приговоромъ Губернскаго Суда; 8) разработка новыхъ или ограниченіе и отмѣна существующихъ положеній; 9) случаи сомнѣнія

*) Пол. соб. Зак. Рос. Имп. т. XXXVIII, № 29125, изд. 1830 г.

Библиотека "Руниверс"

въ издаваемыхъ вновь узаконеніяхъ по замѣчаніямъ Губернскихъ Совѣтовъ, представленіе объ оныхъ въ установленномъ для сего порядкѣ; 10) случаи чрезвычайные, въ коихъ требуются рѣшительныя мѣры, въ законахъ съ точностью неопредѣленные, но съ тѣмъ однако ограниченіемъ, чтобы „изъ сего исключались тѣ случаи, кои Генералъ-Губернаторъ признаетъ или столько настоятельными, что не можно ожидать на нихъ мнѣнія Совѣта, или столько тайнѣ подлежащими, что единство дѣйствія найдетъ онъ необходимымъ, и потому разрѣшаетъ ихъ непосредственно"; 11) пересмотръ и составленіе общихъ правилъ въ подтвержденіе и поясненіе существующихъ положеній по разнымъ частямъ Управленія; 12) разсмотрѣніе случаевъ, въ коихъ предполагается принять мѣры къ пресѣченію роскоши и жестокости, и наложеніе, по установленнымъ правиламъ, опекъ; 13) разсмотрѣніе губернскихъ и областныхъ смѣтъ приходовъ и расходовъ, а равно разнаго рода повинностей; 14) мѣропріятія, касающіяся продовольствія и нѣсколько другихъ мелкихъ вопросовъ (§ 20 Учрежд.).

Но сравнительно широкая и довольно разносторонняя компетенція Совѣта Главнаго Управленія, какъ то видно изъ подробно перечисленныхъ пунктовъ, подлежавшихъ предварительному обсужденію въ Совѣтѣ, парализовалось той лишь совѣщательной ролью, какая была придана фактически и утверждена юридически за этимъ, долженствовавшимъ играть видную роль въ жизни края, высшимъ мѣстнымъ учрежденіемъ. Не говоря о правѣ Генералъ-Губернатора, въ силу пункта 5-го второго раздѣла § 20-го „Учрежденія", въ исключительныхъ случаяхъ дѣйствовать самостоятельно, не справляясь съ мнѣніемъ Совѣта, § 545 ясно говоритъ, что „Совѣтъ исполнительной власти не имѣетъ; отъ Генералъ-Губернатора зависитъ принять или не принять его мнѣніе" высшее же, такъ сказать, право Совѣта заключалось лишь въ томъ что „мнѣніе Совѣта въ предметахъ, разсмотрѣнію его присвоенныхъ, необходимо". Но даже и такой Совѣтъ, лишенный всякой власти, былъ большимъ шагомъ впередъ и возникновеніе его должно быть поставлено въ великую заслугу Генералъ-Губернатору Сперанскому. Ибо нельзя не признать правильными соображенія Тайнаго Совѣтника Сперанскаго о томъ, что личная власть, дѣйствуя самостоятельно, безъ законныхъ участниковъ, при отсутствіи въ Сибири общественнаго мнѣнія, и будучи удалена отъ всякаго надзора, часто пріобрѣтала здѣсь видъ самовластія и легко влекла за собой разныя злоупотребленія. „Тамъ, гдѣ званіе сіе существуетъ, писалъ графъ въ 1821 г., дѣйствіе его яко личное и съ точностью неопредѣленное, непрестанно колеблется между самовластіемъ и послабленіемъ".

Библиотека "Руниверс"

Увеличеніе народонаселенія, медленное, но непрестанное развитіе просвѣщенія и общей культуры, и какъ слѣдствіе этого новыя отрасли промышленности и труда, а также усложненіе взаимоотношеній разныхъ группъ и классовъ населенія—все это вмѣстѣ взятое, не могло не расширить полномочій и предѣловъ власти Главнаго Управленія Восточной Сибири, взятаго въ его цѣломъ. И если обратиться къ „Своду законовъ Россійской Имперіи" за 1857 годъ (т. 2-й, ч. II-я Раз. 1-й—„Учрежденіе Управленія Сибирскихъ губерній и областей"), то увидимъ, что и полномочія Генералъ-Губернатора и предметы, подлежавшіе обсужденію въ Совѣтѣ Главнаго Управленія, увеличились и возросли, захвативъ новыя отрасли, почти неизвѣстныя или неясно формулированныя въ „Учрежденіи" 1822 года. Такъ, изъ примѣчанія къ ст. 18-й указаннаго выше изданія мы узнаемъ, что къ предметамъ относящимся къ непосредственному дѣйствію Главнаго Начальника Края принадлежатъ главное начальство по горной части въ Восточной Сибири, завѣдываніе учебными заведеніями, утвержденіе рѣшеній Военно-судныхъ комиссій о похитителяхъ драгоцѣнныхъ металловъ съ казенныхъ и частныхъ промысловъ, распоряженія о водвореніи отставныхъ нижнихъ чиновъ, дѣла о казенныхъ оброчныхъ статьяхъ и управленіе казаками. Расширеніе круга дѣлъ, подлежавшихъ обсужденію въ Совѣтѣ Главнаго Управленія Восточной Сибири, выражалось въ томъ, что на предварительное разсмотрѣніе Совѣта, не говоря о тѣхъ дѣлахъ по Нерчинскимъ заводамъ, которыя Генералъ-Губернаторъ признаетъ нужнымъ передать въ Совѣтъ, поступали во всѣхъ случаяхъ дѣла о пріостановленіи дѣйствія права на золотопромышленность или на управленіе, или на пользованіе пріисками; объ утвержденіи отводовъ къ пріискамъ, и о выдачѣ на нихъ плановъ; о разрѣшеніи сомнѣній относительно подати, какую по закону надлежитъ взимать съ пріиска; о зачисленіи въ казенное вѣдомство открытыхъ или заявленныхъ промышленниками, но имъ еще окончательно не отведенныхъ золотоносныхъ участковъ; дѣла по спорамъ золотопромышленниковъ какъ между собою такъ и съ казною, когда споры подлежатъ разбору въ порядкѣ исполнительномъ, а также по жалобамъ относительно золотопромышленности на разныя мѣста и лица, подвѣдомственныя Главному Управленію. Но и теперь*), какъ по „Учрежденію" 1822 года (§ 257 и 545 Учр.), Генералъ-Губернаторъ могъ согласиться съ единогласнымъ положеніемъ Совѣта, съ большинствомъ, или утвердить мнѣніе меньшества, или, наконецъ, положить собственное свое рѣшеніе. Такимъ образомъ, положенный Сперанскимъ въ основу Сибирскаго Учрежденія

*) Ст. 245 Св. Зак. 2-й ч. II Учр. Сиб. изд. 1857 года.

Библиотека "Руниверс"

принципъ коллегіальности не подвергся дальнѣйшему развитію,—напротивъ, пошелъ на убыль.

II.

Къ 1880 году, послѣ ряда проведенныхъ въ Сибири реформъ, о чемъ будетъ сказано ниже, окончательно выяснилось полное несоотвѣтствіе Главнаго Управленія въ его старой организаціи съ рѣзко измѣнившимся общимъ административнымъ строеніемъ края. И Генералъ-Губернаторъ Восточной Сибири Генералъ-Лейтенантъ Д. Г. Анучинъ, имя котораго должно быть поставлено на страницахъ исторіи Сибири наряду съ именемъ гр. Сперанскаго, въ своемъ всеподданнѣйшемъ отчетѣ за 1880 и 1881 г.г. обратилъ вниманіе центральнаго правительства на необходимость реформы Главнаго Управленія, въ цѣляхъ большаго приближенія послѣдняго къ условіямъ времени и нуждамъ края.

„Главное управленіе, писалъ Д. Г. Анучинъ, перестало уже представлять собою высшее правительственное учрежденіе для всей Восточной Сибири по всѣмъ дѣламъ, такъ какъ многія дѣла вышли изъ подъ его контроля. Въ настоящемъ своемъ положеніи Совѣтъ Главнаго Управленія не облегчаетъ даже трудовъ Генералъ-Губернатора. Имѣющій право видоизмѣнять всякое рѣшеніе Совѣта (кромѣ судебныхъ) Генералъ-Губернаторъ несетъ на себѣ лично отвѣтственность за направленіе всѣхъ дѣлъ, а между тѣмъ связанъ предсѣдательствомъ въ Совѣтѣ и исполненіемъ всѣхъ исходящихъ изъ Совѣта бумагъ. Нѣтъ никакихъ, даже самыхъ малѣйшихъ дѣлъ, которыя бы были по закону представлены окончательному рѣшенію Совѣта и все должно доходить до свѣдѣнія Генералъ-Губернатора. . . Восточная Сибирь такъ обширна, потребности ея столь разнообразны и мало удовлетворены въ настоящее время, что для устройства порядка въ этой странѣ, было бы вполнѣ цѣлесообразно образовать въ ней что либо въ родѣ бывшаго учредительнаго комитета въ Царствѣ Польскомъ, который пользуясь значительной самостоятельностью и правомъ распоряжаться мѣстными средствами въ непродолжительное время своего существованія сослужилъ великую службу Россіи, объединивъ Привислинскій Край и подготовилъ полную возможность передачи управленія имъ въ Министерство. Точно также подобное высшее правительственное учрежденіе преобразовало бы Сибирь, и безъ всякаго сомнѣнія въ мѣстныхъ источникахъ почерпнуло бы большую часть средствъ, необходимыхъ для введенія преобразованій.

Библиотека "Руниверс"

„При невозможности этого слѣдуетъ преобразовать Совѣтъ Главнаго Управленія въ Совѣтъ при Генералъ-Губернаторѣ съ предоставленіемъ этому учрежденію такой организаціи, которая позволила бы ему часть дѣлъ окончательно рѣшить своею властью, а по остальнымъ быть дѣйствительно компетентнымъ совѣщаніемъ для обсужденія важнѣйшихъ дѣлъ мѣстнаго управленія".

Начало же самому преобразованію Главнаго Управленія Восточной Сибири въ Иркутское Генералъ-Губернаторство было положено учрежденіемъ отдѣльнаго Приамурскаго Генералъ-Губернаторства 1884 году.*) Ставя объ этомъ въ извѣстность Генералъ-Губернатора Восточной Сибири Министерство Внутреннихъ Дѣлъ вмѣстѣ съ тѣмъ просило г. Генералъ-Губернатора Анучина сообщить Министерству свои предположенія о тѣхъ измѣненіяхъ въ Главномъ Управленіи Восточной Сибири, которыя онъ найдетъ необходимыми. Генералъ-Губернаторъ Анучинъ, призванный указомъ отъ 1 января 1885 года къ присутствованію въ Сенатѣ, не успѣлъ представить своихъ соображеній,—это сдѣлалъ его замѣститель графъ Игнатьевъ.

Представивъ г. Министру Внутреннихъ Дѣлъ двѣ большія записки (отъ 30 марта 1885 года, и 26 октября того же года), графъ Игнатьевъ, вслѣдъ за Анучинымъ, указывалъ на архаичность Совѣта Главнаго Управленія, полное несоотвѣтствіе его съ новыми условіями жизни и ходатайствовалъ о сосредоточеніи всей предоставленной Главному Управленію власти въ рукахъ Генералъ-Губернатора и объ учрежденіи Канцеляріи Генералъ-Губернатора, долженствовавшей играть одну лишь служебную роль, безъ права ограничивать власть Главнаго Начальника Края.

Необходимость реформы, долженствовавшей упразднить Совѣтъ Главнаго Управленія и самое Управленіе по мнѣнію графа Игнатьева вызывалось слѣдующими условіями: „усиленіе единоличной власти Генералъ-Губернатора началось послѣ введенія въ Сибири Учрежденія 1822 года. Основанія къ тому же находились въ самомъ учрежденіи, представлявшемъ Генералъ-Губернатору, въ видахъ единства дѣйствій, право разрѣшать непосредственно вопросы весьма спѣшные или подлежащіе тайнѣ, вслѣдствіе чего отъ усмотрѣнія Генералъ-Губернатора

*) До 1884 года Главному Управленію Восточной Сибири были подвѣдомственны области: Забайкальская, Амурская, Приморская, Якутская; губерніи: Иркутская, Енисейская; Владивостокское Военное Губернаторство и островъ Сахалинъ.

Библиотека "Руниверс"

зависѣло всякое дѣло признать неподлежащимъ обсужденію Совѣта. Впослѣдствіи, цѣлымъ рядомъ законоположеній отдѣльныя отрасли управленія были подчинены непосредственно власти Генералъ-Губернатора. Такъ въ 1830 году въ учрежденіи горнаго мѣстнаго Нерчинскаго Управленія было постановлено, что управленіе Генералъ-Губернатора по горной части должно быть личное, безъ участія по горнымъ предметамъ Совѣта Главнаго Управленія Восточной Сибири, если самъ онъ, какъ Генералъ-Губернаторъ, не разсудитъ внести въ оный какое либо дѣло (П. С. З. 3614-3715). Въ 1862 году, съ учрежденіемъ Иркутской Таможни, предоставлено Генералъ-Губернатору право надзора и привлеченіе служащихъ къ отвѣтственности въ случаѣ жалобъ на нихъ (П. С. З. 38126). Съ 1867 года въ лицѣ Генералъ-Губернатора сосредоточивается высшее мѣстное завѣдываніе почтовою частью и съ того же года Генералъ-Губернатору предоставляется власть главнаго мѣстнаго начальника всѣхъ учебныхъ заведеній края (П. С. З. 34355). Наконецъ, въ 1879 году Генералъ-Губернаторъ получаетъ права издавать обязательныя постановленія, касающіяся правильнаго и успѣшнаго исполненія сообразно и съ мѣстными условіями узаконеній объ общественномъ благочиніи, порядкѣ и безопасности. Вслѣдствіе этихъ, уже осуществившихся преобразованій, кругъ вѣдѣнія Совѣта Главнаго Управленія ограничился незначительнымъ количествомъ дѣлъ по большей части судебныхъ, которыя, въ свою очередь, при введеніи судебной реформы на основаніи ВЫСОЧАЙШЕ утвержденнаго 25-го февраля 1885 года мнѣнія Государственнаго Совѣта, окончательно будутъ изъяты изъ вѣдѣнія Главнаго Управленія „Къ тому же Члены Совѣта отъ Министерствъ, если первоначально и могли пользоваться нѣкорымъ самостоятельнымъ служебнымъ положеніемъ, то въ послѣдствіи увеличившееся несоотвѣтствіе ихъ содержанія съ дороговизною жизни и отдаленность ихъ мѣста служенія отъ мѣстопребыванія непосредственнаго начальства неизбѣжно ставили ихъ въ зависимость отъ Генералъ-Губернатора, какъ въ служебномъ, такъ и въ матеріальномъ отношеніяхъ. Къ тому же, въ 1883 году, должности Членовъ Совѣта отъ Министерствъ Финансовъ и Юстиціи были упразднены и Совѣтъ сталъ состоять изъ лицъ, избранныхъ самимъ Генералъ-Губернаторомъ и вполнѣ ему подчиненныхъ, не исключая Члена Совѣта отъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ“ (Записка гр. Игнатьева отъ 26-го октября 1885 г.). Такимъ образомъ дальнѣйшій смыслъ существованія Главнаго Управленія въ его прежнемъ видѣ и составѣ теряется,—особенно если принять во вниманіе, что цѣлый рядъ правительственныхъ учрежденій, ранѣе подчиненныхъ Главному Управленію были постепенно, въ мѣру развитія централизаціи, изъяты изъ его вѣдѣнія. Казенныя Па-

Библиотека "Руниверс"

латы и Акцизныя Управленія подчиняются непосредственно Министерству Финансовъ, вводится городовое положеніе, образуются присутствія по городскимъ дѣламъ и по воинской повинности, подчиненныя Правительствующему Сенату, учреждаются банки и Контрольныя Палаты, лишившіе Главное Управленіе права завѣдывать хозяйствомъ края, начинаетъ самостоятельно функціонировать юстиція.

Предположенія гр. Игнатьева были встрѣчены сочувственно и во 2-й день іюня 1887 года состоялось ВЫСОЧАЙШЕЕ повелѣніе объ исполненіи послѣдовавшаго въ Государственномъ Совѣтѣ мнѣнія о преобразованіи Главнаго Управленія Восточной Сибири, а также были утверждены штаты Канцеляріи Иркутскаго Генералъ-Губернатора Основныя начала преобразованія, согласно нѣкоторымъ статьямъ закона (Прод. 1887 г. т. II, ч. II-я Учр. Спб.), состояли въ томъ, что главное управленіе краемъ было сосредоточено въ лицѣ Иркутскаго Генералъ-Губернатора (ст. II), при чемъ въ отношеніи управленія губерніями и областями, подвѣдомственными, Главному Начальнику Края были предоставлены права и обязанности, принадлежавшія Генералъ-Губернатору и Совѣту Главнаго Управленія Восточной Сибири (ст. 18).

Соотвѣтствовавшая условіямъ даннаго момента и вполнѣ отвѣчавшая духу времени, реформа 1887 года *), сосредоточивъ всю власть въ рукахъ Главнаго Начальника Края и организовавъ Канцелярію, присвоенную должности Генералъ-Губернатора, сравняла Иркутское Генералъ-Губернаторство по своей внѣшней организаціи съ прочими Генералъ-Губернаторствами, (Пріамурскимъ, Степнымъ, Виленскимъ и др.) Въ настоящее время отличается отъ прочихъ лишь одно Туркестанское Генералъ-Губернаторство, при коемъ наряду съ Главнымъ Начальникомъ Края, состоитъ Совѣтъ, нѣсколько напоминающій Совѣтъ, нѣсколько напоминающій Совѣтъ Главнаго Управленія Восточной Сибири (ст. 17 Пол. объ управленіи Туркестанскаго края, Св. Зак. т. 2-й изд. 1892 г.) Въ составъ Совѣта при Туркестанскомъ Генералъ-Губернаторѣ входятъ рядъ лицъ представителей разныхъ правительственныхъ учрежденій и вѣдомствъ: Военные Губернаторы областей края, Управляющіе Казенными и Контрольными Палатами, Непремѣнный Членъ отъ Министерства Финансовъ, Начальникъ Штаба Туркестанскаго Военнаго Округа, Управляющій Канцеляріей Генералъ-Губернатора и нѣкоторыя другія лица (ст. 10 Тур. Пол. изд. 1892 г. и прод. 1908 г.) Заключенія Совѣта имѣютъ значеніе совѣщательное

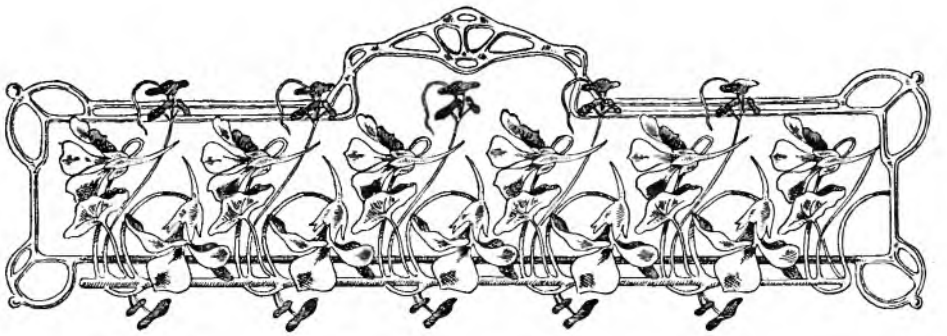
*) Пол. Соб. Зак. Рос. Имперіи т. VII, № 4517, изд. 1889 года.

Библиотека "Руниверс"

и г. Генералъ-Губернаторъ имѣетъ право, въ силу ст. 21 пол., „въ случаяхъ, нетерпящихъ отлагательства, распорядиться подъ личною отвѣтственностью, приведеніемъ въ исполненіе мнѣнія меньшинства или своего собственнаго, доводя вмѣстѣ съ тѣмъ до свѣдѣнія подлежащаго Министра объ основаніяхъ, побудившихъ его принять эту мѣру“.

В. Крыжановскій.

Библиотека "Руниверс"



Волынь и ея историческіе дѣятели отъ Владиміра святого до Богдана Хмельницкаго

VI.

Для Польско-Литовскаго государства сорганизованная и вооруженная Дашковичемъ Сѣчь Запорожская имѣла значеніе пограничной стражи, охранявшей его границы отъ вторженія татаръ.

Въ 1511 году послѣ вновь повторившихся опустошительныхъ набѣговъ на Волынь и Подолію крымской орды и вторженія въ предѣлы Польско-Литовскаго государства огромныхъ полчищъ турокъ и валаховъ, былъ созванъ польскимъ правительствомъ сеймъ въ Піотроковѣ, въ которомъ принялъ участіе и Дашковичъ. Онъ доказывалъ, что для надежной охраны границъ государства отъ татарскихъ набѣговъ достаточно имѣть не болѣе 200 воиновъ, которые могли бы разъѣзжать на небольшихъ судахъ между днѣпровскими островами и порогами, препятствуя переправѣ татаръ на правый берегъ рѣки и что такихъ воиновъ могутъ съ успѣхомъ замѣнить запорожцы, но для прикрытія ихъ необходимо укрѣпить острова, а для сообщенія съ государствомъ и снабженія жизненными припасами назначить 500 всадниковъ.

На сеймѣ было постановлено содержать на низовьяхъ Днѣпра 4000 человѣкъ коннаго войска и на организацію и содержаніе его собрать въ первый годъ по 18, а въ слѣдующій по 12 грошей съ десятины. Войско это должно было охранять соприкасавшія съ татарскими улусами границы Подоліи*).

*) Исторія Малороссіи Н. Маркевича, т. I, стр. 32—33.

Библиотека "Руниверс"

Такимъ образомъ, постановленіемъ Піотроковскаго сейма было положено начало существованія „Запорожскихъ казаковъ“, организаторомъ и первымъ атаманомъ которыхъ былъ волынецъ Остапъ (Евстафій) Дашковичъ. По тому же постановленію Піотроковскаго сейма казаки запорожскіе были подчинены малороссійскому гетману, съ сохраненіемъ права избранія изъ своей среды „кошевого атамана“ и прочей „старшины“, по обычаямъ, установившимся въ Сѣчи съ давнихъ временъ.

Въ слѣдующемъ году татары опять вторглись въ предѣлы Польско-Литовскаго государства и произвели страшное опустошеніе въ его южно-русскихъ областяхъ.

Подъ Вишневцемъ, на Волыни, полчища татаръ были настигнуты малороссійскимъ гетманомъ Лянцкоронскимъ и княземъ Константиномъ Острожскимъ. Татары понесли жестокое пораженіе: ихъ погибло здѣсь 24000.

Вскорѣ послѣ этого Лянцкоронскій сложилъ съ себя званіе гетмана. На его мѣсто былъ избранъ славный потомокъ Корибутовъ, волынскій староста, князь Дмитрій Вишневецкій. Отличаясь гражданскими доблестями, новый гетманъ направилъ всю свою дѣятельность на возстановленіе разоренныхъ татарскими набѣгами городовъ, улучшилъ сельское хозяйство, способствовалъ развитію торговли, ввелъ правосудіе въ городахъ и земскихъ урядахъ и поднялъ общее благосостояніе края. Народъ называлъ его „батькомъ“, т. е. отцомъ своимъ.

Однако, гетманство Дмитрія Вишневецкаго продолжалось недолго. Въ 1514 году его смѣнилъ Евстафій Рожинскій. Пользуясь временнымъ затишьемъ, новый гетманъ занялся устройствомъ своихъ войскъ. Обладая обширными знаніями въ области военныхъ наукъ и получивъ широкія полномочія отъ короля Сигизмунда, онъ совершенно преобразовалъ прежнюю организацію казаковъ. Составъ ихъ онъ увеличилъ до 40000, раздѣливъ на 20 полковъ, по 2000 человѣкъ въ каждомъ. Полки назвалъ по городамъ и раздѣлилъ ихъ на сотни, которыя въ свою очередь назвалъ по городамъ и мѣстечкамъ. Во главѣ полка поставилъ полковника, во главѣ сотни—сотника. Тотъ и другой избирались войсковымъ „товариствомъ“ и оставались въ своихъ чинахъ на всю жизнь.

До Рожинскаго казаки, какъ войсковое сословіе дѣлились на околицы и курени. Околицу составляло одно извѣстное селеніе, и при-

Библиотека "Руниверс"

надлежавшіе къ нему казаки носили названіе „околичной шляхты". Изъ нѣсколькихъ околицъ составлялся курень. Околицы и курени управлялись избранными изъ среды казаковъ „товарищами" и „атаманами", которые въ служебномъ отношеніи подчинялись повѣтовому хорунжему. Этотъ послѣдній велъ списки казакамъ и опись вооруженію; при немъ же находилось, подъ охраною надежнаго караула изъ старшихъ казаковъ, повѣтовое знамя, или хоругвь.

По новой организаціи полки комплектовались казаками, выбранными изъ куреней и шляхетскихъ околицъ. Казаки эти записывались въ „военный регистръ", отчего и получили названіе „регистровыхъ". Одна половина ихъ была конная и содержалась въ полѣ, другая—пѣшая составляла городскіе гарнизоны. Въ случаѣ надобности, пѣшіе казаки комплектовали конныхъ. У тѣхъ и другихъ одежда была одинакова и заготовлялась въ мирное время „изъ собственнаго кошта", по установленнымъ образцамъ. Продовольствіе было тоже своекоштное, во время же похода каждому казаку полагалось на счетъ малороссійскаго „скарба": жалованья по червонцу въ годъ, по кафтану „тузинковому" на два года и, въ случаѣ нужды,—по кожуху. Старшимъ казакамъ полагалось вдвое противъ младшихъ. Полковники и старшины: генеральные, обозные и полковые получали ранговыя деревни. Артиллерія, обозъ и вьюки съ продовольственными запасами, провіантомъ и фуражемъ снаряжались отъ „скарба" и „посполитства", то есть крестьянскаго сословія. Конный казакъ былъ вооруженъ штуцеромъ, пистолетомъ, саблей и копьемъ; пѣшій—ружьемъ, копьемъ и кинжаломъ. Все это вооруженіе выписывалось изъ Турціи или Швеціи.

Военныя построенія были оставлены гетманомъ Рожинскимъ тѣ же, какія существовали у казаковъ и раньше, а именно: маршъ колонною назывался „итти соганою"; въ случаѣ непріятельской атаки, вмѣсто каре, строился треугольникъ; строиться во фронтъ называлось „становиться въ лаву", а строй въ три шаренги—„батова".

Кромѣ регулярныхъ, было учреждено пять полковъ „охочекомонныхъ", комплектовавшихся изъ охотниковъ. Полки эти назывались именами своихъ полковниковъ, которыхъ назначалъ гетманъ. Охочекомонные казаки носили общее названіе „гультаевъ". Они были предоставлены собственному иждивенію и несли службу по охранѣ границъ государства по рѣкамъ Самарѣ, Южному Бугу и Днѣстру.

Такое устройство малороссійскаго войска, всецѣло принадлежавшее гетману Рожинскому, было утверждено универсаломъ короля Сигизмунда I.

Библиотека "Руниверс"

Боевое крещеніе новоустроенные казаки получили въ 1516 году.

Были получены свѣдѣнія, что въ приграничныхъ областяхъ показались огромныя полчища крымскихъ татаръ, подъ предводительствомъ самого хана.

Гетманъ Рожинскій выступилъ имъ на встрѣчу и у Бѣлгорода, подъ Донцемъ и позволилъ атаковать себя. Орда татарская окружила его съ трехъ сторонъ и, пустивъ тучи стрѣлъ, съ неистовымъ гикомъ понеслась въ атаку. Войска гетманскія были примкнуты къ рѣкѣ; въ тылу ихъ находился обозъ. Конница спѣшилась и выстроилась въ боевой порядокъ. Бѣшенный натискъ сплошной массы татаръ былъ встрѣченъ мѣткимъ ружейнымъ и артиллерійскимъ огнемъ. Безпорядочная толпа атакующихъ понесла страшный уронъ и начала отступать. Казаки хотѣли перейти сами въ наступленіе, но гетманъ удержалъ ихъ на мѣстѣ, желая этимъ подать видъ непріятелю, что, по малочисленности своего войска, не можетъ наступать, а можетъ только обороняться.

Татары съ новой яростью возобновляли свои атаки въ теченіе цѣлаго дня, но, получая каждый разъ сильный отпоръ, къ вечеру удалились въ открытую степь и расположились обширнымъ станомъ на ночлегъ.

Въ полночь гетманъ выступилъ по ихъ слѣдамъ и на разсвѣтѣ, когда лошади у татаръ бываютъ не у коновязей, а пасутся на подножномъ корму, заарканенныя на рукахъ всадниковъ, выслалъ конный отрядъ съ шести зарядными ракетами, перепрыгивающими съ мѣста на мѣсто и называвшимся у казаковъ „шутихами“. Наскочивъ на станъ татаръ, казаки пустили ракеты межъ коней. Испуганныя животныя понеслись по степи, волоча за собою и топча своихъ всадниковъ. Въ таборѣ татарскомъ произошло страшное смятеніе, и въ эту минуту подоспѣли всѣ гетманскія войска съ артиллеріей, прошли черезъ весь непріятельскій станъ и, поразивъ на голову обезумѣвшую орду, захватили весь ея обозъ.

Съ огромной добычей возвратился гетманъ изъ этого своего перваго похода. Пораженіемъ въ открытой степи многочисленной татарской орды войска гетманскія доказали свою храбрость и способность въ военномъ дѣлѣ, и съ тѣхъ поръ многіе изъ поляковъ стали запи-

Библиотека "Руниверс"

сываться въ ряды малороссійскихъ полковъ, съ гордостью называя себя казаками.

Около того же времени, предшественникъ Рожинскаго и Дмитрія Вишневецкаго, Предславъ Лянцкоронскій вновь появился на военномъ поприщѣ. Собравъ вокругъ себя отборную дружину казаковъ и пригласивъ кошевого Дашковича съ 1200 запорожцевъ, онъ, чтобы отплатить врагамъ христіанства за ихъ недавніе набѣги на мирныхъ жителей Подоліи и Волыни, вступилъ въ предѣлы Турціи, дошелъ до Бѣлграда,[1]) уничтожилъ нѣсколько татарскихъ отрядовъ и на обратномъ пути угналъ въ Сѣчь 500 лошадей и 3000 головъ рогатаго скота.

Этимъ походомъ не закончилась дѣятельносгь бывшаго гетмана. Вмѣстѣ съ Дашковичемъ они долго еще предпринимали отважные походы на земли турокъ и татаръ, результатомъ чего было возвращеніе Польско-Литовскому государству земель надъ Днѣстромъ и при устьи Днѣпра, захваченныхъ Менгли-Гиреемъ.

Однако, черезъ три года послѣ этого счастье перешло на сторону крымскихъ татаръ. Сынъ Менгли-Гирея, Богатырь вторгшись въ предѣлы Польско-Литовскаго государства, разбилъ князя Острожскаго подъ Сокалемъ на Бугѣ, дошелъ, почти, до Кракова, опустошилъ лежавшія на пути южно-русскія области, въ томъ числѣ Волынь и угналъ въ рабство 60000 мирныхъ жителей.

Въ 1522 году тотъ же крымскій ханъ напалъ на Запорожье и захватилъ въ плѣнъ Дашковича. Запорожцы уже считали погибшимъ своего кошевого, но когда ногайцы убили хана, и въ ордѣ произошли смуты, Дашковичъ неожиданно появился въ Черкасахъ.

Неизвѣстно, какимъ образомъ ему удалось бѣжать изъ плѣна, но онъ тотчасъ же собралъ своихъ рыцарей-запорожцевъ, двинулся на Очаковъ, сжегъ тамошнія укрѣпленія и, соединясь съ ногайцами, произвелъ ужаснѣйшія опустошенія на полуостровѣ.

Жестокая расправа запорожцевъ съ крымскими татарами все-таки не отучила ихъ отъ набѣговъ на южно-русскія области, и въ 1526 году

---

[1]) Теперь уѣздный городъ Аккерманъ, Бессарабской губерніи.

Библиотека "Руниверс"

они, подъ предводительствомъ хана, снова появились въ предѣлахъ Польско-Литовскаго государства.

Дашковичъ, со своими запорожцами, князь Острожскій и Кіевскій воевода Андрей Немировичъ встрѣтили орду вблизи Кіева, разбили ее, заставили 7000 татаръ положить оружіе и освободили нѣсколько тысячъ плѣнныхъ христіанъ. Остатки бѣжавшей орды были окончательно разбиты запорожцами при Каневѣ и Черкасахъ, послѣ чего Дашковичъ явился по вызову въ Краковъ, къ королю и былъ принятъ имъ съ большими почестями.

Послѣ смерти Евстафія Рожинскаго въ 1534 году малороссійскимъ гетманомъ былъ избранъ Вѣнцеславъ (въ простонародіи Венжикъ) Хмельницкій.

Въ томъ же году несмѣтныя полчища крымскихъ татаръ, пройдя черезъ Бессарабскія степи, снова вторглись на Волынь и стали пробираться къ Польшѣ.

Новый гетманъ, получивъ повелѣніе короля Сигизмунда отразить непріятеля, выступилъ на встрѣчу ордѣ съ реэстровымъ войскомъ, а въ Волынь, для прикрытія границъ съ той стороны, откуда шли татары, послалъ запорожцевъ и полки охочекомонныхъ казаковъ. Раздѣливъ тѣхъ и другихъ на мелкія партіи, онъ приказалъ имъ безпрестанно нападать на татаръ во время ихъ походныхъ движеній и ночлеговъ и при отступленіяхъ подаваться въ сторону расположенія главныхъ силъ малороссійскаго реэстроваго войска.

Этотъ родъ партизанской войны обманулъ татаръ. Увлекшись преслѣдованіемъ незначительныхъ казачьихъ отрядовъ, они подошли къ Заславлю, гдѣ находился укрѣпленный вагенбургомъ лагерь гетмана.

Оставивъ для охраны обоза достаточное число пѣхоты съ тяжелой артиллеріей, гетманъ съ главными войсками укрылся за рощи, и какъ только татары, по своему обычаю, окружили лагерь и съ дикимъ крикомъ начали всею массою напирать на казачій обозъ, гетманъ выступилъ изъ своей засады и, давъ залпъ по ордѣ изъ ружей и пушекъ, ударилъ ей въ тылъ и оба крыла. Ошеломленные залпомъ,

Библиотека "Руниверс"

окруженные съ трехъ сторонъ казаками, сбитые ихъ неотразимымъ ударомъ въ копья и сабли, татары смѣшались и безпорядочными толпами стали отступать. Тогда гетманъ, выславъ въ погоню за ними особый легкій отрядъ, двинулся съ артиллеріей на главный станъ непріятеля. Пораженіе орды было полное. Весь ея вьючный обозъ съ продовольственными запасами достался побѣдителямъ.

На обратномъ пути гетмана къ Заславлю народъ встрѣчалъ его, какъ своего избавителя, а король прислалъ ему похвальный листъ съ выраженіемъ благодарности за его доблесть и заслуги передъ государствомъ.

VII.

Въ 1548 году умеръ король Сигизмундъ I. На Польскій престолъ былъ избранъ послѣдній изъ Ягеллоновъ—Сигизмундъ II-Августъ, приверженецъ и угодникъ католической партіи. При немъ, въ шестидесятыхъ годахъ XVI столѣтія, сначала въ Польшу, а потомъ въ Литву проникли іезуиты. Въ цѣляхъ борьбы съ распространившимися тогда въ предѣлахъ Польско-Литовскаго государства реформатскимъ ученіемъ, они основали свои школы и совратили въ католицизмъ многихъ представителей знатныхъ родовъ, каковы: Радзивилы, Ходкевичи, Глѣбовичи, Сапѣги, Войны, Воловичи, Тышкевичи, Дорогостайскіе, Калиновскіе, Пузыны, Горскіе и другіе литовско-русскіе вельможи. Тогда же зародилось начало будущей церковной уніи, повлекшей за собою столько кровавыхъ событій и, въ концѣ концовъ, погубившей Польшу.

Но объ этомъ рѣчь впереди.

За нѣсколько лѣтъ до кончины Сигизмунда I развившееся въ его царствованіе Запорожье потеряло своего вождя и организатора: первый кошевой атаманъ „славнаго низоваго войска Запорожскаго“, волынецъ Остапъ Дашковичъ умеръ въ концѣ сороковыхъ годовъ XVI столѣтія. Непосредственно за Дашковичемъ въ Запорожской Сѣчи, въ 1553 году, появился престарѣлый землякъ его, бывшій малороссійскій гетманъ, князь Дмитрій Вишневецкій. Будучи избранъ кошевымъ, онъ укрѣпилъ обширный островъ на Днѣпрѣ, Хортицу и, утвердившись

Библиотека "Руниверс"

здѣсь сталъ производить набѣги на крымскихъ татаръ. Налетая, какъ вихрь, на ихъ земли, внезапно появляясь на легкихъ чайкахъ у Крымскаго побережья Чернаго моря, запорожцы громили татарскіе города и улусы, захватывали добычу, освобождали плѣнныхъ христіанъ и неуловимо возвращались въ свой новоустроенный кошъ. Устрашенный ихъ грозной силой, крымскій ханъ обратился за помощью къ султану, который прислалъ на подмогу ордѣ турокъ и волоховъ.

Хотя Хортицкая крѣпость и представляла сильный оплотъ противъ непріятеля, но, вслѣдствіе истощенія запасовъ, Вишневецкій долженъ былъ въ 1556 году выйти оттуда. Занявъ, затѣмъ, старые казачьи города Каневъ и Черкасы, онъ обратился къ московскому царю съ просьбой принять его на свою службу. Неизвѣстно, что собственно побуждало Вишневецкаго измѣнить королю, но онъ писалъ Іоанну Грозному, что можетъ покорить ему всѣ южныя области по Днѣпру. Однако, царь, призвавъ Вишневецкаго въ Москву, одарилъ его Бѣлевымъ и другими богатыми волостями, Каневъ же и Черкасы отдалъ королю обратно.

Въ 1558 году Вишневецкій, находясь уже на царской службѣ, во главѣ пятитысячнаго отряда и жильцовъ, дѣтей боярскихъ и стрѣльцовъ, получилъ приказаніе соединиться съ черкесскими князьями и пойти на Крымъ.

Походъ этотъ кончился ничѣмъ, такъ какъ ханъ Девлетъ Гирей уклонился отъ сраженія.

Въ слѣдующемъ году князь, съ 5000 московскихъ войскъ, ходилъ противъ крымцевъ на Донъ и осаждалъ Азовъ, а затѣмъ былъ назначенъ воеводой на Кавказъ къ пятигорскимъ черкесамъ, но вскорѣ послѣ этого оставилъ службу у царя и въ 1560 году вернулся опять на свое любимое Запорожье.

Спустя четыре года, молдавскіе бояре призвали его быть господаремъ вмѣсто свергнутаго, якобы, Стефана IX. Старческіе годы не умалили въ князѣ честолюбія, и онъ не подозрѣвая обмана, отправился съ небольшимъ отрядомъ Запорожцевъ въ Молдавію. Схваченный Стефаномъ и закованный въ цѣпи, онъ былъ отправленъ изъ Молдавіи въ Константинополь.

Султанъ, будучи озлобленъ на храбраго предводителя Запорожцевъ за его набѣги на татарскія земли, приказалъ казнить его, повѣ-

Библиотека "Руниверс"

сивъ за ребро на желѣзномъ крюкѣ. Несчастный князь висѣлъ трое сутокъ, „славя Христа и проклиная Магомета". Одинъ изъ турокъ, услыша эти проклятія, пришелъ въ ярость и пустилъ въ него стрѣлу, чѣмъ и прикончилъ страдальца.

Преданіе говоритъ, что передъ казнью султанъ предлагалъ ему отречься отъ православія и принять магометанство, за что обѣщалъ выдать за него свою дочь и съ нею отдать ему во владѣніе все царство Турецкое, но князь не прельстился этимъ, не измѣнилъ родинѣ и вѣрѣ своей православной и принялъ мученическую смерть. Турки разрѣзали ему грудь и, чтобы пріобрѣсти мужество знаменитаго гетмана, вынули его сердце, подѣлились и съѣли.

Среди Запорожцевъ князь Дмитрій Вишневецкій извѣстенъ былъ подъ именемъ Байды, что означаетъ—гуляка, безшабашная голова. Онъ является героемъ одной изъ малороссійскихъ пѣсенъ.

„Ой пье Байда медъ-горилочку,
„Та не день, не ничку, та не годыночку . . ."

и т. д.

VIII.

Черезъ двадцать лѣтъ послѣ вступленія на Польско-Литовскій престолъ безвольнаго, угодливаго шляхтѣ Сигизмунда II, состоялся одинъ изъ важнѣйшихъ историческихъ актовъ, имѣвшій столь громадное значеніе въ дальнѣйшей судьбѣ Малороссіи вообще, въ судьбѣ же Волыни въ особенности.

Этимъ громаднаго значенія актомъ является такъ называемая Люблинская унія 1569 года, по которой Литва и Польша была окончательно соединены въ одно нераздѣльное государство. Сеймъ по поводу этой уніи состоялся 10 января: на немъ участвовали представители обоихъ государствъ, но литовско-русскіе депутаты засѣдали отдѣльно отъ поляковъ. Первые настаивали, чтобы въ Литвѣ былъ свой особый князь, соободно избираемый какъ въ Польшѣ, такъ и въ Литвѣ. Коронованіе князя княжескимъ вѣнцомъ должно происходить въ Вильнѣ. Сеймы, кромѣ чрезвычайныхъ, должны быть въ Литвѣ особые; равнымъ образомъ Литва должна имѣть особую монету, особое управленіе и особые законы. Съ Литовскимъ княжествомъ должна быть соединена Малороссія, а также всѣ остальныя входящія въ составъ

Библиотека "Руниверс"

ея области, и между соединеннымъ Литовско-Русскимъ государствомъ и Польшей должна быть проведена точно опредѣленная граница. Поляки требовали безусловнаго слитія Литовскаго княжества съ Польскимъ королевствомъ въ одно нераздѣльное государство и одинъ народъ. Единство это должно было заключаться въ общемъ для всей страны избраніи государя, въ общей монетѣ, въ общемъ управленіи и установленіи одного общаго для всѣхъ областей закона.

Обѣ стороны не пришли ни къ какому соглашенію, и въ концѣ февраля литовско-русскіе депутаты разъѣхались изъ Люблина. Тогда Сигизмундъ, по настоянію польскихъ пановъ, рѣшилъ выдѣлить изъ княжества Литовскаго Волынь, Подляшье и Кіевскую область и присоединить ихъ къ Польшѣ.

Узнавъ объ этомъ, литовско-русскіе депутаты 5 апрѣля вновь пріѣхали въ Люблинъ и просили не отторгать русскихъ областей отъ Литвы, но король и паны были непреклонны, и 5 іюня 1569 года королемъ былъ подписанъ слѣдующій универсалъ:

„Землю Русскую и княженіе Кіевское и всѣхъ оныя жителей, вообще и каждаго особливо, отъ послушанія, владѣнія, должностей и повелѣній Великаго княжества Литовскаго на вѣчное время изъемлемъ, освобождаемъ и къ Польскому королевству, какъ равныхъ къ равнымъ и свободныхъ къ свободнымъ, къ первому и собственному тѣлу, и со всѣми вообще и съ каждымъ особливо и съ ея городами, мѣстечками, селами, повѣтами и всѣми ихъ, каковы бы ни были, имѣніями, оную землю и княженіе Кіевское присоединяемъ, обѣщая равно какъ Римскаго, такъ и Русскаго исповѣданія людямъ производить сенаторскія и прочія всѣ достоинства“. *)

На возобновившемся 27 того же іюня засѣданіи Люблинскаго сейма литовско-русскіе депутаты сдались, и унія на предложенныхъ поляками основаніяхъ была утверждена. Перваго іюля состоялась торжественная присяга съ обѣихъ сторонъ въ полномъ соединеніи Литвы и Польши.

Волынь, какъ и другія области, входившія въ составъ Литовско-Русскаго государства, въ томъ числѣ вся Кіевская земля, восточная часть Подоліи и Подляхія, окончательно потеряли свою самостоятель-

*) Исторія Малороссіи Н. Маркевича, т. I, стр. 49.

Библиотека "Руниверс"

ность. Въ силу уніи 1569 года, области эти были лишены всякихъ автономныхъ правъ и подчинены одному общему порядку управленія Польско-Литовскимъ государствомъ, основныя начала котораго заключались въ неограниченныхъ политическихъ правахъ дворянскаго сословія и въ безправіи и порабощеніи этимъ сословіемъ крестьянской массы.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, постановленіемъ Люблинскаго сейма 1569 года была ограничена власть короля: рѣшенія свои онъ могъ издавать не иначе, какъ „за радою пановъ радовъ своихъ", равнымъ образомъ и сенатъ долженъ былъ рѣшать дѣла „до воли королевской". Такимъ образомъ король какъ бы дополнялъ сенатъ а сенатъ—короля, и рѣшенія ихъ были связаны взаимной зависимостью другъ отъ друга.

IX.

Въ томъ же 1569 году умеръ малороссійскій гетманъ Вѣнцеславъ Хмельницкій, и на его мѣсто былъ назначенъ князь Михаилъ Вишневецкій. Кошевымъ атаманомъ Запорожскихъ казаковъ былъ тогда Иванъ Свирговскій. Въ 1571 году онъ былъ избранъ въ генеральные обозные малороссійскихъ войскъ, а черезъ три года, съ уходомъ князя Михаила Вишневецкаго, который былъ командированъ королемъ за границу, въ качествѣ посла,—назначенъ гетманомъ. Въ Запорожьѣ его смѣнилъ Ѳесько Покотыло.

Гетманство Свирговскаго было недолговременно: участвуя въ 1575—1576 гг. въ войнѣ Молдавскаго господаря Ивона противъ валаховъ и турокъ, онъ послѣ нѣсколькихъ удачныхъ битвъ, попалъ въ засаду у города Киліи и погибъ вмѣстѣ со своимъ отрядомъ.

Король Сигизмундъ II умеръ въ 1572 году. Съ его смертью угасъ родъ Ягеллоновъ въ мужскомъ колѣнѣ, и въ Польшѣ возникъ вопросъ объ избраніи короля.

Хотя избирательный законъ и существовалъ въ Польскомъ государствѣ уже съ 1334 года, но до смерти Сигизмунда II практическаго примѣненія не получалъ. Смерть короля, не оставившаго послѣ себя наслѣдниковъ въ мужскомъ поколѣніи, послужила поводомъ къ созыву „Конвокаціоннаго сейма". Сеймъ этотъ постановилъ ввести „Pakta conventa", т. е. конституцію, которой будущій король долженъ былъ при-

Библиотека "Руниверс"

сягнуть. Благодаря этой конституціи, государственное управленіе всецѣло перешло въ руки пановъ—шляхты; одни лишь паны имѣли опредѣленныя права и рѣшали всѣ государственныя дѣла; даже рѣшеніе войны и мира принадлежало не королю, а сейму, въ которомъ засѣдали исключительно придворные сановники, воеводы, каштеляны, епископы и повѣтовые маршалки.

Первый выборный король Генрихъ Валуа черезъ нѣсколько мѣсяцевъ бѣжалъ во Францію. Въ Польшѣ настало междуцарствіе. Въ Малороссіи войска оставались безъ гетмана, такъ какъ послѣ Свирговскаго новый предводитель назначенъ еще не былъ.

Пользуясь этимъ обстоятельствомъ Крымская орда предприняла новое нашествіе на южно-русскія земли. Предупрежденные о появленіи татаръ крикомъ дикихъ птицъ, Запорожцы дали знать кіевскому воеводѣ и маршалку волынскому, князю Острожскому. Воевода, сколько могъ, собралъ казаковъ въ Кіевѣ, Каневѣ, Черкасахъ и, соединясь съ Запорожцами, выступилъ противъ орды. Татарскія полчища стояли уже надъ Днѣпромъ. Подползши къ нимъ сквозь камыши и кустарники, казаки привели орду въ замѣшательство, но это не предотвратило дальнѣйшаго ея выступленія. Увидя, что войско казацкое малочисленно, татары, оттѣснили его, вторглись въ Волынь и, произведя страшное опустошеніе, увели оттуда болѣе 55000 плѣнниковъ, способныхъ къ работѣ, 450000 лошадей, 200000 овецъ и 500000 головъ рогатаго скота.

Междуцарствіе въ Польшѣ продолжалось около трехъ лѣтъ. Только въ 1575 году шляхта выбрала въ мужья Аннѣ, сестрѣ Сигизмунда II, семиградскаго воеводу Стефана Баторія, который и вступилъ на Польскій престолъ. По словамъ малороссійскаго историка, бѣлорусскаго архіепископа Георгія Конисскаго († 1795 г.), при Стефанѣ Баторіи былъ золотой вѣкъ Малороссіи, но просуществовалъ онъ, этотъ „золотой вѣкъ“, очень недолго.

Въ 1576 году малороссійскимъ гетманомъ былъ назначенъ Ѳедоръ Богданъ (или Богданокъ). Король поручилъ ему наказать татаръ за ихъ набѣгъ на Волынь. Гетманъ собралъ свои полки и двинулся къ Азовскому морю. Войскового есаула Нечая онъ послалъ на низовья Днѣпра поднять противъ крымцевъ Запорожье. 5000 пѣшихъ Запорожцевъ, подъ предводительствомъ Нечая, отправились въ лодкахъ на Черное море и высадились на Крымскомъ полуостровѣ. Они обложили

Библиотека "Руниверс"

Козловъ и Кафу и, въ ожиданіи прибытія гетманскихъ войскъ, заперли у этихъ городовъ морскія гавани. Черезъ нѣкоторое время гетманъ съ главными силами появился въ Крымской степи. Разбивъ наголову нѣсколько татарскихъ полчищъ, онъ побѣдоносно шелъ далѣе. При поворотѣ отъ Днѣпровскаго лимана къ Перекопу, между Кинбургскими Кучугурами и Даріевымъ мостомъ его атаковали всѣ татарскія орды, соединившіяся подъ начальствомъ хана Девлетъ-Гирея. Полки гетманскіе шли четырьмя батовами; обозъ и резервъ—въ серединѣ. Стремительное наступленіе татаръ было встрѣчено дружнымъ артиллерійскимъ и ружейнымъ огнемъ. Пальба продолжалась болѣе часу. Врѣзавшіеся въ передовыя линіи казаковъ татарскіе панцырные всадники были опрокинуты и переколоты пиками. За ними напирали новыя толпы татаръ, но войска гетманскія стояли твердо и поражали ихъ мѣткимъ огнемъ. Наконецъ, порывомъ вѣтра были разсѣяны густыя тучи дыма, и казаки увидали передъ собою цѣлыя груды татарскихъ труповъ. Разбитые остатки непріятеля отступали къ мосту, соединявшему Кинбургскую косу съ Перекопскою степью, но посланная въ обходъ татарамъ легкая казацкая конница заняла мостъ и отрѣзала имъ путь отступленія. Затѣмъ гетманъ двинулъ впередъ свой резервъ, подкрѣпленный одною батавою и притиснулъ непріятеля къ заливу. Тѣснимые казаками, татары частью бросались въ воду и тонули, частью же были безпощадно перебиты.

Переправившись черезъ Сивашъ на Крымскій полуостровъ, гетманъ взялъ штурмомъ Перекопъ и истребилъ въ немъ весь гарнизонъ. Отъ Перекопа гетманскія войска дошли до Кафы, взяли и этотъ городъ, разграбили его и освободили 500 плѣнниковъ.

Дальнѣйшее наступательное движеніе было направлено гетманомъ на Бахчисарай и Козловъ, но подъ рѣкой Салгирью его встрѣтили съ дорогими подарками ханскіе послы и отъ имени своего повелителя просили заключить миръ. Взявъ еще около 800 плѣнниковъ, въ томъ числѣ 15 мурзъ, и освободивъ всѣхъ бывшихъ въ плѣну у татаръ христіанъ, гетманъ вернулся съ огромной добычей въ Малороссію. Морскому же отряду Запорожцевъ онъ поручилъ разгромить тѣ турецкіе города, гдѣ производилась торговля невольниками и освободить изъ Синопа и Трапезунта томившихся въ турецкихъ каторгахъ своихъ земляковъ, что Запорожцы блестяще и выполнили.

Вскорѣ послѣ этой экспедиціи къ королю явились послы придунайскихъ христіанъ и, жалуясь на притѣсненія со стороны турокъ,

Библиотека "Руниверс"

просили его защиты. Король опять далъ повелѣніе гетману наказать турокъ. Была снова снаряжена флотилія изъ запорожскихъ чаекъ и послана въ Черное море подъ предводительствомъ все того же неустрашимаго есаула Нечая, самъ же гетманъ со своимъ доблестнымъ войскомъ отправился въ Крымскія степи и, безпрепятственно пройдя ихъ, вступилъ въ землю Донскихъ казаковъ. Донцы встрѣтили его весьма радушно и способствовали его дальнѣйшему походу за Донъ и Кубань. Пройдя затѣмъ, Черкасскія земли, гдѣ ему тоже былъ оказанъ дружелюбный пріемъ, онъ запасся скотомъ и провизіей и направился къ азіатскому побережью Чернаго моря. Всѣ лежавшія на его пути турецкія поселенія были преданы разгрому; онъ прошелъ всю Анатолію, сжегъ Синопъ и Трапезунтъ и двинулся къ Цареграду. Переправившись черезъ Константинопольскій проливъ на территорію Европейской Турціи, гетманъ вступилъ въ Болгарію, объявивъ жителямъ этой страны, что, какъ своимъ единовѣрцамъ, онъ не причинитъ имъ никакого вреда. Болгары снабдили его продовольственными припасами и проводили до Дуная. Отъ тѣхъ же болгаръ гетманъ узналъ, что опустошавшіе Сербію турки ушли къ Адріанополю.

Переправившись между Варной и Силистріей черезъ Дунай на запорожскихъ чайкахъ, гетманъ вступилъ въ Молдавію, взялъ приступомъ Килію, истребилъ въ ней всѣхъ турокъ и армянъ и, мстя за гибель своего предшественника Свирговскаго, разграбилъ и сжегъ до основанія этотъ городъ, послѣ чего благополучно вернулся на родину.

Король Баторій цѣнилъ доблесть казаковъ, любилъ малороссійскій народъ, и въ его царствованіе между тремя соединенными народами было единство и братское согласіе. По словамъ историка Конисскаго, при Баторіи не было и религіозной розни между католиками и православными. Нерѣдко случалось, что когда отлучался изъ своей епархіи католическій епископъ, мѣсто его занималъ епископъ православный и на оборотъ—въ отсутствіе православнаго епископа, епархіей управлялъ католическій, и паства на это не роптала.

Какъ личныя заслуги храбраго гетмана Ѳедора Богдана, такъ и заслуги всего малороссійскаго народа были награждены королемъ привилегіей, данной слѣдующимъ его универсаломъ:

„Взглядомъ и увагою великихъ праць рыцарства и войскъ Русскихъ, якіи воны показалы и завше оказують въ оборони и расширеніи общей отчызны отъ супостативъ и извыклыхъ претендаторовъ

Библиотека "Руниверс"

зарубежныхъ и наибарзій отъ тыхъ проклятыхъ иноплеменныхъ магометанцивъ и басурманивъ, плюндруючихъ отчызну и завертаючихъ въ неволю людъ христіанскій, яко ся недавно за королевство наше учынылося, але, мылостью Божескою, звоевательствомъ вирнаго гетмана нашого Русскаго Богдана и войсками козацкими знатно одвергнуто и одплочено; уставуемъ и подтверждаемъ вси права, вольности и привилегіи войска того и всего народу Русскаго, антецессорами нашыми постановленными и утвержденныи и, якъ изъ виковъ бувало, тако да пребудетъ на вичныи времена и да не важытъ ни хто одминяты и нарушаты правъ и свободъ въ добрахъ вичистыхъ и добутыхъ и во всякихъ маеткахъ; а властни шафовать имы по своій воли и судытысь объ ныхъ имають въ своихъ земскихъ и гродскихъ судахъ, въ якихъ и засидаты выбраннымъ отъ рыцарства особамъ и судыты по своимъ правамъ и статутамъ Русскимъ; а хто належытъ до рыцарства войскового, тымъ судытыся въ обозахъ и табурахъ своихъ отъ судій же войсковыхъ, якихъ мы въ каждомъ полку учредыты повиливаемъ. Еднакъ справа до ныхъ належытъ о бремени воина и маетку его двыжымаго, донели же хто козакуе и вписанъ въ реестры войсковыи, а за поврочепемъ въ повиты и околыци, судытыся воны учнуть въ судахъ повитовыхъ и гродскихъ; яко станъ шляхетный, шляхетство Русское, въ чынахъ, урядахъ и реестровомъ козацстви знайдуючоесь, едность и равенство имуть съ шляхетствомъ Польскимъ и Литевскимъ, якоже зъедноченье Руси съ Польшею и Лытвою улажено есть и утверждено, и мы то подтверждаемъ и заховуемъ. Трыбуналу Русскому отправовать дила свои по прылычности въ новосозданномъ гроди нашомъ Батурыни, а якъ потреба укажетъ, то и въ Черкасахъ; тежъ и Гетманови Русскому резыдовать въ тымъ городи, а въ Черкасахъ маты намистныка своего изъ Генералытета войскового, якій мы значне росшырылы и заоздобылы, умножывъ и классы товарыства Бунчукового, Войскового и Значкового, якимъ помищатысь подъ бунчукомъ и при полковыхъ хоругвахъ; а бунчукъ мы жалуемъ Гетману въ знакъ звытяжства его зъ войскомъ своимъ надъ народомъ Азіатскимъ, отъ кого и клейнодъ сей добутъ працею Гетманскою и кровію Козацкою" *).

Вмѣстѣ съ пожалованіемъ гетману бунчука, король далъ ему, какъ знакъ гетманскаго достоинства, булаву и знамя съ гербомъ бѣлаго орла. Войсковой генералитетъ былъ увеличенъ прибавленіемъ генеральнаго есаула и генеральнаго бунчужнаго. Штатъ полковой старшины

*) Исторія Малороссіи Н. Маркевича, т. I, стр. 61—62.

Библиотека "Руниверс"

былъ увеличенъ учрежденіемъ въ каждомъ полку должностей судьи и писаря. По дѣламъ, касающимся военной службы, повелѣно было судиться казакамъ войсковымъ судомъ, по прочимъ же дѣламъ,—подобно шляхтѣ,—разбираться въ судахъ повѣтовыхъ.

Трибуналъ Малороссійскій состоялъ изъ семи департаментовъ, а именно: 1) Генеральной канцеляріи, откуда выходили гетманскія резолюціи, универсалы и повелѣнія, и верховнаго судилища, составлявшаго высшую апелляціонную инстанцію; 2) Генеральнаго суда гродскаго; 3) Генеральнаго суда земскаго; 4) Коммиссаріата, ревизовавшаго подкоморскія дѣла, управлявшаго и надзиравшаго за общественными зданіями, дорогами и переправами; 5) Скарбовой канцеляріи, вѣдавшей доходами и расходами страны; 6) Военнаго регимента, управлявшаго войсковыми дѣлами, и 7) Ревизіоннаго Комитета, ревизовавшаго всю скарбовую, т. е. по сборамъ и доходамъ отчетность и счета войсковые.

Для награжденія за военныя отличія тѣхъ товарищей, которые не занимали въ полкахъ и сотняхъ штатныхъ должностей, было введено, по повелѣнію короля, особое чинопроизводство въ слѣдующей постепенности.

Первая степень—Значковый товарищъ. Ему полагалось находиться въ полку при полковомъ знамени. Вторая степень—Войсковой товарищъ. Онъ состоялъ въ свитѣ гетмана и въ военное время находился при клейнодахъ. Чинъ его равнялся сотнику; и третья степень—Бунчужный товарищъ. Въ мирное время онъ назначался въ разныя комиссіи, въ качествѣ депутата отъ своего полка, а въ военное время состоялъ при гетманѣ „подъ бунчукомъ и знаменами". Чинъ его равнялся Полковому Обозному.

Производство во всѣ эти чины принадлежало власти гетмана и объявлялось въ его универсалахъ. Онъ же награждалъ производимыхъ деревнями, хуторами и другими ранговыми имѣніями. Жалованья же имъ никакого не полагалось.

Прежняя численность полковъ была увеличена съ 20 на 40. Территоріальный раіонъ каждаго полка составлялъ отдѣльную область со своимъ собственнымъ административнымъ управленіемъ и самостоятельнымъ судомъ, подраздѣлявшимся на военный и гражданскій. Главнымъ начальникомъ того и другого суда и представителемъ административной власти всего раіона полка былъ полковникъ. Со-

Библиотека "Руниверс"

вмѣщая въ себѣ военную и административную власть, онъ по теперешнему могъ бы быть названъ военнымъ губернаторомъ, если бы должность его не была выборною.

Казачье сословіе было сословіемъ привилегированнымъ. Оно не несло никакихъ земскихъ повинностей и было обязано только военною службой. Выборъ полковника и какъ начальника войсковой части, и какъ главы административнаго управленія той области, которая входила въ территорію полка, принадлежалъ исключительно казакамъ. Неслужилое крестьянское сословіе носило названіе посполитства. На немъ и лежали всѣ государственныя и земскія повинности, кромѣ одной лишь военной службы.

Вскорѣ послѣ войны поляковъ съ русскими 1579 года, въ которой участвовали и казаки, Гетманъ Ѳедоръ Богданъ умеръ. На его мѣсто былъ избранъ родственникъ волошскихъ господарей Павелъ Подкова, прозванный такъ за свою необычайную силу. (Онъ былъ громаднаго роста и свободно ломалъ руками конскія подковы).

Гетманство его продолжалось всего лишь около 3-хъ лѣтъ и было ознаменовано походомъ на Валахію. Когда дядя его, валахскій господарь Петръ Хромой, будучи низложенъ своими подданными, бѣжалъ въ Малороссію подъ его защиту, онъ, снарядивъ семь полковъ реестровыхъ и два охочекомонныхъ, вступилъ въ Валахію, разбилъ въ двухъ сраженіяхъ валахскія дружины и осадилъ Бухарештъ, но изъ города вышла депутація изъ представителей духовенства и народа и просила гетмана прекратить войну и принять господарское достоинство. Подъ убѣжденіемъ дяди своего и рады казацкой, Подкова согласился на предложеніе депутаціи и торжественно вступилъ въ Бухарештъ. Когда были совершены всѣ обряды, закончившіеся богатыми пиршествами. онъ оставилъ при себѣ человѣкъ двадцать казаковъ, въ качествѣ свиты. а остальныхъ отправилъ обратно въ Малороссію, но какъ только полки казацкіе вышли изъ города, было получено извѣстіе о смерти гетмана. Возвратившіеся съ тѣломъ его казаки разсказывали, что онъ былъ предательски убитъ: одинъ вельможа пригласилъ его въ свой загородный домъ, въ качествѣ воспріемника при крещеніи младенца. Здѣсь напали на него собравшіеся валахи, повалили на порогъ и отрубили ему голову. Бывшіе въ его свитѣ казацкіе старшины были тоже умерщвлены. Спасшіеся отъ такой же участи рядовые казаки унесли съ собою тѣло своего гетмана и доставили въ неуспѣвшее еще отойти далеко войско.

Библиотека "Руниверс"

Останки обезглавленнаго гетмана, погибшаго жертвой коварной хитрости валаховъ, были привезены казаками въ Малороссію и погребены въ Каневскомъ монастырѣ.

Послѣ Подковы гетманскую булаву получилъ преданный ему войсковой есаулъ Шахъ.

Чтобы найти способъ отомстить валахамъ за смерть своего предшественника, котораго обожало все казачество, Шахъ донесъ королю, что турки, покровительствуя Молдавіи и Валахіи, надвигаются къ границамъ Малороссіи и Польши. Король прислалъ повелѣніе оберегать границы и усилить пограничные разъѣзды.

Заручившись этимъ повелѣніемъ, Шахъ усилилъ свои войска и приблизился къ южной границѣ. Здѣсь ему удалось поймать нѣсколько турокъ, которыхъ онъ отослалъ къ королю въ доказательство того, что непріязненныя дѣйствія со стороны турецкихъ войскъ уже начались. Вслѣдъ затѣмъ онъ съ большими силами неожиданно появился въ Валахіи, подступилъ къ Букарешту, разгромилъ и выжегъ его предмѣстья, и осадивъ замокъ, потребовалъ выдачи виновниковъ смерти гетмана и господаря Подковы, грозя въ противномъ случаѣ обратить городъ въ груды развалинъ.

Главный бояринъ и 17 чиновниковъ, принимавшихъ участіе въ заговорѣ противъ Подковы, были выданы. Казаки обрѣзали имъ уши и повѣсили передъ Никольскою церковью, прибивъ у входа въ церковь доску съ надписью: „Тако караются вѣроломци и зрадци, пролывающіи кровь христыянську и неповынну“.

Султанъ потребовалъ возмездія казакамъ за это нападеніе на Валахію и велѣлъ арестовать всѣхъ находившихся въ обоихъ княжествахъ и въ Турціи польскихъ и малороссійскихъ купцовъ.

Король особымъ универсаломъ предалъ гетмана суду Войскового Малороссійскаго Трибунала. Судъ изъ генеральныхъ старшинъ и представителей отъ войскъ приговорилъ Шаха къ отрѣшенію отъ гетманства и заточенію въ монастырь. Осужденный, по своей доброй волѣ, постригся въ монахи въ томъ же монастырѣ, гдѣ покоился прахъ его друга, Павла Подковы, и остался тамъ до самой смерти.

Послѣ Шаха гетманомъ малороссійскимъ былъ избранъ Демьянъ Скалозубъ. При немъ крымскіе татары опять напали на приграничную

Библиотека "Руниверс"

Малороссію и увели въ неволю нѣсколько сотъ плѣнниковъ. Получивъ извѣстіе объ этомъ, гетманъ съ сильнымъ отрядомъ конницы двинулся въ обходъ татарамъ, съ цѣлью захватить ихъ, но тѣ успѣли уйти за Перекопъ и на огромномъ пространствѣ выжгли за собою степь. На донесеніе свое объ этомъ набѣгѣ татаръ, онъ получилъ изъ Варшавы повелѣніе освободить плѣнниковъ хитростью, не прибѣгая къ открытой войнѣ съ ордою.

Но закаленные въ битвахъ, пренебрегавшіе опасностью, неудержимымъ вихремъ не разъ проходившіе насквозь и потрясавшіе изъ конца въ конецъ все турецкое царство, казаки,—эти рыцари, удивлявшіе своей безпримѣрной храбростью весь міръ,—не знали иной хитрости, кромѣ военной.

Пославъ приказаніе кошевому Запорожскаго войска Нечаю снарядить лодки и приготовить Запорожцевъ въ эспедиціи морскимъ путемъ, гетманъ вскорѣ и самъ прибылъ съ конницею въ Сѣчь. Здѣсь часть казаковъ спѣшилась и вмѣстѣ съ низовцами сѣла на байдаки. Пройдя днѣпровскія гирла, флотилія казацкая вышла въ открытое море и поплыла двумя отрядами, изъ которыхъ одинъ, подъ командою малороссійскаго полковника Карпа Перебыйноса, долженъ былъ направиться въ Перекопскій заливъ, а другой, подъ командою писаря Запорожскаго войска Ивана Богуславца,—къ Крымскому полуострову. Задача послѣдняго была запереть гавани татарскихъ приморскихъ городовъ и перехватить въ морѣ отдѣльныя турецкія суда, увозившія плѣнныхъ христіанъ въ неволю.

Конный отрядъ реестровыхъ и охочекомонныхъ казаковъ, подъ командою самого гетмана, отправился къ Перекопу берегомъ моря. Дойдя до линіи перекопскихъ укрѣпленій, гетманъ передалъ командованіе надъ своими сухопутными войсками генеральному обозному Якову Сурмылѣ, приказавъ ему приступить къ ложной осадѣ этихъ укрѣпленій, чѣмъ заставить татаръ перевести плѣнниковъ въ приморскіе города; самъ же перебрался ночью на запорожскія лодки, отплылъ въ море и соединился съ флотиліей. Направивъ, затѣмъ, ее по разнымъ гаванямъ, онъ съ небольшимъ отрядомъ поплылъ въ Керченскій заливъ, гдѣ, по его расчетамъ, должна была происходить перевозка татарами на полуостровъ самаго значительнаго числа плѣнниковъ. Но какъ только неустрашимый вождь казаковъ вошелъ въ заливъ, турецкія суда, выйдя изъ Чернаго и Азовскаго морей, окружили его и послѣ долгаго и упорнаго сраженія взяли въ плѣнъ вмѣстѣ

Библиотека "Руниверс"

съ остаткомъ разбитаго отряда. Гетманъ былъ отправленъ въ Константинополь, заключенъ въ подземелье и заморенъ голодомъ. Такая же неудача постигла и отрядъ запорожскаго писаря Ивана Богуславца. Богуславецъ и немногіе оставшіеся въ живыхъ товарищи его были схвачены турками у Козлова и обречены на тяжкія работы, но, спустя нѣкоторое время, приплывшіе къ Козлову въ своихъ легкихъ чайкахъ запорожцы, съ помощью жены турецкаго паши, Семиры, выручили плѣнниковъ. Съ ними бѣжала и Семира. По прибытіи на родину Богуславецъ женился на своей избавительницѣ.

Генеральный обозный Сурмыло, узнавъ объ участи гетмана, рѣшилъ вернуться со своимъ отрядомъ въ Малороссію, чѣмъ и окончилась эта неудачная экспедиція.

Н. П. Шадурскій.

Библиотека "Руниверс"

ПИСЬМА Н. ГРЕКОВА КЪ Ѳ. А. КОНИ

I.

Іюля 13-го 1856 г.

Ваше письмо, какъ успокоительный пластырь легло на мою больную душу, любезнѣйшій и добрѣйшій Ѳедоръ Алексѣевичъ! а оно дало мнѣ нѣсколько истинно отрадныхъ минутъ, столь рѣдкихъ для меня съ того времени, какъ я схоронилъ моего Ѳедора. Я читалъ и перечитывалъ его нѣсколько разъ сряду. Благодарю васъ, тысячу разъ благодарю за это утѣшеніе, въ которомъ такъ нуждается вашъ старый и преданный вашъ товарищъ. Сложить въ могилу цѣлый міръ надеждъ, въ 48 лѣтъ, когда перспектива жизни съ каждымъ днемъ становится уже и короче, не легкое дѣло, добрый другъ мой! Благодарю Господа, пославшаго мнѣ силу нести этотъ тяжелый крестъ, подъ которымъ однако не твердо иду я—спотыкаюсь и падаю часто. Еще болѣе благодарю Его за то, что при всѣхъ сильныхъ ударахъ, поражавшихъ меня въ жизни онъ всегда будилъ въ душѣ уснувшую вѣру и вливалъ въ нее упованіе на свое милосердіе. Безъ нихъ я не хотѣлъ бы жить пять минутъ въ этомъ слишкомъ грустномъ для меня мірѣ. Смерть моего милаго незабвеннаго отрока, котораго оплакиваютъ даже посторонніе люди, кажется, навсегда покрыли для меня траурною завѣсью и жизнь и природу. Я такъ пристально глядѣлъ всегда на мое солнце, что теперь, куда бы не взглянулъ, вездѣ вижу однѣ темныя пятна. Образъ этого мальчика во всемъ видятъ глаза мои, а тоска по немъ дѣйствуя на мои и безъ того раздражительные нервы, такъ бываетъ сильна, что порою выходитъ за границы нормальнаго состоянія. Бываютъ такія минуты, что, если бы не было стыдно, я бы кричалъ отъ нея, какъ кричатъ отъ нестерпимой физической боли. Въ это время я ухожу всегда въ ограду церкви, находящейся въ нѣсколькихъ шагахъ отъ моего дома и окруженной двумя тѣнистыми великолѣпными садами,

Библиотека "Руниверс"

Тамъ, въ кругу восьми безцѣнныхъ для меня могилъ, осѣняемыхъ вѣтвями акацій, сирени и черемухи, я провожу каждый день часъ и два,—бесѣдую съ моими однокровными, молюсь и плачу, горько плачу. Поэзія могилъ—самая высокая поэзія, добрый другъ мой! Она вызываетъ на уста горячую молитву изъ самаго холоднаго сердца и раздуваетъ въ немъ заснувшую искру вѣры. Прочь, Гегели и Шеллинги, со всѣми своими великолѣпно туманными системами! Какое дадутъ они утѣшеніе моему больному, разбитому горемъ сердцу, которому такъ отрадно вѣрить словамъ Того, Который сказалъ: „въ дому Отца моего обителей много“ или: „придите ко мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные и я успокою васъ“? Никакого,—напротивъ—они постараются убить послѣднее мое упованіе, эти великіе люди.

Наплакавшись до сыта я возвращаюсь домой съ угомонившейся тоскою и какимъ то отраднымъ чувствомъ. Слезы—животворная влага для души угнетенной горемъ, онѣ смываютъ съ нее многое, многое....

Chaque larme, Infant,
Lave quelque chose!

сказалъ В. Гюго, и сказалъ истину

Но простите, ради Бога, простите меня, если я слишкомъ далеко увлекся моимъ горемъ и наскучилъ вамъ своими іереміадами! Что дѣлать, душа требуетъ изліяній, безъ которыхъ, право, разорвалось бы мое сердце, переполненное скорбью.

. . . . . .

Любя вашъ Пантеонъ и желая ему всего лучшаго, я надѣюсь въ скоромъ времени прислать вамъ драгоцѣнную вещь: стихотворенія А. С. Грибоѣдова. Ихъ очень много у одного изъ моихъ коротко-знакомыхъ, именно: у Степана Никитича Бѣгичева, истиннаго друга автора Горе отъ ума. Эта комедія была писана у него въ деревнѣ, и я часто сижу въ той бесѣдкѣ, гдѣ замышлялись всѣ характеры этого безсмертнаго произведенія. Наши семейства очень дружны между собою и въ первый разъ, какъ я поѣду къ нему или онъ будетъ у меня я возьму эти стихотворенія и тотчасъ пришлю къ вамъ. Два года назадъ этотъ почтенный и замѣчательный старикъ, во многихъ отношеніяхъ, навязывалъ на меня работу, отъ которой я отказался и по недостатку времени, и по лѣни—неизлѣчимой во мнѣ болѣзни. Онъ хотѣлъ чтобы я пересмотрѣлъ и переправилъ статью, написанную имъ о Грибоѣдовѣ, бывшимъ съ нимъ неразлучно съ самой ранней моло-

Библиотека "Руниверс"

дости до отправленія своего въ Персію. Я возьму у него и эту статью и доставлю ее къ вамъ, а вы ужъ потрудитесь сами и выправите ее. Эти стихотворенія и статья будутъ капитальныя вещи. Имъ позавидуютъ многія журналы. Пришлю вамъ такъ же прошлое стихотвореніе Пушкина, которое никогда, нигдѣ не было напечатано. Приложилъ бы его къ этому письму, да не отыскалъ его еще въ моихъ бумагахъ, а наизусть помню только его начало, которое напишу здѣсь для того, чтобы вы могли по немъ справиться не попало ли оно въ изданіе Анненкова, а его я не имѣю. Вотъ оно:

Я жизнь люблю, когда полна
Игривыхъ, сладостныхъ мечтаній,
Она была озарена
Сіяніемъ яркихъ упованій
И наслажденьямъ отдана.

Вы меня увѣдомьте объ этомъ поскорѣе и вмѣстѣ съ этимъ увѣдомленіемъ, будьте такъ обязательны—скажите мнѣ: были ли напечатаны въ „Пантеонѣ“ (начиная съ 1849 до 1854-го года я не читалъ его) два отрывка присланные мною: „Демонъ и женщина“, которые посвящены мною Бѣгичеву. Если они не были напечатаны, то, ради всѣхъ музъ, прошу васъ напечатайте ихъ! Старикъ не даетъ мнѣ отдыха,—такъ нравится ему мой демонъ. Въ то время, когда я прислалъ къ вамъ эти два отрывка (кажется въ 51-мъ или въ 52-мъ году) они вѣроятно не могли быть пропущены цензурой, но теперь „другіе дни—другое дѣло“, какъ сказалъ Языковъ.

На вопросъ вашъ: намѣренъ ли я печатать отдѣльною книжкою мои стихотворенія, отвѣчаю вамъ вопросомъ: печатать или нѣтъ? что вы скажете, на то я и рѣшусь. Если вы присовѣтуете, въ такомъ случаѣ я много выкину пьесъ изъ старой тетради, многія выправлю и много прибавлю новыхъ. По увѣдомленіи вашемъ составлю новую тетрадь стихотвореній и пришлю ее къ вамъ въ полное ваше распоряженіе.

Что еще сказать вамъ?—Чрезъ Московскихъ моихъ знакомыхъ я получилъ приглашеніе отъ Русскаго Вѣстника и Русской бесѣды. Современникъ такъ же передаетъ его мнѣ черезъ моего кореспондента, но до сихъ поръ я еще ничего не посылалъ да и врядъ ли пошлю: не люблю славянофиловъ, да и вообще не охотникъ до Московскихъ журналовъ, хотя въ Рус. Вѣст. есть дѣльныя ученыя статьи и славные стихи Огарева, а въ Русск. Бесѣдѣ два замѣчательныхъ стихотворенія И. Аксакова. Да Богъ съ ними! Я остаюсь только вѣренъ

Библиотека "Руниверс"

своему Пантеону, у котораго однако же, пора мнѣ выслужить мундиръ за безпорочную 18-ти лѣтнюю службу и надежду, что онъ когда нибудь напечатаетъ мою физіономію, которая, право, не хуже физіономіи В. Зотова.

Когда посылаемые мною стихи будутъ напечатаны, я пришлю вамъ еще два стихотворенія, съ которыми въ самомъ началѣ 1855 года Панаевъ разстался съ сокрушеннымъ сердцемъ: они не были пропущены цензурою. Съ ними вмѣстѣ въ подарокъ Пантеону повѣсть, бывшую также въ редакціи Современника въ то время и претерпѣвшую одинакую участь съ этими стихотвореніями, отъ цензуры: такъ искрестили ее, что надо было переписывать снова. Но теперь можетъ быть позволятъ ее напечатать.

На предложеніе ваше, чтобъ я перевелъ означенныя вами драмы, скажу вамъ, что въ настоящее время я не могу предпринять никакого труда, требующаго усидчивости: боленъ душой и тѣломъ. Въ первой тоска смертельная, во второмъ цѣлая коллекція человѣческихъ немощей: разстройство нервъ, печени, геморрой, ревматизмъ и катаръ—„чего хочешь, того просишь“.

Очень жалѣю, что моего старшаго сына нѣтъ дома въ настоящее время: я бы прислалъ вамъ нѣсколько музыкальныхъ пьесъ его, для приложенія къ Пантеону. За всѣ скорби, которыми богата жизнь моя, Богъ послалъ мнѣ въ отраду добрыхъ дѣтей и все артистовъ.—Есть музыкантъ, пѣвецъ, музыкантши и пѣвицы, есть живописецъ и, слава Богу, ни одного поэта!

Но пора кончить длинное мое посланіе, отъ котораго, я думаю, вы порядочно устали. Три листа! легко сказать, а каково пречесть! За то какъ я отдохнулъ душою, бесѣдуя съ вами на нихъ, добрый другъ мой! Видите эгоизмъ—это вездѣ впереди у человѣка. Что дѣлать,—видно такъ созданы.

Съ нетерпѣніемъ буду ждать вашего отвѣта. Не замедлите утѣшить меня.

Искренне преданный вамъ

Н. Грековъ.

Библиотека "Руниверс"

P. S. Сейчасъ получилъ 4-й № Пантеона и не могу (въ предосторожность вамъ) не замѣтить, что стихотвореніе К. Павловой, „люблю я васъ“ было напечатано въ прошломъ году въ Отечеств. Запискахъ. Жалѣю, что я не живу постоянно въ Москвѣ, я цѣлую бы кучу прислалъ вамъ ея стиховъ, мы очень хорошо съ нею знакомы. По моему мнѣнію изъ женщинъ поэтовъ, она у насъ первая.

Посылаю мою повѣсть теперь, прилагая къ ней особый листикъ замѣтокъ.

II.

Ямбъ и хорей мнѣ давно надоѣли, какъ многое въ жизни,
Годны они лишь дѣтей забавлять погремушкою риѳмой.
Нѣтъ за гексаметръ берусь я, и имъ начинаю посланье
Къ вамъ, добрый другъ и товарищъ, въ отвѣтъ на привѣтъ благозвучный.
Дружески жму Вашу руку, сто разъ говоря вамъ: спасибо!—
Взятое прямо со дна угнетеннаго горестью сердца.
Да, ваша память меня оживила надеждой отрадной,
Свѣтлый мнѣ день подаривъ въ этой жизни безцвѣтной и скучной.
Право, я думать ужъ началъ, что времени этого злого
Чадо,—забвенье, которое все здѣсь заноситъ, какъ замять
Зимней порою дороги—меня въ вашей памяти, другъ мой,
Такъ же навѣкъ занесло и въ холодную Лету спустило.
Этой я смерти страшился всегда, не страшася могилы.
Дружески жму вашу руку за память и теплыя строки
Что же скажу вамъ? о риѳмахъ моихъ говорить ли вамъ снова?
Право я вамъ благодаренъ душою за вашу заботу,
Добрый мой другъ, о судьбѣ этихъ выходцевъ жаркихъ изъ сердца.
Но откровенно скажу-ль вамъ: да, я къ ихъ судьбѣ равнодушенъ.
Что мнѣ за дѣло, что выйдутъ они или не выйдутъ въ печати
Цѣлою книгой въ забаву иль скуку холодному свѣту!
Въ тысячу разъ мнѣ пріятнѣй ихъ видѣть въ листкахъ Пантеона,
Гдѣ вы даете пріютъ имъ, вы строгій цѣнитель искусства.
Мысли безумной: извѣстность стяжать, я лелѣять не смѣю.
Нѣсколько звуковъ удачныхъ излившихся прямо изъ сердца,

Библиотека "Руниверс"

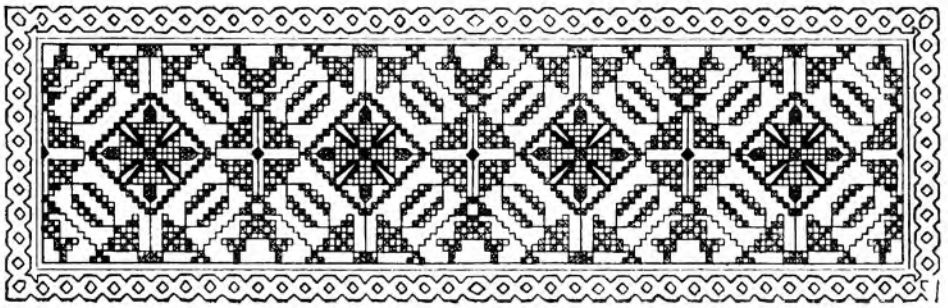
Съ свѣтлою мыслью и полныхъ горячаго чувства, я знаю:
Тронувши чье нибудь сердце глубоко своимъ благозвучьемъ,
Имя мое не оставятъ другимъ поколѣньямъ на долго.
Да и правду сказать я бъ отрады большой въ томъ не видѣлъ:
Бѣдное счастье извѣстность безъ счастья другого на свѣтѣ
Весь его блескъ въ перелетной молвѣ, въ восклицаньяхъ восторга,
Въ этомъ гремящемъ порывѣ похвалъ и разумныхъ и глупыхъ,
Свѣтлаго дня къ моей жизни ему бы никогда не прибавить.
Нѣтъ, я искуство люблю для искуства, какъ цѣль, а не средство—
Или пожалуй какъ средство: отрадную сладкую каплю
Смѣшивать съ горькимъ напиткомъ на пирѣ холодномъ у жизни.
Эту я каплю купилъ дорогою у рока цѣною;
Молотъ судьбы ее выбилъ, изъ полнаго горечью сердца.
Въ жизни поэзія: роза въ гирляндѣ изъ терньевъ колючихъ,
Лучъ отдаленной звѣзды, окруженной и хладомъ, и мракомъ,
Жалоба странная небу на бѣдность земныхъ наслажденій
Или, быть можетъ (отрадная мысль!)—въ ней просвѣтъ лучезарный
Ярко блестящаго дня за холодной и темной могилой.
Между житейскихъ волненій, печали завѣтъ и страданій.
Пью ароматъ этой розы, любуясь ея красотою
Дружески жму вашу руку за память и милыя строки.

Н. Грековъ.

P. S. И за отправленный мнѣ Пантеонъ; но его я не вижу.
Въ городъ Ефремовъ пріѣхать ему по желѣзной дорогѣ.
„Нѣтъ, не бывалъ онъ“, одинъ я отвѣтъ уже пятый разъ слышу.
Чудная вещь! непонятная вещь! говорю я какъ Глинка.
Что же съ нимъ сталось, и гдѣ же онъ гость мой желанный?
Жалуюсь вамъ на него, какъ отцу на пропавшаго сына;
Право, мнѣ кажется онъ надо мною смѣется жестоко.
Я же давно его жду, распростерши широко объятья.
Вы, какъ отецъ его, добрый мой другъ, попеняйте за это
Да поскорѣе его на свиданье ко мнѣ прогоните,
Есть вѣдь на это квитанція и пропадать онъ не можетъ.

Сообщено **А. Ѳ. Кони.**

Библиотека "Руниверс"



Воспоминанія Анны Козьминичны Лелонгъ

Наканунѣ Новаго Года, нашего храмоваго праздника, опять убирался и мылся домъ. Разбирали нашу елку, лакомства съ нее получали мы; въ этотъ же день почти всегда пріѣзжала наша тетя Варвара Ивановна изъ Бойчицъ. Ея пріѣздъ былъ для насъ большой радостью, мы всѣ ее очень любили.—Она всегда такъ мило и живо разсказывала намъ о разныхъ событіяхъ въ своей жизни. Навезетъ, бывало, намъ множество лакомствъ собственнаго приготовленія. Вечеромъ всегда наканунѣ Новаго Года бывала всенощная и молебенъ Василію Великому. Вечеръ проводили семейно. Встрѣчи Новаго Года у насъ въ старину до моего выхода замужъ никогда не было. Общимъ совѣтомъ вечеромъ составлялось меню праздничнаго обѣда. Призывался Тихонъ, который уже заранѣе успѣлъ приготовить заливныя въ фигурныхъ формахъ, это блюдо онъ называлъ „галантинъ", и приготовленіемъ его очень хвалился.—Его всѣ очень упрашивали хорошенько приготовить обѣдъ и не напиться пьянымъ раньше нашего обѣда, что онъ конечно, обѣщалъ, но не всегда исполнялъ. Часто его приходилось выручать нашимъ горничнымъ, старухамъ, которыя умѣли стряпать не хуже его. Вечеромъ послѣ ужина подаваемаго всегда въ 9-ть часовъ устраивали въ столовой гаданье: брали лукъ, изъ котораго вынимали середину такъ, что образовывалась луковая чашечка, такихъ чашечекъ дѣлали 12-ть, по числу мѣсяцевъ, въ каждую чашечку насыпали соль, и клали ихъ кругомъ на столѣ, дѣлая надъ каждой чашечкой надпись мѣсяца начиная съ Января. А намъ давали два стакана и мы въ нихъ сами наливали воду, а въ воду выпускали яичный бѣлокъ.—Утромъ Новаго Года всѣ вставали рано, зажигали огни во всѣхъ комнатахъ. Всѣ мы отправлялись въ столовую, пропитанную отвратительнымъ запахомъ лука, мы дѣти съ любопытствомъ брали наши стаканы и смотрѣли

Библиотека "Руниверс"

на фантастическія фигуры, образованныя въ нихъ бѣлкомъ въ видѣ храмовъ, башенъ или замковъ, изъ этихъ фигуръ мы старались создать себѣ какое либо пріятное для насъ значеніе. Старшіе же съ любопытствомъ осматривали луковыя чашечки и въ которой соль была мокрая, то тотъ мѣсяцъ по замѣчанію долженъ быть дождливымъ, или снѣжнымъ, смотря по времени года. Этому предсказанію кажется очень довѣряли; такъ какъ брали записную книжечку и записывали въ нее въ какіе мѣсяцы будетъ ведро и въ какіе ненастье. Предсказывали какая будетъ уборка хлѣба сухая или мокрая и т. д.

Приказывали все это скорѣе убрать и освѣжить комнату и для этого затапливали печи, открывали всѣ форточки, курили какимъ то душистымъ порошкомъ.

Отдавали разныя приказанія на счетъ обѣда, завтрака и пріема ожидаемыхъ на этотъ день гостей. Всѣ наши уѣзжали къ обѣднѣ. Насъ дѣтей въ этотъ день въ церковь не брали.

Для насъ это утро было очень веселымъ, мы выпрашивали себѣ у Ѳедора Ильича приготовлявшаго закуску гостямъ, на наши кукольныя тарелочки разныхъ разностей: копченой ветчины, красиво нарѣзанной ломтиками, а также сыру и икры. Въ старину все это подавалось нарѣзанное красивыми четырехугольными кусочками на множествѣ тарелочекъ. У Аксиньюшки выпрашивали также на игрушечныя тарелочки маленькихъ маринованныхъ рыжиковъ, опенокъ, а у тети Саши кусочки сырого тѣста. Я начинала изъ него дѣлать куличики и пышки для нашихъ куколъ, все сдѣланное изъ тѣста отправляла въ кухню къ Тихону печь. И начинался грандіозный пиръ у куколъ. Обѣдня въ этотъ день кончалась позднѣе и мы успѣвали до возвращенія нашихъ окончить нашъ кукольный пиръ и съѣсть все нами выпрошенное и приготовленное. Наши пріѣзжали отъ обѣдни вмѣстѣ съ тетей Варей, усаживались за чай, благодушно бесѣдуя о текущихъ событіяхъ, не забывая и политику. Много было толковъ о строгости и силѣ характера императора Николая I-го. Но его, насколько помню, не осуждали за это и даже какъ бы восхищались этой силой; но это не мѣшало имъ уважать и декабристовъ, читать стихи Рылѣева и Пестеля.

Съ 1850 года хотя, я еще и была очень мала, но помню какъ всѣ толковали о возможной войнѣ съ Турціей и съ тревогой по этому поводу встрѣчали Новый годъ.

Библиотека "Руниверс"

Часовъ съ 12-ти начинали съѣзжаться гости и подавали завтракъ; разныя закуски, пироги и непремѣнно въ сотейникѣ телячья печенка въ сметанѣ.

За завтракомъ подавались разные фигурные графинчики съ различными водками, настоенными на разныхъ травахъ и молодомъ смородиновомъ листѣ; первая называлась травникомъ и имѣла видъ чая, а послѣдняя называлась листовка, и имѣла прекрасный яркій зеленый цвѣтъ.

Первыми всегда пріѣзжали гости изъ Клементьева.

Клементьево было отъ насъ только въ 6-ти верстахъ.

Тамъ жили родственные другъ съ другомъ семейства Гололобовыхъ и Рудневыхъ, послѣдніе были сродни и намъ по бабушкѣ, урожденной Колеминой. Тетя Александра Павловна очень любила семью Рудневыхъ, которая вначалѣ состояла изъ вдовы Александры Васильевны, которую мы звали тетей, у ней было двѣ дочери: Анна Владимировна замужемъ за Григоровымъ, жила въ Зарайскѣ, была очень несчастлива и умерла молодой. Вторая дочь Елизавета, дѣвица кончившая въ Смольномъ институтѣ хорошенькая, чувствительная, любимица моей тети Александры Павловны. Сынъ Василій Владиміровичъ, офицеръ, кутила, игрокъ, очень веселый, добродушный, тоже любимецъ нашей семьи. Александръ Владиміровичъ—ученый профессоръ Московскаго Университета, скучный, вѣчно думавшій о своемъ здоровьѣ; его, кажется, никто не любилъ, но всѣ очень уважали и даже, кажется, немного побаивались:—такъ онъ всѣхъ нашихъ милыхъ, простыхъ деревенскихъ обитателей угнеталъ своей ученостью и педантизмомъ во всемъ. Бывалъ онъ въ деревнѣ рѣдко. Еще у нихъ было два брата студента—Евгеній и Леонидъ, но я ихъ почти не помню, они были очень красивы, и оба умерли въ юности.

Тетя Александра Васильевна умерла вскорѣ послѣ своей дочери Анны Владиміровны и я уже больше помню ея вторую дочь Елизавету жившую въ домѣ своей бабушки, матери Александры Васильевны, Анны Яковлевны Гололобовой. Помню ихъ низенькій чистенькій домикъ съ мезониномъ на верху;—какъ въ немъ было уютно и хорошо. Маленькая зала имѣла видъ сада, вся была заставлена цвѣтами и отъ зелени въ комнатѣ былъ полусвѣтъ.

Библиотека "Руниверс"

Между зелеными кустами была масса кустовъ, которые цвѣли яркими розовыми и красными цвѣтами.

Полъ въ этой комнатѣ былъ посыпанъ чистымъ золотистымъ пескомъ.

Посрединѣ комнаты стоялъ обѣденный столъ окруженный стульями, и мнѣ казалось всегда, что мы обѣдаемъ въ саду.

Семья эта состояла изъ бабушки Анны Яковлевны, старушки лѣтъ 85-ти, хорошенькой, маленькой, худенькой, бѣленькой, въ черной накидкѣ и чепчикѣ съ лиловыми или желтыми лентами; она уже никуда не выѣзжала, но сохранила ясный разумъ, была очень привѣтлива и гостепріимна: съ ней жила дочь Прасковья Васильевна, дѣвица, старуха, которая по словамъ матери и тетки была настоящая красавица съ молоду, и не вышла замужъ потому, что была очень разборчива. Она и въ старости не могла примириться съ потерей красоты, немного румянилась и носила черный парикъ, поверхъ котораго надѣвался изящный бѣлый чепчикъ. Она занималась всѣмъ домашнимъ, хозяйствомъ и была очень скупа, что замѣчали всѣ посѣтители ихъ дома и часто надъ ней за глаза посмѣивались. Съ ними жилъ сынъ Анны Яковлевны Василій Васильевичъ Гололобовъ, отставной маіоръ, онъ велъ все полевое хозяйство и всѣ дѣла своей матери, былъ холостъ и тоже уже очень немолодъ, имѣлъ невѣсту въ Егорьевскомъ уѣздѣ, нѣкую де-Медемъ, которая все время водила его, какъ говорится за носъ, оставляя его про запасъ, но лучшихъ жениховъ такъ и не дождалась, старухой уже вышла за него замужъ въ одинъ годъ со мной и умерла вдовой въ Клементьевѣ, гдѣ ихъ дѣти живутъ до сихъ поръ. Потомъ у нихъ послѣ смерти матери жила Елизавета Владиміровна и двѣ дочери другого сына вдовца Ардаліона Васильевича Гололобова—Анна и Лиза. Отецъ служилъ гдѣ то очень далеко, а дѣвочки воспитывались у бабушки. Учила ихъ Елизавета Владиміровна, отецъ за нихъ платилъ ей большія деньги, а также и за ихъ содержаніе своей матери, ихъ бабушкѣ. Помѣщались всѣ три барышни въ мезонинѣ на верху. Я была очень дружна съ Лизой Гололобовой, которая была старше мени года на три. Жизнь этихъ дѣвочекъ у бабушки была довольно печальная. Прасковья Васильевна была страшно своевольна и по своей скупости плохо ихъ одѣвала и кормила, а Елизавета Владиміровна не смотря на свою сантиментальность и поэтичность была очень капризная учительница.

Библиотека "Руниверс"

И вотъ они, вся семья изъ Клементьева, какъ самая ближайшая, пріѣзжала къ намъ всегда первая. Я всегда бывала очень рада пріѣзду Лизы Гололобовой. Сейчасъ, бывало, уведу ее къ себѣ на верхъ показываю ей свои куклы, книги, а она бывало мнѣ разсказываетъ о своихъ горестяхъ и обидахъ, которыя имъ съ сестрой приходилось терпѣть отъ Прасковьи Владиміровны и отъ Елизаветы Владиміровны. Впослѣдствіи, когда отецъ этихъ дѣвочекъ вернулся со службы, вся семья поселилась около насъ въ Торжневѣ въ разстояніи меньше версты отъ Карцева. Отецъ Лизы и Анны—Ардаліонъ Васильевичъ, купилъ или получилъ въ наслѣдство небольшое количество земли, въ Торжневѣ, выстроилъ маленькій хорошенькій домикъ и переѣхалъ въ него жить съ обѣими дочерями, изъ которыхъ старшая Анна скоро вышла замужъ, а Елизавета осталась полной хозяйкой въ домѣ отца и, мы съ ней навсегда остались большими пріятельницами.

Вскорѣ послѣ гостей изъ Клементьева пріѣзжали къ намъ изъ Плѣшковъ—докторъ Милоглядовъ съ женой Екатериной Ѳедоровной. Онъ былъ другомъ моего отца, служилъ военнымъ докторомъ въ томъ же полку, гдѣ и отецъ, одновременно съ нимъ вышелъ въ отставку и женился на Зарайской помѣщицѣ. Между нимъ и его женой ничего не было общаго. Онъ до конца жизни оставался студентомъ стараго времени, любилъ классицизмъ, восхищался древними мыслителями и любилъ декламировать латинскіе и греческіе стихи. Любилъ вспоминать свое дѣтство, которое прошло въ глухомъ селѣ Муромскаго уѣзда. Онъ былъ сынъ бѣднаго дьячка, любилъ на свое рожденіе (рожденіе и именины приходились въ одинъ день) всегда разсказать, что мать его родила въ полѣ, гдѣ жала рожь и принесла его новорожденнаго въ подолѣ своего платья домой. Припоминалъ, какъ ходилъ домой изъ семинаріи босой и пѣшкомъ и т. д. Былъ онъ, какъ говорятъ, настоящій красавецъ, рослый, статный. У меня въ памяти, остался уже старикомъ, но и тогда былъ очень еще красивъ.

Насъ дѣтей онъ очень любилъ и баловалъ. Жена же его, урожденная Солнцева, была сиротой воспитана въ очень важной аристократической семьѣ; получила прекрасное по тому времени свѣтское воспитаніе, постоянно страдала нервными болѣзнями, возмущалась плебейскими вкусами своего мужа, ревновала его ко всѣмъ хорошенькимъ крестьянкамъ и горничнымъ. Семейная ихъ жизнь была очень печальна. Много разъ она собиралась разводиться съ мужемъ и моему отцу, которому всегда супруги Милоглядовы отдавали на судъ свои ссоры, большого труда стоило мирить ихъ. Кромѣ Милоглядовыхъ

Библиотека "Руниверс"

пріѣзжали Мельгуновы: они имѣли небольшое имѣніе въ Карцевѣ, которое получили отъ совершенно посторонней—старой дѣвы Рогозиной, за что, помню, мать и тетя ихъ осуждали находя, что старикъ Мельгуновъ разными интригами перессорилъ старуху Рогозину съ ея настоящими наслѣдниками Марсочниковыми, чтобы получить ея имѣніе. Къ намъ ѣздили молодые Мельгуновы, дѣти старика Ивана Андреевича, котораго я уже почти не помню, онъ умеръ когда я была еще очень невелика. Къ намъ пріѣзжали два брата Николай и Иванъ Ивановичи оба холостые и двѣ барышни очень миловидненькія—Анна и Варвара. Варвара вышла скоро замужъ, а Анна такъ и осталась дѣвицей и всегда жила и живетъ съ братомъ Иваномъ Ивановичемъ въ родовомъ имѣніи Боркахъ. Эти барышни, особенно меньшая Анна или, какъ мы ее звали Аннеттъ, была тоже нашей подругой, хотя была лѣтъ на 7 старше меня, но она была очень моложава, хорошенькая, тоненькая, кудрявая, румяная, была любимицей брата Ивана Ивановича. Тотъ постоянно и дома, и въ гостяхъ, цѣловалъ ее. Послѣ пріѣзда Меньщиковыхъ всѣ уже начинали волноваться, что пора обѣдать, а Селивановыхъ изъ Любава все нѣтъ.

И вотъ въѣзжаетъ сразу множество экипажей, сначала повозка, въ ней сидитъ старушка Варвара Павловна съ горничной, старая дѣвица, воспитательница всей многочисленной семьи брата, рано потерявшаго красавицу жену, умершую родами послѣдняго сына Василія, который остался навсегда при отцѣ и сталъ послѣ его смерти хозяиномъ Любава. Остальные сыновья получили другія имѣнія и, по зимамъ большею частью живали въ Москвѣ. Иногда пріѣзжалъ и старикъ Василій Павловичъ, нашъ крестный отецъ, тоже въ отдѣльной повозкѣ и съ своимъ лакеемъ, но онъ ѣздилъ рѣдко.

И наконецъ въѣзжалъ возокъ, въ которомъ помѣщались молодые Селивановы—Василій Васильевичъ съ женой Маріей Дмитріевной,—также съ своей горничной. Пріѣздъ молодыхъ Селивановыхъ поднималъ весь домъ вверхъ дномъ. Марія Дмитріевна была уже много лѣтъ замужемъ, имѣла много дѣтей, но оставалась до конца своей жизни институткой стараго времени, любила музыку, сама очень мило пѣла, прелестно танцовала, любила всегда вспоминать свою жизнь въ институтѣ, обожала всю царскую фамилію и была платонически влюблена во всѣхъ Великихъ Князей, сыновей Николая I-го, изъ которыхъ Константинъ Николаевичъ былъ ея ровесникомъ. Никакими домашними и хозяйственными дѣлами не занималась, и относилась къ этимъ занятіямъ съ полнымъ презрѣніемъ, за что

Библиотека "Руниверс"

на нее часто сердился ея свекоръ, Василій Павловичъ, и въ свою очередь съ презрѣніемъ относился къ ея романтизму и сантиментальности. По его желанію, она должна была въ 8 часовъ утра сидѣть за самоваромъ, и зимой и лѣтомъ и ложиться спать въ десятомъ часу вечера и присутствовать при заготовленіи запасовъ осенью и лѣтомъ. Она не смѣла его ослушаться, и съ французскимъ романомъ въ рукахъ сидѣла въ погребѣ въ креслѣ, смотрѣла какъ солили огурцы или укладывали рубленную и шинкованную капусту въ кадки; за всѣ эти вынужденные подвиги называла свекра деспотомъ, тираномъ. Мужъ ее очень любилъ, послѣ смерти отца очень ее баловалъ и тогда она стала вести самую оригинальную жизнь, по своему вкусу. Вставала въ 5 часовъ пополудни, обѣдала въ 9-ть часовъ вечера, вечерній чай пила въ 11 часовъ, ужинала никогда не раньше 2 или 3-хъ часовъ утра и ложилась спать въ 5 или 6-ть часовъ утра: такъ что съ Октября до весны она не видала дневного свѣта, вставая, когда уже наступалъ вечеръ. Она была очень добрая, сердечная и религіозная женщина горячо любящая свою семью, но оригиналка замѣчательная, съ дѣтскимъ взглядомъ на жизнь.

И вотъ какъ только пріѣзжала она въ Карцево, начиналась суетня, ей отводили отдѣльную комнату, для этого насъ на одну ночь переселяли внизъ, въ образную, около спальни матери. Въ комнату, отданную Маріи Дмитріевнѣ, вносили ея чемоданы, шкатулки, горничныя бѣгали съ утюгами и сама Марія Дмитріевна одѣвалась къ обѣду, къ которому ее давно ожидали. Наконецъ всѣ были готовы и садились за столъ. Мать всегда страшно волновалась, боясь что уже поздно, Тихонъ пьянъ и обѣдъ будетъ испорченъ.

Насъ, дѣтей, сажали отдѣльно, вмѣстѣ съ Лизой Гололобовой и мальчиками Селивановыми, если пріѣзжали съ родителями изъ Кошелева, гдѣ жилъ старшій сынъ Василія Павловича—Павелъ Васильевичъ Селивановъ съ женой Александрой Александровной, очень красивой женщиной. Она была родомъ изъ Малороссіи и сохранила всѣ привычки той страны, страстно любила цвѣты и очень занималась садомъ. Мужъ ея былъ некрасивый, толстый, хромой, но имѣлъ прекрасный цвѣтъ лица и румяныя щеки; несчастье ихъ семьи составляли два сына Василій и Сергѣй, оба отъ рожденія глухонѣмые. Эти мальчики были ровесники намъ съ сестрой, но на Новый Годъ пріѣзжали рѣдко, такъ какъ почти всегда ихъ семья зиму, съ ноября до марта, жила въ Москвѣ. Александра Александровна всегда была очень ласкова со мной, привозила всегда намъ гостинцы и мнѣ, зная

Библиотека "Руниверс"

мою любовь къ цвѣтамъ, всегда давала цвѣточныя сѣмена для моего садика, учила меня за ними ухаживать и научала дѣлать букеты изъ простыхъ полевыхъ и садовыхъ цвѣтовъ. Вся ея жизнь съ глухонѣмыми дѣтьми была полна страданій. Она сумѣла выучить ихъ говорить не только ручной азбукой но и гортанными звуками; слышать ихъ разговоръ было очень тяжело. Она ихъ также выучила прекрасно писать и мы съ ними всегда разговаривали письменно.

Потомъ ихъ отдали въ Петербургъ въ институтъ глухонѣмыхъ, за нихъ вносили очень дорогую плату. Ей предлагали готовить одного мальчика и за это учить ея дѣтей безплатно, но она отъ этого отказалась, говоря, что того, что она дѣлала для своихъ несчастныхъ дѣтей, для посторонняго ребенка ни за какія деньги не сможетъ выполнить. Послѣ, когда глухонѣмыя дѣти уже выросли, у ней родился еще сынъ Николай, прелестный здоровый мальчикъ съ хорошимъ слухомъ и уже 6—7-ми лѣтъ говорилъ не только по русски, но и по французски. Но несчастная жизнь съ глухонѣмыми дѣтьми и глуповатымъ капризнымъ мужемъ, такъ разстроила ея организмъ, что вскорѣ послѣ рожденія Николая она стала болѣть и только спустя нѣсколько лѣтъ начала лѣчиться отъ болѣзни, которая уже давно зрѣла въ ея организмѣ; доктора посовѣтовали ей сдѣлать операцію, но она послѣ нея умерла, оставивши своего ненагляднаго мальчика Колю круглымъ сиротой. Онъ и до сихъ поръ владѣетъ Кошелевымъ, женатъ, имѣетъ дѣтей, прелестную, милую, добрую жену.

Глухонѣмые братья его умерли. Василій умеръ молодымъ, а Сергѣй недавно, старикомъ.

Итакъ всѣ усаживались за обѣдъ. Нашъ столъ, дѣтскій, къ которому еще присоединялись иногда и Анюта Мельгунова и Анночка Гололобова, былъ превеселый. Я часто забавляла моихъ гостей подражая старшимъ, на что была великая мастерица.

На нашъ столъ ставили превкусную шипучую водицу, которую называли „водянкой“; она имѣла вкусъ очень сладкаго шипучаго вина и мы ее пили въ маленькихъ рюмочкахъ; на нашъ столъ подавались остатки всѣхъ блюдъ и въ большомъ количествѣ пирожное, шоколадный пломбиръ съ очень вкусными бисквитами.

Послѣ обѣда пили кофе и подавали десертъ почти всегда домашняго приготовленія: разныхъ сортовъ варенья, пастилы, которыя тетя

Библиотека "Руниверс"

Александра Павловна дѣлала превосходно, смоквы, яблоки свѣжіе и моченые, орѣхи—вареные въ меду, въ сахарѣ и просто каленые и свѣжіе, которые съ осени, самые крупные и зрѣлые насыпались въ особые кувшинчики и замазывались глиной и закапывались въ подвалѣ въ землю и вынутые изъ земли имѣли вкусъ совершенно свѣжихъ, только что сорванныхъ съ кустовъ орѣховъ. Нѣкоторые гости усаживались за карточные столы играли въ преферансъ, другіе мирно бесѣдовали. Прислуга тоже пировала; пріѣзжіе лакеи и горничныя послѣ обѣда также получали десертъ; тетя для этого нарочно варила медовое варенье. Имъ также давали каленыхъ орѣховъ, моченыхъ яблокъ и брусники.

Послѣ чая, часовъ въ 7-мь, начинались у насъ въ залѣ танцы и игры въ фанты. Марія Дмитріевна играла на нашемъ старомъ, разбитомъ роялѣ; танцовали подъ ея игру и подъ органъ, играли въ фанты, пѣли подблюдныя пѣсни, иногда приходили ряженые горничныя и лакеи, которые такъ хорошо плясали, что даже картежники бросали карты, чтобы посмотрѣть пляшущихъ. Послѣ обѣда наше общество увеличивалось пріѣздомъ священника и дьякона; они, пропѣвши тропарь празднику и сказавши многолѣтіе хозяевамъ, оставались у насъ уже какъ гости. Нашъ молодой и красивый дьяконъ Иванъ Петровичъ прекрасно распѣвалъ дуэты съ Маріей Дмитріевной, а подъ ея акомпаниментъ пѣвалъ и одинъ романсы по ея выбору. И такъ проходилъ вечеръ. Послѣ ужина ближайшіе гости, какъ, напримѣръ, изъ Клементьева, изъ Борокъ и, если бывали, изъ Кошелева, уѣзжали домой. Ихъ провожали съ фонарями, если ночь была темная. Остальные гости оставались ночевать и только на другой день послѣ обѣда разъѣзжались домой; у насъ оставалась гостить только одна тетя Варвара Ивановна, чему бывали очень рады. Она проживала у насъ иногда мѣсяцъ, а иногда и больше.

3 и 4-е января мы еще считали святками и проводили также какъ и первые дни, но съ наступленіемъ 5-го января, все сразу измѣнялось—убирали и мыли домъ, мы до святой воды могли, если хотѣли, пить одинъ только чай безъ хлѣба, выпивши предварительно прошлогодней Богоявленской воды. Мы съ отцомъ пивали чай, но мать и тетя, а такъ же и тетя Варя никогда не пили чаю, и въ часъ дня всѣ отправлялись въ церковь.

Насъ также брали съ собой. Мы отстаивали обѣдню и водосвятіе, по окончаніи котораго весь народъ съ глиняными кувшинами стре-

Библиотека "Руниверс"

мился къ кадкамъ съ освященной водой. Это бывала настоящая война и никто не могъ остановить этой давки другъ друга. Кувшины бились, вода проливалась. Намъ дьячки или дьяконъ приносили нашу посуду, наполненную водой и свѣчку „крещенскую". Эта свѣчка горѣла все водосвятіе на паникадилѣ около чаши съ водой.

Свѣчу эту берегли въ домѣ. Пріѣхавши домой мы пили чай и это былъ нашъ обѣдъ; вмѣстѣ съ чаемъ всегда въ этотъ день у насъ бывалъ компотъ изъ сушеныхъ плодовъ и чернослива и кутья изъ рису.

Чай пили съ постной булкой и больше ничего не ѣли въ этотъ день. Вечеромъ, священникъ съ причтомъ служилъ всенощную, послѣ которой скоро уѣзжали домой, а мы всѣ, дѣти и большіе, ложились спать.

На утро Крещенья, мы всѣ отправлялись къ обѣднѣ. Послѣ обѣдни былъ всегда крестный ходъ на Іордань, которая устраивалась на рѣчкѣ; спускаться къ этому мѣсту надо было съ очень крутой горы, рѣчка окружена была прелестнымъ небольшимъ сосновымъ лѣсомъ. Лѣтомъ этотъ лѣсъ былъ однимъ изъ любимыхъ мѣстъ нашихъ прогулокъ, въ немъ бывало много разныхъ грибовъ и на погостѣ, какъ въ семьѣ священника, такъ и въ семьѣ дьякона, насъ очень любили и всегда радушно принимали. Зимой же во время крещенскаго крестнаго хода, видъ этотъ мнѣ тоже очень нравился. При яркомъ зимнемъ солнцѣ лѣсокъ покрытый инеемъ блисталъ серебромъ и драгоцѣнными алмазами, золотыя хоругви, образа, священники въ праздничныхъ золотыхъ парчевыхъ ризахъ, толпы народа, все это запечатлѣлось въ моемъ дѣтскомъ воспоминаніи и мы съ большимъ благоговѣніемъ выстаивали всю службу водосвятія, несмотря иногда на очень сильные крещенскіе морозы. Разъ даже я обморозила на Крещенье щеку; отъ чего, помню, мнѣ ее мазали гусинымъ саломъ. Мы возвращались въ церковь, но многіе изъ народа, особенно тѣ, которые наряжались на святкахъ въ маски, что считалось грѣхомъ, оставались на Іорданѣ и купались въ ледяной водѣ. Я не помню ни одного случая, чтобы кто нибудь заболѣлъ послѣ такого купанья. Послѣ обѣдни вся наша семья съ тетей Варей, возвращалась домой, позавтракавши, также какъ и на Рождество и Новый Годъ вкуснымъ, обильнымъ деревенскимъ, жирнымъ завтракомъ, ложились отдыхать. Послѣ обѣда приходилъ священникъ съ причтомъ, со святой водой, кропили вездѣ: въ домѣ, въ ригѣ, на скотномъ дворѣ, въ амбарахъ, въ кухнѣ и людскихъ избахъ. Священникъ и дьяконъ оставались нашими гостями весь вечеръ, а дьячковъ

Библиотека "Руниверс"

угощала наша прислуга въ дѣвичьей или прихожей, хотя закуски и кушанья имъ подавались тѣ-же, что и намъ, но послѣ закуски и водки они отправлялись домой.

6-го былъ послѣдній святочный вечеръ. Съ 7-го января наступали будни. Послѣ святокъ зимніе дни становились больше, наша семья чаще стала выѣзжать изъ дома къ ближайшимъ сосѣдямъ, выбирая для этого лунныя ночи. Въ Клементьево иногда брали и меня съ собой,—помню, какъ хорошо было ночью при лунѣ, прокатиться шесть верстъ, по прекрасной зимней дорогѣ,—кругомъ тихо, красота. Точно волшебная сказка, все какъ бы убрано серебромъ и драгоцѣнными камнями, особенно красива казалась наша старая усадьба, когда мы подъѣзжали къ ней, садъ освѣщенный луной съ его громадными деревьями покрытыми инеемъ, въ домѣ окна были освѣщены огнемъ, въ ожиданіи насъ.

Природа для насъ, выросшихъ въ деревнѣ, настоящая ласковая мать, она способна успокоить и утѣшить во всѣхъ горестяхъ и печаляхъ. Дѣтство проведенное въ деревнѣ, навсегда оставляетъ свое вліяніе на человѣка. Я отъ всего моего сердца желаю, чтобы мои дорогія дѣтки, для которыхъ я пишу эти записки, также любили наши мирные поля и лѣса, какъ ихъ любила и я. И такъ, проходитъ январь, яркій, солнечный, морозный и наступаетъ февраль.

Несмотря на морозы и вьюги, въ воздухѣ уже чувствуется приближеніе весны. Нигдѣ, не бываетъ такъ замѣтно приближеніе ея, какъ въ деревнѣ. Яркій свѣтъ солнца, ослѣпительная бѣлизна снѣга, все уже не то, что было въ декабрѣ и январѣ. 3-го февраля я весело въ дѣтствѣ праздновала свои именины. Получала отъ отца копѣекъ 50 денегъ, размѣненныя на мелкія серебрянныя монеты, это были единственныя деньги, которыя я имѣла право тратить безотчетно, по своему усмотрѣнію, на рожденіе мнѣ отецъ тоже всегда дарилъ золотой въ 10 руб., но эти деньги у меня сейчасъ же отбирали и тетя ихъ сберегала въ особомъ старинномъ ящичкѣ, они впослѣдствіи были выданы, когда я съ матерью поѣхала въ Москву, передъ моей свадьбой дѣлать „приданое“. Потомъ отецъ, мать и тетя дарили мнѣ разныя лакомства, я всегда получала деревянную створчатую коробочку конфектъ; въ ней были разныя фигурки изъ сахара или покупныя конфекты съ картинками, вкусъ этихъ конфектъ ничѣмъ не отличался отъ простого, да еще плохого сахара. Кромѣ этого я получала палочку

Библиотека "Руниверс"

шоколада. Тетя Соня приносила кусокъ сырого тѣста изъ котораго я могла мѣсить, что хотѣла сама для себя съ сестрой Настей. Шоколадъ тоже позволялось варить самой въ комнатной печкѣ съ помощью Алефтины и, такъ какъ въ этотъ день были имянинницы и мои куклы, то изъ тѣста приготовляла множество маленькихъ пышечекъ, хлѣбовъ и разныхъ фигурокъ, все это тоже пеклось въ нашей комнатной печкѣ и пиръ выходилъ на славу.

Участіе въ угощеніи кромѣ насъ съ сестрой принимали и наши молоденькія горничныя, а лакомства и конфекты я раздавала моимъ деревенскимъ пріятелямъ ребятишкамъ. Съ половины февраля, во время моихъ прогулокъ, я почти не разставалась съ садовникомъ нашимъ старикомъ Виссаріономъ,—начинали набивать парники навозомъ въ ящикахъ, въ избѣ онъ уже начиналъ сажать на пробу сѣмена арбузовъ, дынь, тыквъ и огурцовъ.

Въ домѣ послѣ половины февраля тоже прекращалась зимняя работа. Горничныя убирали свои самопрялки, гребни, донцы, намыки льна. Въ ткацкой избѣ становили станы и ткачъ Герасимъ начиналъ ткать изъ пряжи наготовленной зимой горничными, полотна, гирныя скатерти, салфетки и полотенца, а горничныя, кто готовилъ подушки для плетенія кружевъ, наматывали на тоненькія коклюшки тончайшія нитки. Тетя съ Аксиньюшкой составляли рисунки для кружевныхъ работъ.

Мать моя приказывала вносить свои пяльцы; въ нихъ вплиливали очень туго мельчайшую канву и она принималась за работу своихъ чудныхъ картинъ, вышиваемыхъ шерстями. Въ этой работѣ она была настоящая художница, въ то время во всѣхъ почти деревенскихъ помѣщичьихъ домахъ были вышитыя картины, но лучше и мельче картинъ моей матери я ни у кого не видала.

Мы съ сестрой очень радовались когда мать начинала перебирать свои шерсти въ шифоньеркѣ, два ящика въ которой были биткомъ набиты разными шерстями и шелками всевозможныхъ цвѣтовъ и каждый цвѣтъ былъ подобранъ по тѣнямъ, начиная отъ самаго темнаго, почти чернаго, и кончая свѣтлымъ почти бѣлымъ; многіе сорта, оставались лишними, ненужными и мать ихъ отдавала намъ и мы тоже начинали вышивать разныя вещи по папье поке, которую намъ покупали разныхъ цвѣтовъ. Вышивали закладки для книгъ, картинки для

Библиотека "Руниверс"

портъ-летръ, въ подарки роднымъ и знакомымъ. Вязали разные коврики, поддонники подъ лампы и подсвѣчники и т. д. Въ февралѣ же почти всегда была и масляница, и передъ ней кромѣ естественныхъ нашихъ горъ, съ которыхъ мы на ледянкахъ всю зиму катались съ ребятишками, подъ покровительствомъ нашей няни, намъ дѣлали большую ледяную гору. Наши люди ѣздили въ зарѣчныя села, Дѣдново, Бѣлоомутъ и Ловцы за рыбой и гречневой мукой на блины; всегда оттуда привозили намъ хорошенькія лубочныя салазки, въ видѣ маленькихъ санокъ. Въ нихъ мы катались съ нашей новой дѣланной горы. Съ понедѣльника масляницы намъ и всей дворнѣ пекли блины,—мясо какъ съ нашего стола, такъ и со стола прислуги изгонялось, никто его не ѣлъ въ нашей усадьбѣ до Пасхи. Со среды масляницы и прислугѣ давали лошадей для катанья на дровняхъ или въ большихъ пошевняхъ. Въ четвергъ къ намъ на блины съѣзжались сосѣди. Забота о блинахъ занимала весь домъ. Боялись какъ бы Тихонъ поваръ не напился въ четвергъ, совѣтовались въ случаѣ если Тихонъ будетъ не въ состояніи печь блины, кто его замѣнитъ и, кажется, это всегда приходилось дѣлать тетѣ Сашѣ, нашей домашней булочницѣ, и замѣна ею Тихона всегда была удачна. Въ пятницу наши ѣздили на блины въ Либаво или Клементьево, а въ субботу всегда были торжественные блины въ Боркахъ у Мельгуновыхъ, куда иногда брали и насъ. Семья Мельгуновыхъ была какая-то необыкновенная, льстивая, вѣжливая до приторности, всѣ братья, ихъ было трое, постоянно кланялись и въ чемъ то все извинялись, это меня въ дѣтствѣ очень забавляло, но барышни были всѣ премилыя, веселыя, умныя. Особенно близко мнѣ пришлось сойтись съ Иваномъ Ивановичемъ Мельгуновымъ и его сестрой Анной Ивановной, но о нихъ мнѣ придется, вѣроятно, сказать дальше въ моихъ запискахъ, а потому перехожу опять къ описанію масляницы, какъ она проходила у насъ въ деревняхъ во время моего дѣтства.

Наконецъ наступалъ послѣдній день масляницы „прощенное воскресеніе“. Чего, чего только не пеклось и не варилось въ этотъ день, бывали блины всѣхъ сортовъ, разныя печенья на маслѣ и яицахъ, рыбы съ разными приправами и соусами. Этотъ день всѣ наши родные и знакомые обязательно проводили дома въ своей семьѣ.

Дворня въ этотъ день тоже праздновала, имъ выдавалась обильная провизія и водка. Нашъ садовникъ, старикъ Виссаріонъ вообще сосредоточенный и мрачный, совершенно преображался въ этотъ день.

Библиотека "Руниверс"

Часа въ два запрягались двое или трое дровней, на однихъ вмѣсто постельника ставили кадушку или бочку и на нее становился Виссаріонъ Родіоновичъ, наряженный въ мантію сшитую изъ рогожи и шапку также украшенную мочальными перьями. Онъ ѣхалъ впереди, сзади ѣхали другія сани съ нашей дворней, набитые биткомъ народомъ, въ этихъ саняхъ пѣли пѣсни, играли на гармоніяхъ. Этотъ поѣздъ объѣзжалъ всю деревню, къ нимъ присоединялись другіе ряженые съ деревни на своихъ саняхъ; ѣздили съ пѣснями по другимъ деревнямъ, гдѣ тоже присоединялись къ нимъ катающіеся и ряженые и подъ предводительствомъ нашего Виссаріона образовывалась громадный поѣздъ. Катанье это, называвшееся проводами масляницы, съ пѣснями продолжалось до сумерекъ. Вечеромъ часовъ въ 7-мь наша зала наполнялась народомъ, приходили всѣ крестьяне домохозяева „прощаться". Каждый крестьянинъ имѣлъ въ рукахъ узелокъ съ разными приношеніями, въ видѣ баранокъ, длинныхъ бѣлыхъ хлѣбовъ изъ подрукавной муки, намъ дѣтямъ приносили иногда пряники—коврижки очень темныя и очень пахнувшія медомъ. Отецъ, мать, тетя и мы выходили къ крестьянамъ въ залу, со всѣми цѣловались, желали другъ другу хорошо провести постъ и въ радости встрѣтить день Свѣтлаго Христова Воскресенія.

Приношенія складывались въ большую корзину; а крестьянъ угощали водкой и нарѣзанной кусочками соленой рыбой.

Въ воскресенье, приходили прощаться только карцевскіе крестьяне; подосиновскіе и борисловскіе пріѣзжали въ субботу, но тѣ собирались не всѣ вмѣстѣ и ихъ принимали въ дѣвичей, отъ нихъ также принимались хлѣбы, баранки и т. д. и угощали виномъ и рыбой.

По уходѣ крестьянъ залу затворяли, плотно, такъ какъ она была полна запаха овчинныхъ шубъ и грязи.

Намъ вскорѣ послѣ этого подавали ужинъ въ столовой.

Послѣдній скоромный ужинъ начинался блинами, которые называли „тужики", кромѣ блиновъ подавались горячая уха, рыба подъ соусомъ и жареная, все это оставалось въ изобиліи и отправлялось въ дѣвичью, гдѣ и съѣдалось частью самими горничными и лакеями, а частью ими отправлялось въ людскую дворовымъ людямъ. Послѣ ужина подавался самоваръ съ разными сдобными печеньями и пили послѣдній чай со сливками до котораго всѣ, кромѣ отца, были большіе охотники. Эта послѣдняя трапеза называлась „заговѣнье"; послѣ чая всѣ тор-

Библиотека "Руниверс"

жественно прощались другъ съ другомъ, при желаніи хорошо провести постъ и въ радости дождаться Свѣтлаго Христова Воскресенія.

Съ грустью бывало идешь на верхъ съ мыслью, что масляница веселая, шумная кончилась и наступаютъ будни.

Утро „чистаго понедѣльника" помню было для насъ самымъ печальнымъ пробужденіемъ.

Входитъ бывало няня, приноситъ будничныя платьица, простые черные коленкоровые передники и говоритъ такъ: „вставайте, вставайте дѣти скорѣе, проздравляю васъ, заговѣвшись на хрѣнъ да на рѣдьку, да на бѣлую капусту;—идите скорѣе пить чай, да и за уроки, пора приниматься".

Скучное это утро бывало. У всѣхъ какія то постныя лица. Чай всѣ пили съ медомъ, намъ давали баранки и хлѣбъ принесенные крестьянами, что было послѣ обильной масляницы не вкусно. Послѣ чая мы дѣти садились за уроки; а внизу подымалась страшная возня, бабы мыли полы, прислуга убирала и чистила посуду, шкафы, изъ которыхъ изгонялось все, что могло напоминать скоромную ѣду. Изъ окна нашей комнаты видѣнъ былъ дымъ изъ трубы бани, которая также всегда топилась въ этотъ день.

Послѣ класса мы занимались уборкой нашихъ куколъ, имъ мы то же старались придать самый будничный видъ. Все нарядное прятали и наряжали ихъ во все старое, на всю первую недѣлю поста.

У насъ няня отбирала на эту недѣлю карты; а гармоники у насъ прятали куда-то на весь постъ, а также и пѣсенники. Лото и карты намъ по прошествіи первой недѣли возвращали обратно. Въ часъ насъ съ верху звали обѣдать. За обѣдомъ подавали вареный горохъ или какую нибудь кашицу безъ масла. Эту недѣлю до субботы у насъ за столомъ даже постнаго масла не подавали.

Потомъ подавали соленые грибы и компотъ изъ своихъ сушеныхъ яблокъ и ягодъ. Все было невкусно. Ѣсть этой стряпни не хотѣлось, но отказываться мы не смѣли, и должны были ѣсть, что намъ давали.

Послѣ обѣда горничныя и тетя принимались рѣзать ломтями, принесенный крестьянами хлѣбъ, ихъ на большихъ желѣзныхъ листахъ

Библиотека "Руниверс"

сушили въ печахъ, складывали въ ящики, и мы эти сухари очень любили, и ѣли ихъ почти весь постъ съ чаемъ.

Послѣ обѣда мы уходили гулять и здѣсь все мое постное грустное настроеніе проходило. Во время веселой шумной масляницы на погоду я какъ то мало обращала вниманія, но теперь я вся отдавалась моимъ наблюденіямъ и всегда сердце мое наполнялось радостью, чувствуя, что приближается весна чудная свѣтлая, радостная.

Нигдѣ ея приближеніе не бываетъ такъ замѣтно какъ въ деревнѣ и нигдѣ она не приноситъ столько радости какъ здѣсь. Большое счастье тому, кто раннее дѣтство провелъ въ деревнѣ, нигдѣ какъ въ деревнѣ не научается человѣкъ любить природу всѣмъ своимъ сердцемъ и эта любовь къ матери-природѣ остается у человѣка на всю жизнь.

Въ концѣ февраля и началѣ марта все уже стало не то, что было зимой,—яркій свѣтъ слѣпитъ глаза, среди дня на солнышкѣ таетъ, всѣ соломенныя крыши обвѣшаны, какъ бахрамой ледяными сосульками. Зайдешь бывало въ садъ къ Виссаріону и тамъ много новаго. Парники уже совсѣмъ готовы и въ нихъ уже насажены огурцы, арбузы, дыни и тыквы. Съ какой любовью старикъ Виссаріонъ занимался этимъ дѣломъ; онъ очень любилъ разсказывать намъ, какъ растетъ и развивается каждое изъ посаженныхъ имъ зернышекъ. Отъ Виссаріона пройдемъ на скотный дворъ, тамъ уже множество прелестныхъ ягнятокъ, на которыхъ мы всегда любовались. На птичьемъ дворѣ тоже много перемѣнъ: утки, гуси, индѣйки и куры начали уже нестись. Намъ показываютъ ихъ яйца. У насъ съ сестрой было по одной собственной курицѣ. Яица отъ этихъ куръ приносили намъ и мы собирали ихъ въ свои корзиночки. Нагулявшись до сыта придешь домой, а тамъ все уже чисто вымыто и полъ и цвѣты, которые тоже смотрятъ по вешнему, сочно, весело, даютъ новые побѣги. Все это стало замѣтно послѣ того какъ ихъ отмыли отъ зимней пыли. Вообще все, какъ на воздухѣ такъ и въ домѣ становилось свѣтлѣе, веселѣе; все выглядывало уже иначе чѣмъ зимой. Всегда это становилось особенно замѣтно съ наступленіемъ поста. Всю первую недѣлю все имѣло самый строгій видъ. За обѣдомъ не подавали даже постнаго масла, а только всѣ кушанья приправлялись маковымъ молокомъ и каждый день подавался компотъ изъ сухихъ плодовъ, заготовляемыхъ лѣтомъ на всю зиму. Помню разъ на первой недѣлѣ поста пріѣхалъ къ намъ изъ Клементьева нашъ дальній родственникъ Александръ Владиміровичъ Рудневъ, крестный моей тети Александры Павловны, котораго она

Библиотека "Руниверс"

очень любила и уважала за его ученость (онъ жилъ въ Москвѣ и служилъ въ университетѣ), онъ былъ нервный и страшно мнительный; мнительность его доходила почти до сумашествія.

И вотъ его на первой недѣлѣ пришлось угостить обѣдомъ; по его желанію ему сварили манную кашку на парномъ молокѣ. Я помню какой это переполохъ произвело во всей нашей женской прислугѣ; а мы дѣти смотрѣли на него какъ на идолопоклонника. Но вотъ первая недѣля кончилась. На первой въ субботу пекли постные блины, подавали разные постные масла, орѣховое, любимое моей матери, маковое и свое ярко-зеленое конопляное. Къ блинамъ также подавали творогъ, сдѣланный изъ густого маковаго молока, которое при кипяченіи съ солью и небольшимъ количествомъ лука ссаживалось въ крутую массу какъ настоящій творогъ. Послѣ цѣлой недѣли сухоядѣнія столъ съ масломъ намъ казался ужъ очень вкуснымъ.

Въ воскресенье послѣ обѣдни намъ возвращали наши веселыя книги съ пѣснями и стихами, отдавали карты, спрятанныя на всю недѣлю въ столы, и мы могли опять играть въ куклы и карты, бѣгать, и т. д. Обѣды изобиловали множествомъ постныхъ блюдъ, пирогами съ разными начинками и сладкимъ съ вареньемъ, яблоками. А весна уже совсѣмъ начинаетъ вступать въ свои права. Вотъ, бывало, выйдешь на крыльцо, на солнышко, въ воздухѣ новые птичьи голоса, бѣгутъ друзья ребятишки съ радостной вѣстью „грачи прилетѣли". Сколько радости слышалось въ этихъ словахъ, спѣшишь въ домъ, хочется поскорѣе своимъ сообщить эту радостную вѣсть, и опять бѣжишь на дворъ, хочется самой посмотрѣть виновниковъ нашей радости.

Грачей вездѣ цѣлыя стаи и на деревьяхъ и на дорогѣ,—всѣ худые, безобразные, съ громадными бѣлыми носами. Я очень любила разсказывать моимъ пріятелямъ ребятишкамъ о томъ, какъ далеко приходилось грачамъ летѣть, чтобы попасть къ намъ.

Старалась какъ можно страшнѣе изобразить ихъ путешествіе въ наши края, чтобы этимъ описаніемъ возбудить расположеніе моихъ маленькихъ друзей къ этимъ безобразнымъ заморенымъ птицамъ. 9-го марта на „сѐроки" (какъ называли этотъ день), пекли изъ тѣста жаворонковъ. Тѣсто приготовлялось прѣсное въ родѣ слоенаго, часто, при урожаѣ орѣховъ, на орѣховомъ маслѣ. Мать сама ихъ дѣлала изъ заранѣе приготовленнаго для этого тѣста. Дѣлала она это печенье очень

Библиотека "Руниверс"

искусно. Въ срединѣ сидѣла птичка съ черненькими глазками изъ коринки, а кругомъ она была окружена завитушками изъ тѣста, которыя должны были изображать волны, по которымъ къ намъ плывутъ жаворонки и другія птицы. Около половины марта, бывало, идешь утромъ рано по насту снѣга, который сравнялъ всѣ овраги, и вездѣ можно идти не боясь проваловъ, и слышишь, что въ полѣ уже заливается жаворонокъ; сколько радости приносила намъ его первая пѣсня. Еще прошло дня два и около нашихъ скворешницъ, которыхъ у насъ всегда бывало множество на всѣхъ почти большихъ деревьяхъ въ саду и усадьбѣ, порхаетъ уже множество скворцовъ, суетятся, очищаютъ свои скворешницы. Прошло много лѣтъ съ моего счастливаго дѣтства, я уже давно старуха, но и теперь всегда съ особеннымъ чувствомъ удовольствія встрѣчаю нашихъ милыхъ скворчиковъ и радуюсь, что имъ хорошо и уютно въ моемъ старомъ саду около нашего балкона. Великій постъ шелъ, недѣля за недѣлей,—наступала четвертая недѣля поста. Въ среду на этой недѣлѣ пекли кресты изъ такого же тѣста, какъ 9-го марта пекли жаворонковъ и за обѣдомъ у насъ спрашивали, не слыхали ли мы, какъ треснулъ и переломился постъ пополамъ? Всѣ радовались что наступаетъ вторая половина поста, что ближе приближаемся къ Пасхѣ. На пятой, а чаще на шестой вся наша семья говѣла. Весь домъ въ эту недѣлю принималъ совсѣмъ особый видъ. Въ залѣ, въ углу передъ образомъ ставили столъ, на который приносили еще образа, клали свѣчи, передъ образами ставились стеклянные подсвѣчники съ восковыми свѣчами; на этомъ же столѣ лежали священныя книги нужныя для богослуженія, а также риза и стихарь (все это было у насъ собственное, а не церковное), тутъ же на стулѣ висѣло кадило и намъ казалось, что зала стала чѣмъ то въ родѣ храма. Мы по ней почти не ходили, а если и проходили, то всегда тихо, смирно и говорили полушепотомъ. Вся зала, прихожая устилались половиками и въ понедѣльникъ въ семь часовъ утра пріѣзжалъ священникъ, дьяконъ и два дьячка; приходилъ народъ желающій говѣть и вся зала и прихожая наполнялась имъ, какъ въ церкви. Начиналась великопостная служба. Мы стояли всей семьей въ дверяхъ гостинной. Сначала шла заутреня,—очень долго, какъ мнѣ казалось.

Послѣ заутрени мы и священникъ съ дьякономъ отправлялись пить чай въ столовую, дверь изъ которой на эту недѣлю въ залу была плотно закрыта и мы въ нее ходили черезъ гостинную. Часовъ въ 10 или 11 опять начиналась служба, служили великопостные часы, съ поклонами. По окончаніи часовъ священникъ съ причтомъ уѣзжалъ домой. Мы часа въ два обѣдали, столъ въ эту недѣлю былъ

Библиотека "Руниверс"

самый строго-постный,—масла постнаго не подавалось. Послѣ обѣда насъ отпускали гулять и тутъ наше тихое религіозное настроеніе пропадало. Кругомъ все было такъ весело, такъ полно жизни. Снѣгъ таялъ, бѣжали ручейки, скворцы весело хлопотали около своихъ гнѣздъ.

Возьмемъ бывало свои лопатки и пропускаемъ воду; посмотримъ, что дѣлаетъ Виссаріонъ въ своемъ парникѣ; но вотъ видимъ опять ѣдутъ священники и идутъ говѣльщики къ вечернѣ. Вечерню, мы дѣти очень любили, такъ какъ служба была непродолжительна, и по окончаніи вечерни священникъ насъ всѣхъ клалъ ничкомъ на полъ и читалъ надъ нами отпускную молитву. Послѣ вечерни народъ расходился. Опять чай въ столовой съ медомъ и вареньями и постными сухарями въ обществѣ священника и дьякона. Такъ шла цѣлая недѣля, до пятницы, только въ среду послѣ заутрени въ домѣ, мы ѣздили къ обѣднѣ въ церковь. Въ четвергъ на этой недѣлѣ бывала баня, часто съ большимъ трудомъ проходили туда по снѣгу, который проваливался подъ ногами,—вода рѣчки достигала часто до самыхъ стѣнъ бани. Всѣ эти перемѣны въ природѣ меня радовали, все это напоминало близость долгожданной весны. Наступала пятница, послѣдній день говѣнья.

Утро послѣ заутрени мы проводили въ церкви у обѣдни, настроеніе у всѣхъ въ этотъ день было особенно торжественное, тихое, молитвенное. Я, какъ себя помню, всегда этотъ день чувствовала совсѣмъ не такъ, какъ всегда: чего то боялась, мнѣ казалось, что я такая грѣшница, что не дождусь завтрашняго дня. Вечеромъ послѣ вечерни читались „правила вечернія“. Потомъ мы дѣти исповѣдывались у о. Петра.

Родителей моихъ и тетю пріѣзжалъ исповѣдывать ихъ старинный духовникъ о. Алексѣй изъ села Струпны подъ Зарайскомъ, раньше онъ былъ священникомъ на нашемъ погостѣ. За нимъ посылали лошадь и послѣ исповѣди отвозили обратно, что по дурной дорогѣ было очень затруднительно.

Я всегда шла исповѣдываться съ полнымъ желаніемъ разсказать всѣ мои грѣхи и сомнѣнія. Но подходя исповѣдываться, страшно робѣла и у меня исчезало изъ памяти, все что думала раньше, и я, хотя отходила отъ нашего батюшки умиленная его отпускной молитвой, но недовольная и неудовлетворенная моимъ раскаяніемъ.

Библиотека "Руниверс"

Послѣ правилъ и исповѣди намъ ѣсть уже ничего не давали и даже не позволяли пить воды. Ночь эту я всегда почти не спала, мнѣ все казалось, что, что нибудь случится и я не попаду утромъ въ церковь. Наконецъ, наступалъ разсвѣтъ субботы, всѣ поднимались надѣвали лучшіе наряды и насъ одѣвали въ новыя только что сшитыя лѣтнія платья всегда очень свѣтлыя,—розовыя или голубыя. Одѣвшись, усаживались въ разныя сани, я всегда ѣздила съ тетей въ маленькихъ пошевняхъ. Дорога по большей части во время нашего говѣнья была очень плохая, въ лощинахъ уже была вода и моя тетя, страшная трусиха, все время молилась и охала. Наконецъ, добирались до погоста. Какъ только мы пріѣзжали начиналась заутреня, потомъ намъ всѣмъ говѣльщикамъ читали утреннія правила. Послѣ правилъ начиналась сейчасъ же обѣдня. Когда пѣли причастный стихъ, насъ раздѣвали, не смотря на то, что церковь была холодная,—никогда зимой не топилась.

Помню то радостно-страшное настроеніе въ ожиданіи выхода священника съ Святыми Дарами. Съ какимъ чувствомъ вѣры, я помню, слушались мною молитвы передъ причастіемъ, которыя мы повторяли за священникомъ. И вотъ, сначала первой подходитъ сестра Настя, а потомъ и я причащаюсь и иду запивать Святые Дары. Со всѣхъ сторонъ слышатся поздравленія, поцѣлуи;—такъ хорошо—радостно, весело никогда не бываетъ,—какъ-то особенно хорошо. Подходитъ къ намъ отецъ, мать и тетя, тоже пріобщившіеся, радостные, съ такими праздничными добрыми лицами. По возвращеніи домой мы находимъ домъ убраннымъ, вымытымъ принявшимъ опять свой обыкновенный видъ. Насъ въ столовой уже ожидаетъ самоваръ и завтракъ и, такъ какъ большею частью говѣли на 6-й недѣлѣ, то завтракъ былъ рыбный, это была Лазарева Суббота, мы всѣ кромѣ матери ѣли рыбу, она же разрѣшала себѣ этотъ день только икру и пирогъ съ рыбными молоками.

Послѣ завтрака всѣ ложились спать. Насъ раздѣвали и также укладывали отдыхать, но намъ не спалось и мы, полежавши немного, опять одѣвались и бѣжали гулять; чему, кажется, всѣ были рады, такъ какъ мы не шумѣли въ домѣ, гдѣ всѣ отдыхали.

Такъ бывало весело,—всюду поютъ птицы, бѣгутъ ручьи, часто въ это время разливалась уже рѣчка. Полая вода всегда очень красива въ нашихъ мѣстахъ. Смотрѣть на разливъ воды было для насъ постоянное наслажденіе; съ горъ съ шумомъ бѣгутъ ручьи, а наша скромная рѣчка превращалась въ громадную бушующую рѣку.

Библиотека "Руниверс"

Вода и всегда заливала низъ сада, а иногда заливала и сносила мостъ.

Нагулявшись до сыта, возвращались домой, гдѣ уже шли приготовленія ко всенощной подъ Вербное Воскресеніе. Приносили большую кадку, въ которую клали нарѣзанные сучья красной вербы, которые иногда были покрыты бѣлыми пушистыми шариками и иногда эти почки уже бывали покрыты желтымъ цвѣтомъ, смотря по погодѣ. Часовъ въ 6-ть, приходилъ священникъ съ причтомъ и мы во время всенощной получали вербочки съ горящими, прикрѣпленными къ нимъ свѣчами. Вербочки послѣ всенощной закладывали мы около кроватокъ. Няня вечеромъ уложивши насъ спать, шутя вынимала наши вербочки и постегивая насъ приговаривала: верба хлестъ!—бей до слезъ,—а моей дѣткѣ на доброе здоровье. Праздникъ Вербнаго Воскресенія, былъ для насъ веселымъ праздникомъ.

На бугрѣ показывались проталинки, и мы въ большихъ простыхъ кожанныхъ на ранту сапогахъ, проходили по мосту на другую сторону рѣчки, смотрѣли на разливъ, иногда въ это время шла икра и скипѣвшійся снѣгъ; вся деревня, и мужики, и бабы, и дѣти, стояли подъ берегомъ, любовались на разливъ и радовались, что суровая зима миновала; насмотрѣвшись на воду мы, съ деревенскими ребятишками шли на проталинки на выгонъ и играли въ разныя игры: въ горѣлки, въ рѣпку, въ разбойники и т. д. Набѣгавшись до сыта и насмотрѣвшись на воду, бѣжавшую повсюду ручьями, добирались до дому въ нашихъ высокихъ непромокаемыхъ сапогахъ, слушали, крикъ грачей, которые въ началѣ какъ вѣстники весны всегда насъ радовали, а потомъ страшно надоѣдали.

Въ палисадникѣ передъ домомъ наблюдали скворушекъ, которые къ вечеру всегда собирались къ своимъ скворешнямъ и весело распѣвали.

Придя домой еще за-свѣтло насъ усаживали ужинать и пить чай. Остатки ужина, который былъ всегда обильный, рыбный, отправляли въ людскую и дѣвичью, гдѣ, конечно, все это доѣдалось съ удовольствіемъ.

Наконецъ, наступала Страстная недѣля, послѣдняя недѣля поста. Постъ въ эту недѣлю былъ самый строгій, къ обѣду также, какъ и на первой недѣлу не подавали даже постнаго масла. И какъ бы ни была

Библиотека "Руниверс"

плоха дорога, моя мать и отецъ каждый день ѣдили въ церковь. Такъ продолжалось до четверга. Въ этотъ день, который считался самымъ постнымъ днемъ въ году, насъ будили до солнышка, это дѣлала наша няня по своей собственной волѣ, она въ этотъ день еще раньше чѣмъ разбудить насъ, напрядала изъ льна нитки, которыми опоясывала насъ съ сестрой и свою дочку Алефтину; это она дѣлала для нашего здоровья, и такъ же рано, до солнца, въ этотъ день топили печи, послѣ топки въ печи клали мѣшечекъ съ солью на сковороду и эту соль сбирали вмѣстѣ съ золой и этой смѣсью посыпали скотъ, тоже для здоровья. Въ этотъ день били, тоже до солнца, теленка къ Пасхѣ и свинью, а также и куръ, однимъ словомъ все, что нужно было къ празднику. Послѣ великаго четверга уже ничего не убивали, считая это грѣхомъ. Въ этотъ день у насъ всегда бывала баня. Мать страшно хлопотала въ этотъ день, пробовала горшки съ творогомъ, сдѣланнымъ изъ цѣльнаго молока и лучшій свѣжій творогъ приказывала класть подъ пресъ на пасхи. Съ этого дня заготовлялось масса сметаны, сливокъ на предстоящую стряпню различныхъ пасхъ и куличей.

Мы тоже хлопотали, набирая разныхъ шелковыхъ лоскутковъ для краски яицъ. Няня разваривала на пробу сандалъ, который покупали въ Зарайскѣ заранѣе. Изъ Коломны, приходили на праздники наши дворовые, жившіе тамъ, какъ мастеровые и платившіе намъ оброкъ, и приносили также разныя яркія краски. Всѣ эти приготовленія начинались съ четверга. Наступала великая пятница—самый непріятный день въ году. Приходило масса бабъ, весь домъ становился какъ говорятъ „вверхъ дномъ“, мыли, чистили, убирали всѣ закоулочки, всѣ полочки, чистили образа, посуду. Насъ изгоняли на цѣлый день изъ дома, если была сносная погода, а при дурной затворяли въ какую нибудь одну комнату. Въ домѣ въ этотъ день выставляли нѣсколько оконъ; а если Пасха была поздняя, то выставляли всѣ окна и балконныя двери. Рано утромъ, часа въ три на зарѣ наши уѣзжали въ церковь, къ 12-ти Евангеліямъ; ели можно было безъ опасности проѣхать, то и меня брали въ церковь, покупали очень большую свѣчку, съ которой стояла я всѣ три заутрени, если бывала въ церкви, т.е. пятницу, субботу и Свѣтлое Христово Воскресеніе. Нашъ священникъ о. Петръ прекрасно читалъ Евангелія страстей Христа; я помню эту заутреню и то чувство любви и страданій за Христа которые наполняли мое дѣтское сердечко; никогда уже послѣ, я съ такимъ чувствомъ не страдала за Христа, какъ въ эти дѣтскіе годы, пока я еще никакой другой жизни кромѣ жизни въ деревнѣ не знала.

Библиотека "Руниверс"

Мнѣ казалось, что я сама нахожусь въ Іерусалимѣ на Голгофѣ и страдаю вмѣстѣ съ учениками Христа.

По пріѣздѣ домой, конечно религіозное впечатлѣніе смягчалось, меня укладывали спать, но я никогда не спала, такъ какъ возня въ домѣ съ уборкой, не давала покою. Ѣсть намъ въ этотъ день до вечерни ничего не давали съ 10 или 12-ти лѣтъ, а раньше намъ давали просфоры съ святой водой.

Въ два часа дня отправлялись къ вечерни гдѣ всѣ ждали выноса плащаницы. Послѣ вечерни по возвращеніи домой насъ вводили въ столовую уже убранную и чистую; приносили черный хлѣбъ, соль и квасъ; другой пищи въ этотъ день никто не ѣлъ. Спать всѣ ложились рано, засвѣтло. А часа въ два ночи отправлялись въ церковь къ заутрени. Я помню чувство тихой печали наполнявшее всѣхъ въ это утро, всѣ стояли со свѣчами, слушали печальное пѣніе и въ концѣ заутрени отецъ мой и крестьяне, поднимали плащаницу и съ священникомъ, причтомъ и народомъ обносили ее около церкви, мы также участвовали въ этой процессіи, старались, чтобы свѣчи горѣли и не погасли до возвращенія въ храмъ.

Наступало чудное весеннее утро и грустное чувство навѣянное погребеніемъ Христа замѣнялось ожиданіемъ чего то радостнаго, веселаго, полнаго свѣта и жизни, какъ вся ликующая весенняя природа. По возвращеніи домой всѣ кромѣ матери садились пить чай, который казался особенно вкуснымъ послѣ голодной пятницы. Послѣ начинались приготовленія къ Пасхѣ, хлопотали съ куличами, мать помню всегда страшно волновалась съ ихъ приготовленіемъ. Намъ также давали тѣста и мы въ маленькихъ кастрюляхъ дѣлали себѣ куличики. Пасхи приготовлялись разныхъ сортовъ. Дѣлали одну пасху изъ сливокъ, сливочнаго творогу, свѣжихъ яицъ и сливочнаго масла; прибавляли большое количество толченой просѣянной корицы и сахару, это выходило, что то вродѣ жирнаго крема. Это была любимая пасха матери. Вторая пасха приготовлялась изъ равнаго количества сливокъ, сметаны, которые вмѣстѣ варили въ вольномъ духу, въ эту смѣсь прибавляли небольшое количество творогу, ставили подъ прессъ, послѣ клали въ эту массу сахаръ, ваниль и цедру. Это была любимая пасха насъ, дѣтей, тети и нашихъ гувернантокъ. Отецъ же этихъ пасохъ никогда не ѣлъ, а ему приготовляли людскую, сдѣланную для дворни, изъ творога, сметаны, яицъ и соли.

Библиотека "Руниверс"

Часовъ въ одиннадцать утра мать уѣзжала къ обѣднѣ, а мы съ тетей начинали красить яицы. Няня затапливала печку въ домѣ, приносили огромныя корзины полныя яицъ, большіе горшки съ сандаломъ и красками, кипятили въ печкѣ, а мы непремѣнно требовали, чтобы намъ поставили кострюли съ кипяткомъ для нашихъ яицъ обернутыхъ въ пестрые шелковые лоскутки, луковыя перья и синюю сахарную бумагу. Суеты и веселью не было конца,—матери не было дома и намъ была своя воля. Мы страшно мѣшали нянѣ и тетѣ, но ихъ воркотня на насъ мало дѣйствовала. Наконецъ, вынимаютъ первый горшокъ съ тетиными красными яицами изъ сандала. Вторыя черно-красныя изъ Коломенской краски и наши хорошенькія пестренькія изъ лоскутковъ и бумаги. Наполняются цѣлыя корзины крашенныхъ яицъ.

Приносятъ изъ кухни громадные, чудные куличи, которые, такъ вкусно заманчиво пахнутъ, на верху которыхъ торчатъ цѣлыя миндалины, румяныя, поджаренныя.

Приносятъ много и другихъ вкусныхъ вещей изъ кухни—въ видѣ окороковъ, телятины, фаршированнаго поросенка, баранчика сдѣланнаго Тихономъ изъ сливочнаго масла.

Мы забирали свои маленькіе куличики, яйца, и отправлялись въ свои комнаты устраивать пасхальные столы нашимъ кукламъ. Помню, бывало, Тихонъ поваръ, который очень любилъ побаловать и подразнить насъ, когда спросишь у него:—„а что же наши куличики, гдѣ они?"—скажетъ, „ну съ вашими куличами вышла бѣда—всѣ сгорѣли". Мы притворяемся, что вѣримъ ему, а сами знаемъ, что онъ обманываетъ насъ.

Потомъ онъ вынимаетъ блюдо, на которомъ стоятъ наши куличики, и непремѣнно какой нибудь сюрпризъ, лично имъ приготовленный для насъ въ видѣ безе или маленькихъ бисквитовъ и т. д. Часа въ два пріѣзжаетъ мать отъ обѣдни, пьетъ чай и мы садимся за обѣдъ, послѣдній постный столъ. Послѣ вкусныхъ запаховъ скоромныхъ блюдъ, намъ постное противно, мы почти ничего не ѣдимъ, и насъ за это бранятъ.

Наконецъ, наступаетъ давно ожидаемый вечеръ Великой Субботы. Все готово для встрѣчи Пасхи. Мы дѣти съ тетей ѣдемъ, какъ бы не была плоха погода, еще засвѣтло на погостъ. Тамъ всѣ помѣщики, проводили эту ночь у нашего дьякона, который приглашалъ насъ съ

Библиотека "Руниверс"

радостью и радушіемъ. На столѣ всю ночь кипѣлъ самоваръ и семья дьякона угощала всѣхъ чаемъ, со свѣжимъ мягкимъ чернымъ хлѣбомъ. Тамъ же бывали сосѣди изъ Леонтьева, Костенковы, мать съ сыномъ Сашей, Сидоровы съ сыномъ Васей, моимъ родственникомъ, воспитанникомъ дворянскаго Рязанскаго гимназическаго пансіона. Изъ Карцева тоже на ночь пріѣзжали Масловы, наша ближайшая сосѣдка Екатерина Осиповна, вдова, старушка, съ дочерью Анной Емельяновной, которую мы всѣ очень любили. Часовъ въ одиннадцать пріѣзжали мать съ отцомъ. Отецъ мой всегда былъ церковнымъ старостой и прямо отправлялся въ церковь, а мы, дѣти, шли туда же за нимъ. Всю ночь церковь была открыта и грамотные посреди церкви читали Дѣянія Св. Апостоловъ. Церковь была едва освѣщена лампадами. На полу въ углахъ и около стѣнъ, группами сидѣлъ народъ съ узелками пасхъ и куличей, и тамъ шла шепотомъ бесѣда. Помню, эта тихая полуосвѣщенная церковь всегда производила на меня торжественное, хорошее религіозное чувство, хотѣлось помолиться, гдѣ нибудь тихонько въ уголочкѣ, чувствовалось ожиданіе чего то радостнаго, великаго. Вотъ наконецъ раздался первый ударъ колокола, церковь наполняется народомъ, все мѣсто около иконостаса устанавливается узлами съ куличами и пасхами. Весь народъ стоитъ въ ожиданіи крестнаго хода, читается полунощница. Народъ разбираетъ иконы, хоругви; священникъ и дьяконъ выходятъ изъ алтаря. Священникъ съ крестомъ впереди, за нимъ хоругви, иконы, весь народъ и мы всѣ со свѣчами въ рукахъ идемъ на паперть. Насъ дѣтей становятъ на скамейки около стѣнъ. Крестный ходъ обошелъ около церкви и возвращается опять на паперть. Священникъ при полной тишинѣ стоитъ передъ дверями храма и, вотъ громко торжественно провозглашаетъ: „Христосъ воскресе изъ мертвыхъ“... Начинается радостное пасхальное пѣніе, всѣ идутъ въ церковь, которая вся уже горитъ огнями. Заутреня и обѣдня кончаются и всѣ радостные веселые ѣдемъ домой. Въ церкви мы со всѣми христосовались. Пріѣхавши, мы шли въ столовую разгавляться. Пасхальный столъ былъ полонъ вкусныхъ пасохъ, куличей, крашеныхъ яицъ, ветчины и т. д. Тутъ же кипѣлъ самоваръ. Помню, мнѣ такъ бывало весело, радостно въ это раннее утро, хотѣлось любоваться только что всходившимъ солнцемъ и слушать веселое пѣніе птицъ. Няня намъ разсказывала, что въ этотъ день солнце при восходѣ „играетъ“ и что птицы тоже поютъ особенно радостно, привѣтствуютъ Воскресеніе Христово. Помню, ѣсть не особенно хотѣлось, съѣдали мы немного нашей любимой пасхи и кулича и поскорѣе спѣшили въ залу, гдѣ уже собирались всѣ крестьяне. Крестьяне и всѣ дворовые приходили христосоваться „съ господами“.

Библиотека "Руниверс"

Для нихъ на большихъ столахъ была приготовлена закуска: нарѣзанная маленькими кусочками сырая провѣсная ветчина, „людскіе“ куличи. Разговѣвшись отецъ, мать и тетя выходили къ нимъ. Отецъ подноситъ каждому по большой рюмкѣ водки, даетъ изъ стоящей около него большой корзины красное яицо; а мать угощала закуской. Всѣ большіе и мы дѣти съ каждымъ „христосовались“ крестьянами цѣловались, приходили къ намъ въ домъ только одни мужчины, крестьянскія бабы христосоваться не приходили. Съ бородатыми мужиками цѣловаться мнѣ было непріятно, потому еще, что отъ каждаго изъ нихъ пахло водкой, послѣ выпитой рюмки, я этого непріятнаго чувства очень стыдилась и никому о немъ не говорила. Почти отъ каждаго мужика мы дѣти получали по яйцу и клали ихъ въ корзиночки нарочно для этого принесенныя нами въ залу. Яйца появлялись въ корзинѣ разноцвѣтныя—темно желтыя, отъ луковой кожи, шоколаднаго свѣта отъ гречневой лузги, синія, черныя и темно красныя отъ разныхъ сандаловъ. Послѣ ухода крестьянъ всѣ укладывались спать и насъ также укладывали въ постель, плотно закрывши окна отъ свѣта, и въ домѣ наступала полная тишина. Только горничныя должны были вытирать полъ послѣ нашествія толпы народа. Намъ конечно, не спалось долго въ это радостное, такъ долго жданное утро; встанешь часовъ въ 9-ть, потихоньку чтобы не будить большихъ. Нарядимъ бывало въ праздничныя наряды куколъ, устраиваемъ имъ то же пасхальный столъ и идемъ, если хорошая погода на балконъ и на дворъ. Играемъ съ дворовыми и деревенскими ребятишками. Встаютъ большіе, опять пьемъ вкусный чай съ пасхами и куличами. Послѣ чая катаемъ яйца, для чего въ залѣ разстилался большой коверъ и на маленькую скамеечку ставился покато лубокъ. Я очень любила катать яйца, въ этой забавѣ участвовали всѣ наши горничныя. Тетя выбирала изъ нашихъ корзинъ самыя красиво и ровно окрашенныя яйца, которыя она для насъ прекрасно разрисовывала перочиннымъ ножичкомъ, проскабливая краску. Какъ у нее, такъ и у матери эта работа была прелестна. Выходили цѣлые букеты, полные изящныхъ, тонкихъ какъ кружево цвѣтовъ. Такъ проходилъ первый день пасхи до вечера. Часовъ въ 5-ть залу приготовляли для принятія образовъ, которые приносили къ намъ послѣ вечерни изъ церкви и иконы въ нашемъ домѣ ночевали. Одна стѣна залы заставлялась столами, равной ширины ломберными, эти столы покрывались бѣлыми „гарными“ скатертями, доходящими до пола. Подъ столы клали палицу, сошники, какъ орудія пахоты, сѣно и ставили мѣру съ овсомъ и другую съ рожью. Все это дѣлалось, чтобы Господь благословилъ предстоящія полевыя работы и послалъ урожай хлѣбовъ. Подъ спущенными скатертями ничего не было видно, что

Библиотека "Руниверс"

лежало подъ столами. Желающіе изъ дворовыхъ людей и крестьянъ отправлялись на погостъ за иконами. Мы всѣ ходили ихъ встрѣчать. Каждый входящій съ иконой говорилъ „Христосъ Воскресе“ и мы всѣ отвѣчали „Воистину Воскресе“... Иконы устанавливались на приготовленныхъ столахъ, зажигали предъ каждой лампаду. Всѣ приходили въ тихое молитвенное настроеніе. Залу кругомъ затворяли и всѣ рано, засвѣтло уходили спать.

На утро къ намъ приходили священникъ со всѣмъ причтомъ. Кромѣ, священника, дьякона и дьячковъ приходили всѣ ихъ семейныя— жены и дѣти и старухи вдовы. Однимъ словомъ, все населеніе погоста въ этотъ день бывало у насъ въ домѣ. Сначала служили молебенъ съ водосвятіемъ въ залѣ и вездѣ кропили святой водой. Потомъ служили молебенъ на скотномъ дворѣ и кропили всю скотину, и послѣдній молебенъ служили въ ригѣ. Крестьяне которыхъ называли „богоносцами“ уносили иконы, мы всѣ и вся дворня къ нимъ прикладывались и провожали образа до сосѣдняго дома, старухи Екатерины Осиповны Масловой. Зала въ это время уже была разобрана и во всю длину бывалъ накрытъ и весь причтъ съ семьями оставался у насъ обѣдать. Обѣдъ состоялъ изъ безчисленныхъ блюдъ, по самыхъ простыхъ. Бывало множество мяса во всѣхъ видахъ и всегда обѣдъ заканчивался сладкими пирогами съ вареньемъ, свареннымъ на меду вмѣсто сахара. На этомъ обѣдѣ подавалось много домашнихъ настоекъ, называемыхъ „травникомъ“, а также и наливокъ. Помню, что всѣ женщины съ погоста, жены дьячковъ и даже дьякона, мясо нарѣзали ножемъ и вилкой, но ѣли нарѣзанное всегда руками, а дьячекъ Иванъ Андреевичъ въ концѣ обѣда говорилъ разныя изрѣченія древнихъ мудрецовъ на латинскомъ и греческомъ языкѣ. Вообще всѣ въ концѣ обѣда бывали очень оживленны. Послѣ пили чай съ „паточнымъ вареньемъ“ и всѣ уходили домой. Святая недѣля проходила для насъ дѣтей весело. Если не было на дворѣ снѣгу, то намъ ставили качели, очень высокія, на „козлахъ“, изъ очень толстаго лѣса, дѣлали ихъ плотники и отецъ самъ слѣдилъ, чтобы качели сдѣланы были прочно на нихъ качались всѣ желающіе, вся дворня и мы съ нашими пріятелями. Качались по шести и болѣе человѣкъ на длинной доскѣ, двое по сторонамъ на узкой сторонѣ доски стояли и раскачивали, а остальные садились на длинныхъ сторонахъ по обѣ стороны. Качались и по одиночкѣ, садясь на веревкахъ, съ подлаженной маленькой дощечкой или подушкой. Качели оставались у насъ на все лѣто, снимали ихъ уже поздно осенью. Святая проходила въ разныхъ, уже весеннихъ забавахъ, ничего уже не имѣвшихъ общаго съ зимними. Катали

Библиотека "Руниверс"

яйца, качались на качеляхъ, по вечерамъ у насъ на дворѣ и на лугу водили хороводы, пѣли пѣсни, играли въ жмурки и другія игры. Съ понедѣльника Ѳоминой начинались будни, мы принимались за уроки, а горничныя вмѣсто зимней пряжи на самопрялкѣ—плели кружева. Работа эта, какъ и вообще всѣ другія подобныя, производились въ нашемъ домѣ подъ руководствомъ моей тети, замѣчательно красиво и изящно. Кружева плели изъ тончайшихъ нитокъ, не толще паутины и такого же по тонинѣ шелка. Кружева были черныя и бѣлыя, красивыхъ узоровъ и ширина ихъ была отъ одного вершка до полуаршина; выплетали цѣлыя перелины и воланы. Мать моя ихъ, кажется, продавала въ Москвѣ за дорогую цѣну.

Молоденькія горничныя вышивали „гладью" въ пяльцахъ по батисту и нансуку.

Мать вышивала шерстями въ пяльцахъ разныя картины, подушки и т. п. Тетя вязала узорчатые чулки изъ тончайшихъ нитокъ „въ приданое", какъ она говорила, для насъ съ сестрой. Мы съ сестрой послѣ уроковъ все время были на воздухѣ, и пользовались полной свободой. Я почти всегда была неразлучна съ моимъ милымъ старикомъ садовникомъ Виссаріономъ. Возилась съ нимъ вмѣстѣ около его парниковъ, помогала ему, по его указанію въ пересадкѣ маленькихъ растеній, вырѣзала съ нимъ спаржу.—Виссаріонъ вилами приподнималъ навозъ накрывавшій грядку со спаржей, подъ которымъ въ изобиліи торчала бѣленькая съ желто-сѣренькой головкой сочная толстенькая спаржа. Я вырѣзала ее изъ земли ножичкомъ и мы съ Виссаріономъ собирали ее въ снопки, перевязывали, почему то непремѣнно тесемочкой изъ лыка, такой, изъ которой плетутъ лапти и, нѣсколько такихъ связанныхъ пучковъ я приносила домой и передавала тетѣ, та похвалитъ бывало спаржу и прикажетъ передать повару; но если мое приношеніе видѣла мать, то всегда сердилась на меня говоря: „опять вся перепачкалась, растрепалась! посмотри на себя, на что ты похожа". Поэтому я всегда старалась какъ можно рѣже попадаться ей на глаза.

Я многимъ въ моихъ воспоминаніяхъ обязана Виссаріону, онъ больше всѣхъ научилъ меня любить природу. Самъ онъ былъ большой эстетикъ, несмотря на самую грубую оболочку. Онъ зналъ названіе каждой травки и каждаго цвѣтка, о многихъ растеніяхъ онъ разсказывалъ цѣлыя легенды, также онъ зналъ всѣхъ птицъ, всѣхъ насѣкомыхъ и образъ ихъ жизни. Такимъ образомъ онъ былъ моимъ учи-

Библиотека "Руниверс"

телемъ ботаники и зоологіи. Его наука была конечно самаго примитивнаго народнаго образа, прикрашенная разными фантастическими прибавленіями. Эти разсказы я очень любила. Благодаря ему я впослѣдствіи съ большой охотой читала все что могла достать по естествознанію. Подобное чтеніе меня интересовало, только благодаря постоянной жизни въ деревнѣ и дружбѣ съ Висаріономъ. Насъ тогдашнихъ „барышень" въ семьяхъ помѣщиковъ подобнымъ наукамъ не учили, вся наша дѣтская тогдашняя литература была „благонравно-сантиментальная". Виссаріонъ же помогалъ мнѣ устраивать свой маленькій цвѣтникъ и огородикъ: на выпрошенной мною у матери землѣ около дома. Этотъ кусочекъ земли мнѣ доставлялъ безконечное удовольствіе. Все, что было у Виссаріона, хотя по одному кусочку земли бывало и у меня. 21-го апрѣля были именины нашей дорогой тети Александры Павловны. Въ этотъ день къ намъ собирались почти всѣ наши сосѣди съ утра, у насъ завтракали, обѣдали и поздно вечеромъ уѣзжали домой. Пріѣзжали изъ Любова Селивановы въ трехъ экипажахъ, въ одномъ старикъ, нашъ крестный Василій Павловичъ Селивановъ, въ другомъ его сестра, старушка, дѣвица, воспитательница сиротъ дѣтей Варвара Павловна и наконецъ, третій экипажъ—карета съ молодыми Селивановыми Маріей Дмитріевной и Василіемъ Васильевичемъ. Часто, почти всегда съ маленькимъ новорожденнымъ,—дѣтей у нихъ было много. Помню, что одну зиму у нихъ умерли старшія дѣти скарлатиной и на ихъ мѣсто родились другія и имъ были даны тѣ же имена. Въ каретѣ помѣщалась няня новорожденнаго и горничная Маріи Дмитріевны и такое множество вещей, какъ будто пріѣзжали на недѣлю, а не на одинъ день. Наканунѣ тетиныхъ именинъ мы и всѣ горничныя отправлялись въ лѣсъ за сморчками и если мы ихъ набирали, то мать бывала очень довольна. Съ начинкою изъ сморчковъ приготовляли слоеные пироги къ завтраку. За обѣдомъ подавали свѣжіе парниковые огурцы и самую отборную крупную спаржу, салатъ и редисъ; тѣ гости, у которыхъ не было парниковъ, восхищались весенними новинками, и хвалили нашего Виссаріона, а я отъ этихъ похвалъ бывала въ восторгѣ. Кромѣ Селивановыхъ изъ Любова у насъ въ этотъ день бывали Селивановы изъ Кошелева, изъ Плешковъ Милоглядовы и всѣ Клементьевскіе и Мельгуновы изъ Борокъ.

Строилово.

Съ наступленіемъ весны мы, дѣти, ежедневно совершали большія прогулки въ сопровожденіи няни, гувернантки, а иногда двухъ молодыхъ горничныхъ, дочери няни и сироты племянницы дочери садов-

Библиотека "Руниверс"

ника Виссаріона Антонины. Чаще всего мы ходили въ Строилово, Индриково и на погостъ Василія Великаго. Строилово все было окружено лѣсомъ, изобилующимъ цвѣтами и грибами. Сначала тамъ мы собирали фіалки (которыя здѣсь называютъ „маткина душка"); эти чудные цвѣты съ замѣчательнымъ ароматомъ клали у насъ во всѣ сундуки и комоды гдѣ прибирали бѣлье, отъ этихъ цвѣтовъ все бѣлье имѣло запахъ фіалокъ. Потомъ тамъ же на лугу набирали незабудки, а въ лѣсу ландыши и наконецъ, все лѣто и осень—грибы. Строилово было необитаемо, принадлежало во время моего дѣтства Чулкову и по его просьбѣ, конечно безплатно, мой отецъ наблюдалъ за этимъ имѣніемъ. Домоправительницей въ домѣ была старушка Катерина Ивановна, кромѣ нея были и еще дворовые люди, которые тоже жили на дворѣ. Настоящими владѣльцами этого имѣнія раньше были Исаковы, имѣвшіе многочисленную семью, которая помѣщалась въ огромномъ домѣ, который я уже помню пустымъ и необитаемымъ. Когда мы приходили гулять въ Строилово, старушка Катерина Ивановна отворяла намъ большой домъ и я очень любила ходить по всѣмъ комнатамъ. Мнѣ этотъ домъ казался таинственнымъ замкомъ, въ которомъ недавно еще жили всѣ его прежніе обитатели, о которыхъ такъ много всегда разсказывала Катерина Ивановна. Въ домѣ было много картинъ, мебель была изъ карельской березы, шкафы съ стеклянными дверками были полны дорогой посуды. Судьба этого имѣнія была очень печальна. Исаковъ Василій Семеновичъ, владѣтель Строилова и многихъ другихъ деревень, богатый молодой помѣщикъ женился на молодой помѣщицѣ Аннѣ Ильиничнѣ Чулковой, жили они открыто, богато, имѣли много дѣтей; кромѣ того у нихъ жили и умерли подъ ихъ кровомъ приживалки и приживальщики, какъ это тогда бывало у многихъ помѣщиковъ. Когда Василій Семеновичъ умеръ еще нестарымъ человѣкомъ, жена его Анна Ильинична, совсѣмъ не имѣвшая понятія о положеніи своихъ дѣлъ, пришла въ ужасъ не зная, что дѣлать—на рукахъ ея оставалось шесть человѣкъ дѣтей, старшей дочери Александрѣ было 17 лѣтъ, второй Алефтинѣ 14, а еще 4 сына подростка, которые требовали серьезнаго воспитанія. Въ домѣ были учителя, гувернантки, все это требовало массы денегъ. На бѣду Анна Ильинична заболѣла какой то хронической болѣзнью и слегла въ постель. Всѣ дѣла по хозяйству и по воспитанію дѣтей пришли въ полный упадокъ. Тогда она выписала своего единственнаго брата Василія Ильича Чулкова, жившаго въ своемъ большомъ имѣніи въ Сапожковскомъ уѣздѣ; здѣсь въ Зарайскомъ уѣздѣ у него тоже было имѣніе, доставшееся ему отъ матери Индриково и находившееся въ одной верстѣ отъ Строилова; но въ этомъ имѣніи онъ бывалъ очень и очень рѣдко.

Библиотека "Руниверс"

Чулковъ, пріѣхавши къ сестрѣ, показался ей очень сердечнымъ и родственнымъ, былъ необыкновенно ласковъ какъ съ сестрой такъ и съ ея дѣтьми, что всѣхъ удивляло, такъ какъ всѣ знали, что онъ былъ очень крутой и жестокій человѣкъ. Анна Ильинична вполнѣ подпала подъ его вліяніе и вѣрила ему какъ богу. Въ немъ одномъ видѣла спасеніе своихъ дѣтей и чувствуя приближеніе смерти, по его совѣту, чтобы дать ему возможность устроить по своему усмотрѣнію всѣ дѣла по имѣнію, передала Василію Ильичу Чулкову все свое состояніе по духовному завѣщанію. Свидѣтелями этого несчастнаго завѣщанія были мой отецъ и Василій Васильевичъ Селивановъ. Оба они, безконечно добрые и честные люди, неспособные на какой либо безчестный поступокъ и видѣвшіе и въ другихъ людяхъ только хорошія стороны, конечно не могли предполагать, чтобы Чулковъ—богатый, даже очень богатый человѣкъ, рѣшился обмануть единственную, умирающую сестру и обидѣть ея круглыхъ сиротъ дѣтей. Но случилось именно то, чего они, свидѣтели, не ожидали. Какъ только умерла Анна Ильинична, онъ всѣхъ дѣтей забралъ къ себѣ въ Сапожковское имѣніе, Самодуровку. Въ то время сообщеніе между уѣздами даже одной губерніи было очень затруднительно, такъ какъ приходилось сотни верстъ проѣзжать проселочными и въ большинствѣ очень плохими дорогами, а потому о жизни въ Самодуровкѣ никто изъ родныхъ Чулкова хорошо не зналъ. Онъ былъ холостякъ, страстный охотникъ, безконечно жестокій къ своимъ крѣпостнымъ крестьянамъ, имѣлъ, говорили, цѣлый гаремъ крѣпостныхъ красавицъ, но все это было слухи и вѣрнаго ничего не было извѣстно. Онъ же говорилъ въ Строиловѣ своей умирающей сестрѣ и моему отцу и В. В. Селиванову, что не только имѣніе Исаковыхъ передастъ насколько возможно благоустроеннымъ дѣтямъ Анны Ильиничны, но даже и свое состояніе, такъ какъ другихъ наслѣдниковъ, кромѣ Исаковыхъ, у него нѣтъ.

И такъ со смерти Анны Ильиничны Строилово стало необитаемымъ. Жизнь несчастныхъ дѣтей въ Самодуровкѣ была ужасна. У Чулкова была тамъ своя незаконная семья: двѣ дочери и два сына; любовница его, мать этихъ дѣтей была полновластная хозяйка въ домѣ. Дѣтей своихъ воспитывали въ роскоши, старшую Исакову Александру 17-ти лѣтъ сдѣлали гувернанткой, заставляли учить дѣтей Чулкова, готовить ихъ въ учебныя заведенія, и ее такъ замучили, что она скоро умерла скоротечной чахоткой. Вторую дочь Алефтину избавила отъ этой жизни моя крестная мать Анна Васильевна Звягина, мужъ которой былъ родственникъ Чулкова. Объ этой воспитанницѣ Звягиной я уже говорила въ началѣ моихъ записокъ.

Библиотека "Руниверс"

Мальчиковъ же Исаковыхъ, выучиши кое-какъ, едва имъ наступило 16-ть лѣтъ отправили юнкерами на Кавказъ, гдѣ въ то время шла безконечная война съ черкесами. Иванъ былъ убитъ на Кавказѣ, Василій и Михаилъ совсѣмъ спились тамъ и вернулись въ Россію много лѣтъ спустя въ самомъ ужасномъ видѣ. Михаилъ вскорѣ умеръ, а Василій ходилъ изъ дома въ домъ, гдѣ ему изъ милости давали кусокъ хлѣба, и кончилъ самоубійствомъ. Третій сынъ Исаковыхъ—Павелъ былъ очень умный и талантливый юноша, и печальная обстановка бѣднаго армейскаго юнкера на Кавказѣ не заглушила въ немъ природныхъ хорошихъ качествъ; насколько возможно, онъ старался пополнить свое образованіе, много читалъ, писалъ стихи, былъ очень красивъ, но и его на Кавказѣ постигло несчастіе, онъ былъ раненъ въ глазъ и грудь. Раны зажили, но глазъ былъ потерянъ, хотя лицо осталось интереснымъ и красивымъ. Служить онъ больше не могъ и пріѣхалъ къ Чулкову въ Самодуровку. У Чулкова были двѣ незаконныя дочери—Марія и Анна, уже взрослыя дѣвушки и два сына, взрослый Василій и мальчикъ еще Иванъ. Такова была семья Чулкова, когда къ нему вернулся съ Кавказа Павелъ Васильевичъ Исаковъ. Обѣ дочери Чулкова были красивы, особенно хороша была старшая Марія; высокая, статная, брюнетка, съ чудными вьющимися черными волосами и прелестнымъ цвѣтомъ лица. Павелъ Васильевичъ влюбился въ нее и она въ него. Павелъ Васильевичъ просилъ у дяди позволенія жениться на любимой дѣвушкѣ; но тотъ разгнѣвался и выгналъ племянника изъ дома. Молодые люди подъ покровительствомъ прислуги видались тайно и рѣшили во всякомъ случаѣ повѣнчаться, такъ какъ Марія Васильевна почувствовала, что скоро будетъ матерью. И вотъ въ одинъ изъ праздниковъ, когда вся семья Чулкова, кромѣ его самого была въ церкви, Павелъ Васильевичъ пріѣхалъ на тройкѣ, которую оставилъ въ лѣсу недалеко отъ церкви. Марія Васильевна сказала матери, что чувствуетъ себя дурно, вышла на паперть, гдѣ ее уже ожидалъ посланный отъ Павла Васильевича, проводилъ ее къ жениху и они ускакали въ сосѣднее село, гдѣ уже ждалъ ихъ въ церкви священникъ и свидѣтели и тотчасъ началось ихъ бракосочетаніе. Мать Маріи Васильевны, видя, что дочь долго не возвращается, пошла посмотрѣть гдѣ она и не видя ея около церкви поспѣшила домой. Поднялась тревога, поняли, что дочь увезена Исаковымъ, послали погоню, но уже было поздно, посланные попали въ церковь когда на молодыхъ Исаковыхъ уже были надѣты вѣнцы. Гнѣву Чулкова не было конца, дочь его умерла, не примирившись съ родителями. Вся дворня была жестоко наказана, такъ какъ всѣхъ домашнихъ людей считали пособниками побѣга Маріи Васильевны. Горничная, ходившая за барыш-

Библиотека "Руниверс"

нями, такъ была избита, что вскорѣ умерла. Молодые Исаковы не имѣли никакихъ средствъ, поѣхали сейчасъ же послѣ свадьбы въ Москву къ сестрѣ Исакова, Алефтинѣ Васильевнѣ, въ то время уже бывшей замужемъ за студентомъ Московскаго Университета Бьерклюндомъ, и жившей въ это время тоже очень бѣдно, такъ какъ моя крестная мать Звягина, у которой она жила со смерти своей матери до самаго своего брака, дала ей лишь очень небольшое имѣніе въ Спасскомъ уѣздѣ, Рязанской губерніи. Павелъ Васильевичъ сейчасъ послѣ свадьбы, по совѣту лучшихъ московскихъ адвокатовъ началъ процессъ съ Чулковымъ, въ которомъ доказывалъ, что Чулковъ ихъ имѣніями владѣетъ незаконно, такъ какъ обманомъ выманилъ у ихъ матери духовное завѣщаніе, которое она по закону сдѣлать не могла, такъ какъ не имѣла права лишать малолѣтнихъ дѣтей наслѣдства родовыми имѣніями. Но только Павелъ Васильевичъ черезъ годъ или два послѣ свадьбы умеръ отъ чахотки, а черезъ 6 или 7-мъ мѣсяцевъ послѣ его смерти умерла и Марія Васильевна оставивши на рукахъ Алефтины Васильевны маленькаго сына Николая.

Губернскимъ Предводителемъ въ то время былъ Алексѣй Васильевичъ Селивановъ, онъ вызвалъ къ себѣ Чулкова и убѣдилъ его возвратить Исаковымъ ихъ имѣнія, говоря, что если онъ не сдѣлаетъ этого добровольно, то все равно имущество Исаковыхъ у него будетъ отобрано судомъ, и что послѣ такого скандальнаго процесса его попросятъ выйти изъ дворянскаго сословія, о чемъ уже былъ у Предводителя во время выборовъ разговоръ со всѣми дворянами.

Чулковъ согласился отдать Исаковымъ имѣнія, принадлежащія имъ, но и тутъ насколько возможно обобралъ ихъ, изъ Строилова все цѣнное было вывезено въ Индриково, остались одни голыя стѣны стараго дома. Это имѣніе досталось Василію Васильевичу Исакову, а Коломенское имѣніе сиротѣ, сыну Павла Васильевича и Маріи Васильевны—Николаю. Алефтина Васильевна получила отъ Чулкова деньгами 3000. И на эти деньги выкупила у брата Строилово, который въ это время уже совсѣмъ спился. Сестра, купившая Строилово, устроила его у себя, но ему жизнь у сестры не понравилась, онъ скоро ушелъ отъ нея и кончилъ, какъ я уже сказала раньше, самоубійствомъ въ домѣ своего племянника Николая Исакова, тогда уже взрослаго. Покончилъ онъ съ собою въ пьяномъ видѣ. Строилово и до сихъ поръ принадлежитъ дочери Алефтины Васильевны—Аннѣ Эргардовнѣ по мужу Сикорской. Вотъ какова была судьба Строилова. Во время моего дѣтства оно было уже необитаемымъ.

Библиотека "Руниверс"

Вторымъ мѣстомъ нашей дальней прогулки бывало Индриково, принадлежащее во время нашего дѣтства Василію Ильичу Чулкову, обворовавшему несчастныхъ сиротъ своей сестры Исаковыхъ. Имѣніе это такъ же въ то время было необитаемо какъ и Строилово и мой отецъ, по просьбѣ Чулкова, помогалъ его старостѣ писать отчеты и письма и дѣлалъ ему указанія въ разныхъ дѣлахъ, которыя требовали соображенія болѣе образованнаго человѣка.

Въ Индриковѣ былъ небольшой барскій домъ, въ которомъ жила до своей смерти мать Чулкова, Марія Александровна. Индриково было очень красиво благодаря обилію воды,—усадьба была окружена съ трехъ сторонъ громадными прудами. За прудами, которые соединялись между собою плотинами, шла березовая роща. Съ другой стороны дома, тоже за прудомъ, былъ фруктовый садъ, гдѣ въ изобиліи росли вишни, крыжовникъ всѣхъ сортовъ и масса прекрасныхъ яблокъ. Намъ позволялось ловить удочками въ прудахъ карасей, которыхъ тамъ водилось множество. Въ лѣсу собирали грибы, цвѣты, а когда поспѣвали ягоды и яблоки, то любезные садовники всегда наполняли намъ корзины этими вкусными вещами. Но несмотря на всѣ хорошія стороны, прогулки въ Индриковѣ и посѣщеніе этого мѣста на меня, дѣвочку, производили впечатлѣніе тяжелое. Чулковъ, какъ помѣщикъ, былъ страшный тиранъ и бывая въ Индриковѣ я почти всегда слышала рѣчи о его злодѣяніяхъ съ крѣпостными крестьянами. Приходилось слышать о жестокихъ наказаніяхъ и даже истязаніяхъ, которыя онъ позволялъ надъ своими людьми. Всѣ пруды-озера, окружающіе въ то время усадьбу Индрикова, были вырыты его крѣпостными: за самую маленькую вину посылали въ наказаніе, „подъ тачки", какъ назывались эти земляныя работы. И женщины, и дѣти-подростки и всѣ, кому приходилось неугодить самому Чулкову или его сожительницѣ Агафьѣ Родіоновнѣ, матери его незаконныхъ дѣтей, перебывали на этой тяжелой работѣ. Она сама была крестьянка, но своей жестокостью ни сколько не уступала самому Чулкову.

На эти тяжелыя земляныя работы присылались по окончаніи лѣтнихъ работъ всѣ виновные изъ разныхъ имѣній, больше всего конечно изъ Самодуровки, Сапожковскаго уѣзда, постоянной резиденціи самого Чулкова и его семьи. Жили эти рабочіе въ Индриковѣ, полуголодные, на холодѣ, въ кое-какъ устроенныхъ шалашахъ, съ ними пріѣзжалъ и надсмотрщикъ, который обязанъ былъ смотрѣть за работами, а главное наблюдать, чтобы каждый осужденный на эту работу вывозилъ на себѣ назначенное ему число тачекъ, наполненныхъ землею.

Библиотека "Руниверс"

Одна женщина, которая ходила за индѣйками, и у которой по какой то ея оплошности околѣлъ дорогой заводской индѣйскій пѣтухъ, была прислана въ Индриково вмѣстѣ съ этимъ мертвымъ пѣтухомъ, который висѣлъ у нее на шеѣ на веревкѣ, и она должна была ходить съ этимъ вонючимъ, разлагавшимся пѣтухомъ на работу. Когда до моего отца дошелъ объ этомъ слухъ, онъ сейчасъ же самъ поѣхалъ въ Индриково, приказалъ снять съ несчастной бабы ея ужасную ношу, несмотря на протесты надсмотрщика, и написалъ угрожающее письмо къ Чулкову, говоря, что если, что-либо подобное случится опять, то мой отецъ будетъ принужденъ довести обо всемъ до свѣдѣнія Губернатора. Чулковъ отвѣтилъ отцу самымъ любезнымъ письмомъ, увѣряя, что все случившееся было сдѣлано безъ его вѣдома. Часто присылались довѣренныя лица (мужчины и женщины изъ дворовыхъ) изъ Самодуровки вербовать молодыхъ дѣвушекъ отъ 13 до 20 лѣтъ, а также и мальчиковъ отъ 12 до 17-ти лѣтъ. Пріѣздъ этихъ наборщиковъ повергалъ въ неописуемый ужасъ все населеніе Индрикова и Строилова. Снаряжались нѣсколько подводъ, по жребію выбирались подводчики, усаживали на эти подводы на одни дѣвушекъ, на другія мальчиковъ; кричали, плакали родители, и и несчастныя дѣти, которыхъ разлучали съ семьей и везли въ Самодуровку, разсказы о которой всѣхъ приводили въ ужасъ. Этихъ несчастныхъ молодыхъ людей въ Самодуровкѣ сортировали. Мальчиковъ оставляли нѣкоторыхъ при домѣ, остальныхъ—кого въ охотникахъ, кого въ конюшнѣ при конюхѣ, кого въ казачкахъ при взрослыхъ лакеяхъ, а другихъ отправляли въ Москву въ ученье разнымъ мастерствамъ и музыкѣ, такъ какъ въ Самодуровкѣ былъ свой оркестръ. Молодыхъ дѣвушекъ оставляли нѣкоторыхъ при домѣ для разныхъ услугъ, другихъ учили разнымъ рукодѣльямъ, вышивать гладью, плести кружева. Самыхъ же красивыхъ брали въ гаремъ для удовольствія самого Чулкова и его пріятелей, и по прошествіи трехъ, четырехъ мѣсяцевъ этихъ несчастныхъ дѣвушекъ выдавали замужъ за крестьянскихъ парней, которымъ приходило время жениться, и которымъ недоставало невѣстъ, а иногда возвращали обратно на родину въ семью. Какъ рыли пруды въ Индриковѣ я уже не помню, такъ какъ я ихъ уже знала полныхъ воды и рыбы, но каждый разъ, когда мы бывали тамъ, няня вспоминала объ этихъ работахъ и мнѣ всегда казалось, что крестьяне Чулкова очень похожи на израильтянъ въ Египтѣ. Но молодыхъ дѣвочекъ и мальчиковъ увозили въ Самодуровку на моей памяти. Я помню какъ осиротѣлыя матери и бабушки съ плачемъ разсказывали нянѣ о разлукѣ съ своими дѣтьми. Помню, и мы всѣ слушая эти разсказы, тоже плакали. Самъ Чулковъ рѣдко бывалъ въ Индриковѣ, но когда пріѣзжалъ, то часто бывалъ въ Карцевѣ у моего отца. Я его боялась

Библиотека "Руниверс"

и ненавидѣла и наружность мнѣ его казалась очень страшной (хотя большіе говорили, что онъ былъ красивъ), лицо у него было какое то сизое, обожженное, (какъ говорили, порохомъ); онъ много разсказывалъ о 12-мъ годѣ, о томъ, какъ послѣ побѣды надъ французами наши войска были въ Парижѣ и какъ тамъ проводили время, и должно быть эти разсказы были хороши, потому что моя цѣломудренная тетя и мать приходили въ ужасъ и уходили изъ залы, оставляя слушателемъ одного моего отца. Разсказы о Чулковѣ и ему подобныхъ мы слышали постоянно отъ нашей няни и отъ другихъ дворовыхъ, а также и отъ моего друга садовника Виссаріона, который всѣ разсказы о несправедливостяхъ и жестокостяхъ помѣщиковъ заканчивалъ такъ: „что дѣлать, должны терпѣть, ибо на нашемъ братѣ крѣпостномъ человѣкѣ лежитъ проклятіе Хама, сына Ноева.—на то значитъ воля Бога". Всѣ эти разсказы и событія оставляли глубокое впечатлѣніе въ моемъ маленькомъ дѣтскомъ сердечкѣ и развивали любовь къ закрѣпощеному народу и непріязнь къ его властителямъ.

Я мечтала, что когда выросту большая, то сдѣлаю всѣхъ моихъ любимцевъ свободными и какъ всѣ они будутъ дѣлать то, что имъ пріятно, а не то, что имъ приказываютъ, такъ напримѣръ, тетя Саша пойдетъ путешествовать по всѣмъ монастырямъ, о чемъ она всегда мечтала, Виссаріонъ разведетъ новый садъ на нашемъ огородѣ, который я ему подарю и т. д. И при этомъ я всегда радовалась, что въ нашемъ хозяйствѣ не было ничего жестокаго и тяжелаго, того о чемъ разсказывали про другихъ господъ; но и у насъ мнѣ многое не нравилось, особенно гнѣвныя вспышки моей матери, которыя, правда, ничѣмъ кромѣ гнѣвнаго истерическаго крика не выражались, но и эти сцены сильно возмущали меня и я всегда старалась чѣмъ нибудь порадовать, утѣшить потерпѣвшихъ отъ гнѣва матери и всегда ходатайствовала за нее передъ обиженными ею людьми.

Погостъ Василія Великаго.

Нашъ погостъ, гдѣ стояла наша приходская церковь очаровательнъ по своему мѣстоположенію. Разстояніе отъ Карцева до Погоста было версты двѣ или даже немного меньше. Дорога отъ Карцева до церкви очень живописная, идти приходится лугомъ, посрединѣ глубокой лощины, которою течетъ рѣчка, чистая и прозрачная, на днѣ которой видны пестрые мелкіе камешки и песокъ. По обѣимъ сторонамъ луга идутъ высокія горы, прорѣзанныя мѣстами глубокими оврагами. Этотъ лугъ и рѣчку пересѣкало шоссе; на обѣ стороны противуположныхъ горъ былъ перекинутъ мостъ,

Библиотека "Руниверс"

довольно красивой архитектуры и въ нашихъ мѣстахъ этотъ мостъ назывался „большимъ мостомъ". На погостъ, если не хотѣли взбираться на гору, надо было проходить подъ мостъ, проходъ этотъ былъ довольно затруднителенъ, что намъ дѣтямъ очень нравилось. Приходилось идти по крутой отвѣсной насыпи между свай, а внизу бѣжала быстрая узкая полоса рѣчки. За мостомъ открывался чудный видъ. Рѣчка здѣсь дѣлается шире, на горѣ покрытой прекраснымъ сосновымъ лѣсомъ виднѣлась наша приходская церковь, около нее ютились домики двухъ нашихъ священниковъ, дьякона и дьячковъ. Съ другой стороны церкви было кладбище. За оградой около оконъ алтаря были могилы нашихъ предковъ, а также могилы Исаковыхъ и матери Чулкова.

Ни села, ни одного посторонняго дома, кромѣ сторожки и домовъ причта здѣсь не было. Это мѣсто было прежде занято Троицкимъ монастыремъ, который былъ переведенъ въ окрестности Рязани, а на мѣстѣ монастыря была кѣмъ то выстроена церковь во имя Св. Троицы и Василія Великаго. Ходить гулять на погостъ мы, дѣти, наши гувернантки и няня очень любили. Насъ тамъ всегда принимали очень радушно, особенно семья нашего дьякона Ивана Петровича. У него была дочь Анюта, наша сверстница по годамъ, мы очень дружили, она часто дѣвочкой гостила у насъ по долгу, а по окончаніи своего воспитанія у своей тетки въ Рязанскомъ женскомъ монастырѣ, совсѣмъ переселилась на житье къ намъ въ Карцево. Я въ то время только что вышла замужъ, и Анюта или наша Анна Ивановна, какъ мы ее всѣ называли, уже никогда больше съ нашей семьей не разлучалась. Она была настоящимъ моимъ другомъ, моимъ Ангеломъ-Хранителемъ,—всю свою долгую жизнь посвятила мнѣ, моей семьѣ и моимъ интересамъ, дѣлила со мной и радость и горе, и никогда неразлучалась со мной, гдѣ бы мы не жили. Она уже старухой умерла на моихъ рукахъ, у меня въ Карцевѣ гдѣ мы съ ней послѣ смерти моего мужа прожили вдвоемъ 25 лѣтъ. И эти я 25 лѣтъ, несмотря на многія матеріальныя лишенія, считала самыми счастливыми годами моей жизни. Со смертью моего дорогого друга Анны Ивановны вся моя жизнь измѣнилась и я уже себя не чувствую никогда такъ хорошо, какъ мнѣ жилось при ней въ нашемъ миломъ родномъ уголкѣ, окруженномъ простымъ народомъ, который относился къ намъ самымъ сердечнымъ образомъ; мы съ Анной Ивановной во всѣ 25 лѣтъ ни одного худого поступка отъ окружающихъ не видали. Вотъ какое большое отступленіе мнѣ пришлось сдѣлать, вспомнивши мою дорогую Анюту.

Библиотека "Руниверс"

И такъ на погостѣ намъ всѣмъ бывало очень хорошо: намъ отъ дьякона или иногда отъ священника выносили въ лѣсъ на траву самоваръ, густыя сливки, творогъ, пышки; мы съ наслажденіемъ пили тамъ чай и полдничали. Иногда приходилось тамъ застать вечерню и я очень любила въ это время бывать въ церкви. Какъ то особенно мирно, хорошо бывало тамъ, церковь почти пустая, кромѣ священника и причта никого нѣтъ, лучи заходящаго солнца по особенному хорошо освѣщали иконостасъ—мы простаивали вечерню и уже совсѣмъ въ сумеркахъ возвращались домой.

Какъ мы дѣти и наши товарищи, и молодыя горничныя любили эти дальнія прогулки! Кромѣ нашей молоденькой гувернантки съ нами всегда ходила наша няня, въ то время это была рѣдкая по своему уму и развитію женщина, строгая, аккуратная, но при этомъ веселая, умѣющая хорошо разсказывать и сказки, и разные случаи изъ жизни. Наступалъ чудный веселый май, начинался онъ для насъ ярмаркой на нашемъ погостѣ. Въ нашей церкви былъ придѣлъ во имя Бориса и Глѣба, праздникъ ихъ былъ 2-го мая. Наканунѣ, 1-го мая въ нашей церкви была всенощная, единственная во всемъ году, такъ какъ всегда, кромѣ этого дня, во всѣ праздники бывали заутрени. И вотъ 1-го мая мы, если не было дождя, отправлялись пѣшкомъ на погостъ,—тамъ уже начинали съѣзжаться торговцы съ разными товарами, ситцами, посудой, разными лакомствами, но главная торговля была огородными сѣменами. Этотъ вечеръ послѣ всенощной назывался „подторжье". Воза съ товарами еще не разбирались и торговцами устраивались палатки. Торгъ сѣменами шелъ очень бойко, множество бабъ огородницъ сидѣли около церковной городьбы съ мѣшечками разныхъ огородныхъ сѣмянъ и, такъ какъ мы отъ отца и тети получали копѣекъ по 30 на ярмарочныя покупки, то я здѣсь для своего огородика покупала на двѣ и три копѣйки бобовъ и укропу, который очень любила. Хотя всѣ сѣмена я получала отъ Виссаріона, но почему то мнѣ очень нравилось покупать ихъ на погостѣ. 2-го мая мы отправлялись всѣ къ обѣднѣ, а по окончаніи службы начиналась торговля во всѣхъ палаткахъ. Мы покупали для нашего кукольнаго хозяйства крошечные горшечки, кувшинчики, а также и кувшинчики побольше для собиранія ягодъ. Народу на ярмаркѣ всегда бывало очень много, всѣ женщины очень красиво наряжались въ яркія рубашки съ широкими рукавами, въ черныя плисовыя, имѣющія видъ бархата, „корсетки" со множествомъ сборокъ около таліи назади и безъ рукавовъ.

Замужнія бабы носили клѣтчатыя шерстяныя поневы, убранныя внизу позументами и разноцвѣтными лентами, а на дѣвушкахъ

Библиотека "Руниверс"

бывали ситцевые пестрые сарафаны и такія же яркія рубашки и черныя „корсетки". Въ сосновомъ лѣсочкѣ около погоста, о которомъ я говорила раньше, устраивалось что то въ родѣ буфетовъ. Крестьяне тамъ пили чай, закусывали и вѣроятно пили водку, такъ какъ съ ярмарки часть нашихъ дворовыхъ возвращались подвыпивши, особено мой милый Виссаріонъ. Я въ этотъ день получала отъ отца моего очень много пріятныхъ вещей въ видѣ цвѣточныхъ высадокъ для моихъ горшечныхъ разводокъ и т. д. Весной и лѣтомъ часто ходили въ лѣсъ сначала собирали фіалки. Потомъ собирали незабудки, которыхъ на лугу бывало такая масса, что издали этотъ лугъ казался какъ бы покрытый голубоватой водой, а въ лѣсу въ это время уже разцвѣтали ландыши, весь домъ мы наполняли этими цвѣтами. 18-го мая, мы всегда ѣздили въ Кошелево, это былъ день именинъ Александры Александровны. Въ этотъ день туда съѣзжались всѣ родные и знакомые Селивановыхъ. Пріѣзжали Селивановы изъ Любова, всѣ—и старики, и молодые. Василій Павловичъ очень любилъ эту свою невѣстку и всегда ставилъ ее въ примѣръ своей молодой невѣсткѣ Маріи Дмитріевнѣ, женѣ Василія Васильевича, съ которымъ и жили старики. Вѣчная, наивная институтка Марія Дмитріевна, конечно, ничего не имѣла общаго съ умной, милой домовитой хозяйкой Кошелева, которой держался весь домъ, и все благосостояніе семьи. Пріѣзжали въ Кошелево въ этотъ день Селивановы изъ Авдѣева, которые приходились двоюродными братьями Селивановымъ Любавскимъ, Кошелевскимъ и Куковскимъ.

Изъ Авдѣева пріѣзжала вся семья, старый отецъ Алексѣй Николаевичъ, очень умный, жена его Марія Борисовна и сыновья Николай, Борисъ и маленькій Алексѣй. Старшіе два были сверстники намъ и глухонѣмымъ Васѣ и Сережѣ Кошелевскихъ. Намъ дѣвочкамъ изъ Карцева бывало очень весело провести этотъ день въ Кошелевѣ со всѣми этими мальчуганами. Съ Авдѣевскими Селивановыми пріѣзжалъ всегда братъ Алексѣя Николаевича—Петръ Николаевичъ Селивановъ, большой другъ хозяйки Кошелева, Александры Александровны,—семейная молва придавала этой дружбѣ романическую окраску. Этотъ майскій праздникъ въ Кошелевѣ оставилъ въ моей памяти очень пріятныя воспоминанія. Домъ буквально утопалъ въ цвѣтахъ, всюду были букеты бѣлой и лиловой сирени, ландышей. Кромѣ этихъ цвѣтовъ на столахъ красовалось множество чудныхъ букетовъ изъ оранжерейныхъ дорогихъ цвѣтовъ и я уѣзжала изъ Кошелева всегда получая отъ моей милой Александры Александровны одинъ изъ этихъ чудныхъ букетовъ, который долго берегла, какъ драгоцѣнность. Послѣ мая наступало жар-

Библиотека "Руниверс"

кое лѣто; начиналось съ іюня купанье, мы съ няней ходили на рѣчку за деревню, гдѣ была чудная прозрачная вода, къ намъ присоединялись наши сверстницы крестьянскія дѣвочки и, съ разрѣшенія няни, купались вмѣстѣ съ нами. Сколько было смѣха, веселья въ водѣ,—я умѣла прекрасно плавать; плавали на спинкѣ, ныряли подъ водой, но все это продѣлывала одна я, сестра Настя была большая трусиха и никогда не могла научиться плавать.

Накупавшись, собирали въ рѣчкѣ камешки, которые въ нашей рѣчкѣ очень разнообразны и красивы, ими я и сестра украшали наши клумбочки, а также играли въ нихъ подбрасывая эти камешки на разные лады. Эта игра имѣла особыя условія какъ и въ мячъ. Каждый взмахъ камней имѣлъ особое названіе. Эту игру особенно любила моя сестра Настя и была большая искусница въ этомъ дѣлѣ. Съ половины іюня ходили собирать землянику. Въ саду въ это время цвѣло множество розъ, лепестки ихъ собирали цѣлыми рѣшетами. Изъ нихъ варили варенье съ какой то кислотой, отъ чего варенье принимало прекрасный ярко розовый цвѣтъ и пріятный кисловатый вкусъ. Изъ этихъ же лепестковъ дѣлали крупу для каши, гнали розовую воду, очень душистую. Это дѣлалъ Тихонъ поваръ. Около рѣчки внизу сада для этого выкапывалась яма, въ ней горѣлъ огонь, надъ которымъ устраивалось что-то вродѣ очага на которомъ помѣщался мѣдный „кубо́къ“, изъ котораго, послѣ долгаго нагрѣванія и прохожденія чрезъ разныя трубочки, находящіяся внутри кубка, вытекала изъ крана тоненькая, едва замѣтная струйка чистой прозрачной и сильно душистой розовой воды. Намъ ей промывали глаза, всегда въ нашихъ спальняхъ бывали бутылки съ розовой водой. Давали ее и крестьянамъ, у кого гноились и болѣли глаза. Тогда о борной кислотѣ и помину не было, да и вообще отъ всѣхъ болѣзней лѣчили домашними средствами и рѣдко за чѣмъ либо обращались къ докторамъ и въ аптеку. Такъ напримѣръ, 24 іюня крестьянки изъ Борислова приносили разныя лѣкарственныя травы, связанныя пучками, которыя развѣшивали на чердакѣ въ свѣтелкѣ на протянутыхъ веревкахъ для просушки, когда же эти травы высыхали, ихъ складывали въ пакеты съ надписями—какая трава, и отъ какой болѣзни. Кромѣ этихъ травъ въ іюлѣ сушили массу липоваго цвѣта и малины. Приготовлялись также для домашней аптеки разныя мази, дѣлали мазь изъ бѣлены, изъ березовыхъ почекъ, дѣлали разныя лѣкарственныя настойки, настоенныя на винѣ березовыя почки, цвѣты василька, лепестки піоновъ и т. д.,—цѣлый огромный шкафъ былъ полонъ этими лѣкарствами. 24 іюня кромѣ сбора травъ и цвѣтовъ для лѣкарствъ былъ извѣстенъ всѣмъ намъ съ дѣтства по своимъ легендамъ о цвѣтеніи

Библиотека "Руниверс"

въ ночь на Ивана Купалу папортниковъ; сколько чудесъ про эту ночь намъ приходилось слышать отъ нашихъ деревенскихъ друзей. Да легендамъ о папортникѣ въ то время вѣрили не только крестьяне, но и большинство помѣщиковъ.

Многіе разсказывали, что сами будто-бы видѣли въ эту ночь разныя необыкновенныя явленія въ лѣсахъ, гдѣ бывали въ изобиліи папортники. Кромѣ папортниковъ весь деревенскій людъ вѣрилъ русалкамъ и большинство вѣритъ имъ и до сихъ поръ. Недѣля послѣ Троицына дня называется въ народѣ „русальной недѣлей". Троицынъ день въ нашемъ приходѣ второй храмовой праздникъ, я его очень любила. Вся церковь бывала убрана зеленью, полъ покрытъ скошенной травой, иконостасъ весь бывалъ убранъ цвѣтами сирени, піоновъ, колокольчиковъ, желтыхъ лилій, которые мать съ Виссаріономъ всегда посылала въ церковь. Народъ весь тоже стоялъ съ букетами зелени и полевыхъ цвѣтовъ, эти букеты крестьяне называли „вѣнчиками" берегли ихъ и закладывали въ скирды хлѣба, говоря, что мыши не трогаютъ тѣ скирды, куда положены троицкіе вѣнчики Мы также были въ церкви съ принесенными букетами изъ полевыхъ и садовыхъ цвѣтовъ. Нашъ домъ, а также и всѣ избы крестьянъ въ этотъ день убирались березками. И вотъ эту недѣлю послѣ Троицы называли русальской недѣлей, всѣ крестьяне очень боялись эту недѣлю ходить по ржанымъ полямъ, особенно въ тѣ годы, когда рожь бывала густа и высока; многіе чуть не съ клятвами увѣряли, что сами своими глазами видѣли русалокъ, бѣгающихъ по полю съ распущенными волосами. Большинство видали русалокъ когда стерегли ночное: вѣроятно, имъ на разсвѣтѣ въ полуснѣ разные предметы казались живыми людьми.—Воскресенье заговѣнье. Вечеромъ въ этотъ день всѣ крестьяне у кого были коровы, все молоко съѣдали; варили на молокѣ кашу; что оставалось отдавали у кого не было коровы, а уже если некому было отдать, то просто выливали куда нибудь, но ни одна хозяйка не рѣшалась вечерній удой этого дня оставлять у себя въ погребѣ, говоря, что русалки въ эту ночь пьютъ молоко, у кого оно останется, и та корова, отъ которой русалка попьетъ молока, перестанетъ его давать и вообще уже будетъ испорченной. По окончаніи ужина въ эту ночь весь народъ съ шумомъ, пѣснями шелъ провожать русалокъ. Гвалтъ стоялъ невообразимый, били въ косы, въ печныя заслонки и тому подобное, молодыя дѣвушки или очень молодыя вдовы безупречнаго поведенія, запрягались въ соху сзади которую держали такія же вдовы; дѣвушки съ распущенными волосами въ бѣлыхъ длинныхъ сорочкахъ, шли съ сохою впереди шествія и проводили борозду вокругъ всей де-

Библиотека "Руниверс"

ревни. Это считалось самымъ вѣрнымъ огражденіемъ отъ злого духа и русалокъ, которыхъ послѣ этого дня уже переставали бояться, считая ихъ уже исчезнувшими съ лица земли, до будущаго года. По мнѣнію народа онѣ уже жили въ водѣ и тамъ куралесили, схватывая тѣхъ, кто безъ креста купался, или вообще безъ молитвы былъ на водѣ.

Въ концѣ петровскаго поста начинался сѣнокосъ. Весь народъ узѣжалъ на луга. У насъ также верстахъ въ 8-ми отъ Карцева были луга. Назывались они „Воблинскіе", находились около Оки и озера близь деревни Озерицъ. Косить эти луга отправлялись всѣ наши дворовые люди, кромѣ крестьянъ. Готовое сѣно привозили въ Карцево и Борислово, гдѣ у насъ было большое скотоводство. Мы дѣти очень любили это время, насъ отецъ иногда бралъ съ собою туда, при насъ ловили рыбу неводомъ и собирали раковъ, которыхъ въ берегахъ озера было множество. Я съ наслажденіемъ набирала водяныя травы и цвѣты. Какъ чудно красивы были бѣлыя душистыя лиліи, плавающія въ водѣ, лепестки у нихъ твердые бѣлые, какъ бы восковые, но какъ только ихъ вынимали изъ воды они сейчасъ же закрывали свои чашечки и имѣли уже видъ бутона и очень рѣдко распускались дома въ водѣ. Рыбу и раковъ живыми привозили въ Карцево, въ большихъ кадкахъ или ушатахъ. Раковъ Тихонъ поваръ сейчасъ же по пріѣздѣ въ Карцево варилъ на берегу нашей рѣчки подъ садомъ въ огромномъ котлѣ. Всѣ поѣдали, помню, множество этихъ раковъ, приносили ихъ цѣлыми подносами, одна мать ихъ никогда не ѣла и смотрѣла на нихъ съ отвращеніемъ. Въ іюнѣ между 8 и 20 числомъ начиналась жатва ржи и сборъ ягодъ въ саду и варка варенья; послѣднимъ занимался весь домъ. Горничныя собирали ягоды: смородину, крыжовникъ, няня ножницами осторожно срѣзала малину для варенья и намъ также давали ножницы и мы въ свои корзиночки набирали малину, но, конечно, большая часть шла не въ варенье, а намъ въ ротъ. Собранныя ягоды перебирали, сортировали, лучшія варили въ сахарѣ, среднія ягоды варили пополамъ съ сахаромъ и картофельной патокой, очень сладкой и густой какъ сахарный сыропъ. Этой патоки я давно уже въ употребленіи не вижу. Варенье съ прибавкой патоки, на банкахъ носило названіе „сахарное, расхожее".

Потомъ мелкія ягоды всѣхъ сортовъ варили въ меду и изъ нихъ дѣлали смоквы. Варкой варенья и заготовленіемъ всѣхъ запасовъ изъ ягодъ и плодовъ всегда занималась наша тетя съ помощью Аксиньюшки

Библиотека "Руниверс"

ея горничной, но мы и другія горничныя принимали въ этомъ большое участіе. Вся эта работа происходила въ саду въ одной изъ бесѣдокъ, чаще внизу въ сиреневой, а иногда и въ акаціевой.

Намъ дѣтямъ накладывали варенье въ наши крошечныя баночки и мы дѣлали запасы для нашего кукольнаго хозяйства.

Когда начиналась уборка ржи мы часто бывали въ полѣ. Хорошую рожь бабы жали серпами, жатые снопы мнѣ очень нравились, всегда они были ровные, аккуратные. Тутъ между сноповъ, сложенныхъ въ крестцы бывали люльки съ грудными дѣтьми. Мнѣ всегда было безконечно жаль этихъ несчастныхъ крошекъ завернутыхъ въ разное тряпье и съ грязной соской во рту. Я любила ухаживать за этими дѣтишками, набирала дома для нихъ кисейныхъ тряпочекъ для соски и очень бывала довольна, если мнѣ удавалось наполнить карманы моего фартука кусочками бѣлаго хлѣба,—иногда удавалось добыть кусочекъ сахару, хотя послѣдній получать было очень трудно, такъ какъ намъ рѣдко давали чай, мы пили чай изъ листа черной смородины, анютиныхъ полевыхъ глазокъ и череды. Этотъ смѣшанный наборъ травъ заваривали какъ настоящій чай, мѣшали пополамъ съ молокомъ и въ чашку клался очень небольшой кусочекъ сахару. Мы этотъ настой пили съ хлѣбомъ, пышками, и сахару отдѣльно никогда не получали и онъ всегда былъ запертъ. По окончаніи жатвы бабы приходили къ намъ въ усадьбу, принося съ собой красиво связанный маленькій снопъ ржи. Входили онѣ во дворъ съ пѣснями и вся наша семья выходила на балконъ ихъ встрѣчать. Имъ раздавали оставшіяся отъ варенья ягоды т. е. тѣ, которыя уже не годились на варку,—и падаль яблокъ. Все это бабы принимали повидимому съ большимъ удовольствіемъ, но мнѣ почему то всегда было стыдно, что ихъ обдѣляютъ такой гадостью, какъ полупрокислыя ягоды, которыя ни на что больше не нужны, и дрянная падаль яблокъ.

Съ наступленіемъ Успенскаго поста почти въ половинѣ августа мы часто ѣздили въ боръ за грибами и брусникой. Насъ отправлялась всегда очень большая кампанія. Запрягались двѣ телѣги и дроги для нашей семьи, на дрогахъ помѣщались мы, я съ сестрой, иногда съ нами ѣздила мать, но не всегда, наша няня, и гувернантка, на телѣгахъ ѣхали горничныя со множествомъ корзинъ для грибовъ и кадочками для рыжиковъ, которыя тамъ же въ лѣсу и солили. Мы всегда бывали очень довольны, если ѣхали однѣ безъ матери, такъ какъ

Библиотека "Руниверс"

тогда мы себя чувствовали несвободными, постоянно боялись, что она на насъ разсердится за что нибудь. Конечно, если бы вмѣсто матери съ нами поѣхала наша милая тетя, то наша радость была бы безконечна, но она не могла много ходить; у нее болѣли ноги. Мы забирались въ самую глубину бора устраивали тамъ „привалъ", постилали ковры, раскладывали посуду и привезенную провизію, отпрягали лошадей. Въ лѣсъ мы пріѣзжали довольно рано, часовъ въ 8-мь или немного позднѣе и оставались тамъ цѣлый день, и уже совсѣмъ темнымъ вечеромъ возвращались домой. Устроивши нашу стоянку, мы брали корзины и отправлялись за сборомъ грибовъ. Меня въ неописанный восторгъ приводилъ безконечный лѣсъ,—сколько разнообразныхъ красивыхъ полянъ въ немъ мы находили. Я и до сихъ поръ чувствую себя счастливою, забываю всѣ пережитыя и переживаемыя мною непріятности, когда бываю въ этомъ прекрасномъ лѣсу.

Но въ настоящее время онъ потерялъ много своей первобытной тихой прелести. Теперь его пересѣкаетъ желѣзная дорога; около Луховической станціи, настроено много дачныхъ домиковъ; а въ то время, о которомъ я пишу мои записки, ничего, кромѣ безконечнаго пространства громаднаго строеваго хвойнаго лѣса, не было. Какъ я хорошо помню то радостное чувство, которое испытывала, находясь съ моей корзиной въ этомъ чудномъ лѣсу, все мнѣ хотѣлось забрать съ собой, здѣсь растенія были не тѣ, что у насъ въ нашихъ окрестностяхъ: кругомъ стояли громадные папортники, между ними во мху розовѣли чудные рыжики, которыхъ иногда на одномъ мѣстѣ мы набирали цѣлыя корзины. Бѣлые попадаются рѣже, но тоже по нѣскольку грибовъ вмѣстѣ. Няня страшно волнуется, боится, что мы, увлекшись сборомъ грибовъ, заблудимся въ лѣсу, ежеминутно, аукаетъ насъ, мы иногда нарочно молчимъ, чтобы попугать ее и вдругъ, неожиданно выбѣжимъ со смѣхомъ къ ней изъ за кустовъ.

„Ахъ вы, безстыдницы какія, какъ вамъ не грѣхъ обманывать такъ вашу старуху няню. Вотъ за то больше никогда не поѣду съ вами, пускай мамаша сама ѣдетъ и беретъ съ вами кого нибудь помоложе меня".—„Ну нѣтъ няня,—отвѣчаемъ мы, ей въ одинъ голосъ,—безъ тебя не поѣдемъ, насильно увеземъ тебя съ собой". Наберешь полную корзинку грибовъ и не знаешь куда дѣвать. Красивые мхи, которые тутъ же растутъ въ изобиліи—и какихъ рисунковъ!—но только цвѣтъ сѣрый, а рядомъ разнообразные зеленые мхи, ползучіе хвойные низенькіе кустарники съ прелестными лиловыми цвѣтами, а тутъ рядомъ изъ глубины мягкаго нѣжнаго зеленаго мха торчатъ граціозныя вѣточки

Библиотека "Руниверс"

брусники на твердомъ стебелькѣ, ярко зеленые блестяшіе твердые листики и фризовыя ягодки, все это хочется взять съ собой. Корзина полна грибами, приходится всѣми этими прелестями наполнять фартукъ. Сестра Настя давно уже пристаетъ, что пора идти къ „стоянкѣ", она устала и хочетъ ѣсть, у ней корзина тоже полна грибовъ. Но другихъ вещей кромѣ грибовъ она не собираетъ, ко всѣмъ прелестямъ, наполняющимъ мой фартукъ, она остается равнодушной.

Добираемся до нашей стоянки. Тихонъ уже ставитъ самоваръ, разложенные припасы возбуждаютъ и безъ того хорошій аппетитъ, набираемъ сухихъ сучьевъ,—Тихонъ разводитъ костеръ ставитъ „таганъ", на него сковроду и жаритъ приготовленныя дома котлеты. Кромѣ этого съ нами есть пышки съ сюрпризами, какъ мы ихъ называли, такъ какъ въ пышкахъ находили запеченныя въ скорлупѣ яйца ѣли мы все съ большимъ удовольствіемъ, а также и пили чай съ привезенными изъ дома пѣнками отъ варенья. Отдыхая, перебирали грибы, самые маленькіе отбирали для маринованія въ особыя корзиночки. Крупные рыжики тутъ же солили въ привезенной кадочкѣ. Большіе бѣлые грибы тоже клали въ особыя корзины для сушки. Чтобы собрать насъ всѣхъ къ стоянкѣ Тихонъ звонилъ въ большой привезенный имъ для этого колокольчикъ. Перебирая грибы, мы говорили о томъ, кто что видѣлъ въ лѣсу. Кто бѣлокъ, кто необыкновенную какую нибудь птицу или ящерицу. Отдохнувши, опять шли въ лѣсъ и возвращались уже къ сумеркамъ, когда пора было ѣхать домой. Домой возвращались уже совсѣмъ вечеромъ счастливыя, довольныя, усталыя и засыпая все еще видѣли лѣсъ, грибы, ягоды. Милое, счастливое дѣтство! съ какимъ удовольствіемъ вспоминаю я его.

15-го августа всегда наша семья ѣздила на храмовой праздникъ въ Куково, имѣніе одного изъ Селивановыхъ, старшаго сына Василія Павловича Селиванова, постоянно до самой смерти жившаго въ своемъ родовомъ имѣніи Любовѣ съ меньшимъ сыномъ своимъ Василіемъ Васильевичемъ, имѣвшимъ большую семью. Хозяина Кукова звали Алексѣй Васильевичъ, а жену его Анна Яковлевна, они были бездѣтны, пользовались большимъ уваженіемъ въ уѣздѣ. Впослѣдствіи Алексѣй Васильевичъ былъ Губернскимъ Предводителемъ въ Рязани и послѣ смерти моего отца былъ нашимъ „попечителемъ" до самаго моего замужества. Они оба были очень любезны гостепріимны, но какъ-то у нихъ не такъ было весело, просто и уютно какъ у другихъ Селивановыхъ въ Любавѣ и Кошелевѣ. Семьѣ Василія Васильевича Селиванова Куковскіе Селива-

Библиотека "Руниверс"

новы помогали много матеріально, часто выручали ихъ изъ денежныхъ затрудненій и впослѣдствіи все свое состояніе оставили дѣтямъ Василія Васильевича. Я теперь припоминаю, что жена Василія Васильевича Марія Дмитріевна веселая, добрая, но легкомысленная женщина, очень плохая хозяйка, побаивалась сильно этихъ своихъ уравновѣшенныхъ родственниковъ аккуратныхъ, сухихъ. Моего отца Алексѣй Васильевичъ очень любилъ за его честность во всѣхъ отношеніяхъ, за то, что онъ всегда былъ правдивъ и никогда не льстилъ и не низкопоклонничалъ предъ сильными міра сего, что въ старые годы было большой рѣдкостью. На праздникѣ 15-го августа въ Куковѣ собирались всѣ Селивановы, пріѣзжали Звягины изъ Гремячева и множество другихъ Зарайскихъ дворянъ со всѣми и семействами. Родные и близкіе люди пріѣзжали туда наканунѣ ко всенощной, которая подъ Успеньевъ день очень торжественно совершалась въ ихъ домѣ. Наша семья также пріѣзжала туда наканунѣ. Насъ дѣтей туда брали не всегда, чему мы бывали очень рады, такъ какъ намъ тамъ бывало скучно и кромѣ купанья въ Осетрѣ, на которомъ была устроена прекрасная большая купальня, ничего пріятнаго для насъ, дѣтей, не было. Дѣтей тамъ собиралось много, но какъ то тамъ всѣмъ намъ бывало скучно. Въ Куковскомъ строго поставленномъ домѣ, гдѣ своихъ дѣтей никогда не было, странно какъ то было бѣгать, играть въ разныя игры, какъ мы всѣ это дѣлали въ Любовѣ, Кошелевѣ и Карцевѣ, когда собирались вмѣстѣ. Особенно весело бывало у крестной матери въ Гремячевѣ, гдѣ мы гостили по временамъ довольно долго. Послѣ Успеньева дня намъ предстояло великое удовольствіе—это поѣздка въ Борислово, для сбора орѣховъ. Тамъ у насъ былъ довольно большой лѣсъ, полный орѣшника. Орѣхи строго оберегались, для этого жилъ въ Борисловѣ каждое лѣто сторожъ. Въ Борисловѣ ни дома, ни флигеля не было, но была прекрасная большая рига, очень большой скотный дворъ съ хорошей избой и большимъ ледникомъ-погребомъ. Тамъ велось полевое хозяйство и скотоводство,—бывало до 40 головъ. Сборомъ масла и уходомъ за коровами завѣдывала моя кормилица; потому для меня поѣздка въ Борислово имѣла еще бо̀льшій интересъ, такъ какъ свиданіе съ моей дорогой кормилицей, которую я страстно любила, дѣлало меня всегда счастливой. Назначался день сбора, наканунѣ готовилось множество холодныхъ блюдъ, пеклись пироги съ цыплятами, укладывались погребцы съ чаемъ, сахаромъ. Корзины наполнялись посудой для чая и обѣда. Съ вечера приготовлялись телѣги, куда укладывали все нужное для поѣздки. Горничныя, няня, гувернантка и вся наша семья отправлялись въ Борислово. Крестьянки тоже отправлялись туда для сбора орѣховъ. Съ какой тревогой мы проводили эту ночь, боясь, чтобы не

Библиотека "Руниверс"

измѣнилась погода и не пошелъ бы дождь. Наконецъ, наступало желанное утро, сборы кончены и мы размѣстились для дороги, мать съ отцомъ въ бричкѣ, а горничныя въ телѣгахъ—и нашъ поѣздъ трогается въ путь. По пріѣздѣ въ Борислово насъ встрѣчала моя кормилица и провожала насъ въ чисто убранную просторную ригу, около которой стояло много скирдъ ржи и овса. По бокамъ стояли большіе сараи наполненные хлѣбомъ и сѣномъ. Противъ риги были остатки когда то бывшей усадьбы и сада, сохранилась дорожка очень сладкаго мелкаго желтаго крыжовника и немного яблонь. Въ концѣ этого садика была саженая рощица высокихъ орѣховыхъ кустовъ, на этихъ кустахъ бывали особаго сорта орѣхи, продолговатые и крупные подъ названіемъ „каранскіе", а сама рощица называлась „сажалка". Орѣхи въ этой рощицѣ собирались горничными, бабъ въ нее не пускали и эти орѣхи сберегали отдѣльно.

Тетя по пріѣздѣ занималась съ помощью няни и моей кормилицы устройствомъ въ ригѣ удобнаго для насъ помѣщенія, туда приносили все привезенное изъ дома и провизію и вещи, а мать и отецъ въ сопровожденіи сторожа раздѣляли весь лѣсъ на части. Бабы съ большими мѣшками у пояса отправлялись собирать орѣхи. Онѣ должны были сначала обобрать первую отведенную имъ часть,—идти дальше безъ этого имъ не позволялось. Мы, конечно, съ нашими корзинами могли бѣгать по всему лѣсу и сажалкѣ куда намъ хотѣлось. Тутъ же рядомъ съ нами въ Борисловѣ жила семья небогатыхъ и малообразованныхъ помѣщиковъ Злобиныхъ, его звали Петръ Львовичъ, а жену Надежда Петровна, у нихъ были дѣти, наши ровесники, дочери Оля, Надя и сынъ Миша. Тетя бывало скажетъ. „идите къ Злобинымъ, возьмите съ собой ихъ дѣтей и собирайте вмѣстѣ орѣхи, пускай и онѣ себѣ ихъ наберутъ. Только въ сажалку ихъ не водите, туда можете ходить, когда останетесь одни безъ нихъ".

Намъ идти за дѣтьми не хотѣлось, такъ какъ непріятно было уходить отъ лѣса, особенно отъ „сажалки", высокіе прямые кусты въ которой сплошь были покрыты прозрачными почти гранками, изъ которыхъ выглядывали коричневые орѣшки, они бывали такъ спѣлы, что если сильно потрясти вѣтви, то орѣхи сами падали.

И вотъ мы вмѣсто того, чтобы идти самимъ къ Злобинымъ посылали за ними одну изъ моихъ молочныхъ сестеръ, дочерей моей кормилицы, ихъ было три: Анисья много старше меня, на ея попеченіе оставлялся ея братъ, „Ѳетиска" какъ его звала кормилица, отъ

Библиотека "Руниверс"

этого мальчика меня кормилица и кормила, онъ вѣроятно отъ ухода сестры дѣвочки и умеръ, что было очень тяжело перенести матери, такъ какъ она имѣла только одного сына, остальныя дѣти у ней были дѣвочки. Я удивляюсь, какъ могла она любить меня, когда кормленіе меня своимъ молокомъ ей стоило жизни ея единственнаго сына. Но на то было крѣпостное право, по произвольному выбору господъ брали изъ семьи кормилицу выкармливать барскаго ребенка, отнимали у дѣтей мать, у мужа жену и хозяйку дома на цѣлый слишкомъ годъ.

Мужъ видался съ женой очень рѣдко и то въ присутствіи няни. Дѣтей повидаться съ матерью тоже допускали не часто и на самый короткій срокъ. Правда черезъ годъ кормилица возвращалась домой съ большимъ запасомъ нарядовъ потому, что кромѣ поневы, фартуковъ, платковъ, рубашекъ и тѣхъ сарафановъ, которые она носила въ барскомъ домѣ, кормившей барскаго ребенка, дѣлали при отпускѣ двѣ шубы, одну крытую плисомъ, другую дубленую изъ овчинъ. Получала она и деньгами, не помню уже сколько, но только по тогдашнему времени немало; но конечно эти подарки и матеріальная помощь мужу, которому тоже во время отсутствія жены изъ дома давали разныя льготы, не могли вознаградить никого за тѣ нравственныя муки, которыя испытывала женщина, оторванная насильно отъ родной семьи. Вторая дочь кормилицы была Маша, хорошенькая, веселая живая дѣвочка, и послѣдняя дочь Груша, бывшая впослѣдствіи моей горничной, до самаго уничтоженія крѣпостного права. Мы съ ней жили очень дружно, и почти одновременно вышли замужъ. И вотъ этихъ маленькихъ дѣтей кормилицы посылали мы за дѣтьми Злобиными, а сами въ это время рвали орѣхи въ заповѣдной сажалкѣ. Съ приходомъ Злобиныхъ всѣ гурьбой шли собирать орѣхи до обѣда. Обѣдъ, приготовленный моей кормилицей мнѣ казался чрезвычайно вкуснымъ. Состоялъ онъ всегда изъ цыплятъ во всѣхъ видахъ и густыхъ сливокъ съ свѣжимъ творогомъ. Мать и отецъ уѣзжали въ Карцево, а мы съ тетей оставались ночевать въ Борисловѣ, тамъ была большая криница, какъ ее называли, осталась она, вѣроятно, отъ флигеля, который былъ раньше здѣсь. Въ этой „криницѣ“ было множество полокъ, на которыхъ стояли горшки съ молокомъ, что квасилось на сметану. Запасныя подушки всегда оставались въ Борисловѣ, такъ какъ отецъ во время сѣва и молотьбы жилъ здѣсь по недѣлѣ. Собранные орѣхи въ гранкахъ отвозились въ Карцево. И когда уже были собраны всѣ орѣхи, то лѣсъ освобождался отъ караула и бабы съ ребятишками собирали оставшіеся до глубокой осени. Въ Карцевѣ эти собранные

Библиотека "Руниверс"

орѣхи, высыпались въ амбарахъ на полу; мѣшками и корзинами ихъ приносили въ домъ, гдѣ на разосланныхъ толстыхъ конопляныхъ простыняхъ ихъ „шелушили", т. е. лущили отъ гранокъ. Орѣховъ набиралось множество, изъ нихъ били масло, калили, въ особенныхъ небольшихъ кувшинчикахъ закапывали въ землю въ подвалѣ. Кувшинчики были съ крышечками, ихъ замазывали глиной и зимой иногда даже на Пасхѣ изъ этихъ кувшинчиковъ вынимали совершенно свѣжіе, какъ бы сейчасъ сорванные съ дерева орѣхи. Варили также зерна орѣховъ въ меду и сахарѣ. Изъ этой варки выходили очень вкусныя конфеты, которыя, чтобы подать на столъ, надо было колоть щипцами, какъ сахаръ. 21 августа бывалъ очень веселый праздникъ въ Любавѣ, въ этотъ день было рожденіе хозяйки Маріи Дмитріевны. Туда съѣзжались всѣ Селивановы и другіе знакомые и сосѣди помѣщики. У меня осталась въ памяти еще семья Лихаревыхъ изъ Орѣшкова, у нихъ были дѣти, наши сверстники. Въ Любавѣ намъ дѣтямъ всегда было весело, мы на свободѣ играли въ саду и въ паркѣ окружающемъ садъ. Въ этомъ лѣсу—меня поражали огромные столѣтніе дубы и липы,—казалось, что на такихъ деревьяхъ, вѣроятно, жилъ Соловей-разбойникъ и Илья Муромецъ. Въ саду было множество разныхъ плодовъ: яблонь, грушъ, цѣлая роща красныхъ, черныхъ и бѣлыхъ сливъ. Намъ, дѣтямъ, гостямъ и хозяевамъ, въ этомъ саду было полное раздолье. Насъ, дѣтей, иногда здѣсь оставляли погостить на два или три дня, и мы возвращались домой съ полными корзинами фруктовъ, которыхъ у насъ въ Карцевѣ не было. 30 августа мы ѣздили въ Негоможъ къ Александрѣ Николаевнѣ Чаплыгиной, очень богатой вдовѣ, имѣвшей землю и скотный дворъ въ Карцевѣ, гдѣ жилъ всегда только одинъ ея работникъ. Негоможъ,—это было замѣчательно красивое и богатое имѣніе на берегу Оки. Домъ былъ настоящій англійскій замокъ. Чаплыгиныхъ было раньше два брата, Арсеній Ивановичъ и Александръ Ивановичъ,—оба они были вѣроятно ненормальные люди и кончили оба трагически. У нихъ обоихъ была манія ревности. Александръ Ивановичъ имѣлъ красивую жену, которую заперъ въ своемъ родовомъ имѣніи Негоможѣ. Ревновалъ онъ ее ко всѣмъ безъ исключенія, даже къ мужской прислугѣ; въ его отсутствіе ни одинъ молодой лакей не смѣлъ войти въ комнаты, гдѣ находилась барыня. По временамъ онъ дѣлалъ роскошные пиры знакомымъ помѣщикамъ, и жена на этихъ пирахъ еле живая отъ страха должна была присутствовать какъ хозяйка. Гости зная ревнивый характеръ мужа, чтобы поддразнить его ухаживали за хорошенькой женой.

Но всѣ ихъ шутки мучительно отзывались на несчастной женщинѣ. По окончаніи пира, послѣ разъѣзда гостей, бѣдная женщина

Библиотека "Руниверс"

переносила невыносимыя муки и нравственныя и физическія, она должна была повторить каждое слово сказанное ей кѣмъ либо изъ мужчинъ,—при этомъ Александръ Ивановичъ говорилъ ей саркастически: „забыли? не помните?—такъ я вамъ постараюсь напомнить", при чемъ такъ сильно щипалъ ее, что послѣ допроса вся въ синякахъ и горючихъ слезахъ она уходила въ свою комнату, куда немного погодя являлся къ ней Александръ Ивановичъ, на колѣняхъ молилъ прощенія и осыпалъ ее страстными безумными ласками. У нихъ была двухъ лѣтъ дочка, которая была единственной радостью своей матери. За ней ходила кормилица, отъ которой дѣвочка недавно была отнята; эта женщина была единственнымъ другомъ своей барыни, такъ какъ Александръ Ивановичъ и съ женщинами интимно сближаться женѣ не позволялъ. Единственный человѣкъ между всѣми знакомыми Александра Ивановича пользовался его дружбой и бывалъ у него часто запросто, какъ свой человѣкъ, это былъ помѣщикъ Похвистневъ, но и онъ такъ же какъ и другіе, любилъ поддразнить Чаплыгина. Разъ лѣтомъ пріѣхалъ онъ въ Негоможъ, ему Чаплыгины очень обрадовались, долго гуляли, катались на лодкѣ по рѣкѣ. За обѣдомъ выпили порядочно и во время обѣда въ столовую вошла кормилица съ дѣвочкой. Александръ Ивановичъ, указывая на дочь, сказалъ: „смотри, другъ, неправда ли какъ моя дочка похожа на меня и по лицу, и по капризамъ, какъ говоритъ жена". На это Похвистневъ со смѣхомъ отвѣчалъ: „ну, ужъ это твоя фантазія,—не знаю на кого она похожа характеромъ, но уже лицомъ то, совсѣмъ на тебя не похожа, а ужъ скорѣе на меня, на своего крестнаго". Обѣдъ окончился весело, Александръ Ивановичъ приказалъ изъ погреба достать шампанскаго. Жена этому очень удивилась, но Александръ Ивановичъ сказалъ: „знаешь поговорку,—для милаго дружка и сережка изъ ушка, а Алеша (Похвистневъ) настоящій мой другъ и, почему то сталъ рѣдкимъ гостемъ, прежде онъ чаще ѣздилъ". Весело роспили бутылку шампанскаго и отправились въ бесѣдку пить кофе.

Послѣ кофе Чаплыгинъ проводилъ Похвистнева отдохнуть въ приготовленную комнату, самъ вернулся въ бесѣдку въ страшномъ видѣ. Выхватилъ изъ рукъ кормилицы дѣвочку и тутъ же моментально задушилъ ее. Выхватилъ изъ кармана пистолетъ и убилъ наповалъ жену. На крикъ кормилицы прибѣжали слуги и Похвистневъ и застали страшную картину: мертваго ребенка въ объятіяхъ мертвой матери и мертваго Чаплыгина,—онъ тутъ же застрѣлился самъ. И такъ, въ одинъ часъ погибла вся семья. Все богатство Александра Ивановича досталось его брату Арсенію Ивановичу, женатому на Александрѣ Никола-

Библиотека "Руниверс"

евнѣ, я ее уже помню вдовою, веселой, жизнерадостной, жила она роскошно и весело. На ней несчастная супружеская жизнь не оставила слѣдовъ, а жизнь ея замужемъ была ужасная,—пьяный, ревнивый мужъ страшно ее тиранилъ, она часто ночевала въ обметахъ соломы или въ стогахъ сѣна. Мужъ ея, умеръ, опившись вина. Александра Николаевна первое время послѣ смерти мужа года два никого, кромѣ монаховъ и поповъ, не принимала. Ѣздила по монастырямъ, построила въ своемъ имѣніи церковь, на освященіе которой созвала весь уѣздъ, сдѣлала предъ этимъ всѣмъ семейнымъ помѣщикамъ визиты и съ этого времени стала свѣтской, веселой женщиной. У ней было много уже взрослыхъ дѣтей и двѣ послѣднія дочери были наши сверстницы—Юлія и Надя—я съ ними была очень дружна. Проходило лѣто, наступала осень. 1-го октября былъ храмовой праздникъ въ Кошелевѣ, насъ туда по дурной погодѣ рѣдко брали. Послѣ этого праздника Селивановы и Кошелевскіе и Любавскіе уѣзжали мѣсяца на два или на три въ Москву. Любавскіе Селивановы, впрочемъ, при жизни старика Василія Павловича на долго уѣзжали рѣдко, большую часть зимы проводили въ деревнѣ. Съ 1852—53 года всѣ были заняты войной, сначала ожидали ее съ интересомъ, читали газеты, бранили англичанъ и французовъ, что они соединились съ турками противъ насъ русскихъ. Восхищались императоромъ Николаемъ Павловичемъ, за то что онъ не хотѣлъ идти ни на какія уступки и, еще помню, всѣ говорили, что нашъ императоръ ни за что не хотѣлъ признать равнымъ себѣ Наполеона III, и никогда не называлъ его императоромъ.

Помню, когда была объявлена война, мать со слезами читала намъ всѣмъ вслухъ манифестъ о войнѣ и при этомъ плакала. Всѣ были увѣрены, что мы будемъ побѣдителями. Мы дѣти учили разныя патріотическія пѣсни и стихи. Помню, что пѣвали подъ акомпаниментъ фортепіанъ такую пѣсенку:

„Вотъ въ воинственномъ азартѣ
„Воевода Пальмерстонъ
„Поражаетъ Русь на картѣ
„Указательнымъ перстомъ“...

и такъ далѣе въ томъ же юмористическомъ духѣ. Эта пѣсенка назначалась для англичанъ, а для французовъ пѣлась другая, начала не помню, но тамъ были слѣдующія строфы:

„Не нужны намъ стальныя перья,
„Покойный славный Валсъ Карлосъ

Библиотека "Руниверс"

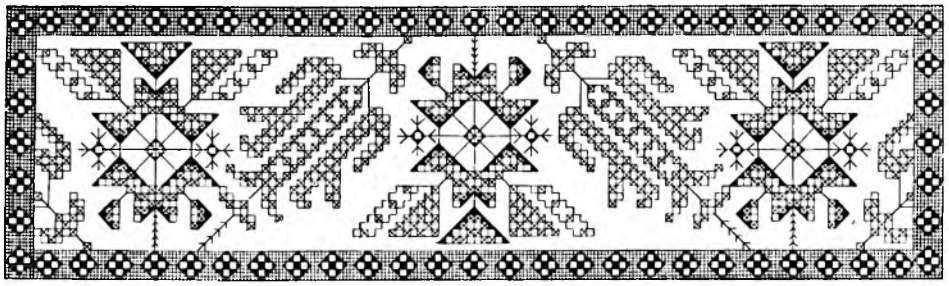
„Свое отъ трона отрѣченье
„Простымъ гусинымъ подписалъ.
„Не нужны намъ и черепашьи потроха,
„Въ волнахъ родимый Березины готова Вамъ и т. д.“.

Помню, что въ церкви послѣ каждой обѣдни служились молебны съ колѣнопреклоненіемъ. Во всѣхъ домахъ приготовляли корпію, этимъ занимались и большіе, и дѣти. Были рекрутскіе наборы, всѣ плакали, собирали уже въ каждомъ имѣніи пожилыхъ уже крестьянъ въ ратники. Осенью 1853-го года мать и отецъ рѣшили погостить на святкахъ въ Москвѣ и объявили мнѣ, что и меня возьмутъ съ собой. Я была въ восторгѣ отъ мысли, что увижу Москву, кремль; съ ноября уже начались разные сборы въ предполагаемой поѣздкѣ. Мать и отецъ рѣшили меня отдать въ Москвѣ въ пансіонъ, но они ни мнѣ, ни моей милой тетѣ Александрѣ Павловнѣ объ этомъ ничего не говорили, такъ какъ тетя меня страстно любила, и разлука со мной для нее должна была быть очень тяжела, они думали, что ея горе меня разстроитъ и хотѣли о своемъ рѣшеніи написать изъ Москвы. Рождество въ этотъ годъ мы встрѣтили такъ же какъ и всегда. На третій день праздника мы выѣхали изъ Карцева на своихъ лошадяхъ въ огромномъ возкѣ, со множествомъ запасовъ. Прощалась я со всѣми очень весело, такъ какъ была увѣрена, что ѣду не на долго, посмотрю на всѣ столичныя диковинки, о которыхъ много читала и скоро опять вернусь въ милое Карцево.

Такъ кончилось мое милое, тихое дѣтство въ деревнѣ, которое на всю жизнь осталось у меня въ памяти, какъ любовь моя къ моему родному уголку сохранилась у меня навсегда.

Анна Лелонгъ.

Библиотека "Руниверс"



СИНОДАЛЬНОЕ ВОЗЗВАНІЕ

Произошло это въ разгарѣ Севастопольской войны. Россія переживала въ ту пору самую тяжелую годину. Тревожное состояніе умовъ охватило всѣ слои общества!—и баръ и простолюдиновъ. Чувствовалось напряженное ожиданіе чего то смутнаго, непонятнаго, давившаго людей своей неизвѣстностью. Особенно было сильно неспокойство въ отдаленныхъ областяхъ имперіи, куда невеселыя вѣсти изъ Крыма достигали преувеличенными въ переиначенномъ видѣ, возбуждая въ простомъ народѣ ненависть къ сплоченной Европѣ, защищавшей варварство магометанской Турціи, которая, какъ носились слухи, притѣсняла нашихъ братьевъ христіанъ и глумилась надъ святой церковью. Развѣ это не больно было переносить преданнымъ вѣрѣ своихъ отцовъ православнымъ простолюдинамъ?.. Разгоралось въ груди ретивое!.. —Такъ бы и бросились на врага, смяли, сокрушили его, ежели бы Царь-батюшка повелѣлъ намъ!—говорили между собою крестьяне.

29 января 1855 года послѣдовалъ извѣстный манифестъ императора Николая о государственномъ ополченіи. Одновременно Св. Синодъ издалъ „воззваніе“, призывавшее сыновъ Россіи постоять за царя и отечество. „Отцы и Матери!—говорилось въ немъ:—Вы ли умедлите послать вашихъ дѣтей по зову царскому? Отведите ихъ сами руками своими! Скажите имъ: дѣти, стойте вѣрою и правдою за общую матерь нашу церковь Божію“!

По странной случайности воззваніе пришло въ селенія Саратовской губерніи вмѣстѣ съ манифестомъ, извѣщавшимъ о кончинѣ Николая Павловича и о вступленіи на престолъ новаго императора Александра Николаевича. По обыкновенію, объявленіе ихъ было возложено на приходскихъ священниковъ, не многимъ отличавшихся въ то время своимъ міровоззрѣніемъ отъ неграмотныхъ поселянъ, хотя и считав-

Библиотека "Руниверс"

шимися въ селахъ первыми руководителями и вразумителями темнаго народа.

Когда пастыри духовные повѣдали о распоряженіи правительства съ высоты амвона, заволновались до того спокойные поселяне. Значитъ Царю, вѣрѣ и родинѣ грозитъ большая опасность, если вступился за то Св. Синодъ.

— Что теперь дѣлать намъ?—обратились жители слободы Александровки (Дмитріевка тожъ) къ своему священнику о. Стефану Львову, послѣ объявленія имъ на вербное воскресенье, 20 марта, обоихъ манифестовъ.

— Али не слышали, что Царь-батюшка вызываетъ желающихъ изъ своихъ поданныхъ послужить Россіи вѣрой и правдой?..

— Охотниками, значитъ?!.

— Ну, да, конечно, у кого есть охота!...

Тутъ же, не выходя изъ церкви, двое крестьянъ сосѣдней деревни Захаровки, Константинъ Горбушинъ, 22 лѣтъ, и Григорій Дувановъ, 26 л., просили батюшку записать ихъ. О. Степанъ исполнилъ ихъ желаніе и въ тотъ же день сообщилъ о томъ приставу 1-го стана Царицынскаго уѣзда.

Вѣсть эта быстро облетѣла окружныя поселенія. На другой день къ о. Львову повалили крестьяне со всѣхъ сторонъ. „Имѣя чувство привязанности къ вѣрѣ, церкви православной и любезному отечеству“, просили они его „записать ихъ охотниками на службу, по силѣ манифеста о государственномъ ополченіи“.

— Я на это не уполномоченъ—сказалъ имъ о. Стефанъ.—Да, ни какое присутственное мѣсто не приметъ васъ на службу, безъ воли вашей помѣщицы,—пояснилъ онъ прибывшимъ изъ дер. Захаровки крестьянамъ княгини Трубецкой*).

Но они, „не обращая на его слова вниманія, пошли со двора его съ разными угрозами“.

*) Изъ дѣла Царицынска—Камышин. уѣзд. суда за 1855 г. № 200.

Библиотека "Руниверс"

— Ишь ты! Манифестъ объявилъ, а записывать не хочетъ!...

— Мы этого дѣла такъ не оставимъ!—бранились они.—Безпримѣнно надо разузнать.

Нѣсколько человѣкъ изъ Александровки и Захаровки нарочно ѣздили въ ближайшій посадъ Дубовку, чтобы удостовѣриться, подлинно ли существуетъ „положеніе о Государственномъ ополченіи". Дознались, что тамъ шли о томъ толки.

Всѣ селенья Камышинскаго и Царицынскаго уѣздовъ пришли тогда въ „броженіе". Стали поговаривать о „волѣ".

3 апрѣля, болѣе 30 крестьянъ дер. Степанидовки обратились къ священнику села Соладчи Робустову, настойчиво требуя отъ него указа, въ которомъ „будто бы всѣмъ помѣщичьимъ крестьянамъ дарована отъ крестьянства свобода". Не смотря на ихъ дерзкія угрозы, священникъ отказалъ имъ въ ихъ домогательствѣ, такъ какъ не зналъ ничего подобнаго.

— Ну, такъ мы сами добьемся его!—кричали они и, не заходя въ свою деревню, „съ буйствомъ" направились прямо въ г. Камышинъ, похваляясь при этомъ: „если тамъ намъ указа не дадутъ, мы пойдемъ въ Саратовъ къ начальнику губерніи, а буде и его право намъ откажетъ, дойдемъ до Петербурга".

Оставшіеся въ деревнѣ мужчины и женщины прекратили господскія работы.

На другой день „взбаламутились" поселяне дер. Дмитревки. Ихъ взбудоражилъ крестьянинъ Игнатій Романцевъ, пріѣхавшій верхомъ ночью на уроч. Зиневатку, гдѣ они засѣвали господскій хлѣбъ.

— Бросайте все! Идемъ домой!—выкрикивалъ онъ, ѣздя по нивамъ—полученъ приказъ сбираться въ ополченіе.

Всѣ сейчасъ же ушли въ деревню, оставивъ въ полѣ безъ всякаго надзора барскихъ воловъ.

Уговорившись съ поселянами Александровки, и они отправили въ Камышинскъ уполномоченныхъ. Дня два спустя, выѣхали туда ходоки

Библиотека "Руниверс"

изъ Зинзеванки, Трудовки и другихъ деревень. Собралось ихъ тамъ 128 человѣкъ. Однако ничего сдѣлать имъ не удалось. Озабоченные прекращеніемъ работъ помѣщики и управляющіе имѣніями успѣли сообщить о ихъ замыслахъ Камышинскому земскому исправнику Корбутовскому. По распоряженію Городничаго, всѣ бѣглецы были задержаны и „возвращены въ свои мѣста" подъ конвоемъ казаковъ.

Крестьяне смирились, прекратились вздорные разговоры. Но мѣсяцъ спустя, открылись такія же волненія въ отдаленныхъ уѣздахъ Петровскомъ и Сердобскомъ, благодаря будто бы наговорамъ, проникнувшимъ изъ Саратова. Губернскія власти струхнули. Были приняты мѣры, какъ со стороны свѣтскаго, такъ и со стороны духовнаго начальства, для вразумленія заблудшихъ и къ разъясненію имъ точнаго смысла манифеста и цѣли выпущеннаго Синодомъ обращенія. Началось слѣдствіе, порученное губернаторскому чиновнику Долинскому. Всю вину въ прошедшемъ свалили крестьяне на своихъ духовныхъ пастырей, хотя многіе изъ послѣднихъ совсѣмъ не вѣдали, что творили они.

Между прочимъ былъ оговоренъ ими въ подстрекательствѣ къ самовольной отлучкѣ изъ имѣнія помѣщика, для поступленія въ ополченіе, жившій въ с. Кондоль, Петров. у., „запрещенный" священникъ Іоаннъ Чернышевскій *), не принимавшій никакого участія въ ихъ сумасбродныхъ дѣйствіяхъ. Также избавился отъ судебнаго преслѣдованія с. Вырынаевки о. Андрей Вырынаевскій потому только, что противъ него лжесвидѣтельствовало шесть крестьянъ изъ числа всѣхъ жителей села. Но въ поступкахъ свящ. с. Урмейки о. Матвѣя Ижевскаго было усмотрена „невнимательность къ своимъ обязанностямъ", ибо вмѣсто того, чтобы употребить „всѣ мѣры къ вразумленію" крестьянъ, „сообразно обстоятельствъ времени и распоряженіямъ начальства", онъ предлагалъ желавшимъ итти въ ополченіе и спросить „позволенія своихъ господъ". Поэтому духовная консисторія (на основ. 442 ст. улож. о наказ.) сдѣлала ему выговоръ внеся его въ послужной списокъ, „съ удержаніемъ въ пользу казны половиннаго за время его подсудности жалованья".

Суду гражданскому были преданы свящ. Львовъ и пономарь Дмитріевской церкви Козьма Ховринъ. Заподозрѣнный, по оговору

*) Если не ошибаемся, дѣдъ извѣстнаго писателя Ник. Гавр. Чернышевскаго, отецъ котораго Гавріилъ Иван. былъ въ 50-хъ гг. соборнымъ протоіереемъ въ Саратовѣ. П. Ю.

Библиотека "Руниверс"

крестьянъ помѣщика Мельникова, въ превратномъ толкованіи имъ указа объ ополченіи „съ вредными для спокойствія ихъ внушеніями“, послѣдній былъ заключенъ въ Царицынскую тюрьму до разбора дѣла. Однако Государь Императоръ 22 мая 1857 г. повелѣлъ изъ тюрьмы его освободить и дѣло о немъ прекратить. Черезъ годъ приговоромъ 28 мая, саратовская палата уголовнаго суда не нашла въ ихъ поступкахъ этихъ обвиняемыхъ ничего предосудительнаго и „за недоказанностью обвиненія“ признала ихъ „по суду свободными“. Тѣмъ не менѣе, преосвященный Аѳанасій хотѣлъ перевести, обремененнаго семьей съ женой и четырьмя малолѣтними дѣтьми, о. Львова (39 лѣтъ), изъ богатой Александровки въ бѣдный приходъ. Только заступничество губернатора и помѣщика Святослава Скибневскаго избавило неповиннаго пастыря отъ такого тяжкаго наказанія.

Болѣе всѣхъ пострадалъ с. Богородицкаго (Калемасъ) Сердобск. у., о. Андрей Полянскій 77 лѣтній старикъ. Полный самъ искренняго патріотизма, онъ убѣждалъ 4 и 5 мая въ церкви прихожанъ, не отказываться отъ царскаго призыва и итти на военную службу, когда начальство потребуетъ. „Надо ополчиться противъ враговъ нашихъ“,— говорилъ онъ, увѣряя ихъ, что никто не можетъ удержать васъ отъ этого желанія, даже сами помѣщики.

— Идите прямо къ архіерею! Онъ передастъ васъ въ пріемную, гдѣ рекрутъ брѣютъ, или пошлетъ туда, куда слѣдуетъ.

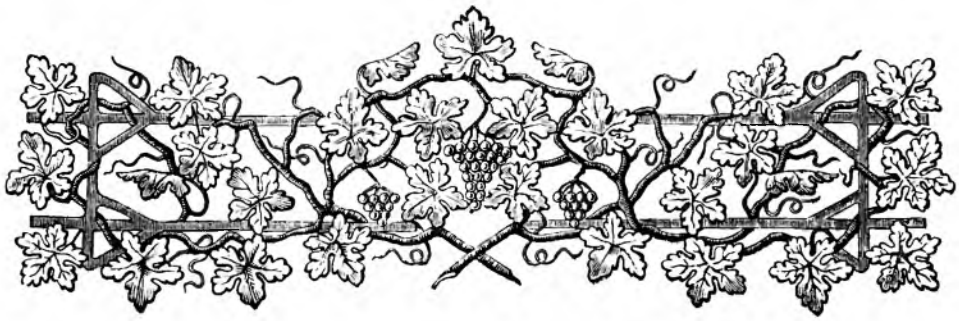
— Помните! въ экстазѣ громилъ о. Андрей;—кто отведетъ самъ сына своего въ службу государеву, получитъ царство небесное, а кто воспротивится тому,—провалится въ тартарары (т. е. въ преисподнюю).

За это Сердобскій уѣздный судъ приговорилъ его (13 августа 1856 г.) къ заключенію въ тюрьму на 3 мѣсяца, но сложилъ наказаніе за силою манифеста 26 августа 1856 года.

Такимъ образомъ сказанное Синодомъ въ защиту родины доброе слово было признано зломъ въ устахъ тѣхъ людей, которые обязаны были стоять за честь Россіи и святость православной вѣры!..

П. Юдинъ.

Библиотека "Руниверс"



КРИСТИНЪ

Княжна Туркестанова.

1815-й годъ.

С.-Петербургъ, 25 Января.

Я надѣялась, что услышу что-нибудь о конгрессѣ, и не знаю ничего; никому неизвѣстно больше того; о немъ не говорятъ, какъ будто позабыли о существованіи его; и все не умолкающія скрипки, повидимому, вскружили всѣмъ головы. Только и разговора, что о балахъ. Въ четвергъ, на спектаклѣ у Императрицы, судьба послала мнѣ сосѣдомъ князя Александра Солтыкова; я думала, что отъ него узнаю что-нибудь о происходящемъ въ Вѣнѣ, а онъ знаетъ не больше другихъ и ограничивается только предположеніями, которыхъ даже повторять не стоитъ. Когда нибудь узнаемъ все, и свѣтъ озаритъ тьму. Четыре года я не бывала въ театрѣ, и меня интересовало, какое произведетъ на меня впечатлѣніе спектакль: онъ меня утомилъ нѣсколько менѣе, чѣмъ обѣды у Вальполя; я какъ-то не могла собраться съ мыслями, что, вѣроятно, испугало бы Catherine; но я не подумала, что сошла съ ума, а просто рѣшила, что умерла для подобнаго рода развлеченій, и если опять появлюсь въ театрѣ, то, конечно, только по своей фрейлинской обязанности, а вовсе не ради удовольствія. Въ будущій четвергъ даютъ „Джоконду“; я ее буду смотрѣть и почти ничего не увижу; впрочемъ, я все же предпочитаю вечеръ въ театрѣ баламъ, которые каждое воскресенье бываютъ при Дворѣ. Вчера, вмѣсто того, чтобы ѣхать туда, я провела вечеръ съ глазу на глазъ съ г-жей Строгоновой; мы просидѣли вмѣстѣ съ 9 часовъ вечера до двѣнадцати. Она распрашивала меня о васъ и не надивится мужеству, позволяющему вамъ оставаться въ Москвѣ. Я ей сказала, что ваши средства не даютъ вамъ возможности посе-

Библиотека "Руниверс"

литься здѣсь, и была вынуждена представить ей точный отчетъ вашихъ доходовъ: говорила о телятахъ, которыхъ вамъ каждую Субботу приводятъ изъ деревни, о сырахъ, о продажѣ картофеля. Она вошла во всѣ подробности и наконецъ рѣшила, что съ 7 тысячами рублей дохода вы могли бы прекрасно жить въ Петербургѣ. Наконецъ—сказать вамъ уже все?—Она заговорила о Виржини, и мнѣ пришлось коснуться вашихъ отношеній къ этой особѣ; мы по этому поводу высказали соображенія, конечно не въ ущербъ вамъ, но г-жа Строгонова нѣсколько огорчается, что обстоятельства поставили васъ въ подобное положеніе, и вы знаете, что отдавая вамъ полную справедливость, я отчасти схожусь съ ней: мнѣ досадно, что дѣло устроилось именно такъ. Какимъ драгоцѣннымъ пріобрѣтеніемъ вы были бы здѣсь для людей, которые сумѣли бы понять и полюбить васъ! Графиня Строгонова, безъ сомнѣнія, принадлежитъ къ числу тѣхъ, кто васъ оцѣнилъ бы; и вамъ она, навѣрное, показалась бы очень привлекательной. Боже мой! Сколько простоты при большой проницательности! Какая естественность, веселость, и при всемъ томъ сколько хорошихъ качествъ, приложенныхъ къ дѣлу! Такой второй личности не найдешь!—Я еще не видала г-жи Свѣчиной, но Рибопьеръ говорилъ, что она погрузилась въ нѣмецкую литературу. Каждый вторникъ и пятницу у нея литературные вечера, и Сергѣй Уваровъ непремѣнно ораторствуетъ на нихъ. Впрочемъ это очень привлекательная женщина, съ которой вамъ тоже пріятно было бы познакомиться, если бы вамъ пришлось когда нибудь переѣхать въ Петербургъ.

Знаете ли вы, что на Татіану наканунѣ ея свадьбы тяжело смотрѣть. Она такъ слаба, что потѣетъ при малѣйшемъ движеніи. Это плохой признакъ, и не знаю, какъ она перенесетъ перемѣну въ жизни; Мать ея закрываетъ глаза; она увѣряетъ, что послѣ свадьбы дочери ея сейчасъ же станетъ лучше; но не думаю, чтобы мадамъ де Нуазевиль раздѣляла это мнѣніе; она, мнѣ кажется, испугана, и вчера я нѣсколько разъ замѣтила, что она смотритъ на Татіану глазами полными слезъ, которыя старалась вытереть потихоньку. Она умоляла меня убѣдить княгиню Юсупову назначить свадьбу на будущее Воскресенье и устроить ее поскромнѣе, чтобы не утомить Татіану. Я обѣщалась поговорить сегодня же; не знаю, что изъ этого выйдетъ. Всѣ, принимающіе участіе въ нашей милой Татіанѣ, говорятъ что ей слѣдуетъ ѣхать въ Ниццу весной, и я думаю, что только подобное путешествіе и пребываніе нѣсколько лѣтъ въ прекрасномъ климатѣ могутъ возстановить ея здоровье. Здѣсь же, при теперешнемъ ея образѣ жизни, мнѣ кажется, что это врядъ ли возможно, а замужество

Библиотека "Руниверс"

весьма рискованный шагъ.—О Николаѣ не говорятъ, и я тоже ничего не спрашиваю; однако имѣю полное основаніе предполагать, что ваше письмо произвело хорошее дѣйствіе, и глупая мысль, зародившаяся въ головѣ этихъ дамъ, оставлена. По моему прекрасно, что молодой человѣкъ вернулся въ полкъ: дѣвочка его такимъ образомъ скорѣе забудетъ. Прощайте, будьте здоровы. Передайте мой привѣтъ Ѳеодору и его женѣ. Часто вы видаетесь съ ними? Вы знаете, что Сергѣй открыто объявившій себя защитникомъ Саксонскаго короля, получилъ приказаніе выѣхать изъ Берлина и отправиться въ полкъ, гдѣ служитъ. Говорятъ, онъ надѣлалъ столько шума, защищая своего плѣнника, что только и оставалось его удалить. Что за головы всѣ эти Голицыны!

Княжна Туркестанова.

С.-Петербургъ 28 Января.

Скажу вамъ, что очень довольна приглашеніемъ графини Б*) г-жей Пушкиной. Я вовсе не приписываю себѣ это, такъ сказать, „вознагражденіе", потому что не думаю, чтобы наставленіе, прочитанное мною этой дамѣ, возымѣло дѣйствіе; я скорѣе приписываю эту честь Мейльану, имѣвшему, быть можетъ, случай говорить болѣе прямо, несмотря на его убѣжденный тонъ, когда онъ увѣрялъ, что мнѣ было поручено Библейскимъ обществомъ набирать членовъ. Несмотря даже на нѣкоторыя насмѣшки, которыя онъ позволилъ себѣ на мой счетъ, я считаю его хорошимъ человѣкомъ и признала бы его такимъ, если бы онъ принялъ на себя защиту особы, на которую ополчились такъ яростно. Если онъ, слѣдовательно, сталъ на сторону Виржини, я готова благодарить его, но на васъ сержусь за ваше дурное отношеніе къ графинѣ Толстой. Я никогда не повѣрю, чтобъ она съ легкимъ сердцемъ рвала на клочки особу, которую едва знаетъ и которая ее никогда не обидѣла; и повторяю вамъ, что вы слушаете сплетни. Согласитесь, что было бы проще съ ея стороны поговорить со мной объ этомъ при разныхъ случаяхъ, а между тѣмъ, клянусь вамъ: она никогда не сказала мнѣ ничего кромѣ того, что я въ свое время передавала вамъ. Я увѣрена, что ее передъ вами оклеветали, и Виржини, одаренная по вашимъ словамъ добрымъ сердцемъ, напрасно вамъ разсказываетъ объ этомъ. Сами того не замѣчая, вы начинаете раздѣлять ея предубѣжденія и взгляды и приписываете г-жѣ Толстой вещи, которыхъ она, очень вѣроятно, никогда въ жизни не говорила. Очевидно, есть какое нибудь злонамѣренное лицо, возстанавливающее г-жу де Б. противъ

*) Брольи.

Библиотека "Руниверс"

г-жи Толстой, передавая ей несуществующія вещи. Какія причины могла бы имѣть г-жа Толстая, чтобы заниматься такъ исключительно Виржини? Можетъ быть, она говорила о ней съ Наталіей Абрамовной Пушкиной, какъ говорила со мной, но преслѣдовать человѣка—это неправдоподобно и, еще разъ повторяю, для того нѣтъ причинъ. Будьте же благоразумны и не приписывайте ей преступленій, не содѣянныхъ ею. Навѣщайте ее по вечерамъ, если утро отдаете мужу. Что вы говорите о немъ—совершенная правда: онъ, безусловно, жемчужина между людьми; нельзя найти человѣка честнѣе и добрѣе; я давно знаю его и полюбила еще прежде, чѣмъ благодарность связала меня съ нимъ на всю жизнь. Мнѣ очень досадно, что я не могла дождаться его въ Москвѣ; разговоръ съ нимъ доставилъ бы мнѣ большое удовольствіе; я ему сообщила бы вещи, которыя ему, можетъ быть, неизвѣстны, и которыя мнѣ бы хотѣлось, чтобы онъ зналъ; но вы помните, какъ мнѣ необходимо было ѣхать, хотя и противъ воли. Эти вещи я не могла бы даже написать ему, и придется отложить сообщеніе до тѣхъ поръ, пока онъ пріѣдетъ сюда; но одинъ Богъ знаетъ, когда Государь вернется. До сихъ поръ о всемъ, касающемся конгресса, ходятъ лишь неопредѣленные слухи.—Я очень рада, что вы не запечатали вашего № 3 не сообщивъ мнѣ, что г-жѣ Толстой лучше; иначе я бы очень безпокоилась; вѣроятно у нея была жаба—ужаснѣйшая вещь на свѣтѣ; я сама два раза чуть не умерла отъ нея.

Что же касается чахотки, которой вы опасаетесь для графини Брольи, то, я думаю, вы напрасно тревожитесь: въ ея годы подобная болѣзнь вовсе не опасна, и послѣ тридцати лѣтъ прекрасно можно жить съ грудной болѣзнью, кашлемъ и потами. Чахотку могъ бы вылѣчить только теплый климатъ, и если бы Виржини поѣхала во Францію, она бы тамъ поправилась. Не вообразите себѣ только, что мнѣ хочется спровадить ее туда, чтобы заставить васъ пріѣхать сюда. Право, нѣтъ ничего подобнаго; но по моему это было бы самое полезное для ея здоровья.

Вы напрасно полагаете, что у іезуитовъ есть въ Петербургѣ друзья и притомъ вліятельные; вліятельны же ихъ враги, и они въ концѣ концовъ добьются если не изгнанія ихъ изъ Россіи, то, по крайней мѣрѣ, закрытія ихъ пансіона въ Петербургѣ. Вѣрно, что іезуиты внесли тревогу во многія семьи, что ихъ усердіе перешло границы, и послѣдняя исторія плохо отзовется для нихъ; многихъ дѣтей уже взяли, и ожидаютъ отвѣта Государя. Министръ исповѣданій передалъ мнѣ все, какъ было, и, должна отдать ему справедливость, безъ малѣйшаго

Библиотека "Руниверс"

озлобленія. Онъ повторилъ мнѣ слова отца-начальника. Надо согласиться, что въ нихъ не было здраваго смысла; онъ, напримѣръ, утверждалъ, что молодой Голицынъ намѣревался обратить отца Баландрини; что онъ приводилъ самые сильные доводы, но что Господь оказалъ милость отцу, укрѣпивъ его. Скажите, не смѣшно ли говорить подобныя вещи? Вѣру отца Баландрини, которому 40 лѣтъ, могъ поколебать своими доводами, 15 лѣтній мальчикъ! Подобныхъ глупостей не разсказываютъ потому, что никто на свѣтѣ не повѣритъ имъ, и Голицынъ расхохотался достопочтенному отцу въ лицо. Я еще не видала г-жи Ростопчиной, и не знаю ея мнѣнія обо всемъ этомъ; но не трудно догадаться,—и я впередъ увѣрена,—что она готова отдать себя на распятіе за дѣтей Лойолы, такъ же, какъ г-жа Головина; и если бы сестра Барятинскаго была здѣсь, она тоже стала бы на ихъ сторону. Кстати о ней; вы знаете, что она путешествуетъ съ Вернегю; въ настоящую минуту они въ Вѣнѣ, и Вернегю получилъ тамъ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, кромѣ того, Анненскую ленту. Что вы скажете объ удачѣ этого человѣка, сдѣлавшаго не больше другихъ? Есть люди, которымъ счастье такъ и идетъ само собой; если онъ сидѣлъ въ башнѣ Св. Ангела, то вѣдь вы не мало сидѣли въ Тамплѣ, а какая вамъ за это была награда? Ахъ, Боже мой, сколько на свѣтѣ совершается несправедливостей, и какъ мало этотъ свѣтъ достоинъ любви, которую мы обыкновенно къ нему питаемъ!

Покидаю васъ, чтобы заняться туалетомъ, отправляясь на спектакль у Государыни.

Княжна Туркестанова.

29 Января.

Я не замѣтила вчера, что за моимъ разсужденіемъ о свѣтѣ послѣдовалъ самый легкомысленный поступокъ: я разсталась съ вами, чтобы итти причесываться, и забыла, что даю себѣ этотъ трудъ ради того самого свѣта, о которомъ отозвалась передъ тѣмъ такъ презрительно. Итакъ я была на спектаклѣ. Давали Джоконду, которой я не знала даже сюжета, такъ какъ никогда не читала сказокъ Ла-Фонтена. Г. Литта говоритъ, что сюжетъ заимствованъ у Аріоста и скандаленъ до послѣдней возможности. Его прикрыли флеромъ настолько, что онъ только безнравственнѣнъ, какъ большинство новыхъ оперъ, но музыка очаровательна и заставила меня забыть длинноты пьесы, въ которой три нескончаемыхъ акта. Впрочемъ эти придворные спектакли очень удобны; собираются къ 7 часамъ, Государыня выходитъ черезъ полчаса, немного поговорятъ и прямо направляются въ залу; а по окончаніи тотчасъ ужинъ. Въ четверть двѣнадцатаго вечеръ конченъ, а можетъ быть, по желанію начинается гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ, я, само собой разумѣется, направляюсь прямо въ постель.

Библиотека "Руниверс"

Кристинъ.

2 Февраля
Москва, вторникъ вечеромъ,

Я занятъ приготовленіями къ отъѣзду, и у меня нѣтъ ни минуты свободной. Эти приготовленія состоятъ главнымъ образомъ изъ нѣсколькихъ необходимыхъ визитовъ, большею частью очень скучныхъ. Мнѣ хочется уже поскорѣй очутиться на большой дорогѣ, чтобы отдохнуть, это будетъ послѣ завтра, когда это письмо пойдетъ къ вамъ. Увѣряю васъ: кибитка для меня будетъ тѣмъ же, что келья для набожнаго человѣка, жаждущаго молитвы. Я цѣлую недѣлю проведу въ ней, почтмейстеры и старухи въ избахъ послужатъ пріятнымъ развлеченіемъ для моего ума. Московское однообразіе утомляетъ его, не давая пищи; жизнь проходитъ здѣсь въ исполненіи утомительныхъ обязанностей и исканіи человѣка, который былъ бы въ состояніи услышать и понять васъ. Князь Ѳеодоръ очень милъ, но онъ такъ занятъ устройствомъ своихъ вечеровъ, привлеченіемъ гостей, чтобъ хлопоты не пропали даромъ, что при всей его любезности, сквозь нея проглядываетъ безпокойство, происходящее отъ тщеславнаго желанія играть роль, и его никогда нельзя уловить, чтобы поговорить съ нимъ часокъ. Онъ вѣчно занятъ проектами, играми или бѣгаетъ. У жены его гораздо больше апломба, хотя она и не такъ тяжеловѣсна, какъ онъ. Я очень люблю его жену. Я встрѣтилъ ихъ сейчасъ, мчащихся въ саняхъ. Было большое катанье—по крайней мѣрѣ 30 саней,—завтракали у Маріи Ивановны Корсаковой, оттуда поѣхали кататься, завтракать будутъ у Ѳеодора, и вечеръ закончатъ въ Благородномъ собраніи.

Напрасно выдаютъ Татіану замужъ, если у нея слабая грудь; роды могутъ въ ея возрастѣ повлечь за собой чахотку. Да сохранитъ Господь ея мать отъ несчастья потерять вторую дочь.

Я очень доволенъ успѣхами Вернегю; онъ весьма честный и здравомыслящій человѣкъ; но, конечно, если его вознаградили за его страданіе, то я имѣю болѣе правъ на вознагражденіе. Я еще и не то перенесъ, и изъ своей темницы имѣлъ случай доказать усердіе и преданность, которыя заслуживали бы нѣкотораго вниманія, но все, или почти все на этомъ свѣтѣ—случай, слѣдуетъ ли этимъ огорчаться?... Конечно нѣтъ, потому что счастье въ насъ самихъ, и кто его въ себѣ не находитъ, тому нечего искать его въ чинахъ и орденахъ. Что касается состоянія—другое дѣло: всякій излишекъ, конечно, не принадлежитъ къ

Библиотека "Руниверс"

вещамъ, составляющимъ счастье; но все необходимое въ изобиліи, значительно способствуетъ счастью,—умъ становится свободнѣе, настроеніе бываетъ веселымъ при отсутствіи заботъ о физическомъ существованіи, особенно когда тебѣ не приходится затыкать уши отъ жалобъ несчастнаго, когда можешь перенести небольшой убытокъ, не страдая отъ того... Но вѣчно имѣть одну послѣднюю 25-рублевку, ожидать доходовъ, чтобы только расплатиться съ кредиторами, вѣчно разсчитывать, какъ прожить будущій мѣсяцъ,—это несовмѣстимо съ счастьемъ, спокойствіемъ, отдыхомъ и веселостью: а веселость, по моему мнѣнію, если она не шумна, есть условіе человѣческой жизни, помогающее провести ее пріятно.

Я рѣшилъ ѣхать сегодня. Руничъ далъ мнѣ человѣка съ почты, чтобъ заказывать лошадей, и черезъ два часа я скользну въ свою кибитку. Я беру съ собой лакея и повара, а почтальонъ будетъ моимъ третьимъ слугою. Руничъ увѣряетъ, что это прекрасный человѣкъ. Прощайте, дорогая княжна. Я не хочу говорить вамъ всего, что думаю о дѣлѣ іезуитовъ, но прошу за это извиненіе у вашего министра исповѣданій; онъ не сказалъ вамъ правды, и не показываетъ озлобленія только для того, чтобы лучше скрыть свою ненависть. Я знаю отца-начальника; онъ совершенно не способенъ привести такую глупую причину, которую выставилъ вамъ Голицынъ, и уже одно это обстоятельство служитъ, по моему, доказательствомъ, что выискиваютъ предлоги, чтобы изгнать іезуитовъ. Хотятъ воспользоваться ихъ имуществомъ. И воспользуются. Прощайте! Прощайте!

Княжна Туркестанова.

С.-Петербургъ, 4 Февраля

Я не встрѣчала Байкова, но знаю, что онъ былъ у княжны Борисъ, чтобы сообщить ей извѣстіе о Николаѣ, о которомъ говоритъ, что онъ имѣетъ великолѣпный видъ и ведетъ себя прекрасно. Онъ увѣряетъ, что г. Марковъ очень любитъ его, всѣ въ домѣ обожаютъ, и онъ самъ очень радъ, что попалъ туда. Можете себѣ представить, какъ все это было пріятно княгинѣ, и какъ она благодарна графу. Меня не удивитъ, если со мной Байковъ заговоритъ въ иномъ тонѣ. О Байковѣ отзываются не особенно одобрительно, и въ хорошемъ обществѣ онъ не пользуется незапятнанной репутаціей.

Свадьба Татіаны наконецъ назначена на воскресенье. Я недавно смотрѣла домъ Потемкина; онъ прелестенъ. Нельзя представить себѣ

Библиотека "Руниверс"

ничего изящнѣе кабинета обитаго левантиномъ цвѣта „Марія-Луиза“ съ золотыми украшеніями, спальни зеленаго бархата съ золотымъ карнизомъ, съ туалетомъ позолоченаго серебра, ванной комнаты съ зеркалами со всѣхъ сторонъ, роскошно меблированныхъ гостинныхъ. Однимъ словомъ—все предусмотрѣно. Дай только Богъ, чтобы здоровье Татіаны позволило ей наслаждаться всѣмъ, что дастъ богатство. Потемкинъ сталъ гораздо развязнѣе и окружаетъ свою невѣсту вниманіемъ.

Вчера, проѣзжая мимо дома Мятлевыхъ я видѣла много дорожныхъ экипажей; я велѣла спросить, для кого они; мнѣ сказали, что графиня Екатерина Салтыкова ѣдетъ въ Москву. Не знаю, доставитъ ли ея пріѣздъ удовольствіе кому нибудь, но мнѣ кажется, что Мятлевъ радъ, куда бы она ни уѣхала, лишь бы уѣхала отъ него. Это между нами.

Кристинъ.

Семиполки, вторникъ
9 Февраля

Семиполки деревушка въ 50 верстахъ отъ Кіева, куда я надѣялся пріѣхать вчера, а попаду только завтра. Я выѣхалъ въ среду въ 10 часовъ вечера; сначала все шло благополучно, но черезъ два дня поднялся западный вѣтеръ и дулъ все время, дѣлая мое путешествіе очень непріятнымъ; бушевала мятель, занося всѣ дороги, такъ что часто приходилось ѣхать на угадъ, а ночью, несмотря на луну было даже опасно. Вчера пришлось переночевать въ Нѣжинѣ, а сегодня въ лачужкѣ, гдѣ пишу вамъ. Кромѣ того, въ такую погоду кибитка становится очень неудобной; какъ ни закрываешь ее,—такъ что сидишь точно въ могилѣ,—вѣтеръ проникаетъ въ десятки щелей и приноситъ мелкій снѣгъ, отъ котораго въ концѣ концовъ намокаешь, какъ мокрая курица. Вы знаете, насколько остановки даютъ облегченіе отъ подобныхъ мелкихъ непріятностей. Двѣ трети комнаты, гдѣ я нахожусь въ настоящую минуту, заняты печью, раскаленной до красна. Я велѣлъ открыть трубу, дверь и два окошечка, несмотря на крикъ хозяйки, жалѣющей свои дрова. Она говоритъ, что натопила на цѣлую недѣлю, и этому можно повѣрить. Такимъ образомъ я вамъ пишу, сидя на сквозномъ вѣтру, а рядомъ—трехмѣсячный ребенокъ, очевидно чѣмъ нибудь сильно разогорченный, судя по его неумолкающему раздирательному крику. Я просилъ мать отнести его куда нибудь къ сосѣдямъ, которымъ заплатилъ бы за его пребываніе ночью, но она не намѣрена исполнить моего желанія. Вотъ мой почтальонъ разрѣшаетъ вопросъ: онъ уводитъ мать съ ребенкомъ. Безъ этого почтальона, даннаго мнѣ

Библиотека "Руниверс"

Руничемъ, я бы пропалъ, увѣряю васъ; онъ находитъ все, что мнѣ нужно, и если ему не даютъ охотно, то беретъ силой; этотъ человѣкъ способенъ заставить меня полюбить деспотизмъ за достигаемые съ помощью его результаты. Вчера въ 11 часовъ вечера нѣжинскій трактирщикъ не хотѣлъ отпирать намъ, говоря что слишкомъ поздно и у него нѣтъ мѣста. Всѣ наши убѣжденія были безполезны; тогда почтальонъ выбилъ окно, и тотчасъ весь домъ пришелъ въ движеніе: ворота растворились, хозяинъ забѣгалъ взадъ и впередъ, приказывая слугамъ: „Отворяйте, должно быть господа!“ Мнѣ отвели лучшую комнату въ домѣ, и все помѣщеніе къ моимъ услугамъ. Ну скажите, созрѣлъ ли этотъ добрый народъ для свободы?

Черезъ три дня я буду у графа Маркова; завтра буду завтракать въ Кіевѣ и справлюсь, нѣтъ ли его еще въ Бѣлой Церкви. На дняхъ я встрѣтилъ г-на Давыдова, мужа Аглаи, сообщившаго мнѣ, что онъ оставилъ ее у ея тетки Браницкой. Молодой человѣкъ (говорю о графѣ Марковѣ), не пропускаетъ случая повеселиться и не могъ устоять противъ искушенія проѣхаться на контракты, гдѣ у него нѣтъ никакихъ дѣлъ, развѣ только нѣсколько свиданій за партіей въ бостонъ. Плохо, что, по разсказамъ Давыдова, онъ себѣ разстроилъ желудокъ. У него это уже сотый разъ; за большими обѣдами онъ оживляется и ѣстъ какъ 20 лѣтній юноша: у него желудокъ стараго закала, способный устоять противъ всего этого.

Послѣ шести дней, проведенныхъ въ кибиткѣ, у меня въ головѣ мутится; прескверный экипажъ, не стану скрывать этого отъ васъ; хоть и лежишь въ ней, но лучше было бы сидѣть въ своемъ дормезѣ. Колокольчикъ у меня продолжаетъ звенѣть въ ушахъ, и мнѣ надоѣли крики ямщиковъ, вѣчно разговаривающихъ съ лошадьми такимъ голосомъ, который отдается у меня въ ушахъ еще два часа послѣ того, какъ онъ уже умолкъ. А бѣдная прислуга окоченѣвшая и дрожащая отъ холода! Все это не можетъ примирить меня съ путешествіемъ по Россіи, особенно зимой.

Предполагаю вернуться на свою Никитскую къ 10 марта. Письма слѣдуетъ адресовать туда.

Княжна Туркестанова.

С. Петербургъ 10 февраля

Видѣла Байкова, сообщившаго мнѣ подробностей даже больше, чѣмъ я желала; почти безъ вопросовъ съ моей стороны онъ разсказалъ, мнѣ о случившемся въ Летичевѣ съ княземъ Николаемъ. Я не показала виду, что очень интересуюсь этимъ, но мнѣ было тяжело, когда

Библиотека "Руниверс"

онъ началъ убѣждать меня. что г-жа Хюсъ близкій другъ г-жи де Нуазевилль, и что онѣ въ перепискѣ. Я отвѣтила, что она сильно ошибается, что между этими двумя лицами вовсе не существуетъ дружбы, а если г-жа де Нуазевилль писала, то только чтобы рекомендовать сына княгини Борисъ, которому предстояло квартировать съ полкомъ по близости; а относительно дружбы—я ее вполнѣ отрицала. Судя по мнѣнію, которое, какъ мнѣ показалось, онъ имѣетъ о г-жѣ Хюсъ, я сочла себя обязанной поддержать г-жу де Нуазевиль. Онъ очень хорошо отзывался о Николаѣ, но повторилъ, что дѣвочка еще слишкомъ молода для замужества. Байковъ сообщилъ мнѣ объ отказѣ гувернанткѣ и аббату; онъ жалѣетъ послѣдняго, считая его за хорошаго человѣка, но его мнѣніе еще не большая рекомендація. Признаюсь мнѣ было бы непріятно, если бы г-жа де Нуазевиль вступила въ переписку съ г-жей Хюсъ и если бы все было иначе, чѣмъ я полагаю, т. е. если бы она писала ей не разъ: она бы себя этимъ скомпрометировала. Я люблю ее, и это было бы мнѣ тяжело. Что касается княгини Борисъ, это другое дѣло: она послѣдовала влеченію своего материнскаго сердца; ее пуганулъ пріемъ, оказанный сыну, и она готова благодарить каждаго. Кромѣ того, есть люди, которымъ можно извинить непослѣдовательность, а другимъ—нельзя, и къ числу ихъ принадлежитъ г-жа де Нуазевилль, всегда отличавшаяся вѣрностью своихъ сужденій. Это было бы страннымъ отступленіемъ съ ея стороны.

Татіана въ восторгѣ отъ чудеснаго дома, а Потемкинъ счастливъ, что обладаетъ наконецъ предметомъ своихъ желаній. Напрасно думали, что она вышла за Александра исключительно изъ послушанія, она доказываетъ, что расположена къ мужу. Княгиня Юсупова очарована своей невѣсткой и оказываетъ ей всевозможное вниманіе. Чета Куракиныхъ тоже примирилась послѣ Гагаринской исторіи; жена находится подъ руководительствомъ графа де Местра и повидимому приняла его образъ мыслей, потому что каждое Воскресенье отправляется на католическое богослуженіе. Я не порицаю и не хвалю поведеніе графа де Местра, но считаю, что все же лучше имѣть какую нибудь религію, чѣмъ вовсе не имѣть ни какой. Служить Богу по обряду греческой или католической религіи—не все ли равно, и если Лиза Куракина не знала никакой религіи, то сдѣланное г-номъ де Местромъ очень хорошо. Но, ручаюсь вамъ, со мной онъ бы не имѣлъ успѣха, и я всегда находила неумѣстнымъ, чтобы министръ короля Сардинскаго разыгрывалъ роль Франциска Ксаверія. Не думаете ли и вы то же самое? Исторія іезуитовъ на томъ остановилась; Государь еще ничего не написалъ, и никому не извѣстно, чѣмъ все это кончится. Нѣсколько

Библиотека "Руниверс"

родителей успокоились; но противники этого не забудутъ. Говорятъ что во главѣ враговъ почтенныхъ отцовъ стоитъ примасъ Сестренцевичъ.

Княжна Туркестанова.

С.-Петербургъ, 22 февраля.

Въ ожиданіи поста пользуются послѣдними днями масляницы; каждый день у кого нибудь балъ. Вчера танцовали у княгини Мишель, былъ маскарадъ; Мишель, сынъ, прозванный Вестрисомъ долженъ былъ появиться Джокондой; Татіана Потемкина была въ костюмѣ трансильванской крестьянки, Лиза Трубецкая была костюмирована хорваткой; Лиза Куракина—жрицей солнца; Лиза Нарышкина—псковитянкой. Я ихъ видѣла, когда онѣ уѣзжали. Сегодня узнаемъ, что было на балу, а главное, много ли волновалась хозяйка дома; думаю, что навѣрное не мало. Сегодня танцовальный вечеръ у г-жи Ланской изъ Москвы, женившей своего сына Лачинова на племянницѣ графа Петра Толстого.

Князь Александръ, сынъ княгини Борисъ, прибылъ изъ Варшавы, курьеромъ отъ великаго князя. Онъ говорилъ мнѣ, что поляки упали духомъ,—великій князь, занимающій ихъ съ утра до вечера военными упражненіями, держитъ поводья круто, и они вообще понизили тонъ. Это какъ будто говоритъ противъ возстановленія королевства, и слава Богу! Съ другой стороны, князь Чарторижскій также на конгрессѣ, что наводитъ на мысль о существованіи проекта возстановленія. Что вы думаете объ этомъ?— Г-жа Апраксина получила вчера извѣстіе, что ея домъ въ Москвѣ сгорѣлъ, и всѣ эти прекрасныя комнаты, которыми мы такъ восхищались—груда пепла. Какая роковая судьба! Два раза въ два года! Опять непредвидѣнный расходъ въ триста или четыреста тысячъ рублей, и снова всѣ планы г-жи Апраксиной разрушены; ей придется прожить здѣсь по крайней мѣрѣ до весны, когда можно будетъ уѣхать въ Льговъ.

Кристинъ.

XIV.

Войтовцы, четвергъ 25 февраля

Съ той минуты какъ проснусь и до той, пока засну, я окруженъ вопрошающими. У меня нѣтъ удобнаго мѣста, чтобы написать записку, и когда я требую то, что мнѣ надо для этого, мнѣ говорятъ: „Развѣ вы пріѣхали сюда, чтобы писать. Вы здѣсь только проѣздомъ, отдайте намъ это короткое время.“ Это любезно, но вовсе не удобно для моей

Библиотека "Руниверс"

переписки. Графъ Марковъ рѣшилъ ѣхать въ Италію, какъ только получитъ паспортъ, котораго просилъ у Государя. Я очень радъ, что видѣлъ его передъ долгимъ путешествіемъ; онъ здоровъ, во всякомъ случаѣ здоровѣе, чѣмъ былъ въ Петербургѣ, и причина очень простая: онъ встаетъ въ 8 часовъ, а ложится аккуратно въ 11. Ничто не укрѣпляетъ такъ нервы, какъ подобный режимъ. Его дочь выросла и пополнѣла, и если удастся вылѣчить дрожаніе рукъ, то она будетъ хорошенькой дѣвушкой, не хуже другихъ. Слухи о слабости ея сложенія повидимому басня: она прыгаетъ, танцуетъ, смѣется весь день. Мадамъ Хюсъ остается тѣмъ же, чѣмъ всегда была—большой помѣхой на жизненномъ пути бѣдной Вареньки; но втолковать ей этого нельзя, и Провидѣніе, быть можетъ, устроитъ это дѣло такъ, какъ устроивало столько другихъ, которыя Ему поручаютъ, не видя другого исхода.

Въ Петербургѣ ли графъ Сенъ-При, и что онъ говоритъ о своихъ дѣтяхъ? Надѣюсь, что онъ нашелъ ихъ измѣнившимися въ ихъ пользу; на мой взглядъ они не узнаваемы въ сравненіи съ тѣмъ, какими я ихъ видѣлъ въ Нижнемъ и въ Москвѣ; они поздоровѣли, стали во сто разъ воспитаннѣе и вообще процвѣтаютъ. Старшій необыкновенный ребенокъ; онъ очень уменъ, и я предвижу, что онъ заставитъ говорить о себѣ. Графъ Марковъ счастливъ какъ король среди этой семьи, и надо сознаться, что немного шума и пріятной дѣтской болтовни необходимы для нарушенія однообразія жизни въ помѣстьи среди стариковъ, давнымъ давно другъ другу все сказавшихъ.

Въ прошедшее воскресенье у насъ былъ маскарадъ, который прошелъ очень весело, хотя были только домашніе да двое сосѣдей. Не понимаю, что будетъ дѣлать графъ Марковъ въ Италіи; онъ тамъ почувствуетъ себя одинокимъ, и мнѣ очень жаль, что я не могу сопровождать его. Это было бы дѣломъ достойнымъ моей глубокой и искренней привязанности къ нему; но ѣхать мнѣ невозможно.

Княжна Туркестанова.

С.-Петербургъ, 1 марта.

Я мало по малу возвращаюсь къ своимъ старымъ привычкамъ; съ тѣхъ поръ какъ Catherine перестала такъ немилосердно болтать, и я не принуждена успокоивать ее, ни проповѣдовать покорность судьбѣ,— я снова занимаюсь своими книгами. Кстати о молчаніи; я до такой степени люблю его, что иногда просыпаюсь съ желаніемъ промолчать

Библиотека "Руниверс"

весь день. Происходитъ это изъ хорошихъ или дурныхъ побужденій, не знаю, но фактъ тотъ, что я чувствую потребность въ молчаніи, какъ чувствую потребность въ пищѣ и питьѣ. Объясните мнѣ, откуда берется это желаніе; какому изъ побужденій вы его припишите—хорошему или дурному? Иногда на меня также нападаетъ большое желаніе одиночества. Не служитъ ли все это доказательствомъ чего-нибудь? Если бы эти слова прочла г-жа Толстая, она, думаю, обвинила бы меня въ мистицизмѣ. Ну, какъ будетъ угодно милой графинѣ, но не могу скрыть отъ васъ, что у меня къ тому влеченіе; однако я отъ того не дѣлаюсь ни угрюма, ни суха—увѣряю васъ; мнѣ кажется, что я стала даже веселѣе съ тѣхъ поръ, какъ сестрѣ лучше. Я прочла ваше письмо графу и графинѣ Строгоновымъ, съ которыми провела мирный вечеръ третьяго дня, когда всѣ были на балу при дворѣ. Ваше описаніе избы въ Семиполкахъ насъ очень позабавило, и мы раздѣляемъ ваши чувства, вызванныя энергическимъ поведеніемъ вашего почтальона, заставившимъ васъ почти полюбить деспотизмъ за достигаемые имъ результаты. Правда, во время путешествія съ либеральными идеями далеко не уѣдешь; я это имѣла случай испытать сама во время поѣздокъ. Возвращаюсь къ г-жѣ Строгоновой; она огорчается, что вы пригвождены въ Москвѣ. Я ужъ ничего не говорю, потому что знаю обстоятельства, но желала бы, чтобъ они со временемъ измѣнились. Одного не желаю—пріѣзда Виржини сюда. Возможно ли это? Скажите мнѣ.—Сегодня я не сообщу вамъ о происходящемъ на конгрессѣ больше, чѣмъ въ прошлый разъ: никто ничего не знаетъ. Всѣ единогласно утверждаютъ, что Государь пріѣдетъ прямо въ Петербургъ, не заѣзжая въ Берлинъ, и въ Варшаву, и что король прусскій отмѣнилъ готовившіяся празднества. Вообще, повидимому, полагаютъ, что Государь вернется къ Пасхѣ. Чѣмъ кончится конгрессъ, одному Богу извѣстно, но вѣроятно, что Польскаго королевства не будетъ, и уже одно это хорошо.

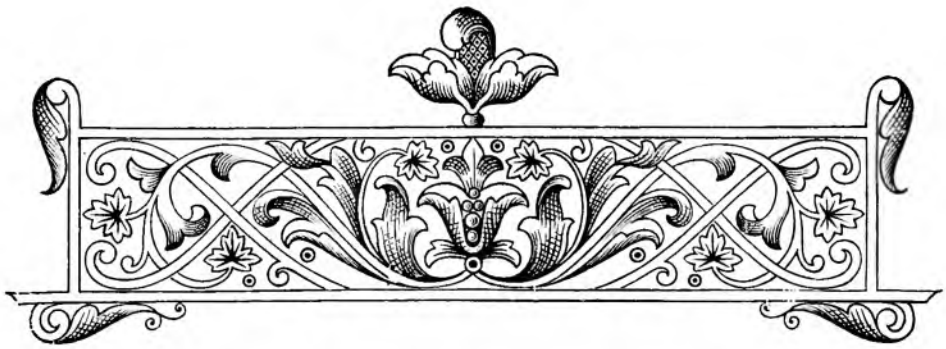
Въ скоромъ времени къ вамъ явится Александръ Гурьевъ, отправляющійся къ графу Толстому, чтобы ожидать приказаній графа Воронцова, своего начальника. Его полкъ въ Волыни, но до сихъ поръ еще неизвѣстно, какъ онъ получилъ назначеніе. Этотъ молодой человѣкъ—совершенство; мнѣ не приходилось встрѣчать равнаго ему по честности и серьезности. Какой бы это былъ мужъ для дочери Маркова; но этому не бывать: богатство его не привлекаетъ, а вся обстановка отталкиваетъ. Пусть это будетъ между нами, не проговоритесь графу; есть вещи, которыя лучше не знать всю свою жизнь, потому что онѣ оскорбляютъ самолюбіе—самую чувствительную нашу

Библиотека "Руниверс"

сторону. Взгляды молодого Гурьева, при всемъ ихъ благородствѣ, оскорбили бы графа, и Боже меня сохрани огорчать его! Стало быть вы одни будете знать, что такой бракъ немыслимъ.

Вы увидите въ Москвѣ также Бенкендорфа; онъ непремѣнно поѣдетъ туда ради графа Толстого, къ которому чрезвычайно привязанъ. Онъ хорошій малый; но удовольствія его состарили; прежде у него было красивое лицо, теперь онъ худъ, какъ высохшій кустъ. Здоровье меньшаго Гурьева приблизительно въ такомъ же состояніи, и его отправляютъ на Кавказскія воды. Не могу утѣшиться, что вы не застали Вальполя, пробывшаго шесть дней въ Москвѣ. Софи нашла его ужаснымъ; по моему онъ похожъ на ошпареннаго цыпленка, но, правду сказать, очень любезенъ. Я его еще не видала со времени его возвращенія.

Библиотека "Руниверс"



Подготовка Наполеона къ войнѣ 1812 года

по мемуарамъ Пакье (Pasquier).

Для освѣщенія вопроса о подготовкѣ Наполеона къ походу въ Россію много новаго даютъ мемуары канцлера Пакье*).

Внутреннее состояніе Франціи было ужаснымъ. Надо было заняться устраненіемъ внутреннихъ неурядицъ, умиротвореніемъ Парижа и департаментовъ. Наполеонъ пренебрегалъ внутренней, культурной работой. „—Эти маловажные вопросы должны интересовать лишь чиновниковъ“.—Въ его головѣ они рѣшались легко и просто, достаточно было издать декретъ. Самъ онъ стремился къ походу, къ битвѣ, гдѣ только и дышалось ему свободно.

Въ концѣ 1811 г. Францію посѣтилъ голодъ; въ Парижѣ хлѣбъ былъ рѣдкостью. Цѣна его была очень высока. Такъ какъ казенныхъ запасовъ ржи и пшеницы было мало, то правительство не знало, чѣмъ помочь населенію. Хотѣли было субсидировать пекарей отпускомъ изъ казенныхъ магазиновъ ржи и пшеницы, но явилось опасеніе, что цѣна не понизится. Намѣреніе предоставить пекарямъ покупать муку по высокой цѣнѣ на рынкѣ, а печь хлѣбъ по низкой, причемъ разница выплачивалась бы правительствомъ, не было приведено въ исполненіе, такъ какъ пекаря, въ стачкѣ съ мучными торговцами, могли искусственно вздуть цѣну на муку и раздѣлить барыши.

---

*) Histoire de mon temps. Mèmoires de chancelier Pasquier. Tt. 1 et 2.

Библиотека "Руниверс"

Заставы вокругъ Парижа были закрыты для вывоза изъ столицы муки и хлѣба, окрестнымъ жителямъ было выдано 100 мѣшковъ муки; тѣмъ и окончилась вся помощь.

Голодъ усиливался и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ доходилъ до большихъ размѣровъ. Въ Нормандіи всюду шатались банды голодныхъ нищихъ, вызывая волненіе въ народѣ. Кое гдѣ вспыхивали бунты и грабежи. Жгли амбары съ хлѣбомъ, мельницы. Пришлось послать полкъ императорской гвардіи, которая при казняхъ не щадила даже женщинъ.

Наполеонъ мечталъ скорѣе двинуться въ походъ и внесъ проектъ таксы въ совѣтъ продовольствія. А такъ какъ члены совѣта доказали вредъ этой мѣры, Наполеонъ черезъ мѣсяцъ таксировалъ хлѣбъ самъ. Путемъ распоряженія, опубликованнаго въ „Moniteur'ѣ" гектолитръ зерна былъ опредѣленъ въ 33 франка для шести департаментовъ, поставлявшихъ хлѣбъ.

Въ началѣ 1812 г. императоръ, приготовляясь къ походу, приказалъ произвести наборъ двухсотъ тысячъ рекрутъ. Этотъ рекрутскій наборъ послѣдовалъ вскорѣ послѣ организаціи національной гвардіи въ три призыва, причемъ брались люди способные носить оружіе, отъ двадцати до шестидесяти лѣтъ. Первый призывъ состоялъ изъ молодыхъ людей отъ 20 до 26 лѣтъ. Этотъ призывъ былъ раздѣленъ на когорты, по тысячѣ человѣкъ въ каждой. Эта организація была вновь изобрѣтеннымъ способомъ призвать къ войнѣ лишнихъ 100.000 человѣкъ, не взятыхъ въ наборъ послѣднихъ шести лѣтъ.

Когорты перваго призыва были отданы тотчасъ же въ распоряженіе военнаго министра и предназначались на защиту границъ, для охраненія крѣпостей и арсеналовъ.

Эти два одновременныхъ, и огромныхъ набора, если и не вызвали возмущенія, то сопровождались большимъ недовольствомъ населенія. Хотя Наполеону докладывали, что народъ и буржуазія угнетены этими мѣрами, ничто не останавливало его.

День за днемъ дипломатическія сношенія становились болѣе и болѣе натянутыми. Противъ Россіи Наполеонъ выставлялъ обвиненія:

Библиотека "Руниверс"

1) указъ конца 1810 г., по которому порты Россіи были открыты всякому англійскому кораблю, если онъ плавалъ подъ другимъ флагомъ; это считалось нарушеніемъ Тильзитскаго трактата;

2) протестъ Александра противъ присоединенія герцогства Ольденбургскаго къ Франціи, такъ какъ Россія не имѣла права вмѣшательства въ дѣла князей Рейнскаго союза:

3) вооруженія Александра съ 1811 года и движеніе 5 дивизіоновъ арміи къ границамъ герцогства Варшавскаго изъ Молдавіи.

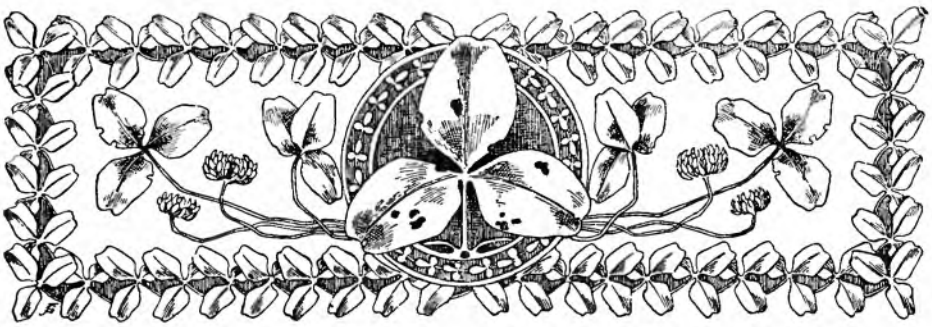
Въ связи съ этимъ, между герцогомъ Бассано и прусскимъ министромъ въ февралѣ 1811 г. былъ заключенъ договоръ съ секретными пунктами, по которымъ Пруссія, въ случаѣ войны Франціи съ Россіей должна доставить Франціи 20.000 войска съ 60 пушками, кромѣ гарнизона для нѣкоторыхъ указанныхъ Франціей крѣпостей.

Былъ заключенъ союзъ и между Франціей и Австріей, гдѣ была условлена неприкосновенность территоріи, а въ случаѣ нападенія,— помощь въ 30.000 войска и въ 60 пушекъ. Договоръ гарантировалъ неприкосновенность Оттоманскихъ владѣній. Правила элементарной политики требовали заключенія Наполеономъ договора съ Швеціей. Наполеонъ не пошелъ по этой дорогѣ. Помня, что Бернадоттъ вышелъ изъ рядовъ войска Наполеона и нуждался въ его соизволеніи, чтобы вступить на шведскій престолъ, Наполеонъ не только приказалъ Бернадотту порвать связи съ Англіей, но заставилъ объявить Швецію въ открытой враждѣ съ Англіей. Швеція объявляетъ въ 1810 г. Англіи войну, принося жертву Наполеону и надѣясь на его субсидію. Наполеонъ не только отказалъ въ этомъ, но потребовалъ самъ для флота опредѣленное количество шведскихъ матросовъ, затѣмъ, захотѣлъ ввести въ шведскія таможни тарифъ французскихъ таможенъ. Далѣе, онъ захотѣлъ устроить конфедерацію сѣверныхъ государствъ по примѣру рейнскаго союза. Эти предложенія были отклонены. Наполеонъ былъ въ ярости, которая усилилась, когда онъ узналъ, что Англія сдѣлала уступки шведской торговлѣ, показывая этимъ, что она понимаетъ вынужденность войны Швеціи. Наполеонъ тогда приказываетъ своимъ корсарамъ захватывать въ морѣ шведскія суда. Въ такомъ случаѣ, Швеція сближается съ Россіей которую поддерживаетъ и Англія. Съ этой минуты не было сомнѣнія, что Европа должна стать театромъ войны, болѣе жестокой, чѣмъ видѣнныя ею до сихъ поръ.

При такихъ обстоятельствахъ и завязывается война 1812 г.

С. Фарфоровскій.

Библиотека "Руниверс"



ИВАНЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ НАУМОВИЧЪ

(Родился 14/26 января 1826 года—умеръ 4/16 августа 1891 года).

Иванъ Григорьевичъ Наумовичъ родился 14/26 января 1826 года въ селѣ Козловѣ, въ домѣ своего дѣда. Отецъ писателя былъ народнымъ учителемъ въ Бужскѣ и, хотя считалъ себя по убѣжденіямъ русскимъ человѣкомъ, однако, по-русски не умѣлъ даже читать. Вообще, въ то время галицко-русское общество было крайне ополячено; не представлялъ въ этомъ отношеніи исключенія и домъ родителей И. Г. Наумовича, гдѣ всѣ объяснялись на польскомъ языкѣ и даже будущій просвѣтитель Галицкой Руси выучилъ первыя молитвы по-польски. Начальное образованіе И. Г. Наумовичъ получилъ въ школѣ своего отца, который уже тогда предназначалъ его духовному званію.

Поступивъ во львовскую гимназію, молодой Наумовичъ долженъ былъ испытать тяжелую нужду и перенести немало огорченій. Первое время онъ жилъ на средства своихъ бѣдныхъ родителей, у которыхъ было на рукахъ семь человѣкъ дѣтей, а съ пятаго класса началъ давать уроки, за что получалъ скудный обѣдъ и уголъ для ночлега. Репетиторства скоро не стало и бѣдному гимназисту пришлось бы, навѣрно, совсѣмъ оставить мысль о дальнѣйшемъ своемъ образованіи, если бы въ его судьбѣ не приняла участія богатая графиня Миръ. Счастье какъ будто ему улыбнулось, но, къ сожалѣнію, не надолго: попавъ въ среду легкомысленныхъ товарищей, онъ запустилъ занятія и, не выдержавъ переходнаго экзамена, долженъ былъ отказаться отъ помощи графини и поступилъ (вмѣстѣ со своимъ братомъ Петромъ) батракомъ на мельницу. Здѣсь онъ носилъ мѣшки, мололъ по цѣлымъ ночамъ муку, пекъ хлѣбы и развозилъ ихъ продавать по городу. И. Г. Наумовичъ вмѣстѣ съ братомъ настолько привыкъ къ этому

Библиотека "Руниверс"

дѣлу, что рѣшилъ навсегда остаться у мельника, о чемъ и написалъ своимъ родителямъ. Послѣдніе, прочитавъ это извѣстіе, потребовали отъ мельника, чтобы онъ немедленно уволилъ ихъ дѣтей. Пришлось покориться волѣ родителей, и братья Наумовичи отправились за 230 верстъ пѣшкомъ домой, въ Залещики. Дома И. Г. Наумовичъ пробылъ до окончанія каникулъ, а затѣмъ отправился снова учиться во Львовъ.

Чтобы получить помѣщеніе и столъ, онъ долженъ былъ носить дрова и воду, а на мелкіе расходы попрежнему зарабатывалъ репетиторствомъ. Дѣла И. Г. Наумовича стали было поправляться, какъ вдругъ онъ заболѣлъ тифомъ и пролежалъ почти два мѣсяца въ больницѣ. По выздоровленіи онъ вновь принялся за науки и, успѣшно сдавъ (весною 1844 года) выпускной экзаменъ въ гимназіи, отправился къ своимъ родителямъ, въ Залещики.

Осенью 1844 года И. Г. Наумовичъ былъ принятъ въ русскую духовную семинарію во Львовѣ. Въ ней тогда господствовалъ польскій духъ: семинаристы не только говорили между собой по-польски, но и сочувствовали всѣмъ, даже явно враждебнымъ русскому народу, польскимъ идеямъ. Когда наступилъ знаменательный 1848 годъ, то польская шляхта, желая вернуть всѣ свои старыя права и привилегіи, образовала національную „гвардію“, въ которую записались также многіе русскіе семинаристы, въ томъ числѣ и Наумовичъ.

Кромѣ того онъ вступилъ въ тайное польское общество, ставящее своей задачей возстановленіе Польши въ историческихъ границахъ, „отъ моря до моря“. Однако, одинъ случай произвелъ рѣшительный переворотъ во взглядахъ И. Г. Наумовича. Самъ писатель разсказалъ объ этомъ въ своихъ воспоминаніяхъ напечатанныхъ въ „Наукѣ“ (1871—1872 гг.). По случаю революціи семинарія была распущена, и ея воспитанники разъѣхались по домамъ; поѣхалъ и Иванъ Григорьевичъ къ своимъ родителямъ въ Залещики. Тутъ онъ очутился одинъ разъ въ огромной толпѣ народа, неподалеку отъ моста на Днѣстрѣ, и началъ говорить русскимъ крестьянамъ о волѣ и Польшѣ, которая побѣдитъ Русь и будетъ диктовать свои условія въ Москвѣ. Крестьяне обступили его, и одни вышучивали его слова, а другіе, будто-бы слушали, но недовѣрчиво качали головами. Когда же онъ сказалъ, что Польша въ союзѣ съ Франціей побьетъ „москаля“,—всѣ крестьяне громко захохотали.

— А сколько лѣтъ тебѣ, панычъ?

— Мнѣ двадцать два года.

Библиотека "Руниверс"

— Ну то-то же, что только двадцать два. Ты молодъ, не знаешь того, что на Москву пошелъ французъ съ цѣлымъ свѣтомъ, да и погибъ тамъ въ снѣгахъ.

— А то какъ же?—замѣтилъ другой.—Тамъ вѣдь вѣра православная.

— И вѣра твердая, хорошо ты говоришь—подтвердилъ третій,—и народу безъ числа, и богатства великія. А развѣ ты, панычъ, не слыхалъ, что въ нашей русской землѣ солнце никогда не заходитъ?

— Да ты, панычъ,—послышался новый голосъ въ толпѣ,—не изъ русскихъ развѣ? Батюшка твой, кажись, у насъ здѣсь учителемъ и ходитъ молиться въ русскую церковь. Какой же ты полякъ послѣ этого?

Тутъ подошелъ къ нему дюжій мужикъ, снялъ съ его головы синюю конфератку, какія носили поляки въ 1848 году, повертѣлъ ее съ насмѣшливой улыбкой въ рукахъ и сказалъ:

— А ты, панычъ, возьми-ка эту шапочку, брось ее на землю, растопчи, растопчи хорошенько ногой, потомъ плюнь на нее и кинь въ Днѣстръ. Вотъ такъ, вотъ такъ,—крикнулъ онъ, замахиваясь шапкою и швыряя ее въ рѣку,—пускай пропадаетъ такъ Польша!

Если описанный случай показалъ И. Г. Наумовичу, какъ смотритъ простой галицко-русскій народъ на Польшу и тѣхъ, кто сознательно или безсознательно защищаетъ ея господство надъ Галицкой Русью, то другая встрѣча съ русскими крестьянами уже окончательно убѣдила Ивана Григорьевича въ необходимости отказаться отъ увлеченій польскимъ націонализмомъ. Дѣло было во Львовѣ, въ 1848 г. И. Г. Наумовичъ очутился на площади передъ католическимъ соборомъ какъ-разъ въ то время, когда войска и русскіе добровольцы разбивали баррикады, устроенныя польскими повстанцами. Русскіе крестьяне всѣхъ хватали и, подобно казакамъ запорожской сѣчи, требовали прочесть „Вѣрую". Кто этого не дѣлалъ, тѣхъ они арестовывали или даже убивали. Былъ захваченъ въ числѣ другихъ также и И. Г. Наумовичъ и только благодаря тому, что назвалъ себя русскимъ и прочелъ „Вѣрую" былъ отпущенъ невредимымъ. Съ этого момента Иванъ Григорьевичъ уже навсегда сдѣлался русскимъ народникомъ.

Въ 1851 году И. Г. Наумовичъ былъ рукоположенъ въ священники и получилъ приходъ въ мѣстечкѣ Городкѣ, близъ Львова.

Библиотека "Руниверс"

Съ этого времени начинается замѣчательная и весьма разносторонняя дѣятельность И. Г. Наумовича на пользу русскаго народа, продолжавшаяся цѣлыхъ сорокъ лѣтъ и доставившая ему почетное имя *просвѣтителя Галицкой Руси.*

Въ 1856 году И. Г. Наумовичъ переѣхалъ въ свой новый приходъ—Перемышляны, гдѣ началась его самоотверженная работа по очищенію въ Галицкой Руси восточнаго обряда отъ польско-латинскихъ искаженій. Свои взгляды на этотъ вопросъ онъ изложилъ въ рядѣ статей изъ которыхъ особенно замѣчательна—„*Якого рада суть измѣны и отклоненія отъ прежнихъ, употребляемыхъ у насъ обрядовъ при богослуженіи*“ („Слово“ Львовъ, 1862 г. №№ 24—29).

Статьи И. Г. Наумовича вызвали съ одной стороны усиленную дѣятельность русскихъ священниковъ по очищенію восточнаго обряда, а съ другой—нападки и клевету поляковъ, какъ на обрядовое движеніе, такъ и на главнаго его вдохновителя. Результатомъ всего этого было то, что папа издалъ (7 апрѣля 1862 года) распоряженіе объ основаніи при „Конгрегаціи для распространенія вѣры“ особаго отдѣла, вѣдающаго исключительно дѣла лицъ восточнаго обряда, а львовскій митрополитъ Григорій Яхимовичъ, хотя и преданный русской церкви и народу, долженъ былъ, по настоянію Рима, обратиться съ пастырскимъ посланіемъ, призывавшимъ русское духовенство подождать съ очищеніемъ обряда впредь до созыва церковнаго собора. Кромѣ того, надъ Наумовичемъ, какъ надъ опаснымъ „схизматикомъ“ было наряжено слѣдствіе.

Соборъ, однако, созванъ не былъ, такъ какъ умеръ митрополитъ Григорій Яхимовичъ и послѣ его смерти для Галицкой Руси наступили тяжелыя времена. Если, несмотря на всѣ неблагопріятныя условія, восточный обрядъ былъ очищенъ отъ многихъ латинскихъ примѣсей, то это—безспорная заслуга И. Г. Наумовича.

Въ 1861 году русское населеніе Золочевскаго округа избрало И. Г. Наумовича депутатомъ въ первый галицкій сеймъ. Поляки еще раньше относились къ нему очень враждебно, такъ какъ не хотѣли примириться съ вполнѣ естественнымъ стремленіемъ русскихъ галичанъ очистить свой восточный обрядъ отъ польско-латинскихъ искаженій.

На другой день послѣ открытія сейма, въ приходѣ И. Г. Наумовича сгорѣло село Коростно. Онъ немедленно отправился къ несчаст-

Библиотека "Руниверс"

нымъ прихожанамъ, а польская шляхта образовавъ тогда комитетъ для оказанія помощи погорѣльцамъ, начала внушать русскимъ крестьянамъ, что ихъ наказываетъ самъ Богъ за сочувствіе обрядовому движенію и совѣтывали имъ даже изгнать отъ себя „схизматическаго" пастыря.

Несмотря на всѣ несчастія и постоянную травлю, И. Г. Наумовичъ не падалъ духомъ и продолжалъ мужественно защищать права обездоленнаго русскаго народа.

Въ 1861 году русскіе галичане начали настойчиво добиваться правъ гражданства для русскаго языка во всѣхъ учрежденіяхъ восточной Галичины. И. Г. Наумовичъ написалъ объ этомъ въ „Словѣ" (1861 г., № 40) любопытную статью, въ которой съ горькой ироніей замѣчаетъ: „...будьте такими Русинами, щобысьте сердце мали русское, а лице нѣмецкое, або польское. Равноправность такъ мае разумѣтись, що вамъ вольно всегда желати ровнаго права, но исполненія ровности николи не видѣти".

Видя стойкость первыхъ русскихъ депутатовъ сейма, польскіе политики рѣшили начать переговоры о польско-русскомъ соглашеніи, которое если бы и не привело ни къ чему, то все же дало полякамъ возможность выиграть время.

По этому поводу И. Г. Наумовичъ помѣстилъ въ „Словѣ" (1861 г., № 81) заявленіе, которое и до сихъ поръ можетъ служить руководствомъ для русской народной дѣятельности въ Галицкой Руси. Въ этомъ заявленіи требовалось признаніе со стороны поляковъ полнаго равноправія за галицко-русскимъ народомъ.

Кипучую дѣятельность въ сеймѣ развилъ И. Г. Наумовичъ въ 1866 году, когда несчастная война съ Пруссіей ослабила Австрію, вслѣдствіе чего мадьяры образовали особое государство, соединенное съ Австріей лишь общностью Габсбургской династіи, а поляки, за обѣщаніе всегда поддерживать австрійское правительство, получили право безраздѣльнаго господства надъ галицко-русскимъ народомъ. Русскіе сеймовые депутаты проявили большое мужество въ защитѣ правъ Галицкой Руси отъ польскихъ посягательствъ, при чемъ И. Г. Наумовичъ выступалъ тогда съ рѣчами по всѣмъ важнѣйшимъ вопросамъ галицко-русской жизни.

Но самымъ выдающимся его дѣломъ въ 1866 году было знаменитое, ставшее съ тѣхъ поръ историческимъ, заявленіе о національно-

Библиотека "Руниверс"

культурномъ единствѣ всѣхъ вѣтвей одного великаго русскаго народа. Оно напечатано въ газетѣ „Слово“ (1866 г., № 59) подъ скромнымъ заглавіемъ „*Поглядъ въ будучность*“.

Народническая дѣятельность Наумовича очень не нравилась польскимъ политикамъ и они рѣшили во что бы то ни стало воспрепятствовать его избранію, въ 1867 году. Несмотря на всѣ ухищренія, Наумовичъ всетаки получилъ на семь голосовъ больше польскаго кандидата; но уже въ самомъ началѣ работъ собравшаго сейма, польское большинство признало 7 голосовъ Наумовича незаконными и выборъ его не утвердило.

Не исполняя обязанностей депутата и будучи поэтому болѣе свободнымъ, И. Г. Наумовичъ съ неутомимой энергіей принялся за просвѣщеніе Галицкой Руси. О томъ какъ высоко цѣнило его заслуги галицко-русское крестьянство, лучше всего можетъ дать представленіе слѣдующее трогательное и глубоко правдивое письмо жителей села Коростна („Слово“, 1867 г., № 5).

„Не ма у насъ человѣка, не ма и малой дитины, которая бы не знала сказати за любезнаго и дорогого отца Наумовича. Они насъ просвѣтили, они завели порядную школу, ихъ стараньемъ наука процвѣтае, они намъ поставили съ невеликимъ нашимъ трудомъ, своею ревностію, красну муровану церковь, красу на всю околичность. Они развели намъ пасѣки и щепы овощевые, по сему и сами своими руками выховали намъ садовину, ходячи весняными часами отъ огорода до огорода съ пилкою и вѣточками, перетворяючи наши дички на щепы; они даровали нашой школѣ красну пасѣку для убольшенья дохода учителя и для науки дѣтей, которыхъ освоили съ пчелами и обзнакомили съ наукою, такъ пожиточною. Отецъ нашъ Наумовичъ суть намъ во всемъ парадою и примѣромъ и мы до нихъ маемъ такое довѣріе и любовь, що не ма такой души, которая бы о томъ не знала, не только у насъ, але и въ другихъ селахъ“.

Въ 1867 году И. Г. Наумовичъ оставилъ село Коростно и переѣхалъ въ приходъ Стрѣльче, близъ Коломыи. Трудясь надъ просвѣщеніемъ народа, онъ основалъ въ 1871 году, въ Коломыѣ, свою знаменитую „Науку“, а также,—вмѣстѣ съ типографомъ М. И. Бѣлоусомъ,— „Русскую Раду“, первую въ видѣ ежемѣсячнаго журнала, а вторую— двухнедѣльнаго. И. Г. Наумовичъ не только почти все писалъ для „Науки“ и очень многое для „Русской Рады“, но даже самъ выпол-

Библиотека "Руниверс"

нялъ корректуру и для этого зимой и лѣтомъ, въ дождь и непогоду, ѣздилъ въ Коломыю. Кромѣ того, онъ усердно занимался пчеловодствомъ и, какъ членъ учрежденнаго тогда въ Коломыѣ Общества пчеловодства и садоводства, устроилъ въ Городенцѣ, въ 1872 году, областную сельско-хозяйственную выставку, предсѣдателемъ которой и былъ избранъ.

Наилучшимъ свидѣтельствомъ неутомимой дѣятельности И. Г. Наумовича въ Стрѣльчѣ можетъ служить, то что въ то время въ Коломыѣ издавалось для народа книгъ и журналовъ больше, чѣмъ во Львовѣ.

Въ Стрѣльчѣ И. Г. Наумовичъ жилъ до ноября 1872 года, когда переселился въ новый приходъ—мѣстечко Скалатъ. Здѣсь онъ продолжалъ писать статьи для „Науки“ (которую только въ 1877 г. перенесъ изъ Коломыи во Львовъ) и для „Русской Рады“, а также составлялъ книжки для будущаго Общества имени Мих. Качковскаго.

Скоро И. Г. Наумовичу пришлось снова выступить на политическое поприще такъ какъ въ октябрѣ 1873 года онъ былъ избранъ членомъ Державной Думы, гдѣ, какъ и въ галицкомъ сеймѣ, стойко защищалъ права русскаго народа. Депутатомъ австрійскаго парламента И. Г. Наумовичъ пробылъ 6 лѣтъ и за это время, кромѣ политическихъ выступленій, успѣлъ написать много сочиненій, какъ художественнаго, такъ и популярно-научнаго характера.

Пребываніе И. Г. Наумовича въ Вѣнѣ и знакомство его съ представителями славянскихъ народностей, особенно со словенцами, имѣло весьма благопріятныя послѣдствія для Галицкой Руси. Узнавъ, что въ Люблянѣ существуетъ Общество св. Магорта, которое издаетъ полезныя книжки для народа и насчитываетъ около 30 тысячъ членовъ, И. Г. Наумовичъ рѣшилъ учредить подобное и для русскихъ галичанъ.

Въ 1874 году онъ дѣйствительно основалъ общество имени Мих. Качковскаго. (Судья Михаилъ Алексѣевичъ Качковскій всѣ свои средства и жалованье жертвовалъ на просвѣщеніе народа, а самъ питался однимъ чернымъ хлѣбомъ и картофелемъ. Онъ родился въ 1802 г. въ Галиціи, а умеръ въ 1872 г. въ Россіи, въ Кронштадтѣ). Цѣль Общества—своими изданіями и читальнями „воспитывать въ народѣ вѣрующихъ письменныхъ, трезвыхъ и трудолюбивыхъ членовъ

Библиотека "Руниверс"

семействъ, честныхъ и сознательныхъ русскихъ патріотовъ и порядочныхъ гражданъ". И. Г. Наумовичъ далъ Обществу девизъ: „молись, учись, трудись, трезвись". За время своего существованія оно издало и распространило милліоны книжекъ для народа, открыло полторы тысячи читаленъ, устроило въ селахъ вольныя пожарныя дружины, любительскіе театры и церковные хоры. Въ настоящее время Общество имени Мих. Качковскаго насчитываетъ болѣе 10.000 членовъ.

На время парламентскихъ каникулъ, И. Г. Наумовичъ уѣзжалъ въ свой приходъ Стрѣльче, гдѣ писалъ общедоступныя книги для народа, занимался пчеловодствомъ, и помогалъ добрыми совѣтами больнымъ. Тамъ онъ жилъ до 1882 года, когда былъ арестованъ, посаженъ въ тюрьму и привлеченъ вмѣстѣ съ другими выдающимися галицко-русскими патріотами къ суду по обвиненію въ мнимой государственной измѣнѣ. Поводомъ ко всему этому послужилъ, главнымъ образомъ, переходъ изъ уніи въ православіе крестьянъ деревни Гнилички, расположенной неподалеку отъ русской границы. Этого было достаточно, чтобы взвести на Наумовича обвиненіе въ заговорѣ, направленномъ не только къ „совращенію" всей Галицкой Руси изъ уніи въ православіе, но и къ отторженію Галичины отъ Австріи и присоединенію ея къ Россіи.

Рѣчь И. Г. Наумовича, сказанная имъ на судѣ 12/24 іюня 1882 года, является его національно-политическимъ „вѣрую", почему мы и приводимъ ее полностью (по стенограммѣ), для настоящей статьи переводя съ польскаго на общерусскій литературный языкъ.

„Не подлежитъ сомнѣнію,—заявилъ И. Г. Наумовичъ,—что я—славянинъ, и притомъ славянинъ горячій, ибо не только языкъ у меня славянскій, но, кромѣ того, также церковный обрядъ и обычаи у насъ на Руси наиболѣе сохранились еще изъ глубокой славянской, бывшей языческой древности. Какъ славянинъ, не могу не быть славянофиломъ, не могу не любить тѣхъ народовъ, которые происходятъ изъ того же самаго, что и русскій народъ, общаго корня и остаются съ нимъ въ племенной связи близкаго или дальняго родства. Что касается лично меня, то позволю себѣ разсказать, среди какихъ обстоятельствъ развилось у меня сильное чувство славянофильства.

„Въ 1849 году, будучи еще учащимся, я трудился при редакціи „Зори Галицкой", первой нашей русской газеты. Въ редакцію прихо-

Библиотека "Руниверс"

дили газеты со всѣхъ славянско-австрійскихъ краевъ; присылали также отовсюду славянскія сочиненія, которыя я читалъ. Между прочимъ, я имѣлъ случай прочесть „Славянскія Древности“ и „Славянскую Народопись“ (Шафарика). Я читалъ ихъ съ великимъ интересомъ и проникнулся ихъ духомъ. Изъ книги „Славянскія Древности“ я узналъ, что славяне имѣютъ старую культуру, наидавнѣйшую народную литературу, существующую еще отъ тѣхъ вѣковъ, когда иные, нынѣ первостепенные европейскіе народы, ничего въ этомъ отношеніи представить не могли. „Славянская Народопись“ познакомила меня съ числомъ славянскихъ племенъ и ихъ языками. А такъ какъ я былъ поэтическаго настроенія, то изъ пѣсней Коллара и до сего дня помню нѣсколько строкъ, которыя врѣзались мнѣ въ память и составляютъ какъ бы программу славянофильства. Такъ о славянствѣ пишетъ Колларъ: „Все имѣемъ, мои милые, дорогіе: золото, серебро, умѣлые руки; языкъ и пѣсни имѣемъ веселыя; единства только и просвѣщенья у насъ нѣтъ! Дайте намъ ихъ съ духомъ всеславянства, и увидите народъ, какого не было еще въ прошломъ; среди грека и британца наше имя заблеститъ на звѣздномъ небосводѣ“. Такъ какъ я былъ поэтическаго характера, какъ я уже сказалъ, то тѣ и подобныя имъ пѣсни великаго пѣвца, автора „Дочери Славы“, тронули меня до глубины души. Я жилъ этимъ и мысль о такомъ всеславянскомъ единствѣ была и теперь является моей путеводной мыслью. Прежде всего я хотѣлъ познакомиться съ моимъ народомъ, для чего пустился пѣшкомъ по нашему краю, изъѣздилъ или исходилъ цѣлый край и часть Угорской Руси, вникалъ въ глубину души нашего народа, познавалъ его хорошія стороны и поставилъ задачей моей жизни служить этому народу духомъ всеславянства, т.-е. просвѣщеніемъ народа. Это была цѣль моей жизни, является ею до настоящаго дня и останется до смерти! Я рѣшилъ этотъ народъ просвѣщать, чтобы онъ, познавши самого себя и собственное достоинство, заговорилъ самъ о себѣ въ ряду другихъ народовъ Австріи, чтобы съ нимъ считались и признавали его права. Вѣдь, извѣстно, что въ нашей Австріи до недавняго времени славянскія народности были совершенно угнетены и считались только матеріаломъ для двухъ другихъ господствующихъ расъ—нѣмецкой и мадьярской; изъ всѣхъ же наиболѣе была угнетена наша русская народность, которой отказывали даже въ правѣ національнаго существованія. Такъ было раньше; но послѣ французскихъ войнъ живой духъ овѣялъ и полумертвые славянскіе народы. Съ того времени начали появляться первые пророки славянства и, изъ всѣхъ славянско-австрійскихъ народовъ, особенно чехи проникнулись тѣмъ духомъ и взяли въ свои руки предводительство въ дѣлахъ славянъ. Такъ выступила въ Австріи

Библиотека "Руниверс"

на національное поприще на ряду съ двумя господствующими расами и третья—славянская, численно превышающая обѣ первыя,—выступила съ заявленіемъ на свое народное существованіе и готовая къ борьбѣ за неотъемлемое право... Задачей Австріи, совмѣщающей въ себѣ три главныя расы, было: устроиться такъ, чтобы каждая раса и каждая народность могла смотрѣть на Австрію, какъ на своего рода Швейцарію, въ которой всѣ три народности жили бы въ мирномъ сосѣдствѣ, взаимно признавая права, не боясь никакихъ центробѣжныхъ стремленій и имѣя въ государствѣ полную возможность развивать свои народныя особенности.

„Такъ безъ послѣдствій прозвучали призывы объединяющихся итальянцевъ къ итальянцамъ Тесинскаго кантона, которые отвѣтили; „Мы и въ Швейцаріи—итальянцы и вполнѣ счастливы“! Къ тому же стремились и наши австрійскіе славяне. Когда въ 1848 году въ Европѣ закипѣла новая родная жизнь, тогда собралось въ Прагѣ общество „Славянская Липа“. Съ удовольствіемъ вспоминаю, что тамъ были и представители польскаго народа, который теперь, къ сожалѣнію, открещивается отъ всякаго согласія съ славянами. Былъ тамъ кн. Левъ Сапѣга, кн. Юрій Любомірскій, адвокатъ Малишъ, а съ нашей стороны: Иванъ Борисикевичъ, Василій Ковальскій и свящ. Алексѣй Заклинскій. Тамъ была поднята мысль лишь о союзѣ австро-славянскихъ народовъ, но отнюдь не всѣхъ славянъ. Та мысль была единственно спасительной для Австріи, ибо могла образовать силу, о которую бы разбились желанія тѣхъ панславистовъ, которые мечтаютъ о соединеніи всѣхъ славянъ. Къ сожалѣнію, та мысль была лишь возбуждена, даже точно не опредѣлена, потому что въ то безпокойное время дѣло дошло до обстрѣла Праги, и „Липу“ разогнали. Потомъ, когда утихли волны этой страшной бури и вернулось спокойствіе, мысль о федераціи славянъ уже не поднималась. Не была поднята потому, что одно изъ славянскихъ племенъ, племя польское, главнымъ образомъ вліятельная партія этого племени, не видѣла для себя спасенія въ славянской федераціи и въ славянствѣ вообще, шла и теперь идетъ отдѣльною дорогою, руководимая своими историческо-державными традиціями. Къ сожалѣнію, она и теперь не только выказываетъ полный недостатокъ сочувствія славянамъ, но соединяется даже съ врагами славянъ и выражаетъ это въ печати. Такъ читаемъ въ извѣстной брошюрѣ 1880 года „La Pologne et les Habsburg“ („Польша и Габсбурги“) такія слова: „Польша никогда не считала себя славянскою державою“, а дальше: „что же могла бы она, Польша, имѣть общаго со славянами, съ этимъ народомъ слугъ и невольниковъ“.

Библиотека "Руниверс"

„Въ такомъ самомъ духѣ раздаются польскія голоса въ законодательныхъ собраніяхъ во Львовѣ и Вѣнѣ, и въ такомъ духѣ пишутъ польскіе публицисты. И въ этомъ была главная причина, что идея славянской федераціи въ Австріи сдѣлалась невыполнимой; въ этомъ лежитъ и причина того, что теперь, противъ русскаго панславизма, совсѣмъ не страшнаго для Австріи, послѣдняя не могла противопоставить австрійскаго панславизма. Польская же политика приводитъ каждаго истиннаго славянина въ великую печаль. Только съ болью сердца можно читать такія сужденія о славянахъ, что они,—народъ слугъ и невольниковъ, сужденія, которыя вошли въ поговорку у угнетателей славянъ. А вѣдь славянскіе народы славятся своею древнею культурой, наша литература восходитъ къ девятому вѣку и была уже знаменита тогда, когда другіе народы не чувствовали даже потребности въ народныхъ литературахъ. Упомяну только о свв. Кириллѣ и Меѳодіи, о переводѣ Библіи на славянскій языкъ, о высокой степени развитія и совершенства церковно-славянскаго языка, совсѣмъ не уступающаго классическому старо-греческому. Только грубые невѣжды, не знающіе всего этого могутъ насмѣхаться надъ славянами, какъ надъ какими-то полудикими народами. Но противъ этого нѣтъ лѣкарства, ибо такой антиславянскій духъ былъ унаслѣдованъ поляками еще со временъ существованія самостоятельной Польши, онъ же поддерживается теперь и въ Австріи. Совсѣмъ другой духъ вѣетъ въ нашей Руси и у другихъ австрійскихъ славянъ. Какъ только мы начали сознавать свою народность, до того времени усыпленную, то первою задачею, какъ чеховъ, словаковъ, хорватовъ, словенцевъ,—такъ и нашею было вести народную массу къ просвѣщенію; это доказываютъ наши „Матицы". Каждый, кто хочетъ, можетъ вполнѣ убѣдиться, что мы, русскіе ни о чемъ такъ не старались, какъ о школахъ; мы боролись и боремся за народный языкъ въ школахъ. Въ этомъ заключалась наша главная задача, наша основная политика; ибо это, въ самомъ дѣлѣ духъ истинно-славянскій: въ каждомъ, даже ниже стоящемъ видѣть своего брата и стараться возвысить его просвѣщеніемъ...

„Господинъ прокуроръ,—продолжалъ свою рѣчь И. Г. Наумовичъ,—обвиняетъ насъ въ россійскомъ панславизмѣ. Позволю себѣ и о немъ упомянуть въ нѣсколькихъ словахъ. Панславизмъ, какъ я уже выше отмѣтилъ,—австрійское дѣтище, ибо въ Австріи возникли первые и знаменитѣйшіе его пророки. И это совсѣмъ естественно, ибо Австрія есть держава, въ которой живетъ 6 славянскихъ племенъ всѣхъ оттѣнковъ: восточныя и западныя, сѣверныя и южныя; различной вѣры: католической, православной и протестантской. Когда у насъ, въ Ав-

Библиотека "Руниверс"

стріи, уже цѣлые народы, напримѣръ чешскій, были дѣйствительно проникнуты всеславянской идеей и Коллары пѣли ей пѣсни, то въ Россіи панславизмъ былъ еще запрещеннымъ товаромъ.

„Теперь мы уже боимся русскихъ панславистическихъ обществъ, ибо мы не постарались имѣть противъ нихъ оружіе; а оружіемъ тѣмъ можетъ быть не что иное, какъ братство австро-славянскихъ народовъ; но мы видимъ, что вмѣсто братства, у насъ все съ большей силой выступаетъ истребленіе отдѣльныхъ слабыхъ славянскихъ народностей. Укажу только на нашу несчастную Русь, которой открыто, съ сеймовой трибуны, одинъ выдающійся депутатъ, по возвращеніи изъ Вѣны съ приказомъ ввести во всемъ краѣ польскій языкъ, побѣдоносно объявилъ: „Край ополяченъ!“ Другой депутатъ въ прошломъ году на предвыборномъ собраніи въ Краковѣ сказалъ, что „русскаго вопроса въ краѣ уже нѣтъ“. Это значитъ, что „съ помощью правительства мы уже истребили Русь, что ее уже не существуетъ“. Мнѣ кажется, что такіе приговоры не что иное, какъ измѣна въ виду Австріи, ибо, при такого рода истребительной политикѣ, нужно, дѣйствительно, бояться россійскаго панславизма, чтобы онъ, если только на самомъ дѣлѣ существуетъ, изъ теоріи не перешелъ въ практику. Но развѣ мыслимо убить нашу русскую народность, исторія культуры которой достигаетъ тысячелѣтія и которая является частью великаго народнаго организма. Мнѣ кажется, что, вмѣсто истребленія, слѣдовало бы этой народности подать братскую руку помощи и, такъ какъ Русь никогда не посягала на права польской народности, гдѣ таковыя ей принадлежатъ, то и поляки обязаны поступать по отношенію Руси съ безусловною справедливостью и признавать все, что ей слѣдуетъ и, что въ концѣ-концовъ, несомнѣнно они принуждены будутъ признать. Ибо народъ, проживший тысячелѣтіе, и снова, послѣ долгаго сна, пробудившійся, теперь уже не дастъ себя уничтожить и не удовольствуется такими законами, которые существуютъ лишь на бумагѣ, а въ дѣйствительной жизни не имѣютъ никакого значенія.

„У меня, какъ русскаго, не можетъ исчезнуть изъ памяти благородная личность поляка-славянина, князя Юрія Любомірскаго, который въ сеймовой сессіи 1861 года внесъ предложеніе о равноправности русскаго языка въ школѣ, администраціи и судѣ. Это предложеніе, сеймовое большинство приняло молчаніемъ и предало его забвенію. Слѣдующія сеймовыя сессіи явились поприщемъ борьбы противъ всѣхъ народныхъ правъ Руси, а въ послѣдніе годы уже не съ кѣмъ было бороться, и борьба была не нужна; ибо Русь, сдавленная сильными

Библиотека "Руниверс"

руками, убѣдилась, что дальнѣйшая борьба безнадежна въ смыслѣ полученія какой-либо пользы. Правда, былъ еще слабый лучъ надежды при Лавровскомъ, когда онъ, какъ вице-президентъ, сейма, вернулся изъ Вѣны съ извѣстнымъ планомъ соглашенія Польши съ Русью въ сеймѣ. Тогда онъ пригласилъ меня къ себѣ и открылъ мнѣ свое намѣреніе выступить съ этимъ проектомъ въ сеймѣ. То было при министрѣ Бейстѣ, кажется, въ 1869 году. Я похвалилъ это намѣреніе, похвалили и другіе наши депутаты, и были составлены совсѣмъ скромные, справедливые пункты соглашенія. Мы не требовали ничего такого, что было бы трудно выполнимымъ, впрочемъ, то былъ проектъ, надъ которымъ можно было призадуматся. Въ пользу этого проекта соглашенія говорилъ Лавровскій; говорилъ кратко и я, когда наступило второе чтеніе; наконецъ, была избрана комиссія, въ которой и я удостоился чести засѣдать. Но судьба этой комиссіи извѣстна: уже послѣ перваго или втораго засѣданія все было предано забвенію, а когда мы пытались узнать о причинѣ такого забвенія, намъ сказали: „У насъ сила, намъ соглашенія не нужно, когда всегда все имѣемъ въ рукахъ“. Значитъ, сила выше права!

„Что же намъ оставалось дѣлать? Мы утратили всякую надежду на какое-либо соглашеніе, и не желая отрекаться отъ своихъ народныхъ святынь, намъ не оставалось ничего другого, какъ встать всѣми силами въ оппозицію и всѣми же силами просвѣщать народъ, чтобы онъ, придя къ самосознанію, развилъ въ себѣ силу и самъ потребовалъ для себя правъ.

„Мнѣ кажется, что это было вполнѣ естественно и, что въ этомъ нельзя видѣть ненависти къ полякамъ. Развѣ виновенъ польскій народъ въ томъ, что партія, которая теперь стоитъ во главѣ его и дѣйствуетъ отъ его имени,—дѣйствуетъ противъ хорошо понятаго интереса своего же собственнаго народа? Развѣ продолженіе вѣковой борьбы съ Русью спасетъ Польшу? Я сомнѣваюсь. Польшу могли бы спасти справедливость, любовь, братство и, говоря словами Коллара, духъ всеславянства. Тѣмъ духомъ всеславянства проникнуты мы, Русь! То ложь, будто-бы мы—полякоѣды.

„Мнѣ все, что славянское, дорого! Мой Шевченко, мой Пушкинъ, мой Мицкевичъ, мой Корженевскій, мой Колларъ, мой Вукъ Стефановичъ Караджичъ—они всѣ мои, ибо славянскіе. И тутъ нѣтъ никакого страха обнять этой любовью и заграничныхъ славянъ: великоруссовъ, болгаръ и т. п. Для меня, какъ русскаго человѣка, наиболѣе близко

Библиотека "Руниверс"

все русское, ибо цѣлый русскій народъ я долженъ считать за мой собственный; но это не мѣшаетъ мнѣ быть добрымъ австрійскимъ гражданиномъ. Если же насъ, и въ частности меня, обвиняютъ въ полякоѣдствѣ, въ ненависти, то все это относится только къ оппозиціи противъ антиславянской польской партіи, чтобы этой оппозиціей дойти до соглашенія; вѣдь конечная цѣль каждой оппозиціи—дойти до правды. Я вступилъ въ оппозицію и противъ Рима не какъ врагъ уніи, но только какъ ея сторникъ, чтобы сказать о тѣхъ кривдахъ, какія были творимы по отношенію къ нашему обряду; чтобы поднять голосъ противъ іезуитовъ, какъ враговъ не только Руси, но и Польши; ибо никто другой, а лишь они одни являются причиной паденія послѣдней. Развѣ пріятна та вѣчная борьба, тѣ вѣчныя клеветы и доносы, тѣ вѣчные подвохи одной народности противъ другой? И что же, помогутъ тѣ фразы о свободѣ и равенствѣ, которыя произносятъ уста, но которыхъ нѣтъ ни въ сердцѣ, ни въ дѣлахъ?

„Что же толку отъ того холма уніи на Замковской горѣ, если не имѣемъ уніи въ сеймѣ и около его зданія, гдѣ забыли даже о русскомъ письмѣ? Прежде слѣдовало бы создать честную унію въ сеймѣ и краѣ, уважать нашу народность, какъ братскую, а потомъ уже завершить дѣло насыпкою кургана, подавъ другъ другу какъ славяне, братскую руку. Тогда была бы на томъ холмѣ истинная унія, если бъ его насыпалъ не одинъ Смолька, но вмѣстѣ съ Качалою. Качала прежде, потомъ Смолька, а не одинъ только Смолька!

„Что же намъ изъ того, что иногда на пирахъ слышимъ извѣстное: „Kochajm sie“? Мы слышимъ это съ одного конца стола, а если съ другого отзовется: „Любимся“, то уже замѣчаемъ кислыя мины. Развѣ это по-славянски? А если бы братья-поляки проникнулись такимъ духомъ славянскимъ, братскимъ, а Русь и Польша въ Галичинѣ шли рука объ руку, если бы наступило сближеніе со всѣми славянами, развѣ не образовалась бы въ Австріи значительная славянская сила и развѣ стала бы Австрія дрожать при мысли о россійскомъ панславизмѣ, если бы каждый славянинъ чувствовалъ себя въ Австріи счастливымъ? Сегодня обвинительный актъ бросаетъ намъ какъ преступленіе, переписку съ выдающимися въ Россіи личностями; а вѣдь никто не сомнѣвался въ искреннемъ патріотизмѣ Шафарика, хотя онъ и переписывался со всѣми учеными въ Россіи, и, съ самымъ страшнымъ изъ нихъ—М. П. Погодинымъ. Почему же мы не можемъ переписываться съ русскими литераторами? Развѣ запрещено полякамъ находиться въ перепискѣ съ Варшавою, и австрійскимъ нѣмцамъ съ прусскими? Такая тревога,

Библиотека "Руниверс"

такая руссофобія совсѣмъ не приноситъ чести Австріи, ибо доказываетъ недовольство того или другого народа. Въ томъ и заключается главный недостатокъ Австріи, что ея конституція не знаетъ народовъ, а лишь коронные края; въ тѣхъ коронныхъ краяхъ господствуетъ тотъ, кто сильнѣе, слабый же борется безъ всякой надежды, какъ напр., мы русскіе или какъ словаки въ Угорщинѣ. Между тѣмъ, коронные края—отвлеченное понятіе, а народы—дѣйствительность; и только тогда Австрія сможетъ развить силу и не бояться россійскаго панславизма, когда можно будетъ сказать, что не коронные края, а всѣ народы въ ней счастливы".

Судебный процессъ галицко-русскихъ дѣятелей закончился 17(29) Іюля 1782 года. На основаніи обвиненія присяжныхъ, предсѣдатель суда вынесъ И. Г. Наумовичу слѣдующій приговоръ:

„Священникъ Иванъ Наумовичъ виновенъ въ томъ, что со второй половины 1881 года и до конца Января 1882 г., отчасти въ Скалатѣ, отчасти же во Львовѣ и въ другихъ мѣстностяхъ Галичины и Буковины, принималъ участіе въ такихъ связяхъ, которыя имѣли задачу возбудить ненависть или презрѣніе противъ одноцѣльной австрійской державы, противъ формы правленія и государственной администраціи... вслѣдствіе чего присуждается *къ 8 мѣсяцамъ обыкновенной тюрьмы*, обостренной однимъ постомъ черезъ каждыя двѣ недѣли".

Защитникъ подсудимыхъ подалъ отъ ихъ имени кассаціонную жалобу и обратился съ просьбой, чтобы судъ впредь до разсмотрѣнія кассаціи высшимъ судебнымъ трибуналомъ въ Вѣнѣ, выпустилъ ихъ на свободу. 6 Августа 1882 г. всѣ осужденные, послѣ того, какъ русскіе галичане изъ Львова внесли за нихъ крупный залогъ, были дѣйствительно освобождены.

Выйдя временно изъ тюрьмы, въ которой просидѣлъ подъ предварительнымъ слѣдствіемъ болѣе полугода, И. Г. Наумовичъ долженъ былъ подумать о своей судьбѣ, такъ какъ приходъ въ Скалатѣ былъ отъ него отобранъ, а его самого отлучили отъ уніатской церкви. Чтобы обезпечить скромное существованіе своей семьѣ, онъ переселился во Львовъ, гдѣ усиленно занялся литературнымъ дѣломъ.

Въ 1884 году, по отклоненіи кассаціи онъ отбылъ 8-мѣсячное наказаніе въ тюрьмѣ, гдѣ попрежнему писалъ статьи, а также обучалъ заключенныхъ пчеловодству.

Библиотека "Руниверс"

Итакъ, И. Г. Наумовичу пришлось перенести (въ общей сложности) 14 мѣсяцевъ тюремнаго заключенія!

Лишенный сана и прихода, разоренный матеріально и постоянно преслѣдуемый австро-польскими властями,—И. Г. Наумовичъ буквально не зная, гдѣ приклонить свою усталую голову, рѣшилъ искать душевнаго успокоенія въ лонѣ православной церкви. 6(18) Октября 1885 г. во Львовской православной церкви былъ совершонъ надъ нимъ обрядъ присоединенія къ православію. Послѣ этого, оставаться ему въ Австріи было уже немыслимо: онъ считался опаснымъ для цѣлости государства человѣкомъ и находился подъ строжайшимъ надзоромъ полиціи.

Въ началѣ 1886 года И. Г. Наумовичъ оставилъ Галицію и переселился въ родную Россію, въ гор. Кіевъ, гдѣ устроился со своей семьей и могъ снова совершать богослуженія, что составляло необходимую потребность его глубоко-вѣрующей души.

Въ Кіевѣ И. Г. Наумовичъ былъ возведенъ въ санъ протоіерея и, получая опредѣленное вознагражденіе съ освобожденіемъ отъ всякой службы, продолжалъ заниматься редакціей „Науки“ (которую перевелъ изъ Львова въ Вѣну), а также писалъ общедоступныя книжки для русскаго народа. Своими статьями въ газетахъ, выходящихъ въ Россіи, онъ знакомилъ съ жизнью галичанъ, а въ корреспонденціяхъ въ галицко-рускихъ изданіяхъ излагалъ положеніе дѣлъ въ Россіи. Такимъ образомъ, И. Г. Наумовичъ являлся живымъ звеномъ, соединявшимъ духовно Прикарпатскую Русь со всѣмъ остальнымъ русскимъ міромъ.

Живя въ Россіи, онъ никогда не переставалъ заботиться о русскихъ галичанахъ, что особенно было замѣтно во время галицкаго голода (въ 1889 г.), когда благодаря его стараніямъ, галицкіе крестьяне получили значительную помощь изъ Россіи, и тѣмъ самымъ не одно семейство было спасено отъ неминуемой голодной смерти.

Но больше всего онъ заботился о томъ, чтобы дать возможность безземельнымъ галицко-русскимъ крестьянамъ селиться на свободныхъ земляхъ Кавказа. Онъ еще раньше помогъ нѣкоторымъ крестьянамъ переселиться изъ Галицкой Руси на Кавказъ, гдѣ они образовали поселки: Наумовичи и Старая Черниговка вблизи города Сухумъ-Кале. Свои планы по переселенченскому вопросу И. Г. Наумовичъ изложилъ въ письмѣ изъ Петрограда (отъ 14(26) Окт. 1890 г.) къ О. А. Мончаловскому, гдѣ писалъ слѣдующее:

Библиотека "Руниверс"

„Считаю себя счастливымъ, что могу раздѣлиться хорошимъ починомъ, выходящимъ отъ самыхъ искреннихъ нашихъ друзей, чтобы народу открыть путь къ лучшей жизни. Я говорилъ вчера съ однимъ компетентнымъ лицомъ касательно надѣленія землею нашихъ лемковъ и другихъ галичанъ въ округахъ Новороссійскомъ и Сухумскомъ, на берегу Чернаго моря, именно тамъ, куда ѣздили аргонавты за золотымъ руномъ, гдѣ земной рай, виноградъ растетъ дико, грецкіе орѣхи гніютъ на землѣ и превращаются въ навозъ, а гдѣ одна бѣда: отсутствіе комуникацій. Взгляните на карту: сейчасъ за Азовскимъ моремъ тянется эта пустая земля отъ Анапы до Сухума и она предназначена для галичанъ, но въ такихъ размѣрахъ, чтобъ не обезнародить нашу родину, и чтобы наша земля не попала въ чужіи руки. Быть можетъ, я самъ поѣду туда и осмотрю все; но мнѣ сказали, чтобы прибыли сюда соглядатаи и осмотрѣли мѣста для жительства, которыя будутъ имъ отпущены почти даромъ, напр., около 5 рублей за десятину, съ разсрочкой платежа на долгія лѣта. Все-таки лучше направить нашихъ людей сюда, чѣмъ въ Америку! Здѣсь будутъ огромные заработки при постройкѣ желѣзныхъ дорогъ и проч., а когда будетъ построена желѣзная дорога, земля тогда повысится въ цѣнѣ. Я не сомнѣваюсь, что нашимъ голодающимъ будетъ дана возможность существованія“.

Въ концѣ Мая 1891 года И. Г. Наумовичъ дѣйствительно поѣхалъ на Кавказъ, чтобы выбрать пригодныя для заселенія земли. Онъ былъ увѣренъ, что переселеніе принесетъ взаимную пользу русскимъ галичанамъ и Россіи, такъ какъ первыхъ избавитъ отъ эмиграціи въ Америку и неизбѣжнаго тамъ растворенія въ англо-саксонской расѣ, а русскому государству дастъ трудолюбивое населеніе, которое превратитъ невоздѣланныя и незаселенныя пространства въ цвѣтущіе края.

Посѣтивъ на Кавказѣ многіе города и мѣстности (Новый Аѳонъ, Новороссійскъ, Пятигорскъ, Тифлисъ и Елисаветполь), И. Г. Наумовичъ уже отправился обратно въ Кіевъ.

Пріѣхавъ въ Новороссійскъ, онъ остановился въ мѣстной гостинницѣ, гдѣ вскорѣ сильно захворалъ. Немедленно позвали врача, который заставъ больного безъ памяти, опредѣлилъ, что съ нимъ случился апоплексическій ударъ. И. Г. Наумовича перенесли въ больницу, гдѣ онъ, не приходя въ сознаніе, скончался 4(16) Августа 1891 года, въ 11 часовъ утра.

На слѣдующій день состоялось торжественное погребеніе покойнаго на городскомъ кладбищѣ Новороссійска.

Библиотека "Руниверс"

17 Сентября 1891 г. тѣло И. Г. Наумовича было привезено въ Кіевъ, гдѣ на вокзалѣ, въ ожиданіи поѣзда, собрались: семья покойнаго, прибывшіе изъ Австріи (съ 11 вѣнками) русскіе галичане, представители Славянскаго Общества и много кіевлянъ. Послѣ совершенія панихиды погребальная процессія двинулась на Аскольдову могилу; по прибытіи на кладбище, галичане внесли въ церковь гробъ съ останками своего просвѣтителя.

Торжественные похороны состоялись при участіи многочисленнаго духовенства и массы молящихся на слѣдующій день, т.-е. 18 сентября.

Послѣ того, когда гробъ былъ опущенъ въ могилу и пропѣта „Вѣчная память", русскіе галичане произнесли прощальныя рѣчи: О. А. Мончаловскій отъ имени Галицкой Руси, бывшій редакторъ „Слова" В. М. Площанскій, какъ другъ покойнаго, и крестьянинъ Григорій Муринъ отъ лица галицко-русскаго крестьянства.

Загадочный характеръ смерти И. В. Наумовича былъ подтвержденъ и сыномъ покойнаго, д-ромъ Н. И. Наумовичемъ,—который вскорѣ послѣ похоронъ заявилъ въ присутствіи многихъ лицъ, что его отецъ былъ отравленъ. Кто подалъ ядъ просвѣтителю Галицкой Руси—осталось неизвѣстнымъ. Въ Новороссійскѣ И. Г. Наумовича видѣли только съ какимъ то молодымъ человѣкомъ, который заходилъ къ нему въ гостиницу а затѣмъ исчезъ безслѣдно.

16 сентября 1894 г., т.-е. черезъ три года послѣ смерти И. Г. Наумовича состоялось освященіе памятника на его могилѣ, воздвигнутаго на пожертвованія поступившія какъ изъ Россіи, такъ и Галицкой Руси.

Памятникъ представляетъ четырехугольный обелискъ изъ темнаго лабрадора, на верху котораго помѣщенъ восьмиконечный русскій крестъ, а на лицевой сторонѣ находится надпись:

„Гонимому на родинѣ, принятому въ родной Россіи, печальнику Галицкой Руси, о. протоіерею Іоанну Григорьевичу Наумовичу".

Ѳ. Ѳ. Аристовъ.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

Комиссіей разбираются и описываются архивы Саламыковыхъ, Гацисскаго и Писцовая Книга нижегородскаго уѣзда Ладыгина. Кромѣ этого разобрано и внесено въ готовящійся къ печати каталогъ болѣе 1100 №№ рукописей.— Комиссія предприняла опросъ мѣстныхъ законоучителей и сельскихъ учителей съ цѣлью выяснить количество памятниковъ старины въ нижегородской губерніи; кромѣ того нѣсколько членовъ Комиссіи исключительно занимались производствомъ снимковъ съ памятниковъ губерніи. Предприняты раскопки недавно открытаго кургана въ мѣстности Сейма, названнаго „Сейминское Становище". Подъ наблюденіемъ членовъ Комиссіи возстановляется нижегородскій каѳедральный соборъ, при чемъ особое вниманіе обращено на гробницу Козьмы Минина. Изслѣдованы и изучены нѣсколько малоизвѣстныхъ храмовъ и Василева слобода балаханскаго уѣзда. Члены Комиссіи участвовали въ работахъ Комитета по сооруженію въ Нижнемъ-Новгородѣ памятника Козьмѣ Минину.

Издательская дѣятельность Комиссіи выразилась въ отчетномъ году въ выпускѣ обычныхъ ея „Сборниковъ", коихъ вышло четыре. Выпущены вторымъ изданіемъ брошюры Парійскаго „Кузьма Мининъ" и „Князь Пожарскій".—Всѣхъ членовъ въ составѣ комиссіи состояло 330.

Дѣйствія Нижегородской Ученой Архивной Комиссіи. Сборникъ XV. Выпускъ I. **Въ память 300-лѣтія царствованія Дома Романовыхъ.** Нижній-Новгородъ, 1913. Цѣна не обозначена. стр. 170.

Нижегородская Ученая Архивная Комиссія въ ознаменованіе трехсотлѣтія царствованія Дома Романовыхъ издала особый „Сборникъ", въ которомъ будутъ напечатаны имѣющіяся въ распоряженіи Комиссіи документы временъ первыхъ царей,—преимущественно Писцовыя и Переписныя книги по нижегородскому краю.

Въ первомъ выпускѣ XV тома „Сборника" помѣщена точная копія Балаханской Писцовой Книги 1674—1676 годовъ. Книга подготовлена къ печати предсѣдателемъ Комиссіи А. Я. Садовскимъ и напечатана съ докладомъ его, читаннымъ въ засѣданіи Комиссіи 31 января 1913 года, въ видѣ предисловія. Писцовая книга отпечатана съ сохраненіемъ современнаго правописанія. Книга эта нашлась у А. С. Гацисскаго, куплена была имъ у Е. А. Барбатенки и ранѣе находилась „будто бы (какъ говоритъ г. Садовской) въ библіотекѣ извѣстнаго Латухина". Книга эта не была нигдѣ напечатана и въ описяхъ разныхъ архивовъ не значится. Писана она была писцами Сомовымъ и Ерофѣевымъ по указу Царя Алексѣя Михайловича 1674 года.

Дѣйствія Нижегородск. Уч. Арх. Комиссіи. Сборникъ XV. Выпускъ II. **Въ память 300-лѣтія царствованія Дома Романовыхъ.** Нижній-Новгородъ; 1913. Ц. 30 коп. Стр. 32.

Второй выпускъ XV тома „Сборника" заключаетъ: въ себѣ „Синодикъ нижегородскаго Печерскаго монастыря 1552 года" подъ редакціей Н. Н. Левитскаго; „Грамота царя Василія Ивановича въ Арзамасъ городовому Юмшану Лобанову 1606 года 13 августа" сообщенная В. О. Эйгорнъ; „Выписка съ Писцовыхъ, Межевыхъ и Переписныхъ книгъ на село Мечасово съ деревнями Арзамасскаго уѣзда" разобранная А. В. Богородскимъ; „Выписка изъ Писцовыхъ книгъ Имзенскаго стана; Курмышскаго уѣзда, письма и мѣры Семена Жеребцова и подъячаго Якова Гнѣдышева и изъ Писцовыхъ книгъ Закудемскаго стана Нижегородскаго уѣзда, письма и мѣры Дмитрія Лодыгина съ товарищи 1622—1623 годовъ", сообщенная свящ. В. С. Гатинскимъ.

Библиотека "Руниверс"

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

1913 годъ.

(Годъ 51-ый).

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1913 году, за **двѣнадцать выпусковъ** съ пересылкой и доставкой **девять рублей**, для чужихъ краевъ **двѣнадцать рублей**.

Подписка въ Москвѣ въ конторѣ Русскаго Архива на Садовой у Ермолая, въ домѣ 21 (на дворѣ) и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени.“

Контора открыта ежедневно кромѣ праздниковъ отъ 12 до 4 час. дня.

Книгопродавцамъ контора дѣлаетъ уступку 5%.

За перемѣну адреса тридцать копѣекъ.

Журналъ выходитъ на старыхъ основаніяхъ съ привлеченіемъ новыхъ сотрудниковъ.

Жалоба на неполученіе принимается лишь въ теченіе мѣсяца со дня выхода книжки, при чемъ жалобщикъ долженъ заявить № своей бандероли, что и при перемѣнѣ адреса.

Въ видѣ приложенія подписчикамъ будетъ разослано собраніе статей и примѣчаній почившаго составителя „Русскаго Архива“ Петра Ивановича Бартенева.

Отвѣтственный редакторъ **Н. С. Бартенева.**

Издатель и составитель **Петръ Бартеневъ** (младшій).

Библиотека "Руниверс"

ПЯТЬДЕСЯТЪ ПЕРВЫЙ ГОДЪ

РУССКІЙ АРХИВЪ

1913

8

стр.

145. Письмо **К. Кавелина** къ **Н. А. Елагину.** Сообщ. **М. В. Безръ.**
146. Письма **кн. И. Барятинскаго** къ **П. С. Деменкову.**
156. Царицы и царевны изъ **Дома Романовыхъ.** Статья **А. Иконниковой.**
174. Переписка **А. А. Неверовскаго** Сообщ. **Баронессой Е. Клейстъ.**
225. Волынь и ея историческіе дѣятели отъ Владиміра Святого до Богдана Хмельницкаго. Очеркъ **Н. П. Шадурскаго.**
261. **Ѳеофанъ Прокоповичъ** и его сотрудники Замѣтка **Н. Г. Высоцкаго.**
266. Декабристъ **Голицынъ** въ Астрахани. Статья **П. Юдина.**
279. Переписка **Кристина** съ княжной **Туркестановой.**
Внутри обложки. О книгахъ: А. Орлова «Чаши Государевы»; А. И. Маркевича «Академикъ А. С. Палласъ»; Н П. Киселева «Каталогъ инкунабуловъ Публичнаго и Румянцовскаго музеевъ»; Н. Модестова «Владиміръ Ивановичъ Даль въ Оренбургѣ»; Отчетъ О-ва защиты и сохраненія въ Россіи искусства и старины.

МОСКВА
Синодальная Типографія
1913

Библиотека "Руниверс"

А. ОРЛОВЪ. Чаши Государевы. Изданіе Имп. Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ. М. 1913.

Старая Русь имѣла обычай, въ концѣ обѣда, пить „чашу государеву", за здравіе царя. Это питье сопровождалось особымъ чиномъ, болѣе или менѣе церковнымъ. На монастырскихъ трапезахъ и на большихъ обѣдахъ у царя и бояръ, гдѣ присутствовали духовныя лица, этотъ чинъ состоялъ изъ пѣнія церковныхъ пѣсенъ и провозглашенія многолѣтія (текстъ чина помѣщался въ требникахъ). На обѣдахъ, гдѣ были одни міряне, чинъ ограничивался чтеніемъ особой молитвы и провозглашеніемъ заздравной формулы. Молитва, составленная по повелѣнію царя Бориса, въ переложеніи Пушкина, находится въ его „Борисѣ Годуновѣ". Г. Орловъ сначала разсматриваетъ существующую литературу о чашахъ государевыхъ, а потомъ даетъ рядъ текстовъ чина и молитвъ, отчасти бывшихъ въ печати, отчасти имъ открытыхъ. Между послѣдними особенно любопытенъ чинъ временъ Петра Великаго, сопровождающійся нотами для пѣнія. **А.**

А. И. МАРКЕВИЧЪ. Академикъ П. С. Палласъ. Его жизнь, пребываніе въ Крыму и ученые труды. Къ столѣтію со дня его смерти. Симферополь. 1912.

Книжка г. Маркевича говоритъ главнымъ образомъ о крымскомъ періодѣ жизни славнаго ученаго. Послѣ присоединенія Крыма къ Россіи и послѣдовавшаго вскорѣ потомъ значительнаго выселенія изъ него богатыхъ и знатныхъ татаръ, русское правительство щедрою рукою раздавало свободныя земли полуострова и сановникамъ, и всякимъ искателямъ наживы, даже иностранцамъ. Естественно, что извѣстный съ лучшей стороны имп. Екатеринѣ II Палласъ не встрѣтилъ отказа въ своемъ ходатайствѣ и получилъ въ собственность огромныя пространства земли, измѣрявшіяся тысячами десятинъ и состоявшія изъ полей, садовъ, виноградниковъ, лѣса, всего болѣе на берегу южномъ Крыма. Палласъ оказался отличнымъ хозяиномъ, но не забылъ науки. Авторъ даетъ свѣдѣнія о сочиненіяхъ Палласа, посвященныхъ Крыму, и о многочисленныхъ тяжбахъ, которыя у него возникли изъ за полученныхъ земель и которыя, въ концѣ концовъ, заставили его подъ старость уѣхать заграницу, чтобъ окончить дни своей жизни въ покоѣ. **А.**

Каталогъ инкунабуловъ Московскаго Публичнаго и Румянцовскаго Музеевъ. Составилъ **Н. П. КИСЕЛЕВЪ.** Вып. I. Инкунабулы „Румянцовскаго Музеума". М. 1912. Вып. II. Инкунабулы изъ собранія Норова. М. 1913.

Московскій Румянцовскій Музей владѣетъ небольшимъ количествомъ западно европейскихъ первопечатныхъ изданій, поступившихъ въ его библіотеку въ разное время отъ разныхъ лицъ. Г. Киселевъ рѣшилъ дать списокъ ихъ, снабдивъ его, въ видѣ характеристики, ссылками на извѣстные библіографическія труды и на однородные каталоги западныхъ библіотекъ, что исполнилъ вполнѣ успѣшно. Собраніе графа Н. И. Румянцева прежде всего характеризуетъ самого графа. „Выборъ сдѣланъ съ немалымъ вкусомъ,—говоритъ г. Киселевъ, не гонясь за количествомъ, собиратель имѣлъ въ виду покупать съ одной стороны книги, замѣчательныя по своей древности, иллюстраціямъ или

Библиотека "Руниверс"

ПИСЬМО К. КАВЕЛИНА КЪ Н. А. ЕЛАГИНУ

24 Апрѣля 1874 г.

Дорогой Николай Алексѣевичъ!

Душевно благодарю Васъ за Ваше послѣднее, милое письмо. У насъ все, слава Богу, идетъ отлично. Соня и ея сынъ, Вадимъ, здоровы. Только послѣдній страдаетъ нарывами,—то около плеча, то на ногѣ. Это, говорятъ, хорошо, что онъ отдѣлывается отъ мокротъ и не считается болѣзнью. Третьяго дня впервые улыбался, что насъ растрогало.

Я не писалъ Вамъ тотчасъ же потому, что и Вашего письма не могъ читать самъ. Воспалительное состояніе глазъ меня встревожило, и обращались къ врачу, который только недавно позволилъ мнѣ пользоваться однимъ глазомъ, а другой и до сихъ поръ завязанъ. Это меня крайне разстроило. Я приводилъ совсѣмъ къ концу статью въ отвѣтъ Самарину, и кончилъ бы ее непремѣнно къ отъѣзду въ Москву, еслибъ не помѣха,—болѣзнь глазъ! Мнѣ такъ хотѣлось представить манускриптъ Ю. Ѳ. прежде печати. Наши мнѣнія такъ радикально расходятся, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ, какъ человѣкъ, такъ мнѣ дорогъ, что его цензура моихъ выраженій составляетъ для меня насущную потребность. Въ спорѣ съ нимъ преобладающій для меня вопросъ тотъ: не увлекся ли я гдѣ нибудь до того, что мои слова изъ отвѣта на мысль, изъ возраженія или опроверженія, перегибаютъ въ рѣзкій отзывъ о мнѣніи, которое опровергаю. Мнѣ столько же важно доказать ошибочность его взглядовъ, сколько близко къ сердцу не оскорбить его въ лицѣ тѣхъ взглядовъ и убѣжденій, которые онъ представляетъ. Покуда разномыслія не будутъ перенесены на почву совершенно спокойнаго, безпристрастнаго обсужденія, до тѣхъ поръ нечего и думать о выработкѣ столь желаемой во всѣхъ отношеніяхъ нейтральной почвы, на которой могли бы сойтись въ единомысліи люди противуположныхъ мнѣній и убѣжденій.

У насъ ходятъ слухи о какихъ то конституціонныхъ мѣрахъ, замышленныхъ правительствомъ. Вчера намекъ на нихъ замѣтенъ въ статьѣ Кн. Васильчикова, напечатанной въ С.-ПБскихъ Вѣдомостяхъ. Что это такое—не знаю, и, признаюсь, не ожидаю отъ этихъ попытокъ ничего добраго. Сильно боюсь, что при страшной распущенности нравовъ и при неискреннемъ отношеніи ко всѣмъ внутреннимъ вопросамъ нашей администраціи, изъ такихъ попытокъ выйдетъ только новое самообольщеніе, горше прежняго: пока нравы не начнутъ измѣняться къ лучшему, для чего Конституціонныхъ началъ вовсе не нужно,—до тѣхъ поръ ждать надо повторенія Крыловскаго квартета.

При искреннемъ желаніи ѣхать въ Тулу къ 5-му, мнѣ это рѣшительно невозможно. Никакъ не управлюсь съ дѣлами, которыхъ еще много.

Весь Вашъ К. Кавелинъ.

P. S. Горячо цѣлую ручку Вашей нѣжно любимой матушки.

Сообщ. **М. В. Безръ.**

Библиотека "Руниверс"

Les lettres du prince Jv. Baratinsky à m-r P. Démienkoff. (1821).

Monsieur,

Je vs envoje un *извѣщеніе* de notre Société comme à un agronome. Vs pouvez garder cette brochure, si cela vs plaît.

J'ai commencè mes 2 ratations, l'une de 5 années et l' autre de— 6 quand commencerés (sic) vs les votres?

J'ai l'houneur d'être

Monsieur

votre très dev. serviteur

Iv. Baratinsky
14 Avril 1821.

P. S. J'ai ordonné à mon Suisse de recevoir vos vaches. Je suis enchanté de voir que vs cherchez à secouer le joug des préjugés de l'ignorance. Dieu donne que votre exemple ouvre les yeux à nos voisins!—

Его Высокоблагородію Милостивому Государю моему

Пармену Семеновичу Деменкову.

Въ Бобровѣ.

Monsieur,

Pour faire plaisir..... (inlis) à M-me votre Soeur j'acheterai 5 déssétines, au lieu de 2.—Cela fera alors à 180 rbles la déssétine. la somme

Библиотека "Руниверс"

Письма кн. И. Барятинскаго къ П. С. Деменкову (1821)

Милостивый Государь,

Посылаю вамъ, какъ агроному, *извѣщеніе* нашего общества. Если пожелаете, можете сохранить себѣ эту брошюру.

Я началъ мои 2 сѣвооборота, одинъ 5 лѣтній, другой—6-ти. Когда вы начнете свои?

Честь имѣю быть, Милостивый Государь,

вашимъ преданнымъ слугой.

Ив. Барятинскій.

14 апрѣля 1821 г.

P. S. Я приказалъ своему Швейцарцу принять вашихъ коровъ. Весьма радъ, видя, что вы стараетесь стряхнуть иго невѣжественныхъ предразсудковъ. Дай Богъ, чтобы вашъ примѣръ открылъ глаза нашимъ сосѣдямъ.

Милостивый Государь,

Чтобы доставить удовольствіе вашей Сестрицѣ, я куплю 5 десятинъ, вмѣсто 2-хъ.—Это составитъ—по 180 рубл. десятина—сумму въ

Библиотека "Руниверс"

de 900 roubles qui vous seront payés très régulièrement aussitot que le tout sera mesuré, et que l'on ne trouvera pas de gds *поляны*, comme l'on dit, de 5 à 6 sagénes carrées.—Vs savez que sela s'ecslut. Ceci est d'autant plus juste qu'un bois écorche comme celui-là ne peut être bon que pour bois de chauffage.

Je suis persuadé que ce mauvais temps contrarie beaucoup vos occupations de jardin.

J'ai l' honneur d'être,

Monsieur,

Votre très humble et trés obéissant serviteur

Iv. Baratinsky.

le 20 Mai 1821.

Monsieur,

En vs remerciant infiniment pour les grains et *peonia*, je vous envoye ce que vs m'avez demandè. Je suis enchanté de pouvoir vs obliger, parce que vs êtes un amateur zélé.

J' ai l'honneur d'être,

Monsieur,

Votre trés dévoué

Iv. Baratinsky

le 14 août

Его Высокоблагородію Милостивому Государю моему

Пармену Семеновичу Деменкову

Въ Бобровѣ.

Je prends la liberté d'envoyer à M-me votre mère des grains de fleurs *воздушныя* pour orner les *clumbs* dans les parterres. Je serai bien heureux de pouvoir contribuer à vs procurer tout ce qui vs manquera dans votre jardin.

Библиотека "Руниверс"

900 рубл., которые вамъ будутъ выплачены аккуратно тотчасъ по окончаніи обмѣра, и если, какъ говорятъ, не окажется большихъ *полянъ*, по 5 и 6 квадр. сажень.—Вы знаете, что онѣ исключаются. Это тѣмъ болѣе справедливо, что *лупленый* лѣсъ, какъ этотъ, годенъ только на дрова.

Я увѣренъ, что плохая погода очень мѣшаетъ вашимъ садовымъ работамъ.

Честь имѣю быть,

Милостивый Государь,

Вашимъ покорнымъ слугою

Ив. Барятинскій.

20 мая 1821 г.

Милостивый Государь,

Принося вамъ безконечную благодарность за сѣмена и піоны, посылаю вамъ то, о чемъ вы меня просили. Я чрезвычайно доволенъ, что могу оказать услугу завзятому любителю.

Честь имѣю быть

Вашимъ преданнымъ

Ив. Барятинскимъ.

14 августа.

Беру смѣлость послать вашей матушкѣ сѣмена *воздушныхъ* цвѣтовъ для украшенія *клумбъ* въ цвѣтникахъ. Буду очень радъ способствовать доставленію вамъ всего, въ чемъ окажется недостатокъ для вашего сада.

Библиотека "Руниверс"

Je vs conseille de faire semer dans une petite pépinière des grains de *Luzerne* (мѣдянка) et du *Colza* (сурѣпица). Je compte cultiver cette dernière plante en grand въ *паровыхъ земляхъ*. Elle donne de l' exsellente huile et des *жмыхи* pour les bestiaux et se cultive comme la *гречиха*. Les abeilles en sout trés friandes.—Agréez mes amitiés.

Iv. Baratinsky

le 26 août.

Его Высокоблагородію Милостивому

Государю моему Пармену Семеновичу Деменкову.

Въ Бобровѣ.

Le 8 sepbre 1821.

Monsieur.

Mille remerciements pour votre envoi. Je crois qu'il est encore un peu trop tôt pour envoyer chercher les peupliers, parce que la sève n 'est pas encore descendue. Je profiterai de votre aimable permission pour envoyer chercher ces arbres. Je ne manquerai pas de vs faire parvenir des peupliers balsamiques au printemps. C'est la meilleure saison pour ces achats.

Agréez les assurances de l'estime la plus parfaite avec laquelle j'ai l'honneur d'être,

Monsieur,

Votre trés humble et tres obeiss. serviteur

Iv. Baratinsky

Его Высокоблагородію

Пармену Семеновичу

Деменкову.

Monsieur,

Je vs envoye des grains des légumes que j'ai recues de Paris.— C'est ma soeur qui m'en a fait cadeau.—

Quand vous aurez fini avec Катерина Ив., envoyez vs là.— Mes compliments chez vs.

Iv. Baratinsky

le 12 s-bre

Библиотека "Руниверс"

Совѣтую вамъ посѣять въ парничкѣ сѣмена люцерны (мѣдянки) и кользы (сырѣпицы). Я предполагаю разводить послѣднюю въ большихъ размѣрахъ на *паровыхъ земляхъ*. Она даетъ прекрасное масло и *жмыхи* для скота, а обрабатывается, какъ *гречиха*. Пчелы очень ее любятъ.—Шлю вамъ привѣтъ.

Ив. Барятинскій.

26 августа.

---

8 сентября 1821 г.

Милостивый Государь,

Безконечно благодаренъ вамъ за вашу присылку. Думаю, что еще немного рано посылать за тополями, потому что соки еще не спустились. Воспользуюсь вашимъ любезнымъ позволеніемъ, чтобы прислать за ними. Весной непремѣнно пришлю вамъ бальзамическихъ тополей. Тогда ихъ лучше всего покупать.

Примите увѣреніе въ глубочайшемъ уваженіи, съ которымъ честь имѣю пребывать вашимъ, Милостивый Государь, покорнымъ слугой

Ив. Барятинскій.

Милостивый Государь,

Посылаю вамъ сѣмена овощей, полученныя мною изъ Парижа.—Ихъ подарила мнѣ сестра.

Когда покончите съ Катериной Ив., пошлите ее туда.

Поклонъ мой вашимъ домашнимъ.

Ив. Барятинскій.

12 сентября.

Библиотека "Руниверс"

Милостивому Государю моему Пармену Семеновичу Деменкову

въ Бобровѣ.

Monsieur,

Je vs envoye le merveilleux instrument tant recommandé pas Mr *Гусятниковъ*. J'espère que vos *мужикъ* seront convaincus comme les miens. J'en ai déja distribué à plusieurs. L' *орало* réunit les avantages du soc à ceux de la charrue.

Agréez les assurances de l'estime la plus parfaite aves laquelle j'ai l'honneur d'être,

Monsieur,

Votre trĕs humble et obéissant servitéur

Iv. Baratinsky

Ivanovski
le 15 Mai
1823.

Его Высокоблагородію, Милостивому Государю моему Пармену Семеновичу Деменкову.

въ Бобровѣ.

Monsieur,

J'ai bién des remerciements à vs faire pour *La femme au Kachaverd.*

Je vs envoye ci joint quelques catalogues que jè viens de recevoir de Paris du 1-r Marchd. de grains de sette capitale, qui fournit une g-de partie dec pépinières les plus considérables de l' Europe. Après les avoir parcouru et désigné à votre banqier de Pétersbg. ce que vs voulez avoir, je vs pric de me les renvoyer.

Je vs conseille de faire rossembler lors de la maturité des grains fourrageux comme sainfoin sauvage—*ховра*—*Luzerne*,—Мѣдянка. Ryegrass—пырей, diff. trefles surtout le blanc autant de grains que possible par vos paysans.

Vous pouvez le semer en ratation au printems prochain dans vos champs d'expérience.

Библиотека "Руниверс"

Милостивый Государь,

Посылаю вамъ чудесное орудіе, такъ горячо рекомендуемое Гусятниковымъ. Надѣюсь, что ваши *мужики* оцѣнять его такъ же, какъ мои. Я уже роздалъ имъ нѣсколько. *Орало* соединяетъ выгоды лемеха съ сохой.

Примите, М. Г., увѣренія въ полномъ уваженіи, съ которымъ честь имѣю быть

Вашимъ покорнѣйшимъ слугой.

И. Барятинскій

Ивановское
15 мая
1823.

Милостивый Государь,

Премного вамъ благодаренъ за *женщину (умѣющую варить?) Зеленую кашу*.

Посылаю вамъ при семъ нѣсколько каталоговъ, только что полученныхъ много изъ Парижа, отъ перваго сѣмянного торговца этой столицы, состоящаго поставщикомъ самыхъ значительныхъ хозяйствъ въ Европѣ. Когда вы ихъ просмотрите и укажете вашему петербургскому банкиру то, что вы желаете имѣть, я попрошу васъ прислать мнѣ каталоги обратно.

Совѣтую вамъ приказать вашимъ крестьянамъ собрать при поспѣваніи кормовыхъ травъ, *ховры*, *мѣдянки*, *пырея*, какъ можно больше сѣмянъ различнаго клевера, особенно бѣлаго. Вы можете посѣять ихъ въ сѣвооборотъ будущею весною на вашихъ опытныхъ поляхъ.

Къ своей большой досадѣ долженъ сообщить вамъ, что мой англійскій садовникъ вздумалъ, не предупредивъ меня, высѣять весь мой пырей; но что отсрочено, не пропало. Я надѣюсь получить скоро свѣжій запасъ и тогда вы получите изъ него.

Библиотека "Руниверс"

Je suis bien faché de vs annoncer que mon jardinier anglais s'est avisé, sans on'en prévenir de semer tout mon Ryegrass, mais ce qui est différé, n'est pas perdu. J'espère en recevoir bientot une provision toute praiche, et alors vous en aurez. Ce qui vaut mieux que tout pour gazon de jardin anglais, c'est un mélange de grains de pré recueillies dans des prairies de choix. Je suis sûr que vs en avez de pareilles. Rien n'est meilleur.

Agréez mes amitiés sincères.

Iv. Baratinsky

Le 15 Juin
1822
Iwanofsky

Библиотека "Руниверс"

Лучше всего для газона въ англійскомъ саду—это смѣсь луговыхъ травъ, собранныхъ въ ситниковыхъ лугахъ. Я увѣренъ, что они у васъ есть. Ничто не можетъ быть лучше.

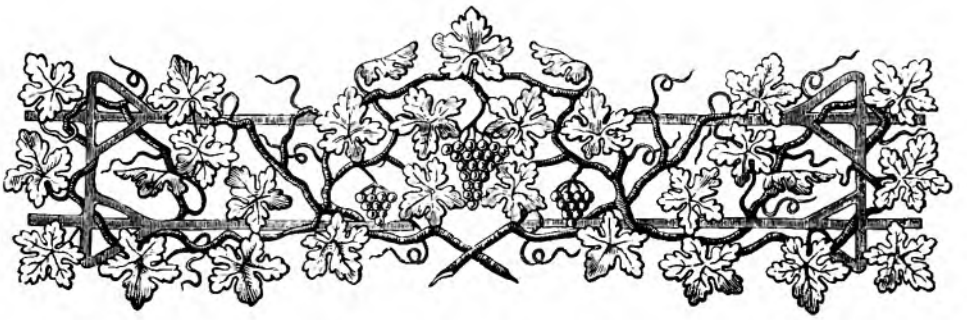
Примите увѣреніе

въ моемъ искреннемъ расположеніи

И. Барятинскій

15 Іюня
1822
Ивановское.

Библиотека "Руниверс"



Царицы и царевны изъ дома Романовыхъ

1913 годомъ закончилось (21 февр.) 300-лѣтіе со дня избранія дома Романовыхъ, смѣнившихъ на русскомъ престолѣ Рюриковичей. Историческая литература задалась цѣлью прослѣдить ходъ событій за время правленія Романовыхъ и сдѣлать надлежащую оцѣнку дѣятельности правителей изъ этого дома и тѣхъ благъ, какія Россія подъ ихъ скиптромъ перенесла. Мы съ своей стороны задались цѣлью дать хотя краткій обзоръ и картину жизни женщинъ—царицъ и царевенъ изъ дома Романовыхъ, что̀ можетъ отчасти пополнить общіе юбилейные очерки.

Въ жизни русской женщины вообще нельзя не отмѣтить трехъ періодовъ довольно рѣзко различающихся между собою: *языческій* съ его богатырскимъ эпосомъ, въ которомъ женщина не уступаетъ мужчинѣ въ силѣ, ловкости и независимости; *христіанскій*—когда, подъ вліяніемъ византійской аскетической словесности и отрицательнаго взгляда на женщину, произошло полное раздѣленіе половъ и замкнутость женщины, чего не допускала простота языческаго быта; третій періодъ—*западного вліянія*, когда въ русскую жизнь и въ жизнь русской женщины проникъ болѣе свободный взглядъ и она вышла изъ своего затвора—терема—на широкое поприще общественной жизни.

Наши первыя историки (Татищевъ, Щербатовъ, Болтинъ) не проходятъ молчаніемъ положенія русской женщины въ разное время въ жизни русскаго народа. Позднѣйшіе историки отводятъ ей также много мѣста. Но особенно подробно коснулся быта русскихъ женщинъ вообще, и быта русскихъ царицъ (въ XVI и XVII вв.) въ

Библиотека "Руниверс"

особенности, И. Е. Забѣлинъ, который даетъ намъ живую и законченную картину женской доли въ царскомъ теремѣ и затворнической жизни русской женщины вообще, сложившейся вполнѣ къ началу XVI в. и вылившейся затѣмъ въ нѣкотораго рода настоящій словесно законодательный памятникъ въ „Домостроѣ“ (приписываемомъ попу Сильвестру, при Иванѣ IV).

Постараемся же передать въ самыхъ краткихъ чертахъ ту обстановку, въ какой жили царицы и царевны русскія начиная съ XVI в.

Глава первая.

Жизнь въ царскомъ теремѣ: моленія, выѣзды, пріемы. Роскошь въ одеждѣ и обстановкѣ. Времяпрепровожденіе и новшества. Смерть и погребеніе царицъ.

I.

По „Домострою“ требовалось: „по вся дни утре, вставъ, Богу помолиться и отпѣти заутреня и часы“, а въ воскресные и праздничные дни, молебенъ и святымъ кажденіе“; вечеромъ повечерница и полунощница, послѣ чего нельзя уже „ни пити, ни ѣсти, ни молвы творити, а ложася спати по три поклона въ землю передъ Богомъ положити“. Въ полночь же, „тайно вставъ, со слезами прилежно Богу помолиться о своемъ согрѣшеніи“. При началѣ всякаго дѣла прежде „святымъ поклониться трижды въ землю и прочитать молитву Достойно“; также надо молиться передъ пищей и послѣ нея. Церковниковъ, нищихъ, странниковъ принять въ свой домъ, накормить и согрѣть; милостыню давать „и въ дому, и въ торгу и на пути“; въ монастыри съ милостынею и съ кормлею приходить; „а въ темницахъ и убогихъ и больныхъ посѣщай и милостыню по силѣ давай“.

Съ этою первою заповѣдью Домостроевской мудрости, молодая царевна, избранная изъ огромнаго числа (1500 для Василія III) русскихъ дѣвушекъ, доставленныхъ „безъ утайки“ со всѣхъ концовъ Московскаго государства въ Москву,—входила въ теремъ царскій. И въ этомъ обычаѣ выбора царской невѣсты видно также вліяніе Византіи. Императрица Ирина подобнымъ же способомъ выбрала невѣсту для своего сына (Константина), съ которымъ вмѣстѣ царствовала. Иванъ IV изъ 2000 дѣвицъ выбралъ сначала 25, потомъ 12 и наконецъ вторую свою жену (Марѳу Собакину), дочь купца новгородскаго.

Библиотека "Руниверс"

Получивъ отъ царя ширинку (платокъ) и кольцо, царская невѣста вводилась торжественно въ царскіе хоромы, гдѣ она до свадьбы оставалась на попеченіи боярынь и постельницъ, въ числѣ которыхъ была и мать, или тетка избранной. Здѣсь совершали обрядъ нареченія *царевною*, возлагая на голову царскій дѣвичій вѣнецъ, иногда давалось и особое царское имя (Марья Хлопова названа была въ честь первой Романовой—Анастасіей) и приказывалось поминать новореченную въ молитвахъ по всѣмъ церквамъ, послѣ чего даже отецъ не смѣлъ иначе называть свою дочь, какъ „великою государынею царицею"; но это не мѣшало, однако, новымъ родственникамъ получать вотчины, возвышаться надъ родовитыми боярами и играть первую роль при царскомъ дворѣ, вызывая зависть и интриги среди бояръ, отъ которыхъ страдала больше всего сама царица. Въ счастливомъ и замкнутомъ ея теремѣ царскомъ, среди раболѣпства и ласкательства, скрывались и ея первые враги, которые самое легкое нездоровье ея облекали въ опасную форму заразной болѣзни, опасной для самого царя. Въ особенности это гибельно отражалось на первыхъ же шагахъ невѣсты царской и сколько примѣровъ было яко бы порчи этихъ послѣднихъ: Марія Собакина, умершая черезъ двѣ недѣли послѣ свадьбы, объявлена была испорченной, будучи еще невѣстой; хорошо извѣстна страшная судьба Маріи Хлоповой, заподозрѣнной въ порчѣ и сосланной въ Сибирь со всей своей семьей, а позже оказавшейся совершенно здоровой и переведенной въ Н.-Новгородъ съ удвоеннымъ содержаніемъ; Евфросинья Всеволожская первая невѣста ц. Алексѣя Михайловича, вслѣдствіе легкаго обморока, объявлена была подверженной падучей болѣзни и сослана съ семьей въ Сибирь, что впрочемъ приписано было проискамъ Бориса Морозова, прочившаго въ царицы одну изъ дочерей Милославскихъ, а на другой онъ женился самъ, чтобы породниться съ царемъ и сохранить свое вліяніе при дворѣ. При выборѣ второй жены ц. Ал. Мих., Наталіи Нарышкиной, найдены были подметныя письма передъ Грановитой палатой, съ наговорами и производилась расправа.

Но и кромѣ этого страха передъ порчей, царицу послѣ брака преслѣдовалъ другой, чуть ли не бо̀льшій страхъ передъ неплодіемъ". Царица должна была дать наслѣдника царю и царству. Если у нея не было дѣтей, или рождались только дѣвочки, которыя съ замужествомъ терялись въ чужихъ родахъ, то царица съ великимъ плачемъ и даже „рыданіемъ до изступленія ума" молилась дома и въ церквахъ, вмѣстѣ съ царемъ предпринимала обѣтныя путешествія по монастырямъ, угодникамъ и чудотворцамъ, расточала богатства нищимъ, украшала св. иконы, дѣлала по монастырямъ вклады для непрестаннаго моленія о

Библиотека "Руниверс"

дарованіи чадъ и т. п. Если молитвы ея не были услышаны и она продолжала оставаться неплодной, то мужъ ее уговаривалъ поступить въ монастырь и женился на другой. Такъ Василій III послѣ 20 лѣтъ супружества, постригъ свою первую жену Соломониду (Сабурову) помимо ея воли. Чтобы помочь бѣдѣ въ такомъ случаѣ царица прибѣгала и къ знахарству, врачами ея были вѣдуны и вѣдьмы; а о Соломонидѣ распустили слухъ, что она вскорѣ послѣ постриженія родила (сына Георгія) и по этому поводу производилось дознаніе. Забѣлинъ называетъ это „первой попыткой поставить самозванца". Такія перипетіи создавала придворная жизнь вообще и жизнь царицы въ частности. Когда же вторая жена Василія III (Елена Глинская) послѣ четырехъ съ лишнимъ лѣтъ странствованій по монастырямъ, родила наконецъ сына Ивана (IV), то радость была неописуема и ученики Пафнутія Боровскаго, моленіямъ котораго приписывалось рожденіе царевича, были воспріемниками, а крестили новорожденнаго у мощей Сергія въ Троицкой лаврѣ.

Войдя въ свой царскій теремъ, царица въ буквальномъ смыслѣ слова скрывалась отъ постороннихъ взоровъ; при встрѣчѣ съ царицей всѣ падали ницъ; даже врачъ не могъ лицезрѣть ее и при входѣ его занавѣшивались окна, а руку при изслѣдованіи пульса окутывали кисіей. Возки (сани) и кареты, въ которыхъ выѣзжала царица въ церкви и монастыри на богомолье, занавѣшивались непроницаемыми тканями и охранялись въ пути многочисленными стражниками. Въ одной народной пѣснѣ дается такая картина царицынаго выѣзда:

Впереди идутъ лапотники, (чистятъ дорогу лопатами)
За лапотниками идутъ метельщики, (метутъ)
За метельщиками идутъ суконники,
Разстилаютъ сукна оданцовыя...

Сами выѣзды совершались часто по ночамъ или раннимъ утромъ; при входѣ въ церковь, царица „ограждена была красными сукнами скрытно" и въ самой церкви стояла за особыми загородками и занавѣсами.

Но, охраняемая такимъ образомъ отъ взоровъ народа, царица все же не могла отказать себѣ въ удовольствіи созерцанія торжественныхъ церковныхъ церемоній, пріемовъ иностранныхъ пословъ, торжественныхъ царскихъ обѣдовъ и одна смотрѣла на эти общественныя собранія „*потаенно*", изъ оконъ Грановитой палаты вмѣстѣ съ семействомъ и другими приближенными боярынями и боярышнями, или изъ особой

Библиотека "Руниверс"

палатки, нарочно для этого устроенной надъ входными дверями той же палаты. Такимъ образомъ общественная жизнь не была скрыта отъ очей царицы, лишь сама она скрывалась отъ очей публики. Если царь, слѣдуя Домострою, не упускалъ ни одного церковнаго служенія, ибо „молитва царя была олицетвореніемъ молитвы самого царства", то царица вслѣдствіе болѣзни своей или болѣзни мужа и дѣтей, по случаю родинъ и т. п. весьма часто не присутствовала на церковныхъ службахъ, равно и царевны. Чаще другихъ церквей царица посѣщала свою домашнюю церковь Вмч. Екатерины, посылавшей облегченіе въ трудныхъ родахъ; на Сѣняхъ въ соборѣ Рождества Богородицы былъ предѣлъ во имя св. Никиты Столпника Переяславскаго, молитвами котораго былъ рожденъ у ц. Ивана Вас. царевичъ Иванъ, храмъ Зачатія св. Анны, на углу Китай-города, эти храмы чаще другихъ посѣщались царицами. Въ болѣзняхъ и скорбяхъ къ нимъ проносились чудотворныя иконы и служились молебны съ водосвятіемъ... Посѣщенія храмовъ и монастырей сопровождались щедрою раздачею милостыни. Но, если царица вообще не присутствовала на торжественныхъ праздничныхъ службахъ, то все же слѣдовала такимъ обрядамъ, какъ церковное освященіе воды (1 авг.), когда самъ царь погружался въ Іордань на Москвѣ рѣкѣ, подъ Симоновымъ монастыремъ и царица также совершала погруженіе въ своемъ с. Рубцевѣ, на прудахъ.

Въ большіе праздники Рождества Христова, на Пасху, по случаю имянинъ царскихъ, рожденія царевичей и царевенъ, у царицы бывали также торжественные пріемы въ Золотой царицыной палатѣ, или въ Столовой и Передней палатахъ; царица сидѣла за особымъ столомъ, а по сторонамъ у стѣнъ палаты, размѣщались приглашенныя; причемъ родная мать, тетка, сестра садились ближе къ царицѣ, затѣмъ шли болѣе важныя боярыни, соблюдавшія тѣ же обычаи мѣстничества, какіе бывали между именитыми боярами у царя; между прочимъ соблюдалось и извѣстное родственное старшинство съ царемъ; такъ за столомъ у царицы Евдокіи (Стрѣшневой) первое мѣсто занимала Ульяна Ѳед. Романова, жена родного дяди царя, Ивана Никитича, а мать самой царицы занимала седьмое мѣсто. Съ приходомъ царя, къ царицѣ приходилъ и патріархъ славить Христа и подносить кресты и дары; вмѣстѣ съ патріархомъ и духовенствомъ царица принимала и бояръ, окольничихъ, стольниковъ и др. А когда царица (напр. 26 марта 1665 г.) по случаю скоро ожидаемаго рожденія царевича (Симеона), не могла самолично совершать пріемъ, то 11-лѣтній царевичъ Алексѣй Ал. замѣнялъ ее въ этомъ случаѣ. У государя стоялъ кравчій, у царицы — кравчая боярыня, прислуживали царицыны стольники изъ

Библиотека "Руниверс"

малолѣтнихъ дѣтей боярскихъ. Въ обыкновенные дни царь, если у него не было пріема, обѣдалъ и ужиналъ вмѣстѣ съ царицею. Отъ царицына стола, какъ и отъ царскаго, также посылались подачки роднымъ, близкимъ, патріарху, митрополитамъ, какъ знакъ особаго вниманія.

Въ иныхъ, исключительныхъ случаяхъ, царица принимала и иноземныхъ пословъ, вселенскихъ патріарховъ и другихъ лицъ царскаго достоинства: Софья Палеологъ принимала венеціанскаго посла (Конторини) и цесарскаго (Юрія Делатора). Елена Васильевна (Глинская), вдова Василія III, принимала Шигъ-Амеву царицу Фатму Салтанъ въ присутствіи маленькаго царевича Ивана, угощала обѣдомъ, подносила подарки. Позже Марья Ильинична (Милославская) принимала (8 янв. 1654 г.) Грузинскую царицу Елену Леонтьевну въ Золотой палатѣ въ присутствіи царя. У царицы, какъ и у царя совершались кромѣ того, не лично впрочемъ, а при посредствѣ лицъ своего придворнаго чина, пріемы повседневные, комнатные—имянинниковъ и имянинницъ среди бояръ думныхъ и близкихъ людей, бившихъ челомъ и подносившихъ *имянинные калачи*; царица въ свою очередь дарила имянинниковъ и спрашивала о здоровьи. Точно также случалось царицѣ принимать и крестьянъ изъ своихъ вотчинъ (с. Рубцова, с. Измайлова и др.), приходившихъ *съ пирогомъ* ударить челомъ...

II.

Одежда царская, по византійскому образцу, заготовлялась въ царскихъ же покояхъ и въ особыхъ дворахъ. *Лѣтникъ* съ длинными рукавами, расшитый золотомъ напоминалъ *сакосъ* первыхъ вѣковъ христіанства; впрочемъ, въ то время и на Западѣ держались подобной же формы женской одежды. Германская императрица Ѳеофанія на одномъ очень древнемъ окладѣ Евангелія (X в.) изображена въ костюмѣ, вполнѣ подобномъ нарядамъ нашихъ царицъ XVI—XVII вв.

Покрой женской одежды, по теремному идеалу, долженъ былъ приближаться къ монастырскому, чтобы ни одной складкой не могла обнаружить формы стана, какъ равно румяна и бѣлила, сурмила, подкрашиваніе глазъ и т. п. скрывали природную бѣлизну и красоту лица. Царская одежда ничѣмъ рѣшительно не отличалась отъ одежды другихъ русскихъ женщинъ по формѣ: на длинную бѣлую полотняную сорочку одѣвалась *красная сорочка* изъ тафты съ длинными (4—6 арш.) рукавами, украшенными въ особенности на плечахъ богатымъ низаньемъ и золотымъ шитьемъ, которая поддерживалась поясомъ и носилась у

Библиотека "Руниверс"

себя дома, а показаться людямъ, особенно мужчинамъ въ такомъ видѣ считалось зазорнымъ. Несчастное убійство Грознымъ своего сына Ивана случилось именно отъ того, что невѣстка показалась на глаза царю въ такомъ нарядѣ, за что царь вспылилъ и ударилъ защищавшаго свою жену сына, а ударъ оказался роковымъ... *Тѣлогрѣя*—распашное платье, застегнутое спереди цѣнными пуговицами, почти до пятокъ, иногда безъ рукавовъ (сарафанъ)—дѣлалась изъ болѣе плотной ткани, парчи, бархата, атласа и т. п., подбивалась тафтой, а зимой мѣхомъ; *шубы*, въ родѣ порфиръ царскихъ, распашныя, подбитыя горностаемъ съ широкимъ ожерельемъ (пелериной), украшеннымъ алмазами и жемчугомъ; верхнее платье *лѣтникъ*, о которомъ говорилось выше; *опашень* для выходовъ лѣтомъ, съ рукавами до подола, обшитаго золотымъ кружевомъ и жемчугомъ, а пуговицы изъ каменьевъ въ золотыхъ гнѣздахъ (оправахъ). Чулки, башмаки, *черевики*, родъ туфель съ острыми загнутыми носками, шитые золотомъ и жемчугомъ съ настолько высокими каблуками, что, по народному выраженію, „подъ пяту—пяту воробей пролетитъ, яйцо прокати“; *ичеты*—сафьяновые чулки и *чоботы*, родъ сапогъ, составляли обувь царицъ и царевенъ. Но самые пышные уборы были для головы. Замужнія женщины, а равно и царицы скрывали свои волоса въ *подубрусникъ*, родъ шапочки, а поверхъ него надѣвался *убрусъ*, родъ полотенца, расшитаго золотомъ и каменьями, и *кика*; эти убрусы составляли вѣнецъ брачной жизни, укрывали всю голову до плечъ, оставляя открытымъ лишь лицо; принадлежностью кики были *рясы*, длинныя нити, изъ низаннаго жемчуга и камней, спускавшіяся по сторонамъ до плечъ. Царевны, какъ и вообще взрослыя дѣвицы, носили волоса открытыми, распущенными по плечамъ, завитыми въ кудри, или заплетенными въ одну и двѣ косы, перевитыя жемчужными нитями, съ лентами и золотыми кистями (косникъ) на концахъ; кудри сдерживались перевязкой, спадавшей отчасти на чело (челка) изъ ленты, унизанной жемчугомъ, или вѣнцомъ (металлическимъ) съ острыми углами, украшеннымъ яхонтами, жемчугомъ и каменьями.

Вотъ какъ описываетъ епископъ Арсеній, присутствовавшій (въ 1589 г.) при пріемѣ патріарха константинопольскаго Іереміи, въ Золотой палатѣ царицы Ирины Ѳедоровны (Годуновой), ея нарядъ: „На головѣ она имѣла ослѣпительнаго блеска корону, которая составлена была искусно изъ драгоцѣнныхъ каменьевъ и жемчугами была раздѣлена на 12 равныхъ башенокъ, по числу 12 апостоловъ... Въ коронѣ находилось множество карбункуловъ, алмазовъ, топазовъ и круглыхъ жемчуговъ (гурмыцкихъ); а кругомъ она была унизана

Библиотека "Руниверс"

большими аметистами и сапфирами. Кромѣ того съ обѣихъ сторонъ ниспадали тройныя длинныя цѣпи (рясы), которыя были составлены изъ столь драгоцѣнныхъ каменьевъ и покрыты круглыми, столь блестящими изумрудами, что ихъ достоинство и цѣнность были выше всякой оцѣнки. Чужестранцы почувствовали въ себѣ родъ *тихаго ужаса* при видѣ такой пышности и великолѣпія. Одежда государыни, рукава которой достигали пальцевъ, была сдѣлана съ рѣдкимъ искусствомъ изъ толстой шелковой матеріи съ многими изящными украшеніями. Она (по краямъ) была искусно усажена драгоцѣнными жемчугами и посреди украшеній блистали превосходные драгоцѣнные каменья и яркіе карбункулы. Сверхъ этой одежды на царицѣ была мантія, другая, съ долгими рукавами, весьма тонкой матеріи, хотя съ виду очень простая и безыскусственная, но, на самомъ дѣлѣ, чрезвычайно дорогая и замѣчательная по множеству сапфировъ, алмазовъ и другихъ драгоцѣнныхъ камней, которыми она была покрыта (по краямъ). Такою же пышностью отличались башмаки, цѣпь (монисто) и діадема (ожерелье) царицы"... Арсеній говоритъ, что если бы у него было и десять языковъ, то онъ все таки не могъ бы разсказать о всѣхъ видѣнныхъ имъ богатствахъ у царицы. „Малѣйшей части этого великолѣпія достаточно было бы для украшенія десяти государей. При пріемѣ находилось и множество женщинъ, служившихъ царицѣ и всѣ онѣ съ головы до ногъ были одѣты въ бѣлое, подобное снѣгу платье безъ всякаго украшенія или убранства, и стояли со скрещенными на груди руками, потупивъ глаза".

„Сводъ самой палаты, въ которую отворялась золотая дверь, казалось, былъ облитъ золотомъ, украшенъ драгоцѣнными изображеніями и сдѣланъ до того искуснымъ образомъ, что въ немъ былъ какой-то чудный отголосокъ (тихія въ немъ звонко отзывались слова)... Среди другихъ внутреннихъ украшеній (деревья, виноградныя кисти, птицы), посреди свода находился левъ, который въ пасти держалъ кольцомъ свитаго змѣя, отъ котораго спускались внизъ многіе художественно сдѣланные и богато украшенные подсвѣчники". Стѣны кругомъ украшены были драгоцѣнною мусіею съ изображеніемъ дѣяній святыхъ и ликовъ ангельскихъ, мучениковъ, іерарховъ, а надъ великолѣпнымъ престоломъ (мѣстомъ царицы) „ярко горѣла каменьями драгими" большая икона Пречистой Дѣвы съ Предвѣчнымъ младенцемъ на рукахъ и вокругъ ея лика св. угодники, въ золотыхъ вѣнцахъ, „по коимъ разсыпаны жемчугъ, яхонты и сапфиры. Полъ былъ устланъ персидскими коврами, тканными шелкомъ и золотомъ, на которыхъ искусно были изображены охотники и звѣри всякаго рода". Тутъ же

Библиотека "Руниверс"

выступалъ величавый бояринъ (Дмитрій Ивановичъ Годуновъ), прося патріарха Іеремію молиться о здравіи царя и царицы и о ихъ *чадородіи*. Патріарху поднесена была царицею золотая чаша, украшенная агатами и въ ней 6000 жемчужинъ. Кромѣ того царица просила благословить служащихъ ей женщинъ, изъ которыхъ каждая подносила по ширинкѣ (платку) золотомъ расшитой (Забѣлинъ).

Это описаніе даетъ намъ живую картину царской обстановки въ торжественныхъ случаяхъ. Теперь остается пройти въ теремъ царицы и посмотрѣть, какъ она проводила свои дни въ обыкновенное, непраздничное время.—

III.

Если царь почему-либо отсутствовалъ, то съ утра присылалъ справиться о здоровьи царицы черезъ людей близкихъ и боярынь, затѣмъ самъ приходилъ здороваться, и если царица не могла по нездоровью или другимъ причинамъ быть въ церкви, то онъ одинъ шелъ слушать церковную службу. Все утро до обѣда у царицы посвящалось различнымъ занятіямъ, главнымъ образомъ рукодѣліямъ, заготовленію различныхъ женскихъ нарядовъ, а равно и одежды царской. Царицына свѣтлица представляла обширное рукодѣльное заведеніе, съ запасомъ „крояльныхъ“ (съ выкройками) книгъ: царица сама осматривала и выбирала узоры, легкія дорогія ткани, шелка, золото, серебро, жемчугъ, камни самоцвѣтные и т. п. Она сама нерѣдко по обѣщанію вышивала утварь для церквей и монастырей, а также кое-что изъ платья государю и дѣтямъ,—воротники, ширинки, полотенца и т. п. Всѣ эти принадлежности одежды и всякія украшенія хранились тутъ же въ палатахъ, въ особыхъ сундукахъ „кипарисныхъ“, окованыхъ бѣлымъ желѣзомъ, въ коробьяхъ ясеневыхъ новгородскихъ, въ ларцахъ, шкатулкахъ, обтянутыхъ бархатомъ и т. д. Царица была полная хозяйка—домодержица, она, а равно и царевны вникали въ придворное и вотчинное хозяйство, такъ въ с. Рубцовѣ, старинной вотчинѣ Романовыхъ, перешедшемъ отъ инокини Марѳы къ царевнѣ Иринѣ Михайловнѣ, заводились по ея распоряженію пруды и сады; первые фрукты изъ послѣднихъ посылались любимымъ лицамъ. Царица разбирала и читала челобитныя, поданныя на ея имя, на которыхъ дьякъ ставилъ помѣту и выдавались пособія денежныя: гривна, алтынъ, полтина, иногда рубль. На царицѣ же лежала забота о ея домочадцахъ: малыхъ воспитать, дѣвицъ выдать замужъ, молодцевъ поженить, причемъ она сама производила смотрины невѣстѣ и готовила свадебный нарядъ; жениху же смотръ

Библиотека "Руниверс"

совершался *потаенно*, т. е. такъ, что онъ не видѣлъ самой царицы, а лишь она его. Кромѣ того царицѣ часто приходилось крестить иновѣрокъ (татарокъ, калмычекъ, нѣмокъ и евреекъ), которыя получали платье, деньги и часто вмѣстѣ съ другими сиротами воспитывались во дворцѣ, а потомъ выдавались замужъ. Еще болѣе заботъ представляли для царицы ея родственницы, такъ называемыя „*верховныя боярышни*", состоявшія при малолѣтнихъ царевнахъ для игръ и забавъ. Затѣмъ ихъ выдавали замужъ, снабжая приданымъ и вотчинами...

Отбывъ торжественные обѣды и пріемы, вечера, особенно длинные осенніе, посвящались разнаго рода увеселеніямъ. Хотя церковь и Домострой и порицали всякія мірскія удовольствія: пустошныя бесѣды, смѣхотворенія, плясанія, скаканія, гудѣнія, пѣсни бѣсовскія и т. п. забавы, считая ихъ грѣхомъ и сѣтями дьявола; всякій радостный порывъ, даже поэтическое вдохновеніе надо было подавить въ себѣ, пребывая въ молитвѣ и молчаніи. Но, если и по монастырямъ люди, ушедшіе отъ всѣхъ соблазновъ міра, часто нарушали свои обѣты, то въ теремѣ царскомъ, такъ или иначе соприкасавшемся съ міромъ реальнымъ, по неволѣ поддавались соблюденію установившихся обычаевъ сѣдой старины; а природное влеченіе къ красотѣ и поэзіи било наружу и жизнерадостное настроеніе брало верхъ надъ молчаніемъ и молитвою. Въ Переднихъ Сѣняхъ была устроена для царицы (Евдокіи) качель—самое старинное развлеченіе—обитая червчатымъ бархатомъ поверхъ сукна, а для царевны Анны Михайловны даже веревки обшиты были бархатомъ; зимою особенно на масляницѣ устраивались ледяныя, „скатныя" горы и происходило катанье на оленяхъ, которыхъ самоѣды пригоняли въ Москву для потѣхъ царскихъ. При дворѣ царицы содержались *игрицы*, исполнявшія народныя игры и хороводы, а также *домрачеи*—слѣпые игрецы, которые подъ звуки *домры* (подобіе гитары) воспѣвали „старины и былины", и народныя пѣсни. А такъ какъ народная пѣсня чутко относилась и къ современнымъ событіямъ, то въ ней часто воспѣвались и животрепещущія событія дня: дѣянія царя Грознаго, пріѣздъ Филарета изъ польскаго плѣна въ Москву, смерть Скопина-Шуйскаго, участь Ксеніи Годуновой и т. п. *Бахарки*—сказочницы занимали царицу и царевенъ сказками, особенно на сонъ грядущій; а верховныя богомолки разсказывали о своихъ странствованіяхъ по святымъ мѣстамъ. По записямъ придворнымъ видно, что покупались для царицы и карты, которыя очевидно также служили развлеченіемъ для царскаго терема.

Библиотека "Руниверс"

Историческая литература Византіи ознакомила царскій теремъ и съ иною жизнью царицъ, а Софья Палеологъ, раздвинувъ и разукрасивъ теремъ, внесла и иной обиходъ въ отношенія подданныхъ къ своимъ государямъ и государынямъ. Разсказы иностранныхъ пословъ объ иномъ житьѣ королевъ и императрицъ на Западѣ, а позже разсказы о томъ же своихъ русскихъ пословъ, побывавшихъ въ Польшѣ и во многихъ государствахъ Западной Европы, наконецъ образецъ иного житья-бытья иностранцевъ, постепенно населявшихъ Нѣмецкую слободу подъ самой Москвой—все это не могло не вліять на умы русскихъ людей, а въ частности на складъ понятій царицъ и царевенъ, вызывая болѣе смѣлыя отступленія отъ установившихся требованій Домостроя. Соблюдая съ одной стороны эти требованія, царскій дворецъ нерѣдко уклонялся отъ него, и откликаясь на запросы мірской жизни, отдавался забавамъ и утѣхамъ стараго времени, для чего существовала даже особая „Потѣшная“ палата. Во дворцѣ играютъ въ шашки, карты, шахматы; изъ дворца раздавались звуки органные и еще Иванъ III выписывалъ изъ за границы органнаго игреца. Горсей привезъ царю Ѳедору клавикорды и музыкантовъ на нихъ и толпа стекалась ко двору, чтобы ихъ послушать... Въ памяти жили и древніе пиры Владиміра Красное Солнышко, съ его чарами въ полтора ведра, когда силкомъ заставляли гостей не въ мѣру пить пиво, медъ и вина заморскія, добиваясь широкаго веселья. На смѣну этихъ пировъ явились такія же обильныя пиршества у боярства и въ царскихъ хоромахъ, на которыхъ часто напивались до того, что не помнили, какъ и домой вернулись, и такой пиръ считался наилучшимъ... Домострой говорилъ: „не реку не пити: не буди то! Но реку не упиватися въ пьянство злое“. Церковь и поученія хотя и допускали питіе, „законно, и въ славу Божію, яко на веселіе намъ Богъ далъ“, но „да не упивайтеся въ пьянство“ позже... Такое чрезмѣрное опьяненіе не чуждо было и царскому терему, гдѣ для развлеченія, какъ и при царскомъ дворцѣ, держались шутихи, карлицы, дурки, арапки, слѣпыя и всякаго рода уроды. А придворные эти были весьма многочисленны: верхнія боярыни, у каждой царевны свои мамы, казначеи, мастерицы, учительницы малолѣтнихъ царевенъ грамотѣ, псаломщицы, постельницы и т. п.; а изъ мужскаго чину: дворецкій, при немъ приказный дьякъ—писецъ царицы, стольники изъ дѣтей боярскихъ и т. п.—все это созерцало и раздѣляло потѣхи царскаго терема.

Въ такой обстановкѣ и при такихъ условіяхъ протекала жизнь царицы и царевенъ, пока не наступалъ конецъ, т. е. смерть, въ которой нерѣдко также искали причинъ отъ порчи и отравы. Похороны

Библиотека "Руниверс"

царицъ совершались съ тѣмъ же церемоніаломъ, какъ и царей, при чемъ на панихидахъ во дворцѣ могли присутствовать и царевны, но на похоронной церемоніи могли слѣдовать за гробомъ лишь царь и царевичъ-наслѣдникъ; гробъ сопровождали до самого Вознесенскаго монастыря—этой усыпальницы московскихъ княгинь: 38 гробницъ его вмѣщаютъ въ себѣ прахъ царственныхъ особъ женскаго пола. Построеніе этого монастыря приписывается благочестивой Евдокіи, женѣ Донского, въ иночествѣ Ефросиньи. По умершей царицѣ служились панихиды—справлялись третины, девятины, сорочины (40-й день), и еще вторыя сорочины и въ другіе поминальные и праздничные дни—то патріархомъ, то митрополитами, епископами и другими лицами изъ духовенства, которые получали за это большія суммы и присутствовали на поминальныхъ обѣдахъ; въ Панихидной и Сборной палатѣ, въ эти же дни панихидъ совершалось кормленіе нищихъ (иногда до 100) и раздача имъ милостыни; такая же милостыня раздавалась по тюрьмамъ, заключеннымъ, колодникамъ и въ богадѣльни.

Прослѣдимъ теперь жизнь и дѣятельность женщинъ изъ нынѣ царствующей династіи, царицъ и царевенъ, начиная съ ихъ прабабки Анастасіи Романовой, первой жены царя Ивана IV.

Глава вторая.

Прабабка Анастасія Романова и первые годы ея супружеской жизни. Переломъ въ характерѣ царя Ивана IV, печально отразившійся на царицѣ Анастасіи и ея преждевременная смерть.

I.

13 декабря 1546 г., когда царю Ивану IV исполнилось 16 лѣтъ, онъ позвалъ къ себѣ митрополита и объявилъ, что хочетъ жениться. Митрополитъ одобрилъ рѣшеніе юнаго царя и тотчасъ же разосланы были грамоты о сборѣ дѣвицъ для выбора царской невѣсты: „когда къ вамъ эта наша грамота придетъ, и у которыхъ изъ васъ будутъ дочери дѣвки, то вы бы съ ними сейчасъ же ѣхали въ городъ къ нашимъ намѣстникамъ на смотръ, а дочерей дѣвокъ у себя ни подъ какимъ видомъ не таили бы. Кто же изъ васъ дочь дѣвку утаитъ и къ намѣстникамъ нашимъ не повезетъ, тому отъ меня быть въ великой опалѣ и казни“ (Соловьевъ). Красота, дородность, хорошій цвѣтъ лица, подобающій ростъ, для чего давалась и мѣрка,—были главными требованіями при выборѣ царской невѣсты намѣстниками. Иванъ IV выбралъ себѣ въ

Библиотека "Руниверс"

супруги дѣвушку изъ древняго московскаго боярскаго рода, Анастасію Романову.

Еще при дворѣ Ивана Калиты выдвигается Андрей Ивановичъ (Кобыла), сынъ, по сказанію, вышедшаго изъ Пруссіи (отъ литовъ) латышскаго вельможи Глянды Давидовича Камбила, пріѣхавшаго въ Россію въ 1280 г. и въ крещеніи получившаго имя Іоанна. Внукъ его, сынъ Андрея, Ѳедоръ Романовъ (Кошка) былъ воеводой при Димитріи Донскомъ; дочь его была замужемъ за тверскимъ княземъ Ѳедоромъ (Рюриковичемъ), а изъ пяти сыновей Иванъ пользовался вліяніемъ при Василіи I; сынъ Ивана Захарій (отъ него пошелъ родъ Захарьиныхъ) былъ воеводою при Василіи Темномъ, а сынъ Захарія Юрій (отъ него родъ Юрьевыхъ) былъ также воеводою при Иванѣ III. Изъ сыновей Юрія болѣе извѣстны два: Михаилъ близко стоявшій къ Василію III и Романъ (отъ него родъ Романовыхъ), служившій окольничимъ и воеводою при Иванѣ IV; о третьемъ братѣ ихъ Григоріи нѣтъ указаній. Сыновья Романа Даніилъ, дворецкій царскій, и Никита также служили при дворѣ царя Ивана IV. Никита заслужилъ особое расположеніе народа за его доброе вліяніе на царя, ибо онъ умѣлъ смягчать его гнѣвъ и уравновѣшивать его необузданный нравъ. Кроткая же дочь Романа, Анастасія, избранная невѣста 16-лѣтняго царя и сама вѣроятно не будучи его старше, проживала съ матерью Ульяной Ѳедоровной Захарьиной-Кошкиной, подъ опекой дяди своего Михаила. Отца ея, Романа Юрьевича, въ это время уже не было въ живыхъ.

16 января 1547 г. Иванъ вѣнчался на царство, при чемъ самъ возложилъ, по обычаю византійскихъ царей, себѣ на голову царскую корону. 3 же февраля того же года состоялась уже царская свадьба. Современники приписывали Анастасіи всѣ женскія добродѣтели: цѣломудріе, смиреніе, набожность, чувствительность, благость, соединенныя съ умомъ основательнымъ (Карамзинъ). Воспитанная безъ отца въ тиши и уединеніи, Анастасія перенесенная волею судебъ въ дворецъ царскій, оставалась вѣрной скромной жизни и древнимъ обычаямъ благочестія. Сохраненіе этихъ качествъ цѣнилось тѣмъ болѣе, что ей приходилось жить бокъ о бокъ съ пылкимъ, необузданнымъ супругомъ, съ гордостью возносившимъ себя какъ вѣнчаннаго царя надъ всѣми окружающими, непрестанно проявлявшаго своеволіе и часто кипѣвшаго гнѣвомъ... Свадебныя торжества, по случаю которыхъ юный царь сыпалъ милости на богатыхъ, а царица питала нищихъ, продолжались недолго. 12 апрѣля вспыхнулъ сильный пожаръ Москвы, 20 апрѣля—другой; 3 іюня упалъ большой колоколъ—благовѣстникъ; 21 новый

Библиотека "Руниверс"

страшный пожаръ, при чемъ горѣли церкви, оружейная палата и погибло множество людей (1700 чел.). Царь съ женою и братомъ (Юріемъ) уѣхали на Воробьевы горы. И оттуда изъ оконъ дворца своего, по свойственному его натурѣ художественному чутью, онъ любовался великолѣпной картиной пожара и тѣмъ потокомъ огня, который, освѣщая обширный небосклонъ рисовалъ передъ нимъ всю Москву, какъ на ладони. Царица же въ это самое время молилась... Нѣсколько отрезвляющихъ словъ попа Сильвестра, сумѣвшаго выставить яркую картину всѣхъ бѣдствій пожара для народа и царства, заставили царя опомниться и въ его юной воспріимчивой душѣ совершился вдругъ тотъ переломъ къ лучшему, благодаря которому нѣсколько слѣдовавшихъ за этимъ событіемъ лѣтъ правленія Ивана IV становятся благодѣтельными для Московскаго государства.

Первые два года у юныхъ супруговъ не было дѣтей и они, по примѣру отцовъ, стали усердно молиться о своемъ неплодіи: царь совершаетъ обѣтное путешествіе съ царицей пѣшкомъ къ Троицѣ (21 іюня 1548 г.), а нѣкоторое время спустя (14 сент.) царица одна совершаетъ туда-же новое богомолье, а царь слѣдуетъ за нею. Черезъ годъ послѣ этого (10 авг. 1549 г.) у царицы родилась дочь Анна; въ честь этого радостнаго событія заложенъ былъ обѣтный храмъ во имя Іоакима и Анны, гдѣ и крестили новорожденную царевну. Но эта послѣдняя черезъ годъ скончалась, какъ равно и вторая дочь, Марья, родившаяся 17 марта 1551 г. и умершая въ младенчествѣ. Только третій ребенокъ, родившійся въ 1552 г. былъ наконецъ давно желаннымъ наслѣдникомъ, о рожденіи котораго царь узналъ на возвратномъ пути съ удачнаго Казанскаго похода. Сравнивая свою побѣду съ побѣдой надъ Мамаемъ, царь назвалъ сына въ память прародителя Донского, Димитріемъ. Его возили крестить въ Троицкій монастырь, у гроба преподобнаго Сергія.

II.

Вскорѣ по возвращеніи съ Казанскаго похода царь опасно заболѣлъ и когда ослабѣлъ настолько, что не могъ ни двинуться, ни вымолвить слова, вокругъ одра казавшагося умирающимъ царя, собрались придворные и затѣяли споръ о передачѣ престола двоюродному брату царя, Владиміру Андреевичу, вполнѣ взрослому и самостоятельному правителю, помимо еще младенца, сына Иванова Дмитрія, что́ влекло за собою временное правленіе его матери, Анастасіи, и могло бы вызвать тѣ же интриги и бѣдствія, какія были въ правле-

Библиотека "Руниверс"

ніе Елены Глинской во время малолѣтства самого Ивана. Даже повидимому самые близкіе къ царю люди, Сильвестръ и Адашевъ стояли за передачу правленія Владиміру Андреевичу. Но царь не умеръ и, выздоровѣвъ, затаилъ злобу противъ боярства вообще и тѣхъ лицъ въ особенности, которые шли противъ его прямого наслѣдника, Дмитрія, и его жены Анастасіи. Онъ увидѣлъ въ этомъ явную измѣну его царскому роду и особенно возсталъ на защиту Анастасіи. Въ своихъ отвѣтныхъ посланіяхъ къ Курбскому, 18 лѣтъ спустя послѣ смерти Анастасіи, Иванъ писалъ: „Зачѣмъ вы разлучили меня съ моей женой? только бы у меня не отняли юницы моей, кровавыхъ жертвъ (боярскихъ казней) не было бы". Вообще въ обращеніи съ женой Иванъ IV обнаруживаетъ теплоту и нѣжность. Уходя въ походъ подъ Казань, онъ разрѣшаетъ ей миловать опальныхъ и „давать свободу заключеннымъ". Анастасія же плачетъ при разставаніи съ супругомъ. Первую свою жену Иванъ IV любилъ какой то особенно чувствительной любовью.

Тотчасъ по выздоровленіи, царь выполняетъ прежде всего данный въ болѣзни обѣтъ и весной ѣдетъ съ женой и младенцемъ Дмитріемъ въ Кирилловъ Бѣлозерскій монастырь молиться по случаю выздоровленія. На возвратномъ пути оттуда къ великой горести родителей царевичъ Дмитрій скончался (въ іюнѣ 1553 г.) 9-ти мѣсяцевъ отъ роду. По нѣкоторымъ даннымъ онъ утонулъ при переправѣ.

Тогда снова начались путешествія по монастырямъ и угодникамъ (Леонтію въ Ростовъ, Никитѣ въ Переяславль), съ мольбою о дарованіи чадъ, причемъ эти обѣтныя путешествія сопровождались щедрою раздачею даровъ и милостыни. 28 марта 1554 г. родился царевичъ Иванъ, позже царевна Евдокія и еще царевичъ Ѳедоръ (11 мая 1557 г.); но царевна на третьемъ году скончалась, оба же царевича достигли возмужалаго возраста; извѣстна, впрочемъ, трагическая смерть царевича Ивана отъ руки отца; оставался лишь слабоумный и слабодушный „постникъ и молчальникъ" Ѳедоръ, съ которымъ и прекратилась династія Рюриковичей (1598 г.).

Послѣ рожденія шестого своего ребенка, царевича Ѳедора, царица Анастасія стала хворать все чаще и чаще, быть можетъ подъ вліяніемъ тяжелой атмосферы придворныхъ интригъ и вражды къ ея родственникамъ Захарьинымъ-Юрьевымъ, и перемѣны въ характерѣ самого Ивана;—его ожесточеніе противъ бояръ и начавшіяся ссылки и казни не могли не отразиться на кроткой и незлобивой природѣ

Библиотека "Руниверс"

царицы. Приверженцы и совѣтники Сильверстра недолюбливали Анастасію, сравнивали ее съ Евдокіею, женой византійскаго императора Аркадія, гонительницею Златоустаго, олицетворяя послѣдняго съ Сильвестромъ; Курбскій въ своихъ письмахъ къ царю, далеко не лестно отзывается о братьяхъ царицы, которые, въ случаѣ смерти царя, конечно, захватятъ въ свои руки власть. Иванъ IV говорилъ защитникамъ царевича и Анастасіи: „не дайте боярамъ сына моего извести, но бѣгите съ нимъ въ чужую землю, куда Богъ вамъ укажетъ“, а Захарьиныхъ онъ умолялъ положить головы свои прежде, чемъ дать жену его въ поруганіе боярамъ (Соловьевъ). По заявленію царя, во время обратнаго пути съ больною Анастасіею изъ Можайска (въ ноябрѣ 1559 г.), она „за одно малое слово“ съ ея стороны явилась имъ (Сильвестру и его совѣтникамъ) неугодною;—„за одно маловатое слово ея, писалъ онъ Курбскому, они разсердились... и воздвигли сильную ненависть на нее, уподобляя ее всѣмъ нечестивымъ царицамъ“...

Царю въ это время было уже 28 лѣтъ, его смущали, раздражали и сердили безпрестанныя угрозы: „кричатъ мнѣ, что душа то моя погибнетъ, царство то разорится“, говоритъ Иванъ, намекая на Сильвестра. „Заболѣю-ли я, или царица или дѣти—все это по вашимъ (Сильвестра и его совѣтниковъ) словамъ было наказаніе Божіе за наше непослушаніе вамъ“, говоритъ Иванъ въ другомъ мѣстѣ своихъ посланій къ Курбскому. Весной 1560 г. удаляется въ почетную ссылку, воеводою въ Ливонію, Адашевъ, а вскорѣ затѣмъ сначала добровольно уходитъ, а потомъ ссылается и Сильвестръ; такимъ образомъ недоброжелатели Анастасіи и ея родственниковъ не смущаютъ болѣе ея души. Но уже въ іюлѣ 1560 г. царица занемогла тяжкою болѣзнью, усиленною вдобавокъ испугомъ. Загорѣлся Арбатъ, тучи дыма неслись прямо на Кремль и всѣ усилія потушить пожаръ казались напрасными. Испуганную и больную царицу поспѣшно вывезли въ с. Коломенское; отъ страха и сильной тревоги ей стало хуже. Медики не могли ей помочь и 7-го августа 1560 г. въ 5 ч дня она скончалась.

Анастасія какъ бы унесла съ собою въ могилу лучшіе порывы души Ивана, вокругъ котораго образовалась пустота: прежніе уважаемые и любимые совѣтники удалились, къ новымъ людямъ, его окружавшимъ, не было уваженія и привязанности, нѣжно любимой жены не стало и царь весь отдался своимъ природнымъ страстямъ. Позже передъ соборомъ, въ покаянной рѣчи своей, прося разрѣшенія вступить въ четвертый бракъ, Иванъ IV говоритъ объ Анастасіи что прожилъ съ нею *любовно* тринадцать съ половиною лѣтъ; но, „вражіимъ

Библиотека "Руниверс"

навѣтомъ и злыхъ людей чародѣйствомъ и отравами царицу Анастасію извели". Хотя смерть и второй жены Ивана (Маріи черкешенки Темрюковой) и третьей (Марѳы Собакиной) онъ также объяснялъ отравой и такое объясненіе было обычнымъ, какъ мы говорили выше, въ обстановкѣ и въ условіяхъ жизни царскаго терема. Обычнымъ было и то, когда царь четвертую свою жену (Анну Колтовскую) черезъ три года послѣ брака заключилъ въ монастырь. Но насильственная смерть на второй день послѣ брака, пятой жены Грознаго (Марьи Долгоруковой), которую велѣно было „затиснуть въ колымагу, повезти на бѣшеныхъ коняхъ и опрокинуть въ воду" (Мордовцевъ)—превосходила уже всѣ суровости домостроевскаго быта и приводила въ ужасъ современниковъ.

Возвращаясь къ оцѣнкѣ личности Анастасіи Романовой, надо замѣтить, что хотя бояре и другіе лица, близкіе съ Сильвестру и переносили на нее нелюбовь свою къ ея родственникамъ, имѣвшимъ большое подчасъ вліяніе на царя, но особой злобы къ ней лично не питали и лѣтописецъ хвалитъ ее, говоря: „предобрая Анастасія наставляла и приводила Іоанна на всякія добродѣтели". Когда она умерла не одинъ дворъ, а вся Москва погребала свою первую любезнѣйшую царицу. Когда несли ея тѣло въ Дѣвичій Вознесенскій монастырь, народъ не давалъ пути ни духовенству, ни вельможамъ, тѣснясь на улицахъ ко гробу. Всѣ плакали и всѣхъ неутѣшнѣе бѣдные, нищіе называли Анастасію именемъ матери. Они не принимали даже раздаваемой имъ обычной милостыни, „чуждаясь всякой отрады въ сей день печали". Царя за гробомъ вели подъ руки, онъ стоналъ и рвался: „одинъ митрополитъ, самъ обливаясь слезами, дерзалъ напомнить ему о твердости христіанина"... „Со смертью Анастасіи, Іоаннъ лишился не только супруги, но и добродѣтелей", замѣчаетъ Карамзинъ.

Эта общая скорбь, эта толпа народа, эти нищіе и убогіе, пришедшіе на погребеніе не для милостыни, все это явно свидѣтельствуетъ намъ, что кроткая и добрая первая русская царица была искренно любима своими подданными и именно этотъ образъ свой „кроткой и доброй царицы" она сохранила въ памяти потомства и въ исторіи. Возможно также, что эта добрая память объ Анастасіи сыграла свою роль и при выборѣ царя изъ ея рода Романовыхъ въ 1613 году.

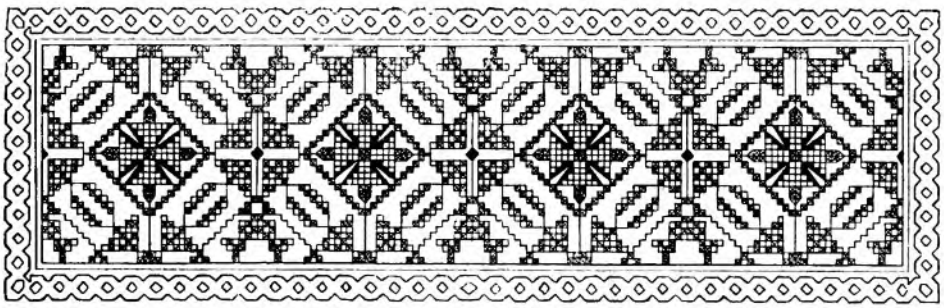
Здѣсь умѣстно будетъ упомянуть и о родной племянницѣ царицы Анастасіи, Анастасіи Никитишнѣ Романовой, на попеченіи которой отданъ былъ отнятый у родителей, постриженныхъ силою при Борисѣ Го-

Библиотека "Руниверс"

дуновѣ въ монашество, пятилѣтній въ то время Михаилъ Ѳеодоровичъ, причемъ тетка съ племянникомъ и родною сестрою Марѳою Никитишной Черкасскою отправлены на Бѣлоозеро и вернулись въ Москву вѣроятно лишь съ воцареніемъ Димитрія Самозванца, возвративъ Михаила матери, инокинѣ Марѳѣ Іоанновнѣ. Обѣ племянницы погребены въ Новоспасскомъ монастырѣ въ Москвѣ, гдѣ покоится прахъ ихъ дѣда и отца и многихъ близкихъ изъ ихъ рода.

А. Иконникова.

Библиотека "Руниверс"



ПЕРЕПИСКА А. А. НЕВЕРОВСКАГО

Краткая біографія А. А. Неверовскаго*).

Александръ Андреевичъ Неверовскій (или, какъ пишутъ нѣкоторые члены этой семьи,—Невѣровскія) уроженецъ Черниговской губерніи, (гнѣздо всѣхъ Неверовскихъ) былъ родной племянникъ героя двѣнадцатаго года, отличался обширнымъ умомъ, разностороннимъ образованіемъ, неподкупною честностью и рѣдкимъ административнымъ талантомъ. Родился въ 1815 г., воспитывался во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ и вышелъ въ л.-гв. литовскій полкъ. Отецъ его, бывшій одно время Кіевскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства и владѣльцемъ многихъ домовъ въ Кіевѣ, лишился большей части своего имущества, вслѣдствіе страшнаго пожара, уничтожившаго часть города въ концѣ двадцатыхъ или тридцатыхъ годовъ прошлого столѣтія. Вскорѣ послѣ этого онъ скончался, оставивъ послѣ себя вдову, тринадцать душъ дѣтей при небольшомъ состояніи; такъ что Александру Андреевичу пришлось заботиться не только о себѣ, но отчасти и о семьѣ своей. Въ 1839 г. кончилъ онъ Академію Генеральнаго штаба, въ 47 году перешелъ въ министерство Государственныхъ имуществъ, въ 49 г. ревизовалъ межевыя работы во всѣхъ восточныхъ губерніяхъ Россіи и въ 54—57 гг. служилъ на Кавказѣ. Былъ сначала начальникомъ штаба въ Прибалтійскомъ краѣ, во время войны съ турками перешелъ въ Александрополь начальникомъ штаба дѣйствующаго корпуса подъ командою князя Бебутова въ азіатской Турціи и за блестящую одержанную побѣду при Кюрюкъ-Дарѣ, произведенъ въ генералъ-маіоры. Въ той же должности принималъ участіе при штурмѣ и сдачѣ Карса въ 1855 г., но вслѣдствіе расшатаннаго непереносящаго климатъ Кавказа здоровья, долженъ былъ по совѣту врачей избрать болѣе сѣверное мѣсто пребы-

*) Составлена дочерью А. А. баронессой Клейстъ.

Библиотека "Руниверс"

ванія и вернулся въ Петербургъ, гдѣ и занялъ должность директора лѣсного департамента, въ коей и пребывалъ до начала 64 года. Но быстро развивающаяся болѣзнь сердца заставила его подать въ отставку и по совѣту врача Боткина отправиться весною 1864 г. за границу для излѣченія неизлѣчимой болѣзни; скончался въ Швейцаріи въ городѣ Лозаннѣ, гдѣ и похороненъ.

Нѣсколько мѣсяцевъ до кончины своей, Александръ Андреевичъ былъ назначенъ членомъ министерства государственныхъ имуществъ, въ должности директора лѣсного департамента, былъ произведенъ въ генералъ лейтенанты и за приведеніе въ блестящій порядокъ дѣлъ по лѣсному вѣдомству и сбереженіе большой суммы денегъ умѣніемъ управлять и сокращать лишнія траты, награжденъ тремя тысячами десятинъ въ Самарской губерніи.

Александръ Андреевичъ былъ женатъ на родной племянницѣ министра финансовъ графа Канкрина, по первому мужу Стрижевской и урожденной баронессѣ Шлюттеръ и съ этой рѣдко умной, сердечной женщиною, прожилъ девятнадцать лѣтъ необыкновенно счастливаго супружества и въ домѣ ихъ царилъ совершенно патріархальный образъ жизни. Но не только жена и дѣти боготворили и глубоко уважали его; всѣ товарищи, сослуживцы, даже подчиненные раздѣляли эти чувства и горячо, искренно оплакивали смерть Неверовскаго, скончавшагося на 49 году жизни. Александръ Андреевичъ прекрасно владѣлъ перомъ, сотрудничалъ въ нѣкоторыхъ журналахъ, преимущественно въ Военномъ Сборникѣ и между прочимъ издалъ: *Краткій взглядъ на Дагестанъ*, отдѣльной книгой въ 1847 г. и посвященной женѣ. Книги этой въ продажѣ не найти, развѣ только у букинистовъ.

Письма А. А. Неверовскаго къ женѣ его.

4-го Іюня 1849. Варшава.

Изъ предыдущаго моего письма милая и дорогая моя Машенька, ты уже знаешь, что меня въ Вѣну, куда Циммерманъ отправился одинъ, не посылаютъ, а я прикомандированъ на все время пребыванія Государя въ Варшавѣ къ графу Адлербергу, и можетъ быть позже, послѣ отъѣзда Его Величества, меня пошлютъ въ Вѣну. Работы будетъ много, но ты знаешь, что я ее не страшусь; напротивъ,—и, можетъ быть, что и на мою долю выпадетъ счастіе быть представленнымъ Государю.

Библиотека "Руниверс"

Какъ я уже тебѣ писалъ, путешествіе мое вышло не особенно удачно, въ виду поломки тарантаса; пришлося ѣхать на перекладныхъ, что не было особенно пріятно и кромѣ того, мой человѣкъ такой нерасторопный посолъ, что растерялъ половину моихъ вещей, да кромѣ того, куря, поджогъ шинель и чуть не сгорѣлъ.—Ты спрашиваешь какое впечатлѣніе произвела на меня Варшава. Городъ совершенно европейскій, встрѣчаются прекрасныя зданія, очень изящны особняки магнатовъ здѣшнихъ, въ народѣ ихъ называютъ палацами (palais). Лазенки, мѣстопребываніе Государя, прелестный дворецъ и паркъ, но улицы довольно узкія, большею частью извилистыя и, что меня страшно поражаетъ, это недостатокъ канализаціи. Все льютъ и выливаютъ на улицы, что дѣлаетъ порою проходъ очень затруднительнымъ.

Скучаю по тебѣ и дѣтямъ безмѣрно, но по словамъ Ливена придется здѣсь, кажется, долго сидѣть и, не бывши знакомъ со здѣшнимъ обществомъ, чувствую и испытываю большое одиночество и еще болѣе тянетъ въ Петербургъ,—къ тебѣ, къ дѣтишкамъ и въ наше уютное гнѣздышко. Кромѣ того я съ ничѣмъ не знакомъ, у поляковъ есть одна меня въ высшей степени отталкивающаяся черта характера: страшное подобострастіе къ вышепоставленнымъ и непомѣрное высокомѣріе къ подчиненнымъ.

Пишу такъ такъ обстоятельно и подробно, потому что въ отсутствіе Государя не такъ заваленъ дѣлами и могъ улучить свободный часокъ поболтать съ тобою, мой единственный и вѣрный другъ.

Горячо, пламенно цѣлую тебя и дѣтей.

Весь твой

Александръ.

18-го Іюня 1849. Варшава.

Не могу тебѣ сказать, милая Машенька, до какой степени я утомленъ, усталъ—и только моя глубокая привязанность къ тебѣ и желаніе поболтать съ тобою, заставляютъ меня взять перо въ руки.—17 и 16 я работалъ сорокъ четыре часа, такъ что графъ Адлербергъ сжалился надо мною и послалъ меня отдыхать; но не прошло и трехъ часовъ какъ онъ опять послалъ за мною и пришлось проработать двѣнадцать часовъ подъ рядъ, столько накопилось оффиціальныхъ бумагъ. Я занимаюсь то съ Ливенымъ, то съ Адлербергомъ, болѣе съ послѣднимъ и выпадаютъ иной разъ такія тяжелыя дни неотлагательной работы, что

Библиотека "Руниверс"

приходится не покидать канцеляріи тамъ же и обѣдать и пить чай. Въ твоемъ послѣднемъ письмѣ ты жалуешься на брата моего Николая за невозвращеніе въ срокъ на службу? Не суди его слишкомъ строго, мой другъ, будь снисходительна къ нему, ежели онъ задержался въ Кіевѣ у маменьки,—вѣдь онъ ее девятнадцать лѣтъ не видалъ, не мудрено, что ему трудно было разставаться со старушкой.

Но больше не въ силахъ писать.

Крѣпко обнимаю, цѣлую тебя и дѣтей

Весь твой

Александръ.

Даже рука терпитъ отъ многаго писанія. Продолжай писать—Лазенки.

---

16 Августа 1849. Варшава.

Съ трудомъ я урвалъ время, мой добрый и милый другъ, чтобы побесѣдовать заочно съ тобою и отвѣтить на твои три послѣднія письма.—Надѣюсь, что ты меня извинишь за долгое молчаніе, происходящее единственно отъ множества занятій; я скажу прежде всего, что по прежнему люблю тебя страстно, а потомъ поговорю о первомъ нашемъ свиданіи, котораго мы взаимно съ нетерпѣніемъ ожидаемъ.

Увы! Варшава приковала насъ, кажется, къ себѣ еще недѣли на двѣ.—Сперва нашъ выѣздъ отсюда зависѣлъ отъ времени прибытія фельдмаршала, который долженъ пріѣхать въ Варшаву около 20-го числа, а теперь и отъ состоянія здоровья Великаго Князя Михаила Павловича. Его Высочество во время смотра войскъ 12-го Августа, имѣлъ сильный апоплексическій ударъ, отъ котораго у него отнялся языкъ и вся правая сторона.—Великой Княгинѣ Еленѣ Павловнѣ сообщено уже объ этомъ несчастіи, но ..... (нрзб.) она можетъ пріѣхать сюда съ острова Рюгена, гдѣ теперь находится, въ восемь дней, однако Государь полагаетъ возвратиться въ Петербургъ, не ранѣе какъ объяснится положительно участь Великаго Князя. Несмотря на нѣкоторые благопріятные признаки, доктора до сихъ поръ не имѣютъ вѣрныхъ ручательствъ: во первыхъ, будетъ ли онъ жить, во вторыхъ—возвратятся ли его умственныя способности и даръ слова, и наконецъ, въ треть-

Библиотека "Руниверс"

ихъ—будетъ ли онъ владѣть правой рукою и правой ногою. До разъясненія этихъ обстоятельствъ уйдетъ много времени, потому что выздоровленіе въ подобныхъ случаяхъ идетъ весьма медленно.—

Государь неутѣшно плачетъ, и даже, можно сказать, рыдаетъ. Онъ очень часто говоритъ, что со смертью Михаила Павловича, потеряетъ единственнаго друга и товарища и единственнаго брата. Всѣ полагаютъ, что Государь не выѣдетъ изъ Варшавы ранѣе 1-го Сентября, а военно-походная канцелярія семь дней спустя. Слѣдовательно я застану тебя въ городѣ, а не на дачѣ, а между тѣмъ, мнѣ такъ хотѣлось прожить нѣсколько дней въ Новой Деревнѣ, насладиться прогулками съ тобою, моя жизнь, и подышать чистымъ воздухомъ, на свободѣ, послѣ моего тяжелаго здѣсь заточенія. Но что дѣлать! Необходимо покориться обстоятельствамъ, и я тебя прошу душа моя, не увлекаться моимъ желаніемъ, т. е. не оставаться на дачѣ далѣе обыкновеннаго времени.

Бѣдный Ваня![1]) хотя я его, какъ тебѣ извѣстно, не очень жаловалъ за его разныя продѣлки, но неожиданную его смерть я оплакиваю искренно. Страшуся за бѣдную маменьку[2]). Что будетъ съ нею, когда узнаетъ объ этомъ новомъ несчастіи постигшемъ наше семейство. Ты мнѣ говоришь объ ея предчувствіи; да, мой другъ, сердце материнское рѣдко ошибается въ подобныхъ горестныхъ случаяхъ! На ея послѣднее письмо не буду отвѣчать до тѣхъ поръ, пока не узнаю, что братъ Николай сообщилъ уже ей роковую вѣсть.—

Съ Ламбертомъ[3]) я встрѣтился въ Военно-Походной канцеляріи, просилъ непремѣнно передать свой сердечный поклонъ a sa chère et bonne cousine. Валерьянъ[4]) же произведенъ въ полковники за храбрость и съ штабъ-офицерскими погонами онъ не такъ ужъ неуклюжъ.— Мы видѣли только одинъ разъ Лампорисвери. Онъ очень красивъ, довольно высокаго роста, весьма развязенъ и имѣетъ лѣтъ 45. Государь далъ ему только одну аудіенцію, послѣдствія которой намъ неизвѣстны.

---

[1]) Братъ Александра Андреевича, утонувшій при купаньи.

[2]) Мать Ал. Анд. дожившая до глубокой старости, потерявъ мужа и двѣнадцать душъ дѣтей. Въ послѣднее время жила во Фроловскомъ женскомъ монастырѣ въ Кіевѣ, гдѣ постриглась и похоронена подъ именемъ инокини Маровы.

[3]) Графъ Ламбертъ, личный адъютантъ Государя, женатый на двоюродной сестрѣ А. А. Маріи Ивановнѣ Неверовской, графинѣ Ламбертъ, урожденной графини Канкриной, дочери министра графа Канкрина.

[4]) Графъ Валерьянъ Канкринъ, двоюродный братъ Алекс. Андр. по женѣ.

Библиотека "Руниверс"

Въ слѣдующемъ письмѣ надѣюсь написать тебѣ положительно о времени нашего отъѣзда, а теперь скажу тебѣ—до свиданья. Тяжела разлука съ тобою, моимъ лучшимъ другомъ и дѣтьми, дай Богъ, чтобы она была послѣднею и чтобы мы до конца жизни служили другъ другу утѣшеніемъ.

Весь твой

Александръ.

Великому князю сегодня гораздо лучше, но что очень безпокоитъ докторовъ, это его продолжительный сонъ.—Сейчасъ пріѣзжалъ курьеръ отъ Берга, который долженъ уже прибыть изъ Ареніи въ Вѣну. Этотъ курьеръ говоритъ, что онъ видѣлъ Сабира, получившаго Владиміра съ бантомъ, въ совершенномъ здравіи и благоденствіи.

---

24 августа, 1849. Варшава.

Съ тобою первою, какъ съ моимъ лучшимъ другомъ, спѣшу подѣлиться радостью:—я произведенъ сегодня въ полковники, а вмѣсто флигель-адъютанства, котораго я не желалъ, мнѣ дали двѣ тысячи рублей серебромъ.—Хотя младшіе мои товарищи меня и обогнали, и получили сверхъ чиновъ по одному русскому, и по одному австрійскому кресту, но я доволенъ и тѣмъ, что мнѣ дано, а знакомство мое съ Адлербергомъ и Орловымъ пригодится, можетъ быть, мнѣ на будущее время.—Что же касается представленія моего Государю, то этого нельзя было сдѣлать по весьма многимъ обстоятельствамъ, которыя я объясню тебѣ при свиданіи: кромѣ того Его Величество и безъ того знаетъ меня въ лицо и твердо помнитъ мою фамилію потому, что обо мнѣ многіе ему говорили.

Наше свиданіе, къ крайнему моему сожалѣнію, опять оттягивается. Въ послѣднемъ письмѣ я писалъ тебѣ о несчастіи постигшемъ Великаго князя Михаила Павловича, писалъ также, что отъ состоянія здоровья Его Высочества зависитъ и время отправленія Государя изъ Варшавы. Въ настоящее время наше положеніе немножко(?) объяснилось потому, что Великій Князь находится почти безъ надежды. Всѣ доктора говорятъ, что его можетъ спасти только одно чудо; наука же произнесла уже свой приговоръ, т. е., что онъ долженъ закрыть на дняхъ глаза на вѣки.

Библиотека "Руниверс"

Хотя Вел. кн. Елена Павловна и прибыла сегодня съ острова Рюгена, однако ее до сихъ поръ не пускаютъ въ комнату больного, изъ опасенія, чтобы ея неожиданное появленіе не произвело на него гибельнаго вліянія.

Вмѣстѣ съ Вел. кн. Еленой Павловной пріѣхала и Екатерина Михайловна.—Она сильно кашляетъ и страдаетъ сильно спинною болью; при томъ нервы ея чрезвычайно разстроены.—Говорятъ, что одна наружность ее возбуждаетъ во всѣхъ величайшее участіе. И не мудрено. Она обожаетъ отца, который съ своей стороны души въ ней не слышалъ.

Назадъ тому дней пять я сильно заболѣлъ, но Адлербергъ далъ мнѣ какое то гомеопатическое средство, которое меня вылѣчило.—Все таки, надѣюсь,—до скораго свиданія, а пока крѣпко обнимаю и цѣлую тебя и дѣтей и остаюсь

весь твой

Александръ.

---

31 августа, 1849. Варшава.

Я получилъ твое милое письмо, моя неоцѣненная Машинька. Хотя оно заключаетъ въ себѣ сильный упрекъ за мое молчаніе, но гнѣвъ любящаго сердца, доказывающій искренность чувствъ, всегда производитъ пріятное впечатлѣніе въ любящемъ, но не раздраженіе. Я выѣзжаю изъ Варшавы на дняхъ; ты можешь ждать меня между 9—10 сентября. Ранѣе этого мнѣ невозможно было уѣхать потому, что Государь, отправляясь въ Петербургъ, приказалъ графу Адлербергу остаться здѣсь до отправленія тѣла Вел. кн. Михаила Павловича, скончавшагося 23-го августа въ $2^1/_2$ часа пополудни. Отправленіе это послѣдуетъ шестого сентября въ девять часовъ утра.

Вмѣстѣ съ Адлербергомъ остается вся канцелярія, а въ томъ числѣ и я, на котораго долю досталось дѣлать всѣ распоряженія по препровожденію тѣла покойнаго въ Петербургъ. Это самое обстоятельство и причиною тому, что я не могу скорѣе прилетѣть къ тебѣ, мой добрый ангелъ.—

Въ предпослѣднемъ письмѣ я увѣдомлялъ тебя о моемъ производствѣ и полученной денежной наградѣ. Прибывшій на дняхъ въ

Библиотека "Руниверс"

Варшаву Циммерманъ, объявилъ мнѣ, что Бергъ приказалъ Ризенба... (нрзб.) помѣстить меня въ представленіе за успѣшныя занятія передъ отъѣздомъ Государя изъ Петербурга въ Маѣ мѣсяцѣ,—о которомъ ты очень хорошо помнишь. Другой награды мнѣ нельзя дать, какъ корону на Анну. Сегодня же я узналъ, что мнѣ хотятъ также дать Австрійскій Крестъ. Не знаю до какой степени это все справедливо; но не допуская чтобы судьба рѣшилась излить на меня столько милостей въ одинъ годъ, я сильно сомнѣваюсь въ успѣхѣ, и остаюся при данныхъ мнѣ уже наградахъ—весьма довольнымъ.—

До свиданія, милая и дорогая! Не посылай на это письмо сюда отвѣта, жди меня, а пока

весь твой

Александръ.

---

24 августа, 1852. Самара.

Пользуясь первымъ досугомъ, спѣшу исполнить данное мною тебѣ обѣщаніе, мой добрый другъ—писать тебѣ еще разъ изъ Самары, гдѣ я уже окончилъ свои дѣла и предпринялъ послѣднюю поѣздку по Самарской губерніи, для совѣщанія съ управляющимъ .....(нрзб.) и командиромъ.—Вообще я долженъ сказать, что какъ въ этой губерніи, такъ и въ Саратовской, мнѣ пришлось и придется больше всего работать, потому что здѣсь дѣла наиболѣе запутаны. За то, съ окончаніемъ дѣлъ, я отдохну въ Тамбовѣ и Рязани, гдѣ менѣе работы, а главное изъ послѣдняго изъ этихъ городовъ, уѣзжаю свободнымъ человѣкомъ.

Что сказать тебѣ объ Уральскихъ горахъ? Я проѣзжалъ ихъ два раза, у Златоустовскаго Завода и недалеко отъ крѣпости Орской, и сколько горы у завода живописны, покрыты зеленью и пріятны для взора, настолько горы у Орской крѣпости безплодны, безувѣтны и наводятъ грусть на путешественника. Вообще Уральскія горы уступаютъ Кавказскимъ; послѣднія во всѣхъ отношеніяхъ заслуживаютъ предпочтеніе; тамъ ты найдешь и огромную производительность и вмѣстѣ съ тѣмъ природу, наводящую ужасъ своею дикою величественностію, внушающую глубокое уваженіе. Ты подумаешь, можетъ быть, что это сужденіе пристрастное. Нѣтъ! тебѣ всякій изъ насъ, бывшій на Кавказѣ и видѣвшій Уральскія горы (которыми недоволенъ еще потому, что пролегающія тамъ обыкновенно дурныя дороги, разбитыя огромною массою переселенцевъ, движущихся въ Сибирь, попортили настоль-

Библиотека "Руниверс"

ко мой тарантасъ,что пришлось его здѣсь чинить), скажутъ то же. Упоминая о тарантасѣ, не могу не выразить моего удовольствія,—при моихъ огромныхъ поѣздкахъ, онъ мнѣ хорошо служитъ и съ прибытіемъ въ Саратовъ сдѣлаетъ уже восемь тысячъ верстъ.—Эта цифра показываетъ ясно, что при осмотрахъ(?) работъ маршруты составляются приблизительно!

Какъ бы мнѣ хотѣлось уже держать въ рукахъ твое письмо, адресованное въ Саратовъ. Но находясь въ 400 вер. отъ этого города, нечего помышлять о томъ.—Завтра же отправляюсь въ Покровскую слободу, гдѣ буду имѣть совѣщаніе съ Каяндеромъ и, такъ какъ эта слобода находится не далеко отъ Саратова, то пошлю туда нарочнаго за письмомъ. Ну до свиданія, милая и дорогая моя Машинька, крѣпко обнимаю, цѣлую тебя и дѣтей.

Твой другъ

Александръ.

9-го Сентября 1852. Саратовъ.

Благодарю тебя, мой добрый другъ, за оба письма отъ 15 Августа и 1-го Сентября; эти письма ждалъ съ величайшимъ нетерпѣніемъ и не получая извѣстія отъ тебя съ 7-го Августа, началъ страшно безпокоиться.—Я рѣшилъ не дѣлать ни одного шага для полученія предлагаемаго мнѣ мѣста и все предоставить судьбѣ, тѣмъ болѣе, что ты мнѣ не изъявляла своего желанія ѣхать въ Ставрополь и потому я хотѣлъ прежде посовѣтоваться съ тобою о рѣшеніи общей нашей судьбы.—Теперь, когда ты меня просишь оставить настоящую должность, ты, слѣдовательно, ясно мнѣ говоришь, чтобы я принялъ предлагаемое мѣсто, а сѣтованія твои на интриги Берга, еще болѣе меня въ этомъ убѣждаютъ.—Такъ какъ званіе начальника штаба весьма лестно и соотвѣтствуетъ и моимъ видамъ, то, опасаясь, чтобы черезъ интриги Берга дѣйствительно не былъ назначенъ другой, я сегодня же писалъ письмо Завадовскому, котораго благодарилъ за сдѣланный выборъ и объявилъ ему, что принимаю званіе начальника штаба съ большою признательностью.—Можетъ быть письмо мое Завадовскій получитъ уже поздно, но тогда онъ увидитъ, что съ моей стороны не было отказа. Здѣшній губернаторъ мнѣ сказалъ, что было бы необдуманно съ моей стороны оказываться.—Братъ же Николай пишетъ, что на Кавказѣ всѣмъ извѣстно о сдѣланномъ мнѣ представле-

Библиотека "Руниверс"

ніи.— Поздравь отъ меня Женю[1]) съ производствомъ въ унтеръ-офицеры, и скажи ему, что я питаю полную надежду, что это отличіе поведетъ его къ разряду отличныхъ, которые обыкновенно бываютъ выпускаемы въ гвардію. Пусть онъ только не забываетъ моихъ совѣтовъ.

Предполагаю вернуться въ Петербургъ черезъ девять-десять дней, ежели не будетъ никакихъ осложненій или же затрудненій въ послѣднемъ объѣздѣ; вообще ты можешь меня поздравить съ окончаніемъ одного изъ самыхъ труднѣйшихъ порученій.

До скораго свиданія.

Александръ.

14-го Іюля 1853. Вологда.

Милая и дорогая моя Машинька! Изъ моихъ посланій, писанныхъ тебѣ изъ Петрозаводска, Архангельска и теперь Вологды, ты видишь, мой другъ, что я все еще путешествую и моя надежда вернуться къ тебѣ не скоро еще осуществится, потому что я отсюда для дальнѣйшей ревизіи отправляюсь, черезъ Устюгъ, Никольскъ въ Вятку, а оттуда въ Пермь, куда я въ высшей степени неохотно ѣду. Дорогой отъ нечего дѣлать и чтобы заглушить тоску по семьѣ, разговариваю со встрѣчнымъ-поперечнымъ и узналъ, что здѣшнее населеніе, т. е. проѣзжаемыхъ мною губерній, не отличается особенною нравственностью. Часто случается что молодая дѣвка до замужества—уже обладательница двухъ, трехъ дѣтей и не только ея семья, но и будущій супругъ не находятъ въ этомъ ничего предосудительнаго. Въ Вологдѣ же веду очень тихій, скромный образъ жизни, весь поглощенъ работой и глубоко тронутъ гостепріимствомъ и нѣжнымъ попеченіемъ семьи Гревницъ по отношенію ко мнѣ. Право, это многимъ скрашиваетъ неприглядную мою жизнь. Молодой Гревницъ собирается на дняхъ писать Сашѣ[2]).

Крѣпко обнимаю, и цѣлую тебя и дѣтей. Пиши въ Казань.

Весь твой

Александръ.

---

[1]) Пасынокъ Александра Андреевича, Евгеній Львовичъ Стрижевскій. Командовалъ во время турецкой войны 1877—78 г. 1-й гвардейской пѣшей баттареей. Позже флигель-адъютантъ, генералъ свиты. Скончался въ званіи Командующаго 1-й гвардейской пѣшей артиллерійской бригады.

[2]) Александръ Львовичъ Стрижевскій, старшій и любимый пасынокъ Александра Андреевича; въ послѣднее время своей жизни занималъ мѣсто завѣдующаго всѣми дѣтскими пріютами при Великой Княгинѣ Александрѣ Петровнѣ и скончался на 43 году жизни, за границей, въ званіи Камергера Двора Его Величества.

Библиотека "Руниверс"

22 Іюля 1853. Вятка.

Считаю лучшимъ препровожденіемъ времени въ день 22 Іюля бесѣду съ тобою, и берусь за перо, чтобы поздравить тебя еще разъ, мой другъ, со днемъ твоего Ангела, поскорбѣть еще разъ объ обстоятельствахъ разлучающихъ насъ съ тобою въ этотъ день другой годъ сряду.— Ты получишь эти строки поздно, потому что изъ Вятки почта идетъ всего два раза въ недѣлю, по вторникамъ и субботамъ, пріѣхавши же въ среду, это письмо отойдетъ только въ субботу и ты получишь его въ первыхъ числахъ Августа.

23 Іюля. Едва окончилъ эти строки, какъ долженъ былъ выйти въ пріемную, гдѣ собрались нѣкоторые члены Палаты, чтобы мнѣ представиться.—По окончаніи пріема, Красниковъ завелъ со мною разговоръ о разныхъ разностяхъ, а между тѣмъ и о томъ, что у него въ Петербургѣ есть двѣ именинницы—сестра и племянница—при этомъ и у меня сорвалось съ языка, что и у насъ въ семействѣ есть дорогая именинница.—Не допуская мысли, чтобы подобная откровенность могла повлечь за собой какія нибудь послѣдствія, я удалился къ себѣ въ комнату, чтобы продолжать бесѣду съ тобою.—Не прошло и получаса, какъ меня вновь вызвали въ гостинную, гдѣ я къ крайнему моему изумленію, нашелъ собравшихся всѣхъ моихъ прошлогоднихъ знакомыхъ съ бокалами въ рукахъ.—Они усердно поздравляли меня съ днемъ твоего Ангела и роспили за твое здоровье двѣ бутылки шампанскаго.—Послѣ этого сюрприза, меня не пустили болѣе работать и засадили играть въ карты; въ полночь сѣли за столъ и вновь пили за твое здоровье.—Вотъ какимъ образомъ, сверхъ всякаго ожиданія, были отпразднованы твои именины въ Вяткѣ.—Я сильно упрекалъ себя за излишнюю откровенность, а также далъ почувствовать и Красникову, что его вниманіе перешло предѣлы гостепріимства; но принесенныя имъ оправданія меня глубоко тронули и я не могу на него сердиться.— Вообще человѣкъ этотъ, знающій уже о предстоящемъ мнѣ новомъ назначеніи, показываетъ мнѣ расположеніе и вниманіе не какъ къ начальнику, а какъ къ человѣку, котораго онъ уважаетъ. Нисколько не удивляюсь, что извѣстіе о поѣздкѣ на Кавказъ должно было тебя встревожить и взволновать. Я подвергся тому же вліянію при чтеніи писемъ Индреніуса и Циммермана, а болѣе всего меня безпокоитъ ваше будущее положеніе: и ты, и дѣти, всѣ вы будете обречены на весьма печальную жизнь.—Надѣюсь что черезъ два, три года мы переѣдемъ въ Тифлисъ, гдѣ уже ведутъ совсѣмъ другой образъ жизни.— Насчетъ нашей поѣздки въ Темиръ-Ханъ-Шуру ничего не могу сказать

Библиотека "Руниверс"

въ настоящее время. Полученныя много свѣденія отъ Индреніуса и Циммермана объ удобствахъ помѣщенія—весьма неутѣшительны; но такъ какъ они выразились объ этомъ не совсѣмъ ясно, то я просилъ ихъ сообщить мнѣ, возможно въ скорѣйшемъ времени о тѣхъ средствахъ, которыя имѣетъ Шура для помѣщенія семейства начальника штаба.—Можетъ быть напишу тебѣ еще разъ изъ Вятки, а пока крѣпко цѣлую и обнимаю тебя и дѣтей.

Весь твой

Александръ.

---

25 Января 1854. Темиръ Ханъ Шура.

24 Декабря былъ въ дорогѣ между Ставрополемъ и Екатериноградомъ и постоянно думалъ о тебѣ и дѣтяхъ нашихъ, милая моя Машинька, и горько сожалѣлъ, что не могу присутствовать на семейной елкѣ, гдѣ навѣрно дѣти всѣ веселились.—Ничего новаго не могу тебѣ написать о здѣшнемъ пребываніи, кромѣ того только, что по моей иниціативѣ устроили здѣсь собраніе, гдѣ съ большимъ увлеченіемъ танцуютъ и даже меня въ благодарность за доставленное имъ удовольствіе, приглашаютъ, такъ что и мнѣ пришлось пройтися двѣ кадрили. Домъ для насъ я уже пріискалъ, потому что въ казенномъ немыслимо намъ помѣститься; часть мебели заказалъ, часть купилъ у Индреніуса, но зеркалъ въ странѣ нѣту, придется выписать изъ Астрахани и, пожалуйста—привези всѣ подушки, потому что тутъ понятія не имѣютъ о пухѣ, да и негдѣ достать. Что касается общества въ пріятномъ смыслѣ слова, то его здѣсь нѣту, развѣ только нѣсколько мужчинъ; для тебя это будетъ въ высшей степени тягостно. Я большею частью сижу дома, по воскресеньямъ обѣдаю у Волкова, остальные дни обѣдаю у себя дома, съ состоящимъ при мнѣ офицеромъ генеральнаго штаба капитаномъ Радецкимъ. *) Всѣ хозяйственныя подробности писалъ тебѣ въ предыдущемъ письмѣ; не забудь что всю прислугу придется тебѣ изъ Петербурга взять съ собою, здѣсь порядочной ни за какія деньги не найдешь. Изъ мѣстныхъ новостей сообщу тебѣ, что князя Орбельяна мы ожидаемъ сюда черезъ нѣсколько дней; Аргутинскій же. кажется никогда не увидитъ болѣе Дагестана, гдѣ онъ составилъ себѣ прекрасную

*) Знаменитый Шипкинскій герой Ѳедоръ Ѳедоровичъ Радецкій.

Библиотека "Руниверс"

репутацію. Не пеняй на меня за то, что я тебѣ не такъ часто пишу; но почта отходитъ отсюда только разъ въ недѣлю, поневолѣ приходится подчиняться тяжелымъ условіямъ. Да,—пока не забылъ! Отчего ты такъ неохотно оставляешь непроданнымъ нашъ домъ? Здѣсь капиталъ приноситъ малые проценты, цѣны же мѣстамъ на Владимирской улицѣ съ каждымъ годомъ увеличиваются, выгоднѣе теперь не продавать.—

Крѣпко обнимаю, цѣлую тебя и дѣтей.

Твой Александръ.

---

9 Марта 1854 года.

Темиръ Ханъ Шура.

Я пишу къ тебѣ, мой неоцѣненный другъ, не дождавшись почты, потому что она приходитъ только завтра вечеромъ, а нарочный въ Екатериноградъ отправляется завтра съ разсвѣтомъ.—

Наконецъ прибылъ къ намъ 5-го Марта давно ожидавшійся князь Орбельянъ. Относительно моего назначенія на турецкую границу, онъ объявилъ мнѣ нижеслѣдующее: однажды вечеромъ, бывъ у князя Барятинскаго, онъ узналъ отъ него, что тотъ желаетъ принять участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ турокъ. Удивленный этимъ, Орбельянъ спросилъ Барятинскаго:—кто же будетъ вмѣсто его въ Тифлисѣ? Отвѣтъ былъ:—Индреніусъ. А кто вмѣсто сего будетъ у Бебутова? Отвѣтъ былъ.—Неверовскій, котораго уже и велѣно отправить въ Александрополь. Раздосадованный подобными произвольными распоряженіями, Орбельянъ побѣжалъ къ Воронцову съ просьбою объ удержаніи меня въ Шурѣ; но всѣ его увѣщанія и настоянія были безъ успѣха и намѣстникъ, сказавъ весьма много въ мою пользу, присовокупилъ, что дѣйствія противъ турокъ гораздо важнѣе, нежели предполагаютъ и я тамъ необходимѣе. Послѣ этого разсказа, князь Орбельянъ поздравилъ меня съ мѣстомъ начальникомъ штаба корпуса, предназначеннаго къ дѣйствіямъ въ Азіатской Турціи.—

Если это предположеніе не измѣнится, то назначеніе весьма лестное для меня, не доставляетъ однако мнѣ такого удовольствія, какого бы слѣдовало ожидать. Причина тому заключается въ весьма про-

Библиотека "Руниверс"

стомъ обстоятельствѣ: въ неутѣшной скорби о тебѣ и дѣтяхъ.—Отъѣздъ мой на границу Азіатской Турціи отсрочиваетъ наше свиданье на неопредѣленное время. Вопросы: останусь ли я живъ, куда возвращусь и когда, всѣ—невѣдомой будущности покрыты покровомъ.—

Замѣть, моя милая Машинька, что судьба быстро меня толкнула на другое мѣсто Индреніуса. Каковъ то будетъ исходъ?

Изъ семи имѣвшихся у меня лошадей, двухъ вьючныхъ продалъ за ту же цѣну, а пять беру съ собою и отправляю ихъ впередъ въ Александрополь. Хотя проводъ лошадей мнѣ будетъ стоить порядочно, но все жъ менѣе, чѣмъ вновь пріобрѣтать ихъ въ Александронополѣ, гдѣ существуютъ баснословныя цѣны на всѣ предметы потребности для военныхъ.—

Ожидаю со дня на день пріѣзда полковника Мищенко, назначеннаго временно исполнять мою должность въ Дагестанѣ.—По сдачѣ дѣлъ, тотчасъ же отправлюсь на перекладныхъ, налегкѣ, въ Тифлисъ, гдѣ представлюсь властямъ, а потомъ поѣду въ Александрополь.—Съ пріѣздомъ князя Орбельяна мои занятія еще болѣе увеличились, потому что надобно было приняться и за тѣ дѣла, которыя могъ рѣшить своею властью только одинъ командующій войсками.—Занимаясь усиленно цѣлый день до часу ночи, а вставая въ седьмомъ часу, я началъ чувствовать ослабленіе силъ, и вынужденнымъ былъ отдыхать послѣ обѣда полчаса, а иногда и часъ.—Недостатокъ движенія, послѣобѣденный сонъ служатъ къ увеличенію полноты, усиленію глухоты и ослабленію зрѣнія.—Вообще я никогда такъ много не работалъ, какъ въ настоящее время, и только надежда на поправленіе въ дорогѣ, меня нѣсколько утѣшаетъ.

Женя, узнавъ о моемъ назначеніи на Турецкую границу, просилъ ко мнѣ, чтобы я устроилъ переводъ въ одну изъ баттарей дѣйствующаго тамъ корпуса. Желаніе его весьма простительно, но этотъ переводъ можетъ бросить на него тѣнь, возбудить негодованіе товарищей и гораздо легче отличиться прапорщику въ маломъ отрядѣ, какъ напримѣръ въ Дагестанѣ, чѣмъ въ цѣломъ корпусѣ, гдѣ часто и штабъ-офицеры ничего не получаютъ. При моемъ отказѣ, онъ горько расплакался: прошу тебя, милый мой другъ, быть убѣжденной, что я не хотѣлъ обидѣть твоего сына, а дѣйствовалъ въ его же пользу и получивъ приказаніе готовиться къ движенію въ горы, онъ этимъ зани-

Библиотека "Руниверс"

мается и совершенно утѣшился.—Со слѣдующей почтой я увѣдомлю тебя вѣроятно, о днѣ моего выѣзда изъ Шуры.—Ты же оставайся въ Петербургѣ; какъ хорошо, что мы не продали домъ, усердно прошу тебя на лѣто переѣхать на дачу и пока адресуй всѣ письма ко мнѣ въ Тифлисъ.

До свиданья! Мой нѣжный другъ, поцѣлуй за меня крѣпко, крѣпко всѣхъ дѣтей, поклонись роднымъ и люби по прежнему твоего вѣрнаго мужа и друга.

Александръ.

---

12 апрѣля 1854. Александрополь.

Письмо твое отъ 18-го февраля, милая моя Машенька, было отправлено изъ Шуры вслѣдъ за мной и нагнало меня въ Тифлисѣ 7-го апрѣля.—Ужасно подумать, что почти два мѣсяца прошли до полученія отъ тебя извѣстій; теперь же сношенія наши будутъ идти правильно и скорѣе: изъ Александрополя въ Тифлисъ письменный курьеръ каждую недѣлю, и не бываетъ въ дорогѣ болѣе 30 часовъ, а изъ Тифлиса экстра почта при хорошихъ дорогахъ достигаетъ Петербурга на 12-ый день. Надежда моя на полученіе отъ тебя нѣсколькихъ писемъ разомъ основана на томъ, что въ настоящее время отъ снѣжныхъ заваловъ въ горахъ, тамъ задержано 11 тяжелыхъ экипажей и три почтовыхъ.—

Какъ только моя правая нога пришла въ порядокъ, какъ меня тотчасъ же опять начали тягать то къ Барятинскому то къ Реаду.—У перваго изъ нихъ я бываю по два раза въ день, и каждый разъ онъ удерживаетъ меня по два, по три часа; и у послѣдняго, хотя тамъ визиты продолжаются гораздо меньше, но за то онъ разстроилъ мнѣ послѣдній день моего пребыванія въ Тифлисѣ приглашеніемъ на обѣдъ, длившійся около двухъ часовъ.

Кромѣ меня у него обѣдалъ начальникъ 18-й дивизіи, генералъ Бѣлявскій. На другое утро меня еще разъ потребовалъ къ себѣ Барятинскій, а въ одиннадцать часовъ я уже летѣлъ курьеромъ въ Александрополь и прибылъ благополучно въ эту крѣпость сверхъ всякаго ожиданія, въ Страстную субботу вечеромъ.—Какъ мнѣ не хотѣлось быть у заутрени, путешествіе на перекладной по курьерской подорож-

Библиотека "Руниверс"

ной меня такъ утомило, что я вынужденныхъ ..... (нрзб.) представиться Бебутову уже на другой день. Пріемъ его былъ весьма ласковъ: однако при чтеніи привезеннаго ему мною письма отъ князя Орбельяна, который выразился, что плакалъ отпуская меня изъ Дагестана, Бебутовъ прорвался, сказавъ, что онъ тоже плачетъ объ Индреніусѣ.—На это я ему объявилъ: „употреблю всѣ усилія, чтобы заслужить довѣріе Вашего Сіятельства и заставить васъ возможно менѣе скорбѣть объ Индреніусѣ". Замѣтивъ сдѣланный мнѣ промахъ, онъ началъ меня цѣловать, и тѣмъ дѣло и кончилось.—Отъ Бебутова я отправился къ генераламъ: Баговуту, Бриммеру, Кишинскому и вообще ко всѣмъ тѣмъ лицамъ, съ которыми буду находиться въ ежедневныхъ столкновеніяхъ. Въ одинъ день Индреніусъ познакомилъ меня со всѣми и завтра вступаю уже въ трудную должность.—Меня такое отчаяніе разобрало при мысли, что всѣ наши планы о совмѣстной жизни въ Шурѣ, благодаря моей теперешней командировкѣ неосуществились, что думалъ не вызвать ли тебя съ дѣтьми въ Тифлисъ, который всего въ 270 в. отъ Александрополя и, хотя начальнику штаба трудно отлучаться изъ корпуса, все легче было бы на душѣ.—Жить же тебѣ съ семьей въ Александрополѣ немыслимо! въ самой крѣпости помѣщаются только чины гарнизона, а мы прихожане, вынуждены квартировать въ грязномъ полуразрушенномъ азіатскомъ городѣ, называвшемся прежде Гумры. Кромѣ того, крѣпость находится на самой границѣ и легко можетъ быть, что ежели она и не будетъ обложена, то получитъ въ подарокъ нѣсколько непріятельскихъ ядеръ. И потому какъ ни горько и не больно, но приходится, мой другъ, покориться судьбѣ.

Съ княземъ Бебутовымъ я до сихъ поръ въ ладу, и ежели между нами не пробѣжитъ черная кошка, то надѣюсь съ нимъ совершенно сойтись. Онъ пригласилъ меня, разъ и навсегда обѣдать, какъ самаго близкаго домашняго человѣка и это крайне любезно.—

Лошадей моихъ, которыя прибыли сегодня, обогналъ штабсъ-капитанъ Лагоріо, состоящій по особымъ порученіямъ, при Орбельянѣ и ѣхавшій съ донесеніемъ въ Тифлисъ о счастливомъ возвращеніи отряда изъ горъ.—

Лагоріо поручилъ казаку сообщить мнѣ, что наши войска имѣли въ Дагестанѣ хорошее дѣло, что Женя остался здравъ и невредимъ и велъ себя молодцомъ при орудіяхъ.

Въ слѣдующемъ письмѣ я опишу тебѣ составъ штаба Бебутова, который весьма великъ; теперь же скажу, что адъютантъ Индреніуса

Библиотека "Руниверс"

по его просьбѣ и просьбѣ Бебутова состоитъ при мнѣ, даже живетъ со мною.—Онъ большой охотникъ до пишущихъ столовъ и возится съ ними цѣлый день.—Я поручилъ ему спросить столъ, когда увижусь съ вами? На что получилъ отвѣтъ: „когда самъ къ нимъ пріѣдетъ". Срока же столъ никакъ не хотѣлъ опредѣлить, и уже на третій день послѣ вопроса написалъ, что я увижусь съ семействомъ, когда убьютъ турецкаго султана. Чистый вздоръ!

Но до свиданья, мой нѣжный другъ! Всѣхъ крѣпко обнимаю, цѣлую.

Твой Александръ.

31-го августа 1854. Село Аръ-Булагъ.

Какъ жаль, мой другъ, что Александровскій не исполнилъ моего желанія. Я его такъ убѣдительно просилъ отправить письмо по адресу, если бы онъ не успѣлъ пробраться въ Павловскъ.—Разсчитывая на его обѣщаніе быть у тебя, я не писалъ вовсе о подробностяхъ, въ предположеніи, что онъ, какъ очевидецъ, лучше передастъ все до меня относящееся. Теперь скажу вкратцѣ нѣсколько словъ о себѣ до боя, а потомъ во время самаго боя.—

Мы имѣли свѣденія дней за десять до встрѣчи съ турками о намѣреніи ихъ насъ атаковать.—Всѣ эти десять дней я былъ на ногахъ, а по ночамъ не раздѣвался, чтобы быть при первой тревогѣ на конѣ; въ послѣднюю же ночь вовсе глазъ не закрылъ.—Перенесенныя мною въ это время труды приводятъ къ тому заключенію, что при напряженіи нравственныхъ силъ человѣка, его физическія силы удваиваются.—Я уже писалъ тебѣ о самомъ днѣ боя и о его подробностяхъ*), посему повторяться не буду; скажу только, что должность начальника штаба при сраженіи крайне утомительна, нужно побывать во всѣхъ частяхъ войска, чтобы знать какъ и куда ихъ передвигать, докладывать о результатахъ боя;—и 24 іюля я усталости не чувствовалъ, мысль о возможной опасности и въ голову не западала, такъ я былъ заинтересованъ ходомъ дѣла.—лишь 25—26-го я ее почувствовалъ.—Бой 24 іюля еще болѣе убѣдилъ меня въ кровожадности натуры человѣческой: когда я увидѣлъ кровь нашего перваго раненаго, то только и горѣлъ желаніемъ отомстить непріятелю. По случаю пожало-

*) Это письмо, какъ и многія другія, къ сожалѣнію, утеряно.

Библиотека "Руниверс"

ванія награды князю Бебутову штабъ давалъ ему пышный обѣдъ. На этомъ обѣдѣ участвовало около 100 человѣкъ; всѣ были руководимы искренностію чувствъ, а потому всѣмъ и было весело. Дня черезъ три артиллерія давала обѣдъ своему начальнику генералу Бриммеру.— Я также былъ приглашенъ, но не знаю почему провелъ время съ лишнимъ (?) увлеченіемъ.—

30-го августа князь Бебутовъ, полагая, что это день моихъ имянинъ, зашелъ въ семь часовъ утра меня поздравить. Я былъ глубоко тронутъ его вниманіемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ крайне удивилъ его, когда сказалъ ему, что самъ не знаю о днѣ моего Ангела.

Я узналъ по секрету, что послѣзавтра штабъ готовитъ для меня обѣдъ по случаю моего производства; князь Бебутовъ вызвался тоже присутствовать на этомъ обѣдѣ. Я очень признателенъ ему за эту честь, и не знаю какъ благодарить подчиненныхъ за ихъ вниманіе ко мнѣ.

Но до свиданія, мой другъ,

твой Александръ.

---

29 сентября 1854. Село Гюли-Булагъ.

Убѣдительно прошу тебя, мой другъ, беречь свое здоровье и не щадить средствъ для возстановленія его. Ты можешь теперь быть спокойна, что съ турками мы не будемъ имѣть долго столкновенія. Анатолійская армія послѣ дѣла 24 іюля очень упала духомъ.—Мы стоимъ лагеремъ въ Азіатской Турціи какъ въ Ярославской губерніи: непріятель нигдѣ не показывается и спрятался въ Карсъ.—Развѣ будущею весною онъ дерзнетъ опять приблизиться къ нашимъ предѣламъ.— По случаю совершеннаго недостатка фуража, мы оставили позицію у Аръ-Булага и приблизились къ Александрополю, отъ котораго отрядъ расположенъ всего въ восьми верстахъ.—Близость города нисколько не улучшила моего быта.—

Вчера прибыло къ намъ частное извѣстіе о пораженіи, претерпѣннымъ въ Крыму С.-Арно, который просилъ будто бы у Меньщикова перемирія на три дня.—Если это извѣстіе подтвердится оффиціальнымъ путемъ, то оно, безъ сомнѣнія, будетъ имѣть огромное вліяніе на ходъ дѣла.—Турки полагали всю надежду на французовъ и англичанъ, а эти молодцы воображали, что русскіе могутъ справиться только съ турками.—Дай Богъ, чтобы частное извѣстіе было справедливо! Тогда

Библиотека "Руниверс"

Пальмерстонъ улетитъ и во главѣ станетъ партія мира.—Съ отдѣленіемъ Англіи и Франція вынуждена будетъ укротить свой военный порывъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и Австрія измѣнитъ свое поведеніе.—Съ счастливою перемѣною всѣхъ этихъ обстоятельствъ можно предполагать, что къ веснѣ переговоры будутъ близки къ заключенію мира.—Мы съ нетерпѣніемъ ожидаемъ курьера со дня на день, потому что пораженіе дессанта есть предметъ первостепенной важности.

Крѣпко обнимаю и цѣлую тебя, тоскую вдали семьи безмѣрно и не дождусь свиданія.

Твой Александръ.

2-го Декабря 1854. Александрополь.

Какъ я радъ былъ вычитать изъ твоихъ послѣднихъ писемъ, милая моя Машенька, что тебя ежедневно навѣщаетъ графиня Ламбертъ. Какъ близкія родственницы да къ тому еще такъ дружны между собою, ... (нрзб.) ее присутствіе должно служить тебѣ большимъ утѣшеніемъ въ твоемъ грустномъ одиночествѣ, тѣмъ болѣе что она такая рѣдко умная и сердечная женщина.—Какъ мнѣ грустно, и невыразимо обидно, что вотъ уже второй годъ, какъ я лишенъ возможности лично тебя поздравить и расцѣловать въ день твоего рожденія и меня разбираетъ страшная тоска при постоянной неизвѣстности.—Дѣла въ Крыму запутываются, о моей поѣздкѣ въ Петербургъ умалчиваютъ, а послѣзавтра я ѣду съ княземъ Бебутовымъ въ Эривань, откуда предполагаю возвратиться къ 15 Декабрю. Во все это время нарочныхъ отправлять не будемъ, а слѣдовательно ты не получишь отъ меня письма ранѣе, какъ черезъ 10 дней. О посылкѣ войскъ въ Карсъ, мы тоже читали въ газетахъ; но это чистый вздоръ.—Здѣсь уже выпалъ снѣгъ и начались довольно сильные морозы.—Браневскій оставилъ мѣсто; по причинѣ сильно растроеннаго здоровья онъ не могъ перенести усиленныхъ занятій.

Твой Александръ.

4-го Февраля 1855 Александрополь.

Скажи мнѣ пожалуйста, милая Машенька, кто это такіе стратегики, которые произнесли рѣшительный приговоръ насчетъ невозможности высадки союзныхъ войскъ въ Малой Азіи?

Библиотека "Руниверс"

Совершенно согласенъ, что враги наши ничего не могутъ предпринять противъ Ревеля, а тѣмъ болѣе противъ Кронштадта, потому что для этого нужны большія силы; но въ Малую Азію достаточно французамъ послать 10 т. человѣкъ.—Если бы эти 10 т. находились въ составѣ Анатолійской Арміи въ прошломъ году, то мы не отважились бы вступить въ бой съ непріятелемъ. Можно съ 18 т. атаковать 60 т. турецкихъ войскъ, но трудно расчитывать на счастливый исходъ дѣла, если бы эти 60 т. имѣли еще въ резервѣ 10 т. свѣжаго войска и при томъ еще такого, съ которымъ надо драться одинъ на одинъ, а не одинъ противъ трехъ. Впрочемъ напрасно буду утруждать тебя подобнаго рода объясненіями: надо быть военнымъ человѣкомъ и знать хорошо край и всѣ обстоятельства, чтобы произносить приговоры и имѣть . . . . . (нрзб.) всѣ данныя.

Изложенныя въ твоемъ письмѣ основанія совершенно справедливы въ примѣненіи къ предѣламъ Европейской Россіи, но отнюдь не распространяются на Кавказскій край.—Не вѣрь роскознямъ этихъ лицъ, а вѣрь мнѣ, что ежели бы была малѣйшая возможность устроить тебя въ Тифлисѣ, я бы попросилъ тебя пріѣхать туда съ дѣтьми, но тогда я долженъ быть увѣренъ, что останусь здѣсь, въ краѣ, а я этого навѣрно не знаю.—

Подобнаго рода лица убѣдили тебя и въ томъ, что будто бы въ нашемъ лагерѣ существуетъ чума.—Объ этой болѣзни у насъ никто не помышлялъ даже во снѣ. Ежели же мои письма приходятъ проколотыя и прошитыя, то это происходитъ отъ того, что въ 200 вер. отъ Александрополя появилася заразительная горячка, но теперь ее и слѣдъ простылъ.—Справедливо ли сообщенное тебѣ Николаемъ Ивановичемъ Вольфомъ*) насчетъ князя Бебутова? У насъ объ этомъ рѣшительно ничего неизвѣстно. Ежели слова Николая Ивановича справедливы, въ такомъ случаѣ мое служебное положеніе еще менѣе объяснится потому, что у Муравьева будетъ докладчикомъ князь Барятинскій, но уже никакъ не я. Молодой Волковъ, отзывающійся обо мнѣ такъ лестно, служитъ не подъ моимъ начальствомъ, но прикомандированъ къ линейнымъ казакамъ. Я взялъ его подъ особенный надзоръ по просьбѣ его брата, флигель-адъютанта, женатаго на сестрѣ Нелидовой. Онъ дѣйствительно добрый малый, и я на него жаловаться не могу.

Крѣпко обнимаю тебя и дѣтей.

Твой Александръ.

---

*) Николай Ивановичъ Вольфъ воспитывался въ Пажескомъ Корпусѣ, долго служилъ на Кавказѣ, вышелъ генераломъ въ отставку изъ за служебныхъ непріятностей. За умѣніе излагать мысли, назывался золотымъ перомъ.

Библиотека "Руниверс"

8-го февраля 1855. Александрополь.

Сегодня отправляется отъ насъ въ Петербургъ флигель-адъютантъ полковникъ Скобелевъ. Счастливецъ! онъ возвращается въ свое семейство, и я не могу не позавидовать ему отъ всей души.—Такъ какъ мы были съ нимъ въ хорошихъ отношеніяхъ, то онъ предложилъ мнѣ свои услуги:—быть у тебя, моя милая Машинька.—Скобелевъ, какъ придворный человѣкъ (хочу этимъ сказать—очень благовоспитанный человѣкъ), сдѣлаетъ на тебя пріятное впечатлѣніе, и я просилъ его разсказать въ подробностяхъ мой образъ жизни, мои занятія, мои отношенія къ разнымъ лицамъ, мое служебное положеніе, и объяснить тебѣ также причины, недозволяющія еще вызвать Васъ въ Тифлисъ.—

На масличной недѣлѣ провелъ такъ же скучно время, какъ и всегда, хоть и былъ приглашенъ нѣсколько разъ на блины разными генералами. Ты знаешь, что я не охотникъ до этого блюда, которое въ Александрополѣ начали ѣсть съ перваго дня масляницы.—

Князь Бебутовъ находится до сихъ поръ въ Александрополѣ и выжидаетъ только прибытія новаго главнокомандующаго, чтобы отправиться въ Тифлисъ для свиданія съ нимъ и разныхъ объясненій.—Такъ какъ онъ на этой недѣлѣ говѣетъ, то у него по старому армянскому обычаю не готовятъ даже рыбы.—Ты можешь послѣ этого себѣ представить, какимъ страданіямъ подвергается мой несчастный желудокъ.—

Послѣ сильныхъ морозовъ у насъ настали оттепели, доказывающія приближеніе весны.—Снѣгъ въ городѣ совершенно исчезъ и сдѣлалась невылазная грязь, затрудняющая всякое сообщеніе.

Ты просила описать тебѣ составъ дамскаго общества въ Александрополѣ,—я повинуюсь этому желанію: оно состоитъ изъ двухъ главныхъ разрядовъ; туземокъ, которыя только тѣмъ и отличаются отъ мужчинъ, что носятъ юбки, и русскихъ, которыхъ мужья постоянно служатъ въ Александрополѣ.—Послѣднія раздѣляются на два класса: плебеянокъ и аристократокъ. И вдобавокъ, въ частности, главное различіе между плебеянками и аристократками заключается въ томъ, что первыя изъ нихъ почти всѣ говорятъ по французски, постоянно надѣваютъ на вечеръ декольтированныя платья, прицѣпляя къ нимъ разныхъ видовъ и формъ часы и, не обращая никакого вниманія на цвѣтъ платья, надѣваютъ почти всегда для танцевъ бѣлые башмаки, весьма мало похожіе на атласные и надѣваютъ перчатки couleur de rose claire. Перейду теперь къ названію лицъ.—

Библиотека "Руниверс"

I. Туземки:

Жена командира линейнаго батальона, полковника Моркозова—грузинка. Хотя она моя хозяйка, но справедливость требуетъ сказать, сказать, что была нѣкогда очень хороша: теперь же къ ней можно примѣнить поговорку: былъ конь да изъѣздился.—

Жены: городничаго и крѣпостного плацъ-адъютанта—гречанки.—Кромѣ очень хорошихъ черныхъ глазъ отъ нихъ ничего добраго не добьешься.—Русскихъ дамъ насчитываютъ до двѣнадцати: плебеянокъ.. .... (нрзб.)—это жены нѣкоторыхъ докторовъ, комиссіонеровъ и плацъ-маіора. Послѣдняя на видъ гораздо моложе своей падчерицы и очень любитъ называть всѣ вещи, безъ изъятія ихъ собственными именами, не обинуясь ничѣмъ.—Остальныя русскія дамы составляютъ классъ аристократокъ.—На первомъ планѣ красуется жена главнаго аптекаря M-me Напетти; она воспитывалась въ кіевскомъ институтѣ вмѣстѣ съ сестрой моей Лизой*) не взирая, однако, на это, я долженъ сказать, что при ея миловидности и граціознозности, она умѣетъ довольно короткій умъ, такъ что съ ней нѣтъ возможности вести разговоръ.

И вотъ въ этомъ родѣ еще нѣсколько дамъ; кто поумнѣй, кто поглупѣй, иныя совсѣмъ не отшлифованныя, другія, несмотря на отсутствіе красоты и граціи со страшными претензіями и послѣ этого описанія имѣешь полное право мнѣ завидовать и сказать: „Счастливецъ Александръ! въ какомъ пріятномъ дамскомъ обществѣ проводитъ онъ время“!—Разскажу тебѣ презабавный случай, сообщенный мнѣ на дняхъ княземъ Бебутовымъ.

Князь Воронцовъ имѣлъ однажды надобность написать кое что любезное генералу Козловскому и Армянскому Патріарху. Продиктовавъ..... (нрзб.) письма, онъ приказалъ ихъ отправить по адресамъ.—Въ послѣдствіи онъ узналъ, что генералъ Козловскій очень обидѣлся тѣмъ, что Воронцовъ называетъ его *Святѣйшествомъ*, проситъ у него благословенія и поручилъ себя его молитвамъ.—Патріархъ же, получивъ письмо, въ которомъ приносились ему поздравленія съ рожденіемъ у него дочери и изъявлялось желаніе, чтобы и на будущее время семейство у него умножалось, пріѣхалъ лично къ князю Воронцову доложить, что ни по сану, ни по его лѣтамъ (ему 84 года) дѣтей онъ имѣть не можетъ.—Все это произошло отъ того, что перемѣшали письма; но исторія эта надѣлала много шуму и смѣха.—

*) Позже вышедшей замужъ за Губинъ-Левковича.

Библиотека "Руниверс"

Что тебѣ вздумалось спросить о Вранкенѣ? Онъ поздравлялъ меня съ производствомъ въ генералы и написалъ по этому случаю весьма лестное письмо. Вранкенъ не можетъ жаловаться на судьбу, потому что назначенъ уже начальникомъ Дивизіи, расположенной теперь въ Царствѣ Польскомъ.—Я постоянно сильно занятъ теперь, по случаю скораго пріѣзда новаго главнокомандующаго въ Тифлисъ, для котораго требуютъ отъ насъ разнаго рода свѣдѣнія.

Какъ я тебѣ завидую что ты ежедневно, ежечасно можешь видѣть развитіе нашихъ дѣтей, а я лишенъ этого счастья. Поцѣлуй ихъ нѣжно и крѣпко отъ меня и люби попрежнему своего

Александра.

18-го Апрѣля 1855. Александрополь.

Въ послѣднемъ письмѣ я говорилъ тебѣ что мы ожидаемъ князя Бебутова 12-го Апрѣля, послѣ обѣда. Вмѣсто 5-ти часовъ онъ прибылъ въ 3, и мы едва успѣли приготовиться къ пріему. Я выѣхалъ къ нему навстрѣчу за городъ, версты за три. Онъ былъ чрезвычайно любезенъ и милъ со мною; нѣсколько разъ принимался меня цѣловать и нѣсколько разъ повторялъ, что очень радъ меня видѣть. По окончаніи пріема я остался у него одинъ и просидѣлъ болѣе пяти часовъ.—Разсказывалъ о своемъ пребываніи въ Тифлисѣ, гдѣ его страшно закидали разными вопросами, онъ сожалѣлъ что ему вовсе не удалось отдохнуть.—Что касается собственно до меня, то князь Бебутовъ повторилъ тоже самое, что и писалъ мнѣ, т. е., что онъ отозвался обо мнѣ главнокомандующему въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ.—Вопросъ о пріѣздѣ къ намъ главнокомандующаго окончательно рѣшенъ: мы ожидаемъ его прибытія въ исходѣ Мая.—Извѣстно также что онъ имѣетъ намѣреніе принять начальство надъ войсками: но остается ли здѣсь князь Бебутовъ и останется ли нашъ штабъ или будетъ сформированъ новый—это еще положительно не разъяснено. Если нашъ штабъ будетъ упраздненъ, то очень желательно было бы знать какое мнѣ дадутъ назначеніе? Ѣхать же въ Шуру значитъ быть разжалованнымъ изъ поповъ въ дьяконы: въ Шуру назначатъ, говорятъ, теперь Радецкаго.—Князь Бебутовъ привезъ мнѣ подарокъ—портъ-сигаръ, въ которомъ нашелъ кисетъ, или вѣрнѣе сказать кошелекъ, собственной работы его жены. Не понимаю причины, почему эта дама такъ ко мнѣ благоволитъ,—

Библиотека "Руниверс"

Не далѣе какъ на дняхъ я получилъ свѣдѣнія, что Турецкія войска, расположенныя противъ Гуріи, вновь готовятся къ наступательнымъ дѣйствіямъ; причина, которая меня заставляетъ, какъ бы оно странно не казалося, радоваться что тебя съ семействомъ нѣтъ въ Тифлисѣ, въ виду по всей вѣроятности предстоящихъ военныхъ дѣйствій.—Неизвѣстно еще что будетъ, а въ Петербургѣ вы безопасны.—

Поцѣлуй нѣжно отъ меня дѣтей.

Весь твой

Александръ.

25-го Іюля 1855. Село Каны-кой.

Никогда еще, милая моя Машенька, мое сердце такъ не рвалось къ тебѣ и къ дѣтямъ, какъ въ настоящее время. Въ прошломъ году мои занятіи были огромны, но теплое сердце князя Бебутова, его вниманіе и снисходительность, облегчали нѣсколько тяжесть труда.—Теперь все идетъ иначе: если все хорошо сдѣлано, то не обращаютъ никакого вмниманія; а какъ только случится какая нибудь ничтожная проруха, тотчасъ же замѣчаютъ,—и замѣчаютъ иногда весьма непріятнымъ образомъ.—Коротко,—я изнемогаю подъ бременемъ занятій. Къ тому же и мое здоровье сильно пошатнулось, медики предполагаютъ, что климатъ на Кавказѣ мнѣ не благопріятенъ, совѣтуютъ мнѣ жить въ сѣверныхъ губерніяхъ, и по окончаніи компаніи т. е. съ наступленіемъ зимы, буду проситься въ отпускъ, и постараюсь пріискать себѣ мѣсто въ Петербургѣ.—

Скажу теперь тебѣ нѣсколько словъ о нашемъ семидневномъ движеніи къ Эрзеруму.—17-го Іюня, оставивъ часть войскъ противъ Карса, съ большею половиною корпуса мы двинулись къ Саланлукскому Хребту. Объ этихъ горахъ очень много шумѣли и я имѣлъ преувеличенное понятіе. Дѣйствительность показала, что перевалъ черезъ нихъ вовсе не такъ труденъ, а въ сравненіи съ Дагестанскими горами ничтоженъ.—Перевалившись за хребетъ, начали уничтожать непріятельскіе запасы, которые были найдены въ значительномъ количествѣ.—Уничтоженіе этихъ запасовъ поставило гарнизонъ Карса въ непріятное положеніе, а также лишило продовольствія и тѣ подкрѣпленія, которыя Турки могли бы прислать въ Анатолію.—Представь себѣ, что, несмотря

Библиотека "Руниверс"

на раздѣленіе нашихъ силъ, непріятель нигдѣ ни осмѣлился показаться.— Карскій гарнизонъ сидѣлъ прикованный къ своимъ стѣнамъ, а другой турецкій отрядъ—не осмѣлился защищать своихъ запасовъ, но быстро отступилъ ближе къ Эрзеруму и укрылся за Аракомъ.—Мы находились отъ Карса въ 70-ти верстахъ и распоряжалися въ непріятельской землѣ какъ бы въ Ярославскомъ уѣздѣ.—Вчерашній день нашъ корпусъ опять весь сосредоточился, а слѣдовательно непріятель сдѣлался еще болѣе робкимъ.

На меня Соланлезскія горы сдѣлали пріятное и непріятное впечатлѣніе: пріятное потому, что видѣлъ на нихъ лѣсъ, котораго не встрѣчалъ больше года, а непріятное потому что отъ сильнаго дневнаго зноя переходъ къ ночному холоду былъ чрезвычайно разителенъ и даже были два раза утренніе морозы.—Многіе изъ нашихъ переболѣли, но какъ только спустились съ горъ—тотчасъ же поправились.—

Но до свиданья, мой другъ, цѣлую всѣхъ.

Твой Александръ.

18-го Сентября 1855 г. Село Чивтлигая.

14 нашъ отрядъ штурмовалъ Карсъ или, правильнѣе сказать, укрѣпленную позицію на Карскихъ высотахъ. Штурмъ этотъ, на который войска шли съ такой увѣренностью, и который подавалъ вначалѣ надежду на успѣхъ, совершенно не удался: мы должны были отступить и возвратиться въ прежній лагерь.—Потеря у насъ огромная. Я находился при Броммерѣ командовавшемъ главнымъ резервомъ. Въ серединѣ боя, главнокомандующій потребовалъ его къ себѣ, а меня оставили при томъ же резервѣ,—изъ котораго уже половина было взято войскъ.—Подъ конецъ боя резервъ принялъ отступающія наши войска, а я заботился о скорѣйшемъ подобраніи раненыхъ и перевода ихъ съ перевязочнаго пункта въ госпиталь.—Признаюсь два раза порывался я на мѣсто боя, но оба раза получалъ приказаніе оставаться при резервѣ. Не знаю съ какой цѣлью было это сдѣлано? Вѣроятно судьбѣ угодно было меня сохранить, потому что на штурмѣ почти всѣ начальники пострадали; резервъ же находился внѣ огня. Я могъ бы сообщить тебѣ много подробностей насчетъ штурма, но ты знаешь мой другъ, что бумагѣ опасно все довѣрять. Впрочемъ объ этомъ

Библиотека "Руниверс"

штурмѣ послано уже оффиціальное донесеніе и оно вѣроятно будетъ напечатано.

Не могу тебѣ сказать до какой степени мнѣ тягостны отношенія съ Н. Н.*); я отъ души радъ когда его не вижу по нѣсколькимъ днямъ; но когда онъ за мной присылаетъ, то всегда бываютъ непріятности и это не можетъ не вліять на меня.

Твой Александръ.

---

16 Октября 1855. Село Чивтлигая.

Все мы блокируемъ Карсъ въ ожиданіи сдачи, а между тѣмъ сами не знаемъ, мой другъ, когда она послѣдуетъ.—Чтобы защитить себя отъ холода, простирающагося иногда по утрамъ до 6-ти градусовъ мороза, строимъ землянки и бараки и можемъ въ этихъ, такъ называемыхъ, теплыхъ помѣщеніяхъ простоять еще два мѣсяца, не достигнувъ своей цѣли.—Гарнизонъ крѣпости Карса, руководимый Вильямсомъ (полковникъ англійской службы) держится упорно и до сихъ поръ не помышляетъ о сдачѣ.—Гарнизонъ этотъ переноситъ большія лишенія.—Прежде отъ него было много перебѣжчиковъ, но теперь, когда Вильямсъ разстрѣлялъ нѣсколько человѣкъ, хотѣвшихъ бѣжать и пойманныхъ, въ томъ числѣ и одного офицера, побѣги почти совершенно прекратились. Упорство турокъ возбуждаетъ и въ насъ настойчивость достигнуть предположенной цѣли.—Наша стоянка подъ Карсомъ продлится до тѣхъ поръ, пока Карсъ не будетъ въ нашей власти. Для осуществленія этого предположенія, мы строимъ по случаю наступающихъ морозовъ, теплыя помѣщенія войскъ.—Твой покорнѣйшій слуга тоже выстроилъ себѣ каменный домикъ, въ которомъ будетъ жить вмѣстѣ съ Хадзько. Домикъ этотъ состоитъ изъ двухъ комнатъ, каждая въ четыре квадратныя сажени, т. е. немного болѣе обыкновенной офицерской палатки. Домикъ этотъ будетъ совершенно готовъ дня черезъ три и на постройку его употреблено всего 8 дней, не смотря на то, что стѣны имѣютъ въ толщину почти $^3/_4$ аршина. Стѣны эти сложены изъ плитоваго камня на сухой землѣ; внутренность комнатъ будетъ обтянута сукномъ и коврами.—Печка выстроена огромная, такъ что я даже боюсь, что будетъ слишкомъ жарко.

---

*) Александръ Андреевичъ не ладилъ съ Муравьевымъ; послѣдній его недолюбливалъ и былъ часто по отношенію къ нему придирчивъ и несправедливъ.

Библиотека "Руниверс"

Крымскія дѣла намъ не улыбаются. Вообще 55-ый годъ чрезвычайно тяжелъ для Россіи и не было ни одного случая, который могъ бы порадовать нашего добраго Государя. Не взирая на неудачи, я твердо убѣжденъ, что все измѣнится къ лучшему и Россія окончитъ со славою эту борьбу, потому что она не выполнила еще своего назначенія. Будемъ надѣяться на судьбу!

Поцѣлуй дѣтей и люби по прежнему

твоего Александра.

---

24 Октября 1855. Село Чивтлигая.

На дняхъ, милая моя Машенька, гостилъ у меня товарищъ по воспитанію въ Академіи, генералъ Каригофъ, съ которымъ не видѣлся 15 лѣтъ. Я нашелъ въ немъ мало перемѣны, а онъ—увы! не могъ скрыть своего удивленія при первой встрѣчѣ, такъ я постарѣлъ, мой другъ. Онъ мнѣ разсказывалъ, что всѣмъ въ Тифлисѣ извѣстно мое непріятное положеніе, но что общественное мнѣніе въ мою пользу и всѣмъ извѣстно, какъ тяжело служить съ Н. Н.

Къ Хадзькѣ заѣзжаетъ часто одинъ живописецъ, нѣкто Карадини, который служитъ прапорщикомъ въ нижегородскомъ драгунскомъ полку. Онъ нарисовалъ мой портретъ и хочетъ послать его къ Тиму, для напечатанія въ Художественномъ Листкѣ.—Если цензура пропуститъ, то ты увидишь мою фигуру въ произведеніи Тима.—Я взялъ слово съ Карадини, чтобы онъ нарисовалъ другой экземпляръ моего портрета, который отправлю къ тебѣ.

У насъ все это время дѣлали серьезныя приготовленія къ блокадѣ Карса зимою, если эта крѣпость не сдастся прежде, чѣмъ выпадетъ снѣгъ. Хотя гарнизонъ голодаетъ и нѣтъ уже лошадей, однако до сихъ поръ не сдается.—Мы заготовляемъ сани. лопаты для разгребанія снѣга и пр. и пр. Упорство Карскаго гарнизона меня сердитъ болѣе чѣмъ кого либо, удерживая меня вдали отъ Васъ.

Цѣлую всѣхъ.

Твой Александръ.

Библиотека "Руниверс"

13-го Ноября 1855. Село Чивтлигая.

Сообщу тебѣ пріятную новость, милый мой другъ Машинька! Вчера пріѣзжалъ адъютантъ Вильямса, Тиздель, съ письмомъ къ главнокомандующему, въ которомъ Вильямсъ просилъ свиданія съ нимъ. Сегодня это свиданіе состоялось и сдача Карса рѣшена. Завтра будутъ утверждены взаимной подписью условія сдачи, а послѣзавтра весь гарнизонъ, за исключеніемъ безсрочно-отпускныхъ и милиціи, сдается военно-плѣннымъ.—Вильямсъ разсказывалъ ужасы о несчастномъ положеніи этого гарнизона, да всѣ эти дни были перебѣжчики, говорившіе что ему не чѣмъ болѣе кормиться.—Когда займемъ Карсъ, то сообщу тебѣ подробности сдачи и того положенія, въ какомъ гарнизонъ будетъ найденъ.—Перейду теперь къ твоему разговору съ Вольфомъ; что на меня многіе нападаютъ—понятно, безъ этого жить нельзя; но на меня взваливаютъ такія обвиненія, въ которыхъ я не причастенъ.—Послѣ боя при Клорукъ-Дара, я первый сказалъ князю Бебутову, что надо преслѣдовать непріятеля; но къ сожалѣнію, другіе были противнаго мнѣнія. На счетъ движенія къ Карсу не было никакого совѣта, а князь Бебутовъ самъ рѣшилъ не идти туда по трудности предпріятія. Дѣйствія нынѣшняго оправдали его блистательнымъ образомъ.—Князь Бебутовъ, объясняя причины, по которымъ не можемъ взять Карса, не упоминалъ о военномъ совѣтѣ, *никогда не бывшемъ*, а слѣдовательно не могло быть рѣчи и обо мнѣ.—Въ Тифлисѣ это обстоятельство хорошо знали; знали даже и о моемъ предложеніи преслѣдовать непріятеля.

По случаю сдачи Карса, роспуска войскъ на зимнія квартиры и упраздненія потомъ штаба, мнѣ будетъ еще много работы, такъ что ранѣе конца Декабря я не успѣю отдѣлаться. Но потомъ сейчасъ же поѣду въ Петербургъ.

До скораго свиданья.

Александръ.

---

21 Ноября 1855

То же селеніе Чивтлигая, названное теперь *Владикарсомъ.*

Вѣроятно по случаю дурного состоянія дорогъ почты начали ходить неисправно, а потому въ продолженіи этой недѣли я не получилъ отъ тебя, мой милый другъ, никакой вѣсточки.

Библиотека "Руниверс"

16-го ноября свершилось наконецъ великое событіе: вся Анатолійская Армія, съ главнокомандующимъ, восемью пашами и генераломъ Вильямсомъ со штабомъ—положили передъ нами оружіе.—Крѣпость Карсъ занята уже нашими войсками. Овладѣніе этой крѣпостью не такъ важно, какъ уничтоженіе всей Анатолійской Арміи и всего матеріальнаго ея достоянія: всѣ орудія числомъ 130, все оружіе и всѣ военные запасы находятся въ нашей власти.—Сформированіе новой арміи для всякаго государства трудно, а въ особенности для истощенной Турціи. Если союзники не подадутъ ей руку помощи, то русская армія будетъ хозяйничать въ 1856 году въ Малой Азіи по своему произволу.—Мы всѣ радуемся сдачѣ Карса и Турецкой арміи, потому что это событіе обрадуетъ немного Государя, получавшаго до сихъ поръ только извѣстія о неудачахъ.—

Надѣюсь разсказать тебѣ лично всѣ подробности положенія оружія турецкою арміей; теперь же сообщу только, что подобный актъ весьма печаленъ для всякаго военнаго, и да избавитъ Богъ каждаго изъ насъ отъ той печальной участи, которая постигла турокъ. Нѣтъ словъ, чтобы описать ихъ ужасное состояніе: изнуренные, голодные и плохо одѣтые предстали они нашимъ глазамъ; нѣкоторые изъ нихъ не дошли даже до нашего лагеря, отстоящаго отъ Карса всего въ восьми верстахъ, и умерли на дорогѣ.—Не смотря на многочисленность плѣнныхъ, мы приняли ихъ по возможности гостепріимно и накормили. Изнуреніе иныхъ было такъ велико у нихъ, что нѣсколько человѣкъ, даже по принятіи пищи вскорѣ умирали.—Всѣмъ плѣннымъ отведенъ особый лагерь, за ними ухаживаютъ, сколько позволяютъ средства; не взирая однако на это, они умираютъ каждый день десятками.—Вообще положеніе ихъ ужасное. Сдача Карса повлекла за собой новыя, усиленныя занятія: отправленіе плѣнныхъ партіями въ Тифлисъ, отправленіе туда же главнокомандующаго и пашей, приведеніе въ извѣстность всѣхъ оставшихся запасовъ и оружія и наконецъ роспускъ войскъ на зимнія квартиры.—Я съ удовольствіемъ переношу всѣ эти труды, чтобы скорѣе попасть въ Александрополь.—Хотя штабъ дѣйствующаго корпуса и не распускается, но ни за что не останусь начальникомъ штаба и буду проситься въ отпускъ для поправленія здоровья.—Когда сравню мои отношенія къ князю Бебутову съ теперешними, то до слезъ дѣлается обидно за громадную разницу въ обхожденіи. Возьми хоть прошлый эпизодъ изъ моей боевой жизни: наканунѣ сраженія при Курюкъ-Дарѣ, лазутчики донесли мнѣ, что шестидесятитысячное турецкое войско, движется усиленнымъ маршемъ на насъ, съ намѣреніемъ напасть ночью врасплохъ на наши спящія

Библиотека "Руниверс"

войска и уничтожить ихъ,—Я былъ того мнѣнія, чтобы предупредить вѣроятное нападеніе, но князю Бебутову было жаль тревожить переутомленныхъ солдатъ и онъ желалъ дождаться утра.—Наконецъ послѣ нескончаемыхъ разговоровъ, убѣжденій съ моей стороны, (три раза я позволялъ себѣ будить его), онъ сдался на мои доводы и поднятыя мною войска тихо и безшумно пошли навстрѣчу непріятелю, съ которымъ встрѣтились на разсвѣтѣ. Турки при этой неожиданности до того растерялися, что наша, какъ тебѣ уже извѣстно 18 т. армія, побѣдила блестяще шестидесятитысячную. Вообще насколько турки замѣчательно защищаются въ ложементахъ, настолько они слабо дерутся въ открытомъ полѣ.—Благодаря тому что князь Бебутовъ своимъ обширнымъ умомъ всегда старался дѣйствовать въ пользу русскаго государства, русской арміи, не кичася своимъ положеніемъ, онъ внялъ голосу человѣка болѣе свѣдующаго въ этомъ дѣлѣ и мы одержали верхъ.—Встань же онъ на точку зрѣнія, что главному начальнику все извѣстно, что онъ непогрѣшимъ и т. д. неизвѣстно чѣмъ бы это все кончилося.—

Ну теперь навѣрное уже до скораго свиданія, милая Машинька, и не забывай своего

Александра.

P. S. Положимъ, что моя воркотня выходитъ не очень логична, такъ какъ мы взяли Карсъ, но теперь, будь я въ такомъ же положеніи какъ и тогда, не сталъ бы даже излагать своего мнѣнія, потому что этимъ нарвался бы только на сильныя непріятности.

2-го Декабря 1855. Владикарсъ.

Буду отвѣчать тебѣ, милый мой другъ на всѣ твои вопросы и начну съ того, что 30-го Ноября главнокомандующій выѣхалъ изъ отряда въ Тифлисъ, 4-го Декабря Браммеръ предполагаетъ переѣхать въ Александрополь, я же съ прибытіемъ въ этотъ городъ возьму свидѣтельство о болѣзни и буду проситься на отпускъ.—Ермолеенскій на штурмѣ Карса не былъ, потому что не могъ возвратиться изъ Петербурга къ 14-му Сентября. Гарднеръ здравъ и невредимъ и находился въ день штурма въ колоннѣ графа Нирода, которая только угрожала Карсу, но ни принимала участія въ дѣйствительномъ бою.

Бригенъ командовалъ батальономъ въ Рязанскомъ полку, но немного прорвался за излишнее поклоненіе Бахусу, и представляется къ переводу въ другой полкъ.

Библиотека "Руниверс"

Какъ только получу въ Александрополѣ отпускъ и сдамъ свои занятія замѣняющему меня генералъ майору Ольшевскому, на что потребуется дней десять, поѣду въ Тифлисъ, гдѣ пробуду короткое время и прямо къ вамъ. Жди меня въ послѣднихъ числахъ генваря, самое позднее начало февраля, и не вѣрится мнѣ, что на мою долю выпадаетъ наконецъ счастіе вернуться въ свою семью.

Весь твой

Александръ.

Письма князя В. О. Бебутова *) къ А. А. Неверовскому.

Тифлисъ. 14 марта. 1855.

Любезный Александръ Андреевичъ!

Происшествіе, случившееся со мной на третьей верстѣ отъ Александрополя, т. е. переломъ шкворня, вамъ уже извѣстно; въ тарантасѣ генерала Трегубова мы продолжали путь далѣе; переночевавъ въ Караклисѣ на другой день въ Дилинджанѣ осмотрѣлъ квартирующія по дорогѣ роты саперъ, распекъ смотрителя Дилинджанскаго провіантскаго магазейна и поѣхалъ далѣе на ночлегъ къ станціи Агстафа; не доѣзжая Барусанской станціи, я встрѣтилъ линейный казачій полкъ, слѣ-

---

*) Князь Василій Осиповичъ Бебутовъ, происходящій изъ древняго грузинскаго рода, родился въ 1791 г., воспитывался въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ и по произведеніи въ офицеры въ 1809 году былъ отправленъ на службу въ Грузію, гдѣ состоялъ адъютантомъ при правителяхъ Тормасовѣ, маркизѣ Паулучи и Ермоловѣ. Въ чинѣ полковника въ 1815 г. назначенъ управлять Имеретіей. Въ персидскую войну 1828 г. выдержалъ въ Карсѣ десятидневную осаду 20000 войска, когда нашихъ было только нѣсколько сотъ и удачными вылазками заставилъ непріятеля отступить. Въ 1830—38 управлялъ образованною тогда Армянскою областью, четыре года служилъ внѣ Кавказа, и произведенный въ генералъ-лейтенанты съ назначеніемъ князя Воронцова намѣстникомъ въ 1843, воротился на родину и во время всѣхъ походовъ противъ непріятеля проявлялъ рѣдкую храбрость, отвагу. Въ 1850 г. сопровождалъ (за болѣзнью Воронцова) Государя въ путешествіи его по Кавказу. Въ 1855 получилъ въ командованіе корпусъ, дѣйствовавшій по турецкой границѣ. Въ томъ же году—побѣда его надъ турками при Башъ-Кадыкфѣ (20 Ноября) послѣ Синопа самое блистательное дѣло въ эту войну, Произведенный въ полные генералы въ 1856 г. Бебутовъ былъ уже пораженъ болѣзнью (ракомъ въ желудкѣ), которая свела его въ могилу 10 марта 1858 г. Не задолго до кончины получилъ званіе члена Государственнаго Совѣта.

Библиотека "Руниверс"

довавшій къ вамъ, и осмотрѣвъ его, нашелъ лошадей въ хорошемъ видѣ, а людей бодрыхъ.—

Съ послѣдняго ночлега благополучно доѣхалъ до Тифлиса и встрѣтилъ у заставы жену и дочь, которыя вамъ кланяются, а первая благодаритъ васъ за вашу добрую объ ней память.—

На другой день, т. е. 11 числа, г. главнокомандующій изволилъ принять меня въ 11 часовъ утра и въ тотъ же день пригласилъ меня къ обѣду, хотя постному, но очень вкусному.—

Николай Николаевичъ Муравьевъ принялъ меня очень ласково и благосклонно, разспрашивалъ о положеніи дѣлъ у турецкой границы, о войскахъ входящихъ въ составъ дѣйствующаго корпуса, о начальникѣ штаба онаго, т. е. о васъ, и проч., и заключилъ тѣмъ, что онъ имѣетъ многое кое о чемъ со мною переговорить.—Объяснивъ всѣ предметы, заключавшіеся въ вопросахъ Его Высокопревосходительства, а относительно васъ изложивъ чувства мои, къ достоинству и способностямъ вашимъ мною питаемыя, я возвратился домой, чтобы принять гг. военныхъ, гражданскихъ и ратнаго вѣдомства чиновниковъ, и здѣшнихъ духовныхъ лицъ, и гражданъ, и пр., и пр.

Страхъ и трепетъ, ощущаемыя здѣсь до пріѣзда г. главнокомандующаго мало по малу разсѣялись; вмѣсто какого то страшилища въ лицѣ его видятъ человѣка справедливаго, вполнѣ понимающаго важную свою обязанность, но вмѣстѣ съ тѣмъ съ правилами строгими, требующаго, чтобы всякій зналъ свое дѣло, исполняя долгъ свой добросовѣстно и честно.—

Вчера пріѣхалъ ко мнѣ полковникъ Лористонъ и привезъ мнѣ извѣстныя вамъ бумаги вмѣстѣ съ письмомъ вашимъ, доставившемъ особенное удовольствіе мнѣ, васъ отъ души уважающему.—

Докладную записку о сформированіи куртинскихъ полковъ и рапортъ о дѣлахъ куртинцевъ, Лорисъ-Меликовымъ доставленный, мною представлены къ г. главнокомандующему, который при докладѣ тѣхъ бумагъ, вѣроятно, потребуетъ меня для личныхъ объясненій. Обстоятельства по предмету куртинскихъ дѣлъ, оставленныхъ вами въ резервѣ весьма основательны и душевно васъ благодарю за ваше постоянное благоразуміе и неустанные труды,—

Библиотека "Руниверс"

О предметахъ, касающихся до военныхъ дѣлъ, г. главнокомандующій не говорилъ мнѣ по сіе время, оставляя оныя для объясненіи впослѣдствіи, но о дѣлахъ гражданской администраціи два раза уже по четыре часа изволилъ бесѣдовать со мною и спрашивать у меня нѣкоторыя поясненія. Вамъ извѣстно, что по должности начальника гражданскаго управленія, каковое званіе ношу и до сихъ поръ, дѣла по этой части мнѣ извѣстны, а потому по мѣрѣ возможности объяснялъ обстоятельства и ходъ гражданскихъ дѣлъ.—Это самая трудная часть управленія на Кавказѣ и за Кавказомъ, и я всегда былъ такого мнѣнія, что гораздо легче воевать съ Шамилемъ и турками, нежели съ гражданскими приказными.—

Г. Романовскому поручилъ я отправить къ вамъ нѣкоторыя бумаги, по которымъ вы сдѣлаете распоряженіе.—

Особыхъ новостей здѣсь пока нѣтъ или я ихъ не знаю. Сейчасъ только простился со мною к. Григорій Дмитричъ Орбеліянъ, отправляясь съ Радецкимъ въ Т.-Х.-Шуру, онъ кланяется вамъ, при этомъ сообщилъ мнѣ пріятную новость, доставленную пріѣхавшимъ съ лѣваго фланга Кавк. лин. курьеромъ, что плѣнницы наши, княгиня Чавчавадзе и Орбеліанова съ дѣтьми вымѣняны на сына Шамиля съ придачею, какъ говорятъ 40 т. р. и дамъ этихъ ждутъ въ Т. Х. Шуру.—

Кн. Барятинскаго и Индреніуса видѣлъ нѣсколько разъ, оба завалены дѣлами и справками.—

Г.-л. Ковалевскій и г.-м. Майдель до пріѣзда моего вытребованы были г. главнокомандующимъ и они теперь находятся здѣсь.—

Съ удовольствіемъ вспоминаю скромную нашу Александропольскую жизнь; здѣсь бурно и шумно; подъ вліяніемъ этихъ элементовъ пишу вамъ это несвязное письмо: не успѣваю окончить строку, чтобы не быть отторгнутымъ отъ письменнаго стола, пріѣздомъ того, другого и такихъ лицъ, въ пріемѣ которымъ отказать нельзя.—

Люблю аккуратность въ частной перепискѣ, но если на сей разъ не вполнѣ соблюдена мной таковая, то, повѣрьте, не отъ недостатка желанія; слѣдовательно имѣю право на снисхожденіе, а потому прошу передать поклонъ всѣмъ моимъ сослуживцамъ; а вашей хозяйкѣ въ

Библиотека "Руниверс"

особенности, можетъ быть, эта послѣдняя коммисія вамъ будетъ пріятна. Генералу Трегубову мой поклонъ и благодарность за тарантасъ.—

Душевно вамъ преданный

Кн. В. Бебутовъ.

---

18 марта 1855 г. Тифлисъ.

Любезный Александръ Андреевичъ!

По полученіи рапорта о куртинцахъ, г. главнокомандующій долго говорилъ со мною относительно Родоначальниковъ и общества ихъ и о Косумъ-Ханѣ, о которомъ кто-то, вѣроятно, фабрикантъ новостей, доложилъ Николаю Николаевичу, будто Косумъ-Ханъ бросилъ эполеты и бѣжалъ въ Турцію.

Его Высокопр-во, узнавъ изъ объясненія моего, что Косумъ-Ханъ не находился у насъ, а напротивъ, оставаясь въ Турціи, дѣйствовалъ въ пользу нашу, не предпринимая никакихъ противъ насъ непріятныхъ дѣйствій, что составляло главную цѣль моихъ съ Касумъ-Ханомъ сношеній, не говоря ничего, казалось думалъ о томъ, что эту нелѣпую штуку или новость выдумалъ какой нибудь добрый человѣкъ.—

О сборѣ куртинскихъ полковъ и мусульманскихъ равно и осетинъ, дѣлается уже распоряженіе и скоро получимъ увѣдомленіе.—

Ахметъ-Агу и Серченга, полагаю, въ отсутствіи моемъ безполезно вызывать; но если пребываніе мое здѣсь замедлится, о чемъ рѣшительно сказать вамъ ничего не могу, ибо Николай Николаевичъ по сіе время не коснулся этого, то, согласно предположенію вашему и въ случаѣ необходимости, вызовите ихъ подъ предлогомъ сформированія Куртинскаго полка и займите ихъ до минованія надобности.

Не раздѣляя мысли полковника Хращатицкаго о занятіи Талыка(?) пѣхотою и казаками, я прошу васъ написать генералу Суслову и Назарову, дабы первый, какъ начальникъ войскъ, а послѣдній въ качествѣ военнаго губернатора приняли бы положительныя, но не полумѣры,— строго стеречь стада, отогнанныя къ Сардаръ-Акаду и Карасу до раз-

Библиотека "Руниверс"

литія Арпачая и Аракса, послѣ чего куртины, если и имѣли бы намѣреніе перейти въ Турцію, поневолѣ отъ того откажутся.—

Объ измѣненіи распоряженія относительно линейныхъ казачьихъ полковъ, говорилъ мнѣ г. Чорба, котораго я встрѣтилъ около Дилинджана, и на дняхъ тоже самое объявить мнѣ изволилъ г. главнокомандующій присовокупивъ, что Его Высокопрв-во желаетъ чтобы Кашковъ остался при Александропольскомъ отрядѣ, а мнѣ поручилъ отыскать ему мѣсто, соотвѣтственное его чину. Кашковъ вѣроятно уже выступилъ оттуда, я его увижу или здѣсь, или на дорогѣ, и вамъ, для свѣдѣнія между вами, сообщаю, что я полагалъ бы дать полковнику Чавчавадзе одинъ изъ мусульманскихъ полковъ, а Кашкова назначить бригаднымъ двухъ лин. каз. полковъ; другого мѣста я придумать не могъ.—

Въ Карсѣ, гдѣ еще бредятъ арабскими сказками, вѣроятно подъ этимъ вліяніемъ, выдумали *утку*, о новомъ Мунирѣ, инкогнито гуляющимъ по городу; времена Гарунъ Аль-Рашидовъ, прошли; полупросвѣщенные паши, а можетъ быть подлецы Маджары подобными выдумками занимаютъ и войска и народъ, легко въ нихъ вѣрующіе.—

Въ иностранныхъ журналахъ помѣщены уже статьи о кончинѣ императора Николая I-го, Австрія и Пруссія оказываютъ большое сочувствіе къ горести, постигшей Россію, посмотримъ какой будетъ отголосокъ этому событію изъ Англіи и Франціи, и вообще какое вліяніе произведетъ въ Европѣ на политику кончина Государя.—

Кн. Барятинскій и Индреніусъ сдѣлалися невидимками; послѣдняго вижу еще иногда, но первый такъ занятъ дѣлами, что доступа нѣтъ.—

Г. главнокомандующій обращаетъ вниманіе сверхъ другихъ предметовъ, въ особенности на денежные расходы; расходъ 27 т. черв. изъ куртинской суммы ужаснулъ его и когда объяснилъ я пользу этими расходами принесенную, тогда, хотя и успокоился, но сказалъ мнѣ, что въ Бозѣ почивающій Императоръ изволилъ выразиться такъ: „всякое сбереженіе суммъ я приму съ признательностью“; по этому сказалъ Николай Николаевичъ, намъ нужно сколько можно умѣрить расходы. „Кажется мы не расточительны, но долгъ нашъ по возможности беречь казну отъ тѣхъ алчныхъ вороновъ, нападающихъ на нее, какъ на трупъ, отвѣчалъ я Николай Николаевичу“.

Библиотека "Руниверс"

Полковникъ К. Андронниковъ пишетъ мнѣ о необходимости переселить нѣкоторыя татарскія деревни, въ таковыя же къ Сѣверной сторонѣ лежащія Шурасальскаго Санджака въ сосѣдствѣ съ деревнею Охчи-Огла и прочихъ; и о прибавленіи жалованья ясауламъ, которые будто бы разошлись уже потому, что по дороговизнѣ не могли содержать себя и лошадей, назначеннымъ имъ жалованьемъ. Потребуйте къ себѣ кн. Андронникова, пускай всѣ обстоятельства объяснитъ вамъ по переселенію и, сообразивъ оныя, вы увидите есть ли возможность привести въ исполненіе переселеніе деревень и полезно ли будетъ. Тогда увѣдомьте меня, если это необходимо, и мы сдѣлаемъ надлежащее распоряженіе, что же касается о прибавкѣ денегъ, объявите кн. Андронникову приказаніе г. главнокомандующаго, изложенное въ этомъ моемъ письмѣ; слѣдовательно о деньгахъ ни гу-гу.—

Третьяго дня, по приказанію г. главн., всѣ военные генералы и начальники частей, равно и гражданскіе, въ нашей парадной формѣ, а послѣдніе въ мундирахъ, откланиваясь, простились съ генераломъ Реадомъ, который отправляется къ мѣсту своего новаго назначенія.

Преданный вамъ

Кн. В. Бебутовъ.

При семъ посылаю вамъ двѣ пепельницы, работы тифлисской гранильной фабрики; приношеніе не дорогое, но отъ искренняго сердца.

---

20 Марта 1855. Тифлисъ.

Любезный Александръ Андреевичъ!

Вчерашняго числа я писалъ вамъ между протчимъ, что мнѣ приказано было Николай Николаевичемъ явиться къ нему въ 7-мь часовъ вечера; пользуясь отходомъ почты сегодня, пишу вамъ о результатахъ вчерашней аудіенціи; Его Высокопр-во, обращаясь ко мнѣ съ разными вопросами, выразить изволили желаніе, чтобы я провелъ здѣсь праздники, если какія либо обстоятельства неожиданныя не потребуютъ моего присутствія въ Александрополѣ.—

Подобное предложеніе очень кстати для меня, потому что по сіе время не успѣлъ я распорядиться по моимъ домашнимъ дѣламъ, чтобы

Библиотека "Руниверс"

успокоить мое семейство во время моего изъ Тифлиса отсутствія. Несмотря на желаніе мое быть съ вами и провести вмѣстѣ предстоящіе праздники Воскресенія Спаса нашего Іисуса Христа, я долженъ остаться здѣсь, можетъ быть, до 1-го Апрѣля, но, ежели, сверхъ ожиданія, по какимъ либо обстоятельствамъ, вы увидите, что присутствіе мое въ Александрополѣ необходимо, то прошу васъ въ такомъ случаѣ увѣдомить меня немедленно съ нарочнымъ, а по важности дѣла и дубликатомъ.—

На вопросъ о сборѣ александропольскаго отряда буду ли я спрашивать разрѣшенія, я доложилъ, что, когда настанетъ удобное время, самъ сдѣлаю распоряженіе, чтобы стягивать войска и о томъ буду имѣть честь въ свое время донести Его Высокопр. съ представленіемъ маршрута, въ которомъ означено будетъ, какая часть, когда прибудетъ въ Александрополь.

Вамъ извѣстно, что по желанію ген.-м. Кишинскаго братъ, пѣх. к. Варшавскаго полка подпорутчикъ, прикомандированъ былъ на время къ Гренадерскому полку; нынѣ ген.-м. Кишинскій, получивъ отчасти обличеніе, проситъ, чтобы по минованіи надобности, для какой цѣли прикомандированіе брата его состоялось, отправить подпорутчика Кишинскаго въ Эриванскій отрядъ, къ батальону Варшавскаго полка, которому офицеръ этотъ принадлежитъ; объ этомъ прошу васъ сдѣлать распоряженіе.—

Препровождаю при семъ докладную записку вдовы княгини Шаликовой, о которой, сколько мнѣ помнится, есть у насъ въ штабѣ дѣло, и кажется вдова эта по стеченію романическихъ обстоятельствъ, не признается законною; если не ошибаюся, по просьбѣ вдовы Шаликовой и вы имѣли какую то переписку съ Миллеромъ, который, вѣроятно, по полученіи представленныхъ къ нему помянутою вдовою свидѣтельствъ, доставитъ мнѣ свой отзывъ, тогда я съ удовольствіемъ приму участіе въ этой вдовѣ и сдѣлаю, что только отъ меня зависѣть можетъ, во уваженіе памяти штабъ-офицера, павшаго на полѣ чести.—

Здѣсь сказали мнѣ, что въ интендантство доставлено много денегъ, часть которыхъ, вѣроятно, отправятъ въ полевое наше провіантское комиссіонерство, которое отъ подобнаго прилива будетъ въ состояніи удовлетворять полки и команды слѣдующимъ имъ содержаніемъ.

Библиотека "Руниверс"

Если буду имѣть удовольствіе лично христосоваться съ вами, то, конечно, встрѣтилъ бы васъ съ краснымъ по обычаю яйцомъ; но такъ какъ удовольствіе это въ настоящемъ положеніи дѣла подлежитъ сомнѣнію, въ такомъ случаѣ посылаю вамъ два мраморныхъ, изъ которыхъ маленькое въ день праздника передайте Мотыльку, дочери Марказова, поцѣловавъ ее за меня, а если хотите и за себя также, при чемъ вы конечно воспользуетесь принятымъ въ эти праздники въ святой Руси христіанскимъ обрядомъ и расцѣлуете обыкновеннымъ образомъ и постарше Мотылька. Въ добрый часъ.

Желаю вамъ отъ искренняго сердца весело встрѣтить и проводить праздники предстоящіе, прошу не забывать того, который, находясь въ отлучкѣ и далеко отъ васъ, мысленно однако съ вами неразлученъ и желаетъ вамъ здоровья, оставаясь

всегда вамъ преданнымъ

Кн. В. Бебутовымъ.

Жена моя и дочка благодарятъ васъ за память, усердно вамъ кланяются.

22-го Марта 1855. Тифлисъ.

Любезный Александръ Андреевичъ!

. . . . . .

. . . . . .

прошу пойманнаго Сулейманомъ Джангиръ-Огла, куртина держать строго подъ арестомъ въ крѣпости; между тѣмъ нужно положительнымъ образомъ удостовѣриться, точно ли этотъ куртинъ принадлежитъ тѣмъ, кои постоянно живутъ при Косумъ-Ханѣ.—Объ этомъ приказаніи моемъ Лористонъ пишетъ Лалаеву, которому и вы подтвердите, чтобы собрано было о помянутомъ куртинѣ вѣрное свѣдѣніе.—

Отвѣтъ вашъ агенту нашему, отзывъ, дѣланный вами нащетъ извѣстнаго Франка и содержаніе письма вашего Косумъ-Хану совершенно одобряю, какъ согласные съ обстоятельствами и приличные предмету.

. . . . . .

г. главнокомандующій желаетъ чтобы лишніе офицеры ни при комъ

Библиотека "Руниверс"

не состояли и самъ строго держится этого правила. Николай Николаевичъ пожелалъ имѣть одного хорошаго унтеръ-офицера изъ новыхъ драгунскихъ полковъ для объѣзда лошадей; чтобы скорѣе исполнить волю Его Высокопр.—я написалъ письмо генералъ-маіору Куколевскому, прося его немедленно прислать одного унтеръ-офицера, по искусной ѣздѣ и хорошему поведенію извѣстнаго.

. . . . . .

Графъ Нирод независимо отъ оффиціальнаго донесенія по возложенному на него порученію, прислалъ мнѣ при своемъ письмѣ записку по предмету пополненія въ драгунскомъ Его В. И. В. полку строевыхъ лошадей; изъ этой записки видно, что казна обязана пополнить полку 242 лошади; я очень благодаренъ графу Александру Евстафьевичу за исполненіе этого порученія и за пріятное извѣстіе о хорошемъ состояніи драгунскаго полка и батареи, расположенныхъ около Елисаветполя. Сдѣлайте одолженіе, передайте графу мое почтеніе и благодарность.

Между тѣмъ, вы вѣроятно уже заготовили донесеніе о томъ, которое пойдетъ своимъ порядкомъ; а здѣсь такъ заняты мы дѣлами, что развѣ по полученіи донесенія примутся за пополненіе лошадей. Жена моя и дочка благодарятъ васъ за добрую объ нихъ память и свидѣтельствуютъ вамъ свое почтеніе

всегда вамъ преданный

Кн. В. Бебутовъ.

---

26 Марта 1855. Тифлисъ.

Любезный Александръ Андреевичъ!

По мѣрѣ возрастанія у начальниковъ штаба охоты и расположенія писать, падаетъ, какъ видно, у командующаго корпусомъ дѣятельность по письменной части; въ первомъ случаѣ очень доволенъ и благодарю васъ за пространное письмо отъ 21-го Марта, чтеніе котораго служило мнѣ отдохновеніемъ; во второмъ же случаѣ прошу не прогнѣваться, если иногда лѣнюсь писать вамъ, впрочемъ, не отъ недостатка желанія.—

Присланныя вами бумаги получены исправно; рапортъ о Лорисѣ очень хорошо былъ написанъ и пущенъ въ ходъ; прочія бумаги возвращаются къ вамъ, изъ коихъ о разныхъ мельницахъ и о 49-ти лошадяхъ прошу васъ исполнить по сдѣланной на оныхъ мною отмѣткѣ,

Библиотека "Руниверс"

но чтобы о помянутыхъ лошадяхъ не было въ моемъ донесеніи противорѣчія, я желалъ бы выразить упущеніе полковаго командира, по которому я не въ правѣ былъ выдать свидѣтельство, и это само упущеніе представить на благоуваженіе г. Главнокомандующаго, отъ власти котораго зависѣть будетъ и удовлетвореніе и разрѣшеніе этого вопроса.—

Отъѣздъ мой отсюда къ вамъ не обозначенъ еще, но такъ какъ г. Главнокомандующій между разговоромъ сказалъ мнѣ, что онъ намѣренъ ѣхать для осмотра Гурійскаго отряда, и поѣздка эта должна состояться въ скоромъ времени, то черезъ нѣсколько дней послѣ Пасхи я буду имѣть случай увѣдомить васъ о времени моего выѣзда.—

К. Андреевскій пускай не груститъ нащетъ того, что не смѣю добавлять денегъ, излишній расходъ которыхъ воспрещенъ подъ смертною казнью. Вы очень хорошо сдѣлали, что Ахмедъ-Агу и Серченга увѣдомили предварительно о приготовленіи къ формированію куртинскаго полка; вопросъ этотъ разрѣшенъ, хотя еще оффиціальной бумаги не имѣю.—

Генерала Бриммера я не засталъ здѣсь, онъ былъ командированъ въ Имеретію; вчера только возвратился Бриммеръ, съ которымъ переговорю о дено, состояніе коего, по словамъ Генерала Васмунда, не въ удовлетворительномъ положеніи.

Генералъ Ольшевскій выѣхалъ на лѣвый флангъ Лезгинской линіи; Браневскому поручены резервные баталіоны, изъ коихъ два вчера вступили въ Тифлисъ.—

Романовскому поручено мною сообщать вамъ всѣ здѣшніе слухи о разныхъ предметахъ, которые скорѣе доходятъ до молодежи; я узнаю объ нихъ или очень поздно или никогда.—

Обнимая васъ и христосуясь съ вами заочно, я прошу, покорно, передать поздравленіе съ наступающимъ праздникомъ Спаса нашего кн. А. И. Гагарину и всѣмъ моимъ добрымъ сотрудникамъ и товарищамъ съ которыми и умереть пріятно.

Вмѣстѣ съ тѣмъ прошу принять искреннее увѣреніе въ неизмѣнной моей къ вамъ преданности, съ которой пребуду

душевно Васъ почитающій

К. В. Бебутовъ.

P. S. Подумайте о Соколовѣ и Жабѣ, которымъ Кюракъ-Дара текла по усамъ, а въ ротъ не попала. Передайте мой поклонъ Жабѣ.

Кн. В. Бебутовъ.

Библиотека "Руниверс"

30 марта 1855. Тифлисъ.

Любезный Александръ Андреевичъ!

Послѣднее письмо ваше заключающее въ себѣ нѣкоторыя свѣдѣнія, я получилъ и съ удовольствіемъ узналъ изъ онаго, что особенно важныхъ происшествій не случилось у васъ. Касательно куртинскихъ стадъ вы очень хорошо распорядились; не недовѣрчивость къ Али-Агѣ, но настоящее положеніе куртинскихъ обществъ заставляютъ насъ принимать подобнаго рода мѣры, но къ Али-Агѣ, давшему мнѣ слово и присягнувшему въ присутствіи Эфендія и многихъ другихъ въ вѣрности нашему правительству, я имѣю довѣріе и надѣюсь, что онъ не измѣнитъ своему слову; эту мысль сообщите Эфендію и скажите ему, чтобы онъ написалъ Али-Агѣ.

. . . . . .

Отѣздъ мой обозначенъ приказаніемъ г. главнокомандующаго, который отправляясь въ Гурійскій отрядъ 4-го числа Апрѣля, дозволилъ мнѣ также выѣхать 5-го или 6-го чиселъ. . . . . .

Между тѣмъ наступаетъ время, въ которое нужно заняться стягиваніемъ войскъ, но неизвѣстно какая стоитъ погода около Александрополя и вообще есть ли надежда на появленіе въ скоромъ времени весны; а здѣсь почти лѣто: по пріѣздѣ моемъ мы займемся этимъ предметомъ, т. е. сосредоточеніемъ войскъ по мѣрѣ погоды для пѣхоты и для кавалеріи, соображаясь съ подножнымъ кормомъ.—

При свиданіи у меня много кое о чемъ съ вами поговорить, а потому заключаю мое письмо желаніемъ вамъ здравія.

Жена и Сонечка кланяются вамъ, поздравляя васъ съ наступающимъ праздникомъ.

Преданный вамъ

Кн. В. Бебутовъ.

Библиотека "Руниверс"

6-ть часовъ утра 5 Апрѣля 1855. Тифлисъ.

Любезный Александръ Андреевичъ!

Часа черезъ два г. главнокомандующій уѣзжаетъ въ Гурію для осмотра тамошняго отряда и обзора края; отсутствіе это продолжится дней 15-ть и послѣ возвратившись въ Тифлисъ, мы будемъ имѣть удовольствіе видѣть его среди насъ въ Александрополѣ.—

Сейчасъ ѣду въ полной парадной формѣ откланиваться у Его Высокопр-ва. 9-го числа этого мѣсяца я также выѣзжаю къ вамъ по маршруту, который представитъ вамъ г. Романовскій и по которому прошу васъ приказать приготовить намъ лошадей отъ Караклика, ибо изъ Джалиль-Аглу до той деревни довезетъ насъ полковникъ Десаже.—

Въ одно время въ Александрополь и Лористонъ, хотя выѣзжаетъ онъ изъ Тифлиса днемъ позже.—

До свиданія, почтеннѣйшій А. А., желаю вамъ здравья.

Преданный вамъ слуга

Кн. В. Бебутовъ.

P. S. Письмо это отправлено будетъ съ нарочнымъ казакомъ уже послѣ выѣзда г. Главнокомандующаго изъ Тифлиса.—

Кн. Бебутовъ.

---

30 Мая 1855 г. Тифлисъ.

Любезный Александръ Андреевичъ!

Сего Мая 29 числа благополучно добрался до Тифлиса и, пользуясь отправленіемъ курьера, пишу вамъ нѣсколько словъ, чтобы увѣдомить васъ о счастливомъ совершеніи моего скромнаго путешествія и о томъ, что я нашелъ здоровыми жену и дочь мою, которыя вамъ кланяются.—

Библиотека "Руниверс"

Препровождаю къ вамъ письмо куртинскаго старшины Ахмедъ-Аги-Сулейманъ-Ага-Оглы, прикажите прочесть или перевести оное и ежели содержаніе сего письма заслуживаетъ вниманія, то доведите о томъ до свѣдѣнія командующаго корпусомъ, а въ случаѣ надобности пусть Лористонъ доложитъ и г. главнокомандующему; ежели же письмо это ничего особеннаго въ себѣ не заключаетъ, то положите подъ сукно или разорвите.

Поклонитесь Осипу Ивановичу и всѣмъ моимъ вообще бывшимъ товарищамъ и сотрудникамъ, а вы вѣрьте чувствамъ всегдашней моей къ вамъ преданности.—

Кн. В. Бебутовъ.—

Храбрый Александропольскій отрядъ, любезный Александръ Андреевичъ, давно ожидалъ изъ Севастополя радостныхъ вѣстей, чтобы грянуть пушками и прокричать молодцамъ защитникамъ Севастополя громкое ура! Вотъ адъютантъ кн. Горчакова привезетъ вамъ вожделѣнную вѣсть; союзники повели рѣшительный штурмъ, они отбиты, осрамлены; день штурма былъ днемъ Ватерлоо; сорокъ лѣтъ тому назадъ англичане въ этотъ самый день побѣдили французовъ и Ролланъ лишился тамъ руки, теперь въ этотъ же день англичане и французы вмѣстѣ побиты русскими.

Лорисъ-Меликовъ вѣроятно поспѣшитъ дать знать объ этомъ Муширу въ Карсъ, если тамъ не получили еще свѣдѣнія.

Желаю вамъ здоровья и остаюсь

преданный вамъ

Кн. В. Бебутовъ.

11 Іюня 1855.

Мой поклонъ всѣмъ кто вспомнитъ меня.

Кн. Бебутовъ.

Библиотека "Руниверс"

24 Іюня 1885. Тифлисъ.

Любезный Александръ Андреевичъ!

Съ удовольствіемъ узналъ я о переходѣ нашихъ войскъ черезъ Саганлутскій хребетъ, и имѣю душевное желаніе, чтобы движеніе это увѣнчалося успѣхомъ блистательнымъ.—

Посмотримъ какое распоряженіе сдѣлаетъ Джонъ Буль Вильямсъ, узнавъ о движеніи главнокомандующаго къ Саганлуту, останется съ арміею запертымъ въ Карсѣ или выползетъ оттуда въ открытое поле для боя?

О взятіи въ плѣнъ Башоль-Паши я имѣлъ за нѣсколько дней изъ Эриванскаго отряда извѣстіе до полученія отъ Николая Николаевича оффиціальнаго свѣдѣнія; мнѣ пишутъ что маіоръ Джафаръ-Ага съ 1-мъ куртинскимъ полкомъ преслѣдовалъ турецкую кавалерію до монастыря Сурбъ-Оганезъ и взялъ сказаннаго Пашу, раненаго пикою; надобно знать, что этотъ Башоль-Паша до заключенія мира жилъ въ Тифлисѣ, гдѣ я познакомился съ нимъ, и когда я управлялъ бывшею Армянскою областью, мы были какъ добрые сосѣди въ дружескихъ отношеніяхъ; нужно еще знать, что этотъ же Башоль-Паша попалъ въ плѣнъ 1828 году при взятіи Баязета генераломъ кн. Чавчавадзе.—Теперешнее взятіе его въ плѣнъ куртинскими войсками заслуживаетъ особеннаго вниманія, ибо Башоль-Паша происходя изъ знатной фамиліи куртинскаго племени и будучи наслѣдственнымъ владѣтелемъ Баязетскаго Пашалыка, пользовался особеннымъ вліяніемъ надъ куртами, которые, въ томъ числѣ и важные родоначальники, цѣловали его руки.—Впослѣдствіи турки лишили его наслѣдственнаго достоянія и, какъ вамъ уже извѣстно, онъ жилъ въ одной отдаленной деревнѣ въ самой бѣдности. Турки вызвали его вѣроятно въ предположеніи что въ Баязетскомъ Пашалыкѣ онъ будетъ имъ полезенъ; но видно суждено ему быть русскимъ плѣннымъ.—Полагаю, что Башоль-Пашу пришлютъ сюда, котораго встрѣчу какъ стараго знакомаго.—

Мнѣ пріятно было всегда поболтать съ вами и на сей разъ, найдя свободную минуту, впрочемъ это около 11 часовъ пополудни, не удержался отъ многоглаголанія.

У меня много очень дѣлъ и заботъ: время, которое я проводилъ занимаясь съ вами по службѣ, въ сравненіи съ настоящимъ моимъ положеніемъ показалось бы совершеннымъ отдохновеніемъ.—

Библиотека "Руниверс"

Прошу покорно передать мой поклонъ Э. В. Бриммеру и Бравскому, съ которымъ вы, вѣроятно, живете врозь, но, конечно, иногда встрѣчаетесь. Всѣмъ моимъ товарищамъ и бывшимъ сотрудникамъ низехонько кланяюсь и всѣмъ желаю здравія.—

Прилагаемое при семъ письмо прошу васъ приказать доставить по адресу и вѣрить всегдашней моей къ вамъ преданности и уваженію.

Весь вашъ

В. Бебутовъ.

---

13 Іюля 1855. Тифлисъ.

Любезный Александръ Андреевичъ!

За письмо ваше отъ 3-го сего мѣсяца премного благодарю васъ.

Изъ письма ген. Врашевскаго къ Индреніусу знаю, что вы поправились здоровьемъ, чему душевно радуюсь.—

Пользуясь отъѣздомъ отсюда въ отрядъ полковника Корсакова, котораго просилъ передать вамъ письмо это, я обращаюсь къ вамъ съ просьбою приказать сдѣлать справку о подпорутчикѣ Аткинсонѣ, служащемъ въ кавк. стрѣлк. баталіонѣ, и ежели онъ живъ и здоровъ, то поручить его вниманію и покровительству полковника Лузанова о послѣдующемъ же меня увѣдомить: объ этомъ офицерѣ пишутъ мнѣ изъ Варшавы: но такъ какъ теперь я сошелъ уже со сцены, на которой могъ бы быть полезнымъ въ подобныхъ случаяхъ, то прошу васъ помочь мнѣ въ этомъ, хотя доставленіемъ о помянутомъ Аткинсонѣ, какого либо свѣденія, по полученіи котораго я могъ-бы сообщить Madame *Andro*, интересующейся объ немъ; вы знаете что я имѣю привычку не только исполнять просьбы дамъ, но даже предупреждать ихъ.

Жара нестерпимая здѣсь; хлопотъ много.

Желаю Вамъ быть здоровымъ, жена и дочь моя благодарятъ васъ за память и взаимно кланяются.

Кн. В. Бебутовъ.

Библиотека "Руниверс"

21 Іюля 1855. Тифлисъ.

Любезный Александръ Андреевичъ!

Пользуясь отъѣздомъ нашего генералъ-аудитора съ дѣлами къ г-ну главнокомандующему, я пишу вамъ нѣсколько словъ, чтобы извѣстить васъ о весьма плохомъ моемъ положеніи, происходящемъ отъ нестерпимой жары, въ настоящее время здѣсь существующей; сейчасъ былъ у меня генералъ Ганзенъ, который говорилъ мнѣ, что въ лагерѣ у васъ очень прохладно, а по вечерамъ даже холодно: завидую вамъ, вспоминая прошедшее время, когда и я пользовался прохладою лагерной жизни.

Прошу васъ покорно прилагаемое письмо приказать передать командиру куртинскаго полка Ахмедъ-Агею, которому желаю взять въ плѣнъ Вильямсъ-Пашу, какъ это сдѣлалъ Джафаръ-Ага захвативъ Башоль-Пашу, нынѣ въ Тифлисѣ находящагося.

При случаѣ, когда вы будете имѣть свободную минуту писать мнѣ о своемъ здоровьи, сообщите мнѣ, что сдѣлалось съ Романовскимъ и гдѣ онъ теперь находится; о немъ въ Тифлисѣ разнеслись непріятные слухи: не изъ любопытства я хочу это знать, но отъ того что въ Романовскомъ принимаю живое участіе и люблю его.

Жена и дочь свидѣтельствуютъ вамъ свое почтеніе, а я желаю вамъ здоровья

Преданный вамъ

Кн. В. Бебутовъ.

22-го Іюля 1855. Тифлисъ.

Любезный Александръ Андреевичъ!

Вчера писалъ вамъ, а сегодня дѣлаю то же; припишите ли это тому, что у меня много свободнаго времени или желанію бесѣдовать съ вами, я рѣшить не могу, но скажу вамъ что когда отправляется отсюда къ вамъ курьеръ, у меня одна мысль только,—уловить минуту писать къ вамъ,

Библиотека "Руниверс"

Подъ вліяніемъ этой мысли пишу вамъ нѣсколько словъ, чтобы возбудить въ васъ ту бодрость духа которая всегда обладала вами при различныхъ переворотахъ.

Дѣятельно-усердная служба ваша, весьма хорошо извѣстна мнѣ, не можетъ быть не оцѣнена справедливѣйшимъ и благороднѣйшимъ начальникомъ; это испыталъ я на опытѣ въ продолженіи 46-ти лѣтней моей службы; а потому нужно имѣть терпѣніе, итти прямымъ путемъ, по которому всегда слѣдовали, и, повѣрьте мнѣ, интриги распадутся въ прахъ, а истина и усердная служба Царю и Отечеству восторжествуютъ.

Справедливость вышеизложенныхъ словъ, вамъ, какъ благоразумному человѣку, хорошо извѣстна, и я не рѣшился бы изложить эти слова въ письмѣ ежели не дружба и привязанность къ вамъ не давали бы мнѣ на то нѣкотораго права, и ежели бы, къ сожалѣнію моему, я не получилъ свѣдѣнія о нѣкоторыхъ случившихся съ вами непріятностяхъ, которыя впрочемъ могутъ быть и неосновательны, чему я буду душевно радоваться.

Надѣюсь что письмо это вы примите за повтореніе увѣренія моей къ вамъ дружбы какъ бывшему моему сотруднику и дѣятельному помощнику на полѣ брани, къ которому питалъ всегда особенное уваженіе и питать буду

Преданный вамъ

Кн. В. Бебутовъ.

Не знаю, любезный Александръ Андреевичъ, скоро ли дойдетъ до васъ это письмо, но все таки пишу вамъ съ коммисіонеромъ Каргоновымъ, который, побывъ въ Тифлисѣ нѣсколько дней, возвращается опять въ отрядъ.

Генералъ Бриммеръ съ своимъ штабомъ и частію войскъ, кажется остался около Карса, по выступленію г. главнокомандующаго за Саганижъ; теперь у васъ можетъ быть отыщется нѣсколько свободныхъ минутъ, которыми воспользовавшись, прошу васъ прислать мнѣ свѣдѣніе, какія именно части войскъ т. е. пѣхоты, артиллеріи, кавалеріи и милиціи, пошли въ составъ колонны, выступившей съ главнокомандующимъ и какія остались съ генераломъ Бриммеромъ около Карса.— Вы конечно имѣете уже сообщеніе съ генераломъ Базинымъ.

Библиотека "Руниверс"

У насъ пока благополучно, но къ сожалѣнію холера, обнаружившаяся въ Черноморіи появилась и на Кавказской линіи около Ставрополя; Богъ знаетъ, доберется ли къ намъ она въ настоящемъ году? Этого только не доставало.—Шамиль ничего еще не предпринималъ. Изъ Севастополя нѣтъ особыхъ вѣстей, кромѣ тѣхъ, кои печатаются въ газетахъ.

Въ Тифлисѣ нѣсколько уже дней какъ стало прохладно; и мы нѣсколько отдохнули, а то приходилося слишкомъ плохо отъ удушливой духоты знойныхъ дней.—Прошу васъ передать мой поклонъ Эдуарду Владиміровичу и принять увѣреніе въ постоянномъ моемъ къ вамъ уваженіи.

Преданный вамъ

Кн. В. Бебутовъ.

Тифлисъ, 26 Іюля 1855.

Тифлисъ, 1-го Августа 1855.

Любезный Александръ Андреевичъ!

Извѣстіе о смерти Тальгрена и о отнятіи ноги у генерала Куколевскаго огорчило меня до чрезвычайности, тѣмъ болѣе что потеря эта понесена нами на фуражировкѣ, которая подъ выстрѣлами крѣпостными, если не была совсѣмъ неудачна, то по крайней мѣрѣ, конечно, была весьма скудной.—Жаль мнѣ очень Куколевскаго и Тальгрена.—Сдѣлайте одолженіе, прикажите передать прилагаемое письмо Осипу Михайловичу Куколевскому и если вы найдете свободную минуту, увѣдомьте меня о состояніи его здоровья.

Прощайте, будьте здоровы и благополучны; сего желаетъ вамъ преданный

Кн. В. Бебутовъ.

Любезный Александръ Андреевичъ!

При письмѣ вашемъ отъ 20-го Августа имѣлъ я удовольствіе получить нѣкоторыя свѣдѣнія, о которыхъ я васъ просилъ предъ отъѣздомъ моимъ изъ Александрополя.

Библиотека "Руниверс"

Вы, конечно, помните слова мои, при порученіи вамъ того труда, именно, чтобы эти свѣдѣнія приготовлялись исподволь, имѣя въ виду огромныя занятія чиновниковъ въ ввѣренномъ вамъ штабѣ; не смотря на это, вы превзошли предѣлы моего ожиданія, приславши мнѣ огромную тетрадь, писанную собственною вашею рукою; сколько пріятно мнѣ имѣть трудъ этотъ, совершенный вами собственноручно, столько же удивительно мнѣ когда и какъ находили вы свободное время заняться работою меня одного только интересовать могущею; зная однако хорошо вашу дѣятельность и трудолюбіе, можетъ быть не совсѣмъ достойно оцѣненныя, удивленіе мое обращается въ чувство искренней моей благодарности и рукопись ваша служить будетъ памятникомъ пріятнѣйшаго для меня воспоминанія, дружескаго вашего ко мнѣ отношенія, въ продолженіи котораго и на будущее время нисколько не сомнѣваюсь. —

Благодаря Бога, у насъ пока благополучно и спокойно на всѣхъ пунктахъ; на Кавказской линіи появилась холера и у насъ въ Тифлисѣ было также нѣсколько случаевъ, но кажется тѣмъ и кончится, ибо вотъ уже четвертый день подобные казусы не возобновлялись.

Примите на себя трудъ поблагодарить генераловъ Трегубова и Фетисова за добрую обо мнѣ память и передайте имъ усердный мой поклонъ, равно всѣмъ, кто обо мнѣ вспомнитъ, присовокупивъ что служба моя съ вами будетъ пріятнѣйшимъ воспоминаніемъ въ моей жизни.

Сдѣлайте одолженіе при случаѣ увѣдомьте меня гдѣ теперь находится князь Андронниковъ, о которомъ разнесся слухъ прежде, что онъ тяжко боленъ, потомъ молва зловѣщая, похоронившая его; жена его давно не получала отъ него писемъ и часто спрашиваетъ меня объ немъ; не имѣя никакого свѣдѣнія о мѣстѣ нахожденія его, иногда шутя говорю княгинѣ Андронниковой, что мужъ ея въ плѣну у турокъ и что онъ тамъ женился.

Теперь вамъ сообщу о другомъ предметѣ.

Вамъ извѣстно что по просьбѣ Соколова я взялъ къ себѣ Свѣчина, котораго характеръ хотя отчасти извѣстенъ былъ мнѣ, однако полагалъ что онъ будетъ вести себя прилично; я жестоко ошибся въ Свѣчинѣ, который сверхъ дерзкихъ свойствъ обнаружилъ въ себѣ и поведеніе развратное, поощряемое въ немъ достойнымъ его менторомъ;

Библиотека "Руниверс"

подобныхъ свойствъ офицера я не могъ имѣть при себѣ и приказалъ отправить его въ полкъ, онъ рапортовался больнымъ и, болѣе мѣсяца щитаясь таковымъ, таскался всюду, отзываясь обо мнѣ оскорбительно, что поддерживалъ и Е. Соколовъ, его наставникъ. Эти оба лица такъ ничтожны, что я за стыдъ себѣ буду щитать если обращу на нихъ вниманіе, ибо болтать могутъ сколько имъ угодно, но я прошу васъ исполнить слѣдующую мою просьбу: предупредите генерала Танутрова и графа Нирода, что Свѣчинъ удаленъ отъ меня за дурное поведеніе и что человѣкъ онъ неблагонадежный и неблаговоспитанный; а Павлу Николаевичу Браневскому скажите отъ меня, что я приказалъ его отправить курьеромъ не изъ особой къ нему довѣренности, а потому чтобы соблюсти казенный интересъ, ибо во всякомъ случаѣ Свѣчину слѣдовало выдать прогоны; обстоятельство это тѣмъ болѣе нахожу нужнымъ сообщить Павлу Николаевичу, что Николай Николаевичъ Муравьевъ, зная о состояніи при мнѣ Свѣчина, можетъ быть изволитъ спросить о томъ полагая, что я предоставилъ ему эту честь изъ особеннаго къ Свѣчину уваженія, каковаго онъ не стоитъ.

Послѣ очень холодныхъ дней въ послѣднихъ числахъ Августа, теперь погода стала теплая, но у васъ, я полагаю, чѣмъ дальше тѣмъ холоднѣе.

Желаю вамъ успѣховъ; съ нетерпѣніемъ ожидаемъ отъ васъ радостныхъ вѣстей.

Преданный вамъ

Кн. В. Бебутовъ.

2-го Сентября 1855. Тифлисъ.

Любезный Александръ Андреевичъ!

Приключившаяся мнѣ нѣсколько дней тому назадъ болѣзнь, отъ которой я, благодаря Бога, избавился, не прекращая, однако, служебныхъ занятій, лишала меня удовольствія благодарить васъ за трудъ, принятый вами по случаю присылки бумагъ, собственноручно вами писанныхъ, которыя останутся у меня пріятнѣйшимъ воспоминаніемъ совмѣстнаго моего съ вами служенія.

Севастопольскія событія вамъ уже извѣстны, о высадкѣ Омара-Паши въ Батумѣ съ огромнымъ, какъ говорятъ, десантомъ, вы имѣете свѣдѣніе

Библиотека "Руниверс"

вѣрнѣе тѣхъ, кои я получаю; въ Дагестанѣ по сіе время и на лезгинской линіи особенно важнаго ничего не происходило; со стороны Батума турки остаются въ бездѣйствіи и противъ Гурійскаго отряда ничего не предпринимаютъ.

У насъ было нѣсколько холерныхъ случаевъ въ Тифлисѣ, но къ щастью болѣзнь эта не только не развивается, но напротивъ исчезаетъ; нѣкоторые лишились жизни отъ страха, воображая въ себѣ холеру, въ томъ числѣ и генералъ Реуттъ, признавшійся въ этомъ медикамъ.

Вотъ обзоръ нашихъ новостей.

Политическія же событія около меня заключаются въ неблагодарности чиновника особыхъ при мнѣ порученій г. Соколова, который съ тѣхъ поръ, какъ я удалилъ отъ себѣ распутьаго Свѣчина, ко мнѣ не ходилъ уже, а таскаясь всюду съ Свѣчинымъ, пока сей оставался по мнимой болѣзни въ Тифлисѣ, имѣлъ единственное удовольствіе бранить меня вездѣ, уклоняясь отъ благопристойности и приличія, въ чемъ находилъ свое служебное занятіе; вышедъ изъ терпѣнія я призвалъ Соколова къ себѣ, замѣтилъ ему несообразные его поступки и разумѣется сказать ему не лестныя слова; онъ ушелъ отъ меня и на другой день подалъ рапортъ, которымъ просится въ южную армію съ переименованіемъ въ медики военнаго вѣдомства,—съ моей стороны, конечно, препятствія не будетъ исполнить его желаніе, но онъ всегда останется въ мнѣніи моемъ человѣкомъ неблагодарнымъ, испорченнаго характера и злымъ.

Это я пишу вамъ потому, что вы сочувствуете мнѣ и будете сожалѣть вмѣстѣ со мною, что я у груди своей отогрѣвалъ змѣю, и эта змѣя по моему представленію получила орденъ св. Анны 2-ой Ст., о чемъ есть по послѣдней почтѣ увѣдомленіе.

Жена моя свидѣтельствуетъ вамъ свое усердное почтеніе. Прошу передать мой поклонъ Эдуарду Владимировичу.

Сейчасъ пріѣхалъ флигель-адъютантъ Чертковъ, который рано утромъ завтрашняго числа отправляется къ г. главнокомандующему.

Прилагаемое при семъ письмо на имя Драгунскаго Е. К. В. П. П. Виртемберскаго полка маіора Орлова, прошу приказать доставить по адресу.

Библиотека "Руниверс"

Осень начинается и зная климатъ той страны гдѣ вы находитесь, сожалѣю что приходится вамъ стоять въ палаткахъ, полагаю не только ночью, но и днемъ достаточно холодно. Желаю вамъ здравія, терпѣнія и успѣшнаго окончанія вашего дѣла, что было бы пріятно и утѣшительно при настоящемъ положеніи дѣлъ.

Генералу Бралевскому мой дружескій поклонъ.

Преданный вамъ Кн. В. Бебутовъ.

19 Сентября 1855. Тифлисъ.

8-го Октября 1855. Тифлисъ.

Любезный Александръ Андреевичъ!

Къ настоящимъ моимъ служебнымъ занятіямъ прибавились еще новыя заботы возиться съ высокопоставленнымъ персидскимъ посломъ, нынѣ здѣсь пребывающимъ, и слушая безпрестанно разныя учтивости, приправленныя восточными фразами отвѣчать тѣми же выраженіями, т. е. говорить много и ничего не сказать; мнѣ помнится, когда то говорилъ я вамъ о письмѣ моемъ къ одному изъ персидскихъ вельможъ, въ которомъ ничего не было упущено кромѣ смысла; вельможа былъ очень доволенъ и я также; вотъ въ такомъ то положеніи нахожусь при персидскомъ послѣ и онъ въ восхищеніи.

Послѣ этого вы можете догадаться что теперь у меня еще менѣе времени къ отдыху, но чтобы писать вамъ всегда нахожу нѣсколько свободныхъ минутъ, которыми пользуясь, благодарю васъ за послѣднее ваше письмо ко мнѣ изъ котораго узналъ я, что, благодаря Бога, вы живы и здоровы послѣ 14-го числа.

Объ васъ ни слова не было; желательно мнѣ знать гдѣ вы находились въ тотъ день или не были ли вы больны, какъ о томъ носился здѣсь слухъ: мнѣ говорили также, что болѣзнь препятствуетъ вамъ исполнять должность вами занимаемую, а между тѣмъ изъ письма почтеннаго Осипа Ивановича Хадзько видно, что вы здоровы. Мой поклонъ ему.

Библиотека "Руниверс"

О Свѣчинѣ не стоитъ говорить, но меня огорчаетъ поступокъ Соколова, отплатившаго мнѣ самой неслыханной неблагодарностью. Получивъ отъ Высочайшихъ щедротъ орд. св. Анны 2-й ст., Соколовъ пришелъ ко мнѣ и я не успѣлъ его поздравить, какъ онъ вышелъ изъ залы, и я съ нимъ не встрѣчаюсь; вѣроятно ему это очень пріятно, ибо онъ находитъ удовольствіе бранить меня вездѣ, гдѣ ему сочувствуютъ, а я не обращаю на то вниманія, имѣя въ виду списки какого то нашего стихоплета

„Невѣжа хулою мнѣ чести не убавитъ
И то не честь когда невѣжа хвалитъ“.

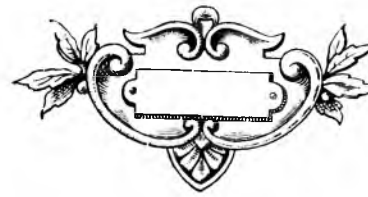
. . . . . (прзб.)

Богъ да подкрѣпитъ васъ терпѣніемъ въ настоящемъ вашемъ состояніи здоровья.

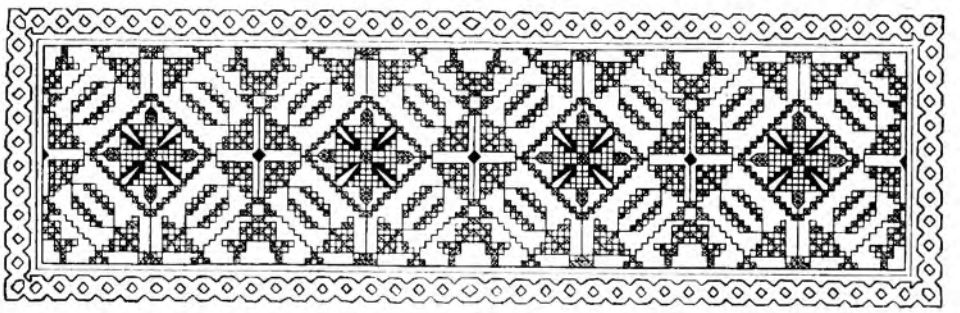
Преданный вамъ

Кн. В. Бебутовъ.

Сообщ. Баронесса **Е. Клейстъ.**



Библиотека "Руниверс"



Волынь и ея историческіе дѣятели отъ Владиміра святого до Богдана Хмельницкаго

X.

12 Декабря 1586 года скончался любимый казачествомъ и всѣми своими подданными король Стефанъ Баторій. Въ Польшѣ опять настало междуцарствіе, но оно продолжалось недолго. 12 Декабря 1587 года, т. е. въ день годовщины смерти Баторія, былъ избранъ на Польскій престолъ сынъ шведскаго короля Іоанна III отъ его брака съ Екатериной, дочерью короля Сигизмунда I-го,—бездарный, отличавшійся самыми низменными свойствами души. Сигизмундъ III-й.

Подпавъ подъ вліяніе іезуитовъ и высокомѣрной польской шляхты, онъ ознаменовалъ начало своего царствованія жестокимъ, безразсуднымъ гоненіемъ на православный малорусскій народъ, которому Польша обязана была расширеніемъ своихъ границъ, достиженіемъ могущества и расцвѣта. Онъ положилъ начало непримиримой вражды между двумя родственными народами, жившими на протяженіи трехсотъ лѣтъ въ добромъ согласіи и единеніи „какъ равный съ равными и вольный съ вольными". Дальнѣйшей безчеловѣчной политикой религіозной нетерпимости Сигизмундъ III пошатнулъ основы могущественнаго Польскаго государства, владѣнія котораго простирались тогда „отъ моря и до моря" и поставилъ государство это на край гибели.

Въ 1589 году крымскіе татары опять сдѣлали хищный набѣгъ на юго-западныя владѣнія Польши, но стѣсненные новымъ постановленіемъ короля казаки не могли уже ополчиться противъ опусто-

Библиотека "Руниверс"

шавшихъ ихъ родину враговъ христіанства. Постановленіе Сигизмунда III не только ограничивало свободу дѣйствій малороссійскаго войска, но и уничтожало его прежнее самоуправленіе, а именно: главное начальство надъ нимъ переходило къ коронному, то есть назначенному отъ правительства, гетману, который, въ свою очередь, назначалъ ближайшихъ надъ казаками начальниковъ. Казаки должны были присягнуть, что безъ повелѣнія короннаго гетмана не предпримутъ никакихъ самостоятельныхъ дѣйствій противъ татаръ. Далѣе было постановлено, что реэстръ казакамъ долженъ находиться у короннаго гетмана, что въ казачье войско никто вновь принимаемъ быть не долженъ, что казаки не могутъ никуда отлучаться безъ воли поставленныхъ надъ ними начальниковъ, что управители частныхъ имѣній всѣми мѣрами должны стараться не допускать бѣгства крестьянъ на днѣпровскіе острова и строго наказывать тѣхъ изъ бѣглецовъ, которые возвратятся съ военною добычею; что никто не долженъ продавать казаку ни жизненныхъ припасовъ, ни оружія, ни пороха, ни селитры. За нарушеніе сихъ постановленій владѣльцамъ имѣній предоставлялось казнить смертью своихъ управителей. Строжайше воспрещалось крестьянамъ отлучаться изъ своихъ селеній, крѣпостное же право надъ ними владѣльцевъ объявлялось неограниченнымъ.

Эти поработительные законы вызвали глухой ропотъ среди малороссійскаго народа. Число бѣглецовъ на Запорожье изъ Волыни и Подоліи увеличилось. Жестокія угнетенія не только со стороны владѣтельныхъ пановъ, но и ихъ управителей и арендаторовъ заставляли крестьянъ бросать свои семьи и имущество и искать личной свободы на неприступныхъ днѣпровскихъ островахъ.

Такимъ образомъ число Запорожскихъ казаковъ увеличивалось, и въ 1592 году численность ихъ достигла 20000. Несмотря на постановленіе Сигизмунда III, подчинившее все малороссійское войско коронному гетману, запорожцы свободными голосами избрали въ гетманы генеральнаго есаула, православнаго шляхтича изъ Волынскаго Полѣсья, Ѳедора Косинскаго.

Въ томъ же году, въ трехъ воеводствахъ: волынскомъ, брацлавскомъ и кіевскомъ вспыхнуло открытое возстаніе. Поднялось за свои права угнетенное крестьянство. Въ возстаніи этомъ приняли участіе и казаки. Оно въ началѣ было направлено главнымъ образомъ противъ поработителей народа—польскихъ шляхтичей и магнатовъ, но, затѣмъ, приняло такіе размѣры, что правительство Рѣчи

Библиотека "Руниверс"

Посполитой не безъ основанія стало опасаться не только за благополучіе польской шляхты, но и за цѣлость государства, такъ какъ казаки, овладѣвъ укрѣпленными городами, Кіевомъ и Бѣлой Церковью, открыто проявили намѣреніе выдѣлить отъ Польши Волынь и всю остальную юго-западную Русь.

Для подавленія возстанія было рѣшено объявить посполитое рушеніе. Силы оказались неравными: въ ожесточенной, кровопролитной битвѣ у мѣстечка Пятки, Житомирскаго повѣта, казаки понесли пораженіе и были разсѣяны.

Дальнѣйшія мѣры, принятыя Рѣчью Посполитою, были направлены не къ умиротворенію свободолюбиваго народа, а къ цѣли убить въ этомъ народѣ всякое самосознаніе и превратить его въ безвольныхъ рабовъ господствовавшаго надъ нимъ польско-шляхетскаго сословія.

Но чѣмъ больше польское правительство старалось подавить и искоренить въ народѣ его самосознаніе, тѣмъ все съ большей и большей силой просыпался въ народныхъ массахъ духъ этого самосознанія, тѣмъ шире росли негодованіе и ропотъ угнетаемыхъ, тѣмъ упорнѣе проявлялась борьба народа за свои человѣческія права, и новыя кровавыя событія являлись предвозвѣстниками грядущаго торжества правды надъ зломъ и гибели носителей этого зла.

XI.

Въ концѣ XVI столѣтія давнишнія попытки со стороны Рима ввести въ Польскомъ государствѣ церковную унію, т.е. соединеніе воедино восточной и западной церквей, стали постепенно осуществляться. Авторомъ церковной уніи былъ папа Климентъ VIII, разсадителями же ея явились проникшіе въ Польшу въ 1564 году іезуиты. Поляки видѣли въ уніи средство къ уничтоженію православія и, конечно, способствовали ея распространенію. Чтобы скорѣе привлечь русское населеніе, въ особенности простой народъ, къ римской церкви, унія вводилась, какъ переходная ступень отъ православія къ католицизму, и съ этой цѣлью православнымъ дозволялось сохранить при возсоединеніи съ западной церковью свои обряды богослуженія.

Со стороны православнаго духовенства ярымъ защитникомъ и покровителемъ уніи явился Кіевскій митрополитъ Михаилъ Рогоза. Въ

Библиотека "Руниверс"

1595 году онъ созвалъ въ Кіевѣ соборъ, на которомъ было предложено обсудить вопросы о принятіи новыхъ догматовъ вѣры. За унію высказались епископы: Полоцкій—Гермогенъ, Пинскій—Леонтій Пельчицкій, Холмскій—Діонисій Збируйскій и Владиміро-Волынскій—Ипатій Поцѣй; противъ уніи:—Львовскій епископъ Гедеонъ Балабанъ и Перемышльскій—Михаилъ Копыстенскій. Такимъ образомъ перевѣсъ былъ на сторонѣ первыхъ.

Въ декабрѣ того же года епископы Ипатій Поцѣй и Кириллъ Терлецкій были уже въ Римѣ и подали папѣ письменное заявленіе о желаніи своемъ и своей паствы принять новые догматы вѣры и о признаніи надъ собой его главенства. По принятіи установленной присяги, они, обласканные Климентомъ VIII, вернулись на родину, но, по прибытіи въ Кіевъ, не встрѣтили сочувствія ни со стороны большинства православнаго духовенства, ни со стороны народа. Львовскій епископъ Гедеонъ открыто называлъ Поцѣя и Терлецкаго отступниками отъ вѣры отцовъ своихъ, а Кіевскій воевода, староста Волынскій Константинъ Острожскій обнародовалъ, что унія принята безъ его согласія и что онъ не признаетъ и опровергаетъ ее.

Въ слѣдующемъ 1596 году польскимъ правительствомъ былъ созванъ въ Брестѣ сеймъ для обсужденія вопроса о всеобщемъ введеніи уніи. 6 октября туда прибыли епископы—послѣдователи уніи и ея противники. Въ числѣ первыхъ, кромѣ Ипатія Поцѣя и Кирилла Терлецкаго, были: экзархъ патріаршій и епископъ Полоцкій и Витебскій Гермогенъ, епископъ Пинскій и Туровскій Іоанъ Гоголь, епископъ Холмскій и Бѣльзскій Деонисій, епископъ Черниговскій и Остерскій Иннокентій Борковскій, епископъ Волынскій и почаевскій Ераклій Шеверницкій и епископъ Галицкій Ѳеоктистъ; въ числѣ вторыхъ—епископъ Сѣверскій Іоанъ Леокайскій, епископъ Переяславскій Сильвестръ Яворскій, епископъ Подольскій Иннокентій Туптало и протоіерей Новгородскій Симеонъ Пашинскій.

9 октября большинство православныхъ посланниковъ, во главѣ съ перечисленнымъ высшимъ духовенствомъ, подали собранію письменное заявленіе, что они всѣми мѣрами старались отклонить Кіевскаго митрополита Михаила отъ нежелательныхъ нововведеній въ православную церковь, но такъ какъ Михаилъ отвергъ всѣ ихъ доводы и увѣщеванія, то они лишаютъ отступниковъ отъ православія всѣхъ ихъ достоинствъ и въ дальнѣйшемъ полагаютъ руководствоваться волею Константинопольскаго патріарха.

Библиотека "Руниверс"

Ошеломленная этимъ заявленіемъ католическая партія пришла въ ярость, изгнала противниковъ уніи изъ собранія, отрѣзала епископамъ— „неунитамъ“ бороды, собралась въ храмѣ св. Николая и, по прочтеніи вслухъ Полоцкимъ епископомъ Гермогеномъ подписанной „унитами“ грамоты, провозгласила соединеніе греческой церкви съ римской.

„Неуниты“ въ свой очередь подписали слѣдующій приговоръ: „Митрополита Михаила Рогозу со всѣми владыками, отступившими отъ православной греко-восточной вѣры, лишить сана и мірянамъ ни въ чемъ ихъ не слушать, яко пастырей порочныхъ, лживыхъ пророковъ, слѣпыхъ вождей, упорствующихъ въ вѣрѣ христіанской, квасомъ неправеднаго ученія напоенныхъ, противниковъ слова Божія и правилъ Св. Отцевъ“.

Вскорѣ вѣсть о брестскихъ событіяхъ дошла до Косинскаго. Онъ немедленно послалъ представленія—одно къ королю и сенату, другое въ брестскій сеймъ.

Какъ королевскій намѣстникъ и гетманъ малороссійскій, онъ писалъ королю, что „перемѣна въ вѣрѣ и обычаяхъ народныхъ, въ Брестѣ вводимая безъ согласія народнаго духовенствомъ, есть дѣло весьма опасное и неудобоисполнимое. Согласовать умы человѣческіе и совѣсть ихъ есть дѣло не человѣческое, но Божіе. Удержать народъ въ слѣпомъ повиновеніи духовенству и правиламъ, своевольно въ церковь вводимымъ, нѣтъ возможности; и потому да отвратитъ правительство оное зло или пусть оно дастъ народу время на размышленіе“.

Содержаніе же представленія въ Брестскій сеймъ было слѣдующее:

„Собравшееся въ Брестѣ духовенство не имѣетъ ни отъ чиновъ, ни отъ народа никакого полномочія на нововведенія въ ихъ вѣру и обряды; итакъ, ни силы, ни власти нѣтъ у нихъ обременять народъ своевольными правилами и вымыслами. Духовенство сіе, бывъ избранно въ свои должности отъ чиновъ и народа и содержимо на счетъ націи, можетъ лишиться и званій и содержанія волею тѣхъ же чиновъ и того же народа. Онъ же, гетманъ, ни за что не ручается и совѣтуетъ собранію пріостановить свои постановленія до общаго размышленія и посужденія“. *)

*) Исторія Малороссіи Н. Маркевича, т. 1, стр. 80—81.

Библиотека "Руниверс"

Соглашаясь, якобы, съ гетманомъ, польское правительство пригласило его въ Брестъ на совѣщаніе.

Не подозрѣвая коварнаго умысла, Косинскій не замедлилъ прибыть туда; его тотчасъ же схватили и заключили подъ стражу. По состоявшемуся, затѣмъ, приговору католическаго и принявшаго унію греко-россійскаго духовенства онъ былъ объявленъ богоотступникомъ и присужденъ къ смертной казни.

Несчастный гетманъ былъ живымъ замурованъ въ каменный столбъ въ мѣстномъ монастырѣ.

Узнавъ объ участи своего вождя, казаки собрались въ числѣ 7000 человѣкъ и двинулись выручать его. По пути къ Бресту они разбили на голову высланный имъ на встрѣчу польскій отрядъ, но прибывъ на мѣсто, уже не застали Косинскаго въ живыхъ.

Изъ-подъ Бреста одна часть казацкой дружины, подъ предводительствомъ полковника Лободы, ушла на югъ въ приднѣпровскія степи, а другая разсѣялась по Малороссіи, передавая изъ конца въ конецъ о томъ, что произошло въ Брестѣ.

Смерть Косинскаго и насильственное введеніе польско-шляхетскимъ правительствомъ уніи, сопровождавшееся неслыханными жестокостями и безчеловѣчнымъ глумленіемъ надъ православной вѣрой, были причиной новыхъ народныхъ волненій.

Польскія войска наводнили Волынь и всю Украйну. По городамъ и мѣстечкамъ были разставлены гарнизоны. Въ то же время отпавшимъ отъ православія высшимъ духовенствомъ было обнародовано слѣдующее окружное посланіе.

„Ревнующіе о правовѣріи мы, отцы церкви русскія, изволеніемъ Св. Духа въ Брестѣ собравшіеся, судя и разсудя смутное состояніе нынѣ іерархества греческаго, съ нами единовѣрнаго, и на трудное наше въ требахъ церковныхъ съ онымъ сношеніе, препинаемое дальностью и злыми навѣтами варваровъ, ту водворившихся, якоже извѣстно цѣлому свѣту, какъ всѣ греческіе и іерусалимскіе патріархи, народы и церкви подпали съ давнихъ лѣтъ подъ иго невѣрныхъ басурманъ-турокъ, и отъ нихъ вводятся въ невольный тотъ народъ агарянскіе

Библиотека "Руниверс"

обычаи, христіанству противные, да и самое богослуженіе и обряды христіанскіе насилуются отъ тѣхъ проклятыхъ иноплеменниковъ частыми прещеніями и озлобленіями, отчего неслышно уже у нихъ трезвоновъ, воззывающихъ христіанъ на молитву, не совершаются торжественныя шествія, украшающія обряды и служеніе христіанства. А московское христіанство, бывши намъ тожъ единовѣрными, заразилось съ давнихъ лѣтъ расколомъ стригольщины, отъ жидовъ происшедшимъ и ересью, недавно внесенною отъ армянскаго монаха Мартина, въ Константинополѣ осужденнаго и въ Кіевѣ всенародно сожженнаго: а посему не довлѣетъ намъ, православнымъ сущимъ, и общенія съ таковыми косными народами имѣти. Итакъ, изволеніемъ Святаго Духа и нашимъ, Святыхъ отцевъ, послѣдуя многимъ нашей религіи христіанамъ италіанскимъ, венеціанскимъ, иллирическимъ и греческимъ соединиться по прежнему съ церковью римскою католическою, съ которою наша религія и была черезъ многія вѣки въ совершенномъ единеніи и согласіи, но отторгнута навѣтомъ строптиваго константинопольскаго патріарха Фотія безъ слушныхъ причинъ, але по его тщеславію и за то видимы суть кары Божіи на греки и на ихъ церковь, черезъ то воззываемъ васъ, всѣхъ отцевъ церкви русской, возлюбленную братію о Христѣ и васъ, чада духовныя, православныхъ мірянъ, соединиться къ нашему единомыслію и приложиться къ церкви прежней нашей Вселенской Римской, идѣже всѣ Апостолы, главнѣйшій изъ нихъ Петръ Святый, животъ свой за нее положили. А преемникъ его, святѣйшій Папа, нынѣ со славою владычествуетъ, егоже чтутъ вси царіе и владыки и всѣ единодушно ему раболѣпствуютъ. И его святѣйшее благословеніе и на васъ, православные христіане, буди и буди".

Обнародованіе этого посланія по всѣмъ приходамъ сопровождалось печатнымъ воззваніемъ правительства, убѣждавшимъ народъ къ повиновенію властямъ, вводившимъ унію, якобы, по волѣ Божіей и для спасенія душъ.

Противившееся нововведенію православное духовенство предавалось анаѳемѣ. Прежніе антиминсы и требники были замѣнены другими; придумывались новые обряды богослуженія съ прославленіемъ папы; польскія войска входили съ оружіемъ въ церкви во время богослуженія, заставляли молящихся преклонять колѣни, бить себя въ грудь и при чтеніи Сумвола вѣры произносить извѣстное рѣченіе о Святомъ Духѣ.

Библиотека "Руниверс"

XII.

Старый казачій городъ Черкассы былъ занятъ польскими войсками. Казаки собрались въ Чигиринѣ и, опираясь на договорныя грамоты и привиллегіи, избрали въ гетманы изъ генеральныхъ старшинъ Павла Наливайко. Онъ былъ родомъ волынецъ, изъ города Острога, гдѣ учился въ школѣ князя Константина Острожскаго.

Въ Острогѣ жила семья его, а старшій братъ, Даміанъ Наливайко, былъ придворнымъ священникомъ у князя Константина Константиновича Острожскаго и пользовался большимъ уваженіемъ, какъ ученый и ревностный защитникъ православія.*) Когда отецъ его умеръ отъ побоевъ, нанесенныхъ владѣльцемъ мѣстечка Гусятина, Калиновскимъ, отнявшимъ у него земельный участокъ, Павелъ Наливайко, возмущенный панскимъ произволомъ, ушелъ къ Запорожцамъ и впослѣдствіи былъ избранъ реэстровыми казаками въ генеральные есаулы.

Новымъ гетманомъ было составлено представленіе къ королю, въ которомъ онъ, отъ имени малороссійскаго войска, излагалъ слѣдующее:

„Народъ русскій, соединенный прежде съ княжествомъ Литовскимъ, а потомъ съ королевствомъ Польскимъ, не былъ никогда ими завоеванъ и не рабствовалъ, но, какъ союзный и единоплеменный, отъ единаго корня славянскаго или сарматскаго происшедшій, добровольно соединился на одинакихъ и равныхъ съ нимъ правахъ и преимуществахъ, договорами и пактами торжественно утвержденныхъ, а протекціи и храненіе тѣхъ договоровъ и пактовъ и самое состояніе народа ввѣрены вамъ, помазанникамъ Божіимъ, свѣтлѣйшимъ королямъ Польскимъ, якоже и вашему королевскому величеству, клявшимся въ томъ при коронаціи предъ самимъ Богомъ, держащимъ въ десницѣ вселенную и ея царей и царства. Сей народъ въ нуждахъ и пособіяхъ общихъ соединенной націи ознаменовалъ себя всемѣрною помощью и единомысліемъ союзнымъ и братскимъ, а воинство русское прославило Польшу и удивило вселенную мужественными подвигами въ браняхъ, въ оборонѣ и расширеніи державы Польской; и кто устоялъ

*) Въ знаменитой Острожской типографіи, основанной княземъ К. К. Острожскимъ, было напечатано въ 1607 году извѣстное сочиненіе Даміана Наливайко въ духѣ православія, подъ заглавіемъ: „Лекарство на опасный умыселъ человѣческій“.

Библиотека "Руниверс"

изъ сосѣдствующихъ державъ противу ратниковъ русскихъ и ихъ ополченія. Загляни, найяснѣйшій король, въ хроники отечественныя, и онѣ досвѣдчутъ тое; вопроси старцевъ своихъ, и рекутъ тебѣ, колико потоковъ пролито крови ратниковъ русскихъ и коликія тысячи и тьмы воиновъ русскихъ пали подъ остріемъ меча на ратныхъ поляхъ за интересы ея. Но врагъ, ненавидяй добра, отъ ада исшедшій, возмутилъ священную оную народовъ едность на погибель обоюдную. Вельможи польскіе, сіи магнаты правленія, завиствуя маеткамъ нашимъ, потомъ и кровію стяжаннымъ и наущаемы духовенствомъ, завше мѣшающимся въ дѣла мірскія, до нихъ ненадежныя, подвели найяснѣйшаго короля, нашего пана и отца милостиваго, лишить насъ выбора гетмана на мѣсто покойнаго Косинскаго, недавно истраченнаго самимъ неправеднымъ, постыднымъ и варварскимъ образомъ, а народъ смутили начальнымъ обращеніемъ его въ унію. При таковыхъ чинимыхъ намъ отъ магнатства утискахъ и фрасункахъ не поступили, еднакъ, мы ни на что законопреступное и враждебное, а избравши себѣ гетмана по правамъ и привилегіямъ нашимъ, повергаемъ его и самихъ себя милостивѣйшему покрову и просимъ найуниженнѣйше монаршаго респекту и подтвержденія правъ нашихъ и выбора, а мы завше готовы есьмы проливать кровь нашу за честь и славу вашего величества и всей націи".

Депутаты отъ малороссійскаго войска, во главѣ съ полковникомъ Лободою, представили эту грамоту Сигизмунду III. Тотъ, прочтя ее, высказалъ удивленіе по поводу своеволія магнатовъ, обѣщалъ Лободѣ на первомъ сеймѣ урегулировать права малороссійскаго народа и отпустилъ депутацію съ повелѣніемъ новоизбранному гетману и казакамъ вести себя по отношенію къ польскимъ войскамъ мирно и дружелюбно.

Депутація вернулась въ Чигиринъ.

Объявляя универсаломъ по всѣмъ повѣтамъ о своемъ избраніи и принятіи, по королевскому соизволенію, булавы, гетманъ наказывалъ народу и войску не предпринимать ничего враждебнаго противъ расположенныхъ по городамъ и мѣстечкамъ польскихъ войскъ, пока не придетъ распоряженіе о ихъ выводѣ. Касательно уніи онъ совѣтовалъ поступать каждому изъ православныхъ такъ, какъ велитъ ему совѣсть. Одновременно съ обнародованіемъ этого универсала, Наливайко извѣщалъ о своемъ избраніи также и короннаго гетмана.

Библиотека "Руниверс"

Но поляки не пошли на встрѣчу добрымъ намѣреніямъ новоизбраннаго малороссійскаго гетмана, желавшаго водворить миръ и согласіе между двумя братскими народами. Имъ хотѣлось полнаго господства.

Омраченная высокомѣріемъ и алчностью, польская партія не признавала правъ малорусскаго народа на національную самобытность, называла этотъ народъ „быдломъ", т. е. скотомъ и хотѣла властвовать надъ нимъ безгранично.

Вскорѣ польскія войска стали творить неслыханныя насилія надъ малорусскимъ народомъ; православная вѣра была поругана; на Волыни и Подоліи лучшіе монастыри были обращены въ католическіе кляшторы; православныя церкви опечатаны; священники, непожелавшіе принять уніи, подвергались жесточайшимъ истязаніямъ и изгонялись изъ своихъ приходовъ. Народъ, лишенный церквей, собирался на молитвы въ шалашахъ, построенныхъ на выгонахъ, но и оттуда его изгоняли польскіе жолнеры.

Къ гетману приходили жалобы на всѣ эти творимыя поляками безчинства. Ропотъ и волненія народныя, въ особенности въ Волыни, усиливались. Наконецъ было получено извѣстіе, что въ Черкассахъ и Бѣлой Церкви собираются значительныя силы польскихъ войскъ.

Видя враждебныя замыслы поляковъ, Наливайко стянулъ и свое войско къ Чигирину, но, не желая первымъ начинать открытой войны, расположился лагеремъ подъ Тясьминомъ, укрѣпилъ его окопами и артиллеріей и сталъ ждать нападенія со стороны поляковъ. Тѣ не замедлили появиться подъ предводительствомъ гетмана Жолкевскаго.

Наливайко выставилъ на высокомъ мѣстѣ три бѣлыя хоругви съ вышитыми на нихъ надписями: „Миръ христіанству, а на зачинщика Богъ и его Крестъ Святой.

Поляки насупротивъ этихъ знаменъ поставили три висѣлицы съ повѣшенными на нихъ малороссійскими старшинами: Богуномъ, Войтовичемъ и Сутыгою, а надъ ними прибили доски съ надписями: „Кара бунтовщамъ".

Вскорѣ Жолкевскій повелъ свои войска на приступъ и открылъ сильную кононаду. Густыя тучи дыма отъ пушечной и ружейной

Библиотека "Руниверс"

пальбы легли непроницаемой пеленой между польскими войсками и расположеніемъ его противника. Этимъ обстоятельствомъ воспользовался Наливайко; онъ вывелъ изъ засады отборную часть казаковъ и врѣзался въ самую середину польской арміи. Въ то же время изъ укрѣпленнаго лагеря двинулась остальная часть казацкихъ войскъ и обошла поляковъ съ фланговъ. Между поляками произошло смятеніе; они смѣшались. Началось страшное пораженіе ихъ. Казаки бились съ неописуемымъ ожесточеніемъ. Ни мольбы о пощадѣ, ни стонъ умирающихъ не вызывали въ ихъ разсвирѣпѣвшихъ сердцахъ жалости. Они сражались вокругъ трехъ висѣлицъ, на которыхъ висѣли бездыханныя тѣла погибшихъ товарищей, и эти жертвы польскаго тиранства возбуждали въ нихъ ненасытную жажду возмездія,—страшнаго, безпощаднаго возмездія за звѣрства ихъ поработителей, за глумленіе надъ вѣрой православной, за угнетеніе невиннаго народа, за стонъ и слезы обезчещенныхъ женъ, сестеръ и матерей. Многіе изъ поляковъ искали спасенія въ рѣкѣ, но казаки вытаскивали ихъ оттуда и добивали. Спаслись только тѣ, у которыхъ были лучшіе кони.

По словамъ лѣтописцевъ-современниковъ, на мѣстѣ знаменитаго сраженія подъ Тясьминомъ поляковъ легло 17330 человѣкъ. Трупы ихъ были стащены казаками къ тремъ висѣлицамъ, сложены въ огромную груду и присыпаны землей. Повѣшенныя же тѣла своихъ товарищей казаки сняли и похоронили въ Чигиринскомъ Преображенскомъ соборѣ. Высѣченная, по повелѣнію гетмана, надпись на надгробныхъ плитахъ гласила о мученической смерти погребенныхъ рыцарей, за вѣру и родину жизнь свою отдавшихъ.

Собравъ свое войско, гетманъ Наливайко раздѣлилъ его на два отряда; одному,—подъ начальствомъ Лободы, онъ приказалъ отправиться въ приднѣпровскіе города и изгнать оттуда поляковъ и уніатское духовенство, а съ другимъ отрядомъ двинулся самъ для той же цѣли въ Подолію и на свою родину—Волынь. Разгоняя и уничтожая мелкіе отряды польскихъ войскъ, онъ въ три мѣсяца прошелъ отъ Могилева на Днѣстрѣ до Слуцка. Затѣмъ, взялъ Пинскъ, Рѣчицу и изъ Бѣлоруссіи перешелъ опять на Волынь, гдѣ соединился съ Лободою. Вызванная королемъ изъ Молдавіи и стоявшая у города Кременца многочисленная польская армія перешла къ Умани, а затѣмъ переправилась черезъ Днѣпръ и расположилась въ семи верстахъ отъ города Лубенъ, въ урочищѣ Солонцѣ. Казаки двинулись по ея слѣдамъ и когда подошли къ Солонцу, лагерь польской арміи былъ уже укрѣп-

Библиотека "Руниверс"

ленъ окопами и палисадами. Во главѣ ея находились гетманы: коронный—Потоцкій и польный—Жолкевскій. Казаки начали приступъ; четыре дня онъ продолжался безъ серьезныхъ результатовъ, но когда на пятый день передовыя польскія укрѣпленія были взяты, къ казакамъ явился изъ непріятельскаго стана гонецъ и объявилъ, что король повелѣваетъ прекратить войну и всѣмъ тремъ гетманамъ сообща составить трактатъ о вѣчномъ мирѣ и утвержденіи за Малороссіею правъ, подписать этотъ трактатъ въ лицѣ обоихъ войскъ—малороссійскаго и польскаго—и подкрѣпить присягою. Самъ же король и сенатъ, даруя, якобы, войску и народу малороссійскому всепрощеніе и забывая происшедшія смуты, подтверждаетъ на вѣчныя времена всѣ пакты и привилегіи, данныя Малороссіи его предшественниками.

Повелѣніе короля было исполнено; война окончилась и войска, какъ польскія, такъ и малороссійскія, разошлись.

По прибытіи въ Чигиринъ, гетманъ занялся обновленіемъ разрушенныхъ войною городовъ и возстановленіемъ въ нихъ порядка. Оставшіеся вѣрными православію духовенство и прихожане стали отдыхать отъ недавнихъ насилій и гоненія. Отяготительные платежи за сорокоусты, субботники и вѣнчаніе были отмѣнены, многіе изъ священниковъ-уніатовъ обратились опять въ православіе, волненія народныя улеглись, и въ благодатномъ малороссійскомъ краѣ потекла тихая и мирная жизнь.

Такъ прошло около года. Настало время отправленія на главный сеймъ въ Варшаву делегацій. По существовавшему въ прежнее время порядку, Малороссія посылала пятнадцать депутатовъ,—а именно: четырехъ отъ воеводствъ (волынскаго, кіевскаго, брацлавскаго и черниговскаго), трехъ отъ войска и уряда гетманскаго и пятерыхъ отъ городовъ и поспольства.

Слѣдуя этимъ правиламъ, были произведены выборы, на которыхъ депутатами собственно отъ войска были избраны: полковникъ Лобода, войсковой судья Ѳедоръ Мазепа и кіевскій сотникъ Яковъ Кизимъ. Съ ними пожелалъ отправиться въ Варшаву и гетманъ, чтобы лично засвидѣтельствовать королю свою покорность и поблагодарить за утвержденіе правъ и привилегій малороссійскаго народа. Но и депутатовъ и гетмана ждало въ „гостепріимной“ столицѣ польскаго государства неслыханное, по своему варварству, злодѣяніе.

Библиотека "Руниверс"

Какъ только они прибыли въ Варшаву, ихъ въ первую же ночь схватили, заключили въ подземелье и подвергли самымъ безчеловѣчнымъ истязаніямъ. Двое сутокъ продолжалась мучительная пытка, а на утро третьяго дня всѣ три депутата и гетманъ были выведены на площадь, посажены въ мѣднаго быка и на глазахъ многотысячной толпы народа сожжены медленнымъ огнемъ. Стоны и вопли несчастныхъ страдальцевъ были слышны нѣсколько часовъ.

Король оказался безсильнымъ обуздать кровожадныхъ магнатовъ; католическое духовенство было за одно съ ними, и на состоявшемся національномъ сеймѣ былъ постановленъ приговоръ, по которому весь русскій народъ былъ провозглашенъ вѣроломнымъ, бунтующимъ и осужденъ на рабство, лишеніе имущественныхъ правъ и всяческое гоненіе.

По словамъ малорусской лѣтописи, „слѣдствіемъ сего нероновскаго приговора было отлученіе навсегда депутатовъ русскихъ отъ сейма народнаго, всего рыцарства отъ выборовъ и должностей правительственныхъ и судебныхъ, отобраніе староствъ, деревень и другихъ ранговыхъ имѣній отъ всѣхъ чиновниковъ и урядниковъ русскихъ и самихъ ихъ уничтоженіе. Рыцарство русское названо хлопами; народъ, отвергшій унію,—схизматиками; во всѣ правительственные уряды малороссійскіе посланы поляки съ многочисленными штатами; города заняты польскими гарнизонами, селенія—ихъ же войсками; имъ дана власть все тое дѣлать народу русскому, что сами схотятъ и придумаютъ, а они исполняли наказъ сей съ лихвою. И что только смыслить можетъ самовольное, надменное и пьяное человѣчество, дѣлали то надъ несчастнымъ народомъ русскимъ безъ угрызенія совѣсти. Грабительство, насилованіе женщинъ и самыхъ дѣтей, побои, мучительства и убійства превзошли мѣру самыхъ непросвѣщенныхъ варваровъ. Они, непочитая и называя народъ невольниками или ясиромъ польскимъ, все его имѣніе признавали своимъ; собиравшихся же вмѣстѣ нѣсколько человѣкъ для обыкновенныхъ хозяйственныхъ работъ или празднества тотчасъ съ боями разгоняли и о разговорахъ ихъ пытками истязали, запрещая всегда собираться и разговаривать вмѣстѣ. Церкви русскія силою или гвалтомъ всегда обращали на унію. Духовенство римское, разъѣзжавши съ тріумфомъ по Малороссіи для подсмотру и понужденія къ уніатству, вожено было отъ церкви людьми, запряженными въ ихъ длинныя повозки по двадцати человѣкъ и болѣе въ цугъ; на прислуги сему духовенству выбираемы были поляками самыя краснѣйшія изъ дѣвицъ русскихъ. Церкви несогласившихся на унію прихожанъ отданы

Библиотека "Руниверс"

жидамъ въ аренду, и положена въ оныхъ за всякую отправу денежная плата отъ одного до пяти талеровъ, а за крещеніе младенцевъ и за похороны мертвыхъ—отъ одного до пяти злотыхъ; жиды, яко непримиримые враги христіанства, сіи вселенскіе побродяги и притчи въ человѣчествѣ, съ восхищеніемъ принялись за такъ надежное для нихъ скверноприбыточество и тотчасъ ключи церковные отобрали къ себѣ въ корчмы. При всякой требѣ христіанской итти къ жиду, торжиться съ нимъ и, по важности отправы, заплатить за нее и выпросить ключи; а жидъ, при томъ насмѣявшись довольно богослуженію христіанскому и перехуливши все христіанами чинимое, называя его языческимъ, или гойскимъ, приказывалъ ктитору возвращать ему ключи, съ клятвою, что ничего въ запасъ не отправлено".

Невыносимыя угнетенія заставляли нѣкоторыхъ малодушныхъ, во имя собственнаго благополучія и для сохраненія за собою родовыхъ и пріобрѣтенныхъ имѣній, отрекаться отъ вѣры православной, переходить въ унію или католичество и цѣною измѣнничества покупать у поляковъ ихъ расположеніе. Эти отступники роднились съ польской шляхтой, перемѣняли свои фамиліи и становились ихъ единомышленниками.

Одною изъ главнѣйшихъ задачъ польско-шляхетскаго правительства было ослабить малороссійское казачество, лишить его самостоятельнаго выборнаго управленія и подчинить главнокомандующему польскихъ войскъ.

Разрозненнымъ полкамъ реестровыхъ казаковъ было приказано сорганизоваться подъ знаменами короннаго гетмана. Непожелавшіе подчиниться этому приказанію были лишены всякаго содержанія отъ малороссійскаго скарба и куреней.

Мѣра эта, однако, не имѣла успѣха. Большая часть реестровыхъ и охочекомонныхъ казаковъ ушла на Запорожье и вмѣстѣ съ Запорожцами избрала въ 1598 году въ малороссійскіе гетманы знаменитаго Конашевича-Сагайдачнаго.

XIII.

Петръ Конашевичъ-Сагайдачный былъ родомъ изъ Самбора въ Червонной Руси, но выросъ и воспитался на Волыни, гдѣ такъ же, какъ и Наливайко, окончилъ Острожскую школу высшихъ наукъ, осно-

Библиотека "Руниверс"

ванную княземъ Константиномъ Острожскимъ. Школа эта, ректоромъ которой былъ въ то время извѣстный ревнитель православія, ученый грекъ Кириллъ Лукарисъ, впослѣдствіи патріархъ Константинопольскій, дала будущему гетману Малороссіи весьма обширное образованіе и воспитала въ немъ ту приверженность къ вѣрѣ православной, какою онъ отличался до послѣднихъ дней своей славной гражданскими и военными подвигами жизни.

Во время избранія его въ гетманы онъ занималъ почетное званіе генеральнаго обознаго. Принявъ булаву, новый вождь малороссійскаго казачества объявилъ себя гетманомъ обѣихъ сторонъ Днѣпра и всего войска запорожскаго и такимъ образомъ объединилъ Запорожье и Гетманщину въ одно цѣлое. До него запорожскіе казаки не участвовали въ избраніи гетмана. Скрывавшіеся за „порогами" на неприступныхъ днѣпровскихъ островахъ, отдаленные отъ своей родины „дикимъ полемъ"—этой безлюдной степью, на сотни верстъ лишенной человѣческаго жилья, занятые безпрестанной борьбой съ татарами, запорожцы были чужды внутренней жизни селъ и городовъ Малороссіи. Теперь, съ избраніемъ въ гетманы генеральнаго обознаго Петра Сагайдачнаго, человѣка просвѣщеннаго, преданнаго малорусской народности и православію, они становились подъ одно общее съ малороссійскими казаками знамя борьбы за вѣру, права и свободу народа. Первое время гетманства Сагайдачнаго было ознаменовано его смѣлыми походами на исконныхъ враговъ христіанства—татаръ и турокъ.

Въ морскомъ походѣ 1605 года онъ взялъ турецкую крѣпость Варну, а въ слѣдующемъ году, когда крымскіе татары готовились предпринять набѣгъ на южно-русскія области, Сагайдачный предупредилъ ихъ и, ворвавшись съ запорожцами въ ордынскія владѣнія, разгромилъ Очаковъ и Перекопъ.

Жалобы турецкаго султана на запорожцевъ послужили поводомъ предпринятія со стороны польскаго правительства новыхъ мѣръ къ искорененію казачества. Въ числѣ этихъ мѣръ было издано сеймомъ постановленіе, запрещавшее набирать казаковъ въ коронную службу.

Между тѣмъ, крымскіе татары опять напали на приграничныя селенія Малороссіи и угнали на полуостровъ огромное число плѣнниковъ. Узнавъ объ этомъ, Сагайдачный собралъ пѣшихъ запорожцевъ и снарядилъ новую морскую экспедицію на Крымъ. Запорожскія чайки, подъ предводительствомъ гетмана, вышли въ Черное море и раздѣли-

Библиотека "Руниверс"

лись на двѣ половины; одна изъ нихъ поплыла къ Каффѣ, а другая, подъ командой гетмана, высадилась на берегъ и, обойдя горы, подошла къ этому городу съ противоположной стороны. Одновременнымъ штурмомъ съ суши и съ моря, гдѣ запорожцы сожгли въ запертой ими гавани турецкій флотъ, Каффа была взята, все татарское населеніе ея вырѣзано, а плѣнники освобождены.

Отъ Каффы Сагайдачный двинулся къ Козлову, сжегъ его предмѣстье и сталъ громить крѣпость, но вышедшіе на встрѣчу ему жители просили пощады и привели всѣхъ находившихся въ неволѣ христіанъ.

Съ множествомъ освобожденныхъ плѣнниковъ, съ большой добычей и богатыми дарами отъ Козлова, вернулся гетманъ въ Малороссію.

Чтобы ослабить малороссійское войско, поляки задумали вселить вражду между казаками, перешедшими въ ряды арміи короннаго гетмана съ одной стороны и объединившимися подъ булавой выборнаго гетмана Сагайдачнаго—съ другой. Но настоянію польскаго правительства, реэстровыми казаками, вошедшими въ составъ польской арміи, былъ избранъ гетманомъ Демьянъ Кушка, но въ походѣ въ Бессарабію онъ подъ Аккерманомъ былъ окруженъ турками и татарами, взятъ въ плѣнъ и убитъ. На его мѣсто былъ избранъ реэстровыми казаками польскаго лагеря войсковой старшина Бородавка. Тотъ дѣйствительно занялся происками къ отложенію Малороссіи отъ гетмана Сагайдачнаго, но былъ пойманъ имъ, преданъ войсковому суду и, по приговору послѣдняго, какъ самозванецъ и возмутитель народа, разстрѣлянъ.

Планъ создать междоусобіе и смуту среди казачества не удался, а, между тѣмъ, могущество и значеніе Сагайдачнаго росло, и имя его становилось грознымъ не только для враговъ христіанства, но и для враговъ православія и малорусской народности.

Новымъ закономъ, въ основѣ котораго лежала цѣль искорененія казаковъ, было предоставлено коронному гетману поступать съ ними, какъ явными врагами государства. Какъ бы въ отвѣтъ на это, послѣдовалъ торжественный въѣздъ гетмана Сагайдачнаго въ столицу гетманщины—Чигиринъ, а затѣмъ новые походы на татаръ и турокъ, увѣнчавшіеся такими же, какъ и раньше, блестящими успѣхами.

Библиотека "Руниверс"

Въ 1616 году Запорожцы, подъ предводительствомъ своего неустрашимаго гетмана, опустошили берега Чернаго моря, истребили турецкую флотилію изъ шести галеръ и двадцати легкихъ судовъ, сожгли Трапезундъ и Синопъ и навели ужасъ на весь мусульманскій міръ Малой Азіи.

Подвиги Сагайдачнаго, его необыкновенная храбрость и высокій умъ заставили, наконецъ, поляковъ призадуматься. Политика ихъ по отношенію къ казакамъ рѣзко измѣнилась, и когда восьмидесятитысячная турецкая армія, подъ предводительствомъ Скиндеръ-Паши, появилась на границахъ Польши, Сагайдачный получилъ повелѣніе короля соединиться съ коронными войсками и общими силами отразить турокъ. Такимъ образомъ, польское правительство признавало уже въ немъ гетмана.

Сагайдачный тотчасъ же выступилъ въ походъ и встрѣтилъ турокъ въ Буковинѣ, надъ Днѣстромъ. Удачно расположивъ свои главныя силы на двухъ противоположныхъ одна другой возвышенностяхъ, гетманъ искуснымъ маневромъ завлекъ турокъ между этихъ возвышенностей и, окруживъ ихъ со всѣхъ сторонъ, разбилъ на голову. Вся турецкая артиллерія и обозъ достались побѣдителямъ. На полѣ сраженія турки оставили одними убитыми 9715 человѣкъ. Въ плѣнъ было взято болѣе тысячи, въ томъ числѣ семь пашей и семнадцать мурзъ. Плѣнники и вся добыча были отправлены въ Каменецъ-Подольскъ, и соединенныя польскія и малороссійскія войска двинулись дальше по пятамъ отступавшихъ турокъ. У Галаца была расположена главная турецкая армія, подъ командой силистрійскаго сираскиръ-паши Тапалъ-Ислама. Здѣсь произошло рѣшительное сраженіе, въ которомъ турки были окончательно разбиты.

Изъ-подъ Галаца Сагайдачный двинулся во главѣ соединенныхъ войскъ въ Бессарабію, но по дорогѣ прибылъ къ нему гонецъ изъ Варшавы; онъ привезъ гетману повелѣніе короля вернуться въ свои предѣлы, такъ какъ съ Турціей Польша заключила перемиріе.

Подходя къ границѣ, гетманъ отпустилъ польскія войска, а самъ съ казаками отправился въ Малороссію. У переправы черезъ Южный Бугъ его встрѣтилъ другой гонецъ съ извѣщеніемъ кошевого атамана запорожскаго войска Дурдылы, что крымскіе татары, пользуясь его, гетмана, отсутствіемъ, прошли многочисленными таборами за рѣку Самару на грабежъ восточной Малороссіи,

Библиотека "Руниверс"

Отпустивъ пѣхотные полки, Сагайдачный съ конницей направился ускореннымъ маршемъ къ Днѣпру, переправился на лѣвый берегъ и, расположившись на лугахъ близъ Конскихъ Водъ, сталъ поджидать татаръ на обратномъ пути ихъ въ Крымъ съ награбленной добычей и плѣнными.

Спустя нѣсколько дней, казацкіе разъѣзды донесли гетману, что татары съ огромнымъ числомъ плѣнниковъ идутъ по направленію къ рѣкѣ Самарѣ, намѣреваясь переправиться на противоположный берегъ и что у этой рѣки они расположатся на ночлегъ.

Въ первую же ночь Сагайдачный выступилъ со своимъ войскомъ по тому же направленію и на разсвѣтѣ настигъ татарскій таборъ, расположившійся по теченію рѣки.

Казаки подошли на очень близкое разстояніе и залпомъ изъ ружей и пушекъ произвели среди сонныхъ татаръ, неожидавшихъ ни откуда нападенія, страшный переполохъ и замѣшательство. Испуганные кони татарскихъ всадниковъ разбѣжались. Сами татары, обезумѣвъ отъ ужаса, метались во всѣ стороны, не зная, что предпринять. плѣнники ихъ, увидя неожиданную помощь, кинулись развязывать другъ друга и, овладѣвъ уставленнымъ на ночь оружіемъ своихъ враговъ, стали безпощадно ихъ избивать. Въ то же время казаки, врѣзавшись въ самую середину табора, кололи и рубили обезумѣвшую орду съ такимъ ожесточеніемъ, что ни одинъ татаринъ живымъ не остался.

Весь таборъ со всѣмъ, что только было въ немъ, достался побѣдителямъ. Нѣсколько тысячъ христіанскихъ плѣнниковъ были не только освобождены, но гетманъ надѣлилъ ихъ имуществомъ перебитыхъ татаръ и лошадьми послѣднихъ.

Въ 1618—1619 годахъ поляками былъ предпринятъ походъ на Москву, окончившійся неудачей. Въ слѣдующемъ году такая же неудача постигла поляковъ въ войнѣ съ турками. Въ битвѣ при мѣстечкѣ Цецорѣ, надъ Прутомъ, погибъ ихъ коронный гетманъ Жолкевскій. Вслѣдъ за этой неудачной войной, на Польшу надвигалась новая гроза. Самый воинственный и сильный тогда турецкій султанъ Османъ II, при которомъ Турція достигла огромнаго могущества, стянулъ къ границѣ Рѣчи Посполитой многочисленныя войска, готовясь нанести ей рѣшительный ударъ. Для отраженія турокъ Польша со-

Библиотека "Руниверс"

брала всѣ свои силы, но главная надежда возлагалась на малороссійскій народъ, въ лицѣ непобѣдимыхъ казаковъ, а между тѣмъ, ни послѣднія неудачи, ни грозный призракъ новой войны съ могущественнымъ султаномъ не образумили поляковъ: насильственное введеніе уніи продолжалось съ прежнимъ фанатизмомъ; глумленіе надъ вѣрой православной и угнетеніе малорусскаго народа не ослабѣвали, и когда на сеймѣ, открывшемся 20 октября 1620 года, обсуждалась предстоящая война,— посолъ волынскаго воеводства, чашникъ Лаврентій Древинскій, открыто высказалъ полякамъ ихъ коварство по отношенію къ малорусской народности. Въ рѣчи своей, обращенной къ королю, онъ, между прочимъ, говорилъ слѣдующее:

„Въ такомъ нашемъ противу главнаго врага святого креста предпріятіи смѣло могу сказать, что ваше королевское величество едва ли не большую часть ратниковъ потребуете отъ народа греко-россійскаго исповѣданія—того народа, который, если еще неудовлетворенъ пребудетъ въ своихъ нуждахъ и прошеніяхъ, то какъ можетъ въ защиту вашей державы преградою грудь свою представлять? Какъ можетъ усиліе свое употребить къ доставленію вѣчнаго мира, внутренняго въ домѣ своемъ покоя не имѣя? Съ какою искренностью, мужествомъ, ревностью начнетъ угашать своею кровію горящія стѣны своего отечества, внутренняго пламени пылающихъ домашнихъ стѣнъ угашаемаго не видя? Кто жъ, о Боже живый! явственно сего не видитъ, сколь великія притѣсненія и несносныя огорченія сей древній россійскій народъ, въ разсужденіи благочестія своего, претерпѣваетъ..... Итакъ, милосердія ради Божія, именемъ всея братіи нашея всеуниженнѣйше прошу ваше королевское величество сжалиться въ обидѣ не нашей, но Божіей. . . Въ противномъ случаѣ (что да отвратитъ Богъ), если совершенное успокоеніе на сеймѣ и уврачеваніе толь тяжкихъ ранъ не послѣдуетъ, то принужденныхъ себя увидимъ съ пророкомъ возопить: суди ми, Боже, и разсуди прю мою“.

Гетманъ Сагайдачный, при содѣйствіи котораго въ томъ же 1620 году въ западно-русской церкви была возстановлена іерусалимскимъ патріархомъ Ѳеофаномъ высшая іерархія, въ назначеніемъ преосвященнаго Іова Борецкаго Кіевскимъ митрополитомъ, поддержалъ рѣчь Древинскаго и прямо заявилъ полякамъ, что казаки только въ томъ случаѣ примутъ участіе въ турецкой войнѣ, если польское правительство признаетъ новопоставленную православную іерархію и прекратитъ гоненія на западно-русскій народъ. Король далъ на это согласіе, и въ 1621 году 30000 казаковъ съ 28 пушками, соединясь съ поль-

Библиотека "Руниверс"

ской арміей, подъ начальствомъ Ходкевича, численностью въ 34000, двинулись на встрѣчу туркамъ.

Подъ Хотиномъ обѣ арміи окопались и расположились двумя отдѣльными станами—польскимъ и казацкимъ.

Вскорѣ появилось турецкое войско, состоявшее изъ 400000 человѣкъ, въ томъ числѣ 100000 татаръ. Главныя силы непріятеля обрушились на казацкій станъ. Послѣ ожесточенной битвы, продолжавшейся нѣсколько часовъ, турки начали отступать. Тогда казаки вышли изъ окоповъ и ударили въ тылъ непріятеля. Ряды турокъ дрогнули. Безстрашный Сагайдачный ворвался въ средину ихъ стана и наносилъ имъ страшное пораженіе. Весь турецкій обозъ, со всею артиллеріей и запасами, неминуемо достался бы побѣдителямъ, если бы Ходкевичъ выслалъ подкрѣпленіе казакамъ, но онъ, по какимъ то соображеніямъ, этого не сдѣлалъ. Казаки сочли это за обиду и стали роптать; недостатокъ въ провіантѣ и фуражѣ усиливалъ ихъ неудовольствіе. Гетманъ извѣстилъ польскихъ военачальниковъ о близкомъ возмущеніи. Въ станъ Сагайдачнаго явились депутаты отъ польской арміи. Извиняясь передъ гетманомъ и казацкими старшинами за оплошность, они сваливали всю вину на Ходкевича, который послѣ сраженія умеръ въ Хотинѣ. Наконецъ, именемъ находившагося въ польскомъ станѣ королевича Владислава, котораго казаки любили, и убѣжденіями самого гетмана и старшинъ недовольные были приведены къ послушанію и остались въ лагерѣ.

Хотинской побѣдой надъ турками закончилась дѣятельность Сагайдачнаго на военномъ поприщѣ. Долгіе годы гетманства и тяжелые труды, понесенные въ безпрерывныхъ войнахъ, утомили непобѣдимаго вождя запорожскихъ казаковъ. Сдавъ начальство надъ своимъ войскомъ наказанному гетману Петру Жицкому, Сагайдачный занялся внутренними дѣлами гетманщины.

Вся послѣдующая дѣятельность этого необыкновеннаго человѣка была посвящена водворенію порядка и благоустройства въ Малороссіи. Противодѣйствуя ненавистной народу уніи, онъ, силою своего замѣчательнаго ума и непреклонной воли, возвратилъ православію отнятыя поляками церкви, въ томъ числѣ особенно чтимую казаками святыню Кіево-братскій монастырь, который обновилъ и обогатилъ щедрыми вкладами; возобновилъ также братскую школу, пожертвовалъ ей все свое состояніе. Его же заботами была возстановлена Кириловская муж-

Библиотека "Руниверс"

ская обитель, построенная еще въ XII вѣкѣ дочерью Всеволода I Ярославича. Маріею и разоренная Батыемъ.

Между прочимъ, въ гетманство Сагайдачнаго евреямъ было воспрещено жить въ Кіевѣ, а пріѣзжимъ по дѣламъ и на ярмарки разрѣшалось останавливаться не болѣе какъ на одну недѣлю, исключительно на гостинномъ дворѣ.

Умеръ Сагайдачный въ 1622 году, постригшись передъ смертью въ монахи. Тѣло его погребено въ Кіево-братскомъ монастырѣ.

XIV.

Въ гетманство Петра Конашевича-Сагайдачнаго, а именно: 21 Марта 1608 года, умеръ одинъ изъ самыхъ вліятельныхъ при польскомъ дворѣ западно-русскихъ вельможъ, выдающійся поборникъ православія, староста волынскій, воевода кіевскій, князь Константинъ-Василій Константиновичъ Острожскій, сынъ великаго гетмана литовскаго, Константина Ивановича Острожскаго. Владѣнія его простирались, почти, по всей Волынской землѣ, гдѣ ему принадлежало 25 городовъ, 10 мѣстечекъ и 670 селеній. Знаменитое училище въ Острогѣ было основано имъ въ 70 годахъ XVI столѣтія. Это была первая на Руси греко-славянская школа, и по кругу преподававшихся въ ней наукъ она не уступала возникшей впослѣдствіи кіевской Коллегіи Петра Могилы. При острожскомъ училищѣ была открыта и типографія. Изъ числа изданій, вышедшихъ изъ этой типографіи, наиболѣе извѣстна славянская библія, напечатанная въ 1581 году по рукописи, присланной князю царемъ Іоанномъ Васильевичемъ Грознымъ и исправленной по греческому переводу. Училище Острожское и типографія помѣщались при Троицкомъ монастырѣ, и на содержаніе ихъ князь отдалъ богатое имѣніе Суражъ съ селомъ Андрушевкой.

Кромѣ Острожскаго училища, носившаго названіе академіи, княземъ К. К. Острожскимъ, были открыты школы при монастыряхъ Дерманскомъ Свято-Троицкомъ и Дубенскомъ Спасскомъ. Дерманскій монастырь-школа имѣлъ тоже свою типографію, оборудованную братомъ гетмана Наливайко, придворнымъ духовникомъ князя, Даміаномъ Наливайко. Здѣсь, между прочимъ, были напечатаны: „Діалогъ о православной вѣрѣ“ и „Листъ къ уніатскому митрополиту Ипатію Поцѣю“, написанные патріархомъ Мелетіемъ въ 1605 году.

Библиотека "Руниверс"

Къ сожалѣнію, дальнѣйшіе потомки князей Острожскихъ не были достойны своихъ славныхъ предковъ. Младшій сынъ К. К. Острожскаго, Янушъ, переживший своихъ братьевъ, Константина и Александра и наслѣдовавшій большую часть огромныхъ имѣній своего отца, перешелъ въ католичество. Лишенные прежней матеріальной поддержки, православные монастыри стали приходить въ упадокъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, по всей территоріи принадлежавшихъ Польшѣ западно-русскихъ областей совращеннымъ въ католичество русскимъ дворянствомъ стали возводиться костелы и учреждаться кляшторы съ іезуитскими школами. Послѣ Януша Острожскаго, не имѣвшаго мужского потомства, имѣнія его перешли къ зятю, Александру Заславскому, тоже совращенному въ католичество: послѣ же Александра Острожскаго наслѣдницей осталась единственная его дочь Анна—Алоиза, по мужу Ходкевичева. Подъ вліяніемъ своей матери польки она сдѣлалась ярой католичкой и, овдовѣвъ въ 1621 году, окружила себя іезуитами. Съ тѣхъ поръ стала проявляться фанатическая нетерпимость ея къ православію и вмѣстѣ съ тѣмъ стремленіе къ насажденію католичества въ доставшихся ей по наслѣдству обширныхъ имѣніяхъ. До сорока православныхъ священниковъ были изгнаны изъ владѣній этой фанатички, и церкви въ селахъ опустѣли. Въ 1624 году она основала въ городѣ Острогѣ іезуитскій монастырь со школою, а мѣстечко Суражъ и село Андрушевку, данныя дѣдомъ ея, княземъ К. К. Острожскимъ, Острожскому Троицкому училищному монастырю, выкупила изъ аренды у князя Александра Пузыры и лишила этотъ монастырь средствъ къ существованію. Впослѣдствіи самая Троицкая церковь была обращена ею въ іезуитскую каплицу, и знаменитое Острожское училище, служившее разсадникомъ просвѣщенія въ западной Руси, прекратило свое существованіе.

XV.

Съ кончиною Сагайдачнаго угнетеніе народа и глумленіе надъ вѣрой православной во всѣхъ западно-русскихъ областяхъ Рѣчи Посполитой снова усилились и дошли до крайнихъ предѣловъ самаго дикаго варварства. Софійскій соборъ въ Кіевѣ и другія церкви были опустошены; Выдубецкій монастырь подвергся разграбленію, а въ Луцкѣ, на Волыни, православныя церкви были обращены въ питейныя конторы. Въ Холмѣ и Львовѣ было запрещено ходить со Св. Дарами къ больнымъ и открыто хоронить умершихъ „схизматовъ“, то есть тѣхъ православныхъ, которые не пожелали присоединиться къ уніи. Въ Минскѣ церковная земля была отдана подъ постройку татарскихъ

Библиотека "Руниверс"

мечетей. Въ Вильнѣ всѣ православныя церкви были заняты шинками и гостинницами. Неслыханныя издѣвательства творились надъ православнымъ духовенствомъ: священниковъ сажали въ бочки, мучили и подвергали всякимъ оскорбленіямъ. Жесточайше наказывали и даже казнили смертью того изъ православныхъ, кто уклонялся итти за уніатскими процессіями.

Все это порождало вспышки народныхъ возстаній. Такъ, въ Ноябрѣ 1623 года былъ убитъ въ Витебскѣ отличавшійся особеннымъ фанатизмомъ полоцкій уніатскій епископъ Іосафатъ Кунцевичъ, а въ Кіевѣ, незадолго передъ тѣмъ, запорожцы утопили въ Днѣпрѣ бывшаго уніатскаго митрополичьяго намѣстника, игумена Выдубецкаго монастыря Анатолія Грековича, заподозрѣннаго въ тайныхъ сношеніяхъ съ новымъ уніатскимъ митрополитомъ Іосифомъ-Вельяминомъ Рутскимъ. Послѣдствіемъ этихъ событій явилось поголовное преслѣдованіе всего православнаго населенія Бѣлоруссіи и Малороссіи. Правительство польское нашло удобный случай лишить казаковъ всѣхъ политическихъ правъ и снова подчинило управленіе въ Малороссіи коронному гетману. Народъ былъ отягченъ новыми поборами въ пользу ненасытной шляхты. Кромѣ прежнихъ податей и налоговъ, были придуманы еще „индукты“ и „евекты“. Это были пошлины съ покупки и продажи животныхъ, съѣстныхъ припасовъ и всѣхъ, вообще, произведеній крестьянскаго хозяйства. На православныхъ была наложена, сверхъ того, особая подать, „похожая, по словамъ лѣтописи, на дань апокалиптическую, во дни антихристовы описываемую“, а именно: передъ праздникомъ св. Пасхи продажа пасхальныхъ хлѣбовъ производилась не иначе, какъ подъ надзоромъ польскихъ урядниковъ. Кто имѣлъ на груди ярлыкъ съ надписью „Уніатъ“, тотъ покупалъ хлѣбъ свободно; кто не имѣлъ такого ярлыка, долженъ былъ уплатить по „тинфѣ“ и и по полухлѣбу, смотря по величинѣ покупаемаго хлѣба. Въ большихъ городахъ и мѣстечкахъ торгъ пасхами отдавался на откупъ жидамъ за триста рублей. Откупщики, въ интересахъ большей наживы, слѣдили за тѣмъ, кто и сколько долженъ былъ купить пасохъ по числу душъ въ своемъ семействѣ. Хозяева, которые пекли для себя пасхи дома, подчинялись особому надзору, и сборъ „пасхальной подати“ производился при церквахъ, во время освященія пасохъ, а чтобы кто-либо не ускользнулъ отъ подати, еврей-откупщикъ намѣчалъ каждый приносимый для освященія хлѣбъ мѣломъ или углемъ*).

---

*) Исторія Малороссіи Н. Маркевича, т. I, стр. 120—121.

Библиотека "Руниверс"

Невыносимо тяжелое положеніе народа заставило, наконецъ, Кіевскаго воеводу, князя Александра Заславскаго, католика, но русскаго по происхожденію, принести королю и сейму жалобу на творимыя поляками безчинства. Въ жалобѣ этой онъ приводилъ, что своеволіе шляхты и коронныхъ войскъ перешли всякую мѣру. Королевичъ Владиславъ, нѣсколько разъ командовавшій малороссійскими войсками, цѣнившій заслуги казаковъ и знавшій наклонность шляхты къ беззаконію и непомѣрному господству тоже заступился передъ своимъ отцомъ за угнетенный народъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ и шведскій король, Густафъ Адольфъ, принялъ сторону Малороссіи и черезъ уполномоченнаго министра своего въ Варшавѣ писалъ Сигизмунду, что „предпріятія и подвиги обоихъ союзныхъ королевствъ—Польскаго и Шведскаго на пользу обоюдную, всегда усовершенствованы были постоянною храбростью и мужествомъ войскъ русскихъ, составлявшихъ центръ польской арміи, а безпримѣрное послушаніе ихъ къ начальству и терпѣніе въ нуждахъ и тягостяхъ воинскихъ всегда удивляло и восхищало его, какъ самовидца и соучастника ихъ подвиговъ; и потому неможетъ онъ никогда смотрѣть хладнокровно на чинимыя войску тому и народу безчеловѣчныя насилія и варварства отъ своеволія поляковъ, весьма худо повинующихся своему правительству и дошедшихъ до безчеловѣчья“.

Въ заключеніе этого письма шведскій король высказалъ, что не можетъ надѣяться на прочность союзныхъ договоровъ, заключенныхъ съ такимъ правительствомъ, которое допускаетъ въ странѣ своей анархію и неограниченный деспотизмъ владѣльцевъ и вельможъ, не признающій человѣческихъ правъ народа.

Вразумительное письмо шведскаго короля заставило Сигизмунда опомниться и принять мѣры къ обузданію шляхты, но мѣры эти оказались недѣйствительными, такъ какъ власть короля въ польской Рѣчи Посполитой была слишкомъ ограничена, и шляхта плохо ему повиновалась.

У малорусскаго народа всякая надежда на облегченіе нестерпимаго ига была окончательно потеряна, а въ 1625 году митрополитъ Іовъ Борецкій отправилъ въ Москву Луцкаго (на Волыни) епископа Исаакія Борисковича съ просьбой къ царю и патріарху принять Малороссію и Запорожье подъ свое покровительство.

Библиотека "Руниверс"

У малороссіянъ одна только дума,—говорилъ епископъ Исаакій царскимъ боярамъ,—какъ бы поступить подъ государеву руку.

Посольство это успѣха не имѣло. Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ велѣлъ лишь завѣрить малороссійскій народъ, въ желаніи оказать ему всяческую поддержку въ дѣлахъ вѣры православной. Митрополиту Іову онъ послалъ въ подарокъ образъ Пресвятой Богородицы да пять сороковъ соболей; Исаакій получилъ три сорока соболей въ сто рублей, сорокъ соболей въ тридцать рублей, и, кромѣ того, сорокъ куницъ.

XVI.

Междугетманство послѣ смерти Петра Конашевича-Сагайдачнаго продолжалось шесть лѣтъ. Въ 1625 году Запорожцы избрали гетманомъ Малороссіи Михаила Дорошенка, дѣда будущаго знаменитаго гетмана Петра Дорошенка. Онъ водилъ казаковъ на крымскихъ татаръ и турокъ, но походы эти были неудачны. Послѣ Дорошенки гетманомъ Малороссіи былъ нѣкоторое время ставленникъ поляковъ Грицько. Явившись въ Сѣчь для увѣщеванія возмутившихся противъ Польши Запорожцевъ, онъ былъ убитъ; на его мѣсто казаки избрали корсунскаго полковника Тараса Трасыло.

Около того же времени у поляковъ возникла война со шведами, въ результатѣ которой Польша потеряла Самогитію, Курляндію и часть Пруссіи. Эта крупная неудача польскаго оружія не уняла, однако, буйнаго высокомѣрія шляхты. Безчинства и своеволія стали проявляться въ Малороссіи съ прежней силой. Тарасъ Трасыло выступилъ на защиту изстрадавшагося народа. Онъ собралъ свое войско, взялъ изрядное число пушекъ и двинулся къ Переяславу. По дорогѣ силы казаковъ увеличились, и численность ихъ возросла до 30000 человѣкъ. У Переяслава, между Трубежомъ и Альтою, Тарасъ расположился укрѣпленнымъ лагеремъ и сталъ поджидать врага.

Поляки встрепенулись. Изо всѣхъ концовъ Малороссіи они собрались подъ знамена войскъ короннаго гетмана Конецпольскаго. Кромѣ того, къ нему пришли подкрѣпленія изъ коронной Польши. Съ силами, значительно превосходившими казаковъ, Конецпольскій выступилъ противъ казацкаго гетмана и остановился подъ Переяславомъ, противъ

Библиотека "Руниверс"

его укрѣпленнаго лагеря. На слѣдующій день началось сраженіе. Обѣ стороны дрались ожесточенно. Поляки напрягали всѣ усилія, чтобы ворваться въ казацкій лагерь, но казаки храбро отбивали ихъ отчаянныя атаки и рѣшили скорѣе умереть всѣ до одного, чѣмъ сдаться полякамъ.

Такъ прошло нѣсколько дней. Насталъ католическій праздникъ „Божьяго Тѣла". Въ станѣ поляковъ началась постройка и убранство зеленью и цвѣтами передвижныхъ алтарей. Громовымъ салютомъ изъ всѣхъ орудій открылись праздничныя торжества. Послѣ обычныхъ молебновъ и процессій началось пированіе. Оно затянулось до поздняго вечера.

Весь этотъ день казаки никакихъ враждебныхъ дѣйствій не предпринимали. Казалось—они отдыхали подъ шумъ разгульнаго веселья своихъ противниковъ, но когда сгустились сумерки, и тихая лѣтняя ночь окутала землю и убаюкала хмѣльныя головы поляковъ,—значительная часть казацкаго войска вышла изъ своихъ окоповъ, пробралась ползкомъ въ лощину, окружавшую польскій станъ и заняла мѣсто по заранѣе обдуманному плану. Передъ разсвѣтомъ, когда всѣ передвиженія были закончены, казаки, по условному сигналу, ударили на станъ непріятеля одновременно съ двухъ сторонъ. Полунагіе, неуспѣвшіе еще проспаться послѣ вчерашняго веселья, поляки бросились къ оружію, но было уже поздно. Казаки завладѣли ихъ центромъ и стали наносить жестокія пораженія. Какъ скошенная трава ложилось польское войско подъ сокрушительными ударами казацкихъ пикъ и сабель. Немногіе успѣли спастись. Однихъ дворянъ погибло 300. Весь непріятельскій обозъ и артиллерія достались побѣдителямъ. Битву эту казаки назвали „Тарасовой ночью".

Изъ-подъ Переяславля храбрые борцы за волю и свободу народа двинулись мелкими отрядами по различнымъ направленіямъ. Проходя черезъ города, мѣстечки и деревни, они безпощадно избивали польскую шляхту и евреевъ-арендаторовъ. Избіенія послѣднихъ сопровождались особенными жестокостями. Это была месть народа, чаша терпѣнія котораго переполнилась. Прежде чѣмъ повѣсить или зарѣзать еврея, казаки подвергали его мучительнымъ истязаніямъ; они напоминали ему всѣ издѣвательства и глумленія надъ вѣрой христіанской, разсказывали ему про аренду пасочную, про значки и крестики

Библиотека "Руниверс"

уголькомъ и мѣломъ на пасхахъ и потомъ уже доканчивали свою жертву.

Свирѣпствуя надъ шляхтой и евреями, казаки шли все дальше и дальше въ глубь Малороссіи. Польское правительство не въ силахъ было остановить этого стихійнаго движенія возставшаго за свои права народа. Его вниманіе было отвлечено возобновившейся войной со шведами. Но въ концѣ—концовъ коронному гетману Конецпольскому все-таки удалось кое-какъ усмирить казаковъ. Вмѣсто Тараса Трасылы судьба котораго исторіи неизвѣстна, былъ избранъ Семенъ Перевязка. Вскорѣ казаки заподозрили его въ измѣнѣ. Онъ былъ преданъ войсковому суду, но съ помощью жида-крамаря, Лейбовича, „продавшаго часовымъ усыпительнаго табаку", бѣжалъ и тѣмъ спасся отъ позорной казни.

XVII.

Въ 1632 году умеръ Сигизмундъ III, сорокъ пять лѣтъ томившій западно-русскій народъ въ безправіи, тиранствѣ и угнетеніи. На польскій престолъ вступилъ сынъ его, Владиславъ IV.

Молодой, пылкій и даровитый король, ненавидѣвшій іезуитовъ, внесшихъ разладъ и непримиримую вражду между двумя братскими народами, прекрасно зналъ распущенность и своеволіе пропитанной іезуитскимъ ученіемъ польской шляхты, ненасытно стремившейся къ неограниченному господству и къ захвату въ свои руки даже власти, принадлежащей королю. Еще въ дѣтствѣ онъ слыхалъ о звѣрскомъ издѣвательствѣ пановъ надъ порабощеннымъ западно-русскимъ народомъ. Къ нему не разъ доходили и слухи о тѣхъ безчеловѣчныхъ и безразсудныхъ насиліяхъ, которыми сопровождалось обращеніе православныхъ въ унію. Ему была знакома фанатическая ненависть польской шляхты къ русскимъ. Благодаря фанатизму и высокомѣрію пановъ, онъ лишился московскаго престола, на который былъ избранъ при жизни своего отца. Въ отзывчивой душѣ молодого короля симпатіи лежали на сторонѣ западно-русскаго народа, правоту котораго онъ видѣлъ проницательнымъ умомъ и чувствовалъ сердцемъ.

Истомившійся подъ невыносимымъ польско-шляхетскимъ игомъ западно-русскій народъ и казачество питали надежды на заступниче-

Библиотека "Руниверс"

ство за нихъ молодого короля, на улучшеніе ихъ тяжелой участи. И, дѣйствительно,—на избирательномъ сеймѣ I ноября 1632 года Владиславъ настоялъ на признаніи законнымъ существованія въ Кіевѣ православной митрополіи, на кафедру которой тогда же былъ возведенъ знаменитый основатель Кіевской академіи Петръ Могила. По настоянію Владислава же, сеймъ призналъ за православными право имѣть четырехъ епископовъ: въ Перемышлѣ, Львовѣ, Луцкѣ (въ Волыни) и Могилевѣ. Наконецъ на коронаціонномъ сеймѣ 18 февраля 1633 года молодой король торжественно подтвердилъ привилегіи, данныя малорусскому народу прежними королями и отнятыя Сигизмундомъ III.

Православнымъ приходамъ въ Волыни были возвращены церкви во Владиміро-Волынскѣ, Кременцѣ, Дубнѣ, Корытницѣ, Ратномъ, Любомлѣ, и другихъ городахъ, а также нѣкоторые монастыри. Тогда же въ противодѣйствіе тлетворному вліянію іезуитовъ и навязанной народу уніи, нѣкоторые еще оставшіеся вѣрными православію дворяне-землевладѣльцы Волынскаго воеводства, основали новые монастыри со школами для просвѣщенія народа въ духѣ православія. Такъ, напримѣръ: въ 1633 году владѣтельные вельможи Даніилъ Малинскій и Лаврентій Древинскій съ разрѣшенія короля Владислава IV, основали въ Кременцѣ Богоявленскій братскій монастырь со школой и типографіей; въ 1635 году князья Четвертинскіе основали Крестовоздвиженскій монастырь въ селеніи Туминѣ, Луцкаго повѣта; въ 1636 году дворянинъ Семенъ Гулевичъ-Воютинскій основалъ общежительный монастырь въ селеніи Бѣломъ Стокѣ, того же Луцкаго повѣта и при этомъ монастырѣ школу „для дѣтей шляхетскихъ и разнаго состоянія людей"; въ 1637 году дворянка Ирина Ярмолинская основала такой же монастырь въ селеніи Загайцахъ, Кременецкаго повѣта; въ томъ же году Даніилъ Малиновскій основалъ въ мѣстечкѣ Шумскѣ, Кременецкаго повѣта, Троицкій монастырь, а въ мѣстечкѣ Гощѣ, Ирина Соломорецкая основала Михайловскій монастырь и учредила при немъ школу, которая такъ же, какъ и бывшее Острожское монастырское училище, не уступала знаменитой Кіевской Коллегіи.

Кромѣ перечисленныхъ монастырей—школъ, около того же времени было сооружено иждивеніемъ волынскаго дворянства нѣсколько православныхъ храмовъ въ Кременецкомъ, Луцкомъ, Владиміро-Волынскомъ, Овручскомъ и Житомирскомъ повѣтахъ.

Всѣ вновь открытыя въ Волыни монастырскія школы были подчинены Кіево-Братской Коллегіи и находились подъ особымъ покровительствомъ митрополита Петра Могилы.

Библиотека "Руниверс"

Въ своихъ заботахъ объ умиротвореніи народа король Владиславъ IV издалъ постановленіе, по которому всѣмъ гражданамъ государства вмѣнялось въ обязанность жить между собою въ добромъ согласіи и не нарушать правъ другъ друга, при чемъ дозволялся свободный переходъ какъ изъ православія въ унію, такъ и изъ уніи въ православіе.

Привилегіи западно-русскаго народа, касательно вѣры, были утверждены Владиславомъ, несмотря на сильные протесты не только со стороны католическаго и уніатскаго духовенства, но и со стороны папы.

Владиславъ ничего не могъ сдѣлать для казаковъ. Поляки видѣли въ казачествѣ несокрушимую силу, которая можетъ противодѣйствовавать ихъ непомѣрному господству въ богатой „текущей молокомъ и медомъ" Малороссіи, гдѣ шляхта успѣла уже свить себѣ прочныя гнѣзда и захватить въ свои руки обширныя помѣстья. Поэтому желаніе короля предоставить казачеству прежнія льготы и улучшить его положеніе вызвало среди пановъ цѣлую бурю озлобленнаго протеста. Какъ бы въ отвѣтъ на благопріятствовавшія казакамъ проекты короля, поляки, въ лицѣ засѣдавшихъ въ сеймѣ пановъ, постановили усугубить мѣры къ искорененію казачества, и первымъ дѣломъ, какъ можно строже, подчинить его коронному гетману; для укрощенія же грознаго Запорожья построить на Днѣпрѣ крѣпость, которая удерживала бы сѣчевыхъ казаковъ отъ набѣговъ на Крымъ, Турцію и во владѣніи Рѣчи Посполитой.

Это постановленіе сейма состоялось въ 1635 году, и вскорѣ на Днѣпрѣ, немного выше Сѣчи, была заложена поляками крѣпость Кодакъ.

XVIII.

Послѣ свергнутаго казаками Перевязки, гетманомъ малороссіи былъ избранъ генеральный хорунжій Павлюкъ.

Запорожцы не переставали совершать свои смѣлые морскіе походы и, по прежнему не разъ „окуривали мушкетнымъ дымомъ" стѣны Константинополя, жгли турецкія галеры и освобождали невольниковъ и съ богатой добычей возвращались въ свою неприступную Сѣчь.

Библиотека "Руниверс"

Въ 1632 году кошевымъ атаманомъ былъ у нихъ Арламъ, послѣ него—Сулима. Узнавъ о начатой поляками постройкѣ крѣпости на Днѣпрѣ и понявъ ея назначеніе, онъ въ августѣ мѣсяцѣ 1635 года напалъ на ея гарнизонъ, состоявшій изъ 200 человѣкъ, перебилъ его и самую крѣпость присвоилъ.

По приказанію короннаго гетмана Конецпольскаго, Сулима былъ осажденъ въ Кодакѣ и, схваченный живымъ, отвезенъ въ Варшаву и тамъ четвертованъ.

Послѣ этого въ Малороссіи опять начались неистовства польскихъ войскъ и шляхты. Положеніе народа и казачества снова стало невыносимымъ. Въ 1637 году опредѣленіемъ сейма было постановлено подчинить всѣхъ казаковъ сеймовымъ коммисарамъ, что означало—поставить ихъ въ зависимость отъ шляхты.

Вмѣстѣ съ тѣмъ казаки были лишены не только правъ самоуправленія, но и всякихъ имущественныхъ правъ. Цѣлыя толпы пановъ нахлынули въ богатую, хлѣбородную Малороссію и стали забирать въ свое владѣніе все, что принадлежало казакамъ. Путемъ этого захвата и появились на Украинѣ громадныя имѣнія Вишневецкихъ, Потоцкихъ, Конецпольскихъ и др. Одновременно съ лишеніемъ земельной собственности казаки были обращены въ „невольную челядь", въ холопство. Крестьяне были обложены новыми налогами и, между прочимъ, особой податью за браки и поголовной платой за каждаго новорожденнаго младенца мужескаго пола. Но этимъ еще не исчерпывались всѣ мѣры варварскаго угнетенія народа. Фанатизмъ польской шляхты дошелъ до того, что въ имѣніяхъ, перешедшихъ къ польскимъ магнатамъ, церкви православныя были отданы въ аренду жидамъ. Защитникомъ угнетеннаго и оскорбленнаго въ лучшихъ своихъ чувствахъ народа выступилъ гетманъ Павлюкъ. Онъ собралъ свое войско и двинулся на Украину. Конецпольскій поручилъ напольному гетману Потоцкому выступить противъ казаковъ. Въ декабрѣ 1637 года обѣ стороны сошлись возлѣ Корсуня. Въ сраженіи подъ селомъ Кумейками, 16 декабря 1637 года, казаки понесли полное пораженіе и потеряли весь свой обозъ. Въ ночь на 17 декабря Павлюкъ со своимъ разбитымъ войскомъ отступилъ къ деревнѣ Боровицѣ, гдѣ подошли къ нему свѣжія силы. Армія польская двинулась вслѣдъ за Павлюкомъ. Казаки готовы были принять новое сраженіе, но Потоцкій предложилъ заключить миръ, обѣщая, именемъ короля, прощеніе и подтвержденіе правъ и привилегій войска малороссійскаго и народа, при условіи низложе-

Библиотека "Руниверс"

нія Павлюка, которому предоставлялось свободно жить въ своемъ помѣстьи, и признанія гетманомъ Перевязки.

Казаки согласились. Миръ былъ подписанъ и утвержденъ обоюдной присягой. Но какъ только они начали расходиться, поляки окружили ихъ и, набросившись на нихъ всѣми своими силами, стали предательски убивать. Тѣмъ, которые были схвачены живыми, они отрѣзали усы и „чупруны", гетмана же Павлюка, обознаго Громыча, и есауловъ Побидесыла, Лятегу, Шкурая и Путылу заковали въ кандалы и, подъ видомъ плѣнныхъ, отправили въ Варшаву. Здѣсь всѣ эти казацкіе старшины безъ всякаго слѣдствія были присуждены къ смертной казни.

У Павлюка была заживо снята съ головы кожа и набита гречневой половой; остальнымъ головы были просто отрублены и всѣ вмѣстѣ разосланы по малороссійскимъ городамъ „на устрашеніе схизматовъ". Голова Павлюка была послана въ Чигиринъ,—остальныхъ старшинъ—въ Нѣжинъ, Умань, Бутуринъ и Черкасы. Насаженныя на высокіе шесты, онѣ выставлялись на базарныхъ площадяхъ, во время ярмарокъ, а затѣмъ были всенародно сожжены.*)

Участь, постигшая Павлюка и старшинъ, не устрашили казаковъ. Они вольными голосами избрали въ гетманы молодого Нѣжинскаго полковника Стефана Остраницу, а опытнѣйшаго изъ войсковыхъ товарищей, Леона Гуню, назначили ему въ совѣтники.

Между тѣмъ, безчинства шляхты по Малороссіи не прекращались. Польскія войска облагали города и села тяжелой контрибуціей. Положеніе народа стало еще тяжелѣе. Казаки начали собираться у Переяслава. Отсюда, предводительствуемые новоизбраннымъ гетманомъ, они направились на ближайшіе приднѣпровскіе города. Высланные Потоцкимъ противъ нихъ передовые отряды польскихъ войскъ были разбиты. Казаки шли дальше и на р. Старицѣ встрѣтились съ главной арміей напольнаго гетмана. Потоцкій стоялъ здѣсь укрѣпленнымъ лагеремъ. По своему обыкновенію, послѣ перваго пушечнаго и ружейнаго залпа, окутавшаго поле сраженія непроницаемыми тучами дыма, казаки бросились въ атаку. Дружный ударъ въ пики и сабли сбилъ поляковъ съ ихъ позицій. Они не поспѣвали заряжать ружей и пи-

*) Исторія Малороссіи Н. Маркевича, т. I, стр. 132—133.

Библиотека "Руниверс"

столетовъ и должны были принять рукопашный бой, но устоять въ немъ не могли. Казаки дрались какъ разъяренные львы. Поляки защищались тоже съ ожесточеніемъ, но ряды ихъ рѣдѣли; поле сраженія покрывалось грудами тѣлъ а казаки все наступали и наступали. Не оборачивая тыла, отбиваясь отъ казацкихъ пикъ однѣми саблями, войска польскія пятились назадъ и, не замѣчая близости обрывистаго берега рѣки, падали въ воду и тонули. Такъ погибли цѣлыя колонны ихъ.

Битва на рѣкѣ Старицѣ дорого обошлась полякамъ. Одними убитыми они оставили 11317 человѣкъ. Весь обозъ съ артиллеріей и всѣми запасами достался побѣдителямъ. Самъ напольный гетманъ Потоцкій съ небольшимъ числомъ конницы еле спасся вплавь черезъ рѣку. Потери казаковъ тоже были значительны. Въ числѣ 4727 человѣкъ убитыхъ погибъ и Гуня.

Послѣ преданія землѣ тѣлъ какъ павшихъ въ бою товарищей, такъ и враговъ, казаки отправились въ погоню за Потоцкимъ и настигли его въ мѣстечкѣ Полонномъ, на Волыни. Здѣсь онъ, въ ожиданіи помощи изъ Польши, укрылся въ замкѣ. Остраница осадилъ замокъ и приступилъ къ штурму, но Потоцкій выслалъ на встрѣчу казакамъ церковную процессію, во главѣ съ православнымъ духовенствомъ, которое стало уговаривать ихъ принять мирныя предложенія поляковъ.

Казаки собрали раду, и послѣ долгихъ совѣщаній, согласились на заключеніе мирнаго договора. Когда договоръ этотъ былъ составленъ и подписанъ, представители обѣихъ сторонъ отправились въ церковь и дали клятвенное обѣщаніе предать забвенію всякую вражду. Вмѣстѣ съ тѣмъ поляки, именемъ короля и Рѣчи Посполитой, присягнули въ ненарушимомъ сохраненіи за казачествомъ и всѣмъ народомъ малороссійскимъ издревле принадлежавшихъ ему правъ и привилегій. Послѣ этого осада была снята, и войска разошлись.

Гетманъ Остраница, генеральные старшины и полковники, храня завѣты христіанства и освященные вѣками обычаи южно-русскаго православнаго народа, отправились изъ-подъ мѣстечка Полоннаго въ Каневскій монастырь, чтобы подъ сѣнью этой особенно чтимой казаками святыни, гдѣ покоился прахъ обезглавленнаго гетмана Подковы, принести благодареніе Богу за дарованную побѣду и достигнутый ею мирный договоръ.

Библиотека "Руниверс"

Но насколько благоговѣйно относились казаки къ данной ими священной клятвѣ, на столько же легкомысленно смотрѣла на нее извращенная іезуитскимъ ученіемъ польская шляхта.

Подписавшіе мирный договоръ и присягнувшіе въ соблюденіи его польскіе военачальники тотчасъ же, по снятіи казаками осады полонненскаго замка, обратились къ своему духовенству. Опираясь на власть, данную папой разрѣшать грѣхи и клятвы, и исходя изъ тѣхъ соображеній, что вообще присяга, учиненная между католиками и „схизматами", не считается для первыхъ обязательною, ксендзы немедленно разрѣшили и ту присягу, которая была дана въ Полонномъ. Тогда уцѣлѣвшіе послѣ битвы подъ Старицею остатки польскихъ войскъ, провѣдавъ о паломничествѣ Остраницы, пробрались потайными путями къ Каневу, окружили его со всѣхъ сторонъ и ворвались въ монастырь. Гетманъ и съ нимъ 37 казацкихъ старшинъ были схвачены и въ крытыхъ телѣгахъ, глухими проселками, съ чрезвычайной поспѣшностью доставлены въ Варшаву. Самый монастырь каневскій и церкви поляки разграбили и подожгли.

При приближеніи къ Варшавѣ, всадники, конвоировавшіе Остраницу и его товарищей, высадили ихъ изъ телѣгъ, связали веревками попарно и, накинувъ петли на шеи, торжественно, съ барабаннымъ боемъ, ввели ихъ въ городъ, при чемъ возглашали передъ собравшейся толпой, что „схизматы" взяты въ плѣнъ при побѣдѣ, одержанной польскими войсками въ сраженіи надъ р. Старицей.

Затѣмъ, жертвы этого коварства были ввержены въ подземныя темницы, гдѣ должны были ожидать дальнѣйшей участи.

Вскорѣ прибыли въ Варшаву жены узниковъ. Однѣ изъ нихъ привезли съ собою грудныхъ младенцевъ, а другія малолѣтнихъ подростковъ. Эти несчастныя матери думали умилостивить польскихъ вельможъ слезами неповинныхъ дѣтей. Трогательны были мольбы малютокъ за своихъ отцовъ, но въ очерствѣлыхъ сердцахъ кровожадныхъ магнатовъ не было никакого состраданія. Они какъ бы наслаждались муками тѣхъ людей, потомъ и кровью которыхъ стяжали себѣ несмѣтныя богатства.

Черезъ нѣсколько дней узниковъ повели на казнь. Шествіе это, по словамъ лѣтописи, „открывала процессія римская со множествомъ ксендзовъ ея, которые уговаривали ведомыхъ на жертву малороссіянъ,

Библиотека "Руниверс"

чтобы они приняли законъ ихъ на избавленіе свое въ чистилищѣ, но сіи, ничего имъ не отвѣчая, молились Богу по своей вѣрѣ. Мѣсто казни наполнено было народомъ, войскомъ и палачами съ ихъ орудіями".

Гетманъ Остраница, генеральный обозный Сурмыло и полковники: Недругайло, Баюкъ и Рындичъ были колесованы; имъ переломали руки и ноги и по колесу тянули изъ нихъ жилы.

Полковники: Гейдеровскій, Бутримъ и Запалый, обозные Кизимъ и Сучевскій были пробиты желѣзными спицами насквозь и подняты на столбы.

Полковые есаулы: Постыличъ, Гарунъ, Супыга, Подобай, Харкевичъ, Чудакъ и Чурай, сотники: Чупрына, Окуловичъ, Сокальскій, Мировичъ и Ворожбытъ были стоя прибиты гвоздями къ доскамъ, облитымъ смолою и сожжены медленнымъ огнемъ.

Хорунжіе: Могилянскій, Загреба, Скребыло, Ахтырка, Потурай, Бурлій и Загнибида были растерзаны желѣзными когтями, устроенными на подобіе медвѣжьей лапы.

Старшины: Мантей, Дунаевскій, Скубрій, Глянскій, Завезунъ, Косыръ, Гуртовый, Тумаръ и Тугай были четвертованы.

Жены и дѣти казнимыхъ, увидя первые ужасы казни, наполнили площадь душу раздирающимъ воплемъ и рыданіями, но ихъ скоро уняли палачи: женамъ были обрѣзаны груди, а затѣмъ всѣхъ ихъ до одной изрубили на эшафотѣ, при чемъ сосцами били по лицу еще живыхъ мужей, дѣтей же, бродившихъ и ползавшихъ около окровавленныхъ тѣлъ матерей, пережгли въ виду отцовъ ихъ на желѣзныхъ рѣшеткахъ, подъ которыя палачи подкладывали уголья и раздували ихъ метелками и шапками.

Головы, руки и ноги казненныхъ гетмана и старшинъ были развезены во всѣ концы Малороссіи и развѣшены на высокихъ столбахъ по городскимъ площадямъ. Весь юго-западный край подвергся грабежамъ, неслыханнымъ безчинствамъ и насиліямъ со стороны польскихъ войскъ. Всюду повторялись варшавскія звѣрства и производились самыя лютыя казни: на глазахъ родителей сжигали или варили въ

Библиотека "Руниверс"

котлахъ дѣтей и тутъ же предавали мучительной смерти матерей. Въ отданныхъ въ аренду жидамъ церквахъ было разграблено все церковное имущество. Нерѣдко жиды-шинкари покупали у несшихъ военную службу спившихся польскихъ шляхтичей потиры, дискосы, ризы и стихари. Пріобрѣтенное такимъ образомъ церковное серебро жиды переливали себѣ на посуду, а изъ ризъ и стихарей жидовки шили себѣ нагрудники.

Одна изъ малороссійскихъ лѣтописей тогдашняго времени содержитъ въ себѣ слѣдующее описаніе варварствъ, которымъ подвергался малорусскій народъ непосредственно послѣ казни Остраницы и его товарищей:

„Такожде многихъ храбрыхъ и славныхъ казаковъ различными муками погубиша: иныхъ на четверо разсѣкающе, иныхъ на палѣ избивающе, другихъ на желѣзные гаки за ребра вѣшающе, и въ тѣхъ часѣхъ поставиша дани: дуди неякіясь, повивачное, пороговщину, подымное, поголовщину, очковое, ставщизну, поемщизну, сухомельщину. Тоже церкви Божіи жидамъ запродаяху, и за дозволеніемъ жидовскимъ младенцевъ крещаху; и всякіе обряды церковные жидамъ поддаяху въ аренду. Казаковъ же только 6000 судиху себѣ имѣти; а прочимъ, аще бы и сынъ славнаго казака былъ, то взяли у подданство, а и реестровыхъ казаковъ въ великой тѣснотѣ держаху: ни чести, ни славы, ни воли; бѣху, бѣдніи, горше турецкой неволи. Еще же поставиша надъ казаками реестровыми полковниковъ, сотниковъ и всю старшину лядскія вѣры и употребляли казаковъ до грубъ топленія, до хандоженія коней, хортовъ и дворовъ чищенія“ *).

Таково было состояніе Волыни и всей вообще Малороссіи въ концѣ сороковыхъ годовъ XVII столѣтія.

Послѣ Остраницы казаки избрали гетманомъ Савалтовича, но, заподозрѣвъ его въ измѣнѣ, убили. Его мѣсто занялъ Карпо Полторакожуха. Бывшее при немъ возстаніе, въ которомъ участвовали и Запорожцы, успѣха не имѣло. Въ подавленіи его принималъ дѣятельное участіе ополячившійся потомокъ когда-то славныхъ защитниковъ малорусской народности и православія, князь Іеремія Корибутъ-Вишневецкій. И отецъ, и мать Іереміи Вишневецкаго, дочь молдавскаго

*) Исторія Малороссіи Н. Маркевича, т. V, стр. 26.

Библиотека "Руниверс"

господаря Іереміи Могилы, были оба православными, но сынъ ихъ, получивъ образованіе въ львовскихъ іезуитскихъ школахъ, пропитался духомъ іезуитскаго ученія и перешелъ въ католицизмъ. Женившись, затѣмъ, на польской княжнѣ Гризельдѣ Замойской, и войдя, вслѣдствіе этого брака, въ родственныя связи съ польскими магнатами, онъ подпалъ подъ ихъ вліяніе и сдѣлался ярымъ гонителемъ вѣры своихъ предковъ.

Разбитое войско казацкое было разсѣяно и скиталось въ безлюдныхъ приграничныхъ степяхъ. Послѣ смерти Карпа Полторакожуха въ 1642 году былъ избранъ гетманомъ Максимъ Гулакъ. Попытки его собрать казаковъ и защитить многострадальную родину отъ невыносимаго польскаго гнета были тоже неудачны. Надъ рѣкою Тясьменемъ казаки были опять разбиты польскими войсками, подъ предводительствомъ чигиринскаго старосты Чарнецкаго.

Поляки торжествовали. Имъ казалось, что несокрушимая сила казацкая уже сломана, что самъ народъ малороссійскій, уставъ отъ вѣковой борьбы, преклонится, наконецъ, передъ господствомъ шляхты и, надѣвъ рабское ярмо, безропотно повлачитъ свое подневольное существованіе.

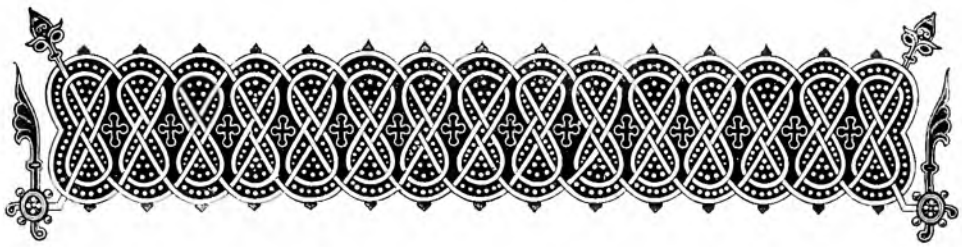
Опьяненная кровью этого неповиннаго народа польская шляхта проводила дни и ночи въ дикомъ разгулѣ безпутствъ, насилій и тиранства. Стонъ и вопли несчастныхъ жертвъ этого безумнаго разгула не пробуждали въ заплывшихъ жиромъ сердцахъ пресыщенныхъ магнатовъ ни жалости, ни состраданія. Они потакали шляхтѣ и сами предавались такому же распутству и насиліямъ. Надъ благодатнымъ малороссійскимъ краемъ нависла темная туча унынія и горя, но въ той сторонѣ, гдѣ лежало „дикое полѣ“, гдѣ „тырса шумѣла“ и „били днѣпровскіе пороги“, еще жива была казацкая сила. Тамъ собиралъ ее на защиту народа богатырь—великанъ Зиновій Богданъ Хмельницкій...

Страшный ураганъ народнаго возстанія охватилъ всю юго-западную Русь.

Зарево запылавшихъ замковъ разбудило уснувшую умомъ и совѣстью шляхту. Но было уже поздно...

Н. П. Шадурскій.

Библиотека "Руниверс"



ѲЕОФАНЪ ПРОКОПОВИЧЪ И ЕГО СОТРУДНИКИ

Къ 1719-му году Псковскій епископъ Ѳеофанъ Прокоповичъ былъ уже настолько обремененъ всевозможными дѣлами и порученіями Царя, что для занятій собственной епархіальною дѣятельностью у него оставалось очень немного времени. Чтобы облегчить свои труды по управленію ввѣренной ему эпархіей, онъ, вѣроятно, въ концѣ 1718 года рѣшился просить Царя дать ему помощниковъ для исполненія порученій по дѣламъ епархіальнаго управленія. Возможно, что Ѳеофану требовались въ это именно время сотрудники не для одного только управленія епархіальными дѣлами. Въ это время подготовка Духовнаго Регламента шла усиленнымъ темпомъ, и Ѳеофану нужны были знающіе и дѣльные люди, главнымъ образомъ, для работы по подготовкѣ церковной реформы. Если же онъ въ своей просьбѣ къ Царю указывалъ на то, что ему нужны помощники для веденія епархіальныхъ дѣлъ, то это могло быть только внѣшнимъ мотивомъ, внутренняя же причина могла заключаться въ другихъ обстоятельствахъ.

Ѳеофанъ Прокоповичъ писалъ къ Царю слѣдующее:

„Державнѣйшый Царъ,
„Государь Милостивѣйшый.

„Бію челомъ Вашему Царскому Величеству, нижеименуемый рабъ Вашъ и богомолецъ. Требую я въ моемъ служеніи сослужителей и помощниковъ, которыи бы помогали мнѣ въ наставленіи и управленіи епархіи моей. А къ дѣлу тому угодныхъ быти выжду (вм. вижду) учителныхъ въ Кіевѣ іеромонаховъ: Симона Петра Кохановского да Михаила Загурскаго. Потребенъ и третей къ ученію дѣтей, да такого именовать не могу, понеже одинъ, мнѣ вѣдомый, умре, а другой, сказуютъ, неможетъ; прочіи суть новыи и мнѣ невѣдомыи; развѣ отпишу до училищнаго Кіевского Коллегіумъ, кого оны опредѣлютъ.

Библиотека "Руниверс"

„Милостивый Государь! Пожалуй мене раба своего, повели дать Именный Указъ Твой Царскій, дабы оныхъ именованныхъ іеромонаховъ двоихъ и третего, по опредѣленію, ко мнѣ отправлено (было). Молю всесмиренно благоутробіе Вашего Царского Священнѣйшаго Величества.

„Нижайшей рабъ и богомолецъ

„Смиренный Ѳеофанъ, Епископъ Псковскій“

Государь не замедлилъ исполненіемъ просьбы преданнаго ему епископа. 1-го Января 1719 года гр. Ив. Мусинъ-Пушкинъ увѣдомлялъ Сенатъ:

„1719 года, Генваря въ 1 день, Великій Государь, Царь Великій Князь Петръ Алексѣевичъ всеа Великія, и Малыя, и Бѣлыя Россіи Самодержецъ указалъ по Имянному своему Великого Государя указу быть въ Санктъ-Питербурхъ ис Кіева Михаловского монастыря игумену Варлааму Леннецкому, да монахомъ: Симону Петру Кохановскому, Михайлу Загурскому, да къ нимъ третіяго выбравъ изъ Училищного Кіевского Коллегіума ко ученію дѣтей достойного, да изъ Нижегороцкого Николаевского монастыря архимандриту Питириму, какъ наискорѣя; и для того дать имъ ис тѣхъ губерней до Санктъ-Питербурха ямскіе подводы, и на нихъ прогонные денги по указу противъ прежнихъ отпусковъ; и о томъ въ губерніи послать свои Великого Государя указы“.

Какъ видно, Петръ вызываетъ въ Петербургъ не только тѣхъ, о которыхъ просилъ его Ѳеофанъ Прокоповичъ, но и другихъ лицъ, о которыхъ послѣдній даже и не упоминалъ. Къ лицамъ, указаннымъ Ѳеофаномъ, Царь присоединилъ еще двухъ человѣкъ: игумена Кіево-Михайловскаго монастыря Варлаама Ленницкаго и архимандрита Нижегородскаго Троицко-Николаевскаго монастыря Питирима. Чѣмъ было вызвано такое увеличеніе числа лицъ, необходимыхъ для помощи Ѳеофану Прокоповичу, и почему именно на этихъ лицахъ остановился выборъ Царя,—сказать довольно трудно. Во всякомъ случаѣ, несомнѣнно одно, что эти лица не были противниками взглядовъ Царя и Ѳеофана на церковную политику того времени.

Правительствующій Сенатъ, получилъ указъ Петра, немедленно приступилъ къ его исполненію. 2-го Января изъ Сената были отправлены соотвѣтствующіе указы Кіевскому Губернатору кн. Д. М. Голицыну и Казанскому П. С. Салтыкову.

Библиотека "Руниверс"

Архимандрита Питирима извѣщалъ о вызовѣ его въ столицу самъ Мусинъ-Пушкинъ, причемъ это извѣщеніе было послано ему въ формѣ оффиціальнаго письма, но не указа. Посылалъ-ли онъ подобныя извѣщенія другимъ лицамъ, поименованнымъ въ указѣ Царя—неизвѣстно. Вѣроятно, нѣтъ, такъ какъ въ дѣлѣ не сохранилось никакихъ указаній на это. Слѣдуетъ думать, что этой чести былъ удостоенъ одинъ только Питиримъ, уже стяжавшій себѣ извѣстность своей энергичной дѣятельностью.

Отвѣчали-ли что-либо по этому поводу Казанскій Губернаторъ и архимандритъ Питиримъ,—неизвѣстно. Но Кіевскій Губернаторъ тотчасъ же по полученіи указа отписалъ въ Сенатъ, извѣщая, что имъ уже приняты мѣры къ исполненію препровожденнаго къ нему указа.

Въ Кіевѣ указъ Сената былъ полученъ 22-го января, а отвѣтное доношеніе о полученіи указа кн. Голицынъ отправилъ только 29 января.

Исполненіе Царскаго указа въ Кіевѣ длилось около двухъ недѣль. 10 февраля требуемыя лица изъ Кіева уже были отправлены въ Петербургъ. Въ столицу направились: игуменъ Варлаамъ Леннецкой, іеромонахи: Симонъ, Петръ Кохановскій и Михаилъ Загурскій, „да вновь выбраной Серафіонъ Концѣвичъ“.

Эти то лица и явились помощниками Ѳеофана Прокоповича въ его многосложныхъ трудахъ, связанныхъ не столько съ епархіальныхъ управленіемъ, сколько съ подготовкой и проведеніемъ въ жизнь созданной имъ церковной реформой.

Н. Г. Высоцкій.

Библиотека "Руниверс"

ДЕКАБРИСТЪ ГОЛИЦЫНЪ ВЪ АСТРАХАНИ

Хотя исторія декабрьскаго возмущенія описана довольно подробно самыми участниками его, въ запискахъ современниковъ позднѣйшими изслѣдователями, однако, благодаря тому, что большинство преступниковъ было разбросано по разнымъ концамъ Россіи, многія подробности о пребываніи ихъ въ ссылкѣ остаются еще достояніемъ архивовъ. Между тѣмъ для полноты изслѣдованія печальной эпохи, кромѣ описанія совершившагося событія, не лишне знать и послѣдующіе взгляды общества и правительства на виновниковъ возникшаго процесса. Правда, въ провинціальныхъ хранилищахъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ послѣднія тянули свое существованіе, не много сохранилось о нихъ свѣдѣній, за то краткостью своихъ неподкрашенныхъ показаній свѣдѣнія эти даютъ больше истины, чѣмъ всякіе отголоски и пересказы позднѣйшихъ „воспоминателей".

Недавно мнѣ удалось отыскать нѣсколько такихъ матеріаловъ, изъ коихъ одинъ представляетъ списокъ декабристовъ, „преданнымъ Верховному Уголовному суду и по приговорамъ онаго осужденнымъ къ разнымъ наказаніямъ".*) Подобные документы были разосланы, по Высочайшему повелѣнію, въ сентябрѣ 1826 г. генералъ-губернаторамъ и губернаторамъ тѣхъ областей, „въ коихъ сами преступники или ближайшіе родственники ихъ жительства имѣли", съ цѣлью выясненія подробностей положенія и домашнихъ обстоятельствъ сихъ родныхъ".

Другіе матеріалы, болѣе интересные, касаются бывшаго члена „Сѣвернаго" общества камеръ-юнкера князя Голицына, служившаго рядовымъ въ № 9 Кавказскомъ линейномъ баталіонѣ, въ который онъ былъ переведенъ изъ 42 Егерскаго полка, согласно Высочайшей волѣ, изъясненной генералъ-фельдмаршаломъ въ приказѣ главнокомандующаго отдѣльнымъ Кавказскимъ корпусомъ 13 ноября 1829 г. за № 230.

*) См. стр. 271.

Библиотека "Руниверс"

По содержанію своему, дѣло это описываетъ довольно курьезныя даже по тому времени явленія, характеризуя былые нравы и взгляды.

12 ноября 1832 года, дежурный генералъ военнаго министерства ген.-адъют. Клейнмихель увѣдомилъ астраханскаго военнаго губернатора ген-м. Пяткина[1]), что Государь Императоръ повелѣлъ „осужденнаго приговоромъ Верховнаго Уголовнаго суда Валеріана Голицына“ выслать изъ Астрахани въ Грузію, отправивъ его въ Тифлисъ „со всѣми о немъ свѣдѣніями къ командиру отдѣльнаго Кавказскаго корпуса“.

Бумагу эту губернаторъ получилъ 27 ноября и на другой же день сдѣлалъ распоряженіе „не мало не медля исполнить оное повелѣніе“, сообщивъ о томъ барону Розену и военному министру графу Чернышеву.

Вслѣдствіе этого командиръ батальона полковникъ Бланжіевскій 1 декабря вошелъ съ рапортомъ къ исправлявшему губернаторскую должность коменданту, полковнику Ребиндеру, прося его „снабдить для отправленія Голицына подорожною на взиманіе двухъ почтовыхъ лошадей и прогонными деньгами съ будущимъ ун.-офицеромъ для конвоя“ [2]).

Такое требованіе удивило коменданта. „Не имѣя въ виду постановленій, разрѣшающихъ выдачу подорожныхъ и прогоновъ нижнимъ чинамъ, къ разряду коихъ принадлежалъ Голицынъ“, онъ „рекомендовалъ“ Бланжіевскому: „въ случаѣ, если вы не имѣете въ руководствѣ особыхъ на сей предметъ указаній“,—„отправить его по средствамъ внутренней стражи, предписавъ имѣть за нимъ въ пути ближайшій надзоръ“.

Между тѣмъ по батальоннымъ перепискамъ оказалось, что рядовой этотъ былъ присланъ въ Астрахань изъ 42 Егерскаго полка „при унтеръ-офицерѣ на почтовыхъ лошадяхъ и даже въ обратный путь сему ун.-офицеру выданы на одну лошадь прогонныя деньги“. При назначеніи его туда на службу, было предписано командирамъ Кавказскаго корпуса (17 ноября 1829 г.) имѣть за нимъ „тайный и бдительный надзоръ“. Поэтому, „будучи по преступленію своему важ-

---

[1]) Ген.-маіоръ, впослѣдствіи ген.-лейтенантъ Василій Гавриловичъ Пяткинъ правилъ Астрах. губерніей съ 1831 по 1833 годъ.

[2]) Дѣло Астрах. губ. архива за 1832 г. № 22.

Библиотека "Руниверс"

нымъ",— рапортовалъ 5 декабря Бланжіевскій коменданту,—„онъ не подлежитъ въ разрядъ обыкновенныхъ арестантовъ, пересылаемыхъ посредствомъ внутренней стражи".

Только тогда Ребиндеръ „убѣдился въ необходимости отправки его подъ надзоромъ благонадежнаго ун.-офицера", предложивъ астраханскому губернскому правленію выдать на него подорожную.

Такимъ образомъ, вмѣсто „не мало немедленнаго" исполненія, произошла значительная задержка, ибо правленіе доставило въ батальонъ прогоны лишь 10 декабря. Въ это время Голицынъ простудился и заболѣлъ опухолью горла и лица. „Освидѣтельствовавъ" его вмѣстѣ съ ротнымъ командиромъ капитаномъ Багаевымъ, полковникъ Бланжіевскій изъ чувства состраданія къ больному рядовому, дабы не подвергать его здоровье при столь дальнемъ переѣздѣ въ зимнюю стужу большей опасности, оставилъ Голицына впредь до выздоровленія въ мѣстномъ околодкѣ, гдѣ его лѣчилъ докторъ Суворовъ.

Но о такой „поблажкѣ" провѣдалъ губернаторъ. Считая подобный поступокъ ослушаніемъ царскому повелѣнію и сдѣлавъ за то батальонному командиру строгій выговоръ, онъ предписалъ ему 16 декабря „съ полученіемъ сего, безъ малѣйшаго отлагательства времени, отправить сего рядового къ мѣсту служенія, донеся въ то же время мнѣ о часѣ его выбытія для представленія нынѣшнею почтою военному министру гр. Александру Ивановичу Чернышеву".

Пришлось по необходимости подчинится столь настойчивому приказанію и на другой же день (17 декабря) въ 8 час. утра отправить „преступника" „въ томъ же болѣзненномъ состояніи", подъ конвоемъ ун.-офицера Ростова.

Конечно вѣсть о томъ достигла Петербурга, хотя, по обыкновенію, въ значительно преувеличенномъ видѣ. Какъ писалъ 22-го того же декабря графъ Чернышевъ генералу Пяткину: „до свѣдѣнія Государя Императора дошло" не только то, „что рядовой Голицынъ, послѣ объявленія ему высочайшей воли, оставался давное время въ Астрахани и пользовался свободою", но еще „и сдѣлалъ значительный долгъ, простирающійся до 2 тыс. руб." Къ этому графъ добавилъ собственноручно: „*Сверхъ 3000, прежде сего имъ издержанныхъ*" *).

*) Дѣло Астрах. архива за 1833 г., № 51.

Библиотека "Руниверс"

Отъ батальоннаго командира были потребованы объясненія: „по какой причинѣ отправленъ онъ не тотчасъ, у кого именно и сколько занялъ денегъ и какое изъ нихъ сдѣлалъ онъ употребленіе?“.

Всѣ обвиненія оказались ложными и не на чемъ не основанными. Удостовѣривъ причину задержки перепиской съ комендантамъ и медицинскимъ актомъ, полковникъ Бланжіевскій (21 января 1833 года) далъ такой отвѣтъ губернатору:

„Въ батальонѣ за нимъ былъ учрежденъ тайный надзоръ и ежедневно я имѣлъ въ виду о всѣхъ занятіяхъ его въ отправленіи службы и внѣ оной. Во время службы рядовой Голицынъ наравнѣ съ прочими нижними чинами въ очередь на службу наряжали въ караулъ, на главную гауптвахту, къ провіантскимъ бунтамъ, въ таможню и въ тюремный замокъ; стоялъ (онъ) на установленныхъ притинахъ очередные часы; дневальнымъ по ротѣ, на ратныхъ и батальонныхъ ученьяхъ со всѣми вмѣстѣ выводомъ былъ, всѣ обязанности исполнялъ съ ревностью и усердіемъ, велъ себя хорошо; свободу же имѣлъ, какъ и прочіе чины, и ничего противнаго законамъ за нимъ (я) не замѣчалъ“.

„Во время службы денежныхъ долговъ (онъ) не дѣлалъ. По развѣдываніи, у купцовъ и маклеровъ не занималъ, не дѣлалъ никакихъ расходовъ, потому что не имѣлъ изъ чего; по векселямъ, частнымъ роспискамъ и на вѣрное слово ни у кого не занималъ и, наконецъ, по служеніи его въ батальонѣ, жалобъ и претензіи ни на малѣйшую сумму и ни по какимъ случаямъ,—какъ словеснымъ, такъ и письменнымъ—(я) ни отъ кого не получалъ“.

Свѣдѣнія эти подтвердило и губернское Правленіе.

Донося (18 февраля) о результатѣ разслѣдованія военному министру, генералъ Пяткинъ приложилъ въ удостовѣреніе „справедливости изложеннаго“ всѣ рапорты къ нему указанныхъ учрежденій и коменданта, всего 9 бумагъ на 26 листахъ*).

Должно быть, графъ удовлетворился представленными „подтвержденіями“ и не возбуждалъ больше о „преступникѣ“ переписки.

П. Юдинъ.

---

*) Тамъ же, дѣло № 59.

Библиотека "Руниверс"

№ 2093 *)

№ 3683
22 Сентября
1826.

КИЗЛЯРСКОЙ ГРАДСКОЙ ПОЛИЦІИ

ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ благоугодно знать въ возможной подробности положеніе и домашнія обстоятельства, ближайшихъ родныхъ всѣхъ тѣхъ преступниковъ, кои были преданы Верховному Уголовному Суду и по приговорамъ онаго осуждены.—Въ слѣдствіе чего ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО Высочайше повелѣть соизволилъ, чтобъ отобраны были надлежащія по сему справки отъ Гг. Генералъ-Губернаторовъ, или Гражданскихъ Губернаторовъ тѣхъ губерній, въ какихъ сами преступники или ближайшіе родственники ихъ жительства имѣли.

Получивъ о семъ отъ Г. Главноуправляющаго въ здѣшнемъ краю за № 3174 предписаніе со спискомъ тѣмъ преступникамъ, я препровождаю при семъ копію сего списка и предписываю Градской полиціи согласно Высочайшей воли, учинить въ вѣдомствѣ своемъ розысканіе неокажется ли кого изъ родныхъ поимянованныхъ въ спискѣ лицъ и буде окажется, то учинивъ подробную выправку о ихъ положеніи и домашнихъ обстоятельствахъ, съ объясненіемъ всего того, что въ вышеизложенномъ Высочайшемъ повелѣніи заключается, въ самоскорѣйшемъ времени доставить мнѣ сіи свѣдѣнія.

Управляющій Областію Генералъ-Маіоръ (подпись неразборчива).

(*Приписка*: „рапорта 10 октября № 1036“).

*) Кизлярскаго Коменд. арх.

Библиотека "Руниверс"

Копія.

СПИСОКЪ

Преданныхъ Верховному Уголовному Суду и по приговорамъ онаго осужденныхъ къ разнымъ наказаніямъ.

Сѣвернаго общества.	Южнаго общества.	Соединенныхъ Славянъ.
1. *Трубецкой*, бывшій Князь, Дежурный Штабъ Офицеръ 4-го пѣхотнаго Корпуса и Полковникъ.	1. *Пестель*, бывшій Полковникъ Вятскаго пѣхотнаго полка.	1. *Борисовъ* 2-й, бывшій Подпорутчикъ 8-й Артиллерійской Бригады.
2. *Рылѣевъ*, бывшій отставной Подпорутчикъ.	2. *Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ*, бывшій Подполковникъ Черниговскаго полка.	2. *Борисовъ* 1-й, бывшій отставной Подпорутчикъ.
3. *Евгеній Оболенскій*, бывшій Князь Порутчикъ Лейбъ гвардіи Финляндскаго полка и старшій Адъютантъ Гвардейской пѣхоты.	3. *Бестужевъ-Рюминъ*, бывшій Подпорутчикъ Полтавскаго полка.	3. *Спиридовъ*, бывшій Маіоръ Пензенскаго пѣхотнаго полка.
4. *Муравьевъ* Никита бывшій Капитанъ Гвардейскаго Генеральнаго Штаба.	4. *Муравьевъ-Апостолъ*, Матвѣй, бывшій отставной Подполковникъ.	4. *Горбачевскій*, бывшій Подпорутчикъ 8-й Артиллерійской бригады.

Библиотека "Руниверс"

Сѣвернаго общества.	Южнаго общества.	Соединенныхъ Славянъ.
5. *Каховскій*, бывшій отставной Порутчикъ.	5. *Юшневскій*, бывшій 4 класса и Генералъ-Интендантъ 2-й Арміи.	5. *Бечасновъ*, бывшій Прапорщикъ 8-й Артиллерійской бригады.
6. *Щепинъ-Ростовскій*, бывшій Князь и Штабсъ Капитанъ лейбъ-Гвардіи Московскаго полка.	6. *Волконскій* Сергѣй, бывшій Князь и Генералъ-Маіоръ.	6. *Пестовъ*, бывшій Подпорутчикъ 9-й Артиллерійской бригады.
7. *Бестужевъ* Александръ, бывшій Штабсъ-Капитанъ Лейбъ-Гвардіи Драгунскаго полка.	7. *Давыдовъ* Василій Львовъ сынъ, бывшій отставной Полковникъ.	7. *Андрѣевичъ* 2-й, бывшій Подпорутчикъ 8-й Артиллерійской бригады.
8. *Бестужевъ* Михайло, бывшій Штабсъ-Капитанъ Лейбъ Гвардіи Московскаго полка.	8. *Барятинскій*, бывшій Князь, Лейбъ-Гвардіи Гусарскаго полка Штабсъ-Ротмистръ и Адъютантъ Главнокомандующаго 2-й Арміею.	8. *Люблинскій*, бывшій Дворянинъ Волынской Губерніи.
9. *Арбузовъ*, бывшій Лейтенантъ Гвардейскаго экипажа.	9. *Поджіо*, бывшій отставной Подполковникъ.	9. *Тютчевъ*, бывшій Капитанъ Пензенскаго пѣхотнаго полка.
10. *Бестужевъ* Николай, бывшій Капитанъ-Лейтенантъ 8-го Флотскаго экипажа.	10. *Муравьевъ* Артамонъ, бывшій Полковникъ Ахтырскаго гусарскаго полка.	10. *Громницкій*, бывшій Порутчикъ Пензенскаго пѣхотнаго полка.
11. *Пановъ*, бывшій Порутчикъ Лейбъ-Гвардіи Гренадерскаго полка.	11. *Повало-Швейковскій*, бывшій Полковникъ Саратовскаго пѣхотнаго полка.	11. *Кирѣевъ*, бывшій Прапорщикъ 8-й Артиллерійской бригады.

Библиотека "Руниверс"

Сѣвернаго общества.	Южнаго общества.	Соединенныхъ славянъ.
12. *Сутгофъ*, бывшій Порутчикъ Лейбъ-Гвардіи Гренадерскаго полка.	12. *Вадковскій*, бывшій Прапорщикъ Нѣженскаго конно-егерскаго полка.	12. *Фурманъ*, бывшій Капитанъ Черниговскаго пѣхотнаго полка.
13. *Кюхельбекеръ*, бывшій Коллежскій Ассесоръ.	13. *Тизенгаузенъ*, бывшій Полковникъ Полтавскаго пѣхотн. полка.	13. *Вединяпинъ 1-й*, бывшій Подпорутчикъ 9-й Артил. бригады.
14. *Пущинъ* Иванъ, бывшій Коллежскій Ассесоръ.	14. *Вранщкій*, бывшій Полковникъ Квартермейстерской части.	14. *Веденяпинъ 2-й*, бывшій Прапорщикъ 9-й Артил. бригады.
15. *Одоевскій*, бывшій Князь и Корнетъ Лейбъ-Гвардіи коннаго полка.	15. *Крюковъ*, бывшій Порутчикъ Квартермейстерской части.	15. *Шимковъ*, бывшій Прапорщикъ Саратовскаго пѣхотнаго полка.
16. *Якубовичъ*, бывшій Капитанъ Нижегородскаго Драгунскаго полка.	16. *Фаленберъ*, бывшій Подполковникъ Квартермейстерской части.	16. *Мозгинъ*, бывшій Подпорутчикъ Пензенскаго пѣхотнаго полка.
17. *Цебриковъ*, бывшій Порутчикъ Лейбъ-Гвардіи Финляндскаго полка.	17. *Лореръ*, бывшій Маіоръ Вятскаго пѣхотнаго полка.	17. *Ивановъ*, бывшій Провіантскій Чиновникъ 1-го класса.
18. *Рѣпинъ*, бывшій Штабсъ-Капитанъ Лейбъ-Гвардіи Финляндскаго полка.	18. *Краснокутскій*, бывшій Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ и Оберъ-Прокуроръ Сената.	18. *Фроловъ* 2-й, бывшій Подпорутчикъ Пензенскаго пѣхотнаго полка.
19. *Муравьевъ* Александръ отставной Полковникъ.	19. *Лихаревъ*, бывшій Подпорутчикъ Квартермейстерской части.	19. *Мозгалевскій*, бывшій Подпорут. Саратовскаго пѣхот. полка.

Библиотека "Руниверс"

Сѣвернаго общества.	Южнаго общества.	Соединенныхъ Славянъ.
20. *Якушкинъ* бывшій отставной Капитанъ.	20. *Вольфъ*, бывшій Штабъ-Лѣкарь, состоявшій при главной квартирѣ 2-й Арміи.	20. *Лисовскій*, бывшій Порутчикъ Пензенскаго пѣхотнаго полка.
21. *Фонъ-Визинъ* бывшій отставной Генералъ-Маіоръ.	21. *Крюковъ*, бывшій Порутчикъ Кавалергардскаго полка и Адъютантъ Главнокомандующаго 2-ю Арміею.	21. *Выгодовскій*, бывшій Канцеляристъ.
22. *Шаховской* Федоръ, бывшій Князь и отставной Маіоръ.	22. *Поджіо*, бывшій отставной Штабсъ-Капитанъ.	22. *Берстель*, бывшій Подполк. и Кавалеръ легкой роты № 2.
23. *Лукинъ* Михайло, бывшій Подполковникъ Лейбъ-Гвардіи Гродненскаго гусарскаго полка.	23. *Аврамовъ*, бывшій Полковникъ Казанскаго пѣхотнаго полка.	23. *Шахировъ*, бывшій Порутчикъ Черниговскаго пѣхотнаго полка.
24. *Мухановъ*, бывшій Штабсъ-Капитанъ Лейбъ-Гвардіи Измаиловскаго полка.	24. *Поровъ*, бывшій отставной Подполковникъ.	
25. *Митьковъ*, бывшій Полковникъ Лейбъ-Гвардіи Финляндскаго полка.	25. *Янтальцовъ*, бывшій Подполковникъ и Командиръ конно-артиллерійской роты № 27.	
26. *Завалишинъ*, бывшій Лейтенантъ 8-го флотскаго экипажа.	26. *Ивашевъ*, бывшій Ротмистръ Кавалергардскаго полка и Адъютантъ Главнокомандующаго 2-ю Арміею.	

Библиотека "Руниверс"

Сѣвернаго общества.	Южнаго общества.	Соединенныхъ Славянъ.
27. *Батенковъ*, бывшій Подполковникъ корпуса Инженеровъ путей сообщенія.	27. *Басаргинъ*, бывшій Порутчикъ Лейбъ-Гвардіи егерскаго полка и старшій Адъютантъ Глав. Шт. 2-й Арміи.	
28. *Штенгель*, бывшій Баронъ и отставной Подполковникъ.	28. *Корниловичъ*, бывшій Штабсъ-Капитанъ Гвардейскаго Генеральнаго Штаба.	
29. *Тарсонъ*, бывшій флота Капитанъ Лейтенантъ и Адъют. Начальника Морскаго Штаба.	29. *Бобрищевъ-Пушкинъ 1-й*, бывшій Порутчикъ Квартермейстерской части.	
30. *Голицынъ* Валеріанъ, бывшій Князь и Камеръ Юнкеръ.	30. *Бобрищевъ-Пушкинъ 2-й*, бывшій Порутчикъ Квартермейстерской части.	
31. *Бѣляевъ 1.*	31. *Заикинъ*, бывшій Подпорутчикъ Квартермейстерской части.	
32. *Бѣляевъ 2.* (бывшіе Мичманы Гвардейскаго экипажа).	32. *Аврамовъ*, бывшій Порутчикъ Квартермейстерской части.	
33. *Дивовъ*, бывшій Мичманъ Гвард. экип.	33. *Загорецкій* бывшій Порутчикъ Квартермейстерской части.	
34. *Бестужевъ* Петръ, бывшій Мичманъ 27 флотскаго экипажа.	34. *Поливановъ*, отставной Полковникъ.	

Библиотека "Руниверс"

Сѣвернаго общества.	Южнаго общества.	Соединенныхъ Славянъ.
35. *Свистуновъ*, бывшій Корнетъ Кавалергардскаго полка.	35. *Черкасовъ*, бывшій Баронъ и Поручикъ Квартермейстерской части.	
36. *Анепковъ*, бывшій Порутчикъ онагожъ полка.	36. *Фохтъ*, бывшій Штабсъ Капитанъ Азовскаго пѣхотнаго полка.	
37. *Кривцовъ*, бывшій Подпорутчикъ Лейбъ-Гвардіи конной Артиллеріи.	37. *Булгари* Николай, бывшій Графъ и Порутчикъ Кирасирскаго ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА полка.	
38. *Муравьевъ* Александръ, бывшій Корнетъ Кавалергардскаго полка.		
39. *Нарышкинъ*, бывшій Полковникъ Торутинскаго пѣхотнаго полка.		
40. *Фонъ деръ-Бригенъ*, бывшій отставной Полковникъ.		
41. *Пущинъ*, бывшій Капитанъ Лейбъ-Гвардіи конно-піонернаго экскадрона.		
42. *Бодиско 1-й*, бывшій Лейтенантъ Гвардейскаго экипажа.		

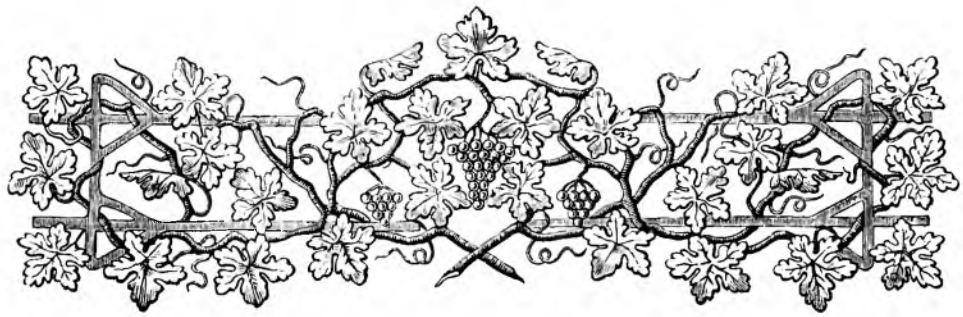
Библиотека "Руниверс"

Сѣвернаго общества.	Южнаго общества.	Соединенныхъ Славянъ.
43. *Кюхельбекеръ*, бывшій Лейтенантъ тогожъ экипажа.		
44. *Мусинъ-Пушкинъ*. бывшій Лейтенантъ Гвардейскаго экипажа.		
45. *Акуловъ*, бывшій Лейтенантъ Гвардейскаго экипажа.		
46. *Вишневскій*, бывшій Лейтенантъ тогожъ экипажа.		
47. *Бодиско 2-й*, бывшій Мичманъ тогожъ экипажа.		
48. *Горскій*, Статскій Совѣтникъ.		
49. *Коновницынъ 1-й*. бывшій Графъ и Подпорутчикъ Гвардейскаго Генеральнаго Штаба.		
50. *Оржитскій*, бывшій отставной Штабсъ-Ротмистръ.		
51. *Кожевниковъ*, бывшій Подпорутчикъ Лейбъ-Гвардіи Измаиловскаго полка.		

Библиотека "Руниверс"

Сѣвернаго общества.	Южнаго общества.	Соединенныхъ Славянъ.
52. *Фокъ*, бывшій Подпорутчикъ тогожъ полка.		
53. *Лаппа*, бывшій Подпорутчикъ Лейбъ-Гвардіи Измаиловскаго полка.		
54. *Назимовъ*, бывшій Штабсъ Капитанъ Лейбъ-Гвардіи конно-піонернаго экскадрона.		
55. *Розенъ*, бывшій Баронъ и Порутчикъ Лейбъ-Гвардіи Финляндскаго полка.		
56. *Глѣбовъ*, бывшій Коллежскій Секретарь.		
57. *Андрѣевъ*, бывшій Подпорутчикъ Лейбъ-Гвардіи Измаиловскаго полка.		
58. *Толстой*, бывшій Прапорщикъ Московскаго пѣхотнаго полка.		
59. *Чернышевъ*, бывшій Графъ и Ротмистръ Кавалергардскаго полка.		
60. *Чижовъ*, бывшій Лейтенантъ 8-го флотскаго экипажа.		
61. *Тургеневъ* Николай, бывшій Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ.		

Библиотека "Руниверс"



КРИСТИНЪ

1815-й годъ.

Кристинъ.

Москва 15 марта.

Наконецъ, дорогая и милая княжна, я могу продолжать переписку, настолько же дорогую мнѣ, какъ и пріятную: уже шесть дней, какъ я вернулся. Но дорогой я захватилъ простуду, отъ которой страдалъ три дня такъ ужасно, что думалъ сойти съ ума. Я сильно ослабъ, и еще не могу выходить, но надѣюсь, что Обергъ завтра выпуститъ меня на свободу.

Байковъ хотѣлъ сдѣлать непріятность г-жѣ де Нуазевиль, чтобы угодить г-жѣ Гурьевой, которая ее не любитъ. Онъ выставилъ ее близкимъ другомъ г-жи Хюсъ. Правда, что г-жа де Нуазевиль написала письмо, рекомендуя Николая, а затѣмъ записку, извѣщавшую о полученіи обширнаго письма отъ г-жи Хюсъ; но этимъ и ограничилась эта переписка, бывшая у меня въ рукахъ, и, повѣрьте мнѣ, не переступившая извѣстныхъ границъ. Она не можетъ подать повода къ критикѣ, развѣ только со стороны господъ подобныхъ Байкову, хватающихся за все, что даетъ пищу ихъ саркастическому уму, готовому все чернить. Этотъ Байковъ, называющій себя другомъ графа Маркова, отзывался о немъ хуже, чѣмъ вся челядь, т. е. гувернеры, гувернантки и т. п., по привычкѣ жалующаяся на хозяевъ. Графъ, между тѣмъ, говорилъ мнѣ, что взялъ на себя трудъ доказать Байкову всю безсовѣстность аббата и открылъ ему причины, заставившія отказать ему отъ мѣста. Байковъ поддакивалъ графу, а отъ него отправлялся къ аббату и передалъ все слышанное, представляя графа въ смѣшномъ видѣ. Я недавно убѣдился въ этомъ здѣсь, и если бы у меня уже 12 лѣтъ не существовало серьезныхъ причинъ быть лично недовольнымъ Байковымъ, я предупредилъ бы графа; но такъ какъ это

Библиотека "Руниверс"

могли приписать враждѣ съ моей стороны, то я смолчалъ. Это же мѣшаетъ мнѣ считать Байкова за негодяя, для котораго нѣтъ ничего святого, и тѣмъ болѣе опаснаго, что въ разговорѣ онъ остроуменъ и пріятенъ.

Я, конечно, не одобряю де-Местра, что онъ занимается миссіонерствомъ, вмѣсто того чтобы ограничиваться ролью посланника. Мнѣ показывали письмо одного іезуита, утверждающаго, будто Императоръ отвѣтилъ по поводу доклада о молодомъ Голицынѣ, что не стоило его безпокоить изъ за такого ребячества. Напишите мнѣ, правда ли это.

Вы меня спрашиваете, что я думаю о конгрессѣ; я уже не утруждаю себя предположеніями, но терпѣливо жду газеты, которая рано или поздно сообщитъ пункты договора; тогда я постараюсь найти ихъ превосходными и быть ими довольнымъ. Потому что, къ чему повела бы критика? Въ сущности, съ тѣхъ поръ, какъ Наполеонъ на Эльбѣ, а компанія 12 года доказала, что на Россію нельзя нападать безнаказанно, я спокоенъ за все остальное. Желая жить и умереть въ Россіи, я очень радуюсь мысли, что не увижу больше въ ней войны. Я радовался бы, видя возвращеніе благосостоянія и зажиточности, которыя я видалъ прежде; меня радовало бы сознаніе, что она сильна внутри, уважаема извнѣ и что ее боятся, какъ то возможно. А если бы все это не осуществилось, то я постарался бы удовлетвориться увѣренностью въ мирѣ, обезпеченномъ для страны, и примирился бы съ дороговизной сахара, кофе, сукна, полотна и прочихъ необходимыхъ мнѣ предметовъ. Я сошью себѣ фракомъ меньше, сорочки стану дѣлать изъ перкаля, вмѣсто голландскаго полотна, и авторы XVII вѣка будутъ утѣшать меня въ томъ, что я не получаю произведеній XIX-го, такъ какъ запрещеніе съ книгъ, повидимому, не предполагаютъ снять, вѣроятно, ради поощренія русскаго книгопечатанія.

Я, конечно, приписываю ваше желаніе молчать дурному началу. Въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. Вы говорите слишкомъ коротко, чтобы это желаніе исходило изъ добраго начала; и поэтому совѣтую вамъ бороться съ нимъ изъ всѣхъ силъ.

Буду очень радъ повидаться съ Гурьевымъ, но вы не сообщаете мнѣ ничего новаго, говоря, что свадьба невозможна. Г-жа Гурьева только съ прошлаго года придерживается своего настоящаго образа мыслей; прежде мысль объ этомъ союзѣ, повидимому, привлекала ее,

Библиотека "Руниверс"

но благодаря аббату, выставившему ей на видъ недостатки г-жи Хюсъ и возстановившему всѣхъ противъ нее, г-жа Гурьева, которую нельзя причислить къ умамъ сильнымъ, тоже поддалась общему настроенію, хотя, ничто не измѣнилось съ тѣхъ поръ, какъ она лелѣяла эту мысль. Аббатъ причинилъ еще много другихъ неудачъ и страданій, и наконецъ былъ позорно изгнанъ за тысячу лицемѣрныхъ поступковъ. Не сомнѣваюсь, что г-жа Гурьева порицаетъ графа за его желаніе быть хозяиномъ у себя въ домѣ; хорошо было бы если бы онъ всегда былъ имъ. Что касается потери Александра Гурьева, она, безъ сомнѣнія, велика; на мой взглядъ эта была бы самая лучшая партія для Маркова. Будемъ надѣется, что найдется другая такая же, подходящая; въ два года многое можетъ устроиться. Теперь дѣвочку даже еще нельзя выдать замужъ. Будьте увѣрены, что я не обмолвлюсь ни однимъ словомъ обо всемъ, что вы мнѣ говорили по этому поводу; впрочемъ, графъ потерялъ всякую надежду въ этомъ отношеніи. Досадно, что не видалъ вашего ошпареннаго цыпленка, графа Вальполя, но можетъ быть, еще представится случай. Мнѣ также не удалось застать г-жу де Шуазель, которая уѣхала отъ графа какъ разъ, когда я пріѣхалъ. Сдѣлайте мнѣ удовольствіе: сообщите, что вы думаете о характерѣ этой женщины. Я знаю, что она любезна, красива и изящна, поэтому не станемъ касаться всѣхъ этихъ сторонъ. Я васъ спрашиваю только, что вы думаете о ея характерѣ, и имѣю свою причину, предлагая вамъ этотъ вопросъ.

Княжна Туркестанова.

С. Петербургъ, 11 марта.

Г-жа Апраксина ѣдетъ завтра въ свою возлюбленную Москву, и я думаю, что вы будете у нея. Познакомьтесь съ ея дочерью Наталіей, прелестной особой; бывайте въ этомъ домѣ; у меня есть предчувствіе, что это знакомство принесетъ вамъ, если не счастье, то по крайней мѣрѣ удовольствіе. Съѣздите въ имѣніе Апраксиной, просто чтобы прокатиться, а такъ какъ нынѣшнимъ лѣтомъ у нея, вѣроятно, будетъ ея сестра Строгонова, то это дастъ вамъ случай познакомиться съ нею. Это не трудно сдѣлать, потому что графиня Строгонова встрѣтится съ знакомымъ.

Вотъ я занимаюсь тѣмъ—какъ васъ устроить на лѣто, а сама положительно, не знаю,—какая меня ждетъ судьба на это время. Мое желаніе—поселиться на Каменномъ островѣ, и если Татіана возьметъ тамъ

Библиотека "Руниверс"

дачу, мы, можетъ быть, поселимся у нея, а иначе рѣшительно не знаю, куда дѣваться: съ той обузой, которая у меня на рукахъ, дѣло не такъ легко устроить, какъ если бы я была одна. Я еще не получала отъ васъ извѣстій изъ Летичева, но княгиня Борисъ говорила мнѣ, что вы писали чудеса о Николаѣ. Она отъ этого въ такомъ восторгѣ, что разсказывала мнѣ со слезами на глазахъ. Я, право, была бы очень довольно, если бы молодой человѣкъ вполнѣ исправился, и если бы его набожность была неподдѣльной и нелицемѣрной. Разскажите мнѣ о немъ и напишите, не заставило ли васъ видѣнное перемѣнить взглядъ на послѣдствія, которыя можетъ имѣть это знакомство. Спрашиваю у васъ это лично для себя, а не для того, чтобы передавать другимъ. Шуленовъ освѣдомлялся у меня, правда ли, что Маркова выходитъ замужъ за Николая. Я отвѣтила, что ничего не знаю, и что объ этомъ никогда не было при мнѣ рѣчи у княгини Борисъ—что совершенная правда. Впрочемъ если итальянское путешествіе продолжится два года, не мало воды утечетъ за это время. Мы ожидаемъ Государя на Пасхѣ; всѣ письма въ одинъ голосъ сообщаютъ это; онъ не остановится въ Берлинѣ, а только пробудетъ нѣсколько дней въ Варшавѣ. Императрица Елизавета прибудетъ послѣ него.

Кристинъ.

Москва, 18 марта.

Увѣряю васъ, дорогая княжна, что вы балуете сестру слишкомъ внимательнымъ уходомъ и снисходительностью. Еслибъ она не чувствовала такой поддержки, если бы вы обращали меньше вниманія на все, что ее волнуетъ, она сама замѣтила бы, что ей слѣдуетъ меньше поддаваться своей склонности къ грусти или своимъ незначительнымъ недомоганіямъ. Такъ какъ ея болѣзнь затягивается, вамъ слѣдуетъ подумать о себѣ, чтобы быть въ состояніи вынести все это въ продолженіи долгаго времени; надо составить систематическій планъ, который включалъ бы въ себѣ заботы о больной въ необходимой мѣрѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ заботу и о вашемъ здоровьѣ. Можете отдавать ей много вашего времени, но надо его сохранить и для себя—для исполненія обязанностей и даже для развлеченій. Вы можете удѣлять ей отъ вашихъ доходовъ столько, сколько возможно; но, смотрите, не коснитесь капитала въ химерической надеждѣ вылѣчить ее въ Германіи. Болѣзнь настолько же душевную какъ физическую, нельзя исцѣлить такимъ то или инымъ климатомъ; тутъ могутъ помочь обстоятельства, и онѣ могутъ встрѣтиться или не встрѣтиться въ любой странѣ. Дѣлая все возможное для княжны Екатерины, старайтесь терпѣливо

Библиотека "Руниверс"

ждать послѣдствій, зависящихъ отъ Провидѣнія, на которое вамъ слѣдуетъ положиться въ этомъ, какъ и во всемъ другомъ. Стало быть, не мучайтесь понапрасну.

Смерть маленькаго Рибопьера ужасное несчастье. Г-жа де Нуазевиль сообщаетъ мнѣ, что отецъ и мать переносятъ его съ покорностью судьбѣ, внушающей еще болѣе симпатіи къ нимъ. Я очень мало знаю Рибопьера, но его трудъ—постоянство показываютъ мнѣ его въ весьма выгодномъ свѣтѣ, Г-жа де Нуазевиль говоритъ о неудачахъ... Но развѣ молодая женщина не богачка по отцу и матери, дающей ей на все?... Но я поминаю графа Ѳеодора... Боже мой, неужели избытокъ долженъ ожесточать сердца тѣхъ, кто имъ пользуется! Если такъ, то я предпочитаю пользоваться своими ограниченными средствами, хватающими только на самое необходимое, но при томъ имѣть сердце чистое и сострадательное.

Я видѣлъ г-жу Толстую и ея мужа и встрѣтилъ у нихъ г. Бенкендорфа; котораго не зналъ; я чуть было не сказалъ: „*Такъ вотъ онъ этотъ фениксъ!* Это относится лишь къ наружности. Такъ какъ мнѣ не пришлось говорить съ нимъ, то я не могу судить о его умѣ. Говорятъ, что онъ не глупъ. Я еще не видалъ Гурьева; пойду къ нему сегодня. Я знаю вотъ уже четыре дня о его женитьбѣ на *Eudoxie*, но такъ какъ мнѣ это было сообщено подъ секретомъ, то я и не писалъ вамъ ничего, увѣренный, что вы также объ этомъ знаете черезъ петербургскую родню. Графъ Толстой разрѣшилъ мое молчаніе, и поэтому сообщаю вамъ о томъ, что для васъ уже, вѣроятно, не новость. Графиня очень довольна, и я ее понимаю, потому что, повторяю еще разъ: молодой Гурьевъ—жемчужина между русской молодежью.

Не знаю, что отвѣтить вамъ на ваши вопросы о Николаѣ. Правда, что я высказывалъ свое хорошее мнѣніе о немъ: онъ добръ и прямъ; но въ концѣ моего пребыванія онъ показалъ себя съ дурной стороны, сдѣлавъ такую глупость, что я имѣлъ полное право быть имъ недоволенъ. Пришлось бы написать цѣлый томъ, чтобы познакомить васъ со всей этой исторіей; со временемъ и при случаѣ разскажу вамъ ее. Аббата Маккара прогнали какъ плута, выведеннаго на свѣжую воду и Тартюфа, а глупый князь Николай вздумалъ взять его сторону, говоря съ графомъ, и притомъ такъ рѣзко, что старикъ не могъ не обидѣться. Однако не могу предвидѣть, чѣмъ это кончится, потому что графъ становится очень безхарактеренъ и окруженъ людьми, способными побудить его на поступки, несогласные съ самоуваженіемъ.

Библиотека "Руниверс"

Княжна Туркестанова.

С. Петербургъ 16 марта.

Поведеніе аббата Маккара совершенно непослѣдовательно; ему не дѣлаетъ чести, что онъ впутался во всю эту исторію, но не думаю, чтобы имъ руководилъ какой-либо личный интересъ. Его привязанность къ дѣвочкѣ вполнѣ естественна, онъ заботится о ея счастьи и можетъ быть перспектива, которую онъ предвидитъ для нея, если она лишится отца въ Италіи, внушило ему желаніе видѣть ее замужемъ. И въ то же время ему подъ руку попадается молодой человѣкъ, но лишенный привлекательности и чрезвычайно набожный, онъ рѣшилъ, что сдѣлаетъ прекрасное дѣло, пріобрѣтя его для своей воспитанницы. Николай же вѣроятно, прельстилъ его фразами, имѣющими извѣстную цѣну для аббата. Можетъ быть онъ счелъ его за маленькое совершенство, и исходя изъ этого, ко всему отнесся одобрительно. Но тѣмъ не менѣе я повторяю, что милый наставникъ совершенно напрасно затѣялъ всю эту интригу подъ сурдинку, хотя преступленія въ томъ не вижу. Съ другой стороны, по моему г. Марковъ, съ своей обычной подозрительностью, вездѣ видитъ ужасы, а затѣмъ эта несдержанность, которой я не понимаю: онъ совѣтуетъ Николаю молчать, а самъ все разсказываетъ Сенъ-Про, Байкову, Ланжерону. Это совершенный абсурдъ. Мадамъ де Нуазевиль, посѣтившая меня вечеромъ, принесла мнѣ массу писемъ: два отъ васъ, одно отъ влюбленнаго и одно отъ графа. Я нашла письмо влюбленнаго очень глупымъ; *монастырь или красавица*— это нелѣпость. Письмо г. Маркова неопредѣленно и сухо, ваши—смѣсь благоразумія съ шуткой. Я вамъ тоже скажу: не понимаю, почему вы вступаете въ переписку съ мальчикомъ и въ 50 лѣтъ становитесь повѣреннымъ любви, которой, повидимому, не суждено окончиться бракомъ. Если вы находите, что этотъ бракъ могъ бы состояться, то тѣмъ лучше; если же не находите, то зачѣмъ же поддерживать мысль о немъ въ сердцѣ или головѣ Николая? Это, безъ сомнѣнія, будетъ основаніемъ его переписки; но дѣйствительно ли вы увѣрены, что онъ будетъ говорить съ вами всегда, положивъ руку на сердцѣ. И не подумаетъ; можно побиться объ закладъ, что онъ не откажется отъ своей роли Амадиса; онъ станетъ выражаться его языкомъ, если даже въ душѣ у него не будетъ чувства: онъ считаетъ своимъ долгомъ выдерживать характеръ страстно влюбленнаго кальпренедовскаго героя, и скажите мнѣ, на что вамъ всѣ эти красивыя фразы, и къ чему поведутъ всѣ эти письма? Вижу, что вы никогда

Библиотека "Руниверс"

не исправитесь, и что ваше сердце, совѣтовъ котораго вы всегда слушаетесь больше, чѣмъ головы, еще не разъ заставитъ васъ многому поучиться въ жизни. Я ни съ кѣмъ не дѣлилась этими размышленіями, милый Кристинъ, и сообщаю ихъ только вамъ, основываясь на своей искренней дружбѣ. Не обижайтесь.

Вы уже знаете животрепещущую новость: т. е. бѣгство Бонапарта съ острова Эльбы. Мадамъ де Нуазевиль, вѣроятно, переслала вамъ всѣ газеты, сообщающія о этомъ происшествіи. Я просматривала *Moniteur*; онъ интересенъ: декретъ короля очень хорошъ и вполнѣ соблюдена мѣра; поведеніе маршаловъ обнаружитъ ихъ истинныя чувства; и почти нѣтъ сомнѣнія, что они станутъ за правое дѣло. Пріемъ сдѣланный Наполеону въ Антибакъ показываетъ, что, повидимому, не было никакого соглашенія; не понимаю чѣмъ вызванъ этотъ поступокъ: если бы онъ высадился въ Неаполѣ, это бы еще имѣло смыслъ, но броситься во Францію, не имѣя увѣренности, что тебя тамъ хорошо примутъ—это полное безуміе. Графъ Литта и князь Александръ Салтыковъ полагаютъ, что дѣло гораздо серьезнѣе, чѣмъ намъ его рисуютъ. Но я не вижу, какъ бы онъ могъ удержаться, и можетъ быть, въ настоящую минуту все уже кончено. Поэтому, больше чѣмъ когда нибудь: „Да здравствуетъ король!“

Кристинъ.

Москва, 25 марта.

Бонапартъ двинулся въ походъ, а княжна Туркестанова вернулась къ своимъ заблужденіямъ, и излишнее повторять это; что говорится въ Москвѣ, наученной опытомъ, хотя здѣсь и не получается никакихъ извѣстій. Вы, повидимому, думаете, что я знаю о высадкѣ негодяя въ Антибакъ, а между тѣмъ я это узнаю отъ васъ. Встрѣченный имъ пріемъ доказываетъ, по вашему, что не было соглашенія... *Но, скажите же, ради Бога, что это была за встрѣча?* Мы не знаемъ ничего, возьмите это въ толкъ, и ради Бога сообщайте намъ впредь всѣ подробности, какіе услышите объ этомъ авантюристѣ. Будьте увѣрены, что больше узнать не у кого.—Что касается вашего заклинанія о несдержанности графа Маркова, что оно совершенно справедливо. Но, какъ хотите, годы и праздная жизнь въ деревнѣ причиной всему этому, и въ этомъ отношеніи бѣда не поправилась. Переписка же предложена Николаю съ цѣлью предупредить другіе способы сообщенія и не дать молодому человѣку упасть духомъ: такъ какъ его предложеніе не встрѣтило отказа, и дѣло только отсрочено

Библиотека "Руниверс"

на два года,—подъ условіемъ выполненія предписанныхъ условій. Первое же условіе—возвращеніе въ гвардію: это единственное, что можетъ снять пятно, тяготѣющее на немъ. И я сказалъ ему по просьбѣ графа: „Сообщайте мнѣ все, что съ вами случится счастливаго, и ваши письма будутъ въ подлинникѣ отсылаться графу". Больше ничего не было. Но и этого не будетъ, потому что онъ все порвалъ, какъ сумашедшій, Я не считаю его годнымъ въ мужья неопытной 17 лѣтней дѣвушкѣ. Онъ самъ, будучи не глупъ, не даетъ никакой гарантіи въ своемъ поведеніи въ будущемъ. Несомнѣнно, что онъ не былъ виноватъ во всемъ этомъ дѣлѣ до того времени, пока аббатъ не получилъ отказа отъ мѣста и онъ сдѣлалъ глупость, объявивъ себя въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ защитникомъ его передъ всѣмъ свѣтомъ. Онъ сдѣлалъ сцену графу Маркову и между прочимъ сказалъ ему: „Ваша дочь умретъ, если вы не вернете ей этого достойнаго наставника, единственнаго человѣка, пользующагося нѣкоторымъ довѣріемъ съ ея стороны".

Ахъ! Прочелъ я *Conservateur* и полученныя письма, полныя подробностей случившихся происшествій. Повидимому, всякая страсть, доведенная до крайности, превращается въ сумашествіе, и умъ Корсиканца помутился отъ честолюбія. Иначе, развѣ онъ высадился бы во Франціи съ тысячью человѣкъ, не удостовѣрившись предварительно, что найдетъ тамъ сильную партію, способную его поддержать. Съ удовольствіемъ вижу, что не ограничиваются полумѣрами, но повели дѣло противъ него серьезно, не жалѣя денегъ: рѣшеніемъ конгресса онъ объявленъ *внѣ закона* во всей Европѣ. Не могу себѣ представить, что съ нимъ будетъ, и подъ какимъ предлогомъ можно бы его примирить съ цивилизаціей! Это отъявленный разбойникъ, Картушъ во второмъ изданіи; и если бы даже вся французская армія перешла на его сторону, если бы онъ прибылъ въ Парижъ, изгналъ оттуда королевскую семью, то, что изъ всего этого вышло бы для Франціи, кромѣ новыхъ несчастій, еще горше прежнихъ? Европа знаетъ, что соединившись противъ Франціи, она легко одолѣетъ послѣднюю. Мы снова бы увидали все, чего уже были свидѣтелями годъ тому назадъ, и война окончилась бы пораженіемъ французовъ, отъ которыхъ, навѣрное потребовали бы болѣе надежныхъ гарантій, чѣмъ въ первый разъ. Что касается Бонапарта, то его поймаютъ и разстрѣляютъ.

Княжна Туркестанова.

С.-Петербургъ, 30 марта.

Стоило ли, милый Кристинъ, проѣхать 2500 верстъ, отбить себѣ бока, наконецъ заболѣть, ради того, чтобъ вмѣшаться въ дрязги,

Библиотека "Руниверс"

брызги которыхъ могли бы долетѣть и до васъ. Я лучше всѣхъ знаю что вы не способны вредить кому бы то ни было и лично принимать участіе въ сплетняхъ, но не всѣ повѣрятъ этому. Изгнаніе аббата приписывается здѣсь исключительно всей кликѣ г-жи Хюсъ, воспользовавшейся слабостью графа; но если узнаютъ, что вы были тамъ въ то время, и особенно, если аббатъ прибудетъ въ Петербургъ, гдѣ у него много друзей среди дамъ, будте увѣрены, что его смѣщеніе припишутъ вамъ. Онъ будетъ говорить съ Гурьевой, съ Тутолминой, разскажетъ имъ все, что вздумается, и ему повѣрятъ, а мнѣ придется съ огорченіемъ слушать, какъ васъ станутъ обвинять, и я не буду въ состояніи васъ обѣлить изъ за моей привязанности къ княжнѣ Борисъ, сына которой пришлось бы коснуться, возстановляя истину. Много бы я дала, чтобъ вы не выѣзжали изъ Москвы, и вся эта исторія разыгралась безъ васъ. Байковъ ѣдетъ въ Подолію, графъ, по слабохарактерности, непремѣнно сообщить ему все, и такъ какъ онъ слишкомъ много сдѣлалъ вамъ зла въ былое время, чтобы считаться вашимъ другомъ, то онъ станетъ на сторону аббату и въ письмахъ сюда постарается представить его бѣлѣе снѣга.

Надѣюсь, что вся эта исторія съ Николаемъ канетъ въ воду, потому что полкъ, гдѣ онъ служитъ, получилъ приказъ выступить, и въ настоящее время его, вѣроятно, уже нѣтъ въ Войтовцахъ. Умы успокоятся, и время довершитъ остальное. Не могу скрыть отъ васъ, что княгинѣ Борисъ все это крайне непріятно, и она доходитъ до сожалѣнія, что сынъ ея попалъ въ этотъ домъ. Я ее утѣшаю, говоря ей тоже, что вамъ: *„все забудется“*. Но путешествіе графа въ Италію откладывается. Мыслимо ли путешествовать при теперешнихъ обстоятельствахъ!

Всѣ смущены происходящимъ во Франціи и съ ужасомъ видятъ возобновленіе страшной войны. Все, сдѣланное за 1814 г. сводится къ нулю, время бѣдствій кажется готово вернуться, и пожаръ снова охватитъ всю Европу.

Я узнала о свадьбѣ *Eudoxie* изъ эстафеты, отправленной Гурьевымъ родителямъ. Они тотчасъ по полученіи извѣстія послали за мной. Они очень довольны, они желаютъ этого союза и говорили мнѣ о немъ вскорѣ послѣ моего возвращенія сюда. Вы, конечно, поймете, что я не дѣйствовала противъ интересовъ *Eudoxie*: она дочь графа Толстого, и сердце мое этого никогда не забудетъ. Я нахожу, что это большое счастье для этой молодой дѣвушки, и увѣрена, что вступивъ

Библиотека "Руниверс"

въ семью, подобную семьѣ Гурьевыхъ она со временемъ станетъ женщиной очень *comme il faut.*

Кристинъ.

Москва, воскресенье, 4 Апрѣля, вмѣсто понедѣльника 5.

Вы понимаете то смертельное нетерпѣніе, въ которомъ живутъ здѣсь въ ожиданіи развязки дѣлъ во Франціи, наводящихъ меня на мрачныя мысли, съ тѣхъ поръ какъ увѣряютъ, что Сульфъ, военный министръ, стоитъ во главѣ заговора...

Не мое путешествіе вызвало отказъ аббату; это было рѣшено еще до моего отъѣзда, и вы должны помнить, что Байковъ уже разсказывалъ вамъ о прошедшемъ. Но мое пребываніе тамъ послужило къ тому, чтобы доказать собственными признаніями Николая, что аббатъ одинъ виноватъ во всемъ происшедшемъ. Пусть Гурьева и Тутолмнина думаютъ, что имъ угодно, я очень храбро признаю свое участіе. Вы будете совершенно правы, выслушивая молча порицанія мнѣ; вамъ не повѣрили бы, если бы вы вздумали меня оправдывать, и васъ могли бы заподозрить въ пристрастности. Сохраните желаніе помочь мнѣ до другого случая, или безъ случая; такое желаніе всегда само по себѣ хорошая вещь, которую я умѣю цѣнить, какъ она того заслуживаетъ. Если г-жа де Нуазевиль показала вамъ,—какъ я надѣюсь—письмо Николая ко мнѣ, вы изъ него познакомитесь съ аббатомъ и его милымъ характерцемъ. Люди могутъ думать, что имъ угодно, правда всегда останется правдой. Аббатъ Маккаръ ужасный пройдоха и способенъ на величайшія преступленія подъ маской лицемѣрія. Я хорошо знаю, что касаться ханжи, какой-бы лицемѣръ онъ ни былъ,—это значитъ возстановлять противъ себя всѣхъ, даже истинно набожныхъ, и собирать надъ своей головой грозу; но нѣтъ причины скрывать свой образъ мыслей, когда высказать его является долгомъ.

Событія во Франціи глубоко огорчаютъ меня, и я жду всего худшаго. Война снова возгорится, и Богъ знаетъ какія повлечетъ за собой несчастья. Но будьте увѣрены, что Бонапартъ никогда не станетъ тѣмъ, чѣмъ былъ, и что соединившись противъ него, его разобьютъ; а когда разобьютъ—повѣсятъ, развѣ только онъ найдетъ возможность бѣжать въ Америку. Но и въ этомъ случаѣ бѣгство лишитъ его вліянія на его собственной родинѣ.

Библиотека "Руниверс"

Княжна Туркестанова.

С. Петербургъ, 5 апрѣля.

Я очень хорошо знаю, что вы живете въ порядочной трущобѣ, но не подозрѣвала, что колодезь этотъ такъ глубокъ, что вы не знали даже о бѣгствѣ Бонапарта; мнѣ кажется даже, что въ то время, когда я вамъ разсказывала о его высадкѣ въ Антибакъ, вы думали, что онъ еще на Эльбѣ. Ахъ, Боже мой, какое счастье, если бы онъ еще пребывалъ тамъ! Но съ тѣхъ поръ многое двинулось впередъ.

Письмо изъ Вѣны отъ 19/31 марта, пришедшее вчера, сообщаетъ о огромныхъ приготовленіяхъ со всѣхъ сторонъ и выражаетъ надежду, что это возобновленіе военныхъ дѣйствій будетъ непродолжительно, но энергично. Герцогъ Веллингтонъ уѣхалъ 30 марта въ Брюссель, гдѣ приметъ начальство надъ англо-бельгійской арміей; Англія посылаетъ много войска въ Голландію, даже англійская гвардія будетъ посажена на суда. Испанія обязалась ввести во Францію 80 тысячъ человѣкъ. Со стороны нашего Государя еще не принято никакого рѣшенія: онъ только объявилъ, что отправляется въ Прагу, между 12 и 15 апрѣля, чтобы пропустить мимо себя всѣ корпуса русской арміи. Всѣ свитскіе генералы и адъютанты получили приказаніе немедленно выѣхать въ Регенсбургъ. Мы поэтому распрощались съ этими господами.

Къ числу приспѣшниковъ Бонапарта, которыхъ газеты называютъ министрами, надо прибавить Коленкура, снова получившаго портфель министерства иностранныхъ дѣлъ. Послы и иностранные министры при Людовикѣ XVII почти всѣ остались въ Парижѣ, за недостаткомъ лошадей, чтобы выѣхать. Г-жа Остерманъ пишетъ изъ Рима, что Испанія вся перебудоражена. Мюратъ объявилъ войну и двинулъ армію въ верхнюю Италію. Онъ просилъ пропуска черезъ Папскія владѣнія, но получилъ отказъ. Папа и кардиналъ выѣхали изъ Рима 22 марта. Три кардинала—Литта, де ла Сомалія и Габріелли остались въ качествѣ правительства. Говорятъ, что до сихъ поръ только два маршала, Ней и Даву, заявили себя сторонниками Бонапарта. Даву сдѣланъ военнымъ министромъ; всѣ остальные—за короля; время и ихъ поведеніе покажутъ намъ, насколько на нихъ можно разсчитывать. Итакъ герцогъ Веллингтонъ будетъ командовать въ Бельгіи; армія принцевъ, роялистовъ,—которыхъ не думаю, чтобы было много,—будутъ стараться удержаться на сѣверной границѣ Франціи, среди крѣпостей. Блюхеръ командуетъ пруссаками и другими нѣмецкими войсками между Майнцемъ и

Библиотека "Руниверс"

Люксенбургомъ. Большая армія верхняго Рейна, состоящая изъ 80 тысячъ австрійцевъ, 160 тысячъ русскихъ, 30 тысячъ виртембергцевъ и 30 тысячъ баварцевъ, будетъ находится подъ начальствомъ князя Шварценберга. 120 тысячъ австрійцевъ будутъ оперировать въ Италіи вмѣстѣ съ королемъ Сардиніи. По газетамъ, командовать тамъ будетъ герцогъ Карлъ, но это назначеніе не подтверждается письмами изъ Вѣны. Вчера говорили, что Ожеро перешелъ на сторону Наполеона, сегодня же газеты, напротивъ, утверждаютъ, что онъ съ королевскими войсками въ Фонтенебло и что Бонапартъ выступилъ изъ Парижа, противъ него. Которая изъ этихъ версій вѣрна, неизвѣстно. Фактъ тотъ, что Парижъ въ настоящее время раздѣленъ на три партіи, готовыя броситься другъ на друга: бурбонистовъ, якобинцевъ и бонапартистовъ. Повидимому Наполеонъ ухаживаетъ за второй и думаетъ воспользоваться ею, какъ орудіемъ, годнымъ для выполненія его плановъ, чтобы затѣмъ уничтожить и ее по своей маккіавеліевской системѣ. Сколько еще прольется крови! Однимъ изъ первыхъ своихъ декретовъ Наполеонъ отмѣнилъ континентальную систему, и странно, что мы ее сохраняемъ здѣсь, на берегахъ Невы, къ великой прибыли контрабандистовъ и монополистовъ. Это, вѣроятно, для того, чтобы доказать, что мы всегда идемъ въ разрѣзъ съ мнѣніями Бонапарта.

Скажите мнѣ, съ своей стороны, правда ли, что на одну изъ колоколенъ Кремля усѣлся филинъ и кричитъ день и ночь, а вы, москвичи, ходите его слушать, какъ оракула. Правда ли также, что по Тверской ходитъ женщина въ лохмотьяхъ, влача за собой цѣпи и предсказывая разгромъ? Въ такомъ случаѣ, жалѣю Наталію Абрамовну Пушкину, живущую въ первомъ этажѣ, видящую и слышащую ее. Но, шутки въ сторону, скажите мнѣ, не пустыя ли это росказни и не вздумайте передать это г-жѣ Апраксиной, которая можетъ вообразить, что я смѣюсь надъ Москвой, отъ чего меня Боже сохрани.

Кристинъ.

Москва, 15 апрѣля.

Ваше посланіе отъ 5 числа и утѣшило и огорчило меня, дорогая княжна, оно сообщаетъ о почти всеобщей измѣнѣ и огромныхъ приготовленіяхъ къ сопротивленію общими силами этому вырвавшемуся на свободу чудовищу, изрыгнутому адомъ противъ Европы, которую онъ, вѣроятно, покроетъ трауромъ и зальетъ слезами. Да сохранитъ Господь согласіе между союзниками.

Библиотека "Руниверс"

Въ интересѣ всѣхъ одинаково уничтожить человѣка, къ которому они сочли возможнымъ отнестись великодушно. Но на мой взглядъ Бонапартъ не единственная личность, которую слѣдовало бы объявить внѣ закона: французская нація вообще нанесла окончательный ударъ своей репутаціи и вычеркнула себя изъ списка націй, съ которыми Европа можетъ договариваться. Эта нація, побѣжденная годъ тому назадъ и достойная, чтобы противъ нея были приняты крайнія мѣры, между тѣмъ видѣла со стороны побѣдителей лишь милосердіе и великодушіе: эта армія, которой возвратили безъ выкупа 150 тысячъ плѣнныхъ, эта столица, на счетъ которой можно бы отстроить Москву и которую ласкали и ублажали—однимъ словомъ, вся Франція, называвшая государей побѣдителей своими освободителями и сваливавшая всю отвѣтственность за войну на одного Бонапарта,—вся она перешла подъ иго тирана безъ тѣни сопротивленія. Ни одинъ голосъ не поднялся за законнаго короля: ни одна рука не взялась за оружіе для его защиты.... Это не нація, это разнузданная солдатчина, желающая жить грабежомъ, это народъ безвольный, лишенный моральнаго мужества, подчинившійся первому начальнику, представленному ему арміей. Таковы были римляне, когда скиптромъ распоряжались преторіанцы! Вотъ что считали за Великую Націю, вотъ люди, которыхъ проворности завидовали и которымъ годъ тому назадъ говорили: „изберите себѣ правительство, мы не хотимъ вмѣшиваться въ ваши внутреннія дѣла". Вмѣсто того, чтобы сказать просто: „бунтовщики, вотъ вашъ король, бросьтесь къ его ногамъ и просите у него прощенія: а что касается узурпатора, которому вы подчинились, то мы поступимъ съ нимъ по правиламъ справедливости и праву войны". Само собой разумѣется, Бонапартъ тотчасъ бы и исчезъ съ лица земли. Конечно, при подобномъ ходѣ дѣла газета лишилась бы не одной филантропической статьи, но міръ могъ бы жить спокойно, Бурбоны остались бы мирными владѣтелями своего наслѣдія, и всѣ государи Европы подтвердили бы свои права болѣе дѣйствительнымъ образомъ, чѣмъ съ помощью громкихъ фразъ. Увѣряю васъ, что атаманъ Платовъ окончилъ бы войну 1814 г. одинъ гораздо лучше, чѣмъ парижскіе уполномоченные. То, что я вамъ высказываю теперь при своемъ отчаянномъ настроеніи, я думалъ годъ тому назадъ въ минуты величайшей радости, на которую всякая политическая мѣра набрасывала покрывало опасеній и боязни за будущее. Это роковое будущее незамедлило развиться и притомъ такимъ образомъ, какъ никому не могло прійти въ голову. Теперешній переворотъ ни на что не похожъ: онъ непостижимъ! Двадцать пять милліоновъ людей хладнокровно соглашаются вызывать къ себѣ ужасъ и презрѣніе со стороны рода людского, раздѣлять съ тираномъ, ко-

Библиотека "Руниверс"

торый станетъ ихъ мучить, общественную и частную ненависть, въ то же время подвергая себя риску заплатить дорого за свой позоръ и глубокое униженіе, когда сотни овладѣютъ этой ненавистной Франціей, не заслуживающей болѣе никакого снисхожденія какъ нація, такъ какъ она не представляетъ ни малѣйшей гарантіи въ соблюденіи самыхъ священныхъ договоровъ, между націей и законнымъ королемъ, подкрѣпленныхъ всенародной присягой, а также и между спасшими его и ея государями. Слѣдуетъ сохранить для вѣчнаго позора французовъ газеты 18, 19 и 21 марта нынѣшняго года и сравнить ихъ стиль: это одно уже масштабъ для измѣренія этого презрѣннаго сброда, который смѣютъ называть націей.... Этого собранія самыхъ позорныхъ и чудовищныхъ преступленій, прикрытаго лакомъ цивилизаціи, въ концѣ концовъ являющейся лишь тщеславіемъ, гордостью и себялюбіемъ.

Княжна Туркестанова.

С. Петербургъ, 9 апрѣля.

Хотя я вамъ писала съ послѣдней почтой, но вотъ еще бюллетень, который я во что бы то ни стало хочу направить къ вамъ. Эстафета, полученная вчера изъ Риги министромъ внутреннихъ дѣлъ, принесла извѣстіе, что партія французскаго короля усиливается и, повидимому, сплочивается; два полка покинули бонапартовскія орды и присоединились къ королевскимъ полкамъ. Герцогъ Ангулемскій находится въ Провансѣ, гдѣ Массена держитъ сторону короля; весь югъ поднялся за Бурбоновъ: Ліонъ и Гренобль заняты королевскими войсками; однимъ словомъ Бонапартъ принужденъ, чтобы удерживать ихъ всѣхъ, разсѣивать своихъ солдатъ, и надѣются даже, что онъ такъ же быстро уйдетъ изъ Парижа, какъ вступилъ въ него. Король поселился въ замкѣ Лакенъ близъ Брюсселя. Герцога Беррійскаго чуть было не задержали при его выѣздѣ изъ Лилля и онъ съ трудомъ добрался до Менена; Moniteur ничего не говоритъ о Массена, Міоло и Марешалѣ, начальствующими надъ войсками въ Провансѣ: сообщеніе съ Югомъ совершенно прервано, почтмейстеры получили приказаніе сжигать всѣ письма, приходящія изъ этихъ провинцій. Молчаніе Moniteur'a и эти предосторожности, повидимому, доказываютъ, что дѣла Наполеона не вполнѣ розоваго цвѣта и что энтузіазмъ, возбуждаемый имъ, по его хвастливому выраженію, существуетъ только на столбцахъ Moniteur'a. Герцогъ Фельтернъ вернулся изъ Англіи и снова состоитъ при королѣ. Англій-

Библиотека "Руниверс"

скія войска уже высадились въ Голландіи съ весьма значительнымъ артиллерійскимъ паркомъ. Антверпенъ объявленъ на осадномъ положеніи. Болѣе ста тысячъ человѣкъ—англичанъ, ганноверцевъ и голландцевъ—собрано во Фландріи; Веллингтонъ принялъ командованіе. Говорятъ, что въ Парижѣ масса арестовъ; рѣшетка Тюилери заперта, патрули солдатъ подъ командой офицеровъ ходятъ по улицамъ, распѣвая революціонныя пѣсни. Бонапартъ уничтожилъ всякую цензуру и самъ сталъ во главѣ этой отрасли управленія: каждому автору или типографу, не раздѣляющему его мнѣніе, грозитъ участь несчастнаго Пальма. Если онъ разстрѣлялъ его въ Германіи, то, понятно, не постѣснится съ своими. Говорятъ, что онъ присутствовалъ на засѣданіи самыхъ завзятыхъ якобинцевъ и кричалъ вмѣстѣ съ другими. Тамъ провозгласили свободу и равенство: и даже, доходятъ до того, что разсказываютъ, будто онъ принялъ титулъ „императора-гражданина", и въ этомъ, несмотря на видимое противорѣчіе, нѣтъ ничего невѣроятнаго. Есть здѣсь ясновидящіе, утверждающіе, что этотъ революціонный заговоръ ведетъ свое начало изъ Фонтенебло, гдѣ главный актеръ разыгралъ отреченіе, а окружащіе—покорность и вѣрность. Что вы думаете объ этомъ?

Николай положительно сумашедшій: для него было бы счастьемъ, еслибъ онъ попалъ подъ пулю, какъ ему желалъ отецъ, отправляя его въ армію.

Кристинъ.

Москва, понедѣльникъ, 19 апрѣля.

Христосъ Воскресе, дорогая, добрая княжна! У меня выбралась одна минута между пасхальными визитами, чтобы сообщить вамъ, что я получилъ ваше письмо № 14 отъ 9-го, и чтобы поблагодарить васъ. Мнѣ стыдно за родъ человѣческій, что къ нему принадлежатъ Ней и ему подобные. Вотъ до чего упало во Франціи чувство долга, которымъ такъ кичилась эта нація, вотъ ея любовь къ ея королямъ, вотъ ея *честь!* Боже, въ какой вѣкъ мы живемъ! Всѣ кровавые ужасы революціи не запятнали и не унизили французовъ въ моихъ глазахъ такъ, какъ эта послѣдняя измѣна народа и арміи. Да поддержитъ Господь согласіе среди союзниковъ: это якорь спасенія для Европы, это послѣдняя надежда цивилизаціи. Я содрогаюсь, слушая все, что говорятъ здѣсь люди, считающіеся умными. Одни доходятъ до утвержденія, что Бурбоны уже не могутъ царствовать, что надо отыскать генерала, который

Библиотека "Руниверс"

основалъ бы династію. Какъ будто за 25 лѣтъ не слишкомъ удалились отъ принциповъ, и какъ будто не въ томъ причина половины происходящаго зла. Если бы державы пожелали признать Людовика XVIII королемъ въ день смерти Людовика XVII, если бы онѣ отказались отъ переговоровъ съ республикой, что могло случиться худшаго, и сколько блага изъ того бы воспослѣдовало! Но когда законные повелители народовъ подчиняются законамъ, диктуемымъ бунтовщиками, послѣднихъ исполняютъ смѣлость и надежда.

Какой государь могъ бы надѣяться передать скипетръ своему потомству, если бы теперь они отдали тронъ Франціи иностранцу? Во Франціи царствуетъ французскій генералъ, другой—въ Неаполѣ, третій въ Швеціи... Повидимому достаточно, чтобы и другіе мечтали занять троны на такихъ же основаніяхъ: по праву сильнаго, подкрѣпленному подкупомъ. Нѣтъ, Бурбоны необходимы больше, чѣмъ когда либо: но имъ надо дать ту возможность править, которой они не могли добиться годъ тому назадъ. Не надо конституціи, прощающей цареубійцу; не надо Бонапарта у границъ Франціи; не надо предателей вокругъ трона! Боже, сколько ихъ! И какія глубокія, черныя предательства! Генералъ Бертранъ, новооткрытый товарищъ чудовища, на мой взглядъ, единственный честный человѣкъ во Франціи, съ тѣхъ поръ какъ обнаружилось поведеніе другихъ.

Я раздѣляю мнѣніе тѣхъ, кто думаетъ, что все было подстроено въ Фонтенебло, и что бѣдный Людовикъ XVIII былъ жертвой мистификаціи со времени въѣзда во Францію до дня своего выѣзда. И другіе государи тоже были жертвой ея не меньше его, и, надѣюсь, не простятъ этого. У нихъ есть возможность отомстить; но что за борьба предстоитъ. Наполеонъ и его измѣнники будутъ знать, что война на смерть и станутъ драться отчаянно.

Кремлевскій филинъ—басня петербургскаго изобрѣтенія; также я не слыхалъ о Сивиллѣ, влачащей за собой цѣпи: но увѣряютъ, что это дѣйствительно произошло, и ее отвезли въ сумасшедшій домъ, гдѣ она можетъ пророчествовать, сколько ей угодно. Кстати о этомъ домѣ. Г-нъ Титовъ, также, скоро попадетъ туда: онъ уже не знаетъ, что и придумать, чтобы занять собою общество и промолчалъ все время отъ Вербнаго воскресенья до четверга на Страстной, когда причащался. Онъ далъ такой обѣтъ, и этой странностью окружающіе воспользовались, чтобы наговорить ему тысячу колкостей. Ваша сестрица, Sophie, между прочимъ, не пощадила его. Онъ не зналъ, куда дѣваться, но не хо-

Библиотека "Руниверс"

тѣлъ нарушить обѣта. Однако, не будучи въ состояніи вынести этого съ христіанскимъ смиреніемъ и страдать молча, онъ ей плюнулъ въ лицо вмѣсто отвѣта. Въ среду вечеромъ, въ послѣдній день его обѣта, графъ Толстой забавлялся, плутуя въ шашки. Какъ вамъ извѣстно, это его слабая струнка, онъ ужъ не выдержалъ и воскликнулъ: „знаете ли вы, что вы играете какъ разбойникъ!“ На это графъ ему отвѣтилъ: „но, Титовъ, развѣ не лучше было бы поздороваться, войдя, чѣмъ браниться?“. Онъ отвѣтилъ, неистово топая ногой. Вообще у него все странности и странности: это его существованіе—ну, и пусть его.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

въ какомъ иномъ отношеніи, съ другой—изданія неизвѣстныя библіографамъ". Собраніе А. С. Норова—слабѣе; оно въ значительной своей части составлено изъ дублетовъ Имп. Публичной Б-ки; но въ немъ—156 книгъ XV в.

Г. Киселевъ обѣщаетъ еще два выпуска. Въ одинъ должны войти инкунабулы изъ собраній гр. М. Ю. Віельгорскаго, И. Я. Лукашевича, Н. С. Тихомирова и др. Въ другой—Церковно-славянскія книги XV в.

Текстъ на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. **А**

Владиміръ Ивановичъ Даль въ Оренбургѣ. Историческій очеркъ. Составилъ дѣйствительный членъ Оренбурской ученой архивной комиссіи священникъ **Николай МОДЕСТОВЪ.** Оренбургъ. 1913. Стр. 92 III. Съ портретомъ В. И. Даля. Цѣна не обозначена.

Очеркъ сей, изданный по случаю столѣтія со дня рожденія В. И. Даля, составленъ о. Модестовымъ весьма тщательно и любовно. Авторъ использовалъ доселѣ неизвѣстные матерьялы, хранившіеся въ дѣлахъ Оренбургской ученой архивной комиссіи, большая часть которыхъ (8 изъ 14), къ сожалѣнію, утрачена. Въ обширныхъ примѣчаніяхъ приведена почти вся извѣстная литература о Далѣ.

Отчетъ о дѣятельности „Общества защиты и сохраненія въ Россіи искусства и старины" за 1912 годъ. Спб. 1913.

Въ отчетномъ году О-во, особенную цѣнность дѣяній котораго надобно исключительно отмѣтить, на собраніяхъ своихъ, происходившихъ два раза въ мѣсяцъ заслушало доклады: В. Т. Гергіевскаго, Н. И. Рѣпникова, В. В. Суслова, А. П. Аплаксина, Г. К. Лукомскаго, К. К. Романова, А. Я. Бѣлобородова и мн. др. Нѣкоторые доклады были посвящены разсмотрѣнію общихъ вопросовъ, занимающихъ О-во, иные—отдѣльнымъ зданіямъ и памятникамъ, какъ, напримѣръ, церкви Василія Блаженнаго въ Москвѣ (докладъ В. В. Сусликова) и др.—О-вомъ задумана, нынѣ постепенно осуществляемая, выставка картинъ изъ собранія С. В. фонъ Денъ и С. В. Шереметева подъ названіемъ „Наслѣдіе Великой Княгини Маріи Николаевны".—О-вомъ была поставлена пьеса Константина Ватація „Хижина, спасенная казакомъ или признательность" (представлена въ первый разъ въ 1814 году).—Реставраціонная дѣятельность О-ва выразилась въ отчетномъ году въ работахъ по возстановленію Ѳерапонтова монастыря, записи и описываніи памятниковъ Петербургской губерніи и дальнѣйшей реставраціи Батуринскаго дворца.—Была составлена комиссія для реставраціи храма Василія Блаженнаго подъ предсѣдательствомъ Е. И. В. Великаго Князя Николая Михайловича. Храмъ былъ обезопасенъ въ пожарномъ отношеніи и было испрошено согласіе Св. Синода на выдачу 15000 руб. на возстановленіе храма. Дѣятельность О-ва въ провинціи отличалась не меньшей производительностью.

Къ „Отчету" приложены: А) „Законопроектъ объ охранѣ старины"; Б) „Отчетъ о дѣятельности комиссіи по регистраціи памятниковъ искусства и старины Петербургской губерніи"; В) „Отчетъ о дѣятельности комиссіи по возстановленію Ѳерапонтова Бѣлозерскаго монастыря" и списокъ членовъ О-ва, число коихъ въ отчетномъ году превысило 500.

Библиотека "Руниверс"

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

1913 годъ.

(Годъ 51-ый).

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1913 году, за **двѣнадцать выпусковъ** съ пересылкой и доставкой **девять рублей**, для чужихъ краевъ **двѣнадцать рублей**.

Подписка въ Москвѣ въ конторѣ Русскаго Архива на Садовой у Ермолая, въ домѣ 21 (на дворѣ) и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени.“

Контора открыта ежедневно кромѣ праздниковъ отъ 12 до 4 час. дня.

Книгопродавцамъ контора дѣлаетъ уступку 5%.

За перемѣну адреса тридцать копѣекъ.

Журналъ выходитъ на старыхъ основаніяхъ съ привлеченіемъ новыхъ сотрудниковъ.

Жалоба на неполученіе принимается лишь въ теченіе мѣсяца со дня выхода книжки, при чемъ жалобщикъ долженъ заявить № своей бандероли, что и при перемѣнѣ адреса.

Въ видѣ приложенія подписчикамъ будетъ разослано собраніе статей и примѣчаній почившаго составителя „Русскаго Архива“ Петра Ивановича Бартенева.

Отвѣтственный редакторъ **Н. С. Бартенева.**

Издатель и составитель **Петръ Бартеневъ** (младшій).

Библиотека "Руниверс"

ПЯТЬДЕСЯТЪ ПЕРВЫЙ ГОДЪ

РУССКІЙ АРХИВЪ

1913

9

стр.

297. Мои воспоминанія или событія въ моей жизни. Записки **М. Леонтьева.** Часть I.

343. Письмо **профессора В. О. Ключевскаго** къ **Графу С. Д. Шереметеву.**

345. Царицы и царевны изъ **Дома Романовыхъ.** Статья **А. Иконниковой.**

372. Письма **Малороссійскихъ Гетмановъ Ивана Самойловича** и **Ивана Мазепы.** Статья **Е. Лермонтовой** съ приложеніемъ **подлинныхъ Малороссійскихъ актовъ.**

407. Переписка **А. А. Неверовскаго.**

Внутри обложки. Объявленіе отъ совѣта С.-Петербургскаго Славянскаго благотворительнаго О-ва; о книгахъ Ф. Павловскаго «Первое дополненіе къ кратк. біогр. словарю ученыхъ и писателей Полтавской губерніи»; «Труды Саратовской Ученой Архивной коммисіи», вып. XXX; «Извѣстія О-ва изученія Олонецкой губерніи», вып. I.

Русская наука понесла тяжелую утрату въ лицѣ Ивана Владиміровича Цвѣтаева.

МОСКВА
Синодальная Типографія
1913

Библиотека "Руниверс"

Отъ Совѣта С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества.

Въ Общемъ Собраніи г.г. членовъ С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества, состоявшемся 21 мая 1913 года, постановлено открыть (по новому положенію) конкурсъ на преміи имени А. О. Гильфердинга.

Преміи присуждаются за лучшія сочиненія, написанныя на предлагаемыя Обществомъ темы:

а) Премія въ 1000 рублей присуждается тому, кто представитъ лучшее популярно-научное учебное руководство по исторіи Польши (до паденія), съ приложеніемъ къ нему историческихъ картъ и перечня главнѣйшихъ источниковъ и пособій. (Премія эта можетъ быть раздѣлена на двѣ половины, по 500 руб. каждая).

б) Премія въ 300 рублей присуждается за лучшую практическую грамматику польскаго языка съ небольшой христоматіей.

Сочиненія на вышеназванныя темы, какъ рукописныя, такъ и печатныя, на русскомъ языкѣ, должны быть представлены въ Совѣтъ С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества (СПБ, Звенигородская, 24) не позднѣе 1 Октября 1915 г., рукописныя съ обозначеніемъ полнаго имени автора или (по его желанію) съ обозначеніемъ девиза, помѣщеннаго какъ на особомъ, приложенномъ къ рукописи пакетѣ (гдѣ должно быть обозначено его имя), такъ и на самой рукописи; печатныя, вышедшія въ свѣтъ не далѣе какъ за три года до 1915 г.

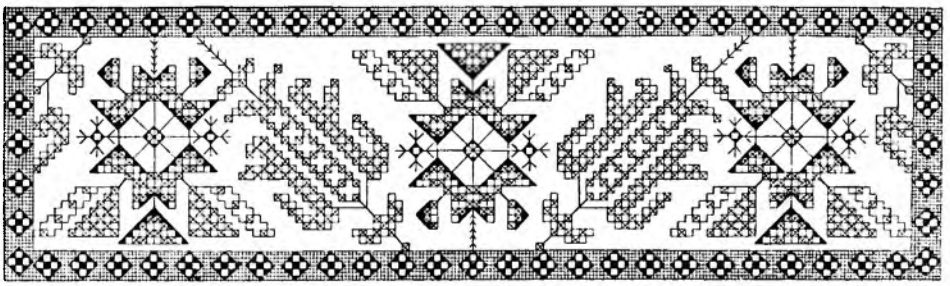
По присужденіи Совѣтомъ Общества преміи за лучшія изъ представленныхъ сочиненій, преміи эти будутъ выданы авторамъ или ихъ наслѣдникамъ, но не издательствамъ и книгопродавцамъ, не позднѣе мѣсяца послѣ прочтенія отчета въ одномъ изъ весеннихъ Общихъ Собраній Общества 1916 года.

Премированныя сочиненія, представленныя въ рукописи, печатаются на средства Общества, если признано будетъ необходимымъ, въ количествѣ не менѣе 1000 экз., причемъ половина напечатанныхъ экземпляровъ предоставляется въ собственность автора. (По соглашенію съ Совѣтомъ Общества, авторъ можетъ печатать свое сочиненіе и въ большемъ количествѣ, но уже на свой счетъ—свыше 1000 экземпляровъ).

Сверхъ сочиненій на вышеозначенныя темы, Славянское Общество принимаетъ на конкурсъ имени А. Ѳ. Гильфердинга на тѣхъ же основаніяхъ популярно-научныя сочиненія по всѣмъ отраслямъ славяновѣдѣнія, способныя расширить познанія по славяновѣдѣнію среди широкаго круга русскаго общества, между прочимъ, за біографіи выдающихся славянскихъ дѣятелей, за практическія руководства по изученію славянскихъ нарѣчій (грамматики и хрестоматіи), за словари и за этнографическія и др. карты. Рядомъ съ сочиненіями по славяновѣдѣнію вообще и о русскомъ народѣ въ предѣлахъ Австро-Венгріи и Америки въ частности, допускаются на конкурсъ сочиненія о румынахъ, албанцахъ и мадьярахъ.

Но сочиненія, представляющія отвѣтъ на темы Общества, премируются предпочтительно предъ прочими участвующими въ конкурсѣ сочиненіями.

Библиотека "Руниверс"



Мои воспоминанія или событія въ моей жизни

„Мои воспоминанія“ М. Леонтьева представляютъ несомнѣнный интересъ, какъ по событіямъ, какія въ нихъ описываются, такъ и по личности самого автора. Судя по собственнымъ признаніямъ, онъ, воспитанный съ дѣтства среди благодатной природы Тульской губерніи, чуть не съ отрочества поступилъ на военную службу, какъ дѣлали многіе дворяне конца XVIII вѣка, а затѣмъ, произведенный въ офицеры, послѣ длиннаго ряда походовъ начала XIX столѣтія, запечатлѣвшій раною свое участіе въ сраженіяхъ, вышелъ съ пенсіею въ отставку и жилъ, какъ трудолюбивый хозяинъ-помѣщикъ, въ своемъ родовомъ имѣніи. Здѣсь-то, на досугѣ отъ сельско-хозяйственныхъ заботъ, прежній служака, въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ прошлаго вѣка, принялся за составленіе своихъ любопытныхъ „Воспоминаній“: въ трехъ компактныхъ книжкахъ, облаченныхъ въ старинный переплетъ, на жесткой пожелтѣвшей бумагѣ, при помощи гусинаго пера, онъ характернымъ почеркомъ, похожимъ на древнюю скоропись, описалъ уцѣлѣвшія въ его памяти „дѣла минувшихъ дней“. Какъ близкій очевидецъ, авторъ ярко изобразилъ эпоху Павла I; какъ живой и храбрый участникъ во многихъ сраженіяхъ, сообщилъ вереницу новыхъ свѣдѣній о битвахъ съ французами и о походѣ въ Финляндію, а какъ наблюдательный современникъ почти четырехъ десятилѣтій минувшаго столѣтія, сохранилъ въ своихъ разсказахъ характерныя черты изъ тогдашней общественной жизни Россіи и быта русскихъ дворянъ-помѣщиковъ. Наконецъ, остается прибавить, что М. Леонтьевъ былъ роднымъ отцомъ Павла Михайловича Леонтьева, извѣстнаго профессора-классика въ Московскомъ Университетѣ и одного изъ главныхъ основателей Императорскаго Лицея Цесаревича Николая. Поэтому читатели „Записокъ“ встрѣтятъ рядъ новыхъ свѣдѣній о дѣтствѣ и первоначальномъ воспитаніи П. М. Леонтьева, какія значительно дополнятъ его автобіографію, помѣщенную въ „Словарѣ профессоровъ Московскаго Университета“ (М. 1855 г., т. I, стр. 453—454).

Д.

Библиотека "Руниверс"

Часть I-я.

Начато писать 1827 года, декабря 1-го въ сельцѣ Красномъ Михаиломъ Леонтьевымъ.

Отецъ и мать оставили меня,
но Господь воспріялъ меня.

Глава I.

Сирота.

Къ пріумноженію рода человѣческаго явился и я въ сей міръ въ городѣ Кіевѣ въ обильное время чудныхъ событій, 1785-го года Августа 13-го. Да не подумаетъ кто, что рожденіе мое, подобно другимъ, сопровождалося заботами и лелѣяньемъ, толико сроднымъ нѣжнымъ родителямъ; нѣтъ! Лишь я родился какъ и повезли меня въ самую глубокую осень съ юга на сѣверъ! Зачѣмъ?—такъ, ибо родители мои предпринимали путешествіе изъ Епифани въ Кіевъ предъ моимъ приходомъ въ міръ сей, для свиданія съ своимъ родственникомъ. Удивительно! неужели нельзя было пріискать на сіе способнѣйшаго времени?—видно нельзя было, но однако сіе забавное путешествіе стоило мнѣ четырехъ реберъ, которыя мнѣ переломили, вѣроятно, ухаживая за мною слишкомъ нѣжно. Эта поѣздка для меня памятнѣе всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя были дѣйствующими во оной.—Каково то было мнѣ служить? каково и теперь иногда въ дурную погоду?—а все отъ излишней охоты ѣздить туда и сюда!—думая что, и я улыбался? Но—улыбка моя видно не такъ была восхитительна, какъ для меня улыбка дѣтей моихъ!—Но какъ бы то ни было а меня привезли во Есенокъ, деревню съ нами смежную, въ которой родители мои имѣли всегдашнее свое пребываніе. По общему ходу происшествій теперь бы слѣдовало заняться описаніемъ моего дѣтства, но какъ не всякому пріятно вспоминать тѣ дни, которые проводили мы съ наглыми и развратными дядьками, съ глупыми ребятами и тому подобными лицами, то и прошу меня отъ сего уволить! Но гдѣ же были наши родители? чѣмъ они занималися?—Государи мои! посмотрите на названіе сей главы—видите ли, что, имѣя отца и мать можно быть сиротою?—Избави Боже! скажетъ читатель, и я изъ глубины души повторяю то же.

О воспитаніи моемъ говорить нечего, съ сей только стороны родители мои не любили затѣй! Они просто учили меня грамотѣ, и больше ничему. Не знаю была ли тогда написана фонъ Визинымъ комедія „Недоросль“, но видно что и мой отецъ не любилъ дѣленія, хотя и былъ самъ математикъ, служа въ артиллеріи до майорскаго

Библиотека "Руниверс"

чина.—Какъ тягостна бѣдность, быть можетъ, скажетъ читатель, въ отношеніи невозможности воспитать дѣтей; но мои родители сего сказать не могли, имѣя около 200 душъ съ прекрасными землями. Время текло, и я достигнулъ 12 лѣтняго возраста; отецъ мой съ жадностью дожидавшійся времени сбыть меня съ рукъ, обрадовался, узнавъ, что Павелъ I-й, вступя на престолъ Россіи 1796-го года 6-го Ноября, жаждалъ съ своей стороны погасить просвѣщеніе, десницами вѣнценосныхъ предковъ его въ отечествѣ нашемъ возженное. И такъ, не теряя времени, отецъ мой, взявъ меня, пустился въ Москву, куда Павелъ вскорѣ долженствовалъ прибыть для коронованія; прибывъ туда въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ 1797-го года и упрятавъ, какъ говорится, меня въ службу, отецъ мой, давъ мнѣ рубль мѣди, пустился домой, оставя меня, въ совершенно бѣдственной бѣдности и среди людей для меня чуждыхъ.

Глава II.

Вступленіе въ службу.

Я вступилъ на службу на 12 году 1797-го года Апрѣля 17-го лейбъ-гвардіи въ Семеновскій полкъ солдатомъ, которымъ я обязанъ былъ выслужить три мѣсяца по тогдашнему уставу. Обмундировка моя была соотвѣственна моему толчку въ службу и служила видимымъ отпечаткомъ нѣжности моего родителя: т. е. мундира хуже моего въ цѣломъ полку не было, а шинель счелъ онъ вещію излишнею,—быть можетъ, и потому, что—я попаду же когда нибудь въ комплектъ, и тогда получу казенную. Влѣдствіе сихъ экономическихъ расчетовъ я терпѣлъ всю жестокость воздушныхъ перемѣнъ на продолжительномъ походѣ въ Петербургъ. Но какъ ни разсуждай, а я сталъ въ ряды воиновъ такихъ лѣтъ, въ которые только начинаютъ учиться дѣти у отцовъ своихъ.

Глава III.

Служба и встрѣча.

Прибывъ въ Петербургъ, я сначала скучалъ и плакалъ о своемъ одиночествѣ, но потомъ сталъ мало по малу привыкать къ своему положенію, и началъ учиться службѣ весьма тяжелой во времена грознаго Павла. Въ службѣ я нашелъ или, лучше, Господь мнѣ далъ покровителей, и во первыхъ тогдашняго Шефа нашего полка Наслѣдника Александра Павловича, который, замѣтя меня однажды зимой 1797-го года въ караульнѣ Зимняго дворца, потрепалъ меня по щекѣ и спросилъ, не озябъ ли я. И послѣ сей встрѣчи всегда интересовался мною, вѣроятно, по моей юности. Я старался одѣваться сколько можно лучше.

Библиотека "Руниверс"

Устраняя всѣ препятствія къ сему отъ недостатка въ деньгахъ, я зато употреблялъ грубую пищу, а стоя въ караульнѣ довольствовался 10 копѣечной сайкой въ сутки; бывало, стыдно ѣсть такую скудную пищу въ глазахъ богатыхъ товарищей, и для того я уходилъ или въ сѣни, или къ плацъ-формѣ и тамъ съѣдалъ обѣдъ свой.

Наслѣдникъ любилъ, чтобы хорошо одѣвались, будучи самъ щеголемъ, и я хотя былъ молодъ, но, видя сіе, старался исполнять волю его, за что онъ и благоволилъ ко мнѣ такъ, что на походѣ въ Гатчино, въ увеселительный дворецъ императора Павла I-го, въ 33 верстахъ отъ столицы отстоящій, замѣтя, одинъ разъ, что я усталъ очень, приказалъ мнѣ, по сродной ему благости, сѣсть на лафетъ пушки; это было лѣтомъ 1796-го года.

Въ семъ году зимою я видѣлъ на вахтъ-парадахъ, которые бывали ежедневно, много знаменитыхъ людей, какъ напримѣръ графа Прованскаго, бывшаго послѣ королемъ Франціи, Людовика XVIII-го, принца Конде, и послѣдняго польскаго короля Станислава Августа.

Извѣстно, что Павелъ I-й былъ страстный любитель военной службы, былъ строгъ въ разсужденіи ошибокъ по фрунту и наказывалъ ихъ наравнѣ съ важнѣйшими преступленіями, и именно: арестомъ, крѣпостнымъ заключеніемъ, и выключкою изъ службы. Таковая непомѣрная строгость, открывая частыя ваканціи, приближала и меня къ производству въ офицеры, что и послѣдовало въ октябрѣ 1799-го года. Получа сей чинъ по благости Божьей, и милостивому вниманію наслѣдника Александра Павловича, я употреблялъ всѣ свои силы, чтобы служить усердно; одѣвался по формѣ, зналъ службу, велъ себя тихо и повиновался безпрекословно своимъ начальникамъ. Слѣдствіемъ сего было то, что я только одинъ разъ заслужилъ отъ Павла I-го арестъ, и то безвинно, что видя, мой покровитель, великодушный нашъ Шефъ, упросилъ родителя своего въ первый веселый его часъ, и онъ простилъ меня, возвративъ мнѣ вскорѣ шпагу. Это было въ началѣ 1800 года на первый день Святой недѣли, когда я стоялъ въ караулѣ у Лѣтняго сада.

Это было лучшее время моей жизни! Наслѣдникъ благоволилъ ко мнѣ часъ отъ часу больше, видя мое усердіе къ службѣ, которою онъ дорожилъ сверхъ собственной привязанности своей, и по строгости родителя своего императора Павла I-го, дѣлавшаго ему выговоры за

Библиотека "Руниверс"

офицерскія ошибки. Не было встрѣчи моей съ симъ ангеломъ, когда бы онъ милостиво не сказалъ:

—„Здравствуй Леонтьевъ!“

Въ сіе время по рекомендательнымъ письмамъ моей матери сталъ я извѣстенъ и двумъ знаменитѣйшимъ дамамъ въ Петербургѣ: графинѣ (что нынѣ свѣтлѣйшая княгиня) Шарлотѣ Карловнѣ Ливенъ, тогдашней оберъ-гофмейстеринѣ, и княгинѣ Дарьѣ Александровнѣ Трубецкой, урожденной Румянцовой, сестрѣ великаго полководца: сіи сановницы принимали меня весьма милостиво и среди даже посѣщавшихъ ихъ знатныхъ людей, а первая неоднократно помогала и деньгами.

Не могу забыть какъ пришелъ, одинъ разъ, къ княгинѣ Трубецкой и, сидя у ней болѣе трехъ часовъ, не обѣдавши, и, слыша благовѣстъ къ вечернѣ, я полагалъ, что она отобѣдала и собирался уже откланиваться, какъ увидалъ, что внесли столъ накрытый, ибо она не ходила въ залу, и мы при свѣчахъ стали обѣдать, чему я очень удивился, не зная прежде сего знатнаго обыкновенія; а это было зимой. И такъ я, пообѣдавъ у ней, могъ свободно остаться безъ ужина, а это была тогда не малая для меня выгода.

Товарищи мои по службѣ, видя ко мнѣ благоволеніе Наслѣдника негодовали на меня, а увидавъ при церемоніальныхъ выходахъ двора благосклонное вниманіе ко мнѣ графини, начали завидовать, хотя всѣ они были несравненно богатѣе и знатнѣе меня; но таковая несправедливость ни мало не мѣшала юному и невинному еще моему сердцу наслаждаться настоящимъ, не думая о будущемъ и истинно, что въ сіе время я былъ счастливѣйшій человѣкъ въ мірѣ, веселясь отъ чистаго сердца.

Глава IV.

Императоръ Павелъ 1-й и его правленіе.

Сей государь былъ малаго роста и не болѣе 2 аршинъ 4 вершковъ, чувствуя сіе, онъ всегда вытягивался и при походкѣ никогда не сгибалъ ногъ, а поднимая ихъ, какъ бы маршируя, ставилъ на каблукъ, отчего при ходьбѣ и стучалъ крѣпко ногами; волосы имѣлъ на головѣ темнорусые съ небольшою просѣдью; лобъ большой или, лучше, лысину до самого темя, и никогда ее не закрывалъ волосами

Библиотека "Руниверс"

и даже не терпѣлъ, чтобы кто либо сіе дѣлалъ. Лицо у него было крупное, но худое; носъ имѣлъ курносый, кверху вздернутый, отъ котораго до бороды были морщины, глаза большіе, сѣрые, чрезвычайно грозные, цвѣтъ лица у него былъ нѣсколько смуглый, голосъ имѣлъ онъ сиповатый и говорилъ протяжно, а послѣднія слова всегда вытягивалъ длинно. Онъ имѣлъ привычку, когда молчалъ, надувать щеки и вдругъ опускать ихъ, раскрывая притомъ нѣсколько ротъ, такъ что, бывало, видны были у него зубы, что особенно часто дѣлывалъ когда бывалъ сердитъ, а это бывало почти каждый день. Иногда, когда бывалъ веселъ, то при перемѣнѣ на вахтъ-парадѣ одного мѣста на другое, припрыгивалъ на одной ножкѣ. Мундиръ носилъ онъ темнозеленый однобортный съ двумя рядами пуговицъ съ низкимъ воротникомъ краснаго сукна и эксольбантомъ, шляпу черную, какъ и нынѣ, трехугольную безъ всякихъ украшеній; все это дѣлалось съ тѣмъ намѣреніемъ, дабы поддѣлаться къ костюму Фридриха II-го, короля Прусскаго, котораго онъ уважалъ, вотъ почему и написалъ Державинъ слѣдущую эпиграмму:

„Похожъ на Фридриха, скажу предъ цѣлымъ міромъ,
Но только не умомъ, а шляпой и мундиромъ.“

Впрочемъ, нельзя сказать, чтобы Павелъ I-й не имѣлъ ума; многія быстрыя изрѣченія и письма его доказываютъ, что онъ его имѣлъ много, но злоба и горячность дѣлали его несноснымъ.—Сей государь, издавъ банкротскій уставъ и учредивъ Заемный банкъ, сдѣлалъ два дѣла полезнѣйшія для своихъ подданныхъ; первымъ прекратилъ онъ ужасныя притѣсненія бѣдныхъ заемщиковъ отъ безчеловѣчныхъ ихъ кредиторовъ, которые позволяли себѣ разные, ужасающіе поступки, симъ спасительнымъ закономъ воспрещенные; вторымъ онъ предохранилъ многія фамиліи дворянскія отъ совершеннаго разоренія, а, освободя потомство знаменитаго Ломоносова изъ подушнаго оклада, явилъ въ себѣ покровителя талантовъ, во славу его имперіи употребленныхъ. Но три сіи превосходныя дѣла свои помрачилъ онъ гоненіемъ великаго Суворова; разорительною для государства раздачею знатныхъ и богатѣйшихъ имѣній своимъ любимцамъ, и служившимъ при немъ, когда онъ былъ наслѣдникомъ, офицерамъ, вовсе не заслуживавшимъ сихъ блистательныхъ наградъ; потомъ ошибками въ политическихъ дѣлахъ, и пагубнымъ для государства невниманіемъ къ дѣламъ правосудія, отъ чего вкралось ужаснѣйшее лихоимство, котораго слѣдствія неисчислимы. Наконецъ жестокостію, обращенною на все его окружающее, такъ что никто не смѣлъ ему сказать истины, а недостойные его любимцы еще болѣе возбуждали въ немъ страсти своимъ двоеду-

Библиотека "Руниверс"

шіемъ, лестію и похвалами. Злоба Павла I-го на военныхъ превышала терпѣніе самыхъ хладнокровныхъ людей; за одно неправильное поднятіе ноги, за ошибку въ командѣ, за неправильное держаніе экспантона (копье*), сдѣланное изъ желѣза, на которомъ изображенъ былъ гербъ имперіи; сіе копье насажено было на $2^1/_2$-аршинное черное древко, подобно знамени, и сіе то орудіе держали офицеры въ рукахъ, а полковники и генералы служили съ шпагами какъ и нынѣ), наказывалися офицеры и генералы арестомъ, казематомъ крѣпости и выключкою; послѣднія два весьма были жестокія наказанія. Въ первомъ дурная пища, дурной воздухъ, сумрачный свѣтъ и уединеніе терзало несчастнаго, о чемъ расказывалъ гвардіи Преображенскаго полка капитанъ Казариновъ, а второе наказаніе было хотя на чистомъ воздухѣ, но подвергшійся оному не могъ пробыть на одномъ мѣстѣ болѣе 24 часовъ и не могъ нигдѣ имѣть постояннаго жилища, за чѣмъ и наблюдаемо было весьма строго на всемъ пространствѣ Россіи; сія то цыганская жизнь и была причиною впослѣдствіи безпокойствъ въ окрестностяхъ Петербурга, что увидимъ ниже. Объ арестѣ никто уже и не думалъ, привыкнувъ къ протяжному и сиповатому крику Павла I-го: „подъ арестъ его!"; сія то сиповатая поговорка подала мысль Державину начать свою оду на вступленіе на престолъ Александра I-го сими словами:

„Умолкъ ревъ Норда сиповатый,
Закрылся грозный страшный взглядъ".

Всѣ гауптвахты были набиты арестантами, на одной Зимняго дворца въ одно время сидѣли генералы: князь Алексѣй Горчаковъ, казачій атаманъ Денисовъ, фонъ-Дервицъ, Ивановъ, Григорьевъ, и фонъ-Дезинъ; по сему можно судить уже о меньшихъ чинахъ. Къ довершенію всѣхъ сихъ ужасовъ Павелъ I-й по внушенію своего подозрѣнія и своихъ недостойныхъ любимцевъ, Кутайсова и Обольянинова, учредилъ тайную экспедицію; сію ужасную инквизицію своего правленія, куда забиралося много несчастныхъ по одному подозрѣнію, клеветѣ, ошибкѣ или мщенію сильнаго непріятеля; въ семъ адскомъ судилищѣ засѣдалъ страшный по одной уже наружности тайный совѣтникъ Николаевъ, окруженный орудіями лютѣйшихъ пытокъ. Здѣсь пытки назначены были по номерамъ,—напримѣръ, подозрѣваемаго въ дурномъ расположеніи къ Павлу I-му отсылали въ № 1-й; несчастнаго, осмѣлившагося посмѣяться . . . . . наружности его, въ № 2-й и такъ далѣе; были номера, въ которыхъ вытягивали жилы, закладывали кирпичами

*) Копье достаточно широкое, съ лапами, подобно якорнымъ.

Библиотека "Руниверс"

въ стѣнѣ.—Но отвратимъ взоръ нашъ отъ сего звѣрства, которое открыто было при вступленіи на престолъ Александра I-го. Императоръ Павелъ былъ во всемъ совершенный деспотъ, онъ не любилъ трагедій и ихъ запрещено было играть, не велѣно было носить круглыхъ шляпъ, фраковъ, жилетовъ и обыкновенныхъ сапогъ и велѣно носить шляпы трехугольныя, кафтаны однобортные, камзолы съ длинными карманами и ботфорты, однимъ словомъ Павелъ I-й весь Петербургъ сдѣлалъ прусскимъ городомъ, и заставлялъ въ театрахъ смѣяться комедіямъ, когда, по выходѣ изъ онаго, все встрѣчающееся заставляло плакать. Такъ царствовалъ императоръ Павелъ, который при всей своей жестокости любилъ, чтобы его называли отцомъ отечества за мнимое искорененіе лихоимства, когда оно, отъ невниманія его къ гражданской службѣ ежедневно умножалось; за пониженіе подушнаго сбора съ черни, когда желая выиграть ея къ себѣ любовь входилъ въ долги великіе; однимъ словомъ онъ обманывался и его любимцы умѣли держать его въ семъ ослѣпленіи.—Бывало предъ начатіемъ развода, полиція по ближайшимъ улицамъ къ Дворцовой площади гоняла народъ толпами на оный, останавливая даже экипажи и, не внимая просьбамъ, высылала сидѣвшихъ въ оныхъ ко дворцу, и такимъ образомъ, Павелъ бывалъ ежедневно окруженъ толпами приневоленнаго народа, полагая, что они пришли насладиться его лицезрѣніемъ и любоваться его вахтъ-парадами; а льстецы не упускали случая говорить ему:—сколько онъ любимъ подданными—и ослѣпляли тѣмъ грознаго самодержавца.

Чѣмъ долѣе царствовалъ Павелъ I-й, тѣмъ подозрѣніе часъ отъ часу болѣе омрачало чело его! Это было слѣдствіе внутренняго сознанія или совѣсти, которой мученія не можетъ избѣжать и сидящій на престолѣ тиранъ! Въ припадкѣ таковаго волненія духа, Павелъ не хотѣлъ, чтобы кто-либо жилъ въ его столицѣ безъ службы и повелѣлъ всѣмъ жившимъ въ оной выѣхать вонъ или вступить въ службу; въ число сіе внесены были и люди, занимавшіеся художествами, которые, имѣя пропитаніе и довольство въ семъ пышномъ городѣ, наполненномъ первыми чинами имперіи, вдругъ увидали себя въ необходимости или выѣхать въ другіе для нихъ невыгодные города, оставя въ Петербургѣ своихъ родныхъ и знакомыхъ, или, не нарушая связей сихъ, и не разстраивая своего состоянія, вступить въ службу. Сіе прямо деспотическое, пахнувшее востокомъ, повелѣніе поразило сихъ полезныхъ и просвѣщенныхъ членовъ общества, а въ томъ числѣ и знакомаго мнѣ искуснаго живописца Степана Андреевича Фокина, человѣка семейнаго и при томъ небогатаго. Избѣгая изгнанія изъ столицы въ совершенное себѣ разореніе, сей художникъ рѣшился вступить въ службу

Библиотека "Руниверс"

по военной коллегіи, гдѣ нашелъ себѣ покровителя въ членѣ оной генералѣ графѣ Иванѣ Александровичѣ Апраксинѣ; но, чтобы его не отрывали отъ занятій, питавшихъ его семейство, онъ принужденъ былъ даромъ расписать плафоны въ великолѣпномъ домѣ сего графа, за что и получилъ свободу заниматься своею работою. Это жестокое и притѣснительное повелѣніе издано было въ 1800 году, зимой.

Казалось, что Павелъ искалъ ненависти народа!—ибо, сверхъ сихъ тиранических поступковъ, онъ присоединилъ и послѣдніе—войску и церкви, заставляя первыхъ носить на шарфахъ и петелькахъ любимый малиновый цвѣтъ своей любимицы, написавъ въ то же время и имя ея, на русскомъ языкѣ значущее *благодать*, на знаменахъ и гренадерскихъ шапкахъ всей гвардіи, велѣвъ также пѣть въ придворной церкви во время божественной литургіи во всѣ праздники и воскресные дни концертъ: „*Явися благодать Божія спасительная всѣмъ человѣкомъ*“! А какъ имя его любимицы было Анна, что въ переводѣ съ греческаго значитъ „благодать“, то всякій понималъ, что Павелъ хотѣлъ чтобы и самая святая церковь ублажала его подругѣ сердца. Сей гнусный поступокъ влилъ, такъ сказать, масла въ то пламя неудовольствія, которымъ горѣли сердца русскія.—Къ поясненію же своего намѣренія, въ разсужденіи прославленія своей милой, сей сѣверный Неронъ, купя два дома на Англійской набережной Невы, и соединя великолѣпнымъ проходомъ, подарилъ ихъ своей любимицѣ, княгинѣ Аннѣ Петровнѣ Гагариной, урожденной Лопухиной, повелѣвъ выставить на семъ огромномъ домѣ ея гербъ, вверху котораго крупными золотыми словами написано было: *благодать*.—

Русскіе молчали, но по природному пылкому своему уму не оставляли Павла I-го въ покоѣ, своими тайными эпиграммами—такъ найдена была въ 1801-мъ году на Михайловскомъ замкѣ приклеенная надпись:

„Здѣсь живетъ . . . . . .
Иди мимо—не вѣшай уха“.

Въ другой разъ найдена была на Исаакіевской церкви (которую Екатерина II-я въ память дня рожденія императора Петра Великаго, начала строить изъ мрамора, и которую Павелъ велѣлъ достроить кирпичемъ) доска съ надписью:

„Се! монументъ двумъ царствованіямъ приличный,
Фундаментъ мраморный а верхъ—кирпичный“.

Но самая наглая надпись была найдена на домѣ Гагариной, которую благопристойность написать мнѣ воспрещаетъ. Вотъ какъ царствовалъ Павелъ I-й, при правленіи котораго все лучшее было подавлено, а все низкое, какъ напримѣръ Кутайсовъ, вознесено было на верхъ чести и достоинства.

Библиотека "Руниверс"

Глава V.

Знаменитый гость.

Въ началѣ 1801-го или въ декабрѣ 1800-го года, точно упомнить не могу, только зимой въ сіе время, пронесся слухъ, что король Шведскій Густавъ IV-й Адольфъ посѣтитъ императора Павла и Петербургъ. Не помню, чтобы дѣланы были публичныя какія приготовленія, но, помню, что всѣ гордились симъ посѣщеніемъ.

Помнится, что въ то время были Святки, только я по праву офицера гвардіи сидѣлъ въ Эрмитажномъ Зимняго дворца театрѣ, куда прибыла уже и императорская фамилія, какъ во время представленія піесы одинъ изъ придворныхъ чиновъ, взойдя въ театръ, доложилъ что-то Павлу I-му, а сей, подозвавъ къ себѣ генералъ-адъютанта Уварова, куда то послалъ его, и вскорѣ по шопотамъ разнеслась вѣсть въ театрѣ: „шведской король пріѣхалъ!“ И Уваровъ послалъ отъ государя поздравить его съ пріѣздомъ. Между тѣмъ театръ продолжался, и я, насладясь превосходною музыкою, по окончаніи спектакля возвратился домой. Я любилъ пользоваться позволеніемъ быть въ Эрмитажѣ и не пропускалъ ни одного спектакля, чтобы не быть тамъ, и потому что сіе удовольствіе имѣлъ я даромъ, а это не бездѣлица для того, кто имѣлъ весьма малое содержаніе, а былъ по 16-му году! Правда, что съ осени 1800 года великодушный Шефъ нашъ узналъ о моей бѣдности чрезъ князя Петра Михайловича Волконскаго, котораго я просилъ, и пожаловалъ мнѣ по 600 рублей въ годъ на содержаніе, производя сію дачу по третямъ года, ибо родитель мой и теперь не присылалъ мнѣ болѣе 200 рублей въ годъ. А жалованье мое по тогдашнему окладу состояло изъ 150-ти, но вся сія годовая сумма, состоя изъ 950 рублей, была очень недостаточна для содержанія себя въ гвардіи, тѣмъ болѣе, что Павелъ Первый въ началѣ 1800-го года установилъ для гвардіи офицеровъ народные мундиры; эти мундиры были у нашего полка тоже однобортные съ двумя рядами пуговицъ, между которыми были вышиты золотомъ петлицы, каковыя были и на воротникѣ, обшлагахъ и карманахъ; каковое шитье стоило тогда 180 рублей. Вотъ почему я и не могъ удѣлить слишкомъ много денегъ на свое удовольствіе, а старался пользоватся онымъ удовольствіемъ.

На другой день пріѣзда короля шведскаго былъ я у него по утру между всей гвардіи офицерами, съ поздравленіемъ пріѣхавшими

Библиотека "Руниверс"

къ нему по повелѣнію государя. Король остановился въ домѣ своего посла барона Штединга на Англійской набережной, гдѣ насъ и представлялъ ему петербургскій военный губернаторъ графъ Петръ Александровичъ Паленъ. Король вышелъ къ намъ въ залу, раскланялся съ нами и возвратился въ свои внутренія комнаты, а мы въ блестящихъ своихъ парадныхъ мундирахъ пустились по домамъ, любуясь тѣмъ, что насъ собирали и суетили для одного поклона шведскому королю.

Съ сего дня я видѣлъ каждый день сего государя по два раза въ теченіи ночи десятидневнаго его пребыванія въ Петербургѣ; поутру на вахтъ-парадѣ, гдѣ онъ всегда бывалъ изъ вѣжливости къ Павлу, а ввечеру въ Эрмитажномъ театрѣ, исключая двухъ дней, когда я былъ визитеръ-рундомъ въ Зимнемъ дворцѣ. Помню какъ теперь, что мы, вступая въ должность, являлись вмѣсто Павла къ королю для его почести и говорили: „Ваше Величество! къ его императорскому величеству (туда то) наряженъ", и получали отъ него величественную уклонку головой; сверхъ сей почести мы ему салютовали, проходя церемоніальнымъ маршемъ, а Павелъ стоялъ всегда возлѣ его.

Шведскій король былъ средняго роста, нѣсколько смуглъ собою; грудь имѣлъ высокую, походку важную, взоръ величественный и пріятный хотя не имѣлъ пригожаго лица; одежда его состояла изъ синей куртки и такихъ же панталонъ безъ шитья, въ черной черезъ плечо перевязи, за которую закладывалъ иногда руку, принимая положеніе истинно царское. Шляпу носилъ круглую съ маленькими полями, у которой лѣвая сторона поля прикрѣплялася къ тулѣ національною кокардою, на правой рукѣ носилъ изъ бѣлаго платка перевязку съ маленькимъ бантикомъ въ память, какъ мнѣ тогда сказывали, того военнаго союза, посредствомъ котораго отецъ его Густавъ III получилъ власть самодержавную. Король изъ этикета имѣлъ всегда на себѣ нашъ Андреевскій орденъ, какъ равно и оба люди его, съ нимъ бывшіе, герцоги Зюдерманландскій и Остъ-Готландскій, а Павелъ I-й, наслѣдникъ, и Константинъ Павловичъ во все время его пребыванія имѣли на себѣ первый его орденъ Серафимовъ, во всемъ подобный нашему Андреевскому, кромѣ того, что въ центрѣ звѣзды вмѣсто Андреевскаго изображенъ бѣлый осьмиугольный крестъ въ видѣ Мальтійскаго, При королѣ была большая свита, которую черезъ нѣсколько дней Павелъ I-й украсилъ нашими и мальтійскими орденами, взаменъ чего король украсилъ одного только нашего графа Христофора Андреевича Ливена, сына моей благодѣтельницы и бывшаго тогда генералъ-адъютанта им-

Библиотека "Руниверс"

ператора, своимъ орденомъ Меча (желтой лентой съ узкими голубыми каймами).

Во все время пребыванія короля Шведскаго были ежедневные театры въ Эрмитажѣ, куда велѣно пріѣзжать всѣмъ гвардейскимъ офицерамъ въ парадныхъ мундирахъ; разумѣется, что я воспользовался симъ повелѣніемъ и не пропускалъ ни одного спектакля, когда только не былъ въ должности. Въ сіе время насмотрѣлся я на пышность и блескъ двора, которые Павелъ I-й любилъ очень; здѣсь я видѣлъ придворныхъ дамъ, кавалеровъ и старыхъ нашихъ вельможъ, покрытыхъ золотомъ и брильянтами и украшенныхъ первыми орденами нашей имперіи; изъ послѣднихъ памятны мнѣ князь Николай Ивановичъ Солтыковъ, фельдмаршалъ и бывшій дядька Александра и Константина Павловичей, князь Юсуповъ, Александръ Львовичъ Нарышкинъ, графъ Шереметевъ, графъ Строгановъ (Александръ Сергѣевичъ) и отличный по входу, ловкости и фигурѣ, но не по уму графъ Александръ Николаевичъ Самойловъ. Павелъ I-й входилъ въ великолѣпнейше освѣщенный театръ въ предшествіи всего блистательнаго своего двора между рядами сихъ старцевъ вельможъ, и когда являлся въ аркѣ театра, то въ ту минуту начинала играть огромная и восхитительная придворная музыка; король всегда сводилъ императрицу Марію Ѳеодоровну изъ галлереи въ театръ подъ руку, поднимая ее такъ, что государыня опиралася на оную. Сіе пребываніе Густава IV-го въ Петербургѣ доставляло мнѣ величайшее удовольствіе и приводило меня въ восхищеніе, и хотя навѣрное не было изъ всѣхъ присутствовавшихъ кармана пустѣе моего, но по блестящей наружности и я казался богачемъ!—Вотъ какъ наружность обманчива. Читателю извѣстно, какъ я воспитанъ, а потому я и не могъ сначала восхищаться картинами Рафаэля, Корреджіо, Микеля-Анджело и другихъ геніевъ, украшавшихъ комнаты Эрмитажа: но товарищи мои, будучи богатѣйшіе люди и просвѣщеннѣе меня, объяснили мнѣ красоты оныхъ, и сколько я ни грубо воспитанъ, но двѣ картины поразили и меня своимъ превосходствомъ, одна, стоявшая въ углу послѣдней къ театру комнаты, изображавшая благодѣтельную римлянку, кормящую грудью своего отца; и другая въ той же комнатѣ, представляющая старика, зажигающаго пукъ соломы; на послѣдней кажется—видишь огонь, а не краску, освѣщающій лицо бѣднаго поселянина. О искусство! Какъ сильно ты дѣйствуешь даже и на необразованнаго человѣка.

Библиотека "Руниверс"

Глава VI.

Михайловскій Замокъ.

При воспоминаніи сего зданія сколько родится во мнѣ историческихъ воспоминаній! Не здѣсь ли обиталъ нѣкогда могущественный монархъ? Не здѣсь ли цареубійца князь Платонъ Зубовъ лобызалъ руку сего государя, приготовляя ему смерть жестокую? Не здѣсь ли? Не въ сихъ ли нѣкогда великолѣпныхъ стѣнахъ совершено сіе ужасное убійство, навлекшее на Россію почти непрестанныя 12-лѣтнія войны! Но обратимся къ тому времени современныхъ событій, которому минуло уже 28 лѣтъ.

Сей замокъ, который теперь именуется Инженернымъ, построенъ какъ извѣстно въ уединеномъ мѣстѣ близъ Лѣтняго сада въ Петербургѣ императоромъ Павломъ I-мъ, и стоилъ со всѣми постройками и пышнымъ уборомъ комнатъ 10 милліоновъ рублей. И въ самомъ дѣлѣ, парадныя комнаты, въ которыхъ я бывалъ, убраны были мраморомъ, бархатомъ, драгоцѣнными тканями, обоями, бронзою, картинами великихъ живописцевъ; богатыми каминами и другими драгоцѣнными вещами съ величайшимъ вкусомъ, а спальня императора, будучи богато и съ большою разборчивостью отдѣлана, была очаровательна, какъ говорили знающіе очевидцы; однимъ словомъ замокъ сей такъ былъ отдѣланъ внутри, что самъ Павелъ Первый почиталъ достойнымъ издать въ Европу его описаніе, что и поручилъ незадолго до своей кончины извѣстному драматическому писателю Августу Коцебу. Сей то замокъ и спѣшилъ государь отдѣлать, какъ бы влекомый самимъ рокомъ; и, не давши ему порядочно выстояться, въ исходѣ января или въ началѣ февраля 1801-го года переѣхалъ въ оный изъ Зимняго дворца съ большою церемоніею, какъ бы прощаясь съ великолѣпной своей столицей. Въ сей церемоніальный въѣздъ въ Михайловскій замокъ вся гвардія поставлена была отъ Зимняго дворца по Невскому проспекту до онаго по обѣ стороны улицъ въ парадѣ: кортежъ состоялъ изъ многихъ богатыхъ придворныхъ каретъ, заложенныхъ цугами, въ которыхъ сидѣли первые чины двора и императорская фамилія; за сими каретами ѣхалъ Павелъ I-й окруженный двумя своими сыновьями, и сопровождавшійся многочисленною свитою. По пріѣздѣ Павла I-го въ сей замокъ, начальство во ономъ возложено было на наслѣдника престола въ качествѣ военнаго губернатора, на оберъ-гофмаршала Александра Львовича Нарышкина въ званіи губернатора и на генералъ-лейтенанта Котлубиц-

Библиотека "Руниверс"

кого въ званіи коменданта; кажется, что раздѣленіемъ власти въ семъ своемъ уединенномъ жилищѣ, окруженномъ валами и батареями, между людьми ему преданными, покрывъ ихъ благодѣяніемъ, Павелъ I-й искалъ своей безопасности. Сей замокъ, какъ я сказалъ, окруженъ былъ глубокимъ широкимъ каналомъ съ водой, валами и батареями; на каналѣ были съ двухъ въѣздовъ подъемные мосты, при которыхъ стояли сильные бекеты *), а въ самомъ замкѣ стояла главная гауптвахта во 130 человѣкъ солдатъ съ тремя офицерами, сверхъ чего бывали полицейскихъ драгунъ команды при ихъ офицерахъ; въ самыхъ же комнатахъ стояли бекеты кавалергардовъ конной гвардіи, гусаръ и казаковъ; а внутреннія комнаты императора охранялись ежедневнымъ карауломъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка, его собственнаго батальона, котораго нижнимъ чинамъ даны были въ ихъ казармахъ тюфяки, производилася ежедневная мясная и винная порція, а офицерамъ давались сверхъ жалованья столовыя деньги, чего ни въ одномъ гвардейскомъ полку и даже въ другихъ батальонахъ того же полка никогда не производилось.

На сей то батальонъ полагалъ Павелъ I-й большую надежду, что видно изъ его отличій, а окруженный большою стражею разнородныхъ войскъ своей гвардіи, полагалъ себя въ семъ замкѣ совершенно безопаснымъ. Становясь часъ отъ часу подозрительнѣе, государь сей весьма рѣдко ѣзжалъ по городу съ самаго пріѣзда своего въ Михайловскій замокъ, и подобно Тиверію, смотрѣлъ на всѣхъ глазами тирана.

Уединясь самовольно (?) въ семъ пышномъ замкѣ съ своею любимицею, и заключивъ въ немъ всю императорскую фамилію, Павелъ I-й становился часъ отъ часу строже, изливая гнѣвъ свой въ особенности на любви достойнаго наслѣдника своего, блаженной памяти императора Александра I-го; онъ не щадилъ, разумѣется, и служившихъ ему, какъ напримѣръ генерала Эмме, содержавшагося на гауптвахтѣ по самый день революціи 12-го марта; не проходило дня, въ который бы комендантъ Котлубицкій не приносилъ цесаревичу Александру Павловичу выговоры за ошибку какого-нибудь караула, либо за нечистоту въ какомъ нибудь углу замка, по которому и вокругъ онаго прогуливался Павелъ весьма часто, не выѣзжая, какъ я сказалъ, на прогулку по городу.—И какіе были выговоры?—„дуракъ и скотина“ (за вѣрный переносъ сихъ словъ отъ Павла наслѣднику, Котлубицкій, по вступленіи на тронъ Александра, посланъ былъ на житье въ городъ Арзамасъ . . . . . .
Симъ наказаніемъ дано почувствовать Котлубицкому, что какъ

*) Пикеты.

Библиотека "Руниверс"

непріятно видѣть пакости отца, такъ непріятно слышать и его грубости), и что́ получалъ въ отвѣтъ?—съ кротостію произнесенное: „*слышу*“ или, когда Павелъ самъ его бранилъ на вахтъ-парадѣ, то низкій поклонъ служилъ ему знакомъ извиненія и покорности сына.

Такъ забывалъ Павелъ I-й и свое достоинство и достоинство наслѣдника, а свидѣтели сихъ изъ мѣры выходящихъ грубостей привязывались часъ отъ часъ къ Александру, по тому участію, которое мы невольно прилагаемъ къ гонимой невинности; сіе участіе часъ отъ часу распаляло злобу въ сердцахъ всей почти гвардіи, противу несправедливаго государя и отца и вскорѣ грянулъ громъ мщенія, впрочемъ беззаконнаго, на главу Павла I-го.

Какъ замѣчательно, что всѣ тираны своего отечества подъ конецъ правленія уединялись отъ своихъ столицъ, какъ напримѣръ Тиверій, Іоаннъ и Павелъ!—происходило ли сіе отъ страха? или по чувству безпокоющейся совѣсти въ сихъ злосчастныхъ государяхъ, или было слѣдствіемъ ненависти въ роду человѣческому, но, во всякомъ случаѣ, оно съ той точки для насъ поучительно, что злоба есть величайшее несчастіе и для одержимыхъ ею и что спокойствіе и радость принадлежитъ единой добродѣтели и кротости.

Глава VII.

Прощеніе.

Безпокойства, возникшія отъ большого числа выключенныхъ штаб- и оберъ-офицеровъ арміи и флота, которые толпами разъѣзжали въ окрестностяхъ Петербурга и отбирали силою для себя пищу въ трактирѣ по большой дорогѣ Московской на 7 верстѣ отъ сей столицы и лежащаго при рѣкѣ, ... (нрзб.) по Нарвской и другимъ дорогамъ, а сверхъ того и политическіе виды знаменитаго и въ большую довѣренность вошедшаго къ Павлу I-му графа Палена, побудили сего государя объявить въ исходѣ 1800-го года всеобщее прощеніе выключеннымъ, которыхъ цѣлыя толпы и прибыли въ началѣ 1801-го года въ Петербургъ для благодаренія царя и подачи просьбъ кто куда желаетъ опредѣлиться. Симъ воспользовались и друзья графа Палена, знаменитые изгнанники князь *Платонъ* и графы *Валеріянъ* и *Николай Зубовы*, баронъ Бейнигсенъ, Чичеринъ и многіе другіе славные генералы вѣка Екатерины II-ой.

Библиотека "Руниверс"

Я самъ былъ очевидецъ, когда Павелъ I-й принималъ Зубовыхъ въ залѣ Михайловскаго дворца по ихъ возращеніи. Государь весьма милостиво обошелся съ княземъ Платономъ, взялъ его подъ руку, подвелъ къ окну, долго съ нимъ разговаривалъ и видно было изъ поклоновъ послѣдняго, что разговоръ сей былъ очень для него благосклоненъ; князь былъ въ мундирѣ перваго кадетскаго корпуса, туда онъ наканунѣ дня представленія былъ назначенъ директоромъ, бывъ принятъ генераломъ отъ инфантеріи, а братъ его Валеріанъ былъ назначенъ во 2-й кадетскій корпусъ также директоромъ и принятъ въ службу также полнымъ генераломъ, и съ которымъ государь также обошелся милостиво, потрепавъ его по плечу. Сей Валерьянъ, будучи красавецъ, былъ безъ ноги, которую потерялъ онъ пьяный во время польской войны и о ранѣ котораго Суворовъ сказалъ: *„боли мною, а славы мало“*. Третій ихъ братъ Николай, страшилище по своей гигантской наружности и большимъ глазамъ, былъ назначенъ шефомъ гусарскаго, помнится, Сумскаго полка; три сіи брата были въ Андреевскихъ лентахъ которыми Екатерина ихъ украсила, и обратили на себя вниманіе всѣхъ присутствовавшихъ, изъ которыхъ многіе ихъ знали во время прежняго царствованія, а другіе слушали лестныя и чрезвычайно увеличенныя имъ похвалы, и, будучи недовольны настоящимъ, вѣрили съ охотою прошедшему. Павелъ I-й при сей аудіенціи былъ очень веселъ и смѣялся съ Зубовымъ и другими: онъ не думалъ, что видитъ того, который сорветъ корону съ головы его и быть можетъ, видя себя окруженнаго крѣпостными валами и сильной стражей, презиралъ всѣхъ сихъ вельможъ, имѣвшихъ причину быть имъ недовольными; и не эта ли была причина поспѣшнаго переѣзда его въ Михайловскій замокъ?— Кто зналъ и видѣлъ Павла I-го, тотъ не могъ не удивиться сему всепрощенію, въ теченіе котораго, принимая однихъ, онъ выключалъ и сажалъ въ крѣпость другихъ. Однимъ словомъ графъ Паленъ, наклоня Павла I-го на дѣло ему несвойственное, показалъ симъ и свой гибкій умъ и великую силу довѣренности, у царя имъ пріобрѣтенной.

Глава VIII.

Слухи.

Въ теченіе послѣднихъ двухъ мѣсяцевъ царствованія Павла I-го, Петербургъ волнуемъ былъ разными неистовыми слухами, направлявшими публику на одинъ предметъ—ненависти къ Павлу. Такъ, говорили и съ великой утвердительностью, что Павелъ I-й намѣренъ вскорѣ развестить съ императрицей и жениться на Гагариной, что вся импе-

Библиотека "Руниверс"

раторская фамилія развезется по монастырямъ, наслѣдникъ посадится въ крѣпость, и объявятся наслѣдниками трона будущія дѣти его отъ Гагариной. И что Семеновскій полкъ, за преданность нашу къ наслѣднику, разошлется по сибирскимъ гарнизонамъ. Сіи слухи производили свое дѣйствіе въ публикѣ, которая никогда изслѣдовать не любитъ, а съ жадностію хватая самый нелѣпый слухъ, ревностно распространяетъ оный. Такъ и было: умы распалялися, неудовольствіе увеличивалося и Павелъ I-й день ото дня становился ненавистнѣйшимъ тираномъ въ глазахъ обитателей Петербурга; такъ достигалъ своей цѣли исполненый великаго ума и хищности глава заговора противу императора Павла Петербургскій военный губернаторъ графъ Петръ Алексѣевичъ фонъ-деръ-Паленъ.

Но въ сіе время и Павелъ I-й получалъ безымянные доносы о существованіи заговора на жизнь его, чего при всей своей дѣятельности графъ Паленъ отвратить не могъ, но къ кому государь долженъ былъ обратиться о изслѣдованіи сихъ доносовъ, какъ не къ нему же, ибо въ рукахъ его сосредоточена была власть военная, гражданская и полицейская всей столицы, и котораго Павелъ почиталъ преданнѣйшимъ себѣ человѣкомъ. Чтобы усыпить совершенно императора графъ Паленъ имѣлъ дерзость и безстыдство самъ донесть Павлу о существующемъ будто бы заговорѣ по безымяннымъ доносамъ, и чтобы—для устрашенія бдительностію правительства публики—не прикажетъ ли онъ, собравъ офицеровъ гвардіи, объявить имъ о всемъ. Павелъ I-й далъ на сіе, хитрообдуманное и съ присутствіемъ духа произведенное дѣйствіе свое согласіе. Вслѣдствіе сего дня за четыре до 12-го марта мы и были собраны всѣ въ домъ графа Палена, у Полицейскаго моста поутру до развода. По полномъ нашемъ съѣздѣ и по помѣщеніи насъ въ залѣ сего дома, графъ вышелъ къ намъ въ полномъ мундирѣ и, раскланявшись, сказалъ громкимъ голосомъ: „Господа! до свѣдѣнія Государя Императора доходитъ о существованіи заговора въ столицѣ, но Его Величество надѣется на вашу вѣрность!"—послѣднія слова произнесъ онъ съ коварной улыбкой, и взглянувъ, не перемѣняя мины, на насъ быстрыми глазами, поклонился и ушелъ въ свои комнаты, а мы поѣхали по домамъ. Извѣстно, что въ заговорѣ противу Павла были и нѣкоторые офицеры гвардіи и думать надо, что, сверхъ усыпленія (бдительности) Павла, сія сцена сдѣлана была для ихъ ободренія, показавъ имъ ясно и свою силу и неустрашимость. Но когда хитрость графа Палена торжествовала съ одной стороны, то съ другой безымянные доносы повторялись не только Павлу I, но и любимцамъ его Нарышкину и Кутайсову, послѣднему 11-го марта послѣ полудня, какъ сказывали тогда, было

Библиотека "Руниверс"

даже подано письмо съ именами заговорщиковъ, но онъ, не распечатавъ его, положилъ подъ подушку своей постели, намѣриваясь прочесть его поутру 12 числа. Всѣ сіи слухи дѣлали то, что Нарышкинъ по званію своему началъ проводить ночи не раздѣваясь, употребляя всѣ осторожности съ своей стороны, но развѣдать о точности заговора сіи придворные любимцы не имѣли средствъ, будучи окружены глазами умнѣйшихъ людей того времени; туча собиралась надъ головой Павла I-го, но онъ пребывалъ безпеченъ, надѣясь на свою стражу и батареи замка.

Глава IX.

11-е число Марта 1801 года или послѣдній день жизни Павла I-го.

Въ сей день разводъ былъ по обыкновенію въ Михайловскомъ замкѣ въ 9 часовъ, и Павелъ I-й находился при ономъ въ совершенномъ здоровьѣ, но только былъ очень сердитъ и весьма прогнѣвался на смѣнявшійся караулъ нашего полка 2-го батальона и кричалъ на шефа онаго генерала Мозавскаго, а наслѣднику сказалъ: „Вашему Высочеству свиньями надо командовать, а не людьми“, я замѣтилъ, что великій князь вмѣсто того, чтобы, по обыкновенію своему, сдѣлать поклонъ государю, отвратился отъ него и закусилъ губу; не знаю, замѣтилъ ли это Павелъ, ибо это было въ углу двора замка, но мы все это видѣли.

По окончаніи развода Павелъ I-й удалился во дворецъ, а наслѣдникъ взошелъ на гауптвахту и въ офицерской караульнѣ весьма милостиво разговаривалъ съ арестованнымъ генераломъ Эмме и его женою, (пришедшею) провѣдать своего мужа, а маленькаго сына ихъ бралъ на руки и цѣловалъ его; сія умиленная сцена многихъ тронула, показавъ всю благость души великаго князя. Я, по окончаніи развода и по уходѣ наслѣдника на свою половину, возвратился домой и провелъ оный съ однимъ моимъ знакомымъ. Въ сей день Павелъ I-й послѣ обѣда прогуливался по городу верхомъ, ибо погода была теплая и день очень ясный, а возвратившись въ замокъ, сойдя съ лошади, прошелъ къ канавѣ, окружавшей оный, становился на ледъ, мѣрялъ палкою прибывавшую воду и весело разговаривалъ съ стоявшимъ тутъ часовымъ. При входѣ въ замокъ встрѣтилъ Коцебу съ тетрадью въ рукахъ описывавшаго оный, остановился съ нимъ у статуи Клеопатры, говорилъ о ея исторіи и, милостиво поклонясь, пошелъ по лѣстницѣ и, взойдя

Библиотека "Руниверс"

на оную, обратился еще къ Коцебу, взглянулъ на онаго и пошелъ въ комнаты. Въ сей день караулы въ замкѣ содержалъ нашъ третій батальонъ, котораго шефъ былъ генералъ маіоръ Депрерадовичъ, и въ которомъ я служилъ; въ караулѣ на главную гауптвахту вступилъ капитанъ Гаврило Ивановичъ Воронковъ, бывшій изъ Гатчинскихъ служивыхъ Павла, когда онъ былъ еще наслѣдникомъ; поручикъ Константинъ Полторацкій, одинъ изъ заговорщиковъ, и прапорщикъ Дмитрій Ивашкинъ; на другіе бекеты вступилъ Усовъ и еще не помню другой кто. Дежурный штабъ-офицеръ былъ полковникъ Ситманъ, ... (нрзб.) главныхъ капитанъ Дмитрій Михайловичъ Мордвиновъ, который нынѣ генералъ майоръ и камергеръ, а визитеръ братъ мой Владиміръ. Со внутреннимъ карауломъ Преображенскаго полка лейбъ-батальона вступилъ поручикъ Моринъ, одинъ изъ заговорщиковъ, а другіе отъ конныхъ полковъ, не знаю кто. Воронковъ послѣ зори по обыкновенію ходилъ съ рапортомъ къ Павлу I-му, а, возвратяся въ караульню, нашелъ во оной князя Петра Михайловича Волхонского любимца и адъютанта наслѣдника; Воронковъ удивился. Но Волхонской сказалъ, что онъ отъ скуки, пришелъ съ ними поужинать и принесъ съ собой имъ славнаго вина, которымъ за ужиномъ и потчивалъ Воронкова, удивлявшагося къ себѣ таковой ласкѣ князя, который, зная Воронкова охоту къ сему напитку, очень часто его потчивалъ, отъ чего оный не смѣлъ отговариваться. Послѣ ужина Волконскій тотчасъ ушелъ, сказавъ нѣсколько французскихъ словъ Полторацкому, чего ни Воронковъ ни Ивашкинъ не разумѣли, такъ кончился день сей, достопамятный въ исторіи! И Воронковъ, будучи отягченъ виномъ, вскорѣ легъ спать, не вѣдая, что въ сіе время судьба имперіи была въ рукахъ его! Солдаты начинали дремать; все въ караулѣ было покойно по обыкновенію, и никто изъ всѣхъ ихъ даже и не подозрѣвалъ, что сія ночь будетъ роковою для ихъ государя, котораго хотя они и не любили, но были ему преданы потому одному, что онъ былъ самодержавецъ ихъ.

Глава X.

Тревога.

Въ то время, какъ я только что предался крѣпкому сну, свойственному моимъ лѣтамъ, вбѣжалъ солдатъ въ мои комнаты и громкимъ голосомъ въ темнотѣ кричалъ: „Ваше благородіе, тревога! — пожалуйте на линейку!“ Надо знать, что я жилъ въ корпусѣ, щедротами наслѣдника выстроенномъ почти противъ полкового двора и госпиталя имъ

Библиотека "Руниверс"

же построеннаго; коридоръ, отдѣлявшій наши комнаты отъ другихъ офицеровъ, былъ широкій, а людскіе флигеля далеко,—куда на ту пору убрались мои люди; я сталъ кричать: „одѣваться“!—но не тутъ то было!—и такъ въ потьмахъ ища своего платья, нашелъ его, но, надѣвая его, не попадалъ на ладъ! Наконецъ люди мои прибѣжали и я кой-какъ одѣвшись, бросился на полковой дворъ, но тамъ никого не было. я побѣжалъ къ казармамъ солдатъ и нашелъ уже тамъ въ глубокой темнотѣ—батальонъ свой, оставшійся отъ караула, выстроеннымъ предъ оными; всѣ офицеры были уже тутъ и генералъ Депрерадовичъ, ходя по суетившемуся фронту, повторялъ: „безъ шуму!“ Это было часу въ одиннадцатомъ.

Устроя поспѣшно фронтъ, генералъ повелъ насъ по *Гороховой* улицѣ, подойдя къ Калинкинскому мосту на Мойкѣ, мы остановились и Депрерадовичъ сказалъ громко: „Власовъ, (адъютантъ, бывшій потомъ камергеръ и жившій у насъ въ сосѣдствѣ, въ селѣ Иванковѣ) поѣзжайте къ коменданту (въ Петербургѣ при Павлѣ I-мъ было три коменданта: 1-й въ крѣпости, 2-й въ Михайловскомъ замкѣ, а 3-й, городской, завѣдывавшій всѣми караулами въ столицѣ, жилъ въ Зимнемъ дворцѣ. къ сему то ... (нрзб.) посланъ былъ Власовъ) и спросите гдѣ пожаръ?“—Власовъ поскакалъ въ темнотѣ прямо къ Зимнему дворцу и, заѣхавъ за поворотъ къ оному, остановился, (какъ послѣ узналъ я, ибо и онъ былъ въ заговорѣ) гдѣ простоявъ нѣсколько минутъ, прискакалъ съ мнимымъ къ намъ повелѣніемъ и сказалъ генералу: „пожаръ въ Михайловскомъ замкѣ, и комендантъ приказалъ туда идти“.—Повинуясь сему мнимому приказанію. мы поворотили по берегу Мойки и, перейдя мостъ, пошли къ помянутому замку. Нужно при семъ замѣтить одно обстоятельство, доказывающее. что страхъ отнимаетъ догадку; при самомъ вступленіи нашемъ на Гороховую улицу поручикъ Никита Кожинъ, бывшій въ заговорѣ и знавшій все, бросилъ экспантонъ свой и вскричалъ: „не надо тебя! теперь со шпагою служить надо“—но сего въ то время никто изъ насъ не понялъ; когда мы шли по улицѣ, то. хотя и соблюдалась нами глубокая тишина по приказанію генерала, но за всѣмъ тѣмъ гулъ отъ ногъ 500 человѣкъ, блескъ оружія при слабѣющемъ ужъ свѣтѣ фонарей и тихій говоръ солдатъ, возбуждали любопытство жителей домовъ, мимо которыхъ мы проходили, и они полураздѣтые (ибо это было часу въ 12-мъ), отворя форты и высуня головы, смотрѣли на улицу, но увидя насъ, идущихъ въ столь необыкновенное время, опрометью бросались отъ оконъ, такъ то ихъ и насъ напугалъ Павелъ I-й. Въ заговорѣ было немного нашихъ офицеровъ и большая часть ничего не вѣдала, и мы сердечно вѣрили что идемъ тушить пожаръ Михай-

Библиотека "Руниверс"

ловскаго замка! И какой пожаръ, думаю я теперь, самый опасный, каковой только представляетъ исторія. Въ темнотѣ и не встрѣчая никого, ибо были первые, шли мы къ замку; подойдя къ оному, насъ остановили и ввели въ бывшій при каналѣ экзерцыръ-гаузъ; тутъ окружила насъ совершенная египетская тьма. Ночь была и сама по себѣ темная, и шелъ дождь, а въ экзерцыръ-гаузѣ пуще оная умножилась.

„—Что съ нами будетъ?“ спрашивали мы другъ друга. Пожара въ замкѣ нѣтъ; „вѣрно мы приведены для того“, говорили другіе, слышавшіе предъ симъ распущенные слухи, „чтобы отсюда разослать насъ по Сибири“.—Такъ ломали мы головы, стоя болѣе получаса въ сей темнотѣ, а генералъ нашъ съ нѣкоторыми офицерами, скрывшись отъ насъ, удивлялъ еще болѣе нашу недогадливость; солдаты, повинуясь совершенно какъ овцы, спрашивали только другъ у друга потихоньку: „пожара во дворцѣ не видно, зачѣмъ же мы здѣсь?“

По прошествіи добраго получаса или болѣе, генералъ сказалъ тихо: „отъ ноги, ступай за мной!“—Мы вышли изъ экзерцыръ-гауза и пошли прямо на площадь замка. Пройдя каналъ, генералъ велѣлъ поднять мостъ, и караулу, стоявшему по ту сторону съ офицеромъ нашимъ Усовымъ, переведя (его) на другую, приказалъ охранять мостъ. Мы прошли уже и монументъ Петра Перваго и все еще подавалися ко дворцу, въ которомъ не было освѣщено даже ни одно окно, а не только, чтобы виденъ былъ пожаръ.—Пройдя къ самому замку, генералъ, остановя батальонъ и раздѣля его на части, окружилъ ими весь сей замокъ, строжайше приказавъ не выпускать и не впускать никого во оный и давъ въ то же время повелѣніе вверпуть въ ружья кремни и приготовить боевые патроны. Это было часу во второмъ пополуночи. Мнѣ назначенъ былъ постъ у корридора замка, идущаго отъ подъѣзда, что на Царицынъ лугъ, который я и занялъ съ 30-ю или 40 человѣками солдатъ. Стоя тутъ и не постигая всего того, что съ нами дѣлалось, мы увидали въ нѣкоторыхъ комнатахъ бельэтажа быстро двигавшійся огонь, какъ бы въ рукахъ бѣгавшихъ людей, въ то же время по коридору произошла нѣкоторая бѣготня, чего въ темнотѣ разобрать мы не могли, и слышенъ сталъ отдаленный и глухой говоръ людей. Солдаты мои, стоявшіе до того въ совершенной тишинѣ, вдругъ при описанныхъ мною движеніяхъ, сказали другъ другу; „братцы, во дворѣ что-то не здорово?“ и, подошедъ ко мнѣ, довольно быстро сказали: „Ваше благородіе, во дворцѣ не здорово!“—я молчалъ при семъ ихъ вопросѣ, ибо, не вѣдая самъ ничего и не понимая, не могъ имъ ничего отвѣчать. Солдаты начинали колебаться, въ сіе время мы услыхали,

Библиотека "Руниверс"

ибо ничего не видать было, пистолетный выстрѣлъ и скачку по Царицыну лугу, за каналомъ, какой то кавалеріи, которая по сіе время осталась тайною для меня. Но среди сего затруднительнаго по молодости моей положенія пришелъ къ бекету моему полковникъ Водковскій и сталъ уговаривать солдатъ, воспоминая имъ времена Екатерины II-й, когда служить было легко и подавая имъ надежду на могущую случиться и теперь перемѣну въ правленіи, но солдаты молчали. Вскорѣ явился къ намъ и генералъ нашъ Депрерадовичъ и видя неудовольствіе солдатъ возрастающимъ сказалъ Водковскому: „теперь уже пора", и закричалъ солдатамъ моимъ: „ребята! поздравляю васъ съ новымъ государемъ, у насъ императоръ Александръ. Ура!"—„Ура!" закричали вѣрные царю наши солдаты и какъ бекеты наши расположены были другъ отъ друга на близкое разстояніе, то „ура" загремѣло вскорѣ вокругъ всего замка; радость наша была неописанна, ибо мы всѣ любили Александра, а потому и ура гремѣло болѣе часу, раздаваяся въ пустыхъ коридорахъ Павлова убѣжища.

Едва миновался восторгъ нашъ, какъ прибыли и два другіе наши батальона; мостъ для нихъ былъ тотчасъ опущенъ и полковникъ Иванъ Александровичъ Вельяминовъ, предводя 1-й батальонъ нашего полка, явился на площади замка, а за нимъ и 2-й и тотчасъ заняли линіи вокругъ дворца отъ Садовой улицы и Лѣтняго саду. Вскорѣ весь фасъ замка, противу насъ стоявшій, освѣщенъ былъ въ бельэтажѣ, и кавалерія, скакавшая, какъ прежде сказано, по Царицыну лугу удалилася, это было часу въ 4-мъ пополуночи.

Носилися послѣ слухи, возникшіе отъ арестованія въ сію ночь командира гвардейскихъ гусаръ генерала Кологривова, что, будто сія кавалерія были гусары, разбившіе въ сіе время нѣкоторые кабаки и надѣлавшіе, какъ говорили, разные безпорядки, но за вѣрность слуха сего ручаться я не могу.

По прошествіи нѣкотораго времени, и я думаю, въ исходѣ 4-го часа, ибо было еще темно, съ подъѣзда, близъ котораго я стоялъ съ бекетомъ, раздалось нѣсколько голосовъ все еще въ темнотѣ: „Государеву карету"! И теперь я не могу понять откуда явилась сія карета! приготовлена ли она была съ вечера революціонерами или подвезена тихо въ то время, когда мы заняты были суматохою, въ замкѣ бывшею, сего никакъ не могу рѣшить, но какъ бы то не было, а карета была подана двумѣстная, запряженная четверней и не придворная, ибо тогда придворные экипажи запрягались всегда парадными цугами, а когда и

Библиотека "Руниверс"

четверней, то все съ шорами и парадно, а эта карета была заложена ямскими лошадьми и, слѣдственно, была частнаго человѣка. Вскорѣ какъ подали карету, на верху лѣстницы показался большой свѣтъ отъ факеловъ, много офицеровъ и генераловъ и между ними шелъ императоръ Александръ I-й; восхитительная и трогательная минута! Мы бросились къ сему государю, цѣловали его руки и мундиръ, а солдаты ему кричали: „ты отецъ нашъ"! Александръ, будучи и самъ разстроганъ не менѣе насъ, отвѣчалъ намъ сими словами: „Такъ, я отецъ вашъ!". Сѣвъ въ карету, государь поѣхалъ прямо въ Казанскій соборъ, гдѣ были уже предварительно собраны сенатъ и сунодъ; быть можетъ, заговорщики, собравъ сіи сословія, намѣрены были привести Павла I-го сюда, дабы законно лишить его престола, но страсти рѣшили сіе иначе и, быть можетъ, къ лучшему потому, что, привезя сюда государя самодержавнаго, подлежало бы объявить его съ ума сошедшимъ, что было бы весьма затруднительно, а лишить просто престола самодержавца сіи сословія не имѣли ни права, ни власти. Но какъ же были собраны сіи сословія? Тѣми же средствами, какъ и мы, то есть обманомъ,—имъ разосланы были повѣстки въ глухую полночь и сіи повѣстки развезли гвардіи офицеры, которыми сенаторы и архіереи приглашены были въ Казанскій соборъ, а зачѣмъ никто изъ нихъ не зналъ, кромѣ бывшихъ въ заговорѣ, такъ, по крайней мѣрѣ, разсказывалъ дядя мой, сенаторъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ, Николай Васильевичъ Леонтьевъ, бывшій самъ въ соборѣ, но не знавшій зачѣмъ ихъ собрали до тѣхъ поръ, пока явился Александръ I и прочтенъ былъ имъ манифестъ о смерти Павла I-го, въ которомъ причиной оной выставленъ былъ апоплексическій ударъ!— По отъѣздѣ государя мы всѣ оставались въ томъ же положеніи, и я первый имѣлъ честь отдать Елизаветѣ Алексѣевнѣ императорскую почесть по отъѣздѣ ея при разсвѣтѣ въ Зимній дворецъ, то есть салютовалъ ей при барабанномъ боѣ, чего кромѣ императора и императрицы гвардія никому изъ царской фамиліи не дѣлаетъ; вскорѣ послѣ императрицы и вся ихъ фамилія выѣхали въ Зимній дворецъ, оставя сей замокъ навсегда.

12-го числа послѣ полудня смѣнилъ насъ Измайловскій караулъ, и мы въ странномъ ночномъ нарядѣ съ опухлыми отъ безсонницы лицами, въ измокшемъ и потомъ замерзшемъ отъ утренняго мороза платьѣ проходили улицы веселящейся столицы, которой жители толпами прогуливаясь, изъявляли другъ другу радость, обнимаясь между собою и привѣтствуя себя съ благополучной перемѣной правительства, зная благость новаго монарха. Между сими гуляющими были и странные франты, напримѣръ: круглыхъ шляпъ ни у кого не было, а тре-

Библиотека "Руниверс"

угольныхъ не хотѣли уже носить изъ ненависти къ бывшему правительству и такъ, обрѣзавъ поля у треугольныхъ шляпъ сіи франты ходили въ страннаго рода головномъ уборѣ, которому и сами смѣялись; насъ встрѣчали какъ избавителей, хотя изъ благопристойности и не кричали ура, но встрѣчаясь съ нами снимали шляпы и кланялись съ улыбкой благодарности. Такъ кончилось злобное правленіе Павла I-го, о котораго судьбѣ нельзя и не пожалѣть видя, что сей монархъ, могшій снискать благословеніе милліоновъ, заслужилъ проклятіе современниковъ и укоризну потомства. Я отъ сей ночной тревоги выдержалъ болѣзнь, при которой вся голова у меня распухла, но, благодаря Господа, сія болѣзнь прошла въ нѣсколько дней, стараніями полкового нашего штабъ-лѣкаря Штофа. Не могу забыть, что, возвратясь съ сей тревоги домой, я спалъ цѣлыя сутки, не ѣвши и не просыпавшись.

Глава XI.

Заговоръ и смерть Павла I-го.

Люди, которые предначертали планъ къ низверженію сего государя были, сколько мнѣ извѣстно, генералъ отъ кавалеріи и Петербургскій военный губернаторъ графъ Петръ Алексѣевичъ фонъ деръ Паленъ (умершій въ изгнаніи своемъ въ Митавѣ 1826-го года 13 февраля на 82-мъ году отъ рожденія, переживъ воцареннаго имъ Александра почти 3 мѣсяцами), сенаторъ графъ Панинъ и дѣйствительный тайный совѣтникъ графъ Самойловъ; первый изъ нихъ былъ умнѣйшій человѣкъ своего времени, извѣстный генералъ вѣка Екатерины и хитрѣйшій политикъ; онъ наклонилъ Павла I-го издать прощеніе выключеннымъ и симъ дѣйствіемъ умножилъ свою партію прибывшими по сему случаю генералами отъ инфантеріи княземъ Платономъ Зубовымъ, графами Валеріяномъ и Николаемъ Зубовыми, къ нимъ пристали прощенные же генералъ лейтенанты баронъ Бейнигсенъ (извѣстный потомъ какъ предводитель арміи), Чичеринъ и князь Юшвиль. Сверхъ сего, пріобрѣлъ графъ Паленъ на свою сторону командировъ полковъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго генералъ-лейтенанта Тальзина, Семеновскаго генералъ-майора Депрерадовича и кавалергардскаго генералъ-адъютанта Уварова. Число сего генералитета умножено было офицерами гвардіи Преображенскаго— полковымъ адъютантомъ Аргамаковымъ, поручикомъ Моринымъ и нашего—полковниками Ситманъ и Вадковскимъ; капитанами Мордвиновымъ, Волковымъ; поручиками Полторацкимъ, Кожинымъ, Власовымъ и другими. Въ семъ заговорѣ было особенно много

Библиотека "Руниверс"

кавалергардскихъ офицеровъ, которыхъ я видѣлъ окружавшими Александра I-го при его выходѣ изъ замка и сверхъ сего великимъ количествомъ выключенныхъ штабъ и оберъ-офицеровъ, а всего количество заговорщиковъ простиралось до 300 человѣкъ, судя по многочисленности движенія ихъ въ замкѣ, мною и другими нашими офицерами замѣченнаго.

Съ сими то лицами предпринялъ глава и душа всего заговора, графъ Паленъ, произвести переворотъ, который имѣлъ вліяніе не только на судьбу нашего отечества, но и на судьбу всей Европы, что показалъ длинный періодъ военныхъ дѣйствій отъ 1805-го года до 1815 годовъ. Справедливость требуетъ сказать при семъ, что, сколько ни была полезна перемѣна правительства для Россіи, но никакія пользы ея не могутъ извинить ужаснаго пролитія крови государя! сія же самая справедливость требуетъ сказать, что графъ Паленъ не былъ *честолюбецъ*, а искалъ въ низверженіи Павла блага имперіи, ибо иначе онъ, будучи сильнѣйшій въ заговорѣ, могъ вознести себя на степень высокую или по крайней мѣрѣ, ограничивъ права Александра I-го, быть участникомъ правленія и обезопасить тѣмъ свою личность. Исторія справедливо назоветъ графа Палена однимъ изъ безкорыстныхъ вельможъ и даже истиннымъ патріотомъ, но пожалѣетъ, что онъ позволялъ себѣ всѣ средства для достиженія своей цѣли—блага и спокойствія своего отечества.

Теперь въ отношеніи убіенія Павла I-го я буду говорить то, что я слышалъ въ то же время отъ своихъ товарищей и знакомыхъ, истину сего тайнаго убіенія, конечно, можно только открыть записками самихъ убійцъ, если они ихъ оставили, но для меня дороги и мои воспоминанія, носящія печать истины по своей простотѣ и по той вѣковой пословицѣ, что „отъ малой искры бываетъ большой пожаръ“, а это подтвердилось ничего не знающимъ Аргамаковымъ, адъютантомъ Преображенскаго полка, который однако былъ тою искрою, которая дала силу и возможность возгорѣться пламени ужаснаго цареубійства.—Но приступимъ къ дѣлу.

Извѣстно, что императоръ Павелъ любилъ быть самолично на всякомъ пожарѣ въ столицѣ и по симъ обстоятельствамъ адъютантъ Преображенскаго полка въ таковыхъ случаяхъ имѣлъ право приходить къ почивальнѣ и докладывать о семъ: впускаемъ былъ во оную во всякое время; симъ простымъ средствомъ воспользовался Паленъ и наклонилъ къ заговору Аргамакова, тогдашняго полкового адъютанта того

Библиотека "Руниверс"

полка, дабы имѣть возможность безъ шума пройти къ Павлу, не обращая вниманія придворныхъ служителей, по той потайной лѣстницѣ, которая, какъ сказывали, вела изъ спальни Павла въ коридоры замка, дабы пресѣчь ему ретираду и дѣйствовать многочисленною партіею, которую неудобно было провести черезъ парадныя комнаты. Вслѣдствіе сего, заговорщики раздѣлились на двѣ партіи, одна, подъ предводительствомъ Зубовыхъ, и самая многочисленная, проникла коридорами и помянутой лѣстницей къ спальнѣ Павла I-го, и другая, малѣйшая числомъ, но состоящая изъ знатнѣйшихъ особъ, въ назначенное время подъ начальствомъ графа Палена, когда по расчисленію ихъ Аргамаковъ достигъ спальни, устремилась черезъ парадныя комнаты туда же.

По сему плану Аргамаковъ въ назначенное время пошелъ къ Павлу I-му, и, какъ дежурные камердинеры и прочіе служители, въ переднихъ комнатахъ бывшіе, знали право его, то и пропустили онаго свободно. Приближаясь къ дверямъ спальни, Аргамаковъ сдѣлалъ знакъ, и Павелъ, который, говорятъ, не успѣлъ и заснуть спросилъ: „кто тамъ?“ Аргамаковъ, сказавъ о себѣ, доложилъ о пожарѣ въ городѣ; государь, позвавъ его къ себѣ, спросилъ „гдѣ?“—Въ сіе время Аргамаковъ, пользуясь слабымъ свѣтомъ горѣвшей лампы, мимо ширмъ достигъ сказанной ему двери, тронулъ пружину и—Зубовы влетѣли въ спальню. Встревоженный симъ Павелъ I-й вскочилъ съ постели и въ то же время графъ Паленъ, шедшій съ знатными особами по парадным комнатамъ, и котораго зная, всѣ не смѣли остановить, явился предъ государемъ!—Предъ спальнею сія именитая партія рѣшила убить кинжаломъ сопротивлявшагося ходу оной подкамердинера императорскаго, въ другихъ же комнатахъ оцѣпенѣніе и паническій страхъ столь поразили служителей, что они ни малаго даже и вопроса не смѣли сдѣлать идущимъ, зная ихъ чины и довѣренность у государя. Пришедши въ себя, и, быть можетъ, услыхавши шумъ, одинъ изъ камеръ-лакеевъ, бывшій въ ближайшей комнатѣ, ударился бѣжать въ караульню главной гауптвахты (ибо внутренняго караула поручикъ Маринъ, бывшій, какъ выше видно, въ караульнѣ и будучи въ заговорѣ, будто получа повелѣніе, перевелъ часовыхъ за нѣсколько комнатъ изъ той, черезъ которую надо было идти графу Палену).

Лакей сей, прибѣжавъ на гауптвахту, кричалъ: „что вы спите, государя рѣжутъ!“—бывшій старшимъ унтеръ-офицеромъ, Михайловъ, думая, что онъ сумасшедшій, схватя его, велѣлъ связать и бросить подъ нары; въ сіе время прибѣжалъ въ караульню другой лакей или, какъ говорили, подкамердинеръ Павла I-го и, вскричавъ „государя рѣжутъ!“,

Библиотека "Руниверс"

пустился бѣжать изъ караульни; на шумъ сей всѣ солдаты встали, а Михайловъ, разбудя пьянаго Воронкова, донесъ ему о случившемся. Сей капитанъ, все сіе происшествіе, бывшее у нихъ въ караульнѣ самъ мнѣ расказывавшій, вскоча, не зналъ что ему дѣлать.—Хотѣлъ спросить совѣта у Мордвинова, бывшаго, какъ выше сказано, главнымъ рундомъ, но его не было, хватился Полторацкаго—и его нѣтъ, тутъ, не зная, что дѣлать, посмотря на часы и, видя 1-й часъ пополуночи, рѣшился послать брата моего Владиміра осмотрѣть посты во дворцѣ, хотя и не было еще 2-го часа, въ которое время визитеръ рундъ долженъ былъ ходить. Оставшись одинъ, Воронковъ не зналъ на что рѣшиться, ибо другой офицеръ Ивашкинъ былъ молодъ и ничего не зналъ, а, слѣдственно, и совѣта ему подать не могъ. Въ сихъ обстоятельствахъ онъ рѣшился ожидать, стоя у камина, донесенія моего брата и велѣлъ быть осторожнѣе часовымъ, распрашивалъ пойманнаго лакея и видя, что онъ въ полномъ умѣ, ужасался его словъ, но не дѣйствовалъ, да и не могъ дѣйствовать, если разсуждать,—что было ему дѣлать? Если бъ броситься къ Павлу I-му,—сего не смѣлъ онъ сдѣлать и оставить самовольно постъ свой, да и внутренніе караулы есть,—послать къ коменданту? но если все выйдетъ ложь?—тогда голову на плаху. Да и комендантъ, живучи въ замкѣ, все могъ слышать самъ лучше Воронкова, котораго обязанность была охранять только входы замка, что онъ и исполнялъ строго. Послѣ уже онъ догадался для чего Мордвиновъ не ходилъ главнымъ рундомъ, ибо онъ давалъ время заговорщикамъ управляться съ Павломъ, а Воронкову спать. Но это послѣ, а не тогда, когда и самъ испугался и видѣлъ еще Ивашкина, прижимавшагося отъ страха къ знаменному прапорщику Гуркѣ (что нынѣ генералъ-майоръ).

Думать надобно, что заговорщики прошли въ замокъ или во время еще ужина, когда князь Волконскій угощалъ Воронкова виномъ, или Полторацкій, во время сна его, пропускалъ оныхъ на разныхъ постахъ, какъ караульный офицеръ, или они издавна прошли въ оный, чего никакъ Воронковъ ни понять, ни объяснить не могъ.

Между тѣмъ какъ сіе происходило на главной гауптвахтѣ замка, заговорщики, какъ сказано выше, достигли Павла I-го. Государь сей, увидавъ Зубовыхъ сказалъ: „что это такое?“ но когда увидалъ вошедшаго въ сіе время и Палена съ другой стороны спальни, то, мгновенно постигнувъ всю свою опасность, взглянулъ на онаго и сказалъ жалобнымъ голосомъ: „и ты противъ меня!“ Тогда Платонъ Зубовъ,—подойдя къ императору и вычисля всѣ его противозаконныя дѣйствія, какъ то:

Библиотека "Руниверс"

уничтоженіе дворянской грамоты, повелѣніе наказывать тѣлесно оныхъ, отдачу его любимцамъ государственныхъ имуществъ, какъ напримѣръ: рыбной ловли на Каспійскомъ морѣ графу Кутайсову и прочая;—требовалъ отъ Павла I-го отреченія отъ престола въ пользу наслѣдника.

Павелъ, выслушавъ въ первый еще разъ въ своей жизни горькую истину и движимъ будучи опасностію своей жизни, согласился подписать отреченіе отъ правленія, но въ сіе время свирѣпый генералъ князь Юшвиль вскричалъ Зубову: „князь, полно разговаривать! теперь онъ подпишетъ все, что вы хотите, а завтра головы наши полетятъ на эшафотѣ!"—и съ сими словами ударилъ государя табакеркой въ високъ. Павелъ I-й, вскричавъ: „Александръ! Константинъ!"—упалъ отъ сего жестокаго удара на полъ. Сдѣлавъ столь ужасный шагъ, надлежало уже по необходимости идти далѣе, и Павелъ I-й, гроза народа и арміи, самодержавецъ величайшей въ мірѣ монархіи, убитъ былъ тиранскимъ и мучительнымъ образомъ, о которомъ благопристойность говорить воспрещаетъ. Такъ кончилъ дни свои грозный Павелъ I-й! дни, которыми, посвятя ихъ благу своего народа, могъ онъ снискать благословеніе современниковъ и потомства.

Но обратимся къ событіямъ того времени.

Глава XII.

Происшествія по вступленіи на престолъ Александра I-го и судьба убійцъ.

По совершеніи ужаснѣйшаго цареубійства, убійства за которое Россія наказана была войнами, голодомъ и разореніемъ въ теченіи 24 лѣтъ, Зубовы, Панинъ, Бейнигсенъ пошли къ наслѣднику съ ужаснымъ для добраго сердца его объявленіемъ.—Сказывали тогда, что Александръ I-й при семъ извѣстіи, упавъ въ кресло, рѣшительно отказывался отъ правленія, обвиняя убійцъ, не выполнившихъ его требованія не касаться до покойнаго его родителя. (Говорили тогда, что Александръ I-й зналъ о предположенной революціи, но желалъ только отреченіемъ Павла I-го спасти Россію отъ гибели—дурнымъ правленіемъ его и преднамѣренною войной съ Англіею—ей угрожавшею. Да иначе и быть сего не могло, потому что если бы Александръ I-й не былъ согласенъ на сей переворотъ, то заговорщики бы въ семъ не успѣли, насъ бы не приводили ночью, и смерть Павла I-го не произвели бы въ

Библиотека "Руниверс"

караулъ нашего полка, весьма преданнаго своему шефу Александру Первому; однимъ словомъ Александръ все зналъ, но быть отцеубійцей не могъ по своему сердцу), но, когда убійцы отца дерзнули сказать сыну, что если онъ не согласится принять правленія, то увидитъ рѣкою пролитую кровь въ своей фамиліи, тогда Александръ I-й далъ свое согласіе вступить на обагренный дымящейся кровью престолъ!

Между тѣмъ какъ сіе происходило въ комнатахъ наслѣдника, графъ Паленъ въ сопровожденіи толпы заговорщиковъ пошелъ на главную гауптвахту, пришедъ ко оной, графъ приказалъ часовому ударить два раза въ колокольчикъ (чѣмъ вызывались тогда караульные къ ружьямъ); капитанъ Воронковъ, стоя, въ ожиданіи свѣдѣнія отъ брата моего, какъ сказано въ XI-й главѣ, у камина и услыхавъ звонъ колокольчика, бросился первый къ ружьямъ и увидавъ Палена, стоявшаго у плацъ-формы съ толпою заговорщиковъ державшихъ, зажженные факелы, поспѣшно скомандовавъ отъ ноги, приказалъ заходить караулу справа и лѣва въ намѣреніи окружить графа (дѣлая все сіе, какъ самъ послѣ признавался, въ ужасѣ, и не зная что́ самъ дѣлалъ), но сей закричалъ въ сіе время: „ребята, у насъ императоръ Александръ! Ура!“ Воронковъ, кричавшимъ съ великимъ усердіемъ солдатамъ ура, хотѣлъ сіе воспретить, закричавъ „цыцъ!“ Но графъ Паленъ, бросясь къ Воронкову и схватя его за галстукъ, сказалъ ему: „молчи, я тебя удавлю!“ и обратясь къ явившемуся теперь поручику Полторацкому сказалъ: „извольте командовать на караулъ!“ по исполненіи чего графъ самъ прочелъ манифестъ о вступленіи на престолъ Александра I-го и привелъ весь караулъ къ присягѣ.

Такъ кончилось происшествіе на главной гауптвахтѣ послѣ чего и настало совершенное спокойствіе. Воронковъ самъ сказывалъ, что Паленъ едва было не удавилъ въ самомъ дѣлѣ его, и не мудрено; графъ былъ высокаго роста и мужчина здоровый, а Воронковъ маленькій и толстенькій.

Вступленіе Александра I-го на престолъ Россіи было всеобщимъ торжествомъ, смѣло можно сказать, что ни одинъ государь не видалъ при началѣ своего правленія толикаго восторга своего народа, каковой произведенъ былъ во всей столицѣ одною мыслью, что императоръ у него—Александръ! Гдѣ бы ни являлся сей юный и пречестнѣйшій государь, какъ бывалъ окруженъ тысячами восхищеннаго народа, кричавшаго „ура!“ и цѣловавшаго даже лошадь царскую; восторгъ былъ всеобщій отъ вельможи до послѣдняго поденщика, никто тогда и не мыслилъ, чтобы царствованіе Александра прекраснѣйшаго могло быть

Библиотека "Руниверс"

толико бурнымъ и бѣдственнымъ отъ кровопролитныхъ войнъ, тяжести налоговъ и неправосудія, какъ впослѣдствіи то мы видѣли. Такъ ошибались люди, думавшіе по гордости своей, что избрали лучшее самовольно, не хотя переносить то, что не могло быть безъ воли Божіей! 24-лѣтнее правленіе Александра I-го доказало всю тщетность разсчетовъ и надеждъ людскихъ, основывавшихся, какъ всѣмъ казалось, на безпристрастной и строгой истинѣ. Первымъ дѣйствіемъ Александра при вступленіи на престолъ было освобожденіе всѣхъ арестованныхъ и заключенныхъ въ Петропавловской крѣпости несчастныхъ, навлекшихъ на себя гнѣвъ грознаго его родителя; вторымъ—уничтоженіе ужасной Тайной Экспедиціи; третьимъ—изданіе манифестовъ, которыми подтверждены права и привилегіи дворянства и купечества, и навсегда уничтожены во всей имперіи пытки; сими великими и блистательными дѣяніями монархъ сей, приведя въ упоеніе столицу и всю имперію, утвердился на тронъ, любовію своихъ подданныхъ огражденный. Свидѣтель толь высокой и истино царской благости, что долженъ былъ чувствовать графъ Паленъ, даровавъ таковаго царя отечеству? Но сіе утвержденіе на окровавленномъ тронѣ, Александръ, желая освятить уваженіемъ къ бреннымъ остаткамъ почившаго государя и родителя своего, учредилъ великую пышность какъ въ дежурствѣ при тѣлѣ его такъ и въ богатомъ катафалкѣ и великолѣпнѣйшемъ погребеніи.

Тѣло Павла I-го отъ дня кончины его, бывъ одѣто въ порфиру и корону и положенное въ богатомъ гробѣ, окруженномъ всѣми регаліями государственными, было поставлено въ одной изъ залъ Михайловскаго замка (что нынѣ Инженерный), обитой чернымъ сукномъ, на великолѣпномъ о нѣсколькихъ ступеняхъ катафалкѣ, на которомъ стояли вокругъ гроба 4 гвардейскихъ офицера, 4 камеръ-юнкера, 2 камергера, 1 сенаторъ и много камеръ-пажей и пажей; весь катафалкъ ровно и балдахинъ обиты были малиновымъ бархатомъ съ богатыми газомъ, бахромою и кистями, а стѣны зала уставлены были гербами имперіи на черномъ сукнѣ. Я былъ дежурнымъ при тѣлѣ два раза; въ таковомъ видѣ представлено было глазамъ народа тѣло монарха, обладавшаго великою имперіею болѣе 4 лѣтъ. Погребеніе соотвѣтственно было величію почившаго монарха могущественнаго царства земного, въ которомъ несены были короны и знамена, мечи и гербы; ведены были парадныя лошади, несено множество орденовъ своихъ и чужихъ, ѣхали два воина; одинъ въ черныхъ, другой въ золотыхъ латахъ, множество придворныхъ экипажей; весь сунодъ шелъ предъ гробомъ почившаго, за которымъ шелъ Александръ I-й и братъ его Константинъ, оба въ глубокомъ траурѣ, а по сторонѣ гроба шелъ пѣшкомъ съ уклоненной

Библиотека "Руниверс"

шпагой графъ Паленъ въ качествѣ военнаго губернатора столицы. Гвардія была въ парадѣ отъ Михайловскаго замка до Крѣпости, и мы стояли линіями. Такимъ образомъ почтя бренныя остатки родителя своего и предавъ оные землѣ, Александръ вскорѣ, и именно въ іюнѣ, послалъ графа Палена въ политическую ссылку въ Курляндію, графа Панина въ свои деревни, Бейнигсена въ Вильну, а Зубовыхъ Платона за границу, Валеріяна и Николая въ деревни; сихъ послѣднихъ удалилъ онъ уже послѣ коронаціи, какъ равно и графа Самойлова. Такъ дѣйствовалъ сей государь въ смыслѣ строгой политики, ибо наказать ихъ строже значило бы открыть государственную тайну смерти отца своего, что было бы весьма опасно и даже безразсудно. Но и сіе наказаніе должно было быть очень тягостно для людей, надѣявшихся занять первыя мѣста въ государствѣ и осужденныхъ теперь жить въ тяжкой для нихъ неизвѣстности и презрѣніи.

Глава XIII.

Утро Святой недѣли 1801-го года, памятникъ Суворову и походъ въ Москву.

Любимый Александръ I-й въ блескѣ юности и тѣлесной красоты, которою умѣлъ онъ очаровать всѣхъ, имѣвшихъ доступъ къ его особѣ, явился намъ и въ пышности царской въ 1-й день Святой недѣли. Наканунѣ дня сего повѣщено намъ было, чтобы по первому пушечному выстрѣлу вставать и одѣваться, по второму ѣхать въ Зимній дворецъ, а по третьему начнется благовѣстъ при всѣхъ церквахъ столицы,—и такъ съ первымъ выстрѣломъ, сдѣланнымъ съ крѣпости, я, вскоча съ радостнымъ духомъ, началъ одѣваться по новой формѣ, данной намъ за нѣсколько дней, то есть вмѣсто щиблетъ и штановъ я надѣлъ панталоны и высокіе сапоги, вмѣсто богатаго, но безтолковаго надѣлъ прекрасный мундиръ съ шитьемъ на воротникѣ и обшлагахъ и съ выкладкою краснаго сукна по фалдамъ, и взявъ въ руки шляпу украшенную большимъ чернымъ султаномъ, полетѣлъ въ Зимній дворецъ въ 11 часовъ при второмъ пушечномъ выстрѣлѣ; на улицахъ, освѣщенныхъ фонарями, я увидалъ движеніе экипажей и народа, суетящихся радостно; первые направлялись большею частію ко дворцу, а послѣдніе стремились въ разные великолѣпные храмы столицы.

Взойдя во дворецъ, я былъ, такъ сказать, ослѣпленъ и пораженъ блескомъ освѣщенія, сіяніемъ звѣздъ, брильянтовъ, золота и серебра,

Библиотека "Руниверс"

покрывавшихъ дворъ и вельможъ великаго царя; тутъ являлись мнѣ сановники Екатерины II-й, покрытые сѣдинами и знаками чести и славы и съ важностію ходившихъ по свѣтящейся залѣ; тамъ рой царедворцевъ, покрытыхъ золотомъ жужжалъ между собой, любуясь своими нарядами, а здѣсь многочисленное собраніе сенаторовъ, министровъ и первоклассныхъ чиновъ, тихо прохаживаясь, разговаривало въ полголоса между собою, наконецъ наша братія, офицеры гвардіи, съ военною быстротою размахивая эксельбантами и гремя шпорами, толпились между рядами сихъ почтенныхъ особъ, сосредоточиваясь по полкамъ своимъ, будучи руководимы своими генералами, съ важною радостнаго лица миною устраивавшихъ насъ во срѣтеніе имѣющаго вскорѣ явиться монарха нашего. Наконецъ явился сей монархъ и сей царь сердецъ! съ кроткою улыбкою, съ радостью и благосклоннымъ взоромъ, онъ шелъ съ важностью царя въ предшествіи своего блистательнаго двора, ведя свою юную супругу и окруженный пышною свитою; сія минута неописанна! Царь нашъ былъ царь не только по духу и дѣламъ, но онъ былъ царь по красотѣ, по чаровательному взору, однимъ словомъ Александръ I-й былъ истино царь по превосходству! Но вотъ сіе солнце начало удаляться отъ насъ, и мы, какъ бы влекомые силою притяженія, устремились за нимъ въ храмъ Божій, тамъ, по окончаніи заутрени, мы вслѣдъ за чинами двора его съ нимъ христосовались, и я въ сей день имѣлъ отличнѣйшую честь поцѣловать въ губы сего государя, а государынѣ мы кланялись. По окончаніи божественной литургіи, Александръ I-й, въ предшествіи блистательнаго двора своего, возвратился во внутреннія комнаты, а я, полный восторга отъ всего видѣннаго, удалился въ свою квартиру. Такъ сей монархъ привлекалъ къ себѣ благоснисхожденіемъ своихъ подданныхъ, и увѣренный, что въ монархіяхъ непремѣнно нужно соревнованіе въ славѣ, далъ вскорѣ блистательнѣйшее доказательство уваженія своего къ знаменитымъ заслугамъ, воздвигнувъ превосходный памятникъ герою Рымника, Польши и Италіи безсмертному нашему Суворову.

Памятникъ сей, поставленный на Царицыномъ лугу, иначе Марсовымъ полемъ называемымъ (сей памятникъ предъ 1825-го годомъ императоромъ Александромъ I-мъ перенесенъ на особую площадь, Суворовской и названной, и поставленъ въ семъ же видѣ), изображалъ Суворова во весь ростъ въ мантіи и римскомъ шишакѣ, стоящаго на высокомъ пьедесталѣ и держащаго въ лѣвой рукѣ щитъ съ изображеніемъ государственнаго герба, которымъ прикрывалъ онъ стоящія короны: императорскую Австрійскую, папскую тіару и королевскія: Сардинскую и Неаполитанскую, а въ правой рукѣ, поднятой

Библиотека "Руниверс"

кверху, и изогнутой противъ шеи къ лѣвому плечу, держалъ онъ мечъ-эмблему громоносныхъ побѣдъ своихъ въ Италіи, на защиту сихъ государствъ одержанныхъ; на шеѣ у него на двухъ цѣпяхъ висятъ вензеля Екатерины II-й и Павла I-го, въ царствованіе которыхъ прославилъ онъ оружіе наше. На пьедесталѣ, сдѣланномъ изъ мрамора вышиною аршина въ три, по сторонамъ утверждены мѣдныя доски съ изображеніемъ знаменитѣйшихъ побѣдъ Суворова, а съ лицевой стороны золотыми словами изображена слѣдующая надпись: „Генералиссимусу, князю Италійскому, графу Суворову-Рымникскому 1801-го года". Статуя Суворова, ровно щитъ, мечъ и прочее, вылиты изъ зеленой мѣди, подобно монументу Петра Великаго. Для открытія сего памятника въ исходѣ іюня 1801-го года собраны были батальоны гвардіи и армейскихъ полковъ, въ Петербургѣ стоявшихъ, и роты артиллеріи; войска сіи, въ назначенный день бывъ собраны, выстроились линіями по Царицыну лугу въ видѣ огромнаго полукруга отъ самаго памятника, который закрытъ былъ огромными ширмами. Когда мы выстроились и о семъ донесено было государю, то (явился) сей монархъ, окруженный великимъ числомъ посѣдѣвшихъ въ браняхъ генераловъ, между которыми былъ и знаменитый впослѣдствіи времени Кутузовъ, тогдашній военный губернаторъ столицы; при появленіи императора мы ему отдали честь съ музыкой и барабаннымъ боемъ; государь, остановясь въ срединѣ круга войскъ, прямо противъ памятника, изволилъ вынуть шпагу изъ ноженъ (въ знакъ, что онъ самъ будетъ командовать) и послалъ князя Волконскаго съ приказаніемъ опустить ширмы, закрывавшія героя отъ нашихъ любопытныхъ глазъ. Во мгновеніе ока ширмы упали и намъ явился блестящій отъ солнца видъ великаго мужа!—государь тотчасъ самъ скомандовалъ: „палить!" и громы пушекъ, соединясь съ залпами батальоновъ, потряся воздухъ, потрясли и сердца всѣхъ зрителей, исполненныхъ восторга при видѣ того, кто всю жизнь свою посвятилъ на славу и защиту отечества. По совершеніи трехъ залповъ мы подъ предводительствомъ государя пошли мимо памятника Суворова церемоніальнымъ маршемъ и салютовали оному; проходя мимо котораго, я видѣлъ государя, стоящаго по правую сторону изображенія героя съ опущенной шпагой. . . . . .*)

Въ исходѣ іюля полки гвардіи начали выступать изъ Петербурга въ Москву, куда и я выступилъ съ 3-мъ батальономъ Семеновскаго полка подъ начальствомъ генералъ, майора Лихачева. При выступленіи нашемъ государь съ двумя принцами Баденскими, отцомъ и братомъ его супруги, пріѣзжалъ къ намъ и смотрѣлъ насъ при выходѣ изъ столицы. . . . . .*)

*) Въ сихъ мѣстахъ въ рукописи вырѣзка, почти что въ четыре страницы.

Библиотека "Руниверс"

Глава XIV.

Вступленіе въ Москву, въѣздъ въ оную Александра I-го и его коронація.

Бывъ привѣтствуемы и встрѣчаемы радостно, мы шли въ Москву какъ бы прогулкою на разстояніи 720 верстъ, и достиг . . . . . *) ожидали прибытія монарха, ибо оный въ первыхъ числахъ Сентября прибылъ въ Петропавловской подъѣздный дворецъ, въ полуторѣ верстѣ отъ Москвы лежащій, куда мы и ѣздили для поздравленія его съ благополучнымъ пріѣздомъ. Вскорѣ послѣ сего, послѣдовалъ торжественный въѣздъ сего государя въ столицу, пришедшую во всеобщее движеніе при семъ тріумфѣ. Въ назначенный для сего день, помнится, 8-го Сентября, выстроена была гвардія по улицамъ, гдѣ долженствовало быть шествіе монарха, по обѣ стороны оныхъ въ одну шеренгу такъ, что отдавъ честь и откинувъ ружье отъ ноги одинъ гренадеръ касался онымъ лѣваго бока другого; офицеры были поставлены частію по симъ шеренгамъ, частію при знаменахъ, которыя со всѣми батальонами, барабанщиками, флейтщиками и музыкою подъ прикрытіемъ взвода усатыхъ гренадеръ поставлены были на флангахъ батальоновъ. Нашъ 3-й батальонъ выстроенъ былъ отъ Никольскихъ воротъ мимо церкви Владимирской, вдоль по улицѣ и примыкалъ лѣвымъ флангомъ ко онымъ, а правымъ къ лѣвому флангу 2-го батальона нашего полка.

Пышный и блистательный въѣздъ сего государя открывалъ взводъ прекрасныхъ и покрытыхъ золотомъ и барсовыми мантіями гвардейскихъ гусаръ подъ предводительствомъ шефа своего, отличнѣйшаго ѣздока того времени, генералъ-лейтенанта Кологривова, который имѣлъ видъ истинно гусарскій и лошадь его пожирала, такъ сказать, землю, дѣлая безпрестанные обороты то въ ту, то въ другую сторону. За ними ѣхали почтальоны, и цуги знатнѣйшихъ вельможъ; чтобы дать понятіе о длинномъ семъ рядѣ великолѣпнѣйшихъ экипажей знаменитыхъ сановниковъ, скажу объ одномъ изъ нихъ, оставшемся у меня въ свѣжей памяти; блистательный сей цугъ принадлежалъ князю Куракину, оный состоялъ изъ шести прекраснѣйшихъ соловыхъ лошадей, заложенныхъ въ выложенную перламутромъ и покрытою въ приличныхъ мѣстахъ золотомъ карету, на сихъ лошадяхъ хомуты и шоры были зеленые бархатные, вышитые золотомъ, равно какъ и возжи, и на головахъ у лошадей были зеленыя перья. Предъ симъ цугомъ ѣхали два верховыхъ

*) Въ семъ мѣстѣ въ рукописи вырѣзка въ страницу.

Библиотека "Руниверс"

лакея въ палевой съ серебромъ ливреѣ, за ними два скорохода, а по обѣ стороны кареты шли два гайдука, за каретой же стояли 4 лакея и всѣ въ одинаковыхъ съ вершниками ливреяхъ богато обложенныхъ серебрянымъ галуномъ; таковыхъ блистательнѣйшихъ цуговъ ѣхало, думаю, болѣе двадцати, рознившихся цвѣтомъ только ливрей и видомъ каретъ, но не богатствомъ, оные принадлежали князю Юсупову, графамъ Шереметевымъ, Строгонову, Салтыкову, Самойлову, Орлову-Челинскому; господамъ: Еропкину, Нарышкинымъ и другимъ вельможамъ. Блескъ пышныхъ ихъ экипажей вполнѣ изображалъ величіе монарха, которому они служили, и дѣлалъ видъ великолѣпія, доселѣ невиданнаго! Не должно думать, чтобы описанной мною цугъ князя Куракина былъ богатѣе другихъ, онъ имѣлъ болѣе другихъ вкуса, а не богатства; Шереметева карета была золотая, осьмистекольная, а ливрея красная съ золотыми галунами; хомуты же и шоры были малиновые бархатные, шитые золотомъ и блестками; другія ливреи были столь же богаты какъ и сіи, но я сокращаю описаніе ихъ, помня, впрочемъ, ихъ столь живо, какъ бы вчера. Столько то врѣзалось въ мою память сіе дивное богатство.

За сими цугами ѣхали церемоніймейстеры съ жезлами, камергеры и великіе чины двора, потомъ государственный совѣтъ, придворныя богатыя кареты, и взводъ кавалергардовъ, предводимыхъ прекрасной фигуры и виднымъ собою генералъ-адъютантомъ Уваровымъ; за симъ взводомъ въ нѣкоторомъ отдаленіи ѣхалъ Александръ I-й безъ шляпы, кланяясь на обѣ стороны тысячамъ народа и дворянства, покрывавшимъ улицы, и всѣ мѣста, нарочно для помѣщенія послѣднихъ устроенныя. По правую сторону сего государя ѣхалъ цесаревичъ Константинъ, а по лѣвую знаменитый графъ Чесменскій; за нимъ ѣхала многочисленная и блистательная свита, украшенная многими посѣдѣвшими во браняхъ знаменитыми генералами: за сею свитою ѣхали богатыя придворныя кареты, въ которыхъ сидѣли обѣ императрицы и прочіе члены царской фамиліи, а за ними второй взводъ кавалергардовъ. Императрицы сидѣли въ золотыхъ каретахъ восемью лошадями каждая запряженныхъ, и у императрицы матери на верху кареты была поставлена золотая корона, у царствовавшей же не было оной, ибо не была еще коронована. Предъ каретами, возлѣ и сзади оныхъ, ѣхали камеръ-пажи и шталмейстеры, а на ремняхъ сидѣли пажи всѣ въ богатѣйшей придворной ливреѣ, обложенной гассами съ орлами. Встрѣчи, дѣлаемыя Александру I-му, были торжественны, врата прекраснѣйшей архитектуры, у которыхъ расположены были разные чины столицы; у Никольскихъ, гдѣ я стоялъ, расположены были синодальные пѣвчіе и сту-

Библиотека "Руниверс"

денты духовной академіи подъ предводительствомъ своего архимандрита Владимира по обѣ стороны оныхъ, и когда государь сей подъѣхалъ къ онымъ, то пѣвчими воспѣтъ былъ кантъ, а студенты устлали путь ему лавровыми вѣнками и масличными вѣтвями. Такимъ образомъ, сія пышная и блистательная процессія, пройдя черезъ большую часть древней столицы, остановилась у дворца въ Нѣмецкой слободѣ, гдѣ тогда и остановился государь сей до дня своего коронованія; наканунѣ котораго и переѣхалъ въ Кремлевскій дворецъ.

Ликуя при семъ отечественномъ празднествѣ и встрѣчая съ восторгомъ и умиленіемъ любимаго своего Александра I-го, могли ли жители Москвы думать, что черезъ 12 лѣтъ сей самый Александръ привлечетъ своими ошибками арміи всей Европы въ нѣдра ея, и что она разрушена будетъ до основанія тѣмъ корсиканцемъ Бонапартомъ, о которомъ тогда большая часть ихъ и не слыхивала? конечно не думали, но мечъ небеснаго правосудія готовъ былъ карать царя сего, а съ нимъ и царство его за гордость ихъ и самонадѣяніе одного на другого. Александръ I-й въ 1803 году, покровительствуя прелюбодѣяніямъ подданныхъ, усыновляя незаконнорожденныхъ дѣтей ихъ, явилъ всенародно презрѣніе свое къ уставамъ вѣры и нравственности, а послѣдующими своими дѣяніями погрузя въ пропасть свое отечество, доказалъ тѣмъ, что заслуживалъ не восторгъ, но унылость своего народа и то, что первоначальное восхищеніе не суть порука царямъ за любовь ихъ народовъ! Мы видѣли тогда во Александрѣ I-го ангела мира, а Всемогущій, зрящій глубину сердца царя, зрѣлъ въ немъ будущаго истребителя благоденствія отечества нашего.

Коронованіе, совершенное въ 15-й день сентября, было, соотвѣтственно величію Россіи, (было) блистательно и великолѣпно. Мы, то есть вся гвардія, къ 7 часамъ утра того дня выстроены были линіями по Кремлю, нашъ батальонъ примыкалъ лѣвымъ флангомъ къ Успенскому собору, а правымъ ко 27 батальону нашего полка. Къ 8 часамъ утра заревѣлъ ужасный колоколъ на Иванѣ Великомъ, а вскорѣ явился на Красномъ крыльцѣ и Александъ I-й въ мундирѣ Преображенскаго полка, въ лентѣ Андреевскаго ордена, имѣя звѣзду онаго брильянтовую. Сойдя съ лѣстницы, онъ пошелъ въ соборъ подъ богатѣйшимъ балдахиномъ золотого глазета съ таковою же бахромою и кистями; верхъ сего балдахина, утвержденный на серебряныхъ столбахъ, украшенъ былъ пуками бѣлыхъ страусовыхъ перьевъ. Сему государю сопутствовала и незабвенная благодѣтельная Елизавета Алексѣевна, его супруга: при появленіи государя мы ему салютовали при боѣ бара-

Библиотека "Руниверс"

бановъ и играній музыки. Коронованіе отправлялъ извѣстный тогда умомъ митрополитъ Платонъ и, по совершеніи онаго, говорилъ Александру I-у столь назидательное привѣтствіе, что едва ли бы кто кромѣ его осмѣлился сказать таковыя истины въ лицо самодержавному монарху! Сія рѣчь, впослѣдствіи переведенная на многіе языки, изумляла даже самыхъ свободныхъ французовъ своею рѣзкою истиною, сказанною въ наставленіе царей.

По окончаніи коронованія (во время котораго при возложеніи короны государемъ на голову свою, при многолѣтіи и муропомазаніи производима была нами пальба батальонными залпами, сопровождаемая пушечными залпами же гвардейской артиллеріи и Кремлевскихъ батарей) Александръ I-й по обыкновенію пошелъ въ Благовѣщенскій и другіе соборы для поклоненія гробамъ предковъ своихъ; онъ вышелъ изъ Успенскаго собора въ предшествіи многочисленныхъ депутатовъ разныхъ сословій имперіи, всего двора и государственныхъ регалій предносимыхъ генералитетомъ, имѣя на себѣ корону и порфиру, въ лѣвой рукѣ державу, а въ правой скиптръ. Въ семъ блистаніи встрѣченъ онъ былъ залпами артиллеріи, ужаснымъ колокольнымъ звономъ, нашею музыкою и барабанами; и все сіе, потряся воздухъ и поколебавъ землю, производило неизъяснимое чувство восторга и благоговѣнія къ человѣку, облеченному возможную земною славою и поистинѣ превознесенному. Государь сей шествовалъ по деревянному помосту обитому алымъ сукномъ съ золотыми галунами, простиравшемуся между всѣми соборами и дворцами подъ балдахиномъ и проходилъ весьма близко мимо меня, и я успѣлъ довольно насмотрѣться на красоту и величіе, можно сказать, нечеловѣческія.

Императорская корона сдѣлана вся изъ золота и сплошь осыпана крупными брильянтами (ожуръ) лучшей воды; на верху ея поставленъ лалъ (камень алаго цвѣта, величиною въ голубиное яйцо), на которомъ утвержденъ брильянтовый же крестъ; бортъ сей короны осыпанъ брильянтами ряда въ три, величиною въ большой русскій орѣхъ. Держава сдѣлана шаромъ, а внизу для руки поддонъ также изъ золота и обведена кругомъ и крестообразно отъ верха до низу крупными брильянтами, на верху ея поставленъ лалъ такой же, какъ и на коронѣ, а на немъ крестъ брильянтовый; скиптръ золотой, вышиною около аршина, осыпанный по мѣстамъ крупными брильянтами, а на верхнемъ концѣ его утвержденъ великій алмазъ во 194 карата вѣсомъ, цѣнимый въ милліонъ рублей серебромъ; на семъ огромномъ и драгоцѣнномъ брильянтѣ, отшлифованномъ пирамидально, утвержденъ государственный

Библиотека "Руниверс"

гербъ изъ брильянтовъ же; столь великое богатство, блистая отъ яркости солнца, представляло Александра I-го по истинѣ чѣмъ то болѣе, нежели человѣкомъ.

Глава XV.

Возвращеніе въ Петербургъ; чтеніе первой книги; переходъ въ армію и отставка.

По окончаніи празднествъ коронаціи мы выступили обратно въ Петербургъ, куда и пришли въ исходѣ Октября. Здѣсь въ первый разъ по вступленіи своемъ на тронъ показалъ намъ Александръ I-й, что и онъ любилъ, подобно родителю своему, заниматься вздоромъ. Мы, пришедъ къ Петербургу въ самый ненастный и холодный день и остановясь у заставы, дожидались часа три пріѣзда государева, которому донесли о нашемъ прибытіи, и онъ, будучи повелитель великой имперіи, рѣшился потерять нѣсколько часовъ на встрѣчу одного батальона!! должно признаться, что измокнувъ и перезябнувъ по пустому, мы очень досадовали въ первый еще разъ на сего государя.

Благоволеніе монарха ко мнѣ продолжалось, я служилъ ревностно, но и зависть моихъ товарищей по службѣ была неусыпна. Молодость и неопытность моя дѣлала въ глазахъ моихъ всѣхъ мнѣ друзьями, и я полагалъ что меня всѣ любятъ и желаютъ мнѣ блага. Сію то неопытностію воспользовались нѣкоторые офицеры нашего полка и начали мнѣ совѣтовать удержать дѣлаемое мнѣ государемъ вспоможеніе по 600 руб. въ годъ всегдашнимъ пансіономъ, что по бѣдности моей и по тягостному оной напоминанію ежетретно князю Волконскому было бы для меня лучше. Къ исполненію сего плана друзья сіи, ищущіе моего удаленія, а себѣ вакансій, совѣтовали мнѣ подать просьбу о выпускѣ въ армію, дабы тѣмъ, когда государь пожелаетъ меня спросить о причинѣ онаго, воспользовавшись, объяснить бѣдное свое состояніе и получить назначеніе получать пособіе безъ просьбъ и всегда аккуратно. Безумное сіе предложеніе, теперь бы мною съ презрѣніемъ отвергнутое, казалось тогда мнѣ прекраснымъ и потому болѣе, что государь, внедавнѣ, заплатя долги моей матери, до 7000 рублей простиравшіеся за мою и брата моего службу, могъ иногда объявить и неудовольствіе за частыя просьбы, да и мнѣ совѣстно было при всей моей бѣдности утруждать сего государя, благодѣтеля моего и моей матери, частыми просьбами о себѣ, къ чему принуждало меня малое содержаніе отъ отца моего получаемое, простиравшееся до 200 рублей въ годъ,

Библиотека "Руниверс"

хотя отецъ мой получая болѣе 3000 рублей ежегоднаго дохода и не имѣя при себѣ никого изъ дѣтей, ибо всѣ они жили при матери въ ея имѣніи, могъ бы и утроить мое содержаніе—памятуя, что на мое воспитаніе не употреблено имъ и мѣднаго гроша.

Въ сихъ совѣтахъ друзей моихъ прошла вся зима, въ теченіе которой мнѣ попалась первая книга въ моей жизни, которую я и прочелъ съ жадностью; сія книга была романъ дю Кре дю Мениля „Викторъ или дитя въ лѣсу", и она то пріохотила меня къ чтенію, столь страстно впослѣдствіи мною любимому и отъ котораго получилъ я все мое образованіе. Вотъ почему памятно для меня сіе событіе, въ жизни другого вовсе незначущее; прочтя сію книгу, я любопытствовалъ и еще читать, и мнѣ попалась переписка Екатерины II-й съ Вольтеромъ, жизнь Нерона, жизнь Суворова, Лаудона и лѣтопись Дмитрія Ростовскаго, изъ которой особенно я получилъ понятіе о мірѣ, его измѣненіяхъ и государствахъ до насъ бывшихъ; сію послѣднію получилъ я отъ Ивана Александровича Вельяминова, любившаго меня и бывшаго у насъ въ полку полковникомъ, и весьма ученаго человѣка, который теперь, когда пишу сіе, будучи генералъ-лейтенантомъ, назначенъ генералъ-губернаторомъ Западной Сибири. Надо при семъ замѣтить и то, что въ теченіи сего лѣта еще до похода моего въ Москву, одинъ почтеннѣйшій офицеръ нашъ, Дмитрій Петровичъ Горихвостовъ, по желанію добраго сердца своего далъ мнѣ понятіе о многомъ, сводя меня въ Академію Художествъ, Наукъ и въ Кунсткамеру; въ это время по его же благорасположенію слушалъ я и лекцію натуральной исторіи профессоромъ Озерецковскимъ преподаваемую, и сими то добрыми моими благодѣтелями, хотя нѣсколько (была) поднята завѣса окружавшаго меня мрака невѣжества.

Въ мартѣ мѣсяцѣ частые совѣты мнимоискренныхъ друзей моихъ, хлопотавшихъ о моей пользѣ, рѣшили меня подать просьбу о выпускѣ въ армію. Сію просьбу полковой командиръ нашъ генералъ-майоръ Леонтій Ивановичъ Депрерадовичъ представилъ государю; принявъ оную, Александръ I-й спросилъ у генерала—какая причина понуждаетъ меня къ сему? Депрерадовичъ неизвѣстно что отвѣчалъ на сіе, но просьба моя была изорвана государемъ. Все сіе сказывалъ мнѣ уже послѣ Иванъ Александровичъ Вельяминовъ, который не зналъ даже какъ я подавалъ просьбу (столь я былъ увѣренъ въ благорасположеніи своихъ товарищей) и узнавъ уже о всемъ тогда, когда я назначенъ уже былъ къ выпуску.

Библиотека "Руниверс"

Депрерадовичъ съ своей стороны, желая очистить вакансію племяннику своему Трубчанинову, при первомъ свиданіи со мною, не сказавъ мнѣ ничего о разговорѣ государя, сказалъ только: „напишите другую просьбу, та не годилась"; я, ничего не вѣдая, написалъ вторично оную и подалъ сему генералу, который, представя вторично сіе государю, сказалъ, что я неотступно прошусь въ армію; государь въ досадѣ на мое упрямство, брося просьбу, сказалъ: „пусть идетъ!"—И такъ я выпущенъ былъ въ началѣ Апрѣля 1802-го года въ Нашенбургскій мушкетерскій полкъ поручикомъ; откланиваясь государю вмѣстѣ съ другими въ Зимнемъ дворцѣ при моемъ отъѣздѣ, я слышалъ слова государя, сказанныя мнѣ и подтвердившія все слышанное мною отъ Вельяминова, но дѣлать уже было нечего! Проходя насъ, государь, остановясь противъ меня, сказалъ: „ты хотѣлъ служить въ арміи. Желаю тебѣ счастья!" Жребій мой былъ брошенъ, говорить было нечего да я и не смѣлъ сказать, а только молча низко поклонился сему милостивому ко мнѣ государю и скрылся навсегда изъ чертоговъ царскихъ, будучи вытѣсненъ изъ оныхъ зложелательствомъ друзей и жестокосердіемъ своего начальника. Но злоба ихъ не восторжествовала, и государь, выгнавъ вскорѣ изъ полка Боборыкиныхъ, Кожина и другихъ моихъ совѣтниковъ, отказалъ рѣшительно Депрерадовичу въ производствѣ въ офицеры племянника его юнкера Трубчанинова, который и принужденъ былъ выйти въ армію.

По выпускѣ моемъ я переѣхалъ изъ полка въ домъ знакомаго мнѣ придворнаго зельбельдинера почтеннаго старца Иванова, жившаго во второй Мѣщанской при входѣ въ оную со стороны Фонтанки, на правой рукѣ въ третьемъ каменномъ домѣ; здѣсь я провелъ праздникъ Пасхи, какъ бы у родныхъ своихъ и отправился Апрѣля 26-го дня отъ нихъ въ Москву, гдѣ стоялъ тогда полкъ, въ который я былъ выпущенъ. Такимъ образомъ я оставилъ пышную столицу сѣвера, проживя въ ней счастливо и мирно 4 года и 9 мѣсяцевъ. Счастливо! ибо я былъ любимъ своимъ государемъ и справедливыми начальниками, наслаждаясь настоящимъ и не думая о будущемъ и любя всѣхъ своихъ товарищей, я не зналъ ни зависти, ни злобы; мирно, ибо если я и вовлеченъ (былъ) въ нѣкоторые пороки (которые, къ несчастью, нынѣ уже не считаются таковыми), то невинное сердце мое не участвовало въ оныхъ, бывъ чуждо разврата и думая превратно по своему невѣдѣнію и непросвѣщенію.

Ѣхавъ въ Москву, я любовался древностью Новгорода и быстротою мутнаго Волхова, воспоминая прошедшія событія на брегахъ его

Библиотека "Руниверс"

происходившія; Тверь, прелестнѣйшій изъ городовъ губернскихъ съ чистыми и широкими своими улицами съ пространными площадями и съ величественной Волгой, матерью рѣкъ россійскихъ, восхищала взоръ мой! Имѣя въ рукахъ дорожникъ или описаніе тракта между столицами, я искалъ мысленно дворца Ярославля, и не видя даже и слѣдовъ его, сожалѣлъ о краткости всего подлуннаго. Пріѣхавъ въ древнюю нашу столицу, можно сказать, колыбель моего младенчества, куда ѣзжалъ я или, лучше, сопровождалъ моихъ родителей ежегодно, вспоминалъ то время, когда мое счастіе, все удовольствіе составляли нѣсколько блиновъ изъ блинни принесенныхъ... О, время блаженное! время невинности и полноты радости сердечныя! куда сокрылось ты толико скоро?

По пріѣздѣ моемъ я нашелъ здѣсь мою мать, ожидавшую уже лошадей для съѣзда въ свои деревни и вскорѣ, явясь въ полкъ, началъ свою службу во ономъ. Лѣтомъ я выходилъ въ лагерь на такъ называемой Ходынкѣ, вмѣщавшей сверхъ того полка, въ которомъ служилъ я, полки Астраханскій и Авагинскій, гдѣ и смотрѣлъ насъ генералъ-лейтенантъ Ферстеръ. Придя въ Москву обратно, я чувствовалъ болѣзнь мою усиливавшуюся, но стыдился сказать о ней кому либо; въ сіе время пріѣхалъ ко мнѣ и старшій, теперь уже покойный, братъ мой Николай и убѣждалъ меня идти въ отставку, представляя, что отецъ нашъ старъ, имѣніе расхищается и разныя еще разности; страдая тѣлесно, я и самъ видѣлъ, что въ томъ положеніи служить я не могъ, а характера отца своего коротко я не зналъ, отдѣлясь отъ него службою въ моей юности, и такъ я рѣшился идти въ отставку, не предвидя всей моей гибели съ оной сопряженной.

Глава XVI.

Бѣдствія.

Въ сентябрѣ 1802 года я пріѣхалъ къ отцу моему въ деревню Есенокъ Епифанскаго уѣзда, гдѣ онъ всегдашнее имѣлъ пребываніе; отецъ мой, не спрося что понудило меня выйти въ такія лѣта въ отставку, отвелъ для моего жительства свою баню. Помѣстяся въ семъ убогомъ и отдаленномъ отъ дома его жилищѣ и не имѣя платья, во чтобы одѣться, я проводилъ время, играя съ отцомъ моимъ въ игру, называемую тентеръ, и не видя никого изъ сосѣдей кромѣ двоюроднаго брата моего Павла Александровича, ожидалъ своихъ именинъ, въ которыя надѣялся я получить въ подарокъ деньги, нужныя мнѣ на платье, ибо мундировъ носить я не могъ, и имѣлъ только одинъ сюртукъ, купленный мною въ Москвѣ.

Библиотека "Руниверс"

Наступили мои ожидаемыя именины, и я получилъ въ подарокъ пять рублей!—Что мнѣ было дѣлать? просить я не смѣлъ, ибо отецъ мой былъ весьма серьезный человѣкъ, а самъ онъ и не спросилъ меня, есть ли у меня во что одѣться, и такъ мнѣ оставалось терпѣть. Я прейду молчаніемъ всѣ горести, претерпѣнныя мною въ теченіе 3-хъ или 4-хъ мѣсяцевъ, горести, каковыхъ, думаю, ни одинъ еще сынъ не переносилъ отъ отца своего, скажу только, что онъ искалъ случая, чтобы оскорбить меня, и имя мое было—Михей, въ насмѣшку мнѣ имъ данное, но—вскорѣ я долженъ былъ испытать бѣдствіе еще сильнѣйшее. Въ декабрѣ отецъ мой, будучи горячаго сложенія и бывъ направленъ къ тому окружавшими его особами, наказалъ жестоко одного своего человѣка, который вскорѣ отъ сего и умеръ. Судъ пріѣхалъ и хотя отецъ мой и дорого заплатилъ, но умершаго похоронили. Вскорѣ одинъ изъ родственниковъ отца моего донесъ губернатору, прислано было переслѣдовать, нашли все чего искали, и отца моего взяли въ городъ судить уголовнымъ судомъ. Въ сіе дѣло, вовсе для меня постороннее, вовлекли наконецъ и меня! Отца моего оправдали, а меня—обвиня, отдали суду!! О люди!—Но умолчимъ о страстяхъ ихъ, ибо сіе бѣдствіе послано было въ наказаніе и исправленіе меня! Одно удивительно, гдѣ были тогда правосудіе и истина? Но таковы были и всегда будутъ люди, не имѣющіе вѣры и чести; я былъ тогда 17 лѣтъ, не зналъ законовъ, не зналъ что такое судъ и не имѣлъ ни объ чемъ понятія, что только нужно для человѣка, итакъ мудрено ли было хитрому ябеднику секретарю Жданову устрашить, смѣшать и заставить (меня) говорить то, чего я и не вѣдалъ! Но какъ бы то ни было, а меня неестественное сіе судилище послало въ Тулу въ уголовную палату, при входѣ въ которую я затрясся! Одинъ, бывшій тогда благодѣтельный судья, фамиліи котораго я не знаю, подойдя ко мнѣ, началъ меня вѣжливо успокаивать и видя мою молодость, разсмотря дѣло меня оправдалъ и отпустилъ меня къ осени 1803-го года домой въ Есенокъ. Въ теченіи же лѣта 1803-го года, когда меня держали въ Тулѣ, одинъ благодѣтельный израильтянинъ вылѣчилъ совершенно тяжкую болѣзнь мою, и я, пройдя степени возможнаго испытанія душевнаго, получилъ тѣлесное обновленіе.

Слѣдствіемъ моего оправданія естественно было обвиненіе отца моего, такъ то сплели сіе мерзостное дѣло судіи злочестивые, но отецъ мой не дождался конца сего дѣла и по болѣзни, болѣе трехъ мѣсяцевъ продолжавшейся, скончался 29-го сентября 1803-го года. Я былъ при кончинѣ родителя моего и показалъ ему слезами моими и услугами, что я былъ сынъ не недостойный его милостей.

Библиотека "Руниверс"

Глава XVII.

Гоненія и обиды.

Вскорѣ послѣ кончины отца моего пріѣхала въ Есенокъ и мать моя, жительствовавшая въ своихъ деревняхъ Тамбовской губерніи Шацкаго уѣзда, въ селахъ Подосенкахъ и Кортыринѣ, куда удалилась она съ 1795-го года.

По пріѣздѣ ея, мы, отдавъ послѣдній долгъ бреннымъ остаткамъ родителя моего, поѣхали съ нею въ Тулу, гдѣ и прожилъ я до начала 1804-го года, когда поѣхалъ въ Богородицкъ къ знаменитому тогда и благодѣтельному врачу Бентону, желая чтобы онъ своимъ искусствомъ очистилъ всѣ остатки бывшей моей болѣзни, въ предупрежденіе какихъ либо послѣдствій отъ сильныхъ средствъ перваго моего лѣкаря; добрый Бентонъ пользовалъ меня болѣе двухъ мѣсяцевъ декоктомъ изъ сальца-порей, и я получилъ возвратно прежнее хорошее мое, благодаря Господа силъ, здоровье. По окончаніи сего лѣченія я возвратился домой, въ Тулу гдѣ и жилъ при моей матери, а лѣтомъ пріѣхали мы въ Есенокъ, гдѣ старшіе мои братья начали просить матерь о раздѣлѣ отцовскаго имѣнія, видя что и небольшое сіе достояніе, обремененное долгами, должно погибнуть отъ роскошной городской жизни. Требованіе сіе, впрочемъ справедливое (и основанное на тогдашнихъ обстоятельствахъ, когда одинъ сынъ Иванъ получилъ въ свое владѣніе отъ матери 120 душъ ея имѣнія потому только, что былъ сыномъ любимымъ), толико раздражило матерь мою, что она, забывъ свою священную обязанность попеченія о дѣтяхъ, обязанность вложенную въ сердца родителей Богомъ и природою, подала въ судъ просьбу, требуя отъ онаго раздѣла и предавая такимъ образомъ судьбу дѣтей своихъ въ руки мздоимцевъ и крючковъ. Тогда открылись столь постыдныя интриги въ семействѣ нашемъ, что стыдно и говорить о нихъ. Однимъ словомъ Иванъ братъ мой потерялъ въ сіе время 120 душъ, переданныхъ матерью сестрамъ моимъ и это было съ одной стороны справедливо, но съ другой и я подпавъ подъ общій расчетъ, былъ обобранъ до чиста, получа на свою часть изъ имѣнія отца моего плохихъ крестьянъ, плохія земли, дурной скотъ, ни зерна хлѣба и къ увѣнчанію сего примѣрнаго милосердія выгнанъ я былъ въ суровую зиму изъ дома родительскаго, а скотъ мнѣ доставшійся распущенъ по полямъ, гдѣ онъ и подохъ отъ стужи и голода! Видно тогда мало занимались симъ свя-

Библиотека "Руниверс"

тѣйшимъ изреченіемъ: *„блаженъ человѣкъ, который и скотовъ своихъ милуетъ“!* тогда только и знали, когда надо служить всенощныя и молебны, не заботясь о томъ, что воля Всемилосердаго требуетъ милости, а не жертвы: *„милости хощу, а не жертвы!*

Скотъ мой померъ, какъ сказано выше, а меня взялъ къ себѣ на зиму сосѣдъ нашъ Николай Васильевичъ Григоровъ, жившій тогда въ селѣ Троицкомъ, у котораго я и прожилъ всю зиму до лѣта 1805-го года, когда переѣхалъ въ Красное, гдѣ и помѣстился въ плетеномъ сараѣ, въ который ссыпали при отцѣ моемъ мякину; здѣсь получая пособіе въ хлѣбѣ отъ благодѣтельной, хотя и небогатой, помѣщицы Надежды Васильевны Торбеевой жилъ я до уборки съ полей хлѣба. Убирая съ полей хлѣбъ и видя малое онаго количество по, малочисленности земли, я рѣшился идти въ службу, чувствуя теперь себя въ силахъ, имѣя отъ роду 20 лѣтъ, къ тому же видя, что, живучи дома и не имѣя ни малѣйшей постройки я долженъ былъ жить совершенно по крестьянски, почему, убравши хлѣбъ я поѣхалъ къ матери моей испросить ея благословеніе на сіе рѣшеніе мое. Прибывъ къ ней, я повергся къ ногамъ ея просилъ умилосердиться надо мной и благословить меня на службу, въ надеждѣ въ оной найти свое счастіе; мать моя послѣ краткаго молчанія благословила мое намѣреніе, и я въ ноябрѣ 1805-го года выѣхалъ отъ ней для собранія за хлѣбъ свой, хотя небольшого количества денегъ, чтобы имѣть возможность исполнить свое намѣреніе. Вслѣдствіе малаго числа набранныхъ мною денегъ за хлѣбъ, я принужденъ былъ за совершенный безцѣнокъ продать лѣсъ въ Порѣчьѣ, мнѣ доставшійся, и сверхъ сего получа небольшой оброкъ съ 4 тяголъ Порѣченскихъ, собралъ я такимъ образомъ, рублей до 500. Теперь, не имѣя ни единаго въ услугахъ у себя лакея, ибо мнѣ никого изъ многочисленной дворни отца моего не дали, я началъ кое какъ одѣваться и шить платья для одного глупаго мальчишки, взятаго мною по необходимости на дорожныя прислуги, устроя себя самымъ умѣреннымъ образомъ для дороги. Въ началѣ января 1806-го года я взялъ въ Тулу подорожную до Новогрудки Литовско-Гродненской губерніи, въ которой формировалъ тогда старшій братъ мой Алексѣй новый Могилевскій пѣхотный полкъ, и котораго я заранѣе извѣстилъ о семъ моемъ намѣреніи на счетъ вступленія въ службу.

Всемогущій Богъ!—Онъ благословилъ мое намѣреніе и за претерпѣнныя мною несправедливости и притѣсненія отъ родныхъ и чужихъ воздалъ мнѣ стократно, да будетъ же благословенъ Всемилосердный

Библиотека "Руниверс"

Отецъ человѣковъ, и среди бѣдствій и преступленій нашихъ насъ не оставляющій; блаженъ человѣкъ, уповающій на Него!

Мы увидимъ въ послѣдствіи моей жизни щедро изліянныя на меня благотворенія отъ Господа! увидимъ, что безъ несправедливости людей, желавшихъ исключить меня изъ числа живыхъ, я не удостоился бы тѣхъ наградъ, въ которыхъ опередилъ всѣхъ родныхъ моихъ, желавшихъ зла мнѣ, увидимъ чудесное сцѣпленіе обстоятельствъ, чрезъ которые они было вкусили плода отъ своихъ жестокостей и были сами достойны всякаго сожалѣнія. Но мы извлечемъ изъ сего перваго періода моей жизни то, что можетъ послужить къ нашему наученію—и, во первыхъ, мы видимъ несчастнаго отца моего не исполнившаго священнѣйшей обязанности въ отношеніи къ дѣтямъ его, и получившаго за то строгое наказаніе при концѣ своей жизни, ибо быть судимымъ въ преклонныхъ лѣтахъ судомъ уголовныхъ—не есть ли послѣдняя черта безчестія для человѣка, который гордился своими достоинствами. Но если бъ отецъ мой, памятуя священный долгъ свой, употребилъ всего себя для наученія добронравію и истинному богопочитанію дѣтей своихъ, тогда бы сколькихъ страстей избѣгъ онъ, преодолѣвая себя (для) духовной пользы дѣтей своихъ! Но всему корень вино! Ахъ, устранимся сего гибельнаго для рода человѣческаго порока, оно то потемняетъ разсудокъ и истребляетъ самую совѣсть! Святой апостолъ Павелъ былъ безъ сомнѣнія мудрѣйшій и опытнѣйшій изъ людей, но онъ предостерегая насъ сказалъ: „не упивайтеся виномъ, въ которомъ есть блудъ и нечистота!“ И по истинѣ коликихъ бѣдствій для духа и тѣла не производитъ сія пагубная страсть? вино и карты суть гибель семейственнаго счастія, уваженія и любви.

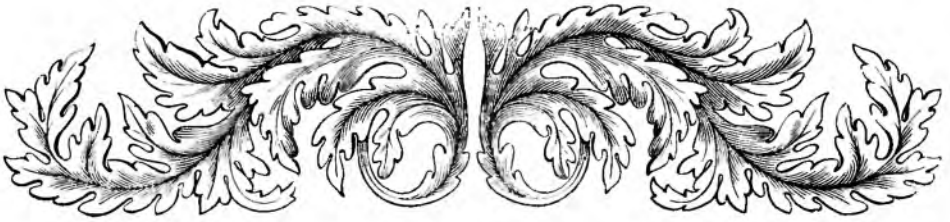
Примѣръ мой да послужитъ также урокомъ въ отношеніи къ пылкимъ страстямъ и излишней довѣренности, которыя бываютъ намъ гибельны! будемъ просить Бога: „руководи насъ на путь мира и избави насъ отъ клеветы человѣческія и сохрани насъ въ заповѣдяхъ Твоихъ!“ Но самымъ лучшимъ да будутъ намъ въ семъ періодѣ урокомъ корыстолюбія или желаніе богатства, которымъ нарушены всѣ святѣйшія узы крови и любви христіанской при нашемъ раздѣлѣ, хотя я всего и многаго еще не сказалъ, щадя лица теперь уже не существующія; мы видимъ до чего можетъ довести человѣка христіанина пагубное сребролюбіе, ядъ общества, убійственное орудіе всѣхъ добродѣтелей и гнѣздо грѣха! Да будетъ всегда не изгладимъ въ сердцѣ нашемъ глаголъ вѣчной истины: „не можете служить Богу и богатству!“—Видите, что

Библиотека "Руниверс"

служеніе богатству дѣлаетъ насъ неспособными служить Всемогущему, а, будучи неспособными внимать гласу Его въ сердцахъ нашихъ, что мы будемъ? Язвою общества во времени, и сынами погибели въ вѣчности!

О, любезнѣйшія дѣти мои, будьте трезвы, некорыстолюбивы и чисты сердцемъ, и благодать Божія да почіетъ надъ вами!

Библиотека "Руниверс"



Письмо профессора В. О. Ключевскаго къ Графу С. Д. Шереметеву.

Простите, что по разнымъ причинамъ я не могъ отвѣтить на Ваше письмо такъ скоро, какъ бы мнѣ этого хотѣлось. Одною изъ этихъ причинъ было то, что Ваше письмо долго искало меня, изъ Сергіева посада было возвращено въ Москву, гдѣ пролежало нѣсколько дней, а отсюда было отправлено во Владимірскую губернію, гдѣ я прожилъ Августъ мѣсяцъ.

Мнѣ было бы трудно исполнить выраженное Вами желаніе, чтобы я „немножко поэкзаменовалъ“ Васъ по вопросу о царевичѣ Димитріи. Думаю, что такой экзаменъ не удался бы при самомъ приступѣ къ нему, заставивъ испытателя задать испытуемому такіе вопросы, на которые первый самъ затруднился бы дать ясные и твердые отвѣты, если бы второй обратился къ нему за ними. Испытаніе само собою превратилось бы въ бесѣду, въ которой испытующему пришлось бы больше пополнять свои знанія, чѣмъ провѣрять чужія.

Я пока не знаю всѣхъ фактическихъ данныхъ, которыя Вы кладете въ основаніе своей мысли, и только могу предугадывать нѣкоторыя изъ нихъ. Но самую мысль или рѣшимость поставить такой вопросъ я не соглашусь признать „грѣхомъ“, какъ Вы изволили назвать ее. Напротивъ, въ этомъ вопросѣ еще многое ждетъ пересмотра и разъясненія, чему не можетъ не содѣйствовать новая своеобразная его постановка. Естественно ожидать, что Вашъ взглядъ будетъ горячо оспариваться, вызоветъ возраженія и запросы. Можно даже предвидѣть нѣкоторые запросы. Позволяю себѣ изложить одинъ изъ нихъ, который,—я увѣренъ въ этомъ и желалъ бы этого,—Вы найдете легко устранимымъ, т. е. легко разрѣшимымъ. Будутъ спрашивать: если по смерти царя Бориса на московскій престолъ вступилъ истинный царевичъ Димитрій, какъ могло возникнуть и завоевать себѣ довѣріе въ значительной части тогдашняго общества сказаніе о томъ, что это былъ Лжедмитрій? Намъ легче понять обратный ходъ дѣла: легче увѣрить

Библиотека "Руниверс"

людей въ подлинности поддѣльнаго, чѣмъ въ поддѣльности подлиннаго. Можетъ быть, это вопросъ народной или политической психологіи, а можетъ быть—и полемической тактики; но онъ возможенъ, какъ и другой ему подобный. Вы отрицаете въ этомъ темномъ дѣлѣ XVII в. и простое самозванство, а есть ли средство отвѣчать тѣмъ, кто будетъ настаивать на *двойномъ*? Извѣстный монахъ, какъ разсказывали, бѣжалъ изъ Москвы въ Литовскую Русь, спасаясь отъ бѣды, грозившей ему за его намеки о своемъ мнимомъ царственномъ происхожденіи, но онъ ли именно воротился въ Москву подъ именемъ мнимо-убитаго царевича? Того ли встрѣтили, кого проводили?

Во всякомъ случаѣ, если представится удобный случай, я съ живѣйшимъ интересомъ выслушаю соображенія, которыя приводятъ Васъ къ высказанному Вами взгляду, и изложу Вамъ свои недоумѣнія, вызываемыя мнѣніями по этому дѣлу, высказанными въ нашей исторической литературѣ. Буду ждать такого случая.

Москва, 29 августа 1893 г.

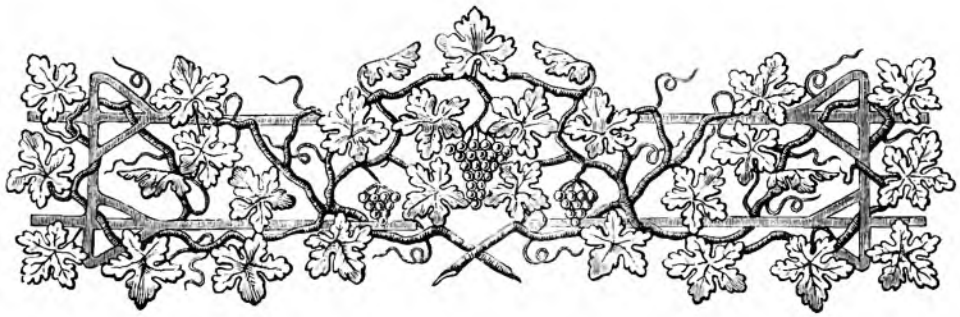
В. Ключевскій.

Случай этотъ представился. В. О. выразилъ при этомъ, что почитаетъ весь вопросъ пока „открытымъ“.

Москва, 1913.

С. Ш.

Библиотека "Руниверс"



Царицы и царевны изъ дома Романовыхъ

Глава третья.

Дочери царя Михаила Ѳедоровича; Ирина и сватовство къ ней датскаго принца.—Царевна Татьяна и Анна Михайловны.

I.

У царя Михаила Ѳедоровича отъ второй жены (первая Марья Долгорукова умерла черезъ годъ послѣ брака, въ 1625 г.), Евдокіи Лукиничны (Стрѣшневой), съ которой онъ вступилъ въ бракъ въ 1626 г., было 10 душъ дѣтей, изъ которыхъ четыре дочери (Пелагея, Марѳа, Софья и Евдокія) и два сына (Іоаннъ и Василій) скончались еще въ младенчествѣ; въ живыхъ оставались: самая старшая дочь Ирина (род. 22 апр. 1627 г.), сынъ и наслѣдникъ, царевичъ Алексѣй (р. 9 марта 1629 г.), царевна Анна (р. 1630 г.) и Татьяна (р. 1636).

Мы знаемъ уже тѣ условія, въ какихъ приходилось жить царевнамъ, которыхъ народъ могъ лицезрѣть лишь въ день ихъ крестинъ, а имена ихъ зналъ лишь по возглашенію многолѣтія царскому дому, да отчасти по щедро раздаваемой отъ ихъ имени милостыни нищимъ и убогимъ. При тѣхъ же условіяхъ росли и дочери Михаила Ѳедоровича царевны Ирина, Анна и Татьяна. Съ колыбели къ нимъ приставлены мамы (кормилицы и няни), оставшіяся до своей смерти лицами самыми приближенными; позже верховныя боярышни развлекаютъ ихъ играми, забавами, собесѣдованіемъ; особыя мастерицы учатъ ихъ грамотѣ и рукодѣлію; игрицы развлекаютъ ихъ народными играми и хороводами, а бахарки усыпляютъ ихъ въ постели длинными сказками... Иногда онѣ предпринимаютъ съ родителями богомольныя путешествія

Библиотека "Руниверс"

по церквамъ и монастырямъ или ѣдутъ на лѣтнее пребываніе въ подмосковныя села (Рубцово, Коломенское, Измайлово, Хорошево, Воробьево, Семеновское и др.), гдѣ царь предается любимому развлеченію—соколиной охотѣ, или идетъ на медвѣдя... Трудно опредѣлить индивидуальность вышеназванныхъ царевенъ, настолько онѣ сливаются въ одинъ общій обликъ. Все же постараемся дать хотя тѣ немногія историческія свѣдѣнія, какія имѣются о каждой изъ нихъ въ отдѣльности.

Если дѣтство и оставляло еще какія нибудь радостныя воспоминанія, то юность и преклонный возрастъ царевенъ былъ исполненъ подчасъ великой горечи. Мы видѣли выше, насколько тяжело было положеніе царевны при выборѣ жениха и какъ ставилось въ вѣчный позоръ „ежели за раба, т. е. за холопа своего, выдать царевну", какъ вмѣстѣ съ тѣмъ трудно было найти невѣсту для самого царя, а тѣмъ болѣе для царевны среди иностранныхъ принцевъ. Но все же царь Михаилъ Ѳедоровичъ дѣлаетъ попытки въ этомъ отношеніи и какъ только царевнѣ Иринѣ исполнилось 13 лѣтъ, стали высматривать для нея подходящаго жениха. Для этого прежде всего отправлены были послы сначала къ шведскому двору, но безуспѣшно. Тогда съ 1640 г. началось сватовство у датскаго короля Христіана, за его сына (отъ морганатической супруги) Вольмера, которому въ это время было 20 л., „волосомъ русъ, ростомъ не малъ, собою тонокъ, глаза сѣрые, хорошъ, пригожъ лицомъ, здоровъ и разуменъ, умѣетъ по латыни, по французски, по итальянски, знаетъ нѣмецкій верхній языкъ, искусенъ въ военномъ дѣлѣ". Вначалѣ посламъ поручается навести лишь справки и привезти портреты всей королевской фамиліи, что, впрочемъ, не удалось и первые послы вернулись изъ Даніи ни съ чѣмъ. Но, вскорѣ затѣмъ, лѣтомъ 1641 г. въ Москву явилось необычайное посольство въ которомъ состоялъ и самъ королевичъ, подъ именемъ Вольдемара графа Шлезвигъ-Голштинскаго; но и это посольство ни къ чему не привело, главнымъ образомъ потому, что Вольдемаръ требовалъ, чтобы въ датской грамотѣ королевское имя писалось прежде царскаго.

Вскорѣ послѣ отъѣзда королевича, послы царскіе ѣдутъ снова въ Данію уже „по особому государеву дѣлу", состоявшему въ предложеніи брачнаго союза между королевичемъ Вольдемаромъ и царевною Ириною, причемъ посламъ дается тайный наказъ: въ случаѣ спросятъ: есть ли съ ними персона (портретъ) царевны?—отвѣчать, что „того у государей россійскихъ не бываетъ, чтобы персоны ихъ государскихъ дочерей, для остереганья ихъ государскаго здоровья въ чужіе государ-

Библиотека "Руниверс"

ства возить", что царевенъ и въ Московскомъ государствѣ никто, кромѣ самыхъ ближнихъ бояръ не видитъ. На этотъ разъ посламъ дано было въ запасъ соболей на 2000 рублей для расходованія, т. е. для раздачи разнымъ лицамъ, по усмотрѣнію, безъ чего считалось невозможнымъ „добромъ совершить государево дѣло". Дѣло же это постепенно выяснилось, что государь хочетъ породниться съ королемъ датскимъ, т. е. выдать дочь за королевича Вольдемара. Однако, пререканія о томъ, чье имя писать въ договорныхъ грамотахъ прежде возобновились, къ нимъ присоединились и другіе спорные вопросы: о принятіи королевичемъ православной вѣры, о томъ, какіе города (Ярославль, Суздаль и др.) будутъ даны на содержаніе молодаго двора и т. п.— все это заставило пословъ царскихъ вернуться, не добившись цѣли. Но, уѣзжая, они все же отправили королевичу, отсутствовавшему въ это время изъ Копенгагена, царскій подарокъ, пять сороковъ соболей; послѣ чего королевичъ, возвратившійся къ тому времени, поспѣшилъ вернуться къ посламъ и благодарить ихъ за царскій подарокъ, о сватовствѣ же сказалъ, что во всемъ положился на волю отца. Царь упрекалъ возвратившихся ни съ чѣмъ пословъ въ неумѣньи вести „государственное дѣло" и послалъ въ Данію датскаго коммиссара, проживавшаго въ Москвѣ, Петра Марилиса, которому повидимому и удалось это дѣло уладить настолько, что въ январѣ 1644 г. Вольдемаръ пріѣхалъ самъ въ Москву съ цѣлью бракосочетаться съ царевною Ириною. Встрѣченъ онъ былъ весьма радушно, принятъ торжественно въ Грановитой палатѣ, посреди который его привѣтствовалъ царевичъ Алексѣй, а затѣмъ онъ былъ явленъ (представленъ) самому царю, который сошелъ съ своего мѣста и подалъ королевичу руку (витался), спросилъ о здоровьи; послы говорили рѣчь о томъ, что король датскій прислалъ сына своего, чтобы ему по царскому желанію „законъ принять" (вступить въ бракъ) съ царевной Ириной и чтобы условія брачнаго договора были скрѣплены. Думный дьякъ отвѣчалъ, что царь желаетъ, чтобы въ этомъ случаѣ Богъ привелъ къ доброму соглашенію. Во время этого пріема царевнѣ Иринѣ, быть можетъ, и удалось видѣть своего жениха „потаенно", но онъ ее не видѣлъ; а желаннаго соглашенія, какъ увидимъ ниже, трудно было добиться, особенно въ вопросѣ о вѣрѣ.

4 февр., вскорѣ послѣ пріѣзда королевича, царь посѣтилъ его; а 8 февр. къ Вольдемару явился посолъ отъ патріарха съ уговоромъ о принятіи крещенія по обряду православной церкви; 13 февр. королевичъ для объясненій былъ у государя, который прямо заявилъ, что „не соединясь съ нимъ вѣрою, ему нельзя сочетаться бракомъ съ его

Библиотека "Руниверс"

дочерью, потому что у насъ (русскихъ) мужъ съ женою въ разной вѣрѣ быть не можетъ". А когда королевичъ попросилъ въ такомъ случаѣ отпустить его обратно въ Данію, то царь сказалъ, что отпустить его „непригоже и не честно, что во всѣхъ государствахъ будетъ стыдно"...

Началась послѣ этого переписка королевича съ царемъ, объясненія съ вліятельными лицами (бояриномъ Ѳ. И. Шереметевымъ), къ покровительству которыхъ прибѣгалъ королевичъ, прося отпустить его домой; было и объясненіе бояръ съ послами датскими, которыхъ они убѣждали склонить королевича къ принятію православной вѣры, но послы отвѣчали, что въ этомъ имъ наказа не было и что за это они даже могутъ поплатиться своими головами... 21 апр. патріархъ (Іосифъ) шлетъ королевичу письмо, въ которомъ еще разъ убѣждаетъ его совершить волю царскую и принять крещеніе „въ три погруженія"... Королевичъ отвѣчаетъ, что въ дѣлѣ совѣсти надобно больше слушаться Бога, чѣмъ людей и что, „какъ видно, прибавляетъ онъ, у васъ (православныхъ) перемѣна вѣры считается дѣломъ маловажнымъ, когда вы требуете отъ меня этой перемѣны для удовольствія царскому величеству, а у насъ такихъ людей, которые легко мѣняютъ вѣру, считаютъ бездѣльниками и измѣнниками". При этомъ королевичъ проситъ патріарха разрѣшить царевнѣ Иринѣ вступить въ бракъ, не требуя перемѣны вѣры и если это считается грѣхомъ, то взять этотъ грѣхъ на себя.

Бояре, съ своей стороны, лично обращались къ королевичу, говоря, что „быть можетъ онъ думаетъ, что царевна Ирина не хороша лицомъ, такъ былъ бы покоенъ, онъ будетъ доволенъ ея красотою; чтобы также онъ не думалъ, что царевна Ирина, подобно другимъ женщинамъ московскимъ, любитъ напиваться допьяна: она дѣвица умная и скромная, во всю жизнь свою (ей было въ это время 17 л.) ни разу не была пьяна"...

Однако, не смотря на все, королевичъ и послы датскіе настойчиво повторяли свое требованіе отпустить ихъ обратно въ Данію, а 9 мая они дѣлаютъ попытку, съ оружіемъ въ рукахъ, вырваться изъ Москвы, но неудачно: они задержаны были стрѣльцами у Тверскихъ воротъ; подозрѣвали, что и королевичъ былъ между ними, да онъ и самъ сознался въ этомъ, заявивъ, что если его немедленно не отпустятъ обратно, то онъ пойдетъ на все. Ему отвѣчали, что объ этомъ

Библиотека "Руниверс"

надо прежде снестись съ королемъ Христіаномъ; а тѣмъ временемъ у его жилища усилили стражу.

Такъ дѣло тянулось весь май, іюнь, половину іюля: съ одной стороны повторяются требованія объ отпускѣ, а съ другой, чуть не ежедневныя увѣщанія королевича—принять православную вѣру. Въ концѣ іюля раскрыты были сношенія пословъ съ литовскими купцами изъ Смоленска, о тайномъ провозѣ королевича изъ Москвы на границу литовскую. 29 ноября послы датскіе явились къ царю съ королевскими грамотами, въ которыхъ Христіанъ требовалъ, чтобы царь исполнилъ брачный договоръ, заключенный Марилисомъ, въ противномъ случаѣ „съ честью бы отпустилъ королевича и пословъ обратно". Но въ тотъ же день царь еще разъ повторилъ Вольдемару, что „безъ крещенія ему на царевнѣ Иринѣ жениться нельзя и отпустить его въ Данію также нельзя, потому что король Христіанъ отдалъ его ему, царю, въ сыновья". На это королевичъ въ раздраженіи пишетъ царю (9 янв. 1645 г.) и угрожаетъ могущимъ произойти несчастіемъ, если онъ не будетъ отпущенъ немедленно, что такъ поступить съ нимъ не могли бы даже турки и татары и что, наконецъ, онъ самъ будетъ стараться силой получить свободу, даже если за это ему пришлось бы поплатиться жизнью. Тогда въ это дѣло вмѣшался еще посолъ польскій (Стемѣковскій), уговаривавшій королевича подчиниться требованіямъ царя. Вольдемаръ отвѣчалъ ему: „могу уступить лишь въ слѣдующихъ пунктахъ: 1) пусть дѣти мои будутъ крещены по греческому обычаю; 2) буду стараться посты держать, сколько мнѣ возможно, безъ поврежденія здоровья; 3) буду сообразоваться съ желаніемъ государя въ платьѣ и во всемъ другомъ, что не противно совѣсти, договору и вѣрѣ. Больше ни въ чемъ не уступлю"... Не взирая на угрозы и ссылки, „отъ вѣры своей не отрекусь, хотя онъ (царь) меня распни и умертви", и въ концѣ этого посланія королевичъ прибавляетъ: „и пусть дѣлаютъ со мной что хотятъ только поскорѣе"... Пронесся слухъ послѣ этого, что королевичъ заболѣлъ и наводились справки (Соловьевъ).

Между тѣмъ съ апрѣля 1645 г. болѣзнь царя, уже и раньше часто хворавшаго, стала усиливаться; 12 іюля, въ день своихъ именинъ, онъ сдѣлалъ усиліе надъ собой и отправился въ церковь, но тамъ съ нимъ сдѣлался припадокъ удушья и ночью того же дня онъ скончался, благословивъ единственнаго сына, Алексѣя, на царство и простившись съ женою, которая немногимъ пережила его († 18 авг. 1646 г.), скончался.

Библиотека "Руниверс"

И только съ восшествіемъ на престолъ Алексѣя Михайловича благополучно разрѣшилось дѣло королевича объ отпускѣ: 17 іюля онъ поздравилъ новаго царя съ восшествіемъ на престолъ, причемъ царь пытался еще разъ закинуть слово о крещеніи и бракѣ, но послѣ рѣшительнаго отказа съ честью отпустилъ королевича въ Данію, который пробылъ такимъ образомъ въ почетной неволѣ полтора года: съ пути Вольдемаръ благодарилъ царя „за его великую любовь и за то, что отпустилъ его и пословъ королевскихъ съ честью".

Если мы дольше остановились на этомъ эпизодѣ о сватовствѣ царевны Ирины и на столь характерныхъ перипетіяхъ съ ея женихомъ, съ которымъ ей ни разу не пришлось даже свидѣться, то лишь потому, чтобы дать картину тогдашнихъ нравовъ; Петръ В. уже не требовалъ перемѣны религіи для невѣсты своего сына, царевича Алексѣя.

Но возвратимся къ личности царевны Ирины*) и къ ея обиходной жизни. Оставшись послѣ смерти родителя сиротой, она, какъ старшая среди сестеръ пользуется особымъ вниманіемъ царя и брата Алексѣя, который во время своихъ походовъ (1654—1656 гг.) на Польшу, изъ-подъ Можайска, Смоленска и другихъ пограничныхъ городовъ всѣ свои письма къ себѣ посылаетъ на ея имя: „Государынѣ моей матушкѣ благовѣрной царевнѣ и великой княжнѣ Иринѣ Михайловнѣ и государынямъ моимъ сестрамъ" (Аннѣ и Татьянѣ), а затѣмъ имянуются и жена и др. члены семьи, по мѣрѣ ихъ прибавленія, вплоть до послѣдняго новорожденнаго ребенка. Царь дѣлится съ семьей своими удачами въ походѣ: „поляковъ побили на голову", „о приступѣ къ Смоленску"... Почти въ каждомъ письмѣ царь проситъ сестру: „Да, пожалуйте, не покиньте моей жены и вашей невѣстки, и своихъ племянниковъ и племянницъ, а моихъ дѣтей"... „А потомъ всѣмъ, всѣмъ съ любовью поклонъ, и челомъ бью всею душею и со всѣмъ сердечнымъ своимъ хотѣньемъ и радостью"... Когда же семья на обратномъ пути царя съ похода ѣхала къ нему на встрѣчу въ Вязьму, то царь Алексѣй писалъ: „А что ѣдете ко мнѣ и зѣло о томъ радуюся и жду васъ, свѣтовъ, какъ есть слѣпой свѣту радъ"... (14 ноября 1654 г.). Въ слѣдующемъ году, когда царю снова пришлось уѣхать въ новый походъ на Польшу, онъ снова пишетъ семьѣ, на имя старшей царевны Ирины, жалуясь на плохіе весенніе пути, сообщаетъ о своемъ неожиданномъ появленіи на поляковъ подъ Смоленскомъ, о сильномъ разливѣ Днѣпра: „да буди вамъ вѣдомо: на Днѣпрѣ былъ мостъ 7 саженъ вверхъ надъ водою; и на Ѳоминой недѣлѣ прибыло

*) См. Русскій Архивъ, 1913, кн. I, стр. 629.

Библиотека "Руниверс"

столько, что уже съ мосту черпаютъ воду"... „а въ ширину немѣрно разлился, чаю, на версту"... „Смоленскіе сидѣльцы говорятъ, что съ 30 лѣтъ такой большой воды не запомнятъ" (30 апр. 1655 г.). Въ другомъ письмѣ онъ сообщаетъ, что день именинъ царевны Ирины праздновали „по чину радостно пировали"... „точію о томъ скорбилися, что лицомъ къ лицу не видалися, но духомъ всегда нераздѣльны николиже" (5 мая). Изъ Шклова (10 іюня) царь сообщаетъ: „Да буди вамъ, государынямъ вѣдомо, что привезли къ намъ изъ Аѳонскія горы крестъ царя Константина, да главу Іоанна Златоуста"... „А о томъ не кручиньтеся, а намъ, чаю, помѣшкать до зимняго пути",—лучше теперь задержаться, говоритъ онъ, чтобы снова не возвращаться и „скорѣе затѣмъ съ вами быти на Москвѣ" (іюля 12). Но уже въ декабрѣ царь пишетъ: „А я наскоро ѣду: готовьтеся съ радостью воспріяти меня грѣшнаго"... По поводу писемъ царевны Ирины царь замѣчаетъ: „а грамоты кому изволите, тому и велите писать: а кромѣ бы тѣхъ, которые оставлены у васъ, никто бы не писалъ и подъячему и дьяку писать не пригоже". Изъ этого видно, что не сами царевны писали свои письма, да и самъ царь, хотя и великимъ мастеромъ былъ въ писаніи писемъ часто извиняется, что несобственноручно пишетъ, а лишь дѣлаетъ приписку въ письмѣ своею рукою. 3 авг. 1656 г. ц. Алексѣй Михайловичъ писалъ изъ Динабурга: „молитвами угодниковъ Бориса и Глѣба и другихъ святыхъ и счастьемъ царевича Алексѣя Алексѣевича большой городъ взяли за полчаса до свѣта, а меньшій городокъ зажгли гранатами... на приступѣ было 3400 чел., а убито и ранено немного"...

Такимъ образомъ мы видимъ, что члены семьи царской посвящались во всѣ подробности жизни государевой и государственной и интересовались ими. Впрочемъ позже, когда умерла первая жена Алексѣя Михайловича и онъ женился вторично, замѣтно его охлажденіе и въ письмахъ за 1674—75 гг. царь обращается прежде къ Наталіи Кириловнѣ, а затѣмъ къ другимъ членамъ семьи, именуя сестеръ, царевичей и царевенъ.

Продолжая жить съ сестрами, племянниками и племянницами въ своемъ теремѣ царскомъ, царевна Ирина часто ѣздитъ въ свое собственное с. Рубцово (Покровское), доставшееся ей отъ бабки, инокини Марѳы, гдѣ она родилась, и подолгу здѣсь проживаетъ, насаждая сады и устраивая пруды. Сохранилось извѣстіе, что въ 1653 г. царевна Ирина подарила на построеніе женской Успенской обители 30 р. съ приказомъ—молить бога за царицу Марѳу Ильинишну, которая въ

Библиотека "Руниверс"

свою очередь обѣщаетъ наново остроить Успенскій монастырь, „аще Богъ дастъ царевича“. Это опять таки свидѣтельствуетъ о томъ, что и царевны заинтересованы были больше рожденіемъ царевичей, („всемірная радость“), чѣмъ царевенъ, участь которыхъ имъ самимъ должна была казаться нерадостной.

Въ 1654 г. во время моровой язвы въ Москвѣ, Ирина со всѣмъ царскимъ семействомъ, въ сопровожденіи патріарха (Никона) уѣзжала въ Калязинъ-Макарьевъ монастырь. Въ 1672 г. вмѣстѣ съ племянникомъ своимъ Ѳедоромъ Алексѣевичемъ царевна Ирина крестила младшаго царевича Петра. На этомъ и обрываются всѣ свѣдѣнія о царевнѣ Иринѣ, которая скончалась на 52 г. жизни въ 1679 г., еще при жизни царя Ѳедора, такъ что не была свидѣтельницей всѣхъ тревожныхъ явленій въ семьѣ царской, какія послѣдовали послѣ его смерти, въ правленіе царевны Софьи, Іоанна и Петра Алексѣевичей. Погребена царевна Ирина въ Новоспасскомъ монастырѣ подъ соборною церковью, гдѣ погребены многіе члены изъ семьи Романовыхъ: отецъ царицы Анастасіи, инокиня Марѳа, сестра царя Михаила Ѳедоровича Татьяна Ѳедоровна Катырева, дѣдъ его Никита Романовичъ, отецъ патріарха Филарета съ супругою и мн. др., такъ что монастырь этотъ сдѣлался какъ бы родовымъ кладбищемъ фамиліи Романовыхъ.

II.

О второй дочери царя Михаила Ѳедоровича, Аннѣ, не имѣется никакихъ опредѣленныхъ свѣдѣній; она является лишь отраженіемъ ея младшей сестры, Татьяны Михайловны проявившей болѣе индивидуальныхъ чертъ въ той сумятицѣ, какую вносила въ жизнь царскаго терема ея бѣдовая племянница Софья Алексѣевна. Быть можетъ удрученная этой именно сумятицей, царевна Анна почти передъ смертью своею, 18 окт. 1692 г. постриглась въ Дѣвичій Вознесенскій монастырь, подъ именемъ Анѳисы, а 27 окт. того же года скончалась 62-хъ лѣтъ отъ роду.

Царевна Татьяна Михайловна родилась 5 янв. 1636 г. и ей было всего 9 лѣтъ, когда скончался ея отецъ, а затѣмъ вскорѣ и мать. Дѣтство и юность ея прошли въ обычной теремной обстановкѣ. Въ царствованіе брата, царя Алексѣя Михайловича она не оставалась чуждой того общественнаго движенія, которое вызвано было церковными реформами патріарха Никона, нововведеніямъ котораго (исправленіе церковныхъ книгъ) она сочувствовала вполнѣ и питала къ Никону искреннее

Библиотека "Руниверс"

расположеніе. Позже она принимала самое горячее участіе въ судьбѣ этого патріарха и когда онъ, сосланный въ Кирилловъ-Бѣлозерскій монастырь, испытывалъ разныя невзгоды, которыя переносилъ такъ стоически, то благочестивая и вліятельная Татьяна Михайловна неоднократно ходатайствовала передъ племянникомъ своимъ, царемъ Ѳедоромъ Алексѣевичемъ объ улучшеніи тяжелой участи Никона и о переводѣ его въ Воскренскій монастырь, и, если этого ей не удалось достигнуть, то лишь потому, что не соглашался на это патр. Іоакимъ, говорившій: „сверженъ онъ не нами, а великимъ соборомъ и вселенскими патріархами: мы не можемъ возвратить его безъ ихъ вѣдома". Когда же и созванный царемъ соборъ вынесъ отрицательное для Никона рѣшеніе, то Татьяна Михайловна просила царя Ѳедора написать Никону утѣшительное собственноручное письмо, что царь и исполнилъ. По ея же ходатайству тѣло бывшаго патр. Никона († 1681 г., 75-ти лѣтъ) было перенесено и торжественно погребено въ одномъ изъ предѣловъ обширного главнаго храма Воскресенскаго монастыря, подъ такъ называемою Голгоѳскою горою, гдѣ устроена церковь, въ которую надобно сходить внизъ 33 ступенями, по числу годовъ, проведенныхъ Спасителемъ на землѣ: надъ гробницею Никона висятъ тяжкія желѣзныя вериги, которыя онъ носилъ. Чтя память Никона, который больше всего способствовалъ устройству и украшенію этого главнаго монастырскаго храма—Воскресенія Христова—(подобіе древнему Іерусалимскому), Татьяна Михайловна въ 1691 г. принесла въ даръ монастырю великолѣпный сребропозлащенный ковчегъ въ которомъ хранятся св. мощи: десная рука муч. Татьяны.

По смерти своихъ старшихъ сестеръ Ирины и Анны, Татьяна Михайловна остается старшимъ членомъ въ царской семьѣ, ей отводится первое, почетное мѣсто на семейныхъ торжествахъ; она вмѣстѣ съ младшимъ племянникомъ царевичемъ Петромъ дѣлается воспріемницею царевенъ Ѳеодосіи (1690 г.) и Екатерины (1691 г.), дочерей ц. Ивана Ал., а раньше она крестила племянницу Марѳу Ал. Она очевидно держала сторону тѣхъ, кто стоялъ за совмѣстное правленіе Ивана и Петра Алексѣевичей, а не одного послѣдняго; она слѣдитъ за соблюденіемъ придворныхъ обычаевъ и когда умеръ царь Ѳедоръ Ал., она отправляетъ монахиню съ выговоромъ къ Наталіи Кирилловнѣ за то, что та увела царевича Петра до окончанія похоронной церемоніи, и мать Петра въ извиненіе ссылается на его малолѣтство (10 л.), когда трудно выдержать продолжительную церковную службу.

Когда во главѣ управленія стала ея рѣшительная племянница Софья, то Татьяна Мих. „была у нея въ милости, пользовалась вліяніемъ и

Библиотека "Руниверс"

почетомъ и получала значительныя средства для широкой жизни; во время извѣстнаго диспута съ раскольниками въ Грановитой палатѣ, она сидитъ рядомъ съ правительницей Софьей на царскихъ тронахъ, а Наталія Кирилловна, Марья Алексѣевна и патріархъ сидѣли пониже, въ креслахъ". Послѣ паденія Софьи вліяніе Татьяны Михайловны уменьшается, а равно и матеріальныя средства, и она даже нуждается въ необходимомъ (Рус. біогр. слав., изд. И. Р. И. Об.). Тѣмъ не менѣе другая ея племянница и крестница, Марѳа Ал., одновременно съ Софьей постриженная въ Успенскомъ мон., изъ мѣста своего заточенія часто писала царевнѣ Татьянѣ Михайловной называя ее самыми нѣжными именами „радость моя, государыня тетушка и матушка, благородная царевна", жалуясь на свое бѣдственное положеніе и прося ея ходатайства передъ Петромъ, который все же съ большимъ уваженіемъ относился къ старшему члену царской семьи. Иногда заточенная царевна Марѳа въ инокиняхъ Маргарита, проситъ у Татьяны Мих. одолжить ей 500-300 рублей, а во время своей болѣзни слезно проситъ свою „тетушку и матушку" похлопотать о скорѣйшей присылкѣ къ ней доктора. Татьяна Мих. откликается на всѣ эти просьбы, посылаетъ ей деньги и ходатайствуетъ, гдѣ нужно, объ исполненіи просьбъ племянницы.

Скончалась царевна Татьяна Михайловна позже другихъ своихъ сестеръ (Ирины и Анны) въ 1706 г., на 71-мъ году жизни и погребена въ томъ же Вознесенскомъ монастырѣ, гдѣ покоился уже прахъ ея сестры Анны—инокини Анѳисьи, и нѣсколькихъ сестеръ и племянницъ, умершихъ въ дѣтскомъ возрастѣ.

Глава четвертая.

Царевна Софья, дочь ц. Алексѣя Мих., ея дѣтство и воспитаніе (Симеонъ Полоцкій); ея роль во время правленія брата, ц. Ѳедора Ал.—1682 годъ: мятежъ стрѣльцовъ; два царя; Софья правительница (кн. В. В. Голицынъ) и преобразованія внутреннія.—Вѣчный миръ съ Польшей, крымскіе походы и первыя столкновенія съ Петромъ; новыя броженія среди стрѣльцовъ; замыслы Шакловитаго, его казнь и удаленіе Софьи въ Новодѣвичій мон. (1689 г.).—Еще мятежныя движенія среди стрѣльцовъ; внезапное возвращеніе Петра изъ за границы, розыски и казни; постриженіе Софьи подъ именемъ Сусанны; ея кончина. Оцѣнка ея личности.

I.

Переходя къ третьему поколѣнію царицъ и царевенъ изъ дома Романовыхъ, намъ придется прежде всего остановиться на царевнѣ Софьѣ Алексѣевнѣ, вокругъ которой уже группируются всѣ остальныя.

Библиотека "Руниверс"

На похоронахъ царя Алексѣя Мих., за носилками новаго 15-лѣтняго царя Ѳедора и царицы Наталіи Кирилловны съ закрытымъ лицомъ, шли пять дочерей царскихъ, также вѣроятно скрытыя подъ траурными фатами, такъ какъ оффиціально, по чину придворному онѣ не могли присутствовать; но мы знаемъ, что самъ покойный царь не разъ уже выводилъ ихъ открыто на свои загородныя поѣздки, на театральныя зрѣлища и другія придворныя торжества.

Изъ 13 дѣтей отъ первой жены царя Алексѣя Мих. было 5 сыновей, изъ которыхъ въ живыхъ оставалось двое, Ѳедоръ и Иванъ, шестнадцати-лѣтняго царевича Алексѣя царь схоронилъ еще въ 1670 г., а Дмитрій первенецъ и Симеонъ умерли въ младенчествѣ; изъ 8-ми дочерей, двѣ также скончались въ дѣтствѣ (Анна и послѣдняя Евдокія), въ живыхъ оставались: Евдокія 32 л., Марѳа 29 л., Софья 25 л., Екатерина 23 л., Марья 22 и Ѳеодосія 19 л. Отъ второй жены, Наталіи Кириловны (Нарышкиной) были: Петръ, имѣвшій около четырехъ лѣтъ, Наталія, годомъ его моложе, и Ѳеодора, вскорѣ (въ 1678 г.) умершая.

Софья Алексѣевна была шестымъ ребенкомъ царя Алексѣя Мих. и Марьи Ильиишны (Милославской) и родилась 17 сент. 1657 г. Отецъ ея „мягкій, человѣчный, благодушный по природѣ, не посягавшій ни на чье имущество, ни на чью жизнь, ни на чью честь, живой, страстный, воспріимчивый, вспыльчивый, но отходчивый; мать—красавица, воспитанная въ старинныхъ обычаяхъ, чванливая, но ума не выдающагося.“ Софья по натурѣ скорѣе напоминала отца, а еще больше брата Петра; та же живость, страстность, порывистость, впечатлительность и если она не была такъ геніальна, какъ Петръ, то все же по отзывамъ ея учителя и окружающихъ была „принцесса ума великаго“.

Мы знаемъ уже какъ проходило дѣтство царевенъ, какъ ихъ нянчили, охраняли отъ постороннихъ взоровъ, забавляли и усыпляли сказками. Мы знаемъ также, какую роль въ дѣтской жизни вообще играетъ сказка, съ ея царями, живущими за тридевять земель, въ тридевятомъ царствѣ, съ ея царевнами, живущими въ теремахъ высокихъ, въ ожиданіи своихъ суженыхъ принцевъ и т. д. Живое воображеніе Софьи не могло не воспринимать тѣ черты сказочнаго міра, какія болѣе соотвѣтствовали ея характеру, роль заправилы, какую она впослѣдствіи играла среди всѣхъ женщинъ царскаго терема, не чужда была ей, конечно, и въ дѣтскихъ играхъ, въ которыхъ смѣлый зачинщикъ всегда командуетъ. Властолюбіе, по заключенію многихъ нашихъ исто-

Библиотека "Руниверс"

риковъ, было отличительной чертой характера Софьи. Въ 9 лѣтъ, она уже обученная, по обычаю, придворной мастерицей грамотѣ встрѣчается съ преподавателемъ своихъ братьевъ, Алексѣя и Ѳедора, Симеономъ Полоцкимъ. И если Алексѣй оказывалъ особый вкусъ къ изученію латыни, а Ѳедоръ, подражая своему учителю, писалъ вирши, то Софья, хотя также пыталось писать вирши, но интересъ ея сосредоточивался больше на „гисторіи" Византіи, Рима, Запада и на лѣтописныхъ сказаніяхъ русскихъ. Книгъ историческаго содержанія на греческомъ, латинскомъ и польскомъ языкахъ въ царской библіотекѣ было достаточно и многія были переведены на русскій языкъ, а руководителемъ въ этомъ случаѣ былъ опытный учитель Семенъ Полоцкій, первый изъ постороннихъ мужчинъ безпрепятственно перешагнувшій порогъ царскаго терема.

Уроженецъ Бѣлоруссіи, ученикъ Кіевской Академіи, Симеонъ— Ситніановичъ (род. 1629 г., † 1681 г.) завѣдывалъ въ г. Полоцкѣ школой, и. въ пріѣздъ туда въ 1656 г. царя Алексѣя Мих., поднесъ ему привѣтственныя вирши, чѣмъ и обратилъ на себя вниманіе царя. Когда Полоцкъ снова перешелъ въ руки поляковъ (1661 г.) то Симеонъ, боясь преслѣдованій за свои симпатіи къ русскому царю, ушелъ изъ Польши въ Москву и сталъ преподавателемъ въ Спасской школѣ; но уже въ 1667 г. добронравный и опытный учитель изъ Полоцка, Симеонъ, приглашенъ былъ преподавателемъ къ 13-лѣтнему царевичу Алексѣю Ал., а три года спустя, когда умеръ царевичъ Алексѣй, Симеонъ Полоцкій сталъ учить 8-ми лѣтняго царевича Ѳедора. Предметами обученія были: латинскій, польскій языки, піитика и реторика и богословіе. Подъ его же вліяніемъ образовывалась и царевна Софья.

Симеонъ Полоцкій цѣнился при дворѣ не только какъ свѣдущій учитель, умѣвшій подсластить, облегчить науку, заинтересовать ученика, оживляя разсказъ разными остроумными сравненіями и поясненіями, но онъ вскорѣ сдѣлался оффиціальнымъ проповѣдникомъ, придворнымъ стихотворцемъ и драматургомъ. Въ защиту вѣры православной противъ раскольниковъ, онъ пишетъ „Жезлъ". Въ „Вѣнцѣ вѣры каѳолическія" онъ излагаетъ основныя истины христіанской вѣры, хотя и съ западной точки зрѣнія, что со стороны патріарха вызываетъ упреки въ латинствѣ; въ своемъ „Риѳмологіонѣ" онъ даетъ богатое собраніе стихотвореній на разные случаи; „Вертоградъ Многоцвѣтный" представляетъ живо написанную и интересную книгу самыхъ разнообразныхъ разсказовъ и повѣстей свѣтскаго характера: въ немъ мы

Библиотека "Руниверс"

находимъ даже такіе разсказы, какъ „Жидъ“ *). „Звѣзды“, „Магнитъ“ и др. Кромѣ того этотъ многосторонній и обильный писатель сочиняетъ книгу проповѣдей „Вечеря душевная“ и др.; изъ драматическихъ произведеній его интересны: „Комедія о Навуходоносорѣ, о телѣ златѣ и о трехъ отрокахъ, въ пещи сожженныхъ“ и „О блудномъ сынѣ“. Поднося царевнѣ Софьѣ свой „Вѣнецъ вѣры“, онъ въ стихахъ пишетъ „Врученіе Вѣнца вѣры“, обращенное къ „благовѣрной царевнѣ великой княгинѣ Софьѣ Алексѣевнѣ“, которая съ интересомъ читаетъ всѣ его сочиненія. Въ началѣ 1670 г. Симеонъ Полоцкій заводитъ при дворѣ, „на верху“, типографію и печатаетъ въ ней „Букварь“ для царевича Петра (въ 1679 г.) и другія книги по своему усмотрѣнію. Онъ же содѣйствуетъ открытію Славяно-Греко-Латинской Академіи и вообще онъ является однимъ изъ столповъ правленія царя Ѳедора, искренно поощряя просвѣщеніе до конца дней своихъ (Л. Майковъ).

Понятно теперь, что вліяніе такого многосторонне просвѣщеннаго человѣка на „великаго ума и самыхъ нѣжныхъ проницательствъ, больше мужска ума исполненную дѣву“, царевну Софью, было весьма плодотворно. Въ виду слабаго здоровья своихъ братьевъ, она выдвигалась своимъ цвѣтущимъ видомъ, смѣлостью и разумомъ. Во время усилившейся болѣзни царя Ѳедора, Софья, не по обычаю, является у его постели, ухаживаетъ за нимъ, сама даетъ ему лѣкарства. Она, конечно, могла бы и править за болѣзненнаго брата, примѣры тому были въ исторіи. Въ воображеніи Софьи всплываетъ образъ византійской царевны, Пульхеріи, которая въ 19 лѣтъ правила за малолѣтняго брата своего Ѳеодосія и носила титулъ Августы (царицы). Софья знала также, что 700 лѣтъ назадъ народомъ русскимъ самостоятельно правила великая кіевская княгиня Ольга; да и не даромъ приверженный ей ученикъ Симеона Полоцкаго (Сильвестръ Медвѣдевъ) сравнивалъ ее не только съ Пульхеріей, но и съ Елисаветой англійской и съ Семирамидой—эти образы несомнѣнно жили въ ея памяти, и мечты—стать правительницей—въ продолженіе всего царствованія Ѳедора не покидали ее. Рядомъ съ этими мечтами росла и ненависть къ мачехѣ Наталіи Кирилловнѣ, въ лицѣ которой Софья видѣла опасную соперницу, Но какъ только 15-лѣтняго Ѳедора съ больными ногами посадили на тронъ.

---

*) „Яже польза въ садъ дробныхъ рыбъ щуку пускати,
Та между крестьяны жиды водворяти:
Щука малыя рыбы несытно гладаетъ,
Жидъ люди убогіе лихвами снѣдаетъ“.

Въ такомъ изображеніи еврея видѣнъ западный уроженецъ, близко знавшій отношенія евреевъ къ населенію южнаго края.

Библиотека "Руниверс"

Наталія Кир. съ Петромъ и родственниками своими Нарышкиными отошли въ сторону и на первый планъ выступили ухаживавшія за царемъ тетки и сестры и главенство при дворѣ перешло къ Милославскимъ.

Первымъ дѣломъ новаго правительства было удаленіе старика Матвѣева, постояннаго совѣтника царицы Наталіи Кириловны, сначала въ почетную ссылку, а затѣмъ въ Пустозерскъ. При дворѣ Ѳедора появились новыя лица, Языковъ, Лихачевъ, князь Голицынъ. Остановимся немного на этомъ послѣднемъ, какъ на лицѣ, ставшемъ впослѣдствіи столь близкимъ къ царевнѣ Софьѣ.

Князь Василій Васильевичъ Голицынъ происходилъ изъ знаменитаго рода Ягеллоновъ; мы уже упоминали о немъ рядомъ съ другими послѣдователями новыхъ западныхъ идей въ царствованіе Алексѣя Михайловича, Ордынъ-Нащокинымъ, Ртищевымъ и др. Горячій поклонникъ Запада, весьма образованный и начитанный, онъ занялъ первое мѣсто въ Посольскомъ приказѣ послѣ удалившагося въ монастырь Ордына-Нащокина. Но кн. В. В. Голицынъ тѣмъ не менѣе уступалъ своему предшественнику. Будучи болѣе теоретикомъ, ему не хватало практическаго ума, не хватало опыта и рѣшимости въ проведеніи въ жизнь его реформъ, хотя въ нихъ онъ шелъ и далѣе Ордынъ-Нащокина. Онъ думалъ о распространеніи просвѣщенія, о вѣротерпимости, объ улучшеніи нравственнаго быта, о свободномъ въѣздѣ иностранцевъ въ Россію; его планъ объ освобожденіи крестьянъ (съ землею) приближался къ реформѣ въ этой области, сдѣланной болѣе 200 л. спустя, при Александрѣ II. Кн. Голицынъ принималъ самое дѣятельное участіе въ законѣ объ отмѣнѣ мѣстничества, обнародованномъ въ концѣ царствованія Ѳедора, когда всѣ присутствовавшіе въ чрезвычайномъ собраніи 12 янв. 1682 г. единогласно порѣшили: „да погибнетъ въ огнѣ оное, богоненавистное, враждотворное, братоненавистное и любовь отгоняющее мѣстничество и впредь да не воспомянется во вѣки“... Такая сильная редакція этого закона говоритъ въ пользу ея составителя. При его участіи отмѣняется и осѣченіе (въ 1680 г.) и неприличныя и унизительныя выраженія челобитчиковъ; ему же Ѳедоръ поручаетъ и улучшеніе ратнаго дѣла.

Въ палатахъ брата, царя Ѳедора, Софья впервыя встрѣтила кн. В. В. Голицына. Мы знаемъ какъ нерѣдко живая рѣчь, увлекательный умъ плѣняютъ больше, нежели внѣшняя красота, которой Софья, по отзыву современниковъ, не отличалась. Некрасивая, тучная, съ большой го-

Библиотека "Руниверс"

ловой, съ широкой и короткой таліей, казавшаяся старше своихъ лѣтъ, но „ума великаго“ и „великій политикъ“, Софья сразу почувствовала влеченіе къ кн. Голицыну, перешедшее въ горячую дружбу „amitie amoureuse“, которая настолько связала обѣ ихъ жизни, что вмѣстѣ съ паденіемъ Софьи, долженъ былъ пасть и ея первый министръ, „ея первый галантъ“ кн. В. В. Голицынъ...

11 іюля 1681 г., произведя на свѣтъ сына, скончалась царица Агафья (Грушецкая), первая жена ц. Ѳедора, черезъ шесть дней за нею послѣдовалъ и новорожденный царевичъ (Илья). 14 февр. 1682 г. ц. Ѳедоръ, не смотря на все усиливавшуюся болѣзнь, съ непонятнымъ для окружающихъ упрямствомъ, вступилъ во второй бракъ съ Марѳой Матвѣевной (Апраксиной), крестницей Матвѣева, что послужило къ облегченію участи послѣдняго. Но черезъ два мѣсяца и самъ Ѳедоръ скончался (27 апр. 1682 г.) на 21-мъ году жизни, оставивъ въ царскомъ теремѣ еще одну женщину, пятнадцатилѣтнюю вдову.

II.

Когда царемъ выбрали Петра, какъ болѣе здороваго и даровитаго изъ сыновей Алексѣя Мих., Софья воспылала еще большей злобой на мачеху, которая становилась такимъ образомъ правительницей за 10-лѣтняго сына. Чувство самосохраненія заговорило въ ней и она прежде всего смѣло вышла изъ царскаго терема на улицу и, вопреки обычаю, слѣдуя въ похоронной процессіи за гробомъ брата, воплемъ своимъ обратила на себя вниманіе народа: „видите,—причитала она,—какъ братъ нашъ Ѳедоръ неожиданно отошелъ съ сего свѣта, отравили его враги зложелательные; умилосердитесь надъ нами сиротами, нѣтъ у насъ ни батюшки, ни матушки, ни брата; старшій нашъ братъ Иванъ не выбранъ на царство: а если мы передъ вами или боярами провинились, то отпустите насъ живыхъ въ чужіе земли, къ королямъ христіанскимъ“... Слова эти произвели извѣстное впечатлѣніе среди лицъ, державшихъ ея сторону, которые скоро прибѣгли къ столь обычному средству смутной эпохи—распустили тревожные слухи въ народѣ и особенно между стрѣльцами, и безъ того недовольными на своихъ полковниковъ за разныя съ ихъ стороны обиды, поборы и другія злоупотребленія, къ тому же имъ грозили, что въ правленіе царицы Наталіи и Нарышкиныхъ для нихъ могутъ послѣдовать и еще большія притѣсненія. И не успѣлъ вернуться изъ ссылки (12 мая 1682 г.) Матвѣевъ, съ нетерпѣніемъ ожидаемый Наталіей Кир. и Петромъ, какъ 15 мая, въ

Библиотека "Руниверс"

день убіенія царевича Димитрія, съ утра клевреты Милославскихъ распустили по стрѣлецкимъ полкамъ слухъ, что Нарышкины задушили царевича Ивана. Въ полдень стрѣльцы ворвались въ Кремль для расправы. Дальнѣйшая исторія этого перваго стрѣлецкаго мятежа хорошо извѣстна: безчеловѣчно убитъ былъ старикъ Матвѣевъ и самые близкія лица юноши Петра и его матери, несмотря на то, что царевичъ Иванъ предсталъ передъ ихъ глазами живымъ и слухъ о его отравленіи оказался ложнымъ.

Что же дѣлалось въ это время въ царскомъ теремѣ, куда такъ безцеремонно вломились стрѣльцы, даже въ комнаты царевенъ? Когда Наталія Кириловна укрывала брата своего Ивана, запрятаннаго сначала въ комнатѣ маленькой царевны Наталіи, а затѣмъ въ сосѣднемъ чуланѣ, между тѣмъ, какъ стрѣльцы еще и на другой день (16 мая) настойчиво требовали его выдачи, угрожая, что не уйдутъ, пока онъ не будетъ имъ выданъ, то Софья рѣзко сказала мачехѣ, „брату твоему не отбыть отъ стрѣльцовъ: не погибать же намъ всѣмъ изъ за него". А затѣмъ, послѣ раздирательной сцены прощанія Наталіи Кир. съ братомъ, Софья совѣтуетъ дать ему въ руки образъ Богородицы, который, какъ святыня, могъ устыдить разъяренную толпу... Ивана Нарышкина пытали, изрубили въ куски, а на слѣдующій день (17 мая) также точно поступили и съ докторомъ Данилой (Гаденомъ), лѣчившимъ царя Ѳедора.

Послѣ этой ужасной трехдневной расправы, стрѣльцы заявили готовность положить головы свои за царя, обѣихъ царицъ, царевенъ и царевича... Но среди всѣхъ этихъ лицъ царило полное уныніе и растерянность: лишенная своихъ лучшихъ совѣтниковъ, Наталія Кириловна въ страхѣ за участь своихъ дѣтей и свою собственную, подавленная своимъ горемъ, не могла собраться съ мыслями; вокругъ нея все пряталось и трепетало за собственную безопасность. Не растерялась одна Софья: съ давней мечтой стать правительницей, она въ эту трудную минуту самовластно и смѣло взяла въ свои руки правленіе и, окруженная сестрами, быть можетъ ей сочувствовавшими, въ сообществѣ съ родственниками Милославскими (во главѣ которыхъ сталъ Иванъ Михайловичъ) и другими лицами ей преданными, стала распоряжаться всѣми дѣлами и прежде всего удовлетворила стрѣльцовъ, раздавъ имъ заслуженныя ими деньги (240000 р.) и пообѣщавъ послѣ выдать еще по 10 рублей каждому; всѣхъ же стрѣлецкихъ полковъ было 19 съ 20000 чел. и жили они съ своими семьями подъ Москвой (въ Стрѣлецкой слободѣ) и по мѣрѣ надобности призывались для отбытія службы. Начальникомъ надворной пѣхоты Софья назначила казавшагося ей пре-

Библиотека "Руниверс"

даннымъ кн. И. А. Хованскаго, ведшаго свой родъ отъ Гедиминовичей и уважаемаго стрѣльцами за его приверженность къ старой вѣрѣ и старымъ обычаямъ.

23 мая выборные отъ стрѣльцовъ потребовали (не безъ участія Софьи), чтобы царствовали оба брата. Соборъ изъ патріарха, духовенства и выборныхъ отъ Москвы, опираясь на примѣры исторіи (императоровъ Аркадія и Гонорія, Василія и Костантина, совмѣстно царствовавшихъ): Ивана и Петра объявилъ царями (26 мая), причемъ первымъ именовался Иванъ, что отодвигало Наталію Кпр. на второй планъ и на первый выдвигало умную и энергичную Софью, которая, ссылаясь на примѣръ Пульхеріи греческой, стала управлять за болѣзненнаго и малоумнаго „скорбнаго главою" брата своего Ивана (съ 29 мая 1682 г.).

Въ самомъ началѣ своего управленія, когда броженіе между стрѣльцами все еще не утихало, по иниціативѣ кн. Хованскаго, выдвинуто было снова раскольничье дѣло. Софья принуждена была выслушать челобитную отъ приверженцевъ раскола и допустить даже пренія съ ними о вѣрѣ въ присутствіи патріарха и народа (5 іюля 1682 г.); но, возмущенная рѣчами расколоучителей, поносившихъ память царей Алексѣя и Ѳедора, она не выдержала, вскочила съ своего царскаго трона и въ сильномъ раздраженіи, со слезами на глазахъ сказала: „если Арсеній и Никонъ, патріархи—еретики, то и отецъ нашъ и братъ такіе же еретики стали; выходитъ, что и нынѣшніе цари не цари, патріархи не патріархи, архіереи не архіереи; мы такой хулы не хотимъ слушать... мы пойдемъ всѣ изъ царства вонъ". И если у нѣкоторыхъ выборныхъ эта рѣчь царевны вызвала слезы, то среди другихъ послышались иныя слова: „пора, государыня, давно вамъ въ монастырь, полно царствомъ мучить, намъ бы здоровы были цари государи, а безъ васъ пусто не будетъ".

Софья хорошо знала, что далеко не всѣ стрѣльцы сочувствовали раскольничьему дѣлу, а потому она, давъ дочитать челобитную, прервала пренія и всѣхъ отпустила: но непосредственно затѣмъ однихъ изъ главарей схватили и казнили (Никиту-Пустосвята), а другихъ (инока Сергія) сослали: немного же спустя и покровительствовавшаго имъ кн. Хованскаго, на основаніи лишь подметнаго письма, обвинили въ желаніи убить обоихъ государей, царицъ, царевенъ и патріарха, на одной изъ царевенъ (Екатеринѣ) женить своего сына Андрея и завладѣть престоломъ. Обоихъ Хованскимъ въ день именинъ Софьи (17 сент.)

Библиотека "Руниверс"

казнили въ с. Воздвиженскомъ, гдѣ въ это время находилась семья царская, удалившаяся въ разныя дачныя села изъ Москвы, въ виду могущихъ произойти новыхъ безпорядковъ среди стрѣльцовъ. Сказку о винахъ Хованскому читалъ думный дьякъ Ѳ. Л. Шакловитый, новый „галантъ“ Софьи. Затѣмъ для большей безопасности семья царская укрылась въ Троицкій монастырь, который на всякій случай привели въ осадное положеніе и оборону вручили кн. В. В. Голицыну; кромѣ того со всѣхъ сторонъ вызваны были къ Троицѣ служилые люди, вскорѣ туда и прибывшіе.

Волненія между стрѣльцами дѣйствительно начались, и вызвалъ ихъ главнымъ образомъ другой сынъ Хованскаго, Иванъ, который успѣлъ уйти изъ с. Вознесенскаго въ Москву и разсказать о казни отца и брата, безъ указу государей и о томъ, что бояре съ холопами своими идутъ на стрѣльцовъ, чего эти послѣдніе боялись пуще всего. Но, благодаря отчасти разъяснившимся слухамъ, а отчасти находчивости Софьи, все улеглось: стрѣльцы повинились, просили уничтожить тотъ столпъ (памятникъ), на которомъ по ихъ желанію были написаны имена героевъ перваго стрѣлецкаго бунта; просили также не называть ихъ ворами и бунтовщиками и въ присутствіи патріарха цѣловали крестъ, обѣщая еще разъ не щадить головъ своихъ за государей. Ихъ простили, выдали имъ сполна годовые оклады „безъ вычета и безволокитно, безъ взятокъ отъ приказныхъ людей, прибавивъ подъемные деньги и освободивъ отъ работъ на начальство“ (Соловьевъ).

6 ноября дворъ вернулся въ Москву. Шакловитый, назначенный начальникомъ Стрѣлецкаго приказа (бывшей надворной пѣхоты), зорко сталъ слѣдить за поведеніемъ стрѣльцовъ, строго наказывая всѣхъ тѣхъ, кто пытался такъ или иначе вызвать среди нихъ смуту; кромѣ того только 7 болѣе надежныхъ стрѣлецкихъ полковъ оставлено было въ Москвѣ, остальные 12 разосланы по границамъ на службу; изъ пограничныхъ же лучшихъ людей организовано 5 полковъ, отправленныхъ въ Москву, что давало правительству Софьи вѣрную опору. Желая же положить конецъ всѣмъ толкамъ среди народа, Софья издала повсемѣстно указъ (21 мая 1683 г.), чтобы „всякихъ чиновъ люди прошлаго смутнаго времени никакъ не хвалили, никакихъ непристойныхъ словъ не говорили и затѣйныхъ дѣлъ не вѣщали“.

Новая правительница повидимому успокоилась и, опираясь на совѣты своего перваго министра „человѣка ума великаго и любимаго отъ всѣхъ“ кн. В. В. Голицына, она занялась дѣлами внутренними и прежде

Библиотека "Руниверс"

всего обратила вниманіе на массу бѣглыхъ холоповъ, между которыми раскольничье и стрѣлецкое движеніе произвело своего рода броженіе. Указомъ 13 февр. 1683 г. велѣно было: „ловить, наказывать и возвращать ихъ владѣльцамъ всѣхъ бѣглыхъ холопей, а тѣхъ, кого господа обратно взять не пожелаютъ, ссылать на поселеніе въ Сибирь“; при этомъ правительство впервые потребовало отъ помѣщиковъ списковъ ихъ крестьянъ и холоповъ, всѣхъ же неприписанныхъ бродягъ велѣно было ловить, для чего предназначались особые сыщики. Въ это же время велѣно было произвести размежеваніе помѣщичьихъ и монастырскихъ земель и опредѣлена болѣе точная ихъ граница. По распоряженію же правительства, всѣ тяглые люди, ушедшіе за это время изъ деревень въ посады, получили право тамъ оставаться, такъ какъ по заявленію посадскихъ безъ нихъ трудно было разсчитывать на правильную уплату податей; но послѣ изданнаго указа (17 дек. 1684 г.) такіе выходы уже строго воспрещались.

Въ самой Москвѣ сдѣлано было многое для внѣшняго порядка и украшенія: въ 1685 г. царевны выстроили себѣ трехъ-ярусныя палаты, украшенныя внутри живописью и съ помѣщеніемъ для Думы; въ самомъ городѣ построено было до 300 каменныхъ домовъ; приняты были мѣры и для поддержанія благочинія на улицахъ, за чѣмъ должны были слѣдить караульные стрѣльцы, останавливая и удаляя нарушителей порядка; воспрещались бранныя и непристойныя слова. Еще при Ѳедорѣ, а затѣмъ и при Софьѣ начали заводить „политесъ съ манеру польскаго“, укоротили неуклюжій длинный охабень; въ наукѣ царили латинскій и польскій языки; этотъ послѣдній хорошо знала и сама Софья. Въ правленіе Софьи отмѣнена была смертная казнь за непристойныя и затѣйныя слова и замѣнена ссылкой; отмѣнена была и казнь для убійцъ своихъ мужей, которыхъ по Уложенію заживо закапывали въ землю („окапываніе“).

Наконецъ Софья закончила (въ 1685 г.) и дѣло созданія Славяно-Греко-Латинской Академіи, начатое при Ѳедорѣ, и ученикъ Симеона Полоцкаго Сильвестръ Медвѣдевъ въ стихахъ воспѣлъ ей хвалу, какъ насадительницѣ премудрости на Руси: „Мудрости бо ти имя подадеся, грекомъ Софіи мудрость наречеся: тебѣ бо слично науки начати, яко премудрой оны совершати“... При этомъ онъ говорилъ, что если Ольга явила свѣтъ вѣры, то она, Софья, явила свѣтъ науки для Россіи. Пріѣхавшіе въ томъ же году братья Лихуды (Іоанникій и Софроній) начали въ Академіи читать свои курсы. По примѣру своихъ предшественниковъ Софья хлопотала объ открытіи фабрикъ, выписывала мастеровъ для выдѣлки бархата, атласа, сукна и т. п.

Библиотека "Руниверс"

Отнесясь сурово къ раскольникамъ еще въ началѣ своего управленія, Софья указомъ 1684 г. повелѣваетъ ловить ихъ повсюду и упорствующихъ сжигать, послѣ чего множество ихъ бѣжало за рубежъ, польскую и шведскую границу, за Донъ, гдѣ они построили себѣ особый Кузьминъ-городокъ, взятый позже правительствомъ (въ 1689 г.). Но, преслѣдуя раскольниковъ, Софья менѣе стѣсняла вліяніе латинства. Ея восхвалитель Сильвестръ Медвѣдевъ написалъ книгу „Манна хлѣба животнаго", будто по желанію царевны, въ которой доказывалъ, что пресуществленіе совершается при произнесеніи словъ Христа „пріимите, ядите" и т. д., съ чѣмъ не согласенъ былъ патр. Іоакимъ, обвиняя его въ ереси („хлѣбопоклонной"), и косо смотрѣлъ на покровительство ему Софьи, а равно и на покровительства со стороны кн. Голицына іезуитамъ.

III.

Мы уже говорили выше, что главнымъ совѣтникомъ и исполнителемъ всѣхъ распоряженій Софьи былъ кн. В. В. Голицынъ. Еще въ началѣ ея правленія онъ получилъ титулъ: „царственныя большія печати и государственныхъ великихъ дѣлъ оберегателя". Ставъ такимъ образомъ во главѣ Посольскаго приказа, онъ долженъ былъ слѣдить за всѣми сношеніями Московскаго государства съ иностранными. Самымъ замѣчательнымъ актомъ правленія Софьи во внѣшней политикѣ былъ договоръ съ Китаемъ, съ которымъ въ это время соприкоснулась граница русскихъ владѣній въ Сибири (1689 г.). Еще раньше, 21 апр. 1686 г. кн. Голицыну удалось, послѣ долгихъ переговоровъ, заключить „вѣчный миръ" съ Польшей, по Андрусовскому договору, т. е. съ присоединеніемъ Кіева съ правобережной Украиной и всей лѣвобережной ея частью. Но результатомъ этого мира было обязательство Россіи войти въ союзъ съ Польшей, Австріей и Венеціей противъ турокъ, съ которыми пришлось разорвать прежнія мирныя сношенія и послать русское войско противъ крымскихъ татаръ для защиты польской границы. Такимъ образомъ, въ 1687 г. объявленъ былъ первый крымскій походъ. Софья, ставя во главѣ 150000 войска кн. Голицына, думала, что удачный походъ въ Крымъ выдвинетъ, прославитъ ея любимца и упрочитъ ея собственное положеніе на престолѣ: казаки съ гетманомъ Самойловичемъ должны были двинуться на соединеніе съ войсками Голицына.

Но не такъ думалъ ея первый министръ и неопытный полководецъ. Кн. Голицынъ постоянно опасался и за сомнительность правъ Софьи

Библиотека "Руниверс"

и за свою власть. Во время похода, за обѣдомъ военныхъ людей, онъ предложилъ тостъ за здоровье царей и царевны Софьи; но тотчасъ же смутился и написалъ Шакловитому письмо, прося разузнать, какъ на это посмотрятъ въ Москвѣ. „Всегда намъ печаль, а радости мало,—писалъ онъ,—у меня только и надежды, что ты". Походъ, какъ извѣстно былъ неудаченъ: степной пожаръ и недостатокъ воды остановили русское войско и, дойдя до Конскихъ водъ (12 іюня), послѣ военнаго совѣта, Голицынъ повернулъ обратно. Софья, испугавшись отправила Шакловитаго для совѣщанія съ Голицынымъ; но Шакловитый вернулся и заявилъ, что казацкая старшина ненавидитъ гетмана Самойловича и что есть поводъ обвинить его въ подстрекательствѣ къ поджогу степи. Тогда въ присутствіи Голицына собравшаяся казацкая старшина низложила гетмана Самойловича и на его мѣсто избрала Мазепу, а кн. Голицынъ вернулся въ Москву, гдѣ радостно былъ встрѣченъ Софьей, какъ герой, а всѣ неудачи похода приписали Самойловичу.

Но это торжество была непродолжительно, такъ какъ татары продолжали разорять окраины Россіи и поэтому въ слѣдующемъ же (1688 г.) году объявленъ былъ новый походъ подъ начальствомъ того же кн. Голицына, который въ началѣ 1689 г. съ 100000 войска выступилъ изъ Москвы. По пути въ Крымъ русское войско обратило въ бѣгство крымцевъ и Софья уже торжествовала; но, у Перекопа кн. Голицынъ, какъ онъ ни былъ просвѣщенъ въ изученіи географическихъ картъ, въ рамахъ висѣвшихъ въ его домѣ, остановился, пораженный тѣмъ, что встрѣтилъ вмѣсто благодатнаго края такую же степь; дольше двигаться онъ не рѣшился и на этотъ разъ также повернулъ обратно. Софья тѣмъ не менѣе хотѣла, какъ и прежде, видѣть въ дѣйствіяхъ Голицына все же подвигъ: она привѣтствовала его съ побѣдой „надъ агаряны" и въ лихорадочномъ нетерпѣніи, ожидая его скорѣйшаго возвращенія, писала ему: „а мнѣ, свѣтъ мой, вѣры не имѣется, что ты къ намъ возвратишься; тогда вѣры поиму, когда увижу во объятіяхъ своихъ тебя, свѣта моего... Свѣтъ мой, батюшка, надежда моя, здравствуй на многія лѣта! Батюшка мой, радость моя, свѣтъ очей моихъ, мнѣ вѣра не имѣтся, сердце мое, что тебя, свѣтъ мой, видѣть. Великъ бы мнѣ день той былъ, когда ты, душа моя, ко мнѣ будешь. Если бы мнѣ возможно было, я бы единымъ днемъ тебя поставила передъ собою". Въ этомъ письмѣ вылилась вся глубина и сладость того чувства, какое Софья питала къ Голицыну. 19 іюля она по царски встрѣтила казавшееся ей побѣдоноснымъ войско и раздала всѣмъ награды.

Библиотека "Руниверс"

Но оба неудачныхъ похода уронили имя кн. Голицына въ глазахъ народа и, не смотря на мнимосозданную Софьей его славу, онъ ясно видѣлъ, какъ вліяніе его меркнетъ вмѣстѣ съ силой его соправительницы, отстоять которую было уже весьма трудно, несмотря на всякія и тайныя мѣры Шакловитаго, которымъ онъ не могъ сочувствовать, такъ какъ по натурѣ своей и по своему положенію и уму просвѣщенному, кн. Голицынъ сознавалъ, какъ трудно уже было дальше отстаивать права Софьи, когда молодой царь Петръ, вступившій въ началѣ 1689 г. въ бракъ съ Евдокіей Лопухиной, считался уже совершеннолѣтнимъ, обнаруживалъ смѣлый и рѣшительный характеръ и имѣлъ свое молодое, но обученное на нѣмецкій образецъ войско— „ненавистныхъ потѣшныхъ конюховъ", какъ ихъ называла Софья, которые могли уже угрожать стрѣльцамъ. Петръ къ тому же сталъ требовать, чтобы всѣ государственной важности дѣла предъявлялись ему лично; онъ только по настоянію Софьи подписалъ похвальную грамоту войску и еле далъ согласіе на награду кн. Голицына за походы, которые онъ не считалъ удачными; и во многихъ другихъ вопросахъ онъ сталъ проявлять полную самостоятельность.

И вотъ между братомъ и сестрою давно тлѣвшая вражда угрожала перейти въ открытую. Еще 8 іюля (1689 г.), во время крестнаго хода изъ Кремля въ Казанскій соборъ (въ память годовщины избавленія отъ поляковъ въ 1612 г.), Петръ предупредилъ сестру, чтобы она не выступала въ процессіи, такъ какъ это дѣло было *не обычное* и не прилично идти ей *особымъ* лицомъ вмѣстѣ съ царями; Софья не послушала и Петръ, оставивъ процессію, уѣхалъ въ Коломенское. Софья же и послѣ этого продолжала дѣлать свои выходы въ разные церкви и монастыри, а 19 іюля, какъ мы видѣли выше, торжественно встрѣчала и награждала войско кн. Голицына. 27 іюля она ходила на праздникъ Смоленской Богородицы въ Новодѣвичій монастырь и, сопровождаемая по обыкновенію стрѣльцами, имѣла полную возможность жаловаться передъ ними на притѣсненія со стороны Наталіи Кириловны и Нарышкиныхъ, а равно и на опасность для самыхъ стрѣльцовъ отъ „потѣшныхъ конюховъ преображенскихъ". Еще болѣе мутилъ стрѣльцовъ Шакловитый, слѣпо преданный слуга Софьи, жаждавшій сохранить свое положеніе. Онъ распускалъ самые нелѣпые слухи, подбивая стрѣльцовъ путемъ насилія расправиться съ семьей и приверженцами Петра, очистивъ такимъ образомъ путь къ коронѣ для царевны Софьи.

Однако не всѣ стрѣльцы на этотъ разъ внимали этимъ толкамъ, къ тому же толки эти проникали и въ Преображенское, куда для объ-

Библиотека "Руниверс"

ясненій вызывали самого Шакловитаго. Софья, въ страхѣ, что могутъ нагрянуть „потѣшные конюхи“ и учинить съ нею насиліе, убить кн. Голицына и Шакловитаго, по распоряженію этого послѣдняго собрала подъ ружье до 400 стрѣльцовъ въ Кремлѣ, а другихъ 300 на Лубянкѣ, и на запросъ Петра—для чего она собрала столько войска—отвѣчала, что для обычнаго сопровожденія ея въ богомольномъ походѣ.

Но, очевидно, счастье стало измѣнять Софьѣ. Случилось нѣчто для нея неожиданное. Ночью, съ 7 на 8 августа въ Преображенское спѣшно явились двое стрѣльцовъ увѣдомить царя, что его жизнь и жизнь его семейства находятся въ опасности. Внезапно разбуженный, еле разузнавъ въ чемъ дѣло, Петръ бросился на коня и ускакалъ къ Троицѣ, а за нимъ на утро 8 авг. туда явилась и вся его семья. Тогда началось дѣло о заговорѣ Шакловитаго въ пользу Софьи, которое кончилось розысками между стрѣльцами, казнью Шакловитаго и другихъ лицъ, замѣшанныхъ въ этомъ дѣлѣ. Кн. Голицынъ, человѣкъ великаго ума и великій политикъ, имѣя въ Преображенскомъ лагерѣ защитника въ лицѣ своего двоюроднаго брата, воспитателя Петра, кн. Бориса Алексѣевича Голицына, на содѣйствіе котораго онъ надѣялся въ дѣлѣ примиренія сестры и брата, смутился послѣ выдачи Шакловитаго и уѣхалъ въ свое подмосковное имѣніе; но позже все таки поѣхалъ съ своимъ сыномъ Алексѣемъ къ Петру въ Преображенское для дачи показаній и выслушанія приговора о ссылкѣ въ Яренскъ, а затѣмъ въ Пустозерскъ. По пути, въ Вологдѣ, кн. Голицынъ получилъ утѣшительное письмо и деньги отъ царевны Софіи—это было ея послѣднимъ „прости“ своему первому галанту.

Пострадалъ также и Сильвестръ Медвѣдевъ, который пытался бѣжать въ Польшу, но былъ схваченъ, разстриженъ и обвиненъ въ томъ, что говорилъ, будто Софья хочетъ выйти замужъ за Голицына, а его Сильвестра возвести въ патріархи, что подъ портретомъ Софьи подписалъ полный титулъ „вседержавнѣйшей самодержицы“, а равно ереси латинской. Его долго пытали огнемъ и желѣзомъ и казнили уже въ началѣ 1691 года.

Софья, потерявъ такимъ образомъ всѣхъ близкихъ ей и преданныхъ людей, пыталась искать защиты у патріарха, и съ его стороны не встрѣтила отклика; тогда она, надѣясь на свой умъ и находчивость, отправилась къ Троицѣ на свиданіе и личное объясненіе съ братомъ, но была возвращена съ пути,—Петръ не захотѣлъ видѣть сестру. А вскорѣ затѣмъ Петръ прислалъ брату Ивану письмо, въ ко-

Библиотека "Руниверс"

торомъ указывалъ на то, что Софья начала владѣть *своею волею*, но что теперь „настало время имъ править *самимъ*, понеже пришли въ мѣру возраста своего, *а третьему зазорному лицу, сестрѣ нашей*... съ нашими двумя мужескими особами въ титлахъ и расправѣ дѣлъ *быти не изволяемъ*“... И далѣе онъ указывалъ брату на то, что Софья къ тому же „и царскимъ вѣнцомъ для конечной нашей обиды хотѣла вѣнчаться“ (Соловьевъ).

Послѣ этого Софья ждала грозы: всѣмъ ея мечтаніямъ казалось наступилъ конецъ и мрачная монастырская келія рисовалась ея встревоженному воображенію. Черезъ нѣсколько дней дѣйствительно къ ней явился посолъ (И. Б. Троекуровъ) съ приказомъ отъ брата, бывшаго вдвое ея моложе—идти въ монастырь. Не легко было для нея съ престола царскаго сойти въ мрачную келію, долго отговаривалась царевна-правительница, но все же принуждена была удалиться на жительство въ Новодѣвичій монастырь. Для надзора за нею приставлена была стража изъ преображенцевъ подъ начальствомъ Ѳ. Ю. Ромодановскаго. —

IV.

Казалось роль Софьи съ удаленіемъ въ монастырь была кончена и ей оставалось замаливать свои грѣхи, если она чувствовала ихъ бремя. Но сладость мечты свойственна не однимъ юнымъ душамъ. Въ живомъ еще воображеніи царевны рисовалась возможность все таки вернуть утраченное положеніе; въ ея исторической памяти хранились примѣры измѣнчивости судьбы въ жизни царей и царицъ византійскихъ, императоровъ и императрицъ римскихъ; а допущенныя свиданія съ сестрами давали ей возможность не порывать сношеній съ внѣшнимъ міромъ, съ ея приверженцами между стрѣльцами, недовольными новыми распоряженіями Петра и предпочтеніемъ, какое онъ отдавалъ своимъ потѣшнымъ войскамъ передъ ними.

Скоро пронесся слухъ, что стрѣльцы подкопались подъ Новодѣвичій монастырь и хотѣли вывести оттуда заключенную царевну, но были пойманы и казнены. Софья сама часто думала и говорила о томъ, что хорошо бы было, если бы Петръ, разъѣзжая по морямъ и въ походахъ и въ своихъ рискованныхъ потѣхахъ „уходилъ себя“, т. е. нашелъ бы смерть, и тогда она могла бы безпрепятственно царствовать. Когда же Петръ уѣхалъ за границу, то слухъ о томъ, что его уже нѣтъ въ живыхъ, быстро распространился и ему упорно вѣ-

Библиотека "Руниверс"

рили. Стрѣльцы, часть которыхъ двинута была въ Азовъ и на границу Польши, были недовольны разлукою съ семьями и новыми тяжелыми условіями царской службы и снова пришли въ движеніе, тѣмъ болѣе, что подъячіе грозили имъ, что въ Москвѣ имъ уже не бывать. При посредствѣ своихъ женъ они вошли въ сношенія съ сестрами царевны Софьи, а черезъ нихъ и съ нею самою: съ весны же 1698 г. между стрѣльцами появилось и читалось „призывное письмо" отъ заключенной царевны и челобитныя отъ самихъ стрѣльцовъ къ Софьѣ, съ призывомъ на царство. Мятежъ между стрѣльцами сталъ разростаться и начальникъ Стрѣлецкаго приказа (И. Б. Троекуровъ) употреблялъ всѣ мѣры для водворенія порядка, а Штейну посредствомъ оружія удалось усмирить ихъ окончательно, и расправиться съ зачинщиками, о чемъ и было дано знать Петру за границу. Но внезапно вернувшійся изъ за границы Петръ, въ сильномъ раздраженіи на стрѣльцовъ и на сестру, велѣлъ наново произвести розыскъ, а затѣмъ началась жестокая расправа, напомнившая времена Ивана Грознаго. Петръ самолично допрашивалъ и сестеръ: Марѳа созналась, что передавала Софьѣ о желаніи стрѣльцовъ видѣть ее снова на престолѣ; Софья же отъ призывнаго съ ея стороны письма отказалась, сказавъ, что если ее и хотѣли снова звать на престолъ, то „знамо потому, что она со 190 (1682 г.) года была въ правительствѣ".

На второй день казней, 11 окт. 1698 г. Петръ созвалъ соборъ изъ людей всѣхъ чиновъ для суда надъ Софьей, но кромѣ подозрѣнія не было другихъ основаній для ея обвиненія; тѣмъ не менѣе Софья была пострижена въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, подъ именемъ *Сусанны*; караулъ для надзора за ней былъ увеличенъ; сестрамъ разрѣшено ѣздить къ ней только въ большіе праздники и въ случаяхъ ея болѣзни; не велѣно было и пѣвчихъ (мужчинъ) пускать въ монастырь: „поютъ и старицы хорошо,—сказалъ, Петръ,—лишь бы вѣра была, а не такъ, что въ церкви поютъ *Спаси отъ бѣдъ*, а на паперти деньги на убійство даютъ".

Что должна была пережить душа Софьи, при видѣ 195 стрѣльцовъ, повѣшенныхъ кромѣ многихъ другихъ (около 3000) въ самомъ Новодѣвичьимъ монастырѣ и трехъ изъ нихъ передъ окнами самой ея келіи, съ челобитными въ рукахъ, висѣвшихъ въ теченіи цѣлыхъ пяти мѣсяцевъ? Тайна ея душевныхъ переживаній сошла съ нею въ могилу, но не трудно понять весь ужасъ ея душевныхъ терзаній и той усилившейся злобы противъ брата, въ которыхъ царевна-инокиня Сусанна, быть можетъ, покаялась только передъ смертью, принявъ схиму

Библиотека "Руниверс"

и возвративъ свое прежнее многознаменательное греческое имя Софьи. „Сохранилось много памятниковъ уставнымъ почеркомъ—трудовъ Софьи, скрѣпленныхъ подписью ея руки и иногда даже украшенныхъ изображеніями, ею рисованными перомъ, красками, золотомъ и тушью; есть Евангеліе трудовъ Софьи въ Каргопольскомъ монастырѣ“ (Стромиловъ). Софья скончалась 3 іюля 1704 г. и похоронена въ соборномъ храмѣ Новодѣвичьяго монастыря; въ ея надгробной эпитафіи между прочимъ сказало, что дочь ц. Алексѣя Мих. и царицы Марьи Ильинишны „Великая Государыня царевна и Великая княжна Софья Алексѣевна отъ рожденія имѣла 46 лѣтъ, 9 мѣсяцевъ, 16 дней, а въ монашествѣ прожила 5 лѣтъ, 8 мѣсяцевъ и 12 дней; въ схимонахиняхъ переименовано имя ей прежнее Софья“; въ монастырѣ же въ заточеніи пробыла 15 лѣтъ.

Болѣе виновную по дѣлу стрѣльцовъ, старшую сестру Софьи, Марѳу, также постригли подъ именемъ Маргариты и отправили въ Успенскую обитель (въ Александровской слободѣ), но ея жизни мы коснемся особо.

Таковы были тревожная жизнь и трагическій конецъ этой самой выдающейся обитательницы царского терема, Софьи, почему мы и позволили себѣ дольше остановиться на ея личности и дѣятельности, тѣмъ болѣе что отношеніе къ ней исторической литературы весьма противорѣчиво: одни историки порицаютъ все ея поведеніе, другіе наоборотъ говорятъ, что правленіе ея какъ внутреннее, такъ и внѣшнее дѣлаютъ честь ея уму и уму ея перваго министра (кн. В. В. Голицына) и лишь немногіе отдаютъ ей должное.

Время Софьи представляетъ замѣчательную *смѣсь* не успѣвшихъ еще войти въ свои права *новыхъ вѣяній Запада и* отживающаго свой вѣкъ *византизма*, съ его аскетической литературой съ одной стороны и съ его царизмомъ, внесеннымъ Софьей Палеологъ въ придворную жизнь рускихъ князей и княгинь, съ другой. Съ необыкновенною яркостью въ этотъ періодъ русской исторіи выступаетъ и сходство явленій политической жизни Византіи и Московскаго государства: та же борьба церковно-религіозная—иконоборства въ Византіи и раскола у насъ; таже придворная борьба партій, возведеніе и сверженіе съ престола царей и царицъ, тѣ же пріемы для возвышенія при дворѣ, сопровождаемые казнями, ложными слухами, коварствомъ, измѣнами, бунтами и т. п. Многія женщины въ Византіи пользовались такою же властью, какую себѣ присвоить хотѣла Софья, хлопотавшая даже у восточныхъ патріарховъ о разрѣшеніи ей короноваться.

Библиотека "Руниверс"

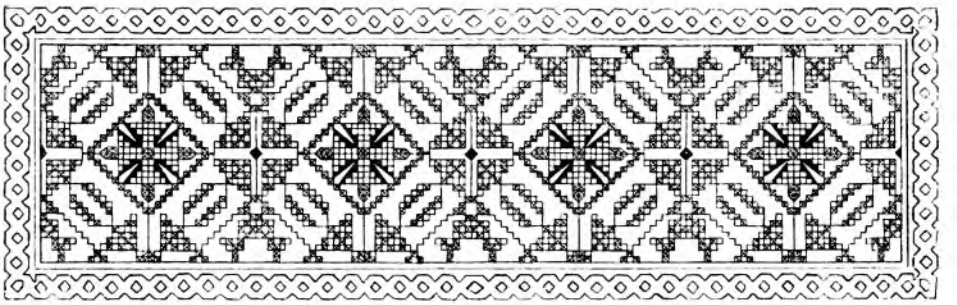
Софья, конечно, стояла выше всякихъ Пульхерій и какъ правительница просвѣщенная, умная, энергичная, самобытная по натурѣ, стояла выше менѣе образованной, менѣе самобытной Наталіи Кир., прибѣгавшей постоянно къ покровительству то Матвѣева, то своихъ братьевъ Нарышкиныхъ и нашедшая въ концѣ концовъ вѣрную опору въ своемъ геніальномъ сынѣ, охраняя лишь жизнь и здоровье котораго, она все же не сумѣла дать ему надлежащее воспитаніе и образованіе, и если послѣднее онъ могъ пополнять по желанію въ Нѣмецкой слободѣ и за границей, то упущенія въ первомъ онъ впослѣдствіи сознавалъ самъ и не разъ.

Проникнутая идеями византизма, Софья не менѣе горячо отзывалась и на культурныя вѣянія Запада, слѣдуя совѣтамъ такихъ передовыхъ и просвѣщенныхъ людей, какими были Симеонъ Полоцкій, кн. В. В. Голицынъ. И если въ самой личности Софьи отразилось, быть можетъ, больше отрицательныхъ сторонъ той эпохи, въ которой она выросла и воспиталась, то это потому лишь, что ея жизнь расходилась съ мечтами и дѣйствительность давала сравнительно мало благопріятныхъ условій для осуществленія этихъ мечтаній—стать „царицею самодержицею". Въ ней, быть можетъ, не столько играло роль властолюбіе, хотя она и привыкла съ дѣтства царить въ своемъ терему, какъ именно это преобладающая идея—равноправной съ царями правительницы, какою 700 лѣтъ до нея была великая княгиня Ольга, какими были многія женщины въ Византіи, каковою была англійская королева Елисавета и библейская царица Семирамида. А окружающіе, восхваляя и восхищаясь постоянно ея обаятельною личностью, поддерживали и укрѣпляли въ ней эту идею. Но вмѣстѣ съ Софьей въ мрачныхъ стѣнахъ монастыря погребены были и восхоленныя ея душой византійскіе идеалы и на смѣну имъ на своихъ могучихъ плечахъ уже несъ культуру запада Петръ, выросшій не въ душномъ теремѣ, а на вольномъ воздухѣ, среди необъятной ширп русской природы, лишенной лишь грандіозной морской стихіи, которую онъ впослѣдствіи добылъ для Россіи.

Не удивительно послѣ этого, что та же самая эпоха которая выдвинула Софью, царевну ума великаго, наиболѣе просвѣщенную для своего времени и дерзновенно возсѣвшую на престолъ царскій, а затѣмъ такъ трагически закончившую свою жизнь подъ одѣяніемъ схимницы,—что та же эпоха, повторяемъ, дала Россіи и Петра В.—этотъ самородокъ, крупный, но неотшлифованный алмазъ, который такимъ яркимъ брилліантомъ заблисталъ позже въ коронѣ Екатерины II, ея внуковъ и правнуковъ.

А. Иконникова.

Библиотека "Руниверс"



Письма малороссійскихъ гетмановъ Ивана Самойловича и Ивана Мазепы

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Среди документовъ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ въ малороссійскихъ дѣлахъ находится 29 писемъ къ князю Василію Васильевичу Голицыну, 9 къ его сыну Алексѣю, одно къ князю Борису Алексѣевичу Голицыну и нѣсколько благодарственныхъ писемъ на имя царей и царевны Софьи.

Подлинныя письма написаны на листахъ, размѣръ которыхъ немного меньше листовъ нашей писчей бумаги*). Наибольшій интересъ представляютъ письма гетмановъ Ивана Самойловича и Ивана Мазепы. Эти послѣднія, выбранныя мною для сообщенія, относятся ко времени правленія царевны Софьи Алексѣевны и до сихъ поръ нигдѣ не были напечатаны. Эти письма могутъ нѣсколько дополнить имѣющіяся свѣдѣнія объ отношеніяхъ, которыя существовали между московскимъ правительствомъ и Малороссіей въ періодъ правленія царевны Софьи. Большая часть этихъ писемъ политическаго характера и касается главнымъ образомъ отношеній Турціи и Польши, а также и взаимныхъ отношеній Москвы и Малороссіи. Одни изъ писемъ написаны послѣ заключенія мира съ турками (1681 г.); другія относятся ко времени крымскихъ походовъ.

Переписка гетмановъ съ кн. Голицынымъ о положеніи дѣлъ въ странѣ свидѣтельствуетъ о той подозрительности, съ какою кн. Голицынъ

*) При №№ 536 и 572 есть приписки на бумажкахъ въ 8-ку и 4-ку; при первыхъ двѣ, при 2-мъ 6 (см. ниже).

Библиотека "Руниверс"

относился къ малороссійской администраціи, а то обстоятельство, что гетманъ ничего не могъ предпринять безъ разрѣшенія кн. Голицына, и за всѣми дѣйствіями гетмановъ наблюдали московскіе начальные люди, свидѣтельствуетъ съ достаточною ясностью о полной фактической утратѣ Малороссіей ея внутренней самостоятельности. Зависимость Малороссіи отъ Москвы особенно ярко проглядываетъ изъ писемъ Самойловича. Его письма, въ которыхъ говорится объ оборонѣ Малороссіи отъ нападенія турецко-татарскихъ силъ, интересны отчасти въ томъ отношеніи, что нѣсколько знакомятъ насъ съ состояніемъ военнаго дѣла въ то время.

Заслуживаетъ вниманіе письмо Самойловича отъ 2-го Авг. 1680 г., (№ 378) въ которомъ онъ говоритъ о постройкѣ новой крѣпости на Днѣпрѣ „Новаго Кодака"; письмо гетмана отъ 1686 г. (№ 483) о бывшемъ у него совѣщаніи съ окольничимъ Неплюевымъ указываетъ на оживленныя совѣщанія, которыя происходили между представителями московскаго правительства и гетманомъ передъ заключеніемъ „вѣчнаго" мира съ Польшей. Въ письмѣ отъ Ноября 1682 г. (№ 424) Самойловичъ проситъ ратныхъ людей, посланныхъ изъ Москвы въ Малороссію задержать въ пути, чтобы дать имъ возможность отдохнуть и тутъ же пишетъ: „а якъ чуемъ и въ дорогѣ тая пѣхота не смирна, поневажъ (также) и въ Калузѣ що поброила (натворила бѣдъ.)" Въ этой просьбѣ проглядываетъ боязнь столкновеній между московскими ратными людьми и украинцами. Какъ на примѣръ отсутствія самостоятельности въ дѣятельности гетмана можно указать на письмо Самойловича отъ 1684 г. (№ 453), гдѣ онъ пишетъ о злоупотребленіяхъ переяславскаго полковника Дмитраши Рейта, и какъ видно изъ письма, безъ указа изъ Москвы гетманъ не можетъ самостоятельно распорядиться съ отставкой Дмитраши Рейта. Письма Мазепы содержатъ въ себѣ доклады кн. Голицыну о всѣхъ дѣлахъ Малороссіи. Изъ этихъ писемъ видно, что Мазепа не рѣшалъ безъ согласія кн. Голицына ни одного дѣла, даже второстепенной важности, касающагося Малороссіи. Въ письмѣ отъ Ноября 3-го 1688 г. (№ 572) онъ спрашиваетъ кн. Голицына, можно ли исполнить просьбу запорожцевъ и отослать имъ за два года тысячу бочекъ пива и можно ли разрѣшить имъ прислать изъ Сѣчи въ Украинскіе города, какъ было при прежнихъ гетманахъ, своихъ лошадей на прокормленіе. Также спрашиваетъ разрѣшенія кн. Голицына отдать запорожцамъ деньги, поступившія въ доходъ съ Переволоченскаго перевоза. Въ этомъ же письмѣ Мазепа, докладывалъ кн. Голицыну объ обидахъ которыя чинилъ монахъ (исполнявшій должность приказнаго чиновника) казакамъ, проживающимъ въ мѣстности Кіевскаго митрополита и так-

Библиотека "Руниверс"

же доводитъ до его свѣдѣнія, что запорожцевъ склонялъ къ измѣнѣ новый турецкій бей, но они на измѣну не склонились. Отношеніе Мазепы къ нуждамъ запорожцевъ проявляется еще въ его письмѣ отъ Марта 24 1688 г. (№ 518), въ которомъ онъ докладываетъ о предполагаемомъ походѣ подъ Казыкермень.

Въ этомъ письмѣ Мазепа пишетъ, что на островѣ Кадакѣ казаки голодаютъ и, принимая во вниманіе, что съ наступленіемъ весны за розлитіемъ воды имъ оттуда не выйти, убѣдительно проситъ кн. Голицына разрѣшить этимъ истомленнымъ людямъ вернуться въ свои дома, оставивъ на островѣ 300 человѣкъ для береженья хлѣбныхъ запасовъ.

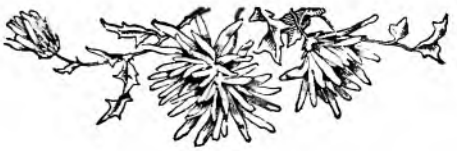
Письма Мазепы отъ Февраля 1688 г. (№ 513) и Декабря 31-го 1688 г. (№ 378) содержатъ доносъ на переяславскаго полковника Леонтія Полуботка. Написаны послѣ 1-го крымскаго похода. Хотя Мазепа, какъ видно изъ письма отъ Декабря 1688 г. и далъ возможность полковнику выяснить на судѣ свою невинность и честно донесъ царямъ о результатахъ слѣдствія, но изъ такого его безпристрастнаго поведенія въ данномъ случаѣ нельзя еще вывести заключенія, что въ 1688 г. онъ ничего на имѣлъ противъ Полуботка. Весьма возможно, что въ дѣлѣ, въ которомъ трудно было доказать виновность Полуботка, онъ выказалъ себя безпристрастнымъ судьей съ тѣмъ, чтобы при болѣе удобномъ случаѣ его погубить. Два года спустя, когда на Мазепу былъ доносъ, что онъ хочетъ предаться Польшѣ, Леонтій Полуботокъ былъ совершенно бездоказательно примѣшанъ къ этому доносу. На томъ основаніи, что сынъ его зналъ о враждебныхъ замыслахъ противъ Мазепы, онъ былъ вмѣстѣ со своимъ сыномъ Павломъ, будущимъ наказнымъ гетманомъ отставленъ отъ должности и заключенъ подъ стражу.

Остальныя письма Мазепы имѣютъ болѣе частный характеръ можно отмѣтить его письма къ царямъ Іоанну и Петру и царевнѣ Софьѣ отъ Января 21-го 1688 г. (№ 503) и письмо кн. Голицыну отъ Октября 3-го 1688 г. (№ 562). Въ этихъ письмахъ Мазепа выражаетъ благодарость за присылку лѣкаря Романова во время военнаго похода и отзывается о немъ, какъ объ очень искусномъ докторѣ. Объ этомъ же лѣкарѣ есть упоминаніе и въ письмѣ, въ которомъ говорится о предполагаемомъ походѣ подъ Казыкермень (№ 518). Мазепа просилъ въ этомъ письмѣ кн. Голицына прислать ему на войну именно этого лѣкаря, а если онъ ѣхать не захочетъ, то другого, но только искуснаго и способнаго.

Библиотека "Руниверс"

Представляетъ интересъ и письмо Мазепы отъ Іюня 3-го 1688 г. (№ 536), въ которомъ онъ проситъ кн. Голицына разрѣшить напечатать въ Москвѣ книгу, составленную Афанасіемъ Заруцкимъ. Доводитъ до свѣдѣнія кн. Голицына, что книга Заруцкаго была одобрена Лазаремъ Барановскимъ и другими свѣтилами науки Малой Россіи; тѣмъ не менѣе онъ проситъ кн. Голицына дать эту книгу на разсмотрѣніе въ Москвѣ знающимъ людямъ, и если найдутся какіе-нибудь недостатки, то Заруцкій ихъ исправитъ. Въ концѣ письма просьба царской грамотой утвердить за Заруцкимъ пожалованную ему Мазепой вотчину въ награду за его трудъ на „прославленіе Царскихъ Величествъ".

Е. Лермонтова.



Библиотека "Руниверс"

ПИСЬМА, ПОМѢЧЕННЫЯ ВЪ ПРЕДИСЛОВІИ

Письмо гетмана Ивана Самойловича къ боярину князю Василью Васильевичу Голицыну съ разными соображеніями, касательно построенія Новаго Кодака.*)

Божіею милостію великого государя царя и великого князя Ѳеодора Алексѣевича всея великіа и малыя и бѣлыя Россіи самодержца и многихъ государствъ и земель восточныхъ и западныхъ и сѣверныхъ отчича и дѣдича и наслѣдника и государя и обладателя его царского пресвѣтлого величества ближнему боярину и воеводѣ и намѣстнику Великопермскому князю Василію Василіевичю Голицыну мнѣ велце ласковому господину и пріятелю доброго отъ Господа Бога здоровья и всякихъ щасливостей упрейме заживати желаю.

Черезъ умыслного (нарочнаго) вашой княжой милости посланного при листѣ вашой княжой милости подана мнѣ великого государя нашого, его царского пресвѣтлого величества грамота, которую я вычитавши зразумѣлемъ, же ему великому государю учинилося вѣдомо, что непріятели креста святаго ханъ Крымский з ордами хотятъ приходити войною подъ его царского пресвѣтлого величества городы украинскіе, противъ которыхъ непріятельскихъ замысловъ для обороны своее праведное монаршое державы указалъ онъ великій государь ити своему царского величества боярину и воеводѣ и намѣстнику Бѣлогородскому князю Петру Ивановичу Хованскому з товарищи з его полкомъ и станути в украинныхъ мѣстехъ на шляху Муравскомъ, якое великого государя изволеніе, яко есть христіанству надобно, такъ и велце хвалебно. А въ той же государской грамотѣ и объ Кодаку выраженъ есть его великого государя указъ, что изволяетъ онъ великій государь премуд-

*) Малороссійскіе подлинные акты, 1680 г. Августа 2-го. № 378.

Библиотека "Руниверс"

рымъ своимъ разсмотрѣніемъ уважити,[1]) же на дѣланъе[2]) нового укрѣпленія города Кодаку за приближенемъ осени вже сего лѣта не станетъ времени и войска его государскіе около того дѣла не увернутся; а до того его монаршое изволеніе потребуетъ видѣти чертежъ положеня мѣстца, где внизъ-ли, или вверхъ стараго Кодака новый городъ дѣлатися маетъ и якое широты тамъ Днѣпръ и якое высоты сей и тотъ оба пол-Днѣпра будучое береги, и не будетъ ли трудности отъ порога Кадацкого переправоватися черезъ Днѣпръ, и мочно-ль з сего новаго города, устроитися маючого (имѣющаго быть устроеннымъ), старому Кодаку чинити оборону и где на строене того города брати лѣсъ, и для того бъ всего мнѣ опять з Вашею княжею милостью зъехатися и учинивши совѣтъ сполний къ ему великому государю отписати. А такъ поневажъ вже тому дѣлу Кодацкому сее осени совершитися немочно, бо яко милостивнѣ онъ милосердный монарха призираетъ[3]) на своихъ ратныхъ людей труди, черезъ все лѣто обозовую тесноту подымуючы[4]) до якихъ вже неизволяетъ въ глухой осени придавати (прибавлять) праци[5]) такъ и постояти имъ на Моравскомъ шляху потребная подался оказія (оказалось надобность), милю якую поспѣшити до Кодаку нѣлзе, теды да исполнится воля его монаршая ко всякой хвалѣ и славѣ. Мнѣ зал (sic) нынѣ для порады[6]) о Кодаку з Вашею милостью зездитися (съѣхаться) и первѣй розговореное дѣло, другимъ розговоромъ розголошати (разглашать), мнитмися[7]) не надобѣ. Досытъ (достаточно) тогды широко я объ томъ з Вашими боярскими милостями говорилемъ и совѣтовалемъ и явственно обяснялемъ, же тое мѣстце, где бъ новой городъ Кодакъ строити, есть не въ далекой отлеглости и не въ пустыхъ степахъ, городамъ полку Полтавского прилеглое и отъ Слобоцскихъ Украинскихъ городовъ недалекое; надъ самымъ Кодацкимъ порогомъ, надъ якимъ на томъ боку тотъ старий городъ Кодакъ построенъ, лежачое на устю рѣчки Самари отъ низу Днѣпра, а рѣчка Самаръ отъ рѣчки Орели шесть миль даленостью найдуется, а надъ рѣчкою Орелю городы полку Полтавского маютъ свое полеженье. И для того жъ велце (очень) бъ былъ потребенъ новой городъ Кодакъ на сей сторонѣ Днѣпра, бо того старого Кодака города, якъ будетъ наступство турецкихъ силъ, з гола[8]) удержати неможно. Сеи за новопостроивши для

[1]) Рѣшить.
[2]) Устройство.
[3]) Снисходитъ къ трудамъ.
[4]) Тягость по обозу несущихъ.
[5]) Работы.
[6]) Для обсужденія вопроса.
[7]) Мнѣ думается.
[8]) Съ открытаго мѣста.

Библиотека "Руниверс"

близкости городовъ и для снадного[1]) войскамъ приходу держати бъ надежно и отчеля по сотцу[2]) людей посылаючи и старого до времени боронити (оборонять) бъ снадно.[3]) А для строеня нового города тамже около того мѣстца на рѣчце Самарѣ лѣса велми[4]) есть много. О чомъ всемъ любобы[5]) можно послиши[6]) описати чертежъ, але передъ часомъ того чертежу, оттоль здаймовати[7]) непригоже, для тихъ мѣръ, же голосно бъ всюда тое намѣреніе розширилося и непріятель о томъ увѣдомившися, схотѣлъ бы чинить перепону[8]) вѣдомости; якіе я передъ симъ вашой княжой милости стороны прибытья къ берегу Днѣпровому многихъ татаръ ознаймовалъ,[9]) хвала Господу Богу, отмѣнилися. Когды жъ нынѣ пишетъ до мене панъ полковникъ Переясловский, даючи знати, же що была орда въ Каневѣ на берегъ Днѣпровый притягнула, теды обачивши[10]) людей нашихъ военнихъ на семъ боку на чистихъ мѣстцахъ сотнями для осторожности постановленныхъ, не посмѣла на сей бокъ перебратися, але назадъ отвернула въ поля того бочные. Для моцнѣйшого (сильнѣйшаго) однакъ берегу Днѣпрового укрѣпленя росказалемъ я полкамъ пѣхотнымъ рабменту моего рушитися (тронуться въ путь) и до Днѣпра на пристойные мѣстца приказу поспѣшити.

А якій мнѣ на сихъ днехъ з державы королевскаго величества з мѣста Красилова отъ старосты тамошнего Стефани Куницкого о вѣдомостехъ листъ принесенъ, тотъ я слово въ слово велѣвши переписати, посылаю до вашой княжой милости списокъ для вѣдома. Также и листъ отъ полковника Киевского ко мнѣ писаный о вѣдомостяхъ, для вѣдома жъ вашой княжой милости посылаю.

Взглядомъ чого передъ временемъ чертежу не описуючи (въ виду чего, раньше времени не дѣлалъ чертежа), слушне (справедливо) то на тотъ часъ отложити, якого по указу (когда будетъ указъ) великого государя туда посланы будутъ войска чтобъ войска з тихимъ[11]) намѣ-

---

[1]) Каждаго, всякаго.
[2]) По сотнѣ.
[3]) Удобно.
[4]) Очень.
[5]) Хорошо бы.
[6]) Впослѣдствіи.
[7]) Можно было.
[8]) Препятствіе.
[9]) Извѣстилъ.
[10]) Увидя.
[11]) Тайнымъ.

Библиотека "Руниверс"

реніемъ, на тое мѣстце прибывши, якъ скоро чертежъ выпишутъ, такъ заразъ (тотчасъ) и около строеня города зачали дѣло.

Прошу тутъ велце Вашой княжой милости, рачъ (изволь) къ пресвѣтлому великого государя престолу внести свое ходатайство, о чомъ и я бити челомъ поважуся,[1]) а бы по его государскомъ милостивомъ указѣ тисяча ратныхъ его монаршихъ людей при столнику и полковнику Василію Федоровичю Перхурову на Орлѣ городку найдуючаяся, наступуючую осень и прошлую зиму до времени открытья з леду рѣчокъ на томъ же пережила мѣстцу; албо вѣмъ любо (потому что, я, зная ученье) его великого государя нашего, его царского пресвѣтлаго величества есть горливое[2]) попеченіе о учиненье з солтаномъ Турскимъ и з ханомъ Кримскимъ примирья, однакъ нѣмъ тое въ совершенство прийдетъ (пусть будетъ сдѣлано, чтобы), тые ратные люде въ томъ Украинскомъ кутѣ (углу) для всякой опасности (на всякій случай) велце суть потребны и могутъ они быти тамъ краямъ, къ державѣ его монаршой прилеглымъ надежнымъ защитомъ. На чомъ, если будетъ его великого государя изволеніе, то завремени (заблаговременно) бъ пригоже учинити тымъ людямъ ратнымъ упомненье, (запоминаніе) чтобъ они на зиму мешканя себѣ подѣлали и запасовъ потребныхъ примыслили, а тымъ ратнымъ людямъ, якіе прошлую зиму тамъ зимовали, слушне[3]) есть позволити къ домамъ ихъ пуститися, о чемъ всемъ выразне до Вашой княжой милости выписавши, отдаюся пилно Вашой княжой милости пріятельской ласце. З Батурина Августа 2-го, року 1680-го.

Вашой княжой милости зычливый приятель и радъ служити.

Іванъ Самуйловичъ гетманъ войска его царского пресвѣтлого величества Запорожскаго.

Письмо Гетмана Ивана Самойловича къ ближнему боярину кн. В. В. Голицыну съ благодарностью за благоволеніе къ гетманскому сыну Семену и за содѣйствіе къ заключенію брака его дочери съ сыномъ боярина Шереметева и съ просьбою, чтобы русскія войска, отправляемыя въ Малороссію подолѣе были задержаны въ пути.[4])

Божіею милостію великихъ государей царей и великихъ князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича всея великія и малыя и бѣ-

---

[1]) Осмѣлюсь.

[2]) Усердное.

[3]) Громко.

[4]) Малороссійскіе подлинные акты, 1682 г. Ноября 9, № 424.

Библиотека "Руниверс"

лыя Россіи самодержцевъ и многихъ государствъ и земель восточныхъ и западныхъ и сѣверныхъ отчичей и дѣдичей и наслѣдниковъ и государей и обладателей; ихъ царского пресвѣтлого величества ближнему боярину и намѣстнику Новгородскому Князю Василію Василіевичю Голицыну, моему велце ласковому господину приятелю и благодѣтелю низкое челобитье и зычливое поздоровленье упрейме[1]) преносылаю.

О дѣлехъ належитыхъ пишу покорне листы моѣ до великихъ государей нашихъ, ихъ царского пресвѣтлого величества черезъ столника Александра Ѳедоровича Карондѣева, з которыхъ то листовъ моихъ о всемъ будетъ вѣдомо вашой княжой милости, яко поважному и о всѣхъ дѣлехъ вѣдаючому пресвѣтлого монаршого престола сенаторови, тутъ въ семъ листѣ моемъ приношу упреймое мое вашой велможности подякованье[2]), же ваша княжая велможность высокое свое мнѣ оказуючи благодѣяніе, изволилесь истиннымъ усердіемъ своимъ при неизреченной великихъ государей монаршой милости ласкове приймовати[3]) милого сына моего Семіона Ивановича, полковника Стародубовского, недавно отъ мене къ пресвѣтлому ихъ царского величества престолу посыланого, а надъ (вполнѣ) то истинная то и въ христіанскомъ нашомъ законѣ хвалебная вашой княжой велможности справуетъ[4]) любовь, же поважнымъ своимъ предложенемъ вюлесь рѣчи до того, себы наше з бояриномъ его милостю и оружейничымъ Петромъ Васильевичемъ Болшимъ Шереметевымъ сповиновачене[5]), около сопряженя[6]) въ союзъ законного брака милыхъ дѣдей нашихъ до належитого пришло совершенства (окончанья), иже милый зять мой з премногой монаршой милости пожалованъ есть честью совершенною за все теды тое я многократне (sic) покорне вашой княжой милости дякую[7]) и всякими способами пристойными ку (къ) оказаню моей вдячности (благодарности) отвдячати и отслуговати буду. А прошу унижоне, извиль ваша милость у велможной своей и благодѣтелной ласце и впередъ ховати мене зычливого пріятеля своего. Мѣлемъ (имѣли) тутъ розговоръ з думнымъ дворяниномъ и воеводою Сѣвскимъ и намѣстникомъ Карачевскимъ Леонтіемъ Романовичемъ Неплюевымъ и з столникомъ Александромъ Ѳедоровичемъ Корондѣевымъ, якъ бы надежнѣй было можно устроити у

---

[1]) Искреннее.
[2]) Благодарность.
[3]) Принимать.
[4]) Дѣлаетъ.
[5]) Сватовство.
[6]) Съ цѣлью.
[7]) Благодарю.

Библиотека "Руниверс"

себе вдалые[1]) часы потребныхъ порядокъ з стороны ратныхъ великихъ государей людей же бы и мое худое здоровье, якое я на вѣрную имъ великимъ государемъ службу вѣчне офѣрую[2]) и ихъ великихъ государей монаршая превысокая повага[3]) въ превеликой хвалѣ межи народомъ Малоросійскимъ прославляемая, были ненарушны. О чомъ теды пречоный (помянутый) думный дворянинъ до вашой княжой велможности напишетъ и о чомъ столникъ помененныхъ устне говорити будетъ, рачь[4]) ваша велможность приняти тое до своего слуху и донести до монаршихъ ихъ царского пресвѣтлого величества ушей, и узнаетлися (признается ли) тое за пристойное дѣло и сотворитлися о томъ великихъ государей указъ, теды изволь ваша княжая милость по своей звыклой (обычной) ласцѣ мнѣ ознаймити (дадите знать), якихъ людей на ихъ государскую службу на перемѣну нынѣ тутъ зостаючымъ (остающимся) сподѣватися[5]) маю. А тотъ розговоръ мой спущаю я на премудрое разсмотреніе монаршое и на приятелскую разумную вашой княжой велможности пораду (совѣщаніе) и ждучи на тое ознайменя[6]) отдаю мене пилно (вполнѣ) благодѣтелствующой вашой княжой велможности приязнѣ. З Глухова, Ноевріа 9 д. року 1682.

Вашой княжой велможности зычливый приятель и служити готовъ.

Іванъ Самойловичъ, Гетманъ войска ихъ царского пресвѣтлого величества Запорожского.

Велце дякую за тую любовную и благодѣтелную вашой княжой милости приязнь, же изволяешь о всякихъ повоженяхъ[7]) мене увѣдомляти, якъ то и теперь при докончены листа моего любовное велможности вашой ознайменье приноле мъ, чого сердечне тѣшуся и много на той мелости вашой княжой велможности дякую; а поневожъ[8]) достатечне увѣдомляюся, же ихъ царского пресвѣтлого величества ратные люде стрѣлецкого строю приказы по указу монаршомъ двигнены (двинуты) з Москвы до сихъ мѣстъ украинныхъ, и три въ Калузѣ, а три

---

[1]) Удобные.
[2]) Жертвую.
[3]) Сила.
[4]) Соизволь.
[5]) Можно подняться.
[6]) Мы взяли на себя увѣдомленіе.
[7]) О всякихъ важныхъ предметахъ.
[8]) Такъ какъ.

Библиотека "Руниверс"

на Тулкой дорозѣ полки найдуючися мають [1]) свой сюда учиниши поспѣхъ, теды я, яко вѣрный ихъ царского пресвѣтлого величества подданый и зычливый твоей велможности приятель зычливого зданя моего предложенье твоей велможности засылаю, а быс своимъ высокимъ разумомъ запобѣллъ [2]) тому, чтобъ оные въ Малую Росию и до Сѣвска не скорили, кгды жъ теперь хвала Богу не оказуется, такая кгволтовная [3]) тутъ поспѣху ихъ потреба (необходимость), здается мнѣ, же пристойне бѣ ихъ поодному приказу въ мѣлшіе (мелкое) мѣста въ Трубческъ, въ Бронескъ, въ Беліовъ, въ Калугу, въ Корачевъ и въ иное якое мѣсто до времени роспорядити для всякого дѣла, же бы оные оподаль собѣ троха отпочнули, (подольше немного отдохнули) однаково и въ тыхъ мѣстахъ зостаючи, розголосятся всюда з своею готовостю: затымъ прошу унижоне милостивое любвѣ твоее, же быс мене и впередъ обсылалъ вѣдомости о всякихъ повоженяхъ (важныхъ повѣстяхъ); а якъ чуемъ и въ дорозѣ тая пѣхота несмирна, поневажъ въ Калузѣ що поброила, (нашумѣла) все теды до высокой вашой княжой милости уваги прекладаю.

Письмо гетмана Самойловича къ князю В. В. Голицыну о злоупотребленіяхъ переяславскаго полковника и Ясаула.[4])

И о томъ вашой княжой велможности, благодѣтелеви моему покорне доношу, же когда еще Коламаку послалъ Дмитрашко Райга наказного своего въ Переяславль, именно Харка Романенка, теды тотъ наказной его прибывши въ городы полку Переяславского, не ехалъ первѣе въ Переяславль, якъ належало для учиненя порядку, але обернулъся на села для рабунковъ, [5]) якимъ своимъ поступкомъ до грабленіа и инемъ учинилъ поводъ, за якимъ злымъ его початкамъ принемъ въ Переяславли и судю (судья) полкового человѣка доброго и войта на смерть побито, а потомъ за прибытьемъ въ полкъ тотъ Дмитрашка онъ наказный, учинившись полковымъ асауломъ, а маючи (имѣя) килко (нѣсколько) и братовъ собѣ раднихъ много починилъ [6]) обидъ тамошнимъ людямъ теперь теды по отъездѣ были по выправкѣ къ

---

[1]) Должны поспѣшить сюда.
[2]) Предупредивъ.
[3]) Сильная.
[4]) Малороссійскіе подлинные акты, 1684 г. въ Маѣ, № 453.
[5]) Разбоя.
[6]) Сдѣлалъ.

Библиотека "Руниверс"

Москвѣ (передъ отправленіемъ въ Москву) Дмитрашка, полчане тыи Переяславскіе плачливе (горько) на того асаула скоржилися[1]) передъ мною, иже его Дмитрашко полковникъ поставилъ былъ по себѣ наказнымъ усиловне (усиленно) просили абы не былъ надъ ни(ми) старшимъ.

Я теды запобѣгаючи (озабочиваясь) тому, чтобъ межи тыми побережними людми не чинилася прикрость (несправедливость) велѣлемъ того асаула отъ наказного полковництва отставити, а наставити доброго и цнотливого (заботливаго), человѣка Якима Головченка тамошнего жъ обивателя, якій былъ оборній, (лучшій) ате тотъ Романенко асаулъ и бивый наказный сѣялъ плевелы и вкидалъ расколніи рѣчи межи тамошнеи люде, теды просилемъ думного дворянина и воеводы Переяславского Василія Никитича Тарбѣева, абы велѣлъ приняти его за карауломъ (взять надо подъ стражу) у Верхній городъ. Тыи теды Переяславскіе полчане заносятъ нынѣ плачливыи суплики (жалобы) и на самого Дмитрашка, же за малій часъ тое зимы на разныхъ мѣстцахъ выдралъ у людей на осмнадцеть тисячей злотихъ грошей и многими своими суровствами учинилъ имъ немѣрніи обиды, чимъ обтяжены (обременены) будучи просятъ усиловне, абымъ (чтобы) имъ нынѣшнего наказного учинилъ имъ полковникамъ совершеннимъ (настоящимъ); а если бы мѣлъ далѣй надъ ними Дмитрашко[2]) полковниковати, то врозпь розбристися хочутъ; о томъ про то я вашой княжой велможности доносячи и о докладе великимъ государемъ и великой государынѣ того просячи, ожидаю себѣ милостивого вашой княжой велможности наставленя, якъ бымъ въ томъ дѣле поступити моглъ.

Письмо гетмана Ивана Самойловича къ кн. В. В. Голицыну о бывшемъ у него совѣщаніи съ окольничимъ Неплюевымъ[3]).

Божіею милостію великихъ государей царей и великихъ князей Іоанна Алексѣевича Петра Алексѣевича, всея велекіа и малыя и бѣ-

---

[1]) Жаловались.

[2]) Дмитрашка Райгъ, см. Костомаровъ, Мазепа и мазепинцы, стр. 396, 397, 415. Соловьевъ Ист. Россіи, III, 358, 374, 1004, 1013, Акты юго-западной Россіи. Томъ XIII, 4, 8, 23, 55, 63—65, 91, 106, 374, 443.

[3]) Малороссійскіе подлинные акты, 1686 г., Января 27. № 483.—Письмо написано незадолго до заключенія вѣчнаго мира съ Польшею. Окольничій Леонтій Неплюевъ, сѣвскій воевода, вмѣстѣ съ кн. Голицынымъ въ 1689 г. подвергся опалѣ, какъ приверженецъ царевны Софьи и сосланъ въ Пустозерскій острогъ.

Библиотека "Руниверс"

лыя Росіи самодержцевъ и многихъ государствъ и земель восточныхъ и западныхъ и сѣверныхъ отчичей и дѣдичей и наслѣдниковъ и государей и обладателей, ихъ царского пресвѣтлого величества царственныя болшіа печати и государственныхъ великихъ поселскихъ дѣлъ оберегателю, ближнему боярину и намѣстнику Новгородскому, князю Василію Василіевичю Голицыну, моему велце ласковому пріятелю и благодѣтелю челомъ бю.

По указу великихъ государей и сестры ихъ великой государынѣ благовѣрной царевны и великой княжны Софіи Алексѣевны, ихъ царского пресвѣтлого величества былъ у мене въ Батуринѣ для ихъ монаршихъ дѣлъ ближный околничый и воевода Сѣвский и намѣстникъ Карачевский Леонтий Романовичъ Неплюевъ, о которыхъ то монаршихъ дѣлехъ я монаршую ихъ царского пресвѣтлаго величества исполняючи волю пространно разсуждалъ з нимъ и совѣтовалъ и что къ цѣлости преславныхъ ихъ царского пресвѣтлого величества государствъ належитъ, о томъ частью статями, а частью и словесно зданя моѣ (разсужденіе) з истинное вѣрности подданнское зложеныи злецилемъ [1]) емужъ ближнему околничому донести до пресвѣтлого ихъ царского превысокого величества престола, о чомъ всемъ з тогожъ донесенья вашой княжой велможности будетъ въ конецъ вѣдомо. А я все тое покорне подлагаю подъ премудрое и превысокое монаршое ихъ царского пресвѣтлого величества разсмотрѣніе и въ благосовѣтствующое вашой княжой велможности разсужденіе, готовъ будучи во всемъ з войскомъ Запорозкимъ монаршое ихъ великихъ государей исполняти повелѣніе. Тутъ прошу и вѣрне совѣтую вашой княжой велможности, що колвекъ [2]) около миру з поляками и о прочиихъ завзятостехъ (важные предметы) трактоватися будетъ, себы тое за великую тайну въ великомъ было соблюденіи, жебы на иншую сторону жаднымъ способомъ не вынеслося, при семъ добраго здравіа и желателнаго во всемъ благополучія вашой княжой велможности въ премногіе лѣта отъ вседавца Бога всеусердно зычу (пользоваться прошу). З Батурина, Іунааріа 26 д. року 1686.

Вашой княжой велможности зычливый пріятель и служити радъ.

Иванъ Самойловичъ, гетманъ войска ихъ царского пресвѣтлого величества Запорожского.

---

[1]) Поручивъ передать въ словахъ.

[2]) Совѣтую, если будутъ вестись переговоры съ поляками относительно мира, то чтобы они сохранялись въ большой тайнѣ.

Библиотека "Руниверс"

Листъ гетмана Мазепы къ царямъ Іоанну Алексѣевичу, Петру Алексѣевичу и царевнѣ Софьѣ Алексѣевнѣ съ благодарностью за присылку къ нему лѣкаря Романа Николаева*).

Божіею милостію пресвѣтлѣйшимъ и державнѣйшымъ великимъ государемъ царемъ и великимъ княземъ Іоанну Алексѣевичу, Петру Алексѣевичу и великой государинѣ благовѣрной царевнѣ и великой княжнѣ Софьи Алексѣевнѣ, всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцемъ, Московскимъ, Кіевскимъ, Владимерскимъ, Новгородскимъ, царемъ Казанскимъ, царемъ Астраханскимъ, государемъ Псковскимъ и великимъ княземъ Литовскимъ, Смоленскимъ, Тверскимъ, Волинскимъ, Подолскимъ, Югорскимъ, Пермскимъ, Вятцкимъ, Болгарскимъ и інныхъ, государемъ и великимъ княземъ Новогорода Низовскіе земли, Чернѣговскимъ, Резанскимъ, Полоцкимъ, Ростовскимъ, Ярославскимъ, Белоозерскимъ, Удорскимъ, Обдорскимъ, Кондийскимъ, Витепскимъ, Мстиславскимъ и всея Сѣверныя страны повелѣтелемъ и государемъ Иверскія земли, Карталинъскихъ и Кгрузинскихъ царей и Кабардинское земли Черкасскихъ и Горскихъ князей и іныхъ многихъ государствъ и земель восточныхъ и западныхъ и сѣверныхъ отчичемъ и дѣдичемъ и наслѣдникомъ и государемъ и обладателемъ Вашему царскому пресвѣтлому Величеству.

Иванъ Мазепа Гетманъ з войскомъ Вашего царскаго пресвѣтлого величества Запорозскимъ падъ до лица земли предъ пресвѣтлымъ вашего царскаго величества Маестатомъ у стопы ногъ монаршихъ смиренно челомъ бю. Сердцемъ и душею долженъ есмъ всегда приносити вамъ пресвѣтлѣйшимъ и державнѣйшимъ великимъ государемъ и великой государынѣ Вашему царскому пресвѣтлому величеству достодолжное подданское благодареніе и наинизшое челобитье, за тое Ваше царское пресвѣтлого Величества предоброе и премилосердное монаршое призрѣніе, что Вы великіе государи и великая государиня о моемъ худого чловѣка подданого и наинизшого слуга своего здоровью милостивое и премилостивое свое имѣючи попеченіе, изволили для поратованая оного прислати лѣкаря Романа Николаева, котораго я нинѣ отпускаючи къ Москвѣ подъ ноги пресвѣтлого и превысокого Вашего царского пресвѣтлого Величество престола, покорне упадаючи премного

*) Малороссійскіе подлинные акты 1688 г., Января 21, № 503. См. Бантышъ-Каменскій, Исторія Малой Россіи, част. 3. стр. 10.

Библиотека "Руниверс"

о семъ Вамъ великимъ государемъ и великой Государинѣ челомъ бю, и вѣрними радѣніями моими, поколь здоровя и живота моего станетъ щядячи и крове моей служити вашему царскому пресвѣтлому величеству долженствую, з чимъ, яко наипокорнѣй и зиваючися поручаю мене милостивой и премилостивой вашего царскаго пресвѣтлаго величества благостинѣ. З Батурина Генваря 21 року 1688.

Вашего царского пресвѣтлаго Величества вѣрный подданый и наинижайшій слуга Іванъ Мазепа, гетманъ войска вашего царскою пресвѣтлаго величества Запорожскаго.

Письмо гетмана Ивана Мазепы къ кн. В. В. Голицыну о полученныхъ доносахъ, касательно сношеній Полуботка съ крымскимъ ханомъ.[1])

И о тотъ покорне доношу вашой княжой вельможности, же Василы Искрицкий з стороны Польское тутъ побывалый, которого я по указу монаршому ихъ царского пресвѣтлого величества уже назадъ 10 д. февруаріа, выпревелъ,[2]) говорилъ мнѣ словесно, же гетманъ коронный Станиславъ Яблоновский приказалъ ему донести мнѣ о Леонтію Полуботку, что если таковыхъ людей ховати (прятать) по волѣ, то не можетъ будто состоятися всенародный покой. А якобы есть у его, гетмана коронного писма рукою Полуботковою писаныи до Хана Кримского, черезъ которыи будто онъ Полуботокъ въ нѣкоторыи з ханомъ вступалъ совѣты, о чомъ и Яковъ Глуховецъ отъ его-жъ гетмана коронного словесно мнѣ вкратцѣ доносилъ. Любо теды, якъ по Яковвой Глуховцевой мовѣ[3]), такъ и по его Искринцкого донесенью безъ явственныхъ доводовъ нѣлзе вѣрити, абы Полуботокъ таковыхъ срашныхъ и на главу свою огненосныхъ рѣчей важился: Яковъ безъ оказанья таковыхъ писемъ и принятися за него трудно, однакъ я черезъ сюю цедулу мою по должности доношу о томъ вашой княжой велможности, и если надобѣ тое донесенье пресвѣтлѣйшимъ и державнѣйшимъ великимъ государемъ и великой государинѣ, ихъ царскому пресвѣтлому величеству донести, и якимъ способомъ, если чрезъ резидента[4]) ихъ монаршого или чрезъ кого иншого о томъ достатечное

---

[1]) Малороссійскіе подлинные акты, 1688 г. Февраль № 513.

[2]) Отправилъ.

[3]) По словамъ.

[4]) Посолъ и вообще важный чиновникъ, королевскій или императорскій.

Библиотека "Руниверс"

истоты[1]) довѣдатися, тое премудрой вашой княжой велможности полецаю[2]) увозѣ.

196-го, февраля въ 27 д. писмо гетмана Мазепы прислано къ боярину въ листку по извѣщенію Искритцкого о Полуботкѣ Леонте какъ наказано сказать отъ Яблоновскаго гетмана Корунного.

Письмо гет. Ив. Мазепы къ Голицыну о предполагаемомъ походѣ подъ Казыкермень и о выведеніи казаковъ съ острова Кодака.[3])

Божіею милостію пресвѣтлѣйшихъ и державнѣйшыхъ великихъ государей царей и великихъ князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича и великой государыни благовѣрной царевны и великой княжны Софіи Алексѣевны, всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцевъ и многихъ государствъ и земель восточныхъ и западныхъ и сѣверныхъ отчичей и дѣдичей и послѣдниковъ и государей и обладателей іхъ царского пресвѣтлого величества ближнему боярину и дворовому воеводѣ, ясневелможному князю Василію Василієвичю Голицину царственныя болшыя печати и государственныхъ великихъ и посельскихъ дѣлъ оберегателю и намѣстнику Новгородскому, моему велце ласковому господину приятелеви и милостивому благодѣтелеви зычливое мое и всякихъ благъ сприяючое препосылаю поздоровленье.

Посылаючи з умислу (нарочнаго) слугу мого Івана Быстрицкого къ царствующому великому граду Москвѣ, отдаю мое низкое чолобитье вашой княжой велможности, милостивому моему благодѣтелю, зычу всеусерднымъ желаніемъ, дабы всесоздател Богъ вашу княжую велможность въ добромъ здравіи и благополучномъ пребываніи сохранялъ божественною своею милостію въ премногіе лѣта. Прошу покорне вашой княжой велможности, изволь мене ховати въ непремѣнной своей благодѣтелской милости, которой отдаю мене покорне з низкими услугами моими навсегда. З. Батурина марта 24 року 1688.

Вашой княжой велможности всего добра зичливий (искренній) приятель и низкій слуга

---

[1]) Если я узнаю настоящую правду.

[2]) Сообщу на ваше усмотрѣнье.

[3]) Малороссійскіе подлинные акты, 1688 г. Марта 24. № 518.

Библиотека "Руниверс"

Іванъ Мазепа, гетманъ войска ихъ царского пресвѣтлого. величества Запорожского.

Писано ко мнѣ отъ вашей княжой велможности, благодѣтеля моего, же для выгоды моее и для поратованя (возстановленіе) особъ при мнѣ будучихъ здоровя, мѣлъ посвѣшити вскорѣ ко мнѣ лѣкарь Романъ Николаевъ, але оного до сего часу нѣтъ, покорне теды прошу вашой княжой велможности, изволь росказати оного выслати ко мнѣ, такъ же бы и въ походѣ военномъ оный при мнѣ найдовался. А если тотъ сюда ѣхати не похочетъ, теды изволь ваша княжая велможность по благодѣтелской своей милости иного способного и искусного человѣка обыскати велѣти и прислати.

Походъ подъ Казикерманъ[1]) премочною монаршою ихъ царскою пресвѣтлого величества волею назначенный, яко есть дѣло великое, такъ мы зъ околничимъ его милостью Леонтіемъ Романовичемъ и з думнымъ дворяниномъ и воеводою Григоріемъ Івановичемъ перше (сперва) въ Батуринѣ, а потомъ теперь въ Глуховѣ мусимъ[2]) о томъ обширне говорити, разъсужаючи, якъ бы могло быти оное зъ пожиточнымъ (наивозможнѣйшимъ) совершенствомъ, что убо з нашого розговору и обрады сполное заслушную рѣчь (обсужденіе будетъ заслушано) быти окажется, о томъ статями великимъ государемъ и великой государинѣ ихъ царскому пресвѣтлому величеству черезъ умыслного посланного нашого будетъ извѣстно.

З Кадацкого острова[3]) прибылъ ко мнѣ Опашенское сотнѣ писаръ з таковымъ листомъ, же оный на томъ островѣ будучы и люде одны од дня святого Михаила, а другіе отъ праздника Рождества Господня на службѣ монаршой ихъ царского пресвѣтлого величества найдуючися з голоднѣли[4]) и просятъ мене, абы ихъ оттоль зведено. Я теды уважаючи, же тое острова оного мѣстце въ наступаючой веснѣ и въ наступачомъ лѣтѣ за розлитьемъ водъ можетъ быти крѣпко, позволелъ тымъ упрацованнымъ (истомленный) людемъ, оставивши триста человѣка для береженя монаршихъ хлѣбныхъ запасовъ, зыйти въ домы свои, о чемъ я до великихъ государей и великой государинѣ ихъ царского пресвѣтлого величества нынѣ въ листѣ моемъ выписую. А що тотъ писарь Опошенский принесъ з то Кодацкого острова вѣстей и якій чрезъ него о скудости[5]) людей полку Годяцкого писанъ листъ тую повѣсть и листъ посѣлаю я до вашой княжой велможности.

---

[1]) Казыкермень—городъ на Днѣпрѣ, находившійся въ турецкомъ владѣніи.

[2]) Должны были.

[3]) Кадыкъ—островъ на Днѣпрѣ.

[4]) Истомились.

[5]) Обѣдненія.

Библиотека "Руниверс"

Письмо Мазепы къ кн. В. В. Голицыну о глуховскомъ жителѣ Аѳанасьѣ Заруцкомъ, отправляющемся въ Москву для испрошенія позволенія напечатать составленную имъ книгу. [1])

Божіею милостію пресвѣтлѣйшыхъ и державнѣйшыхъ великихъ государей царей и великихъ князей Іоанна Алексѣевича Петра Алексѣевича и великой государини благовѣрной царевны и великой княжны Софіи Алексѣевны, всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцевъ и многихъ государствъ и земель восточныхъ и западныхъ и сѣверныхъ отчичей и дѣдичей и наслѣдниковъ и государей и обладателей, ихъ царского пресвѣтлого величества ближнему боярину и болшого полку дворовому воеводѣ, ясне-вельможному князю Василію Василіевичу Голицину, царственныя болшія печати и государственныхъ великихъ и посольскихъ дѣлъ оберегателю и намѣстнику Новгородскому, моему, велце ласковому господину и милостивому благодѣтелеви зычливое мое и всякихъ благъ сприяючое полное препосилаю поздоровленіе.

Афанасий Заруцкий, житель Глуховский, тщаніемъ своимъ якъ змогъ подлугъ (при помощи) разума своего составивши книжицу на похвалу превисокого имени пресвѣтлѣйшихъ и державнѣйшыхъ великихъ государей и великой государыни благовѣрной царевны, ихъ царского пресвѣтлого величества и на розширеніе славы всего ихъ монаршого Російского царствія, показовалъ мнѣ оную и просилъ велце (при этомъ), абы была тутъ въ Малой Россіи напечатана и свѣту оказана. Прето (въ слѣдствіе что) я, якъ жадныхъ (никакихъ) рѣчей, тутъ безъ волѣ и позволеня монаршого, ихъ царского пресвѣтлого величества не починаю, такъ и з тымъ составленымъ дѣломъ его Заруцкаго въ царствующій градъ Москву до вашой княжой вельможности посылаю. Где изволь ваша княжая велможность росказать разумнымъ и въ такихъ дѣлехъ искуснымъ людемъ пересмотрѣти и изслѣдити тоей написаной книжици, и если оная будетъ угодна премилостивой волѣ монаршой, ихъ царского пресвѣтлого величества, и вашой княжой велможности высокой увазѣ, то можетъ по томъ изслѣдованіи и напечатана быти. Ощо (еще) онъ своего приложитъ стараня тое до

---

*) Малороссійскіе подлинные акты. 1688 г., іюля, № 536.—Съ подобными просьбами обращались къ князю Голицыну, какъ къ покровителю просвѣщенія.

Афанасій Заруцкій См. Шляпкинъ стр. 204. Костомаровъ-Руина томъ XVI, стр. 409.

Библиотека "Руниверс"

ознаменя (пока узнаетъ) и высокой уваги (уваженіе) вашой княжой велможности подавши, полецаюся (льщусь) при томъ унижонимъ моимъ поклономъ звыклой благодѣтелской вашой княжой велможности ласце. З Батурина іюня 3-го року 1688-го.

Вашой княжой велможности всего добра зычливой проситель и низкій слуга.

Иванъ Мазепа, гетманъ войска ихъ царского пресвѣтлого величества Запорожского.

Извѣстно вашой княжой велможности чиню, итъ (что) оную его книжку читалъ и исправлялъ мужъ мудрости полний, преосвященний архиепископъ Лазарь Барановичъ, и велце залецалъ (полюбилъ) и хвалилъ, и до мени о томъ писалъ и инині мудриі люде похвалили. Еднакъ же (къ тому же) просилъ онъ мене Аѳанасій Заруцкий, абы прежде вашой княжой велможности подалъ пункта (справку), о чомъ тая книжка буде написана, которие я до вашой княжой велможности одсилаю; а онъ тамъ имѣе воскорѣ лѣтописцовъ писанихъ изслѣдовати, жеби в чомъ у своей книжцѣ не погрѣшилъ, прошу теды вашой княжой велможности, благоволи оному краткий часъ исслѣдовати лѣтописцѣ, а онъ тую свою книжку, якъ наискорѣй вашой княжой велможности подастъ исправивши. Видячи я немалую працу (работу) Аѳанасии Заруцкого въ начертаню книжици ко прославлению маестату ихъ царского пресвѣтлого величества и вашой княжой велможности, теди в нагороду тихъ его працъ, а до другихъ добрихъ дѣлъ повабляючи найменовалемъ ему дати село Чорторию; еднакъ же просилъ онъ мене, аби до вашой княжой велможности причинилъся за нимъ, аби ему ко лучшей крѣпости грамота дана била государская на тое село по милости государской и по ласцѣ вашой княжой велможности, бю теди чоломъ вашой княжой велможности, покажи милосердіе свое надъ нимъ, бо кгдижъ (потому, что) любъ онъ есть молодъ лѣтами, еднакъ же залѣцаю я оного вашой княжой велможности, ижъ барзоцнотливе (покорный) и богоугодно живе и въ науцѣ книжной есть глубокъ досконалий, щобъ ему било з чого службу имъ великимъ государемъ служить, умилосердися надъ нимъ.

Письмо Мазепы къ кн. В. В. Голицыну съ благодарностью за ходатайство о присылкѣ къ нему лѣкаря во время военнаго похода.[1])

Божіею милостію пресвѣтлѣйшихъ и державнѣйшихъ великихъ государей царей и великихъ князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алек-

[1]) Малороссійскіе подлинные акты, 1688 г., Октября 3, № 562.

Библиотека "Руниверс"

сѣевича и великіе государыни, благовѣрные царевны и великіе княжны Софіи Алексѣевны, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцевъ и многихъ государствъ и земель восточныхъ и западныхъ и сѣверныхъ отчичей и дѣдичей и наслѣдниковъ и государей и обладателей, ихъ царского пресвѣтлого величества ближнему боярину и намѣстнику Великопермъскому, велможному князю Алексѣю Василіевичю Голицыну, моему велце ласкавому господину пріятелю и благодѣтелю зычливое мое и всякихъ благъ спрыяючое препосылаю поздоровленіе.

Отпускаючи з Батурина лѣкара Романа Николаевича, отдаю низкій мой поклонъ вашой княжой велможности, а яко благодѣтелеви моему милостивому отцу вашой княжой вельможности такъ и самому вашой княжой велможности челомъ бю и всеусердно благодарствую, что вашой княжой велможности предстателствомъ изволили пресвѣтлѣйшіе и державнѣйшіе великіе государи и великая государыня, ихъ царское пресвѣтлое величество повелѣли отпускати лѣкаря человѣка добраго и выгодного ко мнѣ ку подпорѣ моего здоровя, прошу и впередъ благодѣтельской милости, изволте ваша княжая велможность милостивымъ своимъ предстателствомъ еднати[1]) превысокую и премилосердную монаршую милость, дабы и на пришлолѣтный военный походъ онъ пречеченый лѣкарь ко мнѣ былъ отпущенъ, въ чомъ на премилосердную монаршую милость надеженъ будучи, отдаюся благодѣтелской вашой княжой велможности ласце. З Батурина октоврія 3 д. року 1688-го.

Вашой княжой велможности всего добра упрейме зычливый пріятель и слуга

Иванъ Мазепа, гетманъ войска ихъ царского пресвѣтлого величества Запорожского.

Письмо Гетмана Ивана Мазепы объ отправленіи въ Москву татарскихъ плѣнныхъ, о своихъ сношеніяхъ съ запорожцами и о разныхъ дѣлахъ, касающихся Малоросіи.[2])

Божіею милостію пресвѣтлѣйшыхъ и державнѣйшыхъ великихъ государей царей и великихъ князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича и великой государини, благовѣрной царевны и великой княжны Софіи Алексѣевны, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцевъ

---

[1]) Снискать.

[2]) Малороссійскіе подлинные акты, 1688 г. Ноября 3, № 572.

Библиотека "Руниверс"

и многихъ государствъ и земель восточныхъ и западныхъ и сѣверныхъ отчичей и дѣдичей и наслѣдниковъ и государей и обладателей ихъ царского пресвѣтлого величества ближнему боярину и дворовому воеводѣ ясневелможному князю Василію Василіевичу Голицину, царственныя болшыя печати и государственныхъ великихъ и поселскихъ дѣлъ оберегателю и намѣстнику Новгородскому, моему велце ласковому господину и милостивому благодѣтелеви зычливое и всякихъ благъ сприяючое препосылаю поздоровленье.

О прибытю ко мнѣ въ Батуринъ Запорожцовъ и Переяславского полку козаковъ з татарскими языками пишу я листъ мой до пресвѣтлѣйшыхъ и державнѣйшихъ великихъ государей и великой государинѣ благовѣрные царевны, ихъ царского пресвѣтлого величества, который то листъ мой и повѣсти тыхъ татарскихъ языковъ черезъ умыслного (нарочнаго) гонца моего Ивана Бустрицкого наскоро посылаю въ царствующий великий градъ Москву, з якого моего листа и з повѣсти оныхъ бесурманскихъ языковъ о всемъ донесеню моемъ достатечне вашой княжой велможности, милостивому моему благодѣтелеви будетъ вѣдомо; тутже покорне доношу, же з Коша (сѣчи) атаманъ Кошовый и всѣ Запорожцѣ допрошуются у мене и многократне докучаютъ, же бымъ имъ за два роки[1]), за прошлый и за нынѣшный по пятсотъ бочокъ борошна[2]), то есть за два годи тисячу бочокъ одослалъ на кошъ подводами, что учинити теперь велце трудно за бездорожемъ нинѣшнымъ. А донесено мнѣ вѣдати и тое, же они Запорожци з Коша, якъ конѣ свои, которыи іменуютъ быти войсковыми арматними[3]) по прошлорочному обикновенію прислати въ городи рейменту моего для прокормленія маютъ, такъ и сами комонникомъ для всеживленъя своихъ коней сюда жъ прибыти хочутъ, которыи особливую нанесутъ посполитимъ людемъ тягость, опрочъ полковъ комонныхъ[4]) и пехотныхъ охотницкихъ, которыи подъ ременгомъ (управленіемъ) моимъ гетманскимъ, а вше знайдуются, зачимъ прошу покорне вашой княжой велможности, изволь милостиво, яко оборошной томъ, такъ и о конехъ ихъ Запорожскихъ, также и о томъ, что на станцію комонно Запорожци на зиму прійти хочутъ, донести имъ великимъ государемъ и великой государинѣ ихъ

---

[1]) Года.

[2]) Пиво.

[3]) Артиллерійскаго.

[4]) Мнѣ донесено, что изъ Сѣчи хотятъ прислать лошадей, называемыхъ ими войсковыми, артиллерійскими, и сами на коняхъ хотятъ прибыть сюда для поправки лошадей, что съ конными и пѣхотными полками, находящимися подъ моимъ гетманскимъ управленіемъ, доставитъ большое отягощеніе крестьянамъ.

Библиотека "Руниверс"

царскому пресвѣтлому величеству, да быхъ мѣлъ о томъ преможный милостивый ихъ монаршый указъ, если мнѣ вѣрному ихъ царского пресвѣтлого величества подданному исполнити тое ихъ Запорожцовъ желаніе; а тое покорне докладаю вашой княжой велможности, же и передъ симъ за прошлыхъ гетмановъ они запорозци тыи свои арматныи конѣ сюди на зиму присиловали (тѣхъ своихъ артиллерійскихъ коней сюда на зиму присланы) и покозовано было тимъ конемъ прокормленіе. О указъ про то монаршый о семъ и повторе унижоне просячи, отдаю мене звыклой благодѣтелской вашой княжой велможности милостивай ласце. З Батурина поеврія 3 дня, року 1688.

Вашой княжой велможности звечливый приятель и низкій слуга.

Іванъ Мазепа, гетманъ войска ихъ царского пресвѣтлого величества Запорожского.

Тутже посылаю писмо з мѣстечка переволочной отъ дозорци моего млынового о Запорозскамъ нынѣшнемъ поведеніи, ко мнѣ писаное, въ которомъ доложено, же въ Казикерменѣ городку Турецкомъ на Днепрѣ будучомъ, новый сталъ (назначенъ) бей и подкинено писмо Запорожцомъ, чтобъ они з нимъ новымъ беемъ помирилися, на якую прелесть Запорожцѣ не склонилися.

Тутъ же покорне упрошаю Вашой княжой велможности о милостивое благодѣтелское себѣ наставленіе, если минѣ з тыхъ полковниковъ, которые въ томъ военномъ походѣ обрѣтаются, за прибытемъ сюда въ Батуринъ оныхъ з тоею о ихъ промыслѣ вѣдомостю и з языкомъ, если якій будетъ посылати якого до царствующаго великого града Москвы, или чрезъ почту ихъ царскому пресвѣтлому величеству, учинити о томъ донесенье; а имена тыхъ полковниковъ въ томъ же въ листѣ суть изображены, якій я посылаю до вашой княжой велможности.

Посылалъ я з умыслу въ Полскую державу тайно человѣка для провѣдованья тамошнего повоженья, особливе хотячи вѣдати о роспущеніи з обозу войскъ полскихъ и где бъ власне охотныхъ козаковъ полки з Могилою и з Палѣемъ*) обернутися мѣли. Якій мой посыл-

*) Палѣй—казацкій полковникъ, правитель правобережной Украйны, принималъ видное участіе въ событіяхъ исторіи Малороссіи въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII вѣка. Во время великой сѣверной войны былъ обвиненъ Мазепой въ тайныхъ сношеніяхъ съ Карломъ XII и сосланъ въ Енисейскъ. Освобожденъ Петромъ послѣ паденія Мазепы.

Библиотека "Руниверс"

щикъ, будучи въ городахъ державы полское, повернулся ко мнѣ, и що въ роспросѣ сказалъ, тое я на особливый напѣръ написати велѣвши, посылаю тыи распросныи рѣчи тутже до вашой княжой велможности, и если тое великимъ государемъ и великой государинѣ ихъ царскому пресвѣтлому величеству годно донести, премудрому полецаю вашой княжой велможности разсмотренію.

Еще и отомъ писали ко мнѣ атаманъ кошовый и всѣ Запорожци, а бымъ имъ прислалъ гроши з приходовъ Переволочанского перевозу прибраные, (чтобы я имъ прислалъ деньги, поступившія въ доходъ съ Переволоч. перевоза) якого то перевозу по приказу моемъ черезъ тое лѣто доглядали сотникъ и атаманъ тамошніе жъ Переволочанскіе, которымъ тотъ доглядъ я приказалъ лѣти для лучшое имовѣрности, (которымъ я приказалъ имѣть тамъ подзоръ для большой вѣрности) отколь онъ сотникъ и атаманъ ознаймили [1]) мнѣ, же з тыхъ перевозныхъ приходовъ зобралося грошей чеховое монети на чотириста рублей. Прошу про то покорне вашой княжой велможности, изволь благодѣтельскимъ своимъ предстателствомъ великимъ государемъ и великой государинѣ ихъ царскому пресвѣтлому величеству о семъ донести и зедняти [2]) мнѣ милостивый ихъ монарший указъ, если тыи з пречеченого перевозу зборнии гроши одослати имъ Запорожцомъ.

Войско рейменту моего, которое з полковниками охотницки Іеліею Новицкимъ и иными за реку Днѣпръ и за рѣку Богъ для чиненья надъ неприятелями промыслу посылалемъ, поворочается уже назадъ. О якомъ поворотѣ який мнѣ отъ оныхъ полковниковъ з дороги при выправѣ сего къ Москвѣ посыльщика моего подано листъ, тотъ посылаю тутъ же къ вашой княжой велможности и вократцѣ доношу, же любо непріятели бесурмане въ городѣ Очаковѣ о походѣ того войска провѣдали и остереглися, однакъ помощію Божіею святобливымъ [3]) великихъ государей нашихъ и великой государинѣ благовѣрной царевнѣ, ихъ царского пресвѣтлого величества щастьемъ тыи войсковыи люде отважне денъною порою подъ городъ оный пришодши, непріятелей за валы городовыи и на отпоръ выйшойшихъ [4]) боемъ наступателнымъ въ замокъ калконый (?) угнали и два посады подъ тымъ замкомъ камянимъ у валахъ земляныхъ будучиі взяли и всѣ набытки [5]) з нихъ выбравши.

---

[1]) Оповѣстили меня.

[2]) Прислать.

[3]) Благочестивыхъ.

[4]) Вышедшихъ.

[5]) Пожитки.

Библиотека "Руниверс"

поселенiи до конца и хлѣбы всѣ выпалили. И тамъ же недалеко Очакова въ полю купу (шайку) татарскую з войны з Венъкгерское землѣ з ясырами до Криму поворочаючую розгромили и ясыри душъ христiянскихъ свободили, о чомъ впередъ великимъ государемъ и великой государинѣ ширшое[1]) покорне за прибытьемъ ко мнѣ полковниковъ оныхъ учиню донесенье. [2])

Доносилъ мнѣ многократне черезъ свои писма Киевский полковникъ Костанътинъ Солонина, [3]) же въ мѣстечку Моравску маетности преосвященънаго митрополита Киевского мешкаючимъ (живущимъ) козакомъ отъ черица приказного (монахомъ, бывшимъ приказнымъ чиновникомъ у митрополита) великiе дѣются обиды и тяжести, по якомъ доношенъю я многократне писалъ до преосвященнаго митрополита просячи, абы приказному черницеви своему приказати изволилъ не чинити обидъ и тяжестей козакомъ оным. На якiе мои прошенiя онъ преосвященный митрополитъ своему приказному черницеви заказу о томъ чинити не изволилъ и тотъ чернецъ въ своемъ суровствѣ противу козаковъ паче первое своее завзятости простерлъся, (пошелъ дальше первой своей жестокости) черезъ что козаки не могучи з нести обидъ своихъ и не хотячи покинути своихъ домовыхъ поселенiй, мусѣли на тое позволитися, же всѣ огуломъ поддаются въ подданство или крестiянство ему преосвященъному отцу митрополиту. А всѣхъ ихъ козаковъ сто и тридцеть человѣка подъ сотникомъ тамошнымъ найдовалося. Если теды подъ часъ нынѣшнее по указу ихъ царского пресвѣтлого величества з неприятелями бесурманами отправуючоеся войны можно мнѣ допустити (можно ли мнѣ допустить, чтобы во время войны) з реестру войскового по такомъ многомъ числѣ казакамъ выписоватися, прошу о томъ покорне вашой княжой велможности, милостивого моего благодѣтеля, извѣстно волю монаршую знаючого, и о семъ донести могущаго милостивого наставленiя. А якiе ко мнѣ о тыхъ обидахъ козацкихъ пречеченый полковникъ Киевский писалъ листи, тыи посыляю тутъ же въ приказъ Малыя Россiи для вѣдома вашой княжой велможности.

---

[1]) Болѣе обширное.

[2]) Между 1-мъ и 2-мъ крымскимъ походомъ казаки имѣли постоянныя стычки съ татарами и, какъ видно изъ донесенiй Мазепы, одерживали надъ ними побѣды.

[3]) Солонина, кiевскiй полковникъ.—Былъ въ числѣ доносчиковъ на гетмана Ивана Самойловича во время 1-го крымскаго похода.

Соловьевъ. Исторiя Россiи томъ XII „стр. 1008.

См. Костомарова. Руина, томъ XIV, стр. 275.

Акты Юго-западной Россiи. томъ 13 стр. 54, 499, 504, 538, 607, 610, 411, 450, 448, 449, 751, 753.

Библиотека "Руниверс"

Листъ гетмана Ивана Мазепы къ царямъ Іоанну Алексѣевичу, Петру Алексѣевичу и царевнѣ Софіи Алексѣевнѣ объ учиненномъ розыскѣ, касательно извѣта въ измѣнѣ Переяславскаго полковника Леонтія Полуботка.[1])

Божіею милостію пресвѣтлѣйшымъ державнѣйшимъ великимъ государемъ царемъ и великимъ княземъ Іоанну Алексіевичу, Петру Алексіевичу и великой государинѣ благовѣрной царевнѣ и великой княжнѣ Софіи Алексѣевнѣ, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцемъ, Московскимъ, Кіевскимъ, Владимирскимъ, Новгородскимъ, царемъ Козанскимъ, царемъ Астраханскимъ, царемъ Сибирскимъ, государемъ Псковскимъ и великимъ княземъ Литовскимъ, Смоленскимъ, Тверскимъ, Волынскимъ, Подолскимъ, Югорскимъ, Пермскимъ, Вятцкимъ, Болгарскимъ и иныхъ государемъ и великимъ княземъ Новагорода Низовское земли, Чернѣговскимъ, Резанскимъ, Полоцкимъ, Ростовскимъ, Ярославскимъ, Белоозерскимъ, Удорскимъ, Обдорскимъ, Кондійскимъ, Витепскимъ, Мстиславскимъ и всея Сѣверныя страны повелителемъ и государемъ Іверскія земли Корталинскихъ и Крузинскихъ царей и Кабардинское земли Черкаскихъ и Горскихъ князей и иныхъ многихъ государствъ и земель восточныхъ и западныхъ и сѣверныхъ отчичемъ и дѣдичемъ и наслѣдникомъ и государемъ и обладателемъ, вашому царскому пресвѣтлому величеству.

Іванъ Мазепа з войскомъ вашего царского пресвѣтлого величества Запорозкимъ падъ до лица земного предъ пресвѣтлымъ вашого царского величества престоломъ у стопы ногъ монаршихъ смиренно чоломъ бю. По преможномъ монаршомъ вашего царского пресвѣтлого величества указу и по вашой монаршой поважной грамотѣ зрозумѣвши я думного дворянина и воеводы Переяславскаго и намѣстника Углецкого Василія Даниловича Мясново, до васъ великихъ государей и великой Государини о бывшомъ Переяславскомъ полковнику Леонтію Полуботку учиненное донесене, что будто онъ Полуботокъ вамъ великимъ государемъ и великой государинѣ, будучи на военной службѣ, изменялъ, велѣлъ его бывшого Переяславского полковника Леонтія Полуботка з Чернѣгова и тыхъ людей, что на него передъ думнымъ дворяниномъ и воеводою Переяславскимъ о измѣне чинили извѣтъ, з Переяславля зыскати в Батурымъ и тутъ судомъ войсковымъ енералнымъ по войсковыхъ нашыхъ правахъ и обыкновенію учинити о томъ розыскъ. что теды

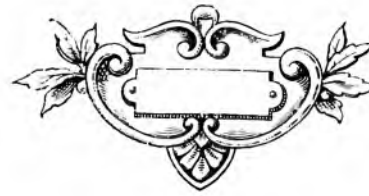
[1]) Малороссійскіе подлинные акты, 1688 г. Декабря 31, № 578.

Библиотека "Руниверс"

з очныхъ ставокъ по доводахъ розыскано, того всего учинена есть запись, которую то запись я для вѣдома вамъ великимъ государемъ и великой государинѣ, вашому царскому пресвѣтлому величеству нынѣ при семъ моемъ листѣ посылаю и прошу покорне милостивого вашего царского пресвѣтлого величества указу, якъ тое дѣло имѣю вершити; а я тутъ покорне докладаю, же яко по сихъ свѣдоцтвахъ не довелася на пречоного Леонтія Полуботка въ извѣтахъ описаная вина *), такъ отпустилемъ его з Батурина въ Чернѣговъ безъ задержаня, жебы тамъ жилъ въ дому своемъ, такожъ и людей Переяславскихъ въ домы ихъ отпустилемъ. При семъ яко наипокорнѣй оддаюся милостивому вашого царского пресвѣтлого величества призрѣнію. З Батурына декавр. 31 д. року 1688.

Вашего царского пресвѣтлого величества вѣрный подданный и наинижайший слуга

Іванъ Мазепа, гетманъ войска вашего царского пресвѣтлого величества Запорожского.



Библиотека "Руниверс"

ПИСЬМА, НЕ ПОМѢЧЕННЫЯ ОТДѢЛЬНО ВЪ ПРЕДИСЛОВІИ.

Письмо боярина кн. В. В. Голицына къ гетману Ивану Самойловичу съ просьбою о покровительствѣ посланному на службу въ Нѣжинъ воеводою думному дворянину.*)

Божіею милостію великихъ государей царей и великихъ князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича всеа великія и малыя и бѣлыя Росіи самодержцевъ и многихъ государствъ и земель восточныхъ и западныхъ и сѣверныхъ отчичей и дѣдичей и наслѣдниковъ и государей и обладателей, ихъ царского величества царственные большіе печати и государственныхъ великихъ посольскихъ дѣлъ оберегатель, ближней бояринъ и намѣстникъ Новгородцкой князь Василей Васильевичъ Голицынъ.

Великихъ государей нашихъ, ихъ царского величества подданному войска Запорожского обоихъ сторонъ Днѣпра гетману Ивану Самойловичу любезному моему пріятелю и брату.

По указу великихъ государей нашихъ, ихъ царского величества, посланъ на ихъ царского величества службу въ Нѣжинъ воеводою думной дворянинъ и намѣстникъ Кашинской Иванъ Богдановичъ Ловчиковъ, о чемъ прошу твоей брата моего любви, буди къ нему по обыклому своему пріятству любовенъ, а и я съ своей стороны такою жъ должностію въ желательствѣ твоемъ обовязуюся. Засимъ предаю тебя пріятеля и любезного брата Господу Богу въ сохраненіе и желаю доброго здравія на многія лѣта. Данъ ихъ царского величества въ царствующемъ велицемъ градѣ Москвѣ лѣта отъ созданія мира 7194-го.

---

*) Малороссійскіе подлинные акты, 1686 г., прежде сентября № 24.

Библиотека "Руниверс"

Письмо гетмана Ивана Самойловича къ В. В. Голицыну съ благодарностью за благорасположеніе.[1])

Божіею милостью великихъ государей царей и великихъ князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича всея великія и малыя и бѣлыя Росии самодержцевъ и многихъ государствъ и земель восточныхъ и западныхъ и сѣверныхъ отчичей и дѣдичей и наслѣдниковъ и государей и обладателей, ихъ царского пресвѣтлого величества, царственныя большое печати и государственныхъ великихъ посельскихъ дѣлъ оберегателю, ближнему боярину и намѣстнику Новгородскому, его милости князю Василию Василіевичу Голицину, моему вельце ласкавому пріятелеви и благодѣтелеви зычливое мое препосилаю поздоровленье.

По великихъ государей ихъ царского пресвѣтлого величества указу, прибывши до мене столникъ Семенъ Ерофѣевичъ Алмазовъ при дѣлехъ монаршыхъ и при милостивомъ ихъ великихъ государей словѣ, обявилъ мнѣ словесно великую любовь и неотмѣнную ласку и пріязнь вашой княжой велможности. ижъ ваша княжая велможность обѣцуешь прежде прореклую въ предыдучше часы (прежнее время) противко мене сохраняти щирость, (любезность) затое теды я велце вашой княжой велможности дякую и яко взаимне з моею пріезнюю до вашой княжой велможности отзываюся, такъ и зычу, добы ваша велможность въ премногие лѣта заживалъ желаемой щасливости, а ховалъ мене въ своей благодѣтелствующой ласцѣ, которой и на сей часъ отдаю мя приязливе. З Глухова іюня 21 д. року 1684.

Вашой княжой велможности зычливый пріятель и служити готовъ Іванъ Самойловичъ гетманъ войска ихъ царского пресвѣтлого величества Запорожского.

Письмо гетмана Ивана Самойловича къ князю Голицыну съ благодарностью за содѣйствіе къ пожалованію ему деревень въ вотчину.[2])

Божіею милостью великихъ государей царей и великихъ князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцевъ и многихъ государствъ и земель восточныхъ и

[1]) Малороссійскіе подлинные акты, 1684 г., іюня 21, № 456.

[2]) Малороссійскіе подлинные акты, 1685 г. іюня 23, № 469.

Библиотека "Руниверс"

западныхъ и сѣверныхъ отчичей и дѣдичей и наслѣдниковъ и обладателей, ихъ царского пресвѣтлого величества царственныя болшоя печати и государственныхъ великихъ поселскихъ дѣлъ оберегателю ближнему боярину и намѣстнику Новгородскому князю Василію Василіевичу Голицину, моему велце ласковому господину пріятелеви и благодѣтелю зычливое мое препосылаю поздоровленье и чолобитье.

О дѣлехъ великихъ государий нашихъ, ихъ царского пресвѣтлого величества черезъ ближнего околничого и воеводу Сѣвского и намѣстника Карачевского Леонтія Романовича Неплюева мнѣ предложеныхъ совершенное я принялъ извѣщеніе, на которіе дѣла я по моей должности мое покорное донесенье черезъ егожъ пречеченого околничаго до пресвѣтлого престола монаршого статями выписую, о которыхъ вашой княжой велможности всѣ ихъ монаршіи поважніи дѣла во исправленіи своемъ имѣю, чому будетъ вѣдомо. А же ваша княжая велможность по великой своей благодѣтелской ку мнѣ любовѣ и благостинѣ своимъ поважнымъ (вліятельнымъ) предстателствамъ особный милостивый изволилъ исходатайствовати мнѣ монарший указъ, який я якъ з устной пречеченого околничого мовы (рѣчи), такъ и з выразного (яснаго) вашой княжой велможности листа виразумѣлъ и отобралъ, что великіе государи наши, ихъ царское пресвѣтлое величество и сестра ихъ великая государиня благовѣрная царевна и великая княжна Софѣя Алексѣевна милостиво и премилостиво призираючи на мои подданскіи вѣрніи службы, изволили дати милостивого своего жалованя мнѣ и дѣтемъ моимъ, именно въ отчину певніи (нѣсколько) деревнѣ з землями и з усякими угодями въ Кромскомъ уездѣ въ Речицкомъ стану лежачіе, въ которыхъ найдуется крестянскихъ дворовъ пятдесятъ и два; и я тое благодарнымъ серцемъ принявшы, выписую мое имъ великимъ государемъ и сестрѣ ихъ великой государинѣ благовѣрной царевнѣ належащое благодареніе и покорное челобитье въ статяхъ моихъ, а и вашой княжой велможности усерднымъ желателствомъ прошу велице, изволь мое покорное благодареніе, якое я покорнымъ чыню сердцемъ, донести имъ великимъ государемъ и сестрѣ ихъ великой государинѣ благовѣрной царевнѣ. А особно чоломъ бю и низко кланяючися покорне дякую вашой княжой велможности, что по милостивому своему пріятству, истинною любовію прихиленъ ко мнѣ (склоненъ) будучи своимъ предстательствомъ до помочти (помочь) изволилъ къ поданію мнѣ того милостивого ихъ монаршого жалованя, а неточію въ томъ, но и во всѣхъ приключаючихся дѣлехъ изволяешь быти желательнымъ предстателемъ, за что я многократне вашой княжой велможности чоломъ бю и яко великимъ государемъ и сестрѣ ихъ великой государинѣ служити

Библиотека "Руниверс"

по моему обѣщанію долженъ есмъ, такъ и вашой велможности премногая благодѣянія въ многихъ случаяхъ мнѣ изъ явленная, всяко поволностю, услугою и отвряченьемъ возблагодарствовати обовязуюся. При семъ доброго здоровя и желаемое щасливости отъ всещедрое руки Всемогущого Бога въ премногіе лѣта зажывати (прожить) вашой княжой велможности усердно желаю и отдаю мене навсегда егожъ благодѣтелствующой пріязны и любовѣ. Данъ въ Батуринѣ 23-го іюня року 7685-го.

Вашой княжой велможносты зычливый пріятель и служити радъ.

Іванъ Самойловичъ гетманъ войска ихъ царского пресвѣтлого величества Запорожского.

Письмо Мазепы и Василія Кочубея къ князю В. В. Голицыну съ благодарностью за исходатайствованіе имъ царскихъ подарковъ.*)

Ясневелможный и преможный господине.

Князь Василій Василіевичъ, милостивый нашъ благодѣтелю.

Кромѣ жадныхъ заслугъ нашихъ, удѣлена (оказана) намъ превысокая и премилосердная монаршая ихъ царского пресвѣтлого величества милость, которую мы при боку вѣрного ихъ царского пресвѣтлого величества подданного, ясне велможного его милости пана гетмана, милостивого добродѣя нашего, убогие и непотребныи рабы, з рукъ ближнего околничого и воеводы Сѣвского Леонтыя Романовича Неплюева по двѣ пары соболей со страхомъ и радостию одобравши (получивши), яко вѣмы, что высокое то вашой княжой велможности у пресвѣтлого монаршого престолу справило (сдѣлано) намъ ходатайство, такъ симъ подлимъ листомъ нашимъ до вашой княжой велможности удаючися, покорственными и подъ ноги монаршие съ хиленими (склоненными) сердцами и душами нашими, имъ пресвѣтлымъ монархомъ и пресвѣтлой монархинѣ благодарствуемъ и многолѣтствыя желаемъ, а при томъ и вашей княжей велможности много всего добра зычачы, много челомъ бьемъ. З Батурина іюня 17.

Вашой княжой велможности желательніи рабы І. Мазепа. В. Кочюбей.

---

*) Малороссійскіе подлинные акты, 1685 г. іюня 17. № 467.

Библиотека "Руниверс"

Листъ Гетмана Ивана Мазепы къ царямъ Іоанну Алексѣевичу, и Петру Алексѣевичу, и царевнѣ Софіи Алексѣевнѣ, о бывшихъ у него переговорахъ съ стольникомъ Лызловымъ, присланнымъ изъ Москвы.*)

Божіею милостью пресвѣтлѣйшымъ и державнѣйшымъ великимъ государемъ царемъ и великимъ княземъ Іоанну Алексѣевичу, Петру Алексѣевичу и великой государинѣ благовѣрной царевнѣ и великой княжнѣ Софіи Алексѣевнѣ, всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцемъ, Московскимъ, Кіевскимъ, Владимерскимъ, Новгородскимъ, царемъ Казанскимъ, царемъ Астраханскимъ, царемъ Сибѣрскимъ, государемъ Псковскимъ и великимъ княземъ Литовскимъ, Смоленскимъ, Тверскимъ, Валинскимъ, Подолскимъ, Югорскимъ, Пермскимъ, Вятцкимъ, Болгарскимъ и іныхъ государемъ и великимъ княземъ Новагорода, Низовское земли, Чернѣговскимъ, Рязанскимъ, Полотцкимъ, Ростовскимъ, Ярославскимъ, Белоозерскимъ, Удорскимъ, Обдорскимъ, Кондийскимъ, Вытенскимъ, Мстиславскимъ и всея Сѣверныя страны повелѣтелемъ и государемъ Іверскія земли Карталинскихъ и Грузинскихъ царей и Кабардинское земли. Черкаскихъ и Горскихъ князей и іныхъ многыхъ государствъ и земель восточныхъ и западныхъ и Сѣверныхъ отчичемъ и дѣдичемъ и наслѣдникомъ и государемъ и обладателемъ, вашему царскому пресвѣтлому величеству.

Іванъ Мазепа, гетманъ з войскомъ вашего царского пресвѣтлого величества Запорожскимъ, падъ до лица земли предъ пресвѣтлымъ вашего царского величества маестатомъ у стопы ногъ монаршыхъ смиренно челомъ бю. По милостивомъ монаршомъ васъ великихъ государей и великой государинѣ вашего царского пресвѣтлого величества указу, прибывши до насъ въ Батуринъ вашего царского пресвѣтлого величества посланый столникъ и Московскихъ ротъ Ротмистръ Андрѣй Івановичъ Лызловъ подалъ намъ поважную вашу монаршую милостивое слово выражаючую грамоту, которое то милостивое ваше царского пресвѣтлого величества слово онъ и словесно мнѣ гетману, старшинѣ войсковой, полковникомъ и всему войску выразною статею выговорилъ и о вашихъ царского пресвѣтлого величества монаршыхъ дѣлехъ з наказу пространно объявилъ намъ.

Пре то за тую премилосердную вашу царского пресвѣтлого величества милость, что таковымъ милостивимъ изволили насъ обослати

*) Малороссійскіе подлинные акты, 1688 г. мая 6, № 526.

Библиотека "Руниверс"

поселствомъ, наинизшое наше подданское чинячи поклоненье, всепокорно вамъ великимъ государемъ и великой государинѣ благодарствуемъ. А что о вашихъ монаршыхъ дѣлехъ з устъ его столника и ротмистра оказалося рѣчи, о томъ мы вкратцѣ написавши статьи, покорственно черезъ него жъ з донесенемъ нашимъ до вашего царского пресвѣтлого величества отзываемся, складаючи іное на словесное его столника и ротмистра донесенье. При семъ много покорственно вамъ великимъ государемъ и великой государинѣ челомъ бючи, отдаюся премилосердной вашего царского пресвѣтлого величества благостинѣ. З Батурина мая 6 року 1688.

Вашего царского пресвѣтлого величества вѣрный подданый и наинижайший слуга.

Іванъ Мазепа, гетманъ войска вашего царского пресвѣтлого величества Запорожского.

Письмо Мазепы къ князю Голицыну о бывшемъ въ Батуринѣ стольникѣ Лызловѣ и о происходившихъ съ нимъ переговорахъ.*)

Божіею милостию пресвѣтлѣйшыхъ и державнѣйшыхъ великихъ государей царей и великихъ князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича и великіе государини благовѣрные царевны и великіе княжны Софіи Алексѣевны, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцевъ и многихъ государствъ и земель восточныхъ и западныхъ и сѣверныхъ отчичей и дѣдичей и наслѣдниковъ и государей и обладателей, ихъ царского пресвѣтлого величества ближнему боярыну и намѣстнику Великопермскому велможному князю господину Алексѣю Васильевичю Голицыну, моему велце ласковому господину приятелю и благодѣтелю зычливое мое всякихъ благъ сприяючое препосылаю поздоровленье.

З поворотомъ судьи нашого войскового енералного Михайла Вуяхевича поспѣлъ до насъ в Батурынъ на зездъ старшины войсковое ихъ царского пресвѣтлого величества посланный столникъ и Московскихъ ротъ ротмистръ Андрѣй Івановичъ Лызловъ, который при всемирной о воскресеніи Господнѣ радости зѣло насъ обрадовалъ милостивымъ монаршымъ ихъ царского пресвѣтлого величества словомъ; якая теды

*) Малороссійскіе подлинные акты, 1688 г. мая 6. № 528.

Библиотека "Руниверс"

у насъ з нимъ стольникомъ и ротмистромъ о дѣлехъ монаршыхъ была мова (разговоръ), о томъ едно з статейного моего писма, другое з устного его донесенья будеть вашой княжой велможности извѣстно. А я при семъ за великую благодѣтелскую вашой княжой велможности милость, въ которой мене всегда содержати изволяешь, покорне за тое вашой княжой велможности челомъ бю, и той же благодѣтелской милости отдаю мене навсегда. З Батурина мая 6, 1688 року.

Вашой княжой велможности всего добра зычливый приятель и слуга.

Іванъ Мазепа, гетманъ войска ихъ царского пресвѣтлого величества Запорожского.

Письмо гетмана Ивана Мазепы къ боярину князю В. В. Голицыну, съ извѣстіемъ о своемъ выступленіи въ походъ изъ Батурина.*)

Божіею милостію пресвѣтлѣйшихъ и державнѣйшихъ великихъ государей царей и великихъ князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича и великой государыны благовѣрное царевны и великое княжны Софіи Алексѣевны всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцевъ и многыхъ государствъ и земель восточныхъ и западныхъ и сѣверныхъ отчичей и дѣдичей и наслѣдниковъ и государей и обладателей, ихъ царского пресвѣтлого величества ближнему боярину и болшого полку дворовому воеводѣ ясневелможному князю Василію Василіевичу Голицину царственнія болшія печаты и государственныхъ великихъ поселскихъ дѣлъ оберегателю и намѣстнику Новгородскому, моему велце ласковому господину приятелеви и милостивому благодѣтелевы зычливое мое и всякихъ благъ спріяючое засылаю поздоровлене.

Неменшою обдержимъ быхъ скорбію, же не моглемъ по указу великихъ государей и великой государины ихъ царского пресвѣтлого величества на назначеный срокъ рушитися въ походъ военный, яко теды прибытья ко мнѣ ратныхъ монаршихъ людей іменно пѣхотныхъ полковъ выглядалемъ изоденне, такъ скоро оный въ Батуринъ іюня 13 день при були (прибыла), заразъ я іюня 14 день з Батурина рушилемъся, имѣючи неусипное тщаніе, дабы вѣрною моею службою исполнялъ монар-

*) Малороссійскіе подлинные акты, 1688 г. іюня 14. № 537.

Библиотека "Руниверс"

ший ихъ царского пресвѣтлого величества указъ, о чомъ извѣстно вашой княжой велможности учинивши, покорне прошу, обьемъ въ непремѣнной благодѣтелской вашой княжой велможности былъ хованый ласце, которой навсегда мене палецаю. З Пад-Конотопу іюня 14 дня, 7688 року.

Вашой княжой велможности всего добра зычливый приятель и низкій слуга.

Іванъ Мазепа, гетманъ войска ихъ царского пресвѣтлого величества Запорожского.

Письмо гетмана Мазепы къ кн. В. Голицыну о посылаемыхъ въ Москву татарахъ, взятыхъ въ плѣнъ полкомъ Ильи Новицкаго.[1])

Божіею милостію пресвѣтлѣйшыхъ и державнѣйшыхъ великихъ государей царей и великихъ князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича и великой государины благовѣрной царевны и великой княжны Софіи Алексѣевны, всея великія и малыя и бѣлыя России самодержцевъ и многихъ государствъ и земель восточныхъ и западныхъ и сѣверныхъ отчичей и дѣдичей и наслѣдниковъ и государей и обладателей, ихъ царского пресвѣтлого величества ближнему боярину и дворовому воеводѣ, ясневелможному князю Василію Василіевичу Голицыну, царственныя болшія печати и государственныхъ великихъ поселскихъ дѣлъ оберегателю и намѣстнику Новгородскому, моему велце ласковому господину приятелеви и милостивому благодѣтелеви низкое мое препосылаю чолобитіе.

Свѣжо теперь домене припроваженые отъ полковника Комонного Иляша Новицкаго[2]) языки татарскіе черезъ сотника его жъ полку з товариствомъ, которыхъ посылаючи я къ царствующему великому граду Москвѣ, где взяты и колко ихъ всѣхъ было, о томъ всемъ до ихъ царского пресвѣтлого величества въ моемъ листѣ выписалемъ, и що колвекъ

---

[1]) Малороссійскіе подлинные акты. 1688 г. октября 19, № 565.—Письмо написано послѣ 1-го крымскаго похода.

[2]) Илья Новицкій конноохочій полковникъ. См. Бантышъ-Каменскій Исторія Малой Россіи часть 1, 343 стр. Акты Юго-западной Россіи, томъ 13, 176 стр. 300—302, 672, 677, 712, 723, 734, 738, 754.

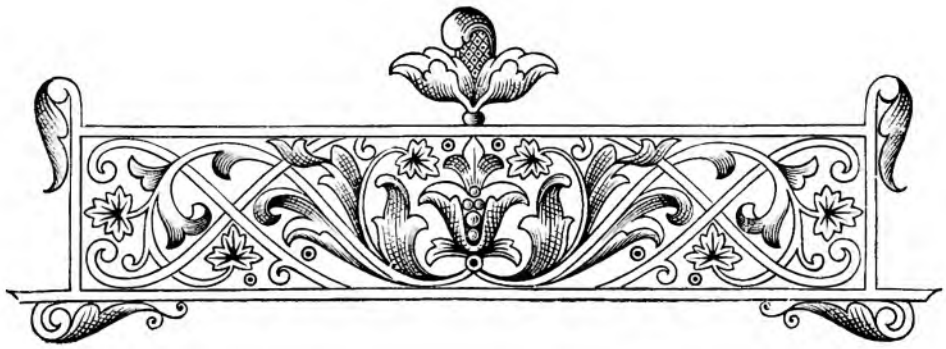
Библиотека "Руниверс"

въ роспросе тутъ всѣ оны сказали, повѣсть (списокъ) ихъ на особливой картѣ выписавши послалемъ, з якого листу моего и повѣсти ихъ татарской вашой княжой велможности милостивому моему благодѣтелеви будетъ вѣдомо: а любо въ моемъ листѣ написалось, же чотирехъ языковъ посылается, еднакъ тилко трохъ послалемъ, а четвертый мусѣлъ тутъ остатися для того, же велми постреленъ есть въ ногу и теперь въ немъ пуля зостаетъ, котрого ледво живого сюда въ Батуринъ припровожено, а далей отнюдъ его неможная было проводить, зачимъ покорне прошу вашой княжой велможности, изволь по своей милости благодѣтелской въ томъ мене своимъ многомощнымъ предстателствомъ заступити у ихъ царского пресвѣтлого величества, же оставленъ оный з выше выражоное причины, о що и повторе (вторично) велце просячи, полецаюся (поручаю себѣ) затымъ звыклой благодѣтелской вашой княжой велможности ласце. З Батурина 19 октовріа року 7688.

Вашой княжой велможности зычливый приятель и низкій слуга.

Іванъ Мазепа гетманъ войска ихъ царского пресвѣтлого величества Запорожского.

Библиотека "Руниверс"



ПЕРЕПИСКА А. А. НЕВЕРОВСКАГО

Письма кн. В. О. Бебутова къ А. А. Неверовскому.

Любезный Александръ Андреевичъ!

Съ вашимъ бывшимъ товарищемъ Николаемъ Ивановичемъ Карлгофомъ пишу нѣсколько словъ, чтобы напомнить вамъ мои выраженія въ предыдущихъ письмахъ къ вамъ изложенныя. дабы вы имѣли въ виду все то не могли ослабѣвать въ терпѣніи въ настоящемъ вашемъ положеніи, которое по доходящимъ до меня слухамъ, весьма незавидно; я здѣсь разумѣю положеніе вашего собственнаго лица и скорблю душевно*).

Человѣкъ благоразумный тревожится и даже боится до наступленія опасности, но когда она настала, тогда благоразуміе требуетъ твердости, терпѣнія и великодушія, для отклоненія или даже для совершеннаго уничтоженія грозящей опасности.

Благоразуміе и благородный характеръ вашъ не нуждаются въ постороннихъ совѣтахъ, но я, любя васъ и уважая, присвоилъ себѣ это право, за которое, надѣюсь, не посѣтуте на меня

всегда вамъ преданный

Кн. В. Бебутовъ.

14 Октября 1855. Тифлисъ.

---

*) Эти слова князя Бебутова сказаны Ал. Анд. Неверовскому по поводу различныхъ недоразумѣній и обострившихся отношеній Муравьева Николая Николаевича къ Неверовскому и послѣднему было очень тяжело и непріятно переносить грубое обращеніе Главнокомандующаго.

Библиотека "Руниверс"

Любезный Александръ Андреевичъ!

Нѣсколько дней тому назадъ не знаю отъ кого получилъ я изъ С. П. Бурга два письма по одной почтѣ, адресованныя на мое имя, со вложеніемъ прилагаемыхъ при семъ стиховъ, которые посылаю къ вамъ для прочтенія и присовокупляю, что иногда независимо отъ хлопотливыхъ служебныхъ занятій на досугѣ читая подобныя сочиненія невольно хохотать будешь, видя чувство подчиненныхъ къ начальнику.

Не знаю кому вздумалось прислать мнѣ эти стихи, касающіеся до лица, которымъ я никогда не интересовался; но офицеры корпуса путей сообщенія и здѣсь съ восторгомъ приняли паденіе своего Падишаха, какъ они величаютъ Клейнмихеля.

Наконецъ и Лорисъ удостоился за Кіоракъ-Дарское сраженіе награды столь долго съ вожделѣніемъ ожидаемой.

Желая вамъ здравія и скорѣйшаго окончанія Компаніи

Преданный вамъ

К. В. Бебутовъ.

16-го Ноября 1855. Тифлисъ.

P. S. Поклонитесь отъ меня Э. В. Брюммеру и покажите ему стихи, если онѣ еще не всѣмъ извѣстны въ Лагерѣ; вѣроятно его превосходительство посмѣется.

Любезный Александръ Андреевичъ!

Письмо ваше изъ Александрополя отъ 15 сего Декабря я получилъ въ мѣст. Хони, что въ Имеретіи, очень сожалѣю что приключившаяся вамъ болѣзнь принуждаетъ васъ оставить Кавказъ, если не совсѣмъ, то по крайней мѣрѣ на время; не менѣе сожалѣю и о томъ, что не могу вамъ быть ни въ чемъ полезнымъ по случаю нахожденія моего далеко отъ Тифлиса.

Но во всякомъ случаѣ, я надѣюсь, что если вы не застанете меня въ Тифлисѣ, то посѣтите мою жену, которая васъ уважаетъ. Письмо это

Библиотека "Руниверс"

посылаю къ Б. Э. Индреніусу, для отсылки къ вамъ, прося его содѣйствовать вамъ въ полученіи просимаго вами отпуска.

Ежели не удастся мнѣ видѣться съ вами, то заочно прощаясь, прошу васъ сохранить меня въ памяти вашей и если не возвратитесь сюда, то не забудьте что за Кавказомъ есть человѣкъ, у котораго вы были дѣятельнымъ помощникомъ и сотрудникомъ по дѣламъ административнымъ и военнымъ, и на полѣ сраженія, и этотъ человѣкъ есть васъ уважающій и преданный вамъ

Кн. В. Бебутовъ.

23-го Декабря 1855. Мѣстечко Хони.

Любезный Александръ Андреевичъ!

Далеко отъ васъ, за Кавказомъ любящій васъ, какъ моего близкаго и дѣятельнаго сотрудника на полѣ брани и въ кабинетѣ, душевно радуюсь вашему щастію, столь для васъ вожделѣнному, что письмо это вы получите въ кругу вашего милаго семейства, составлявшаго предметъ вашихъ желаній видѣться съ нимъ.

Вы мнѣ будете отвѣчать, если вы не исполните моего порученія поцѣловать ручки вашей супруги, о чемъ я васъ усердно просилъ и теперь повторяю.

У насъ теперь ничего важнаго не происходитъ; необыкновенная зима и глубокіе снѣга въ горахъ мѣшаютъ возможности туркамъ предпринять что либо, а горцамъ—дѣлать набѣги на плоскость.

Знаменитый Омеръ-Паша со всѣми войсками прижался къ морскому берегу около Редутъ-Кале, откуда перевозитъ по частямъ изнуренные свои низамы въ Батумъ или Трапезундъ, смотря какъ погода позволитъ амбаркацію; вы знаете, что въ настоящее время года на Черномъ Морѣ постоянно бываетъ бурная погода и кораблямъ невозможно или весьма трудно приставать тамъ къ берегу.

Между тѣмъ поговариваютъ, а журналы всѣхъ націй трубятъ, о мирѣ, котораго желаютъ народы, но, Богъ знаетъ, осуществится ли вообще это желаніе; вы близко живете къ источнику всѣхъ политическихъ свѣдѣній, а потому скорѣе будете знать о результатахъ парижскихъ переговоровъ.

Библиотека "Руниверс"

Жена моя и Сонечка свидѣтельствуютъ вамъ свое почтеніе при желаніи вамъ здравія; онѣ часто вспоминаютъ васъ и пріятныя ваши съ ними бесѣды.

Не касаясь порученія, даннаго вамъ моею женою съ вашего, впрочемъ, согласія о покупкѣ вещей для нея, въ знаніи которыхъ вы обнаружили особенное искусство, я обращаюсь къ вамъ также съ моею просьбою, принять на себя трудъ и заказать для меня слѣдующіе ордена съ мечами:

1) орденъ св. Андрея Первозваннаго и при немъ звѣзду
2) орденъ Владиміра 2-й степени и звѣзду
3) орденъ Бѣлаго Орла для ношенія въ петлицѣ

} обѣ звѣзды должны быть одинаковой величины.

Ежели вы возьметесь исполнить мою эту просьбу, то я просилъ бы еще васъ по изготовленіи означенныхъ орденовъ со звѣздами, приказать уложить ихъ тщательно въ ящикъ, дабы дорогою не попортились отъ дурной укладки. Такъ какъ ящикъ съ сими орденами будетъ маленькій, то я думаю можно отправить ко мнѣ по экстра-почтѣ, или съ фельдъегеремъ, часто отправляющимся сюда изъ главнаго штаба, гдѣ вы, вѣроятно, найдете къ тому случай, въ противномъ же случаѣ прошу васъ отправить по тяжелой почтѣ, которая довезетъ эти ордена, можетъ быть, къ Святой недѣлѣ.

О расходѣ на покупку этихъ орденовъ я буду ожидать отъ васъ увѣдомленія и не замедлю выслать вамъ деньги.

Изъ вашихъ товарищей Ходзко попрежнему зарытъ въ картахъ, только не въ тѣхъ, которыми я играю; Браневскій отправился въ отпускъ и можетъ быть побываетъ въ П.-Бургѣ, Романовскій здѣсь, и занимается бумагами; а Кирилло Осиповичъ на дняхъ прискакалъ по мнѣ съ веселымъ расположеніемъ увѣдомить меня, что Мансурадзе, провожавшій Керимъ Пашу въ Москву, на возвратномъ пути встрѣтилъ васъ на какой-то станціи и что вы въ добромъ здравіи продолжаете путь къ столицѣ. До полученія отъ васъ письма, мы пока довольствуемся этимъ объ васъ извѣстіемъ.

Прощайте, любезный Александръ Андреевичъ; отъ души желаю вамъ здравія и благополучія, прося не забывать меня. васъ любящаго

Библиотека "Руниверс"

и вамъ преданнаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ принять увѣренія въ постоянномъ моемъ къ вамъ уваженіи.

Кн. В. Бебутовъ.

27 Февраля 1856 года. Тифлисъ.

P. S. Ежели вамъ удастся увидѣть сына моего Николеньку, находящагося въ Пажескомъ Корпусѣ, то прошу васъ увѣдомить меня, какъ онъ учится и хорошо ли ведетъ себя.

В. Бебутовъ.

16-го Іюля 1856. Тифлисъ.

Любезный Александръ Андреевичъ!

Пользуясь отъѣздомъ Романовскаго, пишу вамъ нѣсколько словъ, чтобы вы не могли молчаніе мое принять за нежеланіе писать вамъ. Г. Жаба возвратясь въ Тифлисъ говорилъ мнѣ . . . . . (нрзб.)

Г. Романовскій разскажетъ вамъ все, до Кавказа касающееся; я же вамъ скажу новость: по Высочайшему повелѣнію пишется живописцемъ Байковымъ, давно на Кавказѣ находящимся, картина Кіоракъ-Дарскаго сраженія; кто то его увѣрилъ и онъ самъ имѣлъ убѣжденіе, что въ этомъ сраженіи Бебутова генерала не было, а потому г. Байковъ, на этомъ основаніи изгналъ (изъ) картины генерала, имѣющаго тамъ главное начальство;—слѣдовательно, вы можете быть увѣрены, что, когда не признаетъ г. Байковъ присутствіе Корпуснаго Командира, то и о васъ, какъ о Начальникѣ Штаба, конечно, не будетъ никакого признака на картинѣ.—Каково вамъ это покажется, когда картину того сраженія вы увидите въ Эрмитажѣ.—Пускай кисть Байкова изображаетъ что ему угодно и надъ смертными играетъ; никакая картина не увѣритъ современниковъ въ несуществованіи лицъ, о коихъ въ картинѣ нѣтъ помину; а мы съ вами отъ души будемъ смѣяться, говоря: суета суетъ и всяческая суета!

Въ заключеніе скажу, что этой картины я не видалъ, а мнѣ сказали о томъ люди, съ любопытствомъ разсматривавшіе помянутую картину, которая, впрочемъ, еще не готова.

Супругѣ вашей свидѣтельствую мое усердное почтеніе.

Библиотека "Руниверс"

Желалъ бы пріѣхать, какъ старый кавказскій солдатъ, на торжество коронаціи, но мнѣ отказали, только отказъ этотъ основанъ былъ на отзывѣ здѣшняго начальства.

всегда вамъ преданный

Кн. В. Бебутовъ.

---

30 Іюля 1856. Тифлисъ.

Любезный Александръ Андреевичъ!

Поспѣшаю отвѣчать на письмо ваше, съ послѣднею почтою полученное мною; хотя на этомъ письмѣ вы позабыли выставить число, однако оно доставило мнѣ удовольствіе узнать о хорошемъ состояніи вашего здоровья и о томъ, что докладъ о васъ имѣлъ желательный успѣхъ и, вѣроятно, гнусная клевета на васъ, о существованіи которой дошли до меня слухи, обнаружилась и вы остаетесь такимъ же отличнымъ слугою Царю, коимъ я имѣлъ удовольствіе васъ знать служа вмѣстѣ съ вами.

Довѣренность, какую начальство ваше сдѣлало вамъ порученіемъ на васъ завѣдыванія военными дѣлами, до Кавказа относящимися, безъ сомнѣнія вы оправдаете при вашей дѣятельности и усердію къ службѣ, и мнѣ весьма пріятно будетъ получить свѣдѣніе, что вы удостоены вниманія начальства, умѣющаго цѣнить отличныхъ чиновниковъ и отдающаго справедливость достойнымъ *).

Жена моя и Соничка, которыя свидѣтельствуютъ вамъ свое почтеніе, будучи признательны вамъ, просятъ васъ повторить супругѣ вашей и графинѣ Ламбертъ ихъ благодарность за присланныя вещи. Г. Романовскій доставитъ вамъ, если будетъ имѣть случай повидаться съ вами, подробное свѣдѣніе обо всемъ здѣсь происшедшемъ: Романов-

---

*) Александръ Андреевичъ во время войны выхлопоталъ погонщику, коего животныя околѣли съ голода при доставкѣ провіанта, прибавку и эта гуманность съ его стороны вызвала цѣлую бурю, посыпалися жалобы, клаузы изъ интендантской части на него, все это происшествіе страшно возмутило и огорчило Неверовскаго.

Библиотека "Руниверс"

скій отпросился въ отпускъ, и не знаю, возвратится ли сюда. Жаль ежели здѣшній Генеральный Штабъ лишится этого отличнаго офицера.

Излишнимъ считаю повторить увѣреніе въ постоянномъ моемъ къ вамъ уваженіи и преданности съ каковыми остаюсь

всегда вамъ преданный

Кн. В. Бебутовъ.

---

29 Августа 1856. Тифлисъ.

Любезный Александръ Андреевичъ!

Въ послѣднемъ вашемъ письмѣ изъ Москвы, вы до такой степени увлеклись предметомъ, оскорбившимъ ваше самолюбіе, что даже ни полслова не написали мнѣ о томъ, что у васъ происходитъ въ Москвѣ бѣлокаменной, гдѣ теперь уже совершилось великое торжество и всѣ, конечно, предаются веселію по разнымъ празднествамъ, предполагавшимся въ Москвѣ по случаю священнаго коронованія Государя Императора.

Вы мнѣ не пишете гдѣ теперь Романовскій, который по измѣнившимся обстоятельствамъ, вѣроятно, возвратится на Кавказъ. Полагаю что кн. А. И. Барятинскій не замедлитъ пріѣхать сюда, гдѣ съ нетерпѣніемъ ожидаютъ пріѣзда Его Сіятельства.

Преданный вамъ

Кн. В. Бебутовъ.

P. S. Ходзько я еще не видалъ, но, повидавшись, скажу ему о проигранномъ закладѣ.

Любезный Александръ Андреевичъ!

Благодарю васъ за описаніе нѣкоторыхъ подробностей, касающихся до праздниковъ, происходившихъ по случаю священнаго коронованія Ихъ Величествъ, о чемъ сообщали наши и иностранные журналы; слава Богу, все кончилось благополучно; остается теперь возсылать теплыя молитвы ко Всевышнему о долгоденствіи Великаго нашего Монарха на славу и щастіе любезнаго нашего отечества.

Библиотека "Руниверс"

Не можете себѣ представить, съ какою радостію и предупредительностію приняли въ Закавказскомъ краѣ Намѣстника Царскаго, князя А. И. Барятинскаго; отъ Петровскаго укрѣпленія князь Барятинскій ѣхалъ черезъ Т. Х. Шуру, Дербентъ, Кубу, Баку, Шемаху, Нуху, Запаталы, городъ Телавъ (здѣсь я имѣлъ честь встрѣтить съ рапортомъ Его Сіят-во). Наконецъ въ Тифлисѣ, резиденціи Намѣстника; по всему пути слѣдованія Его Сіятельства, всѣ вообще сословія съ особеннымъ уваженіемъ и радостію встрѣчали и сопровождали Намѣстника; вездѣ радушное угощеніе, а въ Кахетіи и вскрытіе огромныхъ винныхъ кувшиновъ, изъ которыхъ черпали весьма усердно благословенное кахетинское вино всѣми возможно употребительными въ здѣшнемъ краѣ сосудами, чтобы испить заздравные тосты Государя Императора и его намѣстника.

3-го числа, сего Ноября Кн. Барятинскій въѣхалъ въ Тифлисъ, встрѣченный сословіемъ здѣшняго дворянства за 15-ть верстъ отъ города, а на заставѣ всѣми городскими жителями; проѣхавъ прямо въ Сіонскій соборъ, принялъ присягу на высокое званіе, Высочайше на него возложенное; откуда прибылъ въ домъ главнокомандующаго, при которомъ ожидалъ почетный караулъ, по осмотрѣ котораго вступилъ въ большую залу, гдѣ собранъ былъ весь генералитетъ, штабъ и оберъ офицеры и всѣ гражданскіе чиновники, почти всѣ знакомые Его Сіятельству. Онъ, сдѣлавъ имъ ласковый пріемъ—откланялся всѣмъ, и теперь принялся за дѣла.

Въ Тифлисѣ приготовляетъ здѣшнее дворянство великолѣпный балъ 11-го числа, на которой пригласили г. Намѣстника; кажется и тифлисскіе граждане при такомъ случаѣ не останутся въ долгу и что либо выдумаютъ, чтобы оказать свое усердіе.

Въ заключеніе скажу вамъ, что встрѣча и пріемъ князя Александра Ивановича въ здѣшнемъ краѣ, проистекали отъ чистаго сердца и съ полною радостію. Жена моя и Сонечка свидѣтельствуютъ вамъ и вашей супругѣ усердное почтеніе, а я при почтеніи цѣлую ручки вашей милой супругѣ, хотя лично незнакомой, но душевно уважаемой мною.

Позвольте обратиться къ вамъ съ моею просьбою въ томъ, чтобы вы приняли на себя трудъ и прислали бы мнѣ книжку, заключающую въ себѣ списокъ всѣмъ генераламъ по старшинству, но вновь исправленную по послѣднему производству, въ которой уже много перемѣнъ.

Библиотека "Руниверс"

Мнѣ говорили, что эту книжку трудно достать, но я здѣсь вижу ее у многихъ, слѣдовательно, вамъ есть возможность пріобрѣсти эту книжку или покупкою, если она продается, или по знакомству въ Главномъ штабѣ, но чтобы книжка была исправлена по послѣднему производству, по которому, какъ вамъ извѣстно, я обойденъ и посаженъ на мель.

Прощайте, любезный Александръ Андреевичъ, отъ души желаю вамъ щастія и благополучія и болѣе здоровья.

Всегда вамъ преданный

Кн. В. Бебутовъ.

6-го Ноября 1856. Тифлисъ.

Любезный Александръ Андреевичъ!

Благодарю васъ отъ искренняго сердца за поздравленіе меня съ монаршею милостью: этотъ знакъ Высочайшаго ко мнѣ благоволенія, которымъ я удостоенъ производствомъ въ генералы отъ инфантеріи, тѣмъ болѣе лестенъ и пріятенъ мнѣ, что остаюсь при своихъ должностяхъ, и будучи въ преклонныхъ лѣтахъ, не пришлось мнѣ опять перебираться въ какое либо другое мѣсто, что послужило бы большимъ для меня разстройствомъ.

Князь А. И. Барятинскій, ходатайству котораго я обязанъ важнымъ чинамъ, нынѣ Государемъ на меня возложеннымъ, подробно сообщилъ мнѣ причины замедленія о моемъ производствѣ; эти причины были для меня удовлетворительны, ибо думалъ я, что по гнуснымъ клеветамъ, можетъ, подвергся гнѣву Царя, но я жестоко ошибался и этого не было; что же касается до людей, которые обласканы и отличаемы были мною, и которые рѣшились поступить въ отношеніи меня такъ неблагородно, чтобы не сказать—подло,—я имѣю всегда въ виду, что клеветы злыхъ людей, рано или поздно уничтожаются къ стыду клеветниковъ, а истина обнаруживается въ полномъ своемъ блескѣ. И такъ напомню вамъ слѣдующіе стихи, которые я всегда вспоминаю:

Невѣжа хулою мнѣ чести не убавитъ,
И то не честь, когда невѣжа хвалитъ.

Изъ этого заключить можно, что клеветами и кляузами занимаются люди принадлежащіе къ разряду необразованныхъ и неблаго-

Библиотека "Руниверс"

воспитанныхъ невѣждъ, которые впослѣдствіи заслуживаютъ отъ людей благомыслящихъ одно презрѣніе; неправда ли, что подобные люди заслуживаютъ сожалѣнія, и не даромъ ли они обременяютъ землю.

Дошедшіе до васъ слухи о здѣшнихъ веселыхъ празднествахъ весьма справедливы; съ пріѣздомъ князя А. И. Барятинскаго все ожило и веселятся всѣ, но только въ свободное время отъ служебныхъ занятій, которыя исполняются съ полною дѣятельностью и усердіемъ.

Вотъ и у меня въ домѣ на дняхъ будетъ празднество; Сонечка моя выходитъ замужъ за полковника князя Гуріеля, котораго, можетъ быть, вы встрѣтили въ Москвѣ, во время коронаціи, онъ присутствовалъ тамъ по званію предводителя дворянства Кутаисской губерніи.

Вы можете себѣ представить сколько радъ буду я, если обстоятельства приведутъ васъ на Кавказѣ послужить; это будетъ для меня величайшее удовольствіе, чтобы обнять васъ, какъ добраго сослуживца и дѣятельнаго сотрудника въ минувшую войну; до того же обнимаю васъ заочно и остаюсь

душевно вамъ преданный

Кн. В. Бебутовъ.

9-го Февраля 1857.
Тифлисъ.

Нѣкоторыя письма генерала А. К. Вранкена къ Александру Андреевичу Неверовскому*).

Варшава 5/17 ноября 1857.

Добрѣйшій Александръ Андреевичъ!

Изъ послѣдняго письма моего тебѣ извѣстно, что всякія Нѣмецкія воды нисколько не помогли мнѣ, что напротивъ правая и любимая

*) Агатонъ Карловичъ Вранкенъ, Л. Гвардіи Гренадерскаго полка, большой другъ Ал. Анд. Неверовскаго, однимъ выпускомъ раньше его изъ Академіи Генеральнаго Штаба. Они служили вмѣстѣ на Кавказѣ; Вранкенъ получилъ въ 1844 Св. Георгія за сраженіе у Гилеги, гдѣ былъ тяжело раненъ; командовалъ Пражскимъ пѣхотнымъ полкомъ, въ 1850 былъ Нач. Шт. 2 пѣхотнаго Корпуса, въ 1855 командовалъ 5-ой пѣх. дивизіей и въ 1857 по собственной просьбѣ уволенъ изъ за ранъ въ отставку съ чиномъ генерала и полной пенсіей. Былъ въ высшей степени образованный, интересный умомъ и рѣдкаго остроумія въ разговорѣ.

Библиотека "Руниверс"

нога одеревенѣла и что вслѣдствіе сего я бросилъ воды и пріѣхалъ въ Парижъ, гдѣ намѣревался сдѣлать хирургическую операцію у доктора Хортелу. Въ ожиданіи этой радости я нанялъ небольшую, но чистенькую и хорошо меблированную квартиру въ центрѣ города, завелъ даже самое маленькое хозяйство и началъ жить тихо и мирно посреди шумнаго города; а чтобы быть еще спокойнѣе духомъ, 27 сентября послалъ рапортъ г. дежурному генералу прося Его Пр-во ходатайствовать мнѣ отставку. Въ то же время я написалъ и къ тебѣ письмо въ которомъ просилъ похлопотать о скорѣйшемъ увольненіи.—

Исполнивъ это давнишнее и всегда неудававшееся намѣреніе, я какъ будто ожилъ и почувствовалъ себя даже здоровымъ. Жизнь моя покатилась еще спокойнѣе и беззаботнѣе, я былъ почти щастливъ, но видно мнѣ не суждены надолго тишина и миръ: однажды я возвратился вечеромъ въ мой тихій уголокъ, раздѣлся и принялся стряпать чай, какъ вдругъ между бумагами увидѣлъ телеграфическую депешу. Меня увѣдомляютъ изъ Варшавы что бѣдная моя В . . . . . умираетъ и желаетъ со мною простится. Мысль, что, можетъ быть, мнѣ удастся спасти ее налагала на меня обязанность тотчасъ ѣхать. И вотъ, недолго думая, чтобы не перемѣнить намѣренія, на другой же день по полученіи депеши, отправился самъ въ Варшаву. Здѣсь квартира моя превратилась въ госпиталь, я больной ухаживаю за умирающей и довольно тебѣ сказать, что я сдѣлался набоженъ.—

Доктора совѣтуютъ мнѣ прогуливаться по утрамъ, но и это для меня невозможно потому, что форму мою я оставилъ въ Петербургѣ, при себѣ имѣю только гражданскую одежду, въ которой не смѣю показаться на улицѣ. Можешь себѣ представить съ какимъ нетерпѣніемъ я жду отставки. Добрые люди присылаютъ мнѣ Высочайшій приказъ, но я напрасно ищу тамъ моей фамиліи. При отъѣздѣ изъ Петербурга г. Гернстенцвейгъ сказалъ мнѣ, что я получу отставку въ Октябрѣ или же въ концѣ Сентября, вотъ уже Ноябрь наступилъ, а отставки нѣтъ какъ нѣтъ.—

Пожалуйста, дорогой Александръ Андреевичъ, похлопочи, чтобы меня поскорѣе отпустили или, по крайней мѣрѣ, узнай, за чѣмъ дѣло стало. Если меня не увольняютъ только потому, что я не подалъ формальнаго прошенія о рапортѣ, то надобно принять во вниманіе, что я, будучи за границей, не имѣлъ ни своего формуляра, ни гербовой бумаги.—Впрочемъ этому горю пособить не трудно: въ Инспекторскомъ д-тѣ долженъ быть мой формуляръ. Пусть тамъ составятъ прошеніе, а братъ мой Николай . . . . . (нрзб.)

Библиотека "Руниверс"

Не пишу нечего о Варшавѣ, потому что сижу дома, ни съ кѣмъ не вижусь и почти никого здѣсь не знаю.—Отъ лѣчащихъ меня польскихъ докторовъ я узналъ, что поляки очень довольны Государемъ за обѣщаніе учредить здѣсь Медицинскую Академію, за дозволеніе напечатанія сочиненій Мицкевича и за разрѣшеніе поставить памятникъ Кордецкому.—Этотъ Кордецкій былъ пріоромъ ордена Паулинскихъ монаховъ въ Ченстоховскомъ монастырѣ и прославился безпримѣрною обороною его противъ шведовъ, которые были властелинами всей Польши.—Король выѣхалъ въ то время въ Силезію (Австрійскую). Поляковъ тронуло тоже принятіе Государемъ бала, даннаго Его Величеству украинскимъ дворянствомъ въ г. Кіевѣ. При отъѣздѣ Государя многія дамы выѣхали за городъ провожать Августѣйшаго Гостя. Это считаютъ признакомъ того, что ненависть къ намъ поляковъ начинаетъ остывать. Вообще надо замѣтить, что съ поляками ласково можно сдѣлать все; Наполеонъ это доказалъ и натурально обманулъ. Если найдешь досугъ, напиши хоть пару словъ.

Твой старый почитатель и слуга

Вранкенъ.

---

7 Ноября 1857. Варшава.

Ты не можешь себѣ представить старый другъ моей радости при полученіи отставки; она мнѣ даже повредила. Итакъ я свободенъ! Могу ѣхать куда хочу, жить гдѣ вздумается, спать сколько душѣ угодно, при встрѣчѣ съ старшими отъ меня дураками не кланяться и не брить больного подбородка! Послѣдняя льгота еще подлежитъ сомнѣнію, но я постараюсь ладить съ надзирателемъ моего квартала и полагаю, что на бороду мою будутъ смотрѣть сквозь пальцы.

Благодарю тебя также за извѣстіе о ходѣ и задержкахъ доклада о моей отставкѣ. Въ расположеніи ко мнѣ г. военнаго министра я не сомнѣваюсь; еще въ бытность мою въ Петербургѣ, онъ хотѣлъ меня взять къ себѣ въ адъютанты или по особымъ порученіямъ—что по моему мнѣнію то же самое. Любопытно бы знать что онъ хотѣлъ предложить мнѣ теперь? Одно только мѣсто могло бы соблазнить меня—Смотрителя Документовъ въ Россіи, но, полагаю, что соперниковъ нашлось бы слишкомъ много.—Еще разъ повторяю: слава Богу! все кончено, я свободенъ! но повѣришь ли, что не могу привыкнуть къ этой мысли. Хотя я уже два года не служу и ничего не дѣлаю, но

Библиотека "Руниверс"

мысль, что я записанъ въ какія то запасныя войска, что завтра меня могутъ потребовать на службу и приказать ожидать съ почетнымъ карауломъ Шварцбургъ-Зандерзгаузенскаго, не давала мнѣ покоя.—Даже во снѣ меня эта мысль преслѣдовала: то я видѣлъ себя въ Михайловскомъ манежѣ, на репетиціи развода, за фронтомъ Лейбъ-Гренадерскаго полка.—Тишина была мертвая, слышался только голосъ г. Арб....., который бранилъ насъ изъ послѣднихъ словъ за недостатокъ мягкости въ паху; то опять воображеніе переносило меня въ Крымъ, въ глубокую долину Черной рѣки; за нею виднѣются крутыя горы вѣнчанныя батареями, укрѣпленіями и 60 т. непріятельскаго войска.—И полки мои шли одинъ за другимъ, молясь и крестясь и оставляя кровавый слѣдъ, который давно уже смытъ осенними дождями.

Едва не забылъ искренно поблагодарить тебя за увѣдомленіе о благосклонныхъ намѣреніяхъ Комитета о раненыхъ. Просить я намѣренъ не столько прибавки пенсіи (прибавка эта должна быть весьма незначительной), но о производствѣ мнѣ квартирныхъ денегъ или квартиры натурою.—Я знаю, что генералъ-маіоръ Сикетель, проживающій теперь въ отставкѣ въ Варшавѣ, пользуется этою милостію. Надѣюсь, что Комитетъ тѣмъ охотнѣе согласится мнѣ назначить квартиру, что это не введетъ его въ издержку, ибо квартиры даются отъ города.—

Я еще не рѣшилъ что съ собою дѣлать; можетъ быть, поѣду въ Парижъ (и это вѣроятнѣе всего), можетъ быть, куплю домикъ въ Варшавѣ и буду только ѣздить къ заграничнымъ водамъ; а можетъ быть, если поправлюсь здоровьемъ, пріѣду въ Петербургъ, чтобы утѣшить моихъ стариковъ.

Однако пора отправить письмо на почту; прощай дорогой и добрый старый товарищъ и другъ.—Еще разъ большое тебѣ спасибо за хорошую вѣсть. Да будетъ Благословеніе Бога надъ твоимъ домомъ.

Твой почитатель и преданный слуга

Агатонъ.

15-го Января 1858 г. Варшава.

Большое тебѣ спасибо, добрѣйшій Александръ Андреевичъ, за всѣ твои хлопоты и старанія и за любящее письмо, которымъ стараешься обнадежить меня, но я такъ мало избалованъ щастіемъ, что не смѣю

Библиотека "Руниверс"

благовременно радоваться, не рѣшаюсь надѣяться, Ты мнѣ не пишешь и, вѣроятно, самъ не знаешь въ какой мѣрѣ Комитетъ намѣренъ уважить мою просьбу? Я предоставилъ большое поприще благодѣяніямъ Комитета, прося у него пенсіонъ по генеральскому чину, казенную квартиру отъ города, гдѣ изберу себѣ мѣсто жительства, и сохраненіе деньщиковъ. Тяжкій опытъ мнѣ говоритъ однако же, что Комитетъ ограничитъ свою щедрость прибавкою 115 р. въ годъ, т. е. дастъ мнѣ маіорскую пенсію по 1-му разряду раненыхъ. Конечно, и 115 р. на улицѣ не найдешь, но деньги эти не могутъ имѣть большого вліянія на улучшеніе моего домашняго комфорта.—Но довольно о деньгахъ!

Не знаю говорилъ ли я тебѣ, что, отъѣзжая изъ Петербурга я откровенно объявилъ г. Гернстенцвейгу, что я никакого мѣста не приму. Съ этой же цѣлію въ рапортѣ моемъ объ отставкѣ, я не упустилъ упомянуть, что у меня отнялася правая нога.—Не странно ли послѣ этого, что меня хотѣли отправить въ Кутаисъ. Честное слово, увѣряю тебя, что я бы этой должности не принялъ несмотря на пышный титулъ, съ нею связанный.—Любопытно однако жъ знать кому пришла эта мысль и почему она не приведена въ исполненіе; почему, наконецъ, послѣ столь лестнаго намѣренія вдругъ послѣдовала сухая резолюція: „уволенъ по законамъ". Обстоятельства эти заставляютъ меня опасаться и за докладъ Комитета объ увеличеніи мнѣ пенсіи.—

Впрочемъ пусть будетъ Богу и Государю угодно, а я молюсь только, чтобы скорѣе мнѣ поправиться: на плечахъ у меня не тыква, и потому я найду себѣ хлѣбъ, несмотря на связывающій меня титулъ. Мнѣ даже почти обѣщано порядочное приватное мѣсто, но я не знаю еще условій и жду только отвѣта. Нарочно не пишу гдѣ и какого рода мѣсто я желаю принять, чтобы ты не отклонялъ меня отъ этого благого намѣренія; но когда все будетъ кончено, то есть, если я получу мѣсто или не сойдусь въ кондиціяхъ,—увѣдомлю тебя обо всемъ. Пора и русскимъ убѣдиться, что честный трудъ въ промышленности и торговлѣ не можетъ уронить эполетъ и крестовъ, которые я впрочемъ снялъ съ полученіемъ отставки. Ты не можешь себѣ представить съ какимъ удовольствіемъ я каждый разъ одѣваю мое свободное коричневое пальто, мой мягкій плащъ, на голову вспяливаю барашковую шапку, на шею обвязываю шарфъ и иду на улицу, гдѣ никто меня не боится, не кланяется, напротивъ, многіе толкаютъ. Даже это толканье напоминаетъ мнѣ объ отставкѣ. Но я довольно болталъ о себѣ, надобно что нибудь сказать о Варшавѣ. Начавъ съ погоды, должно похвалить здѣшній климатъ; вся осень была тихая, сухая и теплая,

Библиотека "Руниверс"

только о Рождествѣ было нѣсколько дождливыхъ дней, да въ Январѣ начались морозы и то въ градусовъ 5 или 7, не болѣе. Варшавцы со своей стороны постарались украсить городъ: они устроили на главныхъ площадяхъ и въ Саксонскомъ саду великолѣпные фонтаны, которымъ недостаетъ только воды, чтобы принести пользу и прохладу жителямъ.— Съ мѣсяцъ тому назадъ Варшава пріобрѣла газовое освѣщеніе. Частная Компанія, которая взялась за это, немного ошиблась, она сдѣлала газопроводныя трубы слишкомъ малаго діаметра, такъ что на многіе фонари не хватило газа, но ошибка эта исправлена перемѣною трубъ. Видно съ огнемъ легче справиться чѣмъ съ водою. Теперь поляки будутъ еще болѣе гордиться своею Варшавою, въ которой, въ самомъ дѣлѣ, много жизни, движенія и хорошенькихъ женщинъ.—

Карнавалъ проходитъ довольно шумно, балы даются безпрерывно, какъ коренными здѣшними аристократами, такъ и пріѣзжими богачами изъ Подола, Волыни и Кіева. Прежде Бибиковъ не пускалъ ихъ сюда, да и въ Одессу они ѣздили украдкой.—Въ административномъ отношеніи перемѣнъ никакихъ не замѣтно, но поляки довольны еще тѣмъ, что имъ не воспрещаютъ носить бѣлыя краковскія шапки и венгерки на подобіе бывшихъ польскихъ кунтушей. Во времена фельдмаршала за подобныя вольности тотчасъ бы засадили въ Цитадель, на содержаніе которой съ домовъ собирается особая подать.—

Объ освобожденіи крестьянъ здѣсь не толкуютъ, потому что польскій мужикъ давно уже наслаждается свободой и, вслѣдствіе оной, бѣденъ и пьянъ ежедневно.—Впрочемъ и тутъ ожидаютъ съ любопытствомъ чѣмъ кончится столь важное преобразованіе,—польза котораго еще не доказана, а трудности исполненія очень велики.—Лучшимъ послѣдствіемъ освобожденія помѣщичьихъ крестьянъ, я полагаю, будетъ то, что въ Россіи образуется средній классъ (tiers état), котораго у насъ недоставаю.—Средній классъ составится, разумѣется, не изъ освобожденныхъ крестьянъ, но изъ мелкопомѣстныхъ дворянъ и изъ всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя до сихъ поръ старались сдѣлаться помѣщиками, а отнынѣ останутся капиталистами.

Кстати о капиталистахъ, здѣсь обнаружилось нѣсколько банкротствъ и поговариваютъ, что на этомъ не остановится. Золота и серебра вовсе не видно: въ обращеніи однѣ бумаги и то русскія потому, что польскія тоже припрятаны или, какъ здѣсь увѣряютъ, вывезены въ Пруссію, гдѣ русскія не ходятъ, а польскія принимаются охотно.—

Библиотека "Руниверс"

На дняхъ разнесся здѣсь слухъ будто гражданскіе чины будутъ у насъ уничтожены. Я этому не вѣрю, потому что не могу представить себѣ какъ мы обойдемся безъ тайныхъ, статскихъ и, въ особенности, безъ титулярныхъ совѣтниковъ.—

Хотѣлось бы еще поболтать съ тобою, но право не о чемъ.

Желаю тебѣ и супругѣ твоей счастья и остаюсь твоимъ преданнымъ другомъ.

А. Вранкенъ.

9/21 Іюля 1858, Мюнхенъ.

Мой добрый старый другъ!

Если бы я имѣлъ сообщить тебѣ что нибудь пріятное или хоть любопытное, то, конечно, давно бы написалъ. Если бъ я имѣлъ какую нибудь просьбу, то опять прибѣгнулъ бы къ твоей обязательности и добротѣ. Но моя жизнь идетъ своимъ чередомъ и кромѣ какъ о новыхъ болѣзняхъ, мнѣ, въ сущности, не о чемъ писать.—Я писалъ тебѣ, что послѣ смерти моей бѣдной и дорогой В., доктора меня посылали въ Карлсбадъ, но весна какъ на зло мнѣ, не думала являться согласно показаніямъ календаря; проходилъ Апрѣль, а деревья и луга стояли обнаженные. Но я полагалъ что на западѣ должно быть теплѣе и, вслѣдствіе этаго обманчиваго мнѣнія, 20-го Апрѣля выѣхалъ изъ Варшавы. Въ Берлинѣ по утрамъ я могъ еще любоваться морозами; на Рейнѣ я нашелъ туманъ и сырость и потому проѣхалъ далѣе въ Парижъ. Кто то справедливо замѣтилъ, что Парижъ всегда находится по пути русскаго путешественника, куда бы онъ ни ѣхалъ.—

Я пробылъ тамъ весь Май, въ продолженіе котораго не было 2-хъ лѣтнихъ дней; поэтому я проводилъ большую часть времени въ комнатѣ и не разъ принужденъ былъ топить каминъ.—Дороговизна въ Парижѣ почти такая же какъ въ Петербургѣ, театры дрянь, а на вечернихъ концертахъ духота и скука страшная.—Пробовалъ я совѣтоваться съ докторами, но всѣ они такіе шарлатаны и алтынники, что я бѣжалъ отъ нихъ.—Новостей въ Парижѣ никакихъ, кромѣ новыхъ улицъ и площадей; повсюду идетъ ломка и постройка; на каждомъ шагу встрѣчаешь или жандарма, или муниципала, или шпіона. О политикѣ никто ни полслова, какъ будто ее никогда не существовало въ разговорахъ парижанъ. Зато на биржѣ идетъ страшная

Библиотека "Руниверс"

игра.—Меня поразило такое огромное количество кавалеровъ Почетнаго Легіона, ихъ несравненно болѣе нежели у насъ Станиславскихъ.—У насъ по крайней мѣрѣ половина кавалеровъ не носятъ своихъ декорацій, но Парижанинъ надѣнетъ ленточку на сюртукъ, другую на пальто, а иногда и третью на плащъ или par-dessous.—При выѣздѣ изъ Парижа я долженъ былъ явиться, во первыхъ, въ наше генеральное консульство, гдѣ заплатилъ за визированіе паспорта 2 франка, потомъ въ Бельгійское и наконецъ въ Префектуру полиціи; въ послѣдней мнѣ пришлось довольно долго ожидать очереди. Всѣ эти порядки заведены вслѣдствіе попытки Ореини и компаніи; прежде въѣзжали и отъѣзжали изъ Парижа, никому не показывая паспорта.—

Къ 1-му Іюню я пріѣхалъ въ Карлсбадъ, но тамъ все еще было довольно холодно; несмотря на это я началъ усердно лечиться, страшно отощалъ, облегченія не испыталъ почти что никакого и сѣвъ въ скверный австрійскій дилижансъ доѣхалъ до Гофа и оттуда черезъ Бамбергъ и Нюренбергъ прибылъ прямо въ Мюнхенъ.—Карлсбадъ крѣпко надоѣлъ мнѣ, въ особенности, когда туда понаѣхала толпа русскихъ, большею частью генераловъ.—

Я очень люблю моихъ соотечественниковъ, но предпочитаю ихъ видѣть въ Россіи, гдѣ ихъ сужденія, такъ и манеры такъ хорошо гармонируютъ съ нравами, образомъ мыслей и обычаями народа; но за границею наши господа какъ будто вышли изъ своей колеи и ѣдутъ по кочковатому полю.—Во многихъ изъ нихъ давно обнаруживается желаніе обратить на себя вниманіе; это пожалуй и удастся имъ, но не всякая слава честна.—Поляковъ также не мало въ Карлсбадѣ, и они живутъ между собою довольно дружно, тогда какъ русскіе сближаются неохотно.—На дняхъ выѣзжаю въ Вильдбадъ, мнѣ совѣтуютъ попробовать тамошнее лѣченье, хотя мало надѣюсь на успѣхъ.

Штутгардтъ, 11/23 Іюля.

Отъ Мюнхена до Штутгардта по желѣзной дорогѣ шесть часовъ ѣзды. Мѣстоположеніе Штутгардта очаровательно, городокъ не великъ, но хорошо построенъ, дворецъ короля окруженъ садомъ, который тянется на цѣлую милю.—Я почти весь день провелъ на воздухѣ—завтра ѣду.

Вильдбадъ близъ Штудгардта. 25 Іюля.

Пораженъ я какъ громомъ! Здѣшній врачъ объявилъ мнѣ, что у меня сухотка спинного мозга, что всѣ мои недомоганія оттуда и про-

Библиотека "Руниверс"

исходятъ. Купилъ себѣ трактатъ этой болѣзни, всѣ симтомы вѣрны, слѣдовательно, вылѣчиться никогда не могу, только найти облегченіе въ здѣшнихъ водахъ. Молю Бога о смерти и болѣе не въ силахъ писать тебѣ.

Твой искренній почитатель и другъ.

Агатонъ Вранкенъ.

13/26 Декабря 1858 года. Ницца.

Мой добрый старый товарищъ и другъ.

Къ числу прочихъ недуговъ овладѣвающихъ моимъ грѣшнымъ тѣломъ, надобно причислить и ослабленіе памяти; я рѣшительно не помню когда и что писалъ тебѣ послѣдній разъ, знаю только, что давно не давалъ о себѣ вѣсточки, впрочемъ, такъ какъ я не имѣю ничего сообщить хорошаго, то бѣда въ этомъ не велика.—

Начну письмо съ того, что я тебя попрежнему люблю и уважаю, что желаю тебѣ здоровья и щастія и прошу сохранить ко мнѣ дружбу, которой я столько разъ пользовался.

По совѣту докторовъ, строжайше запретившихъ мнѣ вернуться не только въ Петербургъ, но и въ Варшаву, избралъ Ниццу какъ городъ наименѣе итальянскій и славящійся мягкимъ климатомъ. Наступившіе праздники не сопровождаются здѣсь особыми церемоніями ни процессіями, но городъ сохранилъ обычай стрѣлять изъ оконъ, балконовъ и на улицахъ.—Полиція, правда, наистрожайше запретила это глупое выраженіе радости, но ниццарцы смѣются надъ своею полиціей и на улицахъ безпрерывно продолжается ружейная и пистолетная перепалка, какъ будто въ городѣ междуусобій.

Впрочемъ все обстоитъ благополучно.

Я пріѣхалъ сюда изъ Баденъ-Бадена черезъ Швейцарію, Женеву, Ліонъ и Марсель. Югъ Франціи и толико прославленный Провансъ вовсе не понравился мнѣ: города грязны, деревни бѣдны, поля дурно воздѣланы по нашей трехпольной системѣ.—Повсюду на горизонтѣ виднѣются голыя, мѣловатыя горы, кое гдѣ поросшія обожженымъ кустарникомъ;—самыя оливковыя рощи не производятъ большого эффек-

Библиотека "Руниверс"

та; масличныя деревья имѣютъ какой-то неопредѣленный пыльный цвѣтъ рѣдкій листъ и не даютъ тѣни.—Не говорю уже о непріятности и грубости южныхъ французовъ.—Марсель богатый, но вонючій городъ. Я въ немъ никогда не останавливался больше дня и даже не пошелъ смотрѣть Тріумфальныхъ воротъ, выстроенныхъ въ честь Наполеона III. Вліяніе нынѣшняго Императора французовъ—огромно.—Не только Департаментальныя города Франціи, желая польстить, ставятъ на площадяхъ монументы маршаламъ Наполеона I-го, но даже и Ницца, принадлежащая Сардиніи, и то думала воздвигнуть памятникъ Массена, котораго имя дано уже одной улицѣ и одной площади.—

Въ Ниццѣ я нанялъ большую комнату дверьми, окнами на полдень и на мраморную террассу, выходящую въ садъ, наполненный цвѣтами, апельсиновыми и лимонными деревьями.—Надобно, однако жъ, прибавить, что плоды эти до сихъ поръ еще не созрѣли.—Нынѣшняя зима по увѣренію жителей составляетъ исключеніе по своей холодности, но она по моимъ наблюденіямъ лучше Петербургскаго лѣта. И при томъ какое небо! Какое голубое море! Я видѣлъ Балтійскую безцвѣтную лужу, видѣлъ Каспійское море цвѣта травы съ желтымъ оттѣнкомъ, видѣлъ Черное, справедливо названное, видѣлъ грозныя и мутныя волны Океана, брызжущія на берегъ фосфорнымъ огнемъ, но ничто не можетъ сравниться съ голубыми и прозрачными волнами Средиземнаго! Описывать его красоты я не берусь, но отсылаю тебя къ картинамъ, которыя, однако жъ, не могутъ выразить того разнообразія, которое происходитъ отъ степени свѣта, состоянія неба и силы вѣтровъ.—Я провожу цѣлые часы на берегу моря, по временамъ мнѣ приходитъ даже желаніе утопиться въ его прозрачныхъ волнахъ.—По этому можешь судить какъ оно должно быть хорошо.—

Въ Ниццѣ проводитъ зиму король вюртембергскій. Онъ живетъ очень скромно, прогуливается, какъ и прочіе смертные, бываетъ часто въ театрѣ и безъ труда заслужилъ всеобщую симпатію.—Кромѣ того здѣсь гостятъ наша Великая Княгиня Екатерина Михайловна съ супругомъ и Е. И. В. Константинъ Николаевичъ съ супругою. Съ какой цѣлью они сюда пріѣхали—право не знаю.—Я не могъ имѣть щастія представиться Августѣйшимъ гостямъ, по неимѣнію съ собою мундира, звѣздъ и даже Крымской медали. Притомъ я ношу бороду, а Его Имп. Выс. не жалуетъ небритыхъ подбородковъ. Конечно, можно было бы сбрить ее, но вѣдь борода есть единственная привилегія, которою я пользуюсь за всѣ раны, полученныя на службѣ.—Впрочемъ, завтра Е. И. В. отплываетъ со своею эскадрою къ берегамъ Сициліи.—

Библиотека "Руниверс"

Мнѣ любопытно было видѣть новый русскій винтовой флотъ.—Поэтому я поѣхалъ въ Вилла-Франкъ ($^3/_4$ часа ѣзды отъ Ниццы). Русскіе офицеры съ крайнею обязательностью показали мнѣ корабль „Ретвизанъ“ о 96 пушкахъ. Не буду говорить о порядкѣ, чистотѣ и исправности, въ которой онъ содержится, но меня крайне удивило, что паровая машина такого большого судна имѣетъ только 500 силъ. Отъ этого *Ретвизанъ*, даже въ тихую погоду, не можетъ дѣлать болѣе 8 узловъ въ часъ.—Французскій линейный корабль „La Bretagne“, въ 130 пушекъ съ машиною въ 1200 силъ, дѣлаетъ по 13 узловъ.—Поэтому можно судить о результатѣ боя, еслибъ два эти корабля сразились. Надобно, однако жъ, надѣяться, что со временемъ и мы будемъ имѣть корабли одинаковаго хода съ французскими и англійскими.

Разскажу тебѣ про здѣшнія удовольствія; для меня существуетъ только одно, это Итальянскій Оперный театръ, и въ этомъ театрѣ только опера „Травіата“, которую въ Россіи даютъ подъ названіемъ „*Віолетты*“. Содержаніе ее тебѣ должно быть извѣстно, оно заимствовано изъ романа Al. Duma-fils, „La Dame aux Camelias“. Героиня умираетъ на сценѣ отъ любви и чахотки. Этого одного было бы достаточно, чтобы возбудить во мнѣ грустныя воспоминанія недавней утраты. Но прибавь къ этому потрясающую музыку Верди, симпатическій голосъ и превосходную игру здѣшней примадонны, которая на бѣду мою и наружностію похожа на мою бѣдную В..... и ты поймешь, какое сильное впечатлѣніе производитъ на меня Травіата. Я не пропускаю ни одного представленія, я сижу въ театрѣ подъ какимъ то грустнымъ обаяніемъ и совсѣмъ непохожъ на прежняго боевого генерала.—

Ты видишь по этому описанію, какая я сталъ дрянь! Впрочемъ, я продолжаю молить Бога чтобы онъ ниспослалъ мнѣ тихую и скорую смерть. Жизнь никогда для меня не была радостна, даже въ то время, когда я былъ здоровъ и честолюбивъ; но теперь при болѣзняхъ и одиночествѣ она сдѣлалась для меня тягостью.—Предчувствую, что Богъ не исполнитъ моей молитвы и не знаю, достанетъ ли духу распорядиться самому.

Но довольно объ этомъ, чтобы не нагнать на тебя тоску.

Поздравляю тебя съ Новымъ Годомъ, желаю тебѣ отъ всей души щастія, а въ особенности здоровья. Засвидѣтельствуй мое почтеніе су-

Библиотека "Руниверс"

пругѣ твоей и передай мой усердный поклонъ Николаю Ивановичу Вольфу.

Твой старый почитатель

и вѣрный другъ

Агатонъ Вранкенъ.

P. S. Я проживу здѣсь (если только буду жить) еще три мѣсяца. Адресъ мой слѣдующій: Nice (en Sardaigne)

rue Massena, Pension Luisse.

Письмо не франкую, чтобы вѣрнѣе дошло.—

6/18 Марта 1859 Ницца.

Надобно быть въ моемъ положеніи, т. е. быть больнымъ, оклеветаннымъ, одураченнымъ и забытымъ, чтобъ понять, какую радость можетъ доставить письмо отъ стараго товарища и друга.—Напрасно, однако жъ, ты полагалъ, что я сердился за твое долгое молчаніе. Я зналъ изъ писемъ твоего брата о твоемъ новомъ назначеніи*), душевно порадовался ему и понялъ, что тебя взяли исправить чужіе грѣхи, что часть эта, для тебя новая, должна быть запущена и потому не сомнѣвался, что у тебя безъ меня довольно дѣла.—Спасибо тебѣ и за то, что не забылъ стараго товарища и друга, который искренно желаетъ тебѣ возвышенія и щастія: мнѣ даже совѣстно болтать съ тобою о моей печальной личности, но такъ какъ на прочтеніе письма моего много времени не нужно, то я не хотѣлъ отказать себѣ въ удовольствіи побесѣдовать съ тобою.—Кстати же я сегодня, благодаря прелестной погодѣ, чувствую себя очень хорошо и потому письмо мое надѣюсь будетъ менѣе глупо и не такъ мрачно. Нервныя болѣзни имѣютъ то хорошее качество, что онѣ по временамъ даютъ паціенту отдыхъ, безъ котораго страданія были бы невыносимы.—Хотя порядочные люди и стараются избѣгать разговора о погодѣ, но здѣсь она такъ хороша, что грѣшно не похвалить ее. Въ продолженіи всей зимы,

*) Ал. Андр. Неверовскій былъ назначенъ въ 59 г. директоромъ Лѣсного Департамента, въ коей должности и пребывалъ до сразившей его болѣзни сердца (впрочемъ, это семейный недугъ семьи Неверовскихъ, отъ котораго почти всѣ члены ея умирали).

Библиотека "Руниверс"

которая считалась необыкновенно суровою, только два раза термометръ опускался до нуля и то въ ночное время; въ полдень никогда не было менѣе 9-ти градусовъ тепла. Нѣкоторыя изъ померанцевыхъ деревьевъ покрылись цвѣтами въ Декабрѣ, апельсины, лимоны, гранаты теперь еще не спѣлы, только финики не выдержали зимы,—но вѣдь пальмы—Африканскія растенія. Любуяся дивнымъ Средиземнымъ моремъ, которому равнаго, конечно, нѣтъ въ цѣломъ мірѣ, я прихожу въ восторгъ и даже забываю всѣ пакости, которыя продѣлываетъ со мною Комитетъ о раненыхъ. Если бъ онъ отказалъ мнѣ въ назначеніи пенсіи просто безъ церемоній, я бы не такъ былъ огорченъ, но онъ лицемѣритъ, показывая видъ, будто желаетъ дать пенсію, но не можетъ безъ справокъ. Хоть Варшавскій оберъ-полицеймейстеръ и выслалъ уже два свидѣтельства о томъ, что у меня нѣтъ недвижимости въ г. Варшавѣ, и въ его окрестностяхъ, (но просятъ, чтобы онъ засвидѣтельствовалъ и то) что я не имѣю собственности на всѣмъ необъятномъ пространствѣ Россіи. Натурально, что подобнаго свидѣтельства онъ дать не можетъ, да оно было бы нелѣпо.—Впрочемъ, еслибъ Варшавскій об.-полицеймейстеръ и рѣшился взять на себя такую отвѣтственность, то Комитетъ придумалъ уже новую придирку, онъ требуетъ отъ меня свидѣтельства изъ прежняго мѣстожительства и знаешьли почему? Потому, что я написалъ въ прошеніи, что я не занесенъ ни въ одну дворянскую книгу и не принадлежу ни одной губерніи. Отецъ мой перешелъ изъ Прусской службы въ Русскую послѣ Іенскаго сраженія, желая продолжать борьбу съ Наполеономъ. Тебѣ извѣстно, что Наполеонъ былъ побѣжденъ, а отецъ получилъ орденъ Св. Анны. Онъ до сихъ поръ еще ожидаетъ раціоновъ и порціоновъ за 1813 г., вѣроятно, остановка въ выдачѣ произошла за справками, не имѣетъ ли онъ помѣстій въ Калифорніи.—Не полагай, что я выдумалъ исторію отцовскихъ раціоновъ: старикъ мой, дѣйствительно, имѣлъ свидѣтельство въ полученіи ихъ. Свидѣтельство представилъ въ Военное Министерство, а когда, не получая денегъ, онъ попросилъ возвратить ему хоть документъ, то ему отвѣтили безъ церемоніи: „зачѣмъ вамъ свидѣтельство? Вы вѣрно хотите утруждать Государя Императора?“ (Тогда царствовалъ Александръ I).

Я попробую еще разъ написать объяснительную записку въ Комитетъ, а если она останется безъ дѣйствія, то попрошу г. Военнаго Министра или даже Государя, чтобы изъ моей пенсіи не вычитали процентовъ въ пользу инвалидовъ. Въ этомъ году у меня удержали на нихъ 37 р. 16 к. Неправда ли, это похоже на насмѣшку? Желая всякую мою неудачу обратить въ шутку, чтобы безполезно не горевать, я искалъ какого нибудь Героя древней исторіи, которому хотѣлъ себя

Библиотека "Руниверс"

уподобить, но со стыдомъ долженъ сознаться, что не нашелъ ни одного, напротивъ, встрѣтилъ только контрасты: напримѣръ, Библія повѣствуетъ, что Самсонъ разбилъ филистимлянъ ослиною челюстью, со мною случилось обратное: филистимляне разбили ослиную челюсть. Назвавъ себя осломъ, я не скромничаю, но отдаю себѣ только справедливость, ибо въ самомъ дѣлѣ, можно ли глупѣе прожить свою жизнь? можно ли безцвѣтнѣе провести свою молодость? и дешевле продать свою кровь и здоровье?—Теперь, хотя я и стараюсь забыть, что служилъ и былъ генераломъ, но боли ежедневно напоминаютъ объ этомъ. А между тѣмъ жизнь моя могла бы быть такъ хороша, несмотря на мои 45 лѣтъ. Недавно я здѣсь встрѣтилъ дѣвушку 18 лѣтъ, дивной красоты, ума и доброты. Она принадлежитъ порядочной фамиліи, не имѣетъ ни отца ни матери и только что вышла изъ Патріотическаго Института; но удивительнѣй всего въ ней то, что она влюбилась въ меня. Дальняя родственница, съ которой она сюда пріѣхала, весьма ясно дала мнѣ понять, что ежели я сдѣлаю предложеніе, то отказа не получу. Скрѣпя сердце, я отклонилъ отъ себя это щастіе. Теперь другая особа, тоже дѣвушка, но лѣтъ 35, зато богатая и добрая, смотритъ на меня весьма благосклонно. Доброта въ старыхъ дѣвушкахъ не рѣдкость, но описанія ея Симбирскихъ деревень и села съ боярскимъ домомъ и широкимъ прудомъ, ворочающимъ мельницу на 6 поставахъ, чрезвычайно соблазнительно. Мельница эта дала бы мнѣ возможность попросить Комитетъ раненыхъ, чтобы онъ избавилъ меня отъ его двусмысленнаго покровительства, но я долженъ отказаться и отъ этого удовольствія. Разсказавъ о моихъ любовныхъ побѣдахъ, я вовсе не хотѣлъ ими хвалиться, и никогда не былъ фатомъ.—Напротивъ я самъ удивляюсь имъ и полагаю, что Богъ заблаговременно наказываетъ меня за прежнее честолюбіе и дурное поведеніе, посылая на меня неудовлетворенный соблазнъ.—

20-го Марта. О смѣнѣ Браневскаго я зналъ еще въ Сентябрѣ прошлаго года отъ самого Яковъ Ивановича Ростовцева, который превозносилъ нашего Браневскаго до небесъ, едва не причисливъ его къ клиру святыхъ, но все таки прибавилъ, что ему придется дать другое назначеніе. Впрочемъ Павелъ Николаевичъ довольно послужилъ и хорошо бы сдѣлалъ, если бы, выйдя въ отставку, позаботился о своемъ здоровьи; онъ имѣетъ небольшое состояніе, да и Комитетъ раненыхъ былъ къ нему милостивѣе, чѣмъ ко мнѣ, назначивъ ему въ пенсію 3 т. р. ассигнаціями. Едва не забылъ тебѣ сказать, что я попалъ наконецъ въ комплектъ кавалеровъ ордена Георгія. Мнѣ назначено 150 р. пр. въ годъ.—Такимъ образомъ, вознаградилось 15-ти лѣтнее служеніе.—

Библиотека "Руниверс"

Ты спрашиваешь меня о положеніи Италіи; радъ былъ бы сообщить тебѣ что нибудь, но мы здѣсь не имѣемъ никакихъ достовѣрныхъ данныхъ. Напишу, однако же, все, что знаю.

Еще въ Маѣ прошлаго года, бывши въ Парижѣ, я узналъ отъ лица, близкаго къ Наполеону, что онъ точитъ ножъ на Австрію. Въ Декабрѣ Сардинскій король намекнулъ войскамъ своимъ, чтобы они готовились къ войнѣ, а въ самый Новый годъ Наполеонъ поздравилъ Австрійскаго посланника своимъ неудовольствіемъ. Съ тѣхъ поръ всѣ журналы закричали о войнѣ на всевозможные тоны. Самъ чортъ не разберетъ ихъ предположеній и догадокъ; изо всего, однако-же, видно, что Франція и Австрія серьезно готовятся къ войнѣ, а Сардинія лѣзетъ изъ кожи. Здѣшній первый министръ, глава радикаловъ или крайникъ демократовъ, графъ Кавуръ опирается на знамя итальянской свободы. Онъ долженъ будетъ отказаться отъ портфеля, если войны не будетъ. Теперь онъ на вершинѣ величія; итальянцы клянутся его именемъ—впрочемъ, они болѣе кричатъ, нежели дѣйствуютъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что все дворянство и все, что есть достаточнаго во всей Италіи, желаютъ изгнанія австрійцевъ; простой народъ, который менѣе отъ нихъ терпитъ, довольно равнодушенъ, но тѣ и другіе понимаютъ, что безъ помощи Франціи ничего сдѣлать не могутъ.

Между тѣмъ Наполеонъ, какъ сфинксъ не говоритъ послѣдняго слова и старается убѣдить Европу въ 2-хъ вещахъ: что онъ не имѣетъ претензіи на Рейнскую границу и что Австрія будто бы его забираетъ сама. Пруссія держится своей прежней нейтральной политики, а Англія боится за свою собственную шкуру: она опасается, чтобъ другъ ея Наполеонъ, собравъ войска будто бы противъ Австріи, не посадилъ ихъ въ одну темную ночь на суда и не пожаловалъ къ нимъ въ гости. Вотъ почему она такъ хлопочетъ о мирѣ, а между тѣмъ усиливаетъ свой флотъ и укрѣпляетъ берега. Нѣтъ сомнѣнія, что роль, которую приметъ на себя Россія, будетъ имѣть огромное вліяніе на политику и даже на судьбу Австріи; если Россія останется нейтральною, то Австрія можетъ еще удержаться въ Ломбардіи, гдѣ она имѣетъ сильную армію; крѣпости и хорошую оборонительную линію. Но если Россія захочетъ уничтожить неблагодарныхъ Австрійцевъ,—то ей стоитъ послать только два корпуса въ Венгрію, не жалѣя сильную и вѣроломную Австрію. Разумѣется, что армію нашу надо будетъ поручить Андерсу, который извѣстенъ венгерцамъ, или кн. Барятинскому, или гр. Муравьеву-Амурскому, а не кастратамъ и нѣмцамъ.—Полагаю, что

Библиотека "Руниверс"

въ такомъ случаѣ и тебѣ придется оставить дремучіе лѣса и выступить на поля сраженій.

Итальянскіе журналы пишутъ о сборѣ безсрочно-отпускныхъ и вообще о военныхъ приготовленіяхъ въ Россіи, но въ твоемъ ко мнѣ посланіи объ этомъ нѣтъ ни слова.—Конечно это предметъ очень щекотливый, но можно бы намекнуть только—я очень догадливъ. По послѣднимъ газетнымъ извѣстіямъ въ Туринѣ приготовлена квартира для арміи, разумѣется не для австрійской и французской. Говорятъ также, будто министръ Кавуръ ѣздилъ въ Парижъ подъ строжайшимъ инкогнито. Въ Италіи всѣ убѣждены, что война неизбѣжна и близка. Одни полагаютъ, что австрійцы начнутъ ее сами, чтобы разгромить сардинцевъ до прибытія французской арміи. Предлогомъ къ этому можетъ служить то, что миръ заключенный на 10 лѣтъ кончается 28 марта, т. е. черезъ недѣлю. Другіе надѣются, что Наполеонъ, подготовивъ общественное мнѣніе во Франціи, въ Европѣ откроетъ военныя дѣйствія. Но если онъ надуетъ итальянцевъ, то можетъ случиться, что они, наскучивъ ожиданіемъ, поднимутъ сами возстаніе. Тогда Сардинія и ея благородный король, всегда вѣрный своему слову, не долженъ оставить ихъ. Спрашивается, какъ тогда Наполеонъ! Этого никто не знаетъ, но онъ будетъ потерянъ въ общемъ мнѣніи, если оставитъ возмутившихся на произволъ Австріи.—

Между тѣмъ уже въ Италіи страшно взволнованы, всѣ надежды обращены на Францію и Сардинію: волонтеры со всѣхъ частей полуострова прибываютъ сюда, несмотря на пограничную стражу и полицейскій надзоръ.—Если приготовляющаяся драма превратится въ комедію, то она все таки кончится печальнымъ образомъ для волонтеровъ, которые, потерявъ имѣнія, останутся изгнанниками и будутъ служить живымъ укоромъ Кавуру, Викторъ-Эммануэлю и Наполеону. Сардинская армія доведена до 100 тысячъ, сдѣланъ заемъ въ 50 милліоновъ фр.

Вотъ и все, что я знаю о современномъ итальянскомъ вопросѣ, о которомъ распространился вслѣдствіе твоего желанія. Что касается до Ниццы, то она довольно спокойна, здѣсь такъ много иностранцевъ и такъ близко Франція, что городъ потерялъ свой итальянскій характеръ: улицы здѣсь освѣщены газомъ, поливаются водою и воспрещается выливать помои на голову проходящихъ; на площадяхъ не позволяютъ рѣзать скотину и сдирать шкуру съ падали.—Изъ этого уже видно, что Ницца не похожа на Римъ, Неаполь и другіе итальянскіе города.—

Библиотека "Руниверс"

Здѣсь каждый можетъ думать и говорить, что хочетъ, но не смѣетъ сдѣлать, что вздумается; въ Римѣ и Неаполѣ приказано молчать, но разрѣшено свинствовать, сколько угодно.—

21 Марта. Погода стоитъ восхитительная; повсюду цвѣты, зелень и лазурь, даже умирать не хочется. Я остался здѣсь до начала Мая, потомъ ѣду въ Парижъ и Вильдбадъ, что близь Штутгарта. Въ Вильдбадѣ пробуду мѣсяцъ, остальное время, вѣроятно, въ Баденъ-Баденѣ, хоть лѣчиться тамъ не буду. Выдавая мнѣ безсрочный паспортъ, мнѣ сказали, что пенсія моя будетъ производиться только въ теченіе 2-хъ лѣтъ. Но кто-то изъ пріѣзжихъ русскихъ порадовалъ меня извѣстіемъ, будто бы былъ новый Высочайшій указъ, которымъ разрѣшаютъ жить за границей 5 лѣтъ и пользоваться пенсіей.

Я былъ бы очень радъ, если бы это правда, потому что не нужно было бы просить о продолженіи заграничнаго содержанія. Я даже не знаю, въ чьей командѣ состоятъ отставные военные и къ кому обращаться съ прошеніемъ: къ Министру Внутреннихъ дѣлъ или по прежнему къ Военному.—

Однако прощай, дорогой Александръ Андреевичъ, будь здоровъ и щастливъ. Поклонися отъ меня твоей супругѣ и не забывай твоего бѣднаго и стараго друга.

Агатонъ.

P. S. У меня на нижней челюсти остался одинъ только зубъ. Храню и берегу его противъ Комитета раненыхъ.

Извини что заболтался.

10/22 Августа 1859. Баденъ-Баденъ.

Мой добрый старый другъ!

На этотъ разъ у меня есть прекрасное оправданіе моему долгому молчанію. Я женился и все это время нахожусь въ какомъ то чаду, изъ котораго и теперь не совсѣмъ вышелъ. Извѣстіе это не мало удивитъ и вмѣстѣ обрадуетъ тебя, потому что ты заключишь изъ него, что я сдѣлался молодцомъ, если рѣшился на столь важный шагъ. Увы! Предположеніе твое было бы очень ошибочно, потому что я такая же дрянь, какъ былъ, женитьба же моя приключилась самъ не знаю какъ.—Вотъ ея краткая исторія.

Библиотека "Руниверс"

Пріѣхавъ въ прошломъ году въ Ниццу, я тамъ не думалъ ни съ кѣмъ знакомиться и началъ вести обыкновенную мою одинокую жизнь. Въ одно прекрасное утро является ко мнѣ пожилой мужчина, рекомендуетъ, что онъ Валерій Валеріевичъ Скрыпицинъ (бывшій директоръ Д-та Иностранныхъ Исповѣданій Министерства Вн. Дѣлъ) и что ему поручилъ другъ его, и мой хорошій знакомый, Николай Арсеньевичъ Жеребцовъ, познакомиться со мною. Нельзя было не отвѣтить на подобную любезность: я отдалъ Скрыпицину визитъ, былъ приглашенъ на обѣдъ, за которымъ познакомился съ зятемъ Скрыпицина, Михаиломъ Николаевичемъ Краснокутскимъ. Несмотря на мою дикость и нежеланіе сближаться, въ особенности съ русскими путешественниками, Краснокутскій мнѣ чрезвычайно понравился съ перваго взгляда. Узнавъ его потомъ покороче, я началъ уважать въ немъ положительный и солидный характеръ, прекрасное образованіе, обширную начитанность и теплую, симпатичную душу. Такихъ людей въ Россіи, къ сожалѣнію, немного, да и служить имъ трудно, поэтому Краснокутскій давно вышелъ въ отставку и проживалъ или въ Москвѣ, или въ своихъ Симбирскихъ деревняхъ. Разстроенное здоровье жены заставило его провести зиму въ Ниццѣ.—При женѣ его проживали, въ рѣдкомъ между собою согласіи, двѣ ея сестры.—Нельзя было не любоваться этимъ милымъ, простымъ, добрымъ семействомъ, у всѣхъ членовъ его казалось одна душа, одна цѣль—угодить другъ другу.—

Меня приняли тамъ съ перваго же раза, какъ стараго знакомаго, не расточали ласкъ и комплиментовъ, но выказали столько участія моему положенію, и притомъ съ такою простотою и естественностью, что я долженъ былъ повѣрить, что присутствіе мое не тягостно, напротивъ пріятно.—Я часто встрѣчался, гуляя, съ Краснокутскимъ, но мнѣ и въ мысль не приходило, чтобы моя свирѣпая рожа могла кому либо вскружить голову. Въ началѣ мая Краснокутскій съ семьей долженъ былъ ѣхать въ Парижъ, а я думалъ перебраться въ Баденъ. Я проводилъ ихъ до французской границы, которая, какъ тебѣ извѣстно изъ компаніи 1796 года, проходитъ въ пяти верстахъ отъ Ниццы по р. Васъ. Тутъ, въ минуту разлуки добрыя двѣ сестры пролили нѣсколько слезинокъ, но бѣдная моя Зинаида расплакалась, какъ дитя.—Тутъ я въ первый разъ понялъ, какъ сильно она меня любитъ. Проводивъ ихъ, я далъ слово писать и воротился въ мою печальную квартиру. Но Ницца сдѣлалась для меня нестерпимой, и, сѣвъ на пароходъ, отправляющійся въ Марсель, оттуда черезъ Ліонъ, Дижонъ и Страссбургъ, на третій день прибылъ въ Баденъ-Баденъ, мое любимое мѣстопребываніе. Мы въ письмахъ высказали наши чувства,—и вотъ,

Библиотека "Руниверс"

вытребовавъ по телеграфу отъ отца мой указъ объ отставкѣ и родительское благословеніе, мы 29 іюля обвѣнчались въ Висбаденѣ, въ прелестной, граціозной нашей русской церкви, выстроенной, какъ тебѣ извѣстно, надъ могилой нашей Великой Княжны Елизаветы Михайловны.

Вотъ уже двѣ недѣли, что я женатъ, жена моя прелестная женщина, жаль что я не могу послать тебѣ ея портрета, она москвичка, Зинаида Павловна Филиппова (такъ звали ее) и симбирская помѣщица. Я вполнѣ счастливъ! Я давно не бралъ въ руки ни одного журнала, знаю, однако, что результатами послѣдней войны всѣ недовольны. Во первыхъ—австрійцы и всѣ мелкія германскія княжества, придерживающіеся ихъ политики, потомъ италіанцы, которые мечтали объ эмансипаціи всей Италіи и даже о лишеніи Папы свѣтской области, наконецъ—французы, заплатившіе 500 м. фр. и потерявшіе до 50 т. лучшихъ солдатъ и получившіе взамѣнъ весьма сомнительное вліяніе на Италію. Французы хотятъ имѣть низовья Рейна, объ этомъ только и мечтаютъ, ко всему же остальному довольно равнодушны.—Не знаю, что у насъ дѣлается въ Россіи, но, полагаю, все идетъ по прежнему, то есть, пишутъ много, а дѣлаютъ мало.—

Что бы тебѣ еще сказать? Мы живемъ здѣсь тихо и мирно и, хоть здѣсь обрѣтаются король виртембергскій, принцесса прусская, жена регента, великій герцогъ баденскій, эрцъ-герцогъ австрійскій и еще какіе то принцы, но они не обращаютъ на себя вниманія публики.—Зато на дняхъ изволила здѣсь останавливаться наша вдовствующая Императрица. Ну, это было другое дѣло, заранѣе очистили цѣлый отель, на желѣзной дорогѣ ожидала цѣлая толпа, потомъ было представленіе Ея Величеству.— У меня сердце радовалось, видя какъ наша Государыня умѣетъ поддержать достоинство Россіи.—Говорятъ—Ея Величество проведетъ всю зиму въ Ниццѣ—я щастливъ заранѣе.

Однако, я заболтался, вѣроятно, надоѣлъ тебѣ пустяками. Да будетъ щастіе надъ тобою и надъ всѣмъ твоимъ семействомъ.

Твой старый товарищъ и другъ

Агатонъ Вранкенъ.

1/13 Апрѣля 1860-го. Ницца.

Если не ошибаюсь, то каждое письмо мое начинается длиннымъ оправданіемъ моего долгаго молчанія. Болѣзнь, происходящая отъ этого апатія, однообразная жизнь и отсутствіе всякой надежды на что нибудь

Библиотека "Руниверс"

лучшее, дѣлаютъ то, что мнѣ такъ же трудно написать письмо, какъ тебѣ прочесть его.—Я понимаю, что послѣ твоихъ трудовъ по департаменту тебѣ пріятно было бы отдохнуть надъ чтеніемъ безыскуственныхъ, но теплыхъ строкъ твоего товарища стараго и преданнаго друга, но, къ сожалѣнію, изъ подъ пера моего выливаются однѣ іереміады, исполненныя позднихъ сожалѣній желчи. На дняхъ я получилъ письмо отъ брата. Онъ увѣдомляетъ меня, *во первыхъ*, что Комитетъ Раненыхъ отказалъ мнѣ въ пенсіонѣ потому, что въ 1851 году я получилъ аренду на 12 лѣтъ. Можетъ быть, это совершенно законно, но почему Комитетъ, имѣвшій мой формуляръ, не отказалъ мнѣ въ самомъ началѣ переписки; зачѣмъ онъ спрашивалъ меня: *не взялъ ли я аренды всей впередъ сполна*, что ввело меня въ пріятное заблужденіе, зачѣмъ онъ потребовалъ отъ меня разныхъ свидѣтельствъ и документовъ? И когда, послѣ многихъ хлопотъ и издержекъ, я представилъ все требуемое, Комитетъ указалъ на причину, ему давно извѣстную. Согласись, что это весьма непріятно.

Во вторыхъ, братъ узналъ въ Капитулѣ орденовъ, что пенсія въ 150 р. назначенная мнѣ за Георгія, не только не будетъ отпускаться за границу, но что я потерялъ на нее всякое право, если не возвращусь тотчасъ же и не буду хлопотать объ отпускѣ ея.

Въ третьихъ, что, хотя русскимъ подданнымъ и дозволяютъ оставаться за границей 5 лѣтъ, но, что пенсіи даются лишь въ теченіе 2-хъ лѣтъ. На этомъ основаніи я лишенъ и послѣдней пенсіи, которую получалъ изъ Государственнаго Казначейства.—

Конечно, я здѣсь знаю многихъ русскихъ, получающихъ уже 10 лѣтъ большія пенсіи, но они просили объ этомъ, а я во всю мою службу никогда не утруждалъ начальство моими просьбами. И вотъ на старости лѣтъ приходится кланяться. Чтобы избѣжать этого, я готовъ и могъ принять частную службу, но здоровье не позволяетъ не только трудиться, но даже жить въ россійскомъ климатѣ, а между тѣмъ, надо будетъ пріѣзжать на поклонъ въ Петербургъ.—

Не знаю, имѣлъ ли ты время слѣдить за ходомъ и характеромъ европейской политики?—я, какъ больной и праздный имѣю достаточно времени разсматривать вопросы эти со всѣхъ сторонъ. Вотъ, если тебѣ не скучно, нѣкоторыя изъ моихъ наблюденій.—

Въ 1830 году Франція объявила за собою право давать себѣ такое правленіе, какое ей вздумается. Ни одному правительству эта вы-

Библиотека "Руниверс"

ходка не понравилась, но никто не захотѣлъ воевать съ сильною Франціею и съ мирнымъ королемъ. Англія объявила правило не вмѣшиваться въ дѣла сосѣдей. Почти въ то же время въ журналахъ начали кричать о національностяхъ, то есть о составленіи государствъ по націямъ. Въ 1848 году, народы хотѣли преобразовать свои границы по народностямъ, но попытка эта не удалась, благодаря краснымъ республиканцамъ, соціалистамъ и коммунистамъ, которыхъ замыслы перепугали всѣхъ зажиточныхъ людей, или, какъ французы говорятъ, „chacun qui tenait à quelque chose".

Все притихло, но урокъ, полученный Германіею и Италіею не пропалъ даромъ. Въ Піэмонтѣ явился на престолъ честный и благородный король и умный министръ. Они предприняли въ маленькомъ государствѣ реформы и учрежденія, которыя сдѣлали Виктора-Эммануила знаменемъ и якоремъ всей Италіи. Ломбардская война и Цюрихскій миръ ничего не значили, и показали только какъ мало можетъ сдѣлать оружіе. Но почти единогласное сверженіе герцоговъ въ Моденѣ, Пармѣ, Болоньѣ и въ Тосканѣ и вступленіе въ подданство Виктора-Эммануила озадачило всю Европу и едва ли Наполеона не болѣе другихъ.—Къ счастію его онъ молчаливъ, и потому никто не можетъ упрекнуть его въ недальновидности.—Надо полагать, однако жъ, что ему пріятнѣе было бы принять подъ свое покровительство Итальянскую Конфедерацію, чѣмъ имѣть сосѣдкою 19-ти милліонную монархію, которая грозитъ поглотить остальную Италію.—Никто не сомнѣвается, что при первой войнѣ Австріи, въ Германіи, Венгріи, или гдѣ нибудь, Викторъ-Эммануилъ бросится на знаменитый четыреугольникъ, и въ то же время безъ выстрѣла овладѣетъ римскими и неаполитанскими владѣніями. Это рано, или немного позднѣе должно сбыться. Но итальянскій переворотъ, кромѣ всѣмъ видимаго результата, озадачилъ всѣ старые кабинеты формою переворота, то есть спокойнымъ низложеніемъ своихъ владѣтелей и отдачею себя новому, совершенно постороннему Государю.—Народный актъ этотъ, составлявшій до сихъ поръ какъ бы прерогативу французовъ, перешелъ теперь въ число правъ итальянскихъ мелкихъ владѣній.—Нѣтъ сомнѣнія, что австрійскій императоръ предпочелъ бы видѣть Тоскану и прочія герцогства покоренными оружіемъ, нежели избравшими Виктора-Эммануила. Къ пущему негодованію Австріи, Наполеонъ III, выторговавшій себѣ Савойю и Ниццу, какъ будто желалъ освятить это новое право, объявивъ, что онъ не иначе намѣренъ присоединить эти двѣ провинціи, какъ съ рѣшенія поголовной подачи голосовъ самихъ жителей. На объявленіе объ этомъ присоединеніи, нѣкоторые кабинеты отвѣтили, что они признаютъ за Вик-

Библиотека "Руниверс"

торомъ-Эммануиломъ право уступить, а за Наполеономъ принять Савойю и Ниццу, но считаютъ излишнимъ спрашивать согласіе на это народонаселенія.—

Между тѣмъ, пока въ Италіи происходитъ возсоединеніе,—народы мелкихъ германскихъ государствъ стремятся къ тому же.—Ты знаешь, что въ прошломъ году, когда Наполеонъ былъ въ Ломбардіи, противъ него ополчилася уже Германія. Австрія умѣла склонить на свою сторону Баварію, Баденъ, Нассау и пр. народы, которые желали тоже войны, но вовсе не для поддержанія Австріи; они надѣялися во время войны сбросить съ себя князей и образовать сильное Южно-Германское государство изъ Баваріи, Виртемберга, Бадена, Гессенскихъ княжествъ и Нассау; другіе желали присоединиться къ Пруссіи. Многіе нѣмцы говорили мнѣ, что имъ нужна война, чтобы совершить преобразованіе феодальныхъ раздробленныхъ формъ. Кажется Наполеона эта идея перепугала болѣе чѣмъ нѣмецкіе штыки, и онъ поспѣшилъ заключить перемиріе въ Вилла-Франкѣ. Никогда, можетъ быть, Европа не была въ такомъ боязливомъ настроеніи какъ теперь: Неаполь и папа боятся Виктора-Эммануила, а болѣе еще своихъ собственныхъ подданныхъ. Испанія со слезами подписала невыгодный миръ съ Марокко, боясь Англіи. Австрія боится Богеміи, Венгріи, Пруссіи, Сардиніи и Россіи: Пруссія боится потерять Рейнъ и свое вліяніе на Германію: сія послѣдняя вся сполна трепещетъ, чтобы Франція не сошлась близко съ Россіею и не приняла нѣмцевъ въ тиски.—Наконецъ, Англія никогда еще такъ не боялась Франціи какъ теперь.—Надъ цѣлою Европою возвышается молчаливая фигура Наполеона III, который терпѣливо слѣдитъ за общественнымъ мнѣніемъ, народными нуждами, страстями и ошибками правительствъ. Европа знаетъ, что надъ ней паритъ Французскій орелъ, который все видитъ, все понимаетъ, всѣмъ умѣетъ воспользоваться, не пугаетъ и ничего не прощаетъ.—Вотъ почему каждое слово, каждый жестъ Наполеона, повторяются во всѣхъ углахъ Европы и возбуждаютъ надежду или страхъ.—Въ настоящую минуту всѣ опасаются, что онъ черезъ годъ или черезъ два зажжетъ войну въ Германіи, чтобы пріобрѣсть Рейнъ. Только этимъ своимъ завоеваніемъ онъ можетъ упрочить свою династію на шаткомъ французскомъ престолѣ, тогда не только республиканцы, но и легитимисты покорятся ему изъ благодарности.—Мнѣ говорили нѣсколько французскихъ легитимистовъ, что въ день подписанія мира, по которому Рейнъ потечетъ по границѣ Франціи, они соберутся въ церковь отслужить молебенъ въ память Бурбоновъ, и затѣмъ въ Тюльери съ поклономъ Наполеону.

Библиотека "Руниверс"

Можно не уважать, но нельзя не удивляться этому человѣку; его уму, терпѣнію, твердости и ловкости. Подтвержденія этому у меня передъ глазами; въ прошломъ году одинъ изъ *ниццскихъ журналовъ* началъ толковать о томъ, какъ выгодно было бы Ниццѣ принадлежать Франціи. Не проходило дня, чтобы въ журналѣ этомъ не была помѣщена статья подъ всегдашнимъ заглавіемъ: „Les interets du Comté de Nice", въ которой доказывалось бѣдственное настоящее положеніе графства и блистательная будущность, если она перейдетъ во власть Франціи. Мало по малу образовались здѣсь 2 партіи: итальянская и французская. Отъ нечего дѣлать я усердно слѣдилъ за ходомъ этой интриги, и нахожу, что лучшая роль въ ней принадлежитъ Наполеону, хотя и онъ игралъ ее въ маскѣ.—

Вотъ что теперь оказывается: Наполеонъ обѣщалъ выгнать Австрійцевъ изъ Венеціи, и за это выговаривалъ себѣ Савойю и Ниццу. Но такъ какъ по Вилла-Франкскому миру, Венеція осталася за Австріею, то тайный этотъ договоръ остался безъ исполненія.

Наполеонъ объявилъ, что не противится возстановленію герцоговъ и совѣтовалъ Виктору-Эммануилу не брать Тоскану; но послѣдній не послушался и принялъ ея подданство.—Тогда Императоръ объявляетъ претензію на Савойю и Ниццу.—Итальянцы при этомъ выказали себя порядочными подлецами, они начали кричать, что Наполеонъ обѣщалъ отдать имъ Венецію, и такъ какъ не исполнилъ этого, то не имѣетъ права на вознагражденіе. Что же касается до присоединенія Пармы, Модены и Тосканы, то будто оно произошло безъ помощи, даже противъ желанія Наполеона, который, слѣдовательно, не имѣетъ повода требовать Ниццы и Савойи. Съ другой стороны Кавуръ хотѣлъ показать Европѣ и въ особенности Италіи, какъ неохотно Піемонтскія провинціи переходятъ въ чужое подданство. Съ этой цѣлью сюда командировали изъ Генуи нѣсколько отчаянныхъ итальянцевъ-патріотовъ, которые принялися дѣлать тутъ публичныя манифестаціи: прогулки по городу съ Піемонтскимъ знаменемъ, ношеніе бюста Викт.-Эмман., требованія въ театрѣ народнаго гимна и т. п.. При этомъ случаѣ, надобно сознаться, что многіе изъ русскихъ объявили себя закоснѣлыми итальянцами, они перепугали ниццаровъ увѣреніемъ, что русскіе перестанутъ посѣщать ихъ городъ, когда онъ сдѣлается французскимъ. Начались безпорядки, дѣло доходило до ножей. Узнавъ объ этомъ, Наполеонъ списался съ Туриномъ, и приняты слѣдующія мѣры: всѣ должностныя лица, поставленныя отъ короны, отозваны и замѣнены уроженцами Ниццы; объявленъ манифестъ, освобождающій ниц-

Библиотека "Руниверс"

царовъ отъ подданства савойскому дому; отозваны сардинскія войска и въ то же время нѣкоторые французскіе полки, занимавшіе Ломбардію, вмѣсто того, чтобы сѣсть на суда въ Генцѣ, стали проходить по Ривьерѣ и пріостанавливаться въ Ниццѣ, какъ будто для отдыха. Кромѣ того сюда пріѣхалъ французскій сенаторъ Піэтри (родомъ корсиканецъ), который принимаетъ прошенія на имя Императора, депутаціи, корпораціи и щедро обѣщаетъ имъ все, о чемъ бы онѣ не попросили.—Множество мелкихъ французскихъ агентовъ разсыпано по всему краю. Поэтому можно уже предвидѣть что „la saute de l'annexion" пройдетъ значительнымъ большинствомъ въ пользу Франціи. Изъ всего этого видно: 1-е) что Наполеонъ ловкій политикъ; 2-ое) что пьемонтцы, тосканцы и прочіе суть неблагодарныя свиньи..... скоро забывшія помощь Франціи: 3-е) что ниццары, отрекающіеся отъ своей національности ради торговыхъ выгодъ, тоже подлецы.—Я понимаю, что Наполеонъ имѣетъ право требовать естественныхъ границъ, но ему хочется увѣрить Европу, что присоединеніе это дѣлается по желанію жителей Савойи и Ниццы.—Еще сквернѣе то, что пьемонтцы, ломбардцы, тосканцы и прочіе, торгуются со своимъ избавителемъ и хотѣли увернуться отъ уступки.—Ниццары и савойяры, напротивъ, имѣли полное право отстаивать свою національность и либеральныя учрежденія; но они продаютъ себя и думаютъ только о томъ какъ бы подороже взять за свою свободу. Кто посѣтилъ, и въ особенности, пожилъ въ Италіи, не можетъ не согласиться, что итальянцы развратники и подлецы. И потому, если всѣ радуются воскресенію Италіи, то, конечно, въ той пріятной надеждѣ, что справедливое, либеральное и *просвѣтительное* правительство преобразуетъ характеръ и улучшитъ нравственность жителей этой прекрасной страны.—Но довольно о политикѣ!

2/14 Апрѣля. Англичане постоянно хлопочутъ объ удобствѣ путешествій: что они для этого не придумали! И экстренные цуги на желѣзныхъ дорогахъ и колоссальные пароходы, но Наполеонъ доставилъ мнѣ легчайшій способъ переѣзжать изъ государства въ государство; благодаря его политикѣ, я, не выходя изъ своей квартиры, могу покинуть Италію и очутиться во Франціи. Шутки въ сторону, но я дѣйствительно радъ отчасти присоединенію Ниццы къ Франціи, потому что при предстоящей поѣздкѣ въ Парижъ, избавлюсь таможеннаго осмотра чемодановъ. Хотя у меня бывалъ съ собою до сихъ поръ одинъ сундучекъ, но жена присоединила къ нему своихъ восемь огромныхъ сундучищъ; въ каждомъ изъ нихъ могутъ спрятаться по крайней мѣрѣ 2 человѣка.

Библиотека "Руниверс"

Побывавъ лѣтомъ на разныхъ водахъ для жены и для меня, думаемъ тронуться въ первыхъ числахъ Августа въ Петербургъ, а оттуда, смотря по состоянію здоровья, или въ Москву, куда желаетъ жена, или въ Ниццу, гдѣ я менѣе страдаю.—Пріятно будетъ увидѣть старыхъ родителей, братьевъ, сестеръ, обнять и поблагодарить тебя. Но когда подумаю о Комитетѣ раненыхъ, орденскомъ Капитулѣ, казначействѣ, о клопахъ, тараканахъ, съ которыми опять придется имѣть дѣло, то радость уступаетъ мѣсто страху. Пуще же всего я боюсь климата: вотъ уже три года, какъ я постоянно и ежедневно любуюся зелеными растеніями и цвѣтами, а снѣгъ вижу только на вершинахъ Тендскаго хребта, который защищаетъ Ниццу отъ сѣверныхъ вѣтровъ. Россія хороша для здоровыхъ, но для больныхъ родина тамъ, гдѣ климатъ облегчаетъ ихъ страданія.

Наша старушка царица чувствуетъ себя нѣсколько лучше: она начала довольно часто посѣщать недавно отстроенную при ея высокомъ содѣйствіи православную церковь. Церковь эта находится сейчасъ за садикомъ моей квартиры и такъ какъ сегодня Страстная суббота, то вся здѣшняя русская колонія дефилируетъ предо мною. Вся улица загромождена каретами, которыхъ я насчиталъ болѣе 50. Можешь судить, какая давка въ церкви, куда я часто отвожу жену. Великій Князь Николай Николаевичъ также здѣсь, но жалуется на скуку безъ жены. Принцъ Петръ Ольденбургскій недавно воротился изъ Рима, а В. К. Марія Николаевна отправилась туда, на празднество Святой недѣли.

Передай мой усердный поклонъ милой супругѣ твоей.

Твой старый другъ А. Вранкенъ.

---

27 Сентября 1860 г. Москва.

Добрѣйшій Александръ Андреевичъ!

Съ 1-го Августа мы все собирались выѣхать въ Россію, прямо въ Петербургъ, гдѣ я надѣялся обнять тебя, и кончилося тѣмъ, что я очутился въ Москвѣ. Запоздали же мы своимъ выѣздомъ потому, что, надобно тебѣ сказать, что семейство наше можетъ быть названо по всей справедливости подвижнымъ лазаретомъ. Изъ пяти членовъ его: 3-хъ дамъ и 2-хъ мужчинъ, четверо поочередно или попарно хвора-

Библиотека "Руниверс"

ютъ.—Такимъ образомъ, мы провели въ Гамбургѣ цѣлый мѣсяцъ, ежедневно собираясь и ежедневно откладывая отъѣздъ въ Россію. Только въ концѣ Августа мы въ одинъ день перенеслись въ Дрезденъ, но тамъ прихворнули 10 дней; точно такимъ образомъ добрались мы до Варшавы. Городъ этотъ и прежде не блисталъ порядкомъ и опрятностію, но теперь онъ достигъ до крайнихъ предѣловъ свинства. Вонь на улицахъ такъ сильна, что при выѣздѣ женѣ моей сдѣлалось дурно. Можетъ быть, если бы я прибылъ въ Варшаву изъ Россіи, то она не поразила бы меня своею неопрятностію и безпорядкомъ, но я слишкомъ три года провелъ за границей и началъ уже привыкать къ чистотѣ. Объ администраціи и новыхъ порядкахъ скажу только, что поляки съ сожалѣніемъ вспоминаютъ времена Паскевича, которыя, однако же, могутъ назваться золотымъ вѣкомъ царства Польскаго.—

Въ Варшавѣ я нашелъ нѣсколько сослуживцевъ и стараго товарища по академіи *Семеку*. Какъ лицо административное, онъ не осуждаетъ никого, но и то дѣлаетъ ему честь, что онъ отмалчивается и не защищаетъ виноватыхъ.—

Пробывъ въ Варшавѣ 10 дней, я взялъ уже мѣсто въ дилижансѣ, чтобы ѣхать въ Петербургъ, но счастливый случай, благодаря Бога, развязалъ меня съ почтовымъ вѣдомствомъ. Я узналъ, что жена бывшаго Московскаго оберъ-полицмейстера, ѣхавшая за границу, ищетъ случая отправить свою дорожную карету обратно въ Москву. Возможность ѣхать одному и останавливаться гдѣ угодно на ночлегъ, заставила меня измѣнить намѣреніе и не ѣхать уже на Петербургъ. Я предпочелъ пуститься прямо на Москву.—Путевыя мои впечатлѣнія я опишу послѣ, а теперь позволю себѣ сказать нѣсколько словъ о нашихъ почтовыхъ экипажахъ.

Во всѣхъ европейскихъ государствахъ почты устроены для публики. Поэтому конторы отправляютъ ежедневно такое число экипажей, которое могло бы поднять все число записавшихся пассажировъ. Въ Пруссіи достаточно явиться на почту за $^1/_4$ часа до отправленія ея, чтобы имѣть право на мѣсто и въ такомъ случаѣ, если всѣ мѣста заняты, запрягаютъ особую четвероместную карету для одного лишняго путешественника. И замѣть, что пассажиръ платитъ только за то пространство, которое дѣйствительно проѣхалъ, а не за весь путь дилижанса.—У насъ, напротивъ, пассажиры существуютъ для почты, то есть ихъ берутъ столько, чтобы они уплатили прогонныя деньги за дилижансъ и, чтобы казенныя посылки и письма перевезлись да-

Библиотека "Руниверс"

ромъ. Поэтому записываться надо недѣли за двѣ, а заплатить долженъ за весь путь отъ Варшавы до Петербурга, хотя желалъ я ѣхать только до г. Острова.—О разныхъ другихъ неудобствахъ я уже не говорю, это было бы слишкомъ длинно.—Итакъ я выѣхалъ въ собственномъ, то есть въ чужомъ, экипажѣ прямо на Москву.—Шоссе въ Царствѣ Польскомъ отвратительно, лошади тощія и потому надо было запрягать шестерикъ; я долженъ, однако же, сказать, что по мѣрѣ удаленія отъ центра управленія, то есть отъ Варшавы, и дороги и почты становятся исправнѣе; за Брестомъ-Литовскимъ я началъ чувствовать, что я дѣйствительно въ Россіи: напримѣръ, хочу ночевать; красивенькій станціонный домикъ въ готическомъ вкусѣ такъ и манитъ на ночлегъ, но только отворишь дверь, какъ тебя обдастъ нестерпимая вонь, въ коридорѣ на старой рогожкѣ или на изодранной шинели, свернувшись въ клубокъ какъ собаки, спятъ сторожъ, староста и очередной ямщикъ.—Входишь въ пассажирскій покой; паркетный полъ покрытъ какимъ то безымяннымъ тряпьемъ, диваны подъ засаленными чехлами. Несмотря на это, измученный и усталый, стараешься уснуть, но много черезъ часъ просыпаешься отъ страшнаго зуда по всему тѣлу: клопы, блохи и въ особенности мухи (кусающія даже въ потемкахъ) не дадутъ уснуть ни на минуту.—Такихъ ночей я провелъ 8, пока добрался до Москвы, гдѣ остановился въ домѣ Варгина. Варгинъ заслуживаетъ, чтобы объ немъ сказать нѣсколько словъ, въ особенности. Будучи за границей, онъ имѣлъ случай убѣдиться въ удобствѣ тамошнихъ chambres garnies и возымѣлъ намѣреніе устроить въ Москвѣ нѣчто подобное. Это удалось ему какъ нельзя лучше. (Я забылъ тебѣ сказать что Варгинъ русскій купецъ и вдобавокъ старообрядецъ.) Онъ меблировалъ и отдѣлалъ, не щадя денегъ, 2 дома: стѣны обиты штофомъ, мебель бархатомъ, повсюду дорогая бронза, часы, лампы и все это съ большимъ вкусомъ и удобствомъ. Каждая квартира снабжена тонкимъ бѣльемъ, посудою и серебромъ. Однимъ словомъ, пріѣзжему надо имѣть только свою одежду. Прислуга у Варгина вся состоитъ изъ русскихъ (кажется тоже раскольники), опрятно одѣта въ русское платье; она усердна, расторопна и вынослива. Варгинъ доказалъ, что русскій заѣзжій домъ можетъ существовать безъ клоповъ, блохъ и таракановъ.

Правда, что за семь чистыхъ комнатъ (кромѣ службъ) мы платимъ 350 р. сер. въ мѣсяцъ, но, несмотря на столь дорогую плату мы намѣревалися остаться тамъ на всю зиму, если бы квартира наша не была уже сдана на 1-ое Октября.—Пришлось искать квартиру. Агенты наши рыскали по цѣлому городу, жена и сестры ея заѣздили лошадей и были поражены неопрятностію московскихъ домовъ. За границею

Библиотека "Руниверс"

легко найти роскошную квартиру, еще легче встрѣтить простенькую и опрятную, попадаются, наконецъ, и не совсѣмъ чистыя; но въ такомъ случаѣ можно быть увѣрену, что въ ней проживало русское семейство.— Въ Москвѣ грязь повсемѣстна, о маленькихъ и дешевыхъ квартирахъ говорить нечего, онѣ всѣ грязны; но даже жилища богатыхъ людей представляютъ печальный контрастъ роскоши съ неряшливостью, мотовства со скаредностью. Осмотрѣвъ множество домовъ, мы рѣшительно не нашли ни одного опрятнаго: за великолѣпными пріемными комнатами слѣдуетъ темный и грязный буфетъ, спальни съ оборванною мебелью и кухня съ сгнившими поломъ и тараканами. (Прислуга вѣроятно спала въ прихожихъ на полу). Мы наняли наконецъ 7 комнатъ (кромѣ людскихъ) за 200 р. сер. въ годъ.—Въ продолженіе 3 недѣль мы ее мыли, чистили, обклеивали. Если вздумаешь, то вотъ мой адресъ: на Малой Дмитровкѣ, въ приходѣ Стараго Пимена, въ домѣ Хлюстиной (бывшемъ Писемскаго).

Мы только что переѣхали, еще не разложились и не устроились, покупаемъ шкафы и комоды, потому что, кромѣ штофомъ обитой мебели, мраморныхъ статуй, хозяйственныхъ принадлежностей и удобства нѣтъ.—А замѣть себѣ, что предмѣстникъ нашъ Писемскій давалъ по два бала въ недѣлю и держалъ собственныхъ музыкантовъ. Гдѣ они спали—Богъ знаетъ.

Москва до сихъ поръ довольно пуста: здѣшній „beau monde“ или за границею, или не воротился еще изъ деревни, одни купцы щеголяютъ экипажами и лошадьми, зато чернаго народа тьма.—Я не понимаю зачѣмъ они цѣлый день шляются по улицамъ, какъ будто у нихъ нѣтъ занятій. Пьяныхъ очень много, но полиція подбираетъ только тѣхъ, которые не могутъ подняться на ноги. Дамы мои были удивлены и даже перепуганы огромнымъ количествомъ арестантовъ, которыхъ безпрестанно водятъ по улицамъ. Не понимаю зачѣмъ ихъ таскаютъ. Нѣтъ сомнѣнія, что и въ Европѣ есть преступники, но, въ продолженіе всѣхъ моихъ вояжей я разъ только видѣлъ (и то въ Австріи) какъ два жандарма везли арестанта. У насъ, вѣроятно, это дѣлается для здоровья узниковъ; жаль только, что они не умѣютъ оцѣнить столь филантропической мѣры и часто бѣгаютъ.—Я имѣю право это говорить потому, что не дальше какъ вчера ѣздилъ въ полицію по дѣлу сестры моей жены. У ней вытащили во время служенія въ Сергіевской Лаврѣ, при мощахъ девять тысячъ руб. сер. Вора поймали, но денегъ, конечно, не нашли.—При слѣдствіи оказалось, что онъ уже 4 раза бѣгалъ изъ подъ ареста и что, между прочимъ, онъ уже

Библиотека "Руниверс"

укралъ 30 т. р. Надо надѣяться, что его теперь будутъ держать строже и не отдадутъ на порученіе товарищамъ. Такъ по крайней мѣрѣ мнѣ обѣщалъ слѣдственный приставъ. Но воротимся къ Москвѣ.

Городъ до сихъ поръ не освѣщенъ газомъ, тогда какъ за границей я видѣлъ множество деревень, имѣющихъ газъ. Ночью такъ темно на улицахъ, что дамы мои боятся выѣзжать вечеромъ. Мостовая такая же какъ и въ Петербургѣ, тротуары кирпичные; нечистота повсюду, и въ особенности, въ полдень, когда дворники начинаютъ мести улицы и осыпаютъ соромъ проѣзжающихъ и проходящихъ. На перекресткахъ рѣдкая улица прописана, многіе дома безъ номеровъ, да и номера ведутся по цѣлому городу; вообще Москва напоминаетъ времена Бориса Годунова и Шуйскаго. Порядки въ ней, полагаю, съ тѣхъ поръ не измѣнились. Публика ждетъ сюда оберъ-полицмейстера Потапова, въ надеждѣ, что онъ переловитъ воровъ и заведетъ порядки. Сомнѣваюсь въ успѣхѣ его.—

Здоровье мое по прежнему плохо, но, пока еще не начались холода, припадки не такъ сильны и часты, какъ я ожидалъ. Дня два тому назадъ случился, однако, морозъ и я очень страдалъ. Поэтому со страхомъ думаю или, правдивѣе сказать, стараюсь не думать о предстоящихъ морозахъ, вьюгахъ, снѣгахъ и прочихъ сѣверныхъ удовольствіяхъ. Впрочемъ, все это я предвидѣлъ и если согласился пріѣхать въ Москву, то единственно, чтобы потѣшить добрую жену.

5-го Ноября. Предчувствіе не обмануло меня, цѣлый мѣсяцъ промучился я съ своими болями въ постелѣ и потому не могъ докончить этого посланія. Тяжело и долго тянулся этотъ мѣсяцъ; ночи я провожу прескверно, встаю въ 6 часовъ утра, перебираюсь въ кабинетъ на кушетку утомленный, какъ будто я рубилъ дрова. Въ серединѣ дня мнѣ становится легче, но тутъ завтракъ, визиты, а иногда прогулки въ крытой каретѣ, берутъ свободное отъ болей время. Вечеромъ я не могу ни читать, ни писать, въ глазахъ какой то туманъ и песокъ, въ десять часовъ я уже въ постелѣ. И такимъ образомъ проходитъ день за днемъ, а письма лежатъ и напрасно ждутъ окончанія.

Зиму проведу въ Москвѣ и мнѣ бы очень хотѣлось съѣздить въ Петербургъ, посмотрѣть на моихъ стариковъ, обнять тебя, порадоваться твоимъ успѣхамъ и послушать италіанскую оперу, до которой я страшный охотникъ. Говорятъ, что въ Москвѣ есть какіе то итальянскіе

Библиотека "Руниверс"

крикуны, но, судя по всѣмъ прочимъ московскимъ удовольствіямъ, это должны быть какіе нибудь промотавшіеся шарлатаны; не ожидаю отъ нихъ ничего порядочнаго. Правда ли, что театры будутъ открыты съ 4-го Декабря? Трауръ и такъ сдѣлалъ мнѣ убытокъ: не предвидя его, я сдѣлалъ женѣ нѣсколько великолѣпныхъ цвѣтныхъ платьевъ, которыя теперь лежатъ и, конечно, выйдутъ изъ моды, а между тѣмъ пришлось сшить черный костюмъ.—Я просилъ жену подождать съ трауромъ, пока я получу пенсію изъ Комитета раненыхъ, но терпѣніе видно не изъ числа ея добродѣтелей. Она пожертвовала, однако жъ, для меня шлейфомъ, который по моему чину она могла бы имѣть въ аршинъ длиною. И за то уже ей спасибо! Вообще надо замѣтить, что большая часть московскихъ дамъ, даже и тѣ, которыя не имѣютъ экипажей, считаютъ себя принадлежащими къ Императорскому Придворному Штату. Впрочемъ, это не мѣшаетъ имъ разсказывать нелѣпѣйшія вѣсти и сплетни.

О крестьянскомъ вопросѣ также толкуютъ вкривь и вкось. Въ послѣднее время, не знаю почему, разнесся слухъ, будто онъ будетъ рѣшенъ въ пользу помѣщиковъ, что несказанно обрадовало послѣднихъ. На этомъ основаніи имѣнія опять нѣсколько вздорожали и дома упали въ цѣнѣ. У меня два зятя, то есть мужья моихъ сестеръ, имѣютъ деревеньки въ Можайскомъ уѣздѣ и потому очень принимаютъ къ сердцу этотъ вопросъ.

Но я опять отвлекся отъ моихъ собственныхъ плановъ: весною, если только здоровье позволитъ, я думаю ѣхать въ деревню жены, въ Симбирскую губ., гдѣ проживу все лѣто, а осенью полагаю отправиться за границу, то есть въ благословенную Ниццу, которая оплакиваетъ теперь кончину своей благодѣтельницы Императрицы Александры Ѳеодоровны. Надѣюсь, что присоединеніе Ниццы къ Франціи не перемѣнитъ ни цвѣта неба, ни красоты моря Средиземнаго. Не даромъ Гарибальди, завоевавшій Сицилію и Неаполь, не можетъ простить Наполеону похищеніе его родины.—Да и какъ не любить такую родину, какъ вѣчно цвѣтущая Ницца! Я провелъ въ ней всего три зимы, но не проходитъ дня, чтобы я не переносился туда думою, не тосковалъ о ея цвѣтущихъ ущельяхъ, о ея голубомъ небѣ и прозрачномъ морѣ. Впрочемъ, предполагающаяся поѣздка въ Ниццу зависитъ отъ столькихъ обстоятельствъ, что я могу только мечтать о ней.

Я твердо намѣренъ побывать въ Петербургѣ, и желалъ осуществить это теперь, но жена не пускаетъ безъ себя, а вмѣстѣ съ нею не оберешься хлопотъ.

Библиотека "Руниверс"

Съ какою радостью я обниму тебя за все, что ты для меня сдѣлалъ.

Прощай, дорогой, добрѣйшій Александръ Андреевичъ, напомни обо мнѣ милой супругѣ твоей и не забывай

твоего стараго друга и почитателя

Агатона Вранкена.

Письмо фельдмаршала князя Александра Владиміровича Барятинскаго къ Александру Андреевичу Неверовскому.

Милостивый Государь,

Александръ Андреевичъ!

Ваше Превосходительство весьма меня обяжете, если возьмете на себя трудъ изложить письменно, хотя и въ общихъ чертахъ, ту систему постепеннаго завоеванія Дагестана, о которой Вы мнѣ говорили въ Александрополѣ, и которая своею послѣдовательностью показалась мнѣ самою надежною и практическою изо всѣхъ мнѣ извѣстныхъ того же рода преположеній.

Опасаюсь только, что, можетъ быть, составленіе этой записки отниметъ у Васъ нужное и драгоцѣнное время;—а потому прошу Васъ, не стѣсняясь этимъ дѣломъ, заняться имъ тогда только, когда Вамъ будетъ болѣе удобно.

Пользуюсь случаемъ, чтобы поздравить Васъ съ праздникомъ и просить Ваше Превосходительство принять увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи и преданности.

А. В. Барятинскій.

1-го Апрѣля 1855 г. Тифлисъ.

Сообщ. **Баронесса Е. А. Клейстъ.**

При семъ выпускѣ всѣмъ подписчикамъ разсылается извѣщеніе книгоиздательства „Мусагетъ“ о выходѣ въ свѣтъ перевода Сведенборга.

Библиотека "Руниверс"

И. Ф. ПАВЛОВСКІЙ. Первое дополненіе къ кратк. біограф. словарю ученыхъ и писателей Полтавской губ. Изданіе Полтавской Учен. Архивн. Комиссіи. Полтава 1913. 8-ка. 2 ненум. стр.+85+2 ненум. Съ портретами.

Въ прошломъ году мы привѣтствовали „Словарь" неутомимаго сѣятеля на нивѣ отечествовѣдѣнія (Русск. Арх., 1912, вып. 9). Въ настоящее время 85 біографій, дополняющихъ Словарь, свидѣтельствуютъ о прежней неутомимости почтеннаго во всѣхъ отношеніяхъ Ив. Франц. Павловскаго. Но онъ обѣщаетъ еще „Администраторовъ, общественныхъ и другихъ дѣятелей Полтавской губерніи" и собралъ уже до 500 біографій. Въ бытность Цесаревичемъ, Александръ Александровичъ писалъ къ К. П. Побѣдоносцеву: „какъ завидуешь людямъ, которые могутъ жить въ глуши и приносить истинную пользу.... Работаютъ они тихо, безъ фразъ и хвастовства". Эти слова, конечно, на слуху у полтавскаго Тацита.

Пав. Россіевъ.

Труды Саратовской Ученой Архивной комиссіи. Выпускъ 30-й, 1913 годъ. Саратовъ. 1913. Стр. 366+47+II. Цѣна 3 р.

Въ тридцатый выпускъ „Трудовъ Саратовской Ученой Архивной комиссіи" вошли статьи: „Архивы Саратовской губерніи", „Обзоръ Пугачевскихъ дѣлъ изъ Астраханскаго архива", „По поводу записи 1682 года на Прологѣ Братства Св. Креста въ Саратовѣ", „Списокъ Саратовскихъ и Царицынскихъ воеводъ XVII вѣка" А. А. Гераклитова; „Изъ прошлаго Саратова" В. І. Жеребцова: „Поѣздка въ Зубриловку въ 1912 году" Н. Н. Боева; „Дополненіе къ сборнику—Участіе Саратовской губерніи въ Отечественной войнѣ 1812 года" Н. Ф. Хованскаго; „Борьба съ сектанствомъ въ Балашевскомъ уѣздѣ" Ф. П. Коновалова; „Древности Вольской единовѣрческой церкви", „Покровская церковь въ Вольскѣ" В. Г. Еланскаго; „Химическій анализъ бронзовыхъ зеркалъ" В. В. Челинцева; „Матерьялы по археологической картѣ Кузнецкаго уѣзда", „Кладъ Джучидскихъ монетъ" А. А. Кроткова; „Къ открытію въ Саратовской губерніи стоянъ и городищъ мѣднаго вѣка", „Краткій отчетъ объ археологическихъ развѣдкахъ въ 1912 году" и „Археологическая развѣдка въ окрестностяхъ слободы Даниловки, Камыш. уѣзда" Б. В. Зайковскаго; „Предварительныя развѣдки въ окрестностяхъ села Елани, Сердобскаго уѣзда" Д. Л. Бороздина; „Курганы съ окрашенными костяками" С. А. Щеглова; „Собирайте русскую бытовую старину!" Б. В. Зайковскаго; „Кладовая запись" С. А. Щеглова; „Саратовцы, писатели и ученые" (А-К) С. Д. Соколова; протоколы засѣданій комиссіи и отчеты. Ко многимъ статьямъ приложены довольно хорошо исполненные иллюстраціи и планы.

Извѣстія Общества Изученія Олонецкой губерніи. Подписная цѣна (8 №№ въ годъ) 3 р. Отдѣльный № 50 коп.—1913 годъ, № 1. Стр. 100 12+18. Петрозаводскъ. 1913.

Въ первомъ выпускѣ „Извѣстій" основаннаго въ семъ году „Общества изученія Олонецкой губерніи" помѣщены статьи гг. Шидловскаго, Михайлова, Галченко, Благовѣщенскаго, Ѳедорова, Вебера и др.—Новое О-во ставитъ себѣ цѣлью изслѣдованіе Олонецкаго края въ отношеніи историческомъ, бытовомъ, географическомъ. При О-вѣ образовывается музей научный, естественно-историческій, этнографическій и археологическій музей, собранія котораго въ будущемъ поступятъ въ музей Олонецкаго края, который будетъ воздвигнутъ губернскимъ земствомъ въ память 300-лѣтія Дома Романовыхъ въ Петрозаводскѣ.

Библиотека "Руниверс"

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

1913 годъ.

(Годъ 51-ый).

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1913 году, за **двѣнадцать выпусковъ** съ пересылкой и доставкой **девять рублей**, для чужихъ краевъ **двѣнадцать рублей**.

Подписка въ Москвѣ въ конторѣ Русскаго Архива на Садовой у Ермолая, въ домѣ 21 (на дворѣ) и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени.“

Контора открыта ежедневно кромѣ праздниковъ отъ 12 до 4 час. дня.

Книгопродавцамъ контора дѣлаетъ уступку 5%.

За перемѣну адреса тридцать копѣекъ.

Журналъ выходитъ на старыхъ основаніяхъ съ привлеченіемъ новыхъ сотрудниковъ.

Жалоба на неполученіе принимается лишь въ теченіе мѣсяца со дня выхода книжки, при чемъ жалобщикъ долженъ заявить № своей бандероли, что и при перемѣнѣ адреса.

Въ видѣ приложенія подписчикамъ будетъ разослано собраніе статей и примѣчаній почившаго составителя „Русскаго Архива“ Петра Ивановича Бартенева.

Отвѣтственный редакторъ **Н. С. Бартенева.**

Издатель и составитель **Петръ Бартеневъ** (младшій).

Библиотека "Руниверс"